

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ

ЛЕНИНЕ

ТОМ

8

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Scan: Ershov V. G., 2007

**ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ
СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!**

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ

ЛЕНИНЕ

В ДЕСЯТИ
ТОМАХ

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ
ЛЕНИНЕ

ТОМ
8

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1991

Редакционная коллегия:
М. П. МЧЕДЛОВ, А. П. ПОЛЯКОВ,
А. М. СОВОКИН

Составители восьмого тома:
В. А. РОДИОНОВ, А. П. ЩЕРБАКОВА

В77   **Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. Т. 8/Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.— М.: Политиздат, 1991.— 383 с.: ил.**
ISBN 5—250—01423—2 (т. 8)

Настоящий том завершает рассказ о жизни и деятельности В. И. Ленина. Воспоминания, включенные в него, дают возможность ощутить ту борьбу за власть, которая развернулась в партии во время болезни Ленина. Перед читателями проходит самый трагический период биографии Владимира Ильича — несгибаемого политического борца, мудрого руководителя партии и государства, простого и чуткого человека.

Издание иллюстрировано, рассчитано на массового читателя.

В 0103020000—227 Подписное
079(02)—91

ББК 13.5

ISBN 5—250—01423—2 (т. 8)
ISBN 5—250—01019—9

© Составление РОДИОНОВ В. А.,
ЩЕРБАКОВА А. П., 1991

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В восьмом томе собраны воспоминания о последнем периоде жизни В. И. Ленина. В этой книге освещается в основном тот этап его деятельности, когда советское общество переходило к новой экономической политике. До сих пор идут споры об этом кратком периоде осуществления нэпа при Ленине, о творческом потенциале новой экономической политики, о политическом и методологическом богатстве идей того времени.

Ленину не удалось осуществить того, что сделало бы основные завоевания Октября необратимыми. На проведение нэпа жизнь отпустила ему менее трех лет. А ведь Ленину самому приходилось пересматривать уже устоявшиеся традиционные взгляды, порожденные годами так называемого «военного коммунизма». Работы этого периода, выступления и особенно воспоминания об этом времени показывают, как не просто и для Ленина осуществлялся переход к таким реалиям нэпа, как торговля, расширение сферы товарно-денежных отношений, отступление к государственному, кооперативному и частнохозяйственному капитализму и т. п.

Проводимая политика ставила вопросы не только перед руководителями нашей страны. Ее приходилось разъяснять и представителям партий других стран, объединившихся в Коммунистический Интернационал.

Жизнь В. И. Ленина — это жизнь политического борца, равного которому не было в истории XX столетия. Поэтому мы так пристально всматриваемся в штрихи его биографии.

Владимир Ильич к окружающим его людям был очень внимателен. Товарищей по работе он щадил. А вот себя — не умел и не мог научиться этому до самой смерти.

До конца 1921 года — на протяжении своей революционной деятельности он поражал всех своей неутомимостью и не ослабевающей энергией. Он буквально сжег себя в огне постоянного нечеловеческого напряжения.

Признаки недомогания у Владимира Ильича появились задолго до той роковой минуты, когда первый удар в конце мая 1922 года лишил его на время речи.

С этим ударом могучий организм Владимира Ильича справился быстро. Летом врачи позволяют ему понемногу трудиться.

К осени Владимир Ильич вернулся к работе и уже 31 октября 1922 года выступал на четвертой сессии ВЦИКа.

13 ноября Ленин делает доклад на IV конгрессе Коминтерна. Произносит речь уже больной, несмотря на уговоры близких не

делать этого. Только нечеловеческая сила воли дала ему возможность закончить свою речь.

Но это не последнее его выступление. Через неделю (20 ноября) его программную речь слушают участники пленума Московского Совета.

В декабре приступы болезни возобновились и Владимир Ильич слег. Но, лишившись возможности писать, он день за днем диктует «политическое завещание» партии.

Трудно переоценить значение последних писем и статей Ленина, продиктованных им во время болезни с 23 декабря 1922 по 2 марта 1923 года: «Письмо к съезду», «О придании законодательных функций Госплану», «К вопросу о национальностях или об «автономизации», «Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова)», «Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение XII съезду партии)», «Лучше меньше, да лучше».

По богатству мыслей и важности выдвинутых в них теоретических положений эти работы занимают особое место в ленинском идейном наследии. Органически связанные между собой, они представляют, по сути дела, единый труд, в котором Ленин развивает выводы и идеи, содержащиеся в его предшествующих произведениях.

Тяжело больной, прикованный недугом к постели, он думает только об одном: о судьбах рабочего класса, о судьбах трудящихся, угнетаемых и эксплуатируемых.

Новый удар 9 марта 1923 года, паралич правой половины тела лишает его речи. Наступает самый трагический период жизни.

Однако могучий организм не сдается. Со второй половины июля Владимир Ильич начинает чувствовать себя лучше, но он хочет не только жить, но и продолжать работать. Ленин прикладывает огромные усилия, чтобы научиться писать левой рукой, овладеть речью.

...Работать ему более уже не пришлось: 21 января 1924 года новый и последний удар оборвал его жизнь.

Владимир Ильич умер в возрасте неполных 54 лет. В нормальных условиях он мог, наверно, жить и работать еще долгие годы.

* * *

Значительная часть воспоминаний приводится по источникам 20-х годов, когда в памяти мемуаристов были еще свежи впечатления недавнего прошлого. Некоторые из них печатаются по последним прижизненным публикациям или заново просмотренным и исправленным авторами. Материалы, по возможности, расположены в хронологическом порядке. Примечания авторов воспоминаний подписаны их инициалами, остальные даны составителями. В конце тома приводятся краткие биографические сведения об авторах мемуаров и указатель имен, встречающихся в тексте.

В. В. АДОРАТСКИЙ
А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ
Г. В. ЧИЧЕРИН
Д. И. КУРСКИЙ
А. А. ЛЕВИЦКИЙ
Н. П. ГОРБУНОВ
В. ФАРОБИН
Г. А. МОРГУНОВ
А. Л. ВАЙНШТЕЙН

Л. ВИЛЮМСОН
Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ
А. И. ЕМШАНОВ
А. Д. ОЧКИН
А. Г. ШЛИХТЕР
С. А. АГАМАЛИ ОГЛЫ
Н. А. УГЛАНОВ
Т. Ф. ЛЮДВИНСКАЯ
А. ЛОЗОВСКИЙ

Scan: Ershov V. G., 2007

В. В. АДОРАТСКИЙ

ЗА ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ

(Встречи с Владимиром Ильичем)

IV ¹

Попав за границу летом 1914 года, я опять немедленно списался с Владимиром Ильичем, который тогда жил в Кракове. Меня интересовал тогда национальный вопрос, и, помнится, Владимир Ильич в своем письме рекомендовал мне брошюру Паннекука и Штрассера. Мне очень хотелось съездить к Владимиру Ильичу, но заставшая нас внезапно война помешала мне. Я на целых четыре года застрял в Германии в положении гражданского пленного вместе с женой и дочерью.

Только в августе 1918 года мне удалось вернуться в Россию после того, как приехала в Германию наша миссия. Я немедленно же написал Иоффе, прося его дать мне возможность вернуться в Россию, на время же до моего отъезда я выражал свою полную готовность, если это нужно, взять на себя обязанности консула в Мюнхене. За справкой обо мне я просил обратиться к Владимиру Ильичу.

Разрешение выехать с первым эшелоном русских гражданских пленных пришло скорее, чем выяснился вопрос, нужен ли в Мюнхене консул, и в первых числах августа я был уже в Москве.

По приезде я первым же долгом пошел к Владимиру Ильичу.

Пришел я к нему около 4 часов. Написал ему записку. Меня немедленно пропустили к нему. Он стоял в своем кабинете на стуле у карты Европейской России и рассматривал северную ее часть. Я не видел его с 1912 года. На мой взгляд, он нисколько не изменился. Это был тот же веселый, милый, простой Владимир Ильич. Мы с ним поцеловались. Он меня усадил и, по-видимому, поразился моим истощенным видом. Он сказал, что получил запрос обо мне по поводу возможности назначения меня консулом в Мюнхене, на этот запрос он немедленно ответил согласием и рекомендовал меня как человека ему известного, поэтому думал, что я получил уже это назначение. Вошел Я. М. Свердлов, которого я знал как тов. Андрея еще по работе в Казани в 1905 году. Разговор зашел о Германии и о будущей германской революции. Я сообщил те факты, которые были мне известны. Настроение в Германии тогда начинало отдаленно напоминать настроение в России кануна 1905 года.

По состоянию своего здоровья, сильно надорванного систематическим голоданием в последние годы германского плена, я не мог заняться какой-либо работой, кроме чисто кабинетной. С Владимиром Ильичем мне приходилось встречаться только изредка.

---

¹ Начало воспоминаний В. В. Адоратского см. в кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 10 т. М., 1989. Т. 3. С. 137—144. *Ред.*

Зиму 1919/20 года я провел в Казани. Владимир Ильич несколько раз спрашивал о том, как я живу, не нужно ли мне чего-нибудь, просил писать ему, пересылая ему письма через военные власти. В письме от 6/IV 1920 года Владимир Ильич писал:

«т. Адоратский!

Я передал тов. Ходоровскому, прося помочь Вам насчет пайка, дров и пр.

Он обещал это сделать.

Пишите мне с оказией (через военных лучше)

1) сделано ли что-либо для помощи Вам? пайком? дровами?

2) не надо ли еще чего?

3) можете ли собрать материалы для истории гражданской войны и истории Советской республики?

Можно ли вообще собрать в Казани эти материалы? Могу ли я помочь?

Комплекты «Известий» и «Правды»? Многого не хватает?

Могу ли я помочь достать недостающее?

Прошу Вас написать мне, дать Ваш адрес.

Лучшие приветы!

Ваш Ленин»¹.

Заваленный массой работы, Владимир Ильич находил время помнить о тех разговорах, которые мы с ним вели перед моим отъездом в Казань, и думать о том, как помочь товарищу и не нужно ли ему чего.

V

В августе 1920 года я был вызван в Москву для того, чтобы работать по собиранию материалов по истории революции. Приехав в Москву и не видев Владимира Ильича около года, я, конечно, счел себя вправе пойти к нему. Он расспрашивал меня о работе, о моей жизни в Казани. Я рассказал ему, между прочим, что весной 1920 года я провел с большим удовольствием в течение приблизительно месяца один созыв губпартшколы, но что состав этой школы был несколько ниже созыва 1919 года, на котором я тоже читал лекции. Услыхав об этом понижении уровня состава, Владимир Ильич сейчас же забеспокоился и просил меня через секретаря губкома выяснить причины этого.

Речь зашла у нас о переписке Маркса и Энгельса. Мне ее не удавалось до сих пор прочесть целиком, а я, конечно, ею очень интересовался. Владимир Ильич стал развивать мне план работы, которую, по его словам, необходимо было произвести возможно скорее. «Бебель и Бернштейн,— говорил Владимир Ильич,— похоронили богатейшее наследство Маркса и Энгельса в четырех толстых томах, которые будут читать только ученые дураки, вроде нас с Вами». Необходимо сделать выборку важнейшего, сделать это до-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 176.

ступным широким кругам рабочих, сделать так, чтобы, действительно, подлинного Маркса читали. Такой относительно небольшой сборник необходимо перевести на европейские языки, потому что Маркса на Западе знают, может быть, еще меньше, чем у нас, в России. По словам Владимира Ильича, «Критика Готской программы» во Франции, например, совсем неизвестна.

Я, конечно, с восторгом согласился заняться этой предложенной мне работой. Владимир Ильич поспешно пошел к себе на квартиру и вернулся оттуда с четырьмя томами переписки. Кроме того, он дал мне еще различной литературы и разрешил пользоваться его библиотекой. Он хотел мне дать также свои заметки, оставшиеся у него еще от 1913 года, когда он впервые читал все четыре тома переписки, но тетрадка эта не находилась. Она все же потом нашлась, и Владимир Ильич прислал мне ее¹, когда у меня все уже письма были прочитаны. Я все тщательно пересмотрел снова. Отмеченные мною письма были отмечены и у Владимира Ильича, но целый ряд замечаний в его тетради мной был использован. Кое-что я при беглом просмотре пропустил.

Вначале и Владимиру Ильичу, и мне казалось, что всю работу можно будет выполнить очень быстро, месяца в три. Но прошел год после первого нашего разговора, а я подготовил только еще сырой материал. Правда, все отрывки, выбранные мной, были уже переведены, но все в целом нуждалось еще в серьезной проработке. Владимир Ильич, интересовавшийся все время моей работой, писал после беглого просмотра всего материала в письме 2/VIII 1921 года:

«На письма мог лишь взглянуть. Конечно, придется Вам еще сильно сократить, связать, разместить, 2 и 3 раза обдумать, потом *кратко* комментировать. Работы, видимо, больше, чем казалось сначала.

Порядок (пожалуй, Вы правы) хронологический едва ли не удобнее»².

Это обдумывание 2 и 3 раза и комментирование заняло у меня всю зиму 1921/22 года. Ускорить эту работу я не мог, потому что был занят еще и другими делами.

В апреле 1922 года я получил от Владимира Ильича записку, где он писал следующее:

«Я по болезни не работаю и еще довольно долго работать не буду.

Черкните, как Ваши дела.

В частности, черкните насчет писем Маркса. (Я уеду на много недель; может быть, «заботу» о сем передать т. Каменеву, если он согласится?) Надо это дело двигать *и довести до конца*.

Ваш Ленин»³.

¹ Тетрадь В. И. Ленина, содержащая материалы четырехтомного издания переписки Маркса и Энгельса, была издана Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1959 г. отдельной книгой под заглавием «Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса. 1844—1883 гг.». *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 87.

³ Там же. Т. 54. С. 228—229.

Когда я получил эту записку, у меня сжалось сердце, я почувствовал, что положение Владимира Ильича серьезно. В ответе ему я писал, что работа по письмам Маркса у меня все время идет и что до конца я ее доведу во что бы то ни стало, но, к сожалению, целиком заняться этим делом не позволяют обстоятельства. В ответе Владимир Ильич писал, между прочим:

«Займитесь побольше письмами: важное *международное* дело. Выберите *важнейшие*. Примечания должны быть кратки, ясны, точны (+ сопоставлять отсылки Маркса с *такими-то* «авторитетными» буржуазными учеными-реакционерами).

Привет! Ваш Ленин»¹.

В конце апреля Владимир Ильич как-то вызвал меня к себе. Он, одетый, лежал в постели и читал. Это было вскоре после операции². Владимир Ильич начал расспрашивать меня о работе, причем интересовался мельчайшими подробностями. Каковы условия, в каких я живу, могу ли работать дома или в библиотеке и т. д. Узнав, что я сдал в печать рукопись моей книжки «Программа по основным вопросам марксизма», Владимир Ильич без моего ведома произвел нажим, и благодаря этому книжка была очень быстро отпечатана.

В последний раз я видел Владимира Ильича в конце 1922 года, когда он, вернувшись было к работе, снова почувствовал себя плохо и по предписанию врачей должен был ослабить напряженность своих занятий. Владимир Ильич позвонил как-то вечером ко мне по телефону и позвал зайти к нему. Он сидел у себя в кабинете. Я принес с собой и мог показать ему уже отпечатанные чистые листы моего сборника писем Маркса и Энгельса. Владимир Ильич заглянул в него и смеялся по поводу помещенного в конце вводной статьи письма Энгельса Марксу, где Энгельс советует Марксу пить вино, чтобы сохранить свой пыл.

Владимир Ильич выглядел бодрым и оживленным, но все же с грустью сказал мне, что теперь он инвалид и не может уже заняться работой вплотную. Я не хотел думать, что вижу его в последний раз...

Пролетарская революция.
1924. № 3. С. 102—106

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

ЛЕНИН КАК УЧЕНЫЙ И ПУБЛИЦИСТ

Отошедший от нас человек был велик во всех проявлениях своей личности. Нам, которым выпало на долю счастье быть более или менее близкими к нему, известно это хорошо. Мы поражались

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 234.

² Операция по извлечению пули, оставшейся после ранения в 1918 г., была произведена 23 апреля 1922 г. *Ред.*

исполинским силам и этого ума, который проявлялся не только в больших произведениях или больших актах своей замечательной, полной мирового значения жизни, но в процессе повседневной работы, при разрешении каждой проблемы, которую жизнь ставила перед ним. Мы поражались также его напряженной железной воле, воле поистине стихийной, не имеющей даже отдаленно ничего общего с той пресловутой расхлябанностью и обломовщиной, в которой обычно упрекают нас, славян.

Наряду с этим Владимиру Ильичу присуща была некая небывалая духовная грация, впечатление которой давалось той легкостью, с которой задачи, и маленькие и большие, им разрешались. Он был живым, веселым — мажорным человеком. Я почти не помню случаев, когда бы В. И. сколько-нибудь надолго омрачился или когда бы гигантская работа, умственная и моральная, им проводимая, напрягала, так сказать, его психическую мускулатуру. Он со всем справлялся играючи. При огромной серьезности, огромном чувстве ответственности, при требовательности такого же чувства ответственности от других он умел обволакивать работу и свою и тех коллективов, которые он привлекал к работе, какой-то уверенной бодростью и веселостью. Мы знали также его неизмеримую доброту. Частью этой доброты являлось глубочайшее товарищеское чувство по отношению к его политическим сотрудникам, необычайная ласковость к простым людям, которые к нему подходили и которые всегда уходили от него очарованные и влюбленные.

Но это только одна сторона, и, может быть, самая незначительная, этой доброты великана, которой он был преисполнен, которой он дышал. Другой и самой важной стороной был его бездонный и безграничный идеализм. Владимир Ильич терпеть не мог красивых фраз, никогда их не употреблял, никогда не писал красиво, никогда не говорил красиво и даже не любил, чтобы другие красиво писали и говорили, считая, что это отчасти вредит деловой постановке вопроса. Он ужасно не любил сентиментальности, и чрезвычайно редко из его уст не только в порядке официальном и публичном, но даже интимном, замкнутом слышались какие-нибудь фразы, имеющие моральный смысл, говорящие о любви к людям, к их будущему, об эмоциональных стимулах поведения. Не любил об этом говорить Владимир Ильич, но был преисполнен до мозга костей преданностью человечеству, как оно есть, за его страдания, за его бездорожье и темноту, и в этом смысле не только один пролетариат пламенно любил Владимир Ильич, но и крестьянство, трудовую массу вообще. В нем было глубочайшее и многообъемлющее сочувствие к страданиям масс, и любил он страстно, так, как другому, кто может или умеет, или хочет выражать более или менее в риторических формах свою любовь, не присниться никогда, любил светлое будущее человечества, которому служил всю жизнь. Не проявлялось это в нем внешне, но чувствовалось, как всепылающим огненным очагом в нем было это громадное сердечное величие. Может быть, от него, несмотря на черты, которые я указал, на его ласковость и прекрасные товарищеские чувства к близким, может быть, несмотря на это, имен-

но ввиду того, что доброта его была велика по масштабу, от него веяло холодком. Он был недобродушен, он бы не остановился ни перед какими жертвами, своими или чужими, если эти жертвы казались ему необходимыми для разрешения основной социальной проблемы. В социальном смысле слова он был бестрепетным хирургом, и для маленьких, добродушных людей, для маленьких добрячков, обывателей могло даже казаться, что Ленин жестокий, сухой, величавый геометр, зодчий, который не считается с тем, что строить ему приходится из человеческого леса и что щепки, которые при этом летят, это — человеческие страдания, человеческие жизни. Владимир Ильич это прекрасно знал, но именно ввиду величия дела с такими жертвами считаться не хотел и органически не мог. Он брал все в необычайно крупном размере и жил в атмосфере вопросов необычайно крупного масштаба, так, как другие живут в своей семейной обстановке.

Все эти черты В. И. нам уже давно казались в некоторой степени сверхчеловеческими, если это выражение в данном случае допустимо. Мы все без единого исключения, хотя наша партия обладает большими талантами и людьми, имена которых произносятся наряду с именем Ленина, мы все, несмотря на то что были эти другие, всегда сознавали огромную дистанцию между этими самыми крупными другими людьми и Лениным. Чувствовалось, что он какой-то другой породы по той естественности, с которой он несет свою громадную миссию, по тому отсутствию напряжения, при наличии ясности, четкости и почти абсолютной безошибочности разрешения проблем. И его душевная ясность, его какая-то инстинктивная уверенность, как нужно себя вести в личной жизни, в самых будничных отношениях, приводили к тому результату, что всегда получалась необычайная простота и именно потому, что всему этому была присуща необычайная простота. Всякий его чувствовал близким, родным. Сверхчеловечество не окружало его ореолом, не делало пафоса дистанции между великим человеком и окружающими. Он был Ильичем для близких, для далеких, для всего трудового мира, Ильичем, очень ласковым, добрым, своим, родным...

Таковы не все, конечно, а очень бегло намеченные черты его очаровательной социальной и интимной личности.

Если перейти теперь к его работе, к тому, что он сделал, исходя из своей несравненной интеллектуальной мощи и своей целостной морали, то нет тут никакой возможности сколько-нибудь детально, сколько-нибудь углубленно дать очерк этой нечеловеческой продукции в области теории, в области публицистики, в области общественной практики. Как ученый, писатель, публицист, оратор, как организатор какой-нибудь подпольной газеты целой системой комитетов, а позднее как организатор *международного рабочего протеста против предательства социал-патриотов*, как организатор величайшей мировой революции и государства небывалого типа и как глава этого государства в течение пяти труднейших лет, преисполненных внутренними и внешними кризисами, — человек этот делал столько изумительного, что, конечно, многие годы и десятилетия

пройдут, пока удовлетворительно будут исчерпаны, проанализированы, прокомментированы и использованы все материалы. В богатом мире, в богатой галерее великих представителей рабочего класса, класса, призванного служить самому великому и самому спасительному перевороту, который знала человеческая история, мы все-таки не найдем, кроме самого основоположника великого учения — Карла Маркса — ни одной фигуры, которая могла бы стать рядом с Лениным и по качеству самой природы своей и по величию дела, которое он создал.

Сегодня, здесь, в нашем собрании, мне хотелось бы избрать более специальную тему для беседы о В. И., потому что, хватаясь за характеристику всей работы, всего значения Ленина, рискуешь в условиях короткой речи впасть невольно в общие фразы. Входить в анализ хотя бы крупнейших из сочинений или актов Ленина невозможно в короткое время. Для этого нужно много времени и много сил, нужно вдуматься и подготовиться. Сами собой получаются восторженные фразы и одни попытки дать ощущение объема и размаха этого титана дела жизненного. Я хочу взяться за более узкую тему, хотя тоже с большим смущением. Мне хотелось бы сделать попытку нарисовать Ленина, как ученого и публициста, взять эту сторону его деятельности, страшно важную и неразрывно связанную с ним, как революционным тактиком, организатором и государственным человеком. Конечно, для этого нужно выступать не в тот момент, когда все мы потрясены глубочайшим горем, когда трудно о чем бы то ни было говорить, когда чувствуешь себя пораженным, временно, конечно, но все-таки пораженным какой-то болезнью коллектива, не доводящей до уныния скорбью, но все же скорбью, невыносимой, и, конечно, говорить об этом нужно было бы, много перечитав и создав себе соответствующий план беседы. И то, что я скажу, не может быть не чем иным, как импровизацией, случайной речью на эту тему. Так я и прошу отнестись к тому, что будет сказано. Но, может быть, те немногие мысли и воспоминания о В. И., которые придут мне на память, будут все-таки в некоторой степени достойны вечера, посвященного вами памяти великого человека.

В. И. Ленин, как руководитель рабочей революции в России, не мог не быть ученым и публицистом. Конечно, можно бы было себе представить какое-то разделение труда в этом смысле, — ну, если бы у нас был такой вождь, который бы охватывал либо вопросы тактики только, либо теории только, — но это значило бы, может быть, что наша революция не настоящая, не Великая революция. Одной из черт ее величия является то, что, подготовляясь в атмосфере назревавшего кризиса буржуазной революции против самодержавия и в атмосфере завоевания рабочего класса — первой социалистической революции, — она послужила атмосферой, в которой откристаллизовалась единственная в мировой истории партия — партия коммунистическая. Путем особого отбора (о строгости которого позаботилось само царское правительство), путем отсева в сторону меньшевистских типов, не соединявших в себе одновременно теоретической объективности, интеллигентской зоркости

и волевого напряжения, путем интимнейших химических соединений части интеллигенции с передовым слоем рабочего класса (и притом не просто квалифицированно-передовым, а передовым в смысле наибольшей подготовки восприятия и известного объема идей, искрящихся напряженностью волевых импульсов), — таким путем создавалась единственная в мировой истории партия, которая готовилась к революции 25 лет. Помимо коллективного опыта, который в эти 25 лет был вынесен партией, она пристально присматривалась к своим людям, выбирая из лучших самых лучших и из самых лучших еще более лучших. Таким образом выковывалась на практике иерархия, которая не была аппаратом просто, а была выделившимся в органическом процессе социальным органом сознания и воли. Так что не приходило в голову нам вопроса, как это мы будем подчиняться верхам. Это так же мало приходило нам в голову, как вопрос «стоит ли мне подчиняться моей голове и не лучше ли советоваться с левой ногой или со средним пальцем правой руки». Все в партии становилось на свое место, коллективная мысль связывалась. Это был колоссальный дисциплинированный человеческий механизм, механизм необычайно целесообразный, который мог развить максимум неудержимой и беспощадной энергии, раз выбрав известный лозунг. И конечно, это сделало то, что мы, при тяжелых условиях коммунистической революции в России и в таком окружении, в каком были мы, смогли все-таки победить.

Не единственно, конечно, строением и подготовкой нашей партии объясняется наша победа, но отчасти и ею, и в значительной мере потому, что самая такая подготовка этих черт партии, о которых я вам говорил, вытекает из данных условий и того, что революция должна была принять огромный размах, потому что это была революция против всего обветшавшего, внутренне изжившего себя самодержавного строя, и первую дирижерскую палочку должен был держать пролетариат, который мог в передовых своих слоях воспользоваться всем опытом революционного пролетариата и быть во всеоружии самых точных, далеко бьющих выводов. Это — то, что дала подпольная революционная партия, которую воспитывало дикое самодержавие своими гонениями и которая в то же время была массовой партией, идущей под знаменем марксизма, научного социализма. И было бы странно, если бы в великой стране, дававшей свое лучшее в эту партию, при строительстве всей иерархической пирамиды, — если уже вождь оказался, выдвинулся, закрепился, — чтобы этот вождь не был тем универсальным вождем, тем совершенно соответствующим вождем, которого история спрашивала.

Маркс по поводу Парижской Коммуны обронил такое замечание, что одной из причин падения Коммуны было отсутствие достаточно способных вождей. Это не значит, чтобы Маркс грешил против собственного положения о роли личности в истории, и Маркс разъяснил бы свою мысль в том смысле, что это не только причина дальнейшего поражения Коммуны, но что эта причина — одна из многих, может быть, не самая важная, вместе с тем и есть симптом, что пролетариат не располагал людьми, которым бы он верил, которые

имели бы авторитет и власть, у которых была бы программа, которые бы знали, как поступать в трудных обстоятельствах, у которых был бы за плечами анализ создавшегося положения. Обо всех, кроме Бланки¹, спрашивали: «кто это такой?», — и всякий был «кто-то такой», и было известно, что он завтра скажет. Одни писывали зигзагами в смысле романтики, были внутренне неуравновешены, а другие делали ошибки, потому что не были подготовлены. От этого французская Коммуна была революцией великой по своему моральному смыслу, но по своему размаху и результатам — какое сравнение может быть с нашей революцией! Никакого! Она является наряду с нашей революцией попросту почти что эпизодом.

Я говорю: естественно, что поскольку в течение 25-летнего подготавливающего периода выдвинулся великий вождь и поскольку речь шла о революции марксистской в отсталой стране, постольку ясно, что Ленин, вождь этой революции и организатор ее аппарата, не мог не быть ученым и публицистом. Сама революция стала представляться с точки зрения марксизма, как его понимал В. И. революционной наукой, научной проблемой и предполагала две плоскости подхода, две ступени подхода или, лучше, две стороны. Во-первых, громадная теоретическая задача: надо было ориентироваться в важнейших сторонах действительности, сообразить, например, в каком направлении и каким темпом идет развитие капитализма в России, потому что капитализм есть та основная предпосылка, которая определяет собой относительную силу пролетариата. Рост этой силы в обществе и даже то, в какой форме предстанут перед пролетариатом проблемы и во время самой борьбы и после нее, проблемы управления или проблемы экономического определения окружающей среды, — все это зависело от того, что будет из себя представлять Россия ко времени революции и в какой мере созревают предпосылки этой революции. Это зависело от анализа экономических глубин того общественного процесса, который происходил вокруг Ленина, и, во-вторых, от многих очень важных надстроек, появлявшихся на изменяющейся почве экономики.

Это — первая проблема, которая перед каждым марксистом должна была встать. Ее разрешал и Плеханов, предшественник и предтеча В. И., но ее нужно было разрешать вновь. Она разрешалась коллективно, но этой коллективной работе нужно было придать организованность. Вождю революции надо было самому заняться сводкой наблюдений, выводом из них, созданием подытоживающих работ, которые бы служили одновременно и базой нашей уверенности, определенным фундаментом для последующих подсчетов и лозунгом, и центром теоретическим, вокруг которого могла организоваться марксистская мысль.

Затем, конечно, отчасти и в связи с этим, но не совершенно совпадая с этим, идет другая аналитическая работа — анализ взаимоотношения классов русского общества, отчасти в их статике, т. е.

---

¹ Бланки (Blanqui), Луи Огюст — французский революционер, коммунист-утопист, организатор ряда тайных обществ и заговоров, активный участник революций 1830 и 1848 гг. *Ред.*

в их настоящем положении, и главным образом в их динамике, во внутренних изменениях роста и направления сил, которые действовали в недрах каждого класса. Это не совсем совпадает. Мы видим, как повернулось дело в 1905 году, когда Каутский разошелся с меньшевиком Мартовым именно по этому вопросу. Мартов, делая выводы о судьбах русской революции, говорил, что их нужно делать непосредственно из экономических предпосылок; раз состояние хозяйства такое-то и такое-то, то революция может протекать в таких-то рамках, в таких-то пределах. Каутский с ним не согласился в брошюре о движущих силах русской революции и указал на то, что в революционной практике нужно опираться на анализ классов, их сил, возможность союза и т. д. Само собой разумеется, если бы Россия была страной изолированной, то всякую констеляцию классов можно было бы объяснить основными экономическими факторами, но, поскольку речь шла о революции в стране отсталой и существующей рядом со странами, где вопрос социальной революции казался назревшим, этот вопрос становился под другим углом зрения, можно было сказать, что революция, которая сможет принять пролетарский характер, продержаться известное количество лет, может не оказаться безнадёжной, несмотря на отсталость страны. Это я привожу как пример. Стало быть, нужно было ориентироваться в этих двух важнейших линиях общественного процесса.

А затем после этого становилась научная же, но научно-прикладная работа: как же, ориентировавшись, видя свой путь, видя препятствия и возможности, выполнить роль, допустим, сотрудника, организатора, вносящего свет, сознание в такое гигантское стихийное явление, как революция? Тут и общетеоретические вопросы сейчас же встали: что такое, собственно, революционер, какова его роль по существу — только ли просветителя, который бросает луч света на происходящее, причем этот луч света скользит и освещает, может быть, но ничего органически и фатально не меняет в процессе революционных явлений, или революционер сознательный является организатором? (Как выражался в одной из книг В. И., революционные бактерии производят определенное брожение, конечно, в подготовленной среде, но брожение, совершенно меняющее результаты. Так что, если бы это брожение не произошло, пожалуй, на десятки лет оказался бы иным путь рабочего класса.) Можно ли революции помогать, только учтя действующие силы и в некоторой степени им содействуя, или тут нужно приложить максимум творчества и руководства? Заключается ли настоящая роль марксиста в том, чтобы быть *porte-parol*'ем¹ и выразителем масс, или он может выступать в качестве руководителя этих масс?

И вы знаете, как большевики разрешили все эти вопросы и как относились к этому наши тогдашние товарищи меньшевики, даже такие огромные умы, как сам Плеханов. Рабочий класс самоопределился, или, вернее, его определению способствовали те или другие экономические условия. По мнению меньшевиков, для того чтобы

---

¹ представителем (фр.). Ред.

быть руководителем рабочего класса, надо было учесть стадию его развития, учесть то, что он может исполнить, идти с ним в ногу или только на один вершок вперед, не отрывая рабочей интеллигенции от масс, не браться за разрешение политических задач в то время, когда рабочий класс еще о них не думает, и т. д. Все эти вопросы В. И. разрешил в совершенно другом духе, который заставлял меньшевиков говорить, что это — якобинство и эсеровщина. На самом деле это был настоящий марксизм, и в какой огромной мере скорбно, что этот процесс сознательной организованности все же недостаточно развернут. Надо было отдать все свои силы, чтобы развернуть элементы организованной и абсолютной сознательности в массах, вызвать подъем в них в условиях самодержавного режима, а потом создать партию, которая была бы штабом, мозгом, выразителем, авангардом и руководителем пролетариата, не говоря уже обо всем трудовом населении России. Вот эта проблема возникла, и В. И. разрешил этот вопрос в положительном смысле. Он отводил колоссальную роль сознательной воле, революционному авангарду. И в последнее время, уже незадолго до своей болезни, В. И. с необычайным блеском изложил это в своих замечательных речах и статьях о партии и классе. А потом шли уже специальные проблемы. Надо было установить всякие типы капитала, концентрацию его разного калибра в смысле соотношения капиталистических предприятий, темпа их развития. Учтя все это, надо было сделать выводы относительно возможных взаимоотношений классов, и тут, как вы помните, произошло колоссальное разделение между Лениным и Плехановым, который нашел, что в тогдашнем повороте Ленина к крестьянству слышится эсеровская старина. Этот водораздел наметился к пятому году и стал исходным пунктом для очень многих социальных явлений и различных фаз революции. В. И. много раз, не сразу, может быть, со всей широтой и решительностью подходил к вопросу о союзе пролетариата и крестьян, но в конце концов разрешил его с совершенно гениальной и исчерпывающей полнотой, практические результаты чего очевидны для каждого.

Все эти проблемы разрешены с глубочайшим анализом и умением проводить лабораторные опыты социального порядка. В. И. Ленин обладал всеми данными, необходимыми для научно мыслящего революционера. Как ученый, В. И. был необыкновенно объективен и холоден, неподкупен, чувство никогда не толкало его к приятным для него, но ложным выводам. Он был настоящим научным исследователем. Для него, конечно, наука никогда не была самоцелью. Она определялась, в последнем счете, практической задачей, но тем сильнее она должна была выступить, чем практические задачи были рискованнее.

Научная деятельность В. И. довольно многообразна, и его научное образование, не просто образованность, а именно его подготовка для научной работы была очень широка. Насколько могу припомнить из его всем известных трудов и его бесед, из его интересов, проявлявшихся постоянно, я могу перечислить целый ряд наук, ин-

тересовавших В. И., и наметить некоторое отношение его к ним.

Прежде всего В. И. был философом и очень интересовался философией. Я знаю, что фахманы философские могут относиться к философским трудам В. И. так, что это книги «ad hoc»¹, для разрешения определенных злободневных проблем, но это совершенно неверно. В. И. не имел времени, чтобы отдаться философии в качестве специалиста, за эти вопросы он брался в сравнительно свободное время, когда получался некоторый невольный отпуск вследствие заминки в темпе развития революции, притом за философские работы со строго практическими целями: напомнить, исправить, нанести удар кому-то, какому-то наросту, который он считал неправильным, и т. д., — словом, по-хозяйски и с точки зрения здоровья партии. А он считал, что партия, как представительница пролетариата и всей той широкой публики, которая к партии примыкает, должна соблюдать некоторую дисциплину в области философии, не давать заразить себя какими бы то ни было, по мнению В. И., буржуазными примесями к той философской доктрине, которую он считал единственно правильной для марксистского социального мирозерцания, стало быть, и для марксистской тактики. Мне трудно было бы сейчас анализировать философские особенности В. И. в его идеях, в результатах его философской работы, но философские его особенности в подходе, в оценке основных философских проблем можно в некоторой степени указать. Для В. И., как для Маркса, как для пролетариата вообще, философский вопрос несколько не кабинетный вопрос. Он потому материалист, что ему неинтересна никакая проблема человека, который возится со своей собственной душой и не знает, бессмертна ли она или не бессмертна и может ли он на нее рассчитывать сколько-нибудь после неприятности с бранным телом; не интересуясь подобными вопросами, В. И. не может подойти к делу с идеалистической стороны. Человек, который имеет интеллигентскую веру, что идеи представляют собой что-то оторванное, что в них заключается красота жизни, такой человек может держаться в воздухе высокой идеологии и не прикасаться к земле, но для пролетариата и его гениальнейших мыслителей это не проблемы. Они вовсе для них неинтересны, для них интересен мир, как он есть, который можно ощупать, который можно есть, в котором можно хозяйствовать, в котором можно что-то делать нужное и хорошее. В том виде, как он есть, он во многом не хорош. Непосредственная практическая, с одной стороны, хозяйственно-экономическая, с другой стороны, хозяйственно-политическая проблема. Мир есть вещь, которую нужно переделать и можно переделать. Что каждый пролетарий находит в своем фабрично-заводском акте? Он находит материал и труд и знает, что из этого можно сделать то, что хочешь, рабочий проникнут глубочайшим, в высшей степени здоровым инстинктом здорового животного человека, что из этого мира можно сделать что-то в высшей степени приятное, прекрасное, такое, что жить будет громадное удовольст-

---

¹ для данного случая, для этой цели (лат.). Ред.

вие и что сам процесс переделки мира является таким удовольствием. Когда вы ощутите эту фигуру, богатую мускулами, которая постоянно соприкасается с природой в борьбе с ней, в преодолении ее, которая, по аналогии с трудовым процессом, рисует себе весь процесс переделки мира, который социальную проблему также аналогизирует с техникой, вы поймете, что таким людям не нужен идеализм, он вреден, он им чужд, потому что разбивает силы, рассеивает энергию, а иногда даже подменяет настоящие цели призрачными и делает это в глубокой связи с тем, чего хочет, к чему стремится, как мыслит упадочный класс, оторванный от жизни, класс эксплуататорский, заинтересованный в скрывании истины класс.

Вот так к философским проблемам подходил Владимир Ильич. Надо, чтобы человек был практиком, трезвым практиком. Эта философия есть материализм, материализм, не понимаемый как философская оторванная доктрина, но как вся совокупность точных наук, из которых можно сделать технические выводы. По аналогии с этим нужно строить и социальные науки какого бы то ни было типа, тогда здорова будет та почва, на которую мы будем опирать какие бы то ни было, теоретические или практические, наши построения. И эта точка зрения была Владимиру Ильичу присуща со стихийной силой, и защищать он ее умел с совершенно непоколебимой твердостью. Чутье у него в этом отношении было очень большое, и всякий, кому приходилось по разным причинам не соглашаться с ним и испытывать на себе его полемические щелчки, подумавши и поближе подойдя к проблеме, должен был неминуемо признать: ведь правда, ведь та точка зрения, которую неуклонно проводит Владимир Ильич, это такая точка зрения, которая обеспечивает максимальную трезвость и максимальную энергию в разрешении той основной проблемы, которую Маркс высказал в знаменитом изречении, что другие истолковывали мир, а мы призваны его переделать.

Это центральная проблема переделки мира диктовала Владимиру Ильичу его мирозерцание и его глубокое уважение к науке вообще. Не знаю, как бы он отнесся к той мысли, что философии нет и что она — совокупность наук и общими выводами из них может быть заменена. Не знаю, может быть, он бы отнесся к этому положительно. К точным наукам он относился с огромным интересом и уважением. Здесь он уже не говорил о кабинетности. Эта работа ему не казалась оторванной от революционной деятельности мира. Какие-нибудь работы Павлова, Тимирязева, дарвинизм или вопросы строения атома захватывающим образом действовали на Владимира Ильича, и он с глубокой скорбью говорил, что нет у него времени углубиться в те работы, которые делаются в направлении такой переработки мира. Владимир Ильич сознавал, что хорошо было бы, если бы мы наши социальные проблемы могли ставить так же четко, как химик ставит свои в лаборатории. В этом отношении его уважение к точной мысли было огромное, и вы знаете, что он в периоде революции предписывал марксистам заключать союзы с естественниками, чуждыми идеалистического духа. Но внесение

метафизических и полуметафизических идей в эту лабораторию работ по обследованию действительности Владимир Ильич считал презренным, позорным и объяснял чисто социально: ну что же делать, что ученый? Ученый — это хорошо, это для него звучало, как пролетарий. Но буржуазный ученый — вот беда: по всему образу жизни, по своим связям, зараженный, запакощенный, он вследствие этого вносит в свою четкую нужную работу, относящуюся целиком к проблеме строительства из того материала, который нам дан, всякую буржуазную дребедень. По мелкобуржуазности ли своего уклона, обостренности интересов своей личности и отношениям этой личности к богу и т. д., по этой ли причине или по причине связанности с крупной буржуазией, которая диктует свою волю, дух ученого уже искажен. Владимир Ильич, однако, указывал, что в области естественных наук такое заражение не заходит далеко, что она является в общем здоровой областью науки. Он проповедовал союзы, связи с естественниками и, когда создавался марксистский философский журнал «Под знаменем марксизма», прямо и определенно указывал, что тот или другой честный ученый, даже не марксист, проводящий неуклонно научную индукцию, научно-беспристрастный, должен считаться уже *a priori*¹ нашим союзником, драгоценнейшим соратником.

В. И. питал интерес к экономике, до конца своих дней (не знаю, как в период болезни) страшно интересовался статистикой. Статистические данные, выработанные правильными приемами, имели бесконечную привлекательность для него, и я помню, на заседаниях Совнаркома, когда делались статистические доклады, В. И. брал карандаш и делал чрезвычайно глубокие и острые замечания по поводу возможных ошибок, по поводу неправильного подхода к тому или другому вопросу и всякой приблизительности. Юрист по образованию, он сохранил глубочайший интерес к этому делу, конечно, не к абстрактной, оторванной от жизни лженауке юридической, но к поразительной точности формулировок, ею достигнутых. Когда было у нас сильное поветрие против юристов, которые представлялись нам адвокатами дьявола, присяжными защитниками капитала и обладателями испорченных мозгов, наполненных псевдотрадициями, В. И. требовал кодификаторов, специалистов-юристов, требовал юридических формулировок. Мы удивлялись и говорили: «На что нам их красные слова, мы и сами напишем», — его это не удовлетворяло, и в общем его товарищеская жгучая насмешка часто не одобряла формальной стороны нашей законодательной деятельности. «Ну, каким языком это написано, это неточно», — говорил он. У него было пристрастие к формулировкам юридического типа, и В. И. был мастером их. Эта сторона — «физическая сила мозга» — казалась ему одной из очаровательнейших и нужнейших. Он относился к той или другой правовой формуле как к настоящей научной ценности, как к большому приобретению ума.

Затем В. И., хотя и не писал в строгом смысле слова историче-

---

¹ заранее (лат.). Ред.

ских работ или писал их очень мало, бегло, мимоходом, был, по моему, замечательным историком. Это делало его очень чутким к историческим работам. Сам он был ученым-историком даже в смысле глубины размышления над той или иной проблемой. Он был историком своих собственных дней и относился к ним не столько с публицистическим волнением, сколько с огромной остротой объективнейшего анализа, хотя бы абсолютно блестящего анализа того, что является причиной распада с.-д. рабочей партии в Европе. Например, вся работа Ильича, которая вскрывает западноевропейский капитал, эксплуатацию Европой колониальных народов, где даже сам пролетарский класс превратился в класс эксплуататоров и этим создал предпосылку для предательства вождей, работа, выяснявшая рядом с этим, что эксплуатируемые народы, проделав свои очередные политические революции, революции созревания своего национального сознания, тем самым втянутся в прямую борьбу с капиталом, — весь этот анализ приводил меня в восхищение, а результаты этого оказались просто гигантские, потому что этим определилось в значительной мере и разрешение В. И. национального вопроса и общего уклона III Интернационала в сторону внеевропейских стран, и определение конечной борьбы за один пролетарский фронт в Европе, и лозунг рабоче-крестьянского правительства, приемлемый даже в мировом масштабе. Это все в своеобразный цвет окрашивало коммунистическую тактику и является крупнейшей заслугой Ленина, потому что в этом теоретическое разрешение В. И. проблемы — «проблемы проблем», потому что превращение пролетарского движения, пролетарской силы в рабоче-крестьянскую власть лишь усилило диктатуру пролетариата. Но можно было бы на бесчисленном количестве примеров указать на это умение В. И., независимо от того, что дело идет о текущем дне, участником которого является он сам, с ясностью марксиста видеть и излагать события. Я, например, думаю, что письма В. И. из Женевы после Февральской революции, написанные за границей, издали, дающие оценку того, что такое Февральская революция и чем определяются сейчас основные черты поведения классов, в ней фигурирующих, представляют собой шедевр исторического анализа.

Строго научных работ, за исключением огромной работы «О капитализме в России», можно подобрать как будто бы не так много, остальные как будто переходят в публицистику, чему есть причина; идеи, которые тут содержатся, форма, как эти идеи выведены, и тот учет выводов, которые напрашиваются и которые диктуют тактику борьбы в дальнейшем, так богаты, что можно себе представить целую академию ученых, которые будут разрабатывать те основные принципы, которые вытекают из научной работы Ильича.

Не мог он равным образом не быть и публицистом и опять-таки потому, что он был революционером-марксистом. Ну и что же такое, что он те или другие идеи для себя выработает, что же такое, что их усвоят его ученики и тот штаб рабочего класса, которым является партия? Этого часто было недостаточно. Он был глубоким сторонником того воззрения, что в настоящее время приходится

думать и делать за рабочие массы и даже против тех или других элементов рабочего класса. Он никогда не забывал, что коммунист есть человек, который исходит из понимания интересов своего класса во всем объеме, мировом объеме и в объеме, обнимающем десятки стран и сотни лет. Его идеей было, однако, что нужно перейти к тому времени, когда каждая кухарка сможет управлять страной, что является опасностью возможного отрыва коммунистической партии от рабочего класса или от крестьянской массы. Он изображал нам эту систему классов. Партия двигается, как бы приводным ремнем двигает профсоюзы, а через профсоюзы, через весь рабочий класс мы связываемся с крестьянством. Он вместе с тем с внутренней болью и тревогой говорил: а вот, если не сумеет этого, то в одной из этих перемычек, в одном из этих передаточных механизмов может лопнуть вся смычка, и все это погибнет. Стоит только, чтобы коммунисты заразились комчванством, чтобы оторвались от масс, перестали им объяснять, куда их ведут, перестали заручаться их доверием и любовью, чтобы партия оторвалась, оказалась бесполезной общественной формацией. Но стоит совершить обратное, начать учиться у рабочего класса в целом в смысле его настроения, подчиниться упадкам мужества, проявлениям шкурности, чтобы погибнуть.

В. И., который безумно любил пролетариат, потому что чувствовал его, как класс-организатор, чувствовал огромную, исполинскую внутреннюю мощь его, любил его и в каждом отдельном рабочем, с которым он умел необычно говорить. Он совершенно не забывал, что в России пролетарский класс некультурный, дикий, что ему нужно учиться и много учиться, прежде чем он сможет держать сам себя в руках, и если он был против комчванства, то был и против пролетарского чванства. Никакое преклонение перед блузой, как таковой, и массой, как таковой, ему не было свойственно. Поэтому важно, по мнению В. И., было широчайшее распространение политической сознательности в массах, и хотя он знал, что не брошюрами, не статьями, не речами это делается, и учил нас, что это делается путем практического участия в революции и что самая лучшая школа — это сама революция, тем не менее не впадал в недооценку публицистики, как таковой, и поэтому ею занимался в широчайших пределах, страстно желая говорить не только партии, но и за пределами партии. Он предостерегал от обеих ошибок. Он боялся уклона к мужиковству, предупреждал, что партия сломит себе шею, когда ударится в мужиковствующий уклон, но боялся того, что не поймут, что задача пролетариата в настоящее время, как хозяина,— помочь крестьянскому хозяйству, пойти целиком навстречу крестьянину и ради того, чтобы обрести достаточную хозяйственную базу и вообще для нашей дальнейшей деятельности получить прочную политическую смычку с крестьянином.

Вопросы просвещения крестьянства волновали В. И. глубочайшим образом, и вряд ли кто-нибудь в республике так страдал теми страданиями Наркомпроса, к которому мы имеем прямое отношение, его заморенностью, недостаточностью средств, недостаточным размахом его работы, как В. И. Он пришел в волнение от идеи воз-

мощного устройства публичных чтений по законодательству, по политическим вопросам. Это оказалось утопичным, лишь отчасти прошло, но он пришел в волнение потому, что ему показалось на минуту, что, может быть, помимо ликвидации безграмотности, можно как-то перешагнуть через нее этим методом обращения к крестьянству. Постоянное ощущение того, что нужно разъяснять, разъяснять страшно просто, так, чтобы дошло до «кухарки», ему было в высшей степени присуще.

Это не значит, что он все разменивал на ходячую популярную идею и не понимал, что многие проблемы можно поставить, лишь пользуясь более сложными терминами и предъявляя большие требования слушателю. Он знал, что здесь имеются разные ступени, но тем не менее он был публицистом, учил, не очень переоценивая между прочим и способность понимания этих самых наиболее культурных слоев и даже партийных. Он учил нас постоянно, что если у вас есть правильная идея, которая не прошла в жизнь, долбите ее, пережевывайте, повторяйте и двадцать раз говорите о ней, чтобы она была вбита, как гвоздь. Когда увидите, что вашу идею недостаточно усвоили, не гоните вперед, повторяйте и повторяйте. Если для данного времени имеется такой-то лозунг, надо его до дна довести и совершенно пропитать этим лозунгом сознание той среды, к которой вы обращаетесь.

В его публицистике эта черта замечается в высшей степени. Он чрезвычайно прост как писатель; говорится, что Ленин грубоват в своем стиле, но эта грубоватость не приводит к тому, чтобы мысль его была нечетка. Можно найти самых изящных стилистов, о которых нельзя сказать, что они грубоваты, но мысль у них выражена аляповато, а Ленин дает минимальные возможности для каких бы то ни было кривотолков в своих лозунгах, и я думаю, что впечатление непередаваемого блеска, которое производили многие работы Ильича, например, брошюры о государстве (болезни левизны или брошюры о повороте к нэпу), знакомо каждому. Это такие брошюры, после которых испытываешь какое-то внутреннее эстетическое волнение: такая в них ясность, простота и чистота мысли. Получается это не в силу каких-либо полемических обычных приемов, не в силу образности речи или остроумия, но вам кажется, что мысль так ясна, что даже ум ребенка мог бы ее воспринять, и, когда читаешь Ленина, начинаешь понимать, какая социально-педагогическая мощь лежит в публицистике В. И. Ленина. С этой стороны огромный материал в 18 томах собрания сочинений Ленина является образцом того, как должен работать публицист-революционер, который хочет быть понятным огромному большинству и вместе с тем не быть неправильно истолкованным, не кормить манной кашей, не приравниваться к общему уровню, а быть вместе с тем захватывающим, поднимающим. Толстой говорил, что «настоящее искусство, не теряя ничего в своей тонкости, вместе с тем может быть каким-то образом доступным и детям, и неграмотным простолюдинам». Нечто подобное достигалось и в публицистике Ленина, и потому она производит такое впечатление.

Таково же было и его ораторское искусство. В. И. никогда не выступал с речью с иной целью, как только для того, чтобы учить. Всякая его речь была не чем иным, как политическим актом, который убеждает или разъясняет. Многие его речи имеют историческое значение, потому что они выражают тот или другой политический вывод огромной важности, а некоторые, может быть, такого мирового значения не имели и представляли собой повторение того, что он выработал, но с чем еще спорят, но всегда он учил, и если спросить, был ли В. И. великим оратором, то можно ответить: «Конечно, был». У нас есть много больших ораторов. Я считаю Льва Давыдовича Троцкого величайшим мастером устного слова, который живет в Европе, но все-таки им не заслушивались так, как заслушивались В. И. Лениным. Ленин не льстил слушателю и не хотел его заманить той или иной красотой изложения или дать ему отдохнуть на шутках. Он ими пренебрегал, и ему было смешно даже об этом думать: его делом было — с необычайной простотой изложить свои мысли и, если их не понимали, повторить несколько раз. Поэтому и жесты у него были вдалбливающие, и приемы были у него дидактические, которые сводились к тому, чтобы произвести впечатление неоспоримое, продуманное, очевидное и ясное. В. И. никогда не говорил по пустякам. Он говорил тогда, когда нужно было, с неизменной содержательностью, внутренним убеждением и гипнотической силой. Голос его, преисполненный волевого нажима, как и жест, — все это совершенно зачаровывало слушателей, и можно было слушать его сколько угодно, затаив дыхание, а когда гремели бесконечные, поистине благодарные аплодисменты, то всякий испытывал глубокое сожаление, почему он перестал говорить — такое колоссальное наслаждение доставляла возможность следить за мыслью учителя.

Вот то небольшое спешное и в порядке импровизации, что я мог сказать о В. И. как о теоретике и учителе. Если бы В. И. был только учителем, то он был бы и тогда необъятен. Между тем я не хочу ни одной минуты утверждать, что та специальная тема, которую я избрал, является доминирующей среди других: Ильич как организатор, общественный деятель, революционер-практик — еще более захватывающие темы, о которых говорить не буду, о нем еще много и часто придется говорить, и я хочу хоть эту мою речь, посвященную памяти Ильича, вернуть еще раз к общему обаянию его личности.

Это — огромное несчастье, что мы потеряли Ильича, и если оно не ошарашило нас, не погрузило в величайшее уныние, то потому, что судьба как-то подготовила нас к этому, отведя В. И. от непосредственной работы, от непосредственного общения с нами на долгие месяцы. Но какое было огромное счастье дышать одним воздухом и работать вместе с таким человеком!

Вообще эпоха, которую мы переживаем, страшно горька по отдельным своим моментам и чрезвычайно величественна и празднична во всей своей совокупности. И, как бы блистательно ни развернулись дальнейшие эпохи жизни человечества, я думаю, что

часто дальние потомки будут с завистью думать о людях, которые живут в этих самых 20-х годах XX столетия. Эпоха гигантского перелома, небывалая, которую никогда не забудут, и ее плодом, вместе с тем ее двигателем, как это в истории бывает, был В. И., и в нем персонально все очарование этой изумительной эпохи сказалось. И к галерее мировых деятелей, которым место во всечеловеческом Пантеоне, к этой галерее прибавилась еще одна чарующая личность. И странно: когда беллетрист в романе или драматическом произведении хочет создать положительный тип, то всегда выходит скучновато, и натянуто, и искусственно, а интересны отрицательные типы, и автор старается какую-то невкусную изюминку вложить в положительный тип, чтобы придать ему побольше жизни. Если вы спросите, были ли отрицательные черты во В. И., — не знаю, не вспомню, не могу найти от края до края этого в политике, в товарищеской жизни, личной, в теории. Не знаю, не могу вспомнить ни одного случая, ни одной черты отметить, которую можно было бы назвать отрицательной. Нет такой. Положительный тип с головы до ног, чудо, как человек, и вместе с тем такой живой, такой живой, что и сейчас, когда он лежит в Колонном зале Дома союзов и когда около него проходит целый народ, пораженный горем, он все-таки самый живой из всех, кто сейчас здесь живет и дышит и в этом городе, и в этой стране. И теперь он еще самый живой по той огромной любви, которую он внушает к себе, по огромному влиянию, которое он вокруг себя распространяет. Живо то, что является источником силы, живо то, что меняет вокруг себя среду, и в этом отношении В. И. является и надолго останется гораздо более живым человеком, чем те, которые дышат и которые живут, не только среди обывателей, но и среди очень крупных представителей человечества. И огромное счастье в эти горькие часы вспоминать, как в одной комнате, за одним столом, за одним общим делом доводилось сидеть с этим изумительным человеком, который пессимисту и мизантропу мог внушить мысль об ошибке в его суждениях, а тем, кто хочет и может любить человечество, дает самый лучший аргумент для этого. Стоит работать для человечества! стоит жить! стоит надеяться! даже не потому, что нас учил этому Ильич как вождь, а потому, что он жил как человек, которого невозможно не любить и которым невозможно не гордиться. Если есть еще люди, которые недостаточно его знали или которые знали издали и не испытывали на себе его обаяния, то надо, чтобы все как можно скорее в эти скорбные дни и недели присмотрелись к этому изумительному, чудесному явлению. Если такого человека создала наша революция, если такого вождя она имела — это символ и это служит проявлением ее гигантской мощи. Ленин был ее вдохновителем, выразителем, ее персонификацией, ее руководителем, и если он физически умер, то морально и политически он живет в нашей партии и русской революции, живет для плодотворного бессмертия, для такого бессмертия, которое, расширяясь, охватит мир и будет содействовать тому небывалому и светлому перевороту, которым был целиком полон В. И., и, может быть, его красота не-

обычная объяснялась именно тем, что он с такой полнотью, безраздельностью жил мечтой об этом перевороте и реальной работой для того, чтобы добиться победы.

24 января 1924 года

*Луначарский А. В.
Ленин как ученый и публицист.
(Речь на собрании работников науки,
посвященном памяти вождя). М., 1924*

Г. В. ЧИЧЕРИН

МОЛОДЕЖЬ ДОЛЖНА УЧИТЬСЯ У ЛЕНИНА

Владимир Ильич был в полном смысле слова учителем. Общение с ним играло прямо-таки воспитательную роль. Он учил своим примером, своими указаниями, своим руководством, всем обликом своей личности.

Несколько разрозненных черт его личности я хотел бы в немногих словах зафиксировать, чтобы обратить на них внимание молодых читателей. Они не имели счастья учиться непосредственно у Ленина, но, может быть, эти разрозненные указания помогут им понять, чему следует учиться у Владимира Ильича.

Прежде всего, Владимир Ильич отличался абсолютно точным характером во всякой своей работе и настаивал на такой же абсолютной точности со стороны всякого работавшего вместе с ним. Всякое утверждение должно было быть точно обосновано, и всякое обоснование должно было быть точно изложено. Работавший с Владимиром Ильичем сейчас же чувствовал, что обыкновенное разговорное утверждение, обоснование которого не разработано со всей точностью, ничего не стоит. Для точного утверждения требуются имена, перечисления, цифры, цитаты, вообще строго проверенные конкретные данные. Лучше сработать меньше, но сработать со всей необходимой отчетливостью и обоснованностью, лучше ничего не говорить, чем приводить необоснованные утверждения. Особенно характерны были те вопросы, которые Владимир Ильич по поводу каких-либо возникавших тем посылал в своих записочках. Эти вопросы содержали, в сущности, точный анализ затронутой темы и определяли рамки, в пределах которых тема должна была быть разработана. Пусть всякий, кто хочет учиться у Ленина, запомнит: никаких поспешных заключений! Никаких непроверенных утверждений! Никаких скороспелых фраз, не являющихся точным выводом из строго проверенных данных!

Этому соответствовала и точность самой мысли Владимира Ильича. Не только каждое утверждение должно было быть точным выводом из проверенных данных, но самая мысль должна была быть настолько продумана, проработана и отшлифована, чтобы в ней не осталось ничего расплывчатого и неясного и чтобы вся она от начала до конца отличалась полной ясностью и определенностью. Дорабатывать до конца свою собственную мысль — вот чему учился всякий при общении с Владимиром Ильичем. Он постоянно вы-

шучивал у своих собеседников со своим неподражаемым юмором всякую расплывчатую, неясную и недодуманную мысль. Его собеседник учился у него тому, что всякая человеческая мысль должна быть добросовестной работой, а не безответственным самоуслаждением или блефом. Пусть всякий учится у Владимира Ильича тому, что мысль есть нечто гораздо большее, чем настроение и инстинкт. Она должна быть логически доделана до конца.

Третье, чему научался у Владимира Ильича тот, кто с ним работал,— это необходимость прежде всего ясно видеть реальные факты. Когда собеседник Владимира Ильича пускался в теоретические рассуждения или проявлял склонность к дедуктивному мышлению, столь у нас распространенному, Владимир Ильич всегда ставил перед его глазами точные, определенные реальные факты живой действительности. Это именно свойство его так ярко проявилось во время обсуждения вопроса о подписании Брестского мира. Бесконечным теоретическим рассуждениям Владимир Ильич противопоставлял голые факты во всей их безжалостности. Когда дипломатия иностранных государств со свойственным ей мастерством, выработанным столетиями, маскировала действительное положение дел и свои действительные стремления под громаднейшим ворохом хороших слов, чувств или приятных утверждений, Владимир Ильич немногими словами превращал все это в кучу мусора, ставя перед глазами своего собеседника голые реальные факты живой действительности. Это именно делало его таким неподражаемым мастером ведения политики и таким страшным противником наилучших мастеров иностранной дипломатии. Всякий пусть учится у Владимира Ильича этому основному правилу: наблюдай реальные факты живой жизни, не заменяя их вычитанными теориями или приятными иллюзиями.

В-четвертых, работа с Владимиром Ильичем означала точное выполнение полученных директив, основанных на реальных фактах и представляющих из себя отчетливые и доработанные до конца мысли. Не только умеи точно мыслить, не только умеи видеть факты, как они есть. Умеи также с абсолютной точностью делать то, что выработано как ясная мысль и как точная директива. Владимир Ильич больше всего ценил тех исполнителей, которые умеи видеть обстановку во всей ее реальности, умеи понять, что в этой обстановке должно быть сделано, и с полнейшей точностью, несмотря ни на какие препятствия, умеи это сделать. Я помню, например, его разговор по прямому проводу с товарищем, который после отъезда антантовских послов из Вологды, бывшей настоящим убежищем и гнездом белогвардейщины, проводил в Вологде необходимые меры по ликвидации этого притона. Его сообщения указывали, что он ясно и точно видит, что кругом делается, ясно и точно об этом сообщает. И когда ему давались директивы, он со всей необходимой энергией, ни пред чем не останавливаясь, сразу делал нужное. Я помню, как по прямому проводу Владимир Ильич его благодарил. Эта точность выполнения, соответствующая точности в наблюдении реальных фактов и точности в мышлении, должна была проявлять-

ся не только в крупных делах, но и в самых мелких. Надо учиться и этому у Владимира Ильича: относиться с полной серьезностью к самому мелкому делу, выполняя его со всей добросовестностью и со всей аккуратностью.

Чему трудно было научиться у Владимира Ильича — настолько он в этом превосходил всех своих собеседников — это его умению во всем, до последних мелочей проводить полнейшую систематичность. Где бы он ни находился, вся его работа, весь день были всегда строго систематически распределены. Такая же строгая система господствовала в его книгах, в его бумагах, вообще во всей его личной жизни. И в нашей советской работе он был учителем строгого проведения систематичности. Он всегда требовал, чтобы всякое дело было в порядке, чтобы строго применялась нумерация, чтобы законные формы были соблюдены, и на всякую подаваемую ему бумажку он прежде всего смотрел критическим взглядом и указывал на имеющиеся в ней формальные дефекты, являющиеся нарушением законных форм, то есть существующей системы. И в этом отношении он учил тому, что нет мелких дел, что никакой мелочью нельзя гнушаться, что строгая систематичность работы должна быть проведена также и в мельчайших деталях каждого дела.

Систематичность, строгую обдуманность, рациональность он считал необходимым проводить и в личной жизни. Он настаивал, чтобы те, кто с ним работал, своевременно отдыхали, принимали нужные меры для сохранения своего здоровья, чтобы их жизнь была урегулирована, рациональна и обдумана, без господства случайностей и халатности. Все должно быть строго обдумано, не должно быть распушенности, небрежности. Все должно быть строго целесообразно, эта целесообразность должна господствовать над настроениями и над инстинктом — вот чему учились у него те, кто с ним работал.

Деловые соображения должны господствовать над личными, всякий личный момент должен отступать перед интересами дела — этим принципом Владимир Ильич был настолько весь проникнут, что в разговорах с ним просто неловко было ссылаться на какие-либо личные соображения, когда речь шла об интересах дела: собеседник Владимира Ильича невольно чувствовал, что, когда говоришь о деле, стыдно думать о каких-либо личных соображениях. Я никогда не видел Владимира Ильича более раздраженным, чем в те моменты, когда личная склока привносилась в деловую работу, когда деловые аргументы заменялись личными нападкамии склокой, когда, вместо того чтобы говорить о деле, говорили о личных обидах или о личных качествах тех или других участников дела. В такие моменты у Владимира Ильича вырывались наиболее резкие реплики или наиболее резко составленные записки. Думай только о деле, не думай о личных соображениях, пусть сознательно поставленная цель господствует над личными чувствами и над личными обстоятельствами — вот чему учились у него работавшие с ним. Вместе с тем он отличался самой тонкой деликатностью по отношению к своим сотрудникам, он умел даже неприятное облечь

в такую мягкую и тактичную форму, которая совершенно обезоруживала собеседника. И от тех, кто с ним работал, он требовал такой же деликатности и тактичного отношения к окружающим. Государственные меры должны были проводиться безжалостно, всякое сопротивление, противодействие, саботаж, халатность, леность должны были караться безжалостно, но, поскольку люди работали друг с другом и удовлетворительно выполняли свою работу, он требовал деликатного отношения к сотрудникам и не допускал выражения нетерпения и резкостей.

Высшим же его качеством в его деловой работе надо признать его сознательное подчинение коллективу даже в тех случаях, когда коллектив, по его мнению, ошибался. При своем колоссальном авторитете он в большинстве случаев убеждал своих товарищей по организациям, советским или партийным. Бывали, однако, случаи, когда его мнение не проходило и он оказывался в меньшинстве. Его подчинение организации было полным и безоговорочным. Он никогда не действовал голым авторитетом, а только аргументами и убеждениями, и он никогда не пускал в ход факта своего беспримерного влияния, чтобы преодолевать сопротивление инакомыслящих, а всегда аргументировал, убеждал и не успокаивался, пока не убедит других. Я получал от него несколько последовательных записок с новыми аргументами, когда он старался меня в чем-нибудь убедить. Я помню его спор по одному больному личному внутрипартийному вопросу с очень видным товарищем. Изложив свои аргументы, Владимир Ильич сказал: «Я убежден, что пред всяким партийным собранием я докажу, что вы не правы, и что всякое партийное собрание с этим согласится». Он никак не мыслил иначе победу над инакомыслящим, кроме как в форме победы своей аргументации в пределах организации.

Пусть подрастающая молодежь учится на его живом примере. В лице Владимира Ильича мы имеем действительно неподражаемый образец представителя пролетарской культуры, культуры, основанной на точности знания, на рациональности всей человеческой работы,— одним словом, на господстве разума над природой и общественно урегулированного производства — над слепой стихией.

3-го февраля 1924 года

*Молодая гвардия. 1924.
№ 2—3. С. 17—20*

Д. И. КУРСКИЙ

КАК РАБОТАЛ ТОВ. ЛЕНИН (Наброски)

Отработался мозг: так определили врачи после вскрытия тела Владимира Ильича Ленина его смертельную болезнь.

Трудящиеся всего мира видят, как работал, чтобы довершить

победу труда над старым строем гнета и насилия, тов. Ленин. Но трудящиеся вправе знать и должны знать весь тот размах гигантской работы, которую взваливал на себя тов. Ленин.

На нас, его ближайших помощников по Совнаркому, которым он непосредственно руководил первые четыре года после Октябрьской революции, лежит долг обрисовать эту работу тов. Ленина. Конечно, это можно сделать не в газетной беглой статье.

Сейчас хотелось бы только дать представление о том, как отрабатывался мозг нашего бессмертного вождя. Вот он — председатель Совнаркома, неизменно на своем посту в день заседания в шесть часов вечера. Ни минуты опоздания, хотя бы пришлось провести уже заседание Политбюро или ответственной комиссии, а нередко и выступить на митинге. Бесконечный ряд вопросов советского строительства.

И с первого же момента заседания понимаешь и видишь, что руль в исключительно надежных руках, что, дав высказаться делом там, где это нужно, тов. Ленин уже изумительно точно формулирует постановление, а если видит, что ораторы не схватывают сути или уклоняются от правильного пути, тов. Ленин берет слово, и нужно было видеть, как мастерски он поворачивал вопрос, как глубоко обосновывал свое предложение.

За все четыре года я мог бы припомнить, может быть, два-три случая, когда тов. Ленину не удавалось бы сразу убедить Совнарком принять его предложение. Уже одно это председательство в Совнарком, беспримерно экономившее время и силы его участников, требовало такого напряжения, которого хватило бы на троих.

Но этого мало. Многие не знают, что заседания Совнаркома были для тов. Ленина также возможностью непосредственно запиской во время прений запросить того или другого товарища по Совнаркому о положении дел, дать указание, обменяться мыслями по тому или другому вопросу.

Если бы можно было собрать всю эту работу, хотя бы одного заседания, всякий остановился бы с изумлением перед ее размахом. Так независимо от тех политических речей, которые держал тов. Ленин на съездах, совещаниях и конференциях и которые, как, например, речи на Всероссийских съездах Советов, освещали надолго путь вперед, в этой повседневной работе председателя Советского правительства кроется львиная доля тех успехов, которые одержало дело трудящихся.

И мы знаем, что этот гигантский труд тов. Ленина, который так помог победить в тяжелые годы после Октября, теперь будет возмещен коллективным трудом всех сознательных рабочих и крестьян и, в первую очередь, созданной тов. Лениным коммунистической партией.

За работу!

НА X СЪЕЗДЕ ПАРТИИ

Морозный ветер, вздымая снег, мел его по пустынным улицам Москвы, крутил вихрем в жалких остатках полуразобранных деревянных домов, где старательно рылись жители, откапывая все, чем можно топить буржуйки. Ветер срывал дым из бесчисленных труб, торчащих из оконных форточек; кидался на огромные очереди около булочных, заставляя стоящих прижиматься к стене и с завистью поглядывать на получивших скудный хлебный паек.

Холодно было и в нетопленных огромных залах Кремля, в бесконечно длинных коридорах, по которым, как тень отжившего прошлого, проходил шаркающим шагом древний старичок вахтер, одетый в форму бывшего дворцового служителя, и окидывал нас каким-то далеким, безразличным взглядом.

В Кремле в марте 1921 года работал X съезд партии, который должен был решить вопрос огромной важности — о переходе страны от «военного коммунизма» к новой экономической политике (нэп). С докладами о политической деятельности ЦК, о замене разверстки натуральным налогом, о единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне выступил Владимир Ильич Ленин.

С тех пор прошло уже больше сорока лет. Но как отчетливо все сохранилось в памяти...

Наша небольшая группа кинооператоров и фотографов с утра до позднего вечера дежурила на съезде. На первых заседаниях нам удалось сделать несколько съемок. Но Ильич, как нам стало известно, должен был выступать еще. И мы с нетерпением ждали этой минуты.

Ожидая Владимира Ильича, мы сидели в коридоре около дверей столовой, которая, как магнит, притягивала нас ароматом щей. Дело в том, что на съемках в воинских частях и на больших заводах командование и фабкомы всегда делились с нами своими скудными и непривлекательными обедами. Но когда мы обратились к заведующему столовой, где кормили делегатов, с просьбой разрешить нам пятерым пообедать, он ответил категорическим отказом. А есть нам хотелось! Мы не были с утра отягощены обильным завтраком — каждый съел по куску черного хлеба да выпил морковного чая, и теперь мы чувствовали необыкновенную легкость в желудках.

Свернувшись калачиком, зябко пряча руки в рукава, сидел наш неизменный товарищ осветитель В. Кузнецов. Заглядывая в дверь столовой, стоял оператор Г. Гибер. С философским спокойствием покуривал махорку фотограф Л. Савельев.

Больше всех был возмущен отказом фотограф А. Быстров.

— Сухарь, не человек! — негодовал он, как всегда, заикаясь от волнения. — Говорит, что мы не работаем, а снимаем. А это что, не работа, спрашиваю? А он мне свое: «Снимаете, а не работаете», —

жестикуюлирую и нервно дымя трубкой, рассказывал по крайней мере в десятый раз Быстров.

— Товарищи, товарищи, бросьте курить, Владимир Ильич идет,— крикнул Савельев, первым увидав в конце коридора идущего энергичным шагом Владимира Ильича. На Ленине было пальто внакидку, в руках он держал блокнот, что-то на ходу отмечая в нем. Поравнявшись с нами, остановился, прищурился.

— Здравствуйте, Владимир Ильич,— приветствовали мы.

— Здравствуйте. Вы снимаете съезд, товарищи?

— Все время снимаем, Владимир Ильич,— ответил за нас Гиббер. И, набравшись духу, произнес: — У нас к вам просьба...

— Какая же? — спросил Ленин.

— Мы работаем с утра до вечера. И хотели пообедать. А заведующий нам отказал, говорит: «Вы не работаете, а снимаете».

— Так прямо и сказал? — переспросил Владимир Ильич.

— Да, так и заявил.

Владимир Ильич, все еще продолжая улыбаться, вырвал листок из блокнота, быстро что-то написал и передал записку Гиберу.

— Если снимаете, значит, работаете. Так и передайте заведующему.

И вскоре мы уже с аппетитом ели щи с мороженым картофелем, пшеничную кашу без масла, пили кипяток без сахара... Но, честное слово, нам казалось, что никогда ничего вкуснее мы не ели...

Жаль только, что нам не удалось сохранить записку Владимира Ильича, на которой карандашом было написано: «Заведующему столовой. Прошу Вас накормить операторов. Ульянов-Ленин».

Как мы ни просили оставить записку нам, заведующий не соглашался, говоря, что она нужна ему для отчета.

В тот же день мы вновь снимали выступление Ленина.

Едва Владимир Ильич появился у стола президиума съезда, как все делегаты встали. Раздались бурные аплодисменты, которые долго не умолкали. Владимир Ильич поднял руку. Постепенно овация смолкла, а когда он начал говорить, в прокуренном, дымном, холодном зале наступила мертвая тишина.

Наша осветительная аппаратура горела отвратительным желтым светом, а отсыревшие угли трещали. Но все же Гиберу и мне удалось запечатлеть и овации зала, и значительную часть выступления Владимира Ильича. Быстров и Савельев тоже сделали несколько ценных фотоснимков.

Сняв уже около пятнадцати метров, я заметил, что Владимиру Ильичу мешает говорить треск наших аппаратов, режущий свет вольтовых дуг. Я подал знак осветителю. В. Кузнецов выключил приборы, и мы прекратили съемку.

Вероятно, не меньше часа говорил Ленин.

Когда Владимир Ильич закончил речь, в зале раздались бурные аплодисменты. Я открыл дверь и хотел пройти к осветительным приборам. Но сделать это было невозможно: делегаты, окружив Владимира Ильича, все еще стоящего на трибуне, восторженно приветствовали его.

Кто-то из делегатов высоким и сильным голосом запел «Интернационал»:

Вставай, проклятьем заклеименный
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов!

К нему присоединилось еще несколько голосов. Песня ширилась, росла, заполняя собой старые кремлевские покои.

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим.
Кто был ничем, тот станет всем.

Как зачарованный смотрел я и слушал: пели люди в засаленных ватниках, старые кадровые рабочие, молодые парни в кожаных тужурках, солдаты в старых, потрепанных, как видно, фронтовых шинелях.

Это был непередаваемый, волнующий момент. Песня звучала как клятва делегатов своему вождю, поднявшему «весь мир голодных и рабов».

Бессмертные слова великого гимна пел весь зал. Пел Владимир Ильич. Пели Михаил Иванович Калинин, Григорий Константинович Орджоникидзе, Григорий Иванович Петровский.

И когда сегодня вспоминаю те минуты, я всегда думаю: «Как жаль, что в то время не было у нас, операторов, современных кинокамер, светосильной оптики, чувствительной пленки, звукозаписывающей аппаратуры...»

Смолкли последние слова «Интернационала». Вновь раздались бурные аплодисменты. Владимир Ильич сошел с трибуны и, окруженный делегатами, направился в секретариат. Приборы у нас горели, но, к нашему сожалению, аппаратами на штативах снять Ленина так и не удалось.

Как известно, работа X съезда была прервана. В Кронштадте вспыхнул мятеж. Крепость оказалась в руках эсеров, меньшевиков, белогвардейцев, поддерживаемых иностранными агентами. Буржуазия, считая Кронштадтскую крепость неприступной, надеялась превратить ее во всероссийский центр восстания.

Но для Красной Армии тогда уже не существовало неприступных крепостей. Мятеж надо было во что бы то ни стало ликвидировать. Советское правительство решилось на крайнюю меру: по тонкому льду Финского залива были направлены на штурм крепости красноармейские части, моряки Балтфлота. Пример храбрости и героизма показали участвующие в подавлении мятежа делегаты X съезда.

*Левицкий А. Рассказы
о кинематографе. М., 1964. С. 233—236*

ЛЕНИН И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РАБОТА

Вопросам науки и техники Владимир Ильич придавал огромное значение. «Без новейшей техники, без новых научных открытий мы коммунизма не построим,— не раз говорил он.— Одна хорошо работающая лаборатория важнее десятка наших советских учреждений». С громадным вниманием относился он к различным изобретениям, увлекался многими из них, особенно когда применение их, казалось, могло принести непосредственную, немедленную пользу, и огорчался, когда при детальном выяснении иногда очень увлекательное и заманчивое изобретение оказывалось построенным на неправильных расчетах. Сколько знаменитых «грозных» записок получали наши ответственные руководители ведомств по делам различных изобретателей, обращавшихся к Владимиру Ильичу с самыми невозможными жалобами на то, что их «мировым» изобретениям не дают хода. Часто оказывалось, что изобретение заключалось в *perpetuum mobile* (вечный двигатель) или других фантастических мечтаниях. Когда Владимиру Ильичу об этом докладывали, он смущенно улыбался, но следующего же изобретателя поддерживал с такой же неослабной энергией. Но зато какое огромное значение имела поддержка Владимира Ильича, когда дело шло о действительно серьезных изобретениях, которые удавалось благодаря этой поддержке протолкнуть в жизнь.

Благодаря непосредственному участию и вмешательству Владимира Ильича и благодаря его постоянной помощи было положено основание и дан ход таким начинаниям, как, например, радиотелефонное строительство с грандиозной перспективой установления связи каждой деревни непосредственно с центром, использование горючих сланцев и сапропелей, механизация дровяных заготовок, изготовление в России химически чистых реактивов, исследование Курской магнитной аномалии, орошение Муганских голодных степей, тепловозы, Волховское строительство, электропахота, учреждение Государственного электротехнического исследовательского института, образование электротехнического факультета Московского высшего технического училища, сельскохозяйственная выставка. Нет почти ни одного начинания в Советской России в области научно-технических работ, которое не было бы связано с именем Владимира Ильича.

Совершенно на особом месте стоит грандиозный план электрификации России, к которому Владимир Ильич относился с совершенно исключительным и неослабным интересом. Об отношении Владимира Ильича к электрификации России, очевидно, самым подробным образом напишет Глеб Максимилианович Кржижановский, по инициативе которого было начато это дело.

Еще летом 1918 года, в самом разгаре борьбы, Владимир Ильич находит время интересоваться вопросами науки и обращается в Академию наук с предложением наметить вопросы, по которым

Академия наук могла бы развернуть полезную для данного момента работу. Одновременно Владимир Ильич поддерживает проект организации двух, кажется, первых научно-технических исследовательских советских учреждений — Нижегородской радиолaborатории, получившей теперь всемирное значение, и Российского пищевого института, который, к сожалению, должного развития не получил. В декабре 1918 года Владимир Ильич одобряет проект учреждения центрального научно-технического руководящего правительственного органа и ставит задачей этого учреждения организацию научно-технической работы в стране. В порядке дальнейшего обсуждения вместо Народного комиссариата науки и техники, как это первоначально мыслилось по проекту, образуется научно-технический отдел при Высшем совете народного хозяйства, но намеченные функции за этим учреждением сохраняются, и ему дается право вхождения по своим делам в Совет Народных Комиссаров. При неослабном содействии Владимира Ильича научно-техническим отделом в чрезвычайно тяжелых условиях создается ряд крупнейших научно-исследовательских институтов.

Владимир Ильич придает громадное значение ознакомлению наших технических сил с иностранной наукой и техникой. Он поручает Румянцевскому музею, Публичной библиотеке и ряду других учреждений организовать систематический обмен наших научных изданий с заграничными. Одновременно образуется в Берлине специальное бюро по ознакомлению России с иностранной техникой. Владимир Ильич дает поручение Высшему совету народного хозяйства организовать дело ознакомления с иностранной наукой и техникой так, чтобы у нас было по несколько экземпляров самых совершенных европейских и американских машин на ходу, доступных для осмотра всем желающим. К сожалению, как это, так и ряд других чрезвычайно важных практических заданий Владимира Ильича не было выполнено по ряду причин — либо за отсутствием средств, либо по неумению, либо благодаря сопротивлению бюрократического советского аппарата, часто, по выражению Владимира Ильича, работавшего против нас, либо потому, что задания Владимира Ильича казались неосуществимыми и фантастичными, — Владимир Ильич же, по тем или иным соображениям, сам не настаивал на их выполнении. Но когда Владимир Ильич сам принимался за выполнение таких замыслов, то в его руках они быстро облекались в плоть и кровь, осуществлялись им с гениальной настойчивостью.

Владимир Ильич с особенной настойчивостью добивался того, чтобы в наших библиотеках была вся иностранная научная и техническая литература за годы войны и позднее. К сожалению и позору нашему, это задание далеко еще не выполнено. Например, в библиотеке Московского высшего технического училища, которая до войны считалась одной из лучших технических библиотек, за 1914—1922 годы почти не имеется иностранных книг и журналов.

В последнее время Владимир Ильич проявил совершенно исключительный интерес к задачам сельскохозяйственной науки. Ле-

том 1922 года Владимир Ильич, будучи уже больным, послал мне через Марию Ильиничну за границу поручение — собрать и привезти с собой все материалы, касающиеся «Обновленной земли». Никаких объяснений того, что такое эта «Обновленная земля», в письме не было. Мы были поставлены в тупик, и стыдно было признаться в том, что мы за границей настолько отстали от жизни Советской России, что не понимаем, что такое «Обновленная земля». Стыдно было признаться в своем незнании Владимиру Ильичу. Где только за границей я не наводил справок об этой «Обновленной земле»! Решительно никто не знал. Наконец, убедившись в том, что и другие товарищи об этом вопросе не имеют никакого представления, я написал в Москву и чистосердечно признался Владимиру Ильичу в своем незнании и в том, что хотел это от него скрыть. Дело оказалось очень простым. «Обновленная земля» оказалась книгой, написанной американцем Гарвудом и переведенной на русский язык покойным профессором Тимирязевым¹. В книге этой в чрезвычайно убедительной форме описывались достижения в области применения сельскохозяйственных наук в Америке. Впоследствии, по моем возвращении в Москву, Владимир Ильич, уже лежа в постели, неоднократно возвращался к вопросу об «Обновленной земле», горько сетовал на нашу косность и бюрократизм, благодаря которому люди не желают или не умеют видеть вперед. «Что-то не видать у нас «Обновленной земли», — говорил Владимир Ильич. — Узнайте в Наркомземе, сколько вагонов усовершенствованных семян привезли из-за границы». Заинтересовался он также очень работами нашего «Лутера Бёрбанка» (Лутер Бёрбанк — знаменитый американский ученый, о котором много говорилось в книге Гарвуда), самоучкой-самородком Мичуриным, делающим чудеса в своем питомнике в Козловском уезде Тамбовской губернии. Образцы выведенных Мичуриным новых изумительных растений были присланы в Москву и должны были быть к весне посажены в Горках, чтобы Владимир Ильич мог лично удостовериться в достижениях русской сельскохозяйственной науки. В последнее время, пользуясь именем Владимира Ильича и указывая на то значение, которое он придавал делу сельскохозяйственных наук, научных исследований и применению на практике этих исследований, удавалось несколько поддержать работу Мичурина, а также, в мизерной степени, работы профессора Арцыбашева по дендрологии (усовершенствование лесных пород) и интродукции (ввозу) новых растений. Еще не удалось, но, вероятно, удастся поддержать дело огромной практической важности, начатое по почину и с благословения Владимира Ильича — по сельскохозяйственной микробиологии (разведению и распространению особых нитрофицирующих бактерий, на много процентов улучшающих почву и урожай) — профессором Омелянским и собравшейся вокруг него группой един-

¹ Имеется в виду книга: *Harwood W. S. Thw New Earth: triumphs of modern agriculture in America*. N. Y.; L., 1906. В русском переводе: *Гарвуд А. Обновленная земля. Сказание о победах современного земледелия в Америке*. Предисловия автора и К. А. Тимирязева. М., 1909, 1919, 1924, 1925. *Ред.*

ственных знатоков этого дела. Громадную помощь Владимир Ильич оказал Шатиловской опытной станции, которая в крупном масштабе ставит размножение усовершенствованных семян овса, которое будет иметь громадное значение и даст реальные результаты в самом недалеком будущем.

Необходимо еще отметить то, как Владимир Ильич относился к научным деятелям и научно-техническим вопросам в их общей постановке. Научного работника Владимир Ильич ценил не только по его таланту, уму, научным работам, государственному подходу, но и с точки зрения его умения приспособляться к советским условиям и желания честно работать на пользу трудящихся. В деле оказания помощи научным работникам в годы разрухи и голода наука целиком обязана Владимиру Ильичу, который широко пошел навстречу организации центральной комиссии по улучшению быта ученых. Ко многим отдельным ученым Владимир Ильич относился с особой заботой и вниманием, как это, например, имело место по отношению к академику Павлову. Владимир Ильич десятки раз проверял, оказана ли ему помощь, какая, нет ли каких препятствий, все ли сделано, что нужно, и очень бывал недоволен, когда замечал какое-нибудь упущение. В своих статьях и речах Владимир Ильич учил, как нужно относиться к специалистам, требовал окружения их товарищеской обстановкой, вовлечения в общее дело. Соответствующий пункт об отношении к специалистам введен VIII съездом в Программу Коммунистической партии, автором которого является Владимир Ильич. Значению научно-технической работы в Программе нашей партии отведен особый абзац, в котором говорится следующее: «Советская власть уже приняла целый ряд мер, направленных к развитию науки и ее сближению с производством: создание целой сети новых научно-прикладных институтов, лабораторий, испытательных станций, опытных производств по проверке новых технических методов, усовершенствований и изобретений, учет и организация всех научных сил и средств и т. д. РКП, поддерживая все эти меры, стремится к дальнейшему их развитию и созданию наиболее благоприятных условий научной работы в ее связи с поднятием производительных сил страны»¹. Абзац этот был включен в проект Программы партии дополнительно при поддержке Владимира Ильича.

Смерть Владимира Ильича является громадной, совершенно незаменяемой утерей для русской науки и техники.

Помня заветы великого учителя, наука и техника должны неуклонно идти по намеченному его гением пути — пути овладения силами природы, уничтожения эксплуатации, устранения экономического неравенства и достижения человечеством всеобщего благополучия и лучезарного будущего.

*Великий строитель.
Памяти В. И. Ленина.
М., 1924. С. 66—69*

---

¹ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1959. С. 405. *Ред.*

В. И. УЛЬЯНОВ-ЛЕНИН
И УЛУЧШЕНИЕ ГОСАППАРАТА ¹

Способы, какими производится и производилось около трех лет в Советской России удешевление аппарата, сокращение государственных учреждений и предприятий, состоявших на государственном бюджете, — различны: нормирование штатов, перевод учреждения или предприятия на хозяйственный расчет, перевод его на местные средства, сжатие аппарата и механическое сокращение — вот эти способы.

Нельзя не отметить отношения тов. В. И. Ульянова-Ленина к вопросу о «сокращении штатов нашего госаппарата».

Еще в период гражданской войны, когда разбухание советских учреждений создавало благоприятную почву для роста в них бесхозяйственности, канцелярской волокиты, бюрократизма, этого наследия довоенной эпохи, тов. В. И. Ленин 3 мая 1919 г. подписал постановление СТО о немедленном сокращении штатов отдельных ведомств и учреждений на 25—50 % и о создании для этой цели в отдельных комиссариатах Штатных комиссий. Еще раньше при участии тов. Ленина была образована при НК РКИ Штатная комиссия, в задачи которой входило сокращение штатов при рассмотрении и утверждении смет отдельных учреждений и ведомств. Незначительность результатов работ этой Комиссии и вызвала в жизнь постановление СТО от 3 мая 1919 г.

Перед VIII Всероссийским съездом 11 декабря 1920 г. по предложению тов. Ленина создается Организационное совещание и Штатная комиссия при нем. Цель создания упомянутого совещания — борьба с разбуханием учреждений, установление для них твердой структуры и твердых штатов. На VIII съезде Советов, как мера к улучшению государственного аппарата, намечается нормирование штатов. Совет Народных Комиссаров при участии тов. Ленина с декабря 1920 года по 25—28 апреля 1921 года намечает ряд мероприятий, направленных к одной цели: сократить штаты государственных учреждений. К 15 февраля 1921 года Организационное совещание и Штатная комиссия при нем распускаются. Функции Организационного совещания передаются Малому Совнаркому. 15 февраля того же года Совнарком издает постановление о сокращении числа низших канцелярских служащих наркоматов; 16 февраля — устанавливает нормы сокращения числа сотрудников ВСНХ и НКПроса. 28 февраля — нормы сокращения числа сотрудников Наркомздрава и Наркомпочтеля; 7 марта — нормы сокращения сотрудников Наркомпрода и Наркомата по Военным и Морским делам; 14 марта — вырешает вопрос о сокращении штатов НК РКИ; 16 марта обязывает Народный комиссариат труда в пятидневный срок

¹ Центральная Штатная комиссия при Народном комиссариате труда после трех лет работы ликвидируется, и ее функции переходят к РКИ. *Ред.*

внести в Совнарком проект постановления о мерах, необходимых для действительного сокращения числа сотрудников наркоматов; 20 марта — утверждает постановление о разработке положений об отдельных наркоматах; 25—28 апреля 1921 года образует при Народном комиссариате труда «Временную Комиссию по проведению в жизнь фактического сокращения числа наличного состава сотрудников центральных учреждений наркоматов и разработке твердых штатов их»; 29 сентября того же года Совнарком преобразовал Временную комиссию в Штатную (Центральную при НКТ).

Все эти мероприятия ставили перед отдельными ведомствами и учреждениями Советской Республики одно задание — сократить штаты или наличный состав сотрудников последних. Этим преследовалась цель — пресечь безудержное разбухание учреждений и тем уменьшить бремя, которое своей тяжестью ложилось на государственный бюджет молодой Советской страны. *Все указанные постановления принимались при участии тов. Ленина, а большинство из них и по его предложению.*

Свою работу по сокращению штатов центральных учреждений Штатная комиссия начала с изучения ряда учреждений отдельных ведомств, с обследования народных комиссариатов, с собирания материалов для той большой работы, которая была возложена на нее. Постановление Совета Народных Комиссаров от 12 июля 1921 года о коллективной оплате рабочих и служащих государственных учреждений и предприятий вынудило Комиссию в срочном порядке разработать штаты и сократить наличный состав сотрудников по ряду наркоматов и центральных учреждений, в том числе и в Управлении делами Совета Народных Комиссаров. Работу по нормированию штатов Управления делами СНК Комиссия выполнила в период нахождения тов. Ленина вне Москвы. *Управделами СНК не раз указывал Комиссии, что мероприятия по сокращению штатов Управления делами, намеченные ею, вызовут протест тов. Ленина, как только тот вернется к работе. Однако, вместо нагоняя от Владимира Ильича, вскоре после возвращения его к делам, Штатная комиссия получила из Управления делами документы, вполне подтверждающие правильность разрешения Комиссией поставленного перед ней вопроса. Более же всего эти документы свидетельствуют о скромности Председателя Совнаркома РСФСР: 8 сентября Управление делами Совнаркома просило Комиссию об утверждении двух штатных должностей, а 26 сентября об увеличении на три должности штата канцелярии, при этом с разрешения и согласия Председателя Совнаркома тов. Ленина; причем первая просьба по предложению тов. Ленина подтверждалась ответственным руководителем органа, для связи с которым и требовалось увеличение числа должностей по Секретариату Совнаркома, Секретариату тов. Ленина.*

В период работы Комиссии ВЦИК по пересмотру и сокращению учреждений РСФСР (тов. Ларина) управляющий делами Совета Народных Комиссаров не один раз по телефону и отношениями, по поручению тов. Ленина, запрашивал Комиссию о фактическом

наличии служащих наркоматов в те или иные сроки, по которым в Комиссии имеются точные данные. На 20 марта 1922 года *Комиссия уже смогла дать для тов. Ленина справку* о работе, проделанной ею (самостоятельно), и о мерах сокращения, намеченных Комиссией ВЦИК. В марте 1922 года Штатная комиссия приняла участие в работах Комиссии, назначенной Председателем Совета Народных Комиссаров для разработки вопросов о сокращении числа междуведомственных комиссий, *образование этой Комиссии опять-таки свидетельствует о неуклонных заботах тов. Ленина упростить государственный аппарат.*

В период с сентября 1921 года по сентябрь 1922 года Центральная штатная комиссия по заданиям замнаркома труда тов. Аникста не раз готовила для Председателя Совнаркома справки о работе ее по сокращению штатов, о мерах борьбы с правонарушениями при сокращении штатов в учреждениях и предприятиях, о порядке увольнения за сокращением штатов одиноких женщин и подростков и т. п. Перед началом октябрьской переписи советских служащих (1922 год) Центральная штатная комиссия, *по указанию тов. Ленина уже больного*, приняла участие в разработке плана переписи и содержания опросных по переписи листов. 10 октября Центральная штатная комиссия выступала содокладчиком в Совете Народных Комиссаров на заседании, *в котором председательствовал второй раз после выздоровления от болезни тов. Ленин.* Комиссия имела возможность увидеть, *с каким интересом тов. Ленин относился к вопросу сокращения штатов (НКПС),* и получить в его лице единомышленника в вопросе о срочном и фактическом проведении такового на транспорте.

Выступив с докладом на сессии ВЦИК в октябре 1922 года, тов. Ленин уделил вопросу сокращения штатов в своем докладе очень много внимания. К сожалению, доклад тов. Ленина по вине Центрального статистического управления заключал в себе некоторые неточности в отношении числа ¹ фактического наличия сотрудников и размеров произведенного сокращения штатов и как бы случайно ударил по Центральной штатной комиссии. Однако цель, которую преследовал тов. Ленин, говоря в своем докладе, что «годовая работа всех Комиссий по сокращению штатов учреждений не дала никаких результатов», была направлена в сторону опять-таки усиления работы по сокращению штатов, как работы, связанной с улучшением советского аппарата.

Вопросы труда.
М., 1924. № 3. С. 6—8

---

¹ Вопрос о правильности данных переписи служащих ЦСУ остается на ответственности автора, являющегося председателем Штатной комиссии НКТ. Прим. редакции журнала, опубликовавшей эти воспоминания. *Ред.*

В. И. ЛЕНИН НА ЗАВОДЕ «ДИНАМО»

Замечательным историческим событием в жизни завода «Динамо» был проезд и выступление В. И. Ленина в 1921 году.

К сожалению, у нас на заводе в то время не было стенографистки и мы не догадались пригласить стенографистку со стороны для того, чтобы запечатлеть такое важное событие, как выступление Владимира Ильича на нашем заводе.

Летом 1921 года бывший директор завода «Динамо» К. В. Уханов и работник завода Н. Борисов написали книжку под названием «Из жизни и деятельности Совета рабочих и крестьянских депутатов Рогожско-Симоновского района г. Москвы (март 1917 г.— январь 1921 г.)». В предисловии к брошюре К. В. Уханов и Н. Борисов говорили, что они поставили перед собой задачу показать небольшими штрихами роль революционного рабочего движения в деле создания Советской власти в одном из крупных районов Москвы. «Восстанавливая в памяти с помощью сухих протоколов историю борьбы рабочих района за 4 года,— писали авторы,— невольно чувствуешь могучую силу и выдержку рабочего класса, который в условиях неслыханно тяжелых закрепляет за собой шаг за шагом пути к новой, лучшей жизни». 2 июля 1921 года авторы брошюры сделали на титульном листе дарственную надпись: «Дорогому товарищу Владимиру Ильичу Ленину».

Направляя свою брошюру В. И. Ленину, авторы писали ему: «Дорогой Владимир Ильич! Удели минуту, посмотри нашу брошюру. Думаем, что для истории организации Советской власти будет иметь кое-какое значение. Скажи свои замечания»¹.

Ленин внимательно ознакомился с брошюрой. На многих ее страницах были подчеркнуты строки, на которые он обратил особое внимание. В разделе «Симоновский районный Совет» Ленин тщательно подчеркнул строки: «Симоновский район имел своеобразный характер рабочего движения в отношении всей Москвы, где в течение империалистической войны революционное движение не переставало клочкотать».

В. И. Ленин не только прочел брошюру, но нашел время ответить письмом в президиум Рогожско-Симоновского Совета товарищам К. Уханову и Н. Борисову:

«17/VII.

Дорогие товарищи!

Очень благодарю Вас за присылку книги и за дружественное письмо. Книгу прочел с интересом. Несомненно, для истории организации Советской власти она будет иметь значение.

Посылаю Вам экземпляр только что опубликованного закона о райэкономсоветах и «Наказа». Надеюсь, вы заранее привлечете

¹ Эта брошюра с пометками В. И. Ленина хранится в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. *Ред.*

статистика, дадите ему материал, проинспектируете его работу, дополните ее сами (и очерками еще кое-кого из местных рогожско-симоновских товарищей, если найдутся охотники) и отпечатаете осенью отчет о *содержании* и *итогах* местной экономической работы вашего райсовдепа. Надеюсь, что ваш почин будет тут проявлен и что ваш район окажется из первых в деле развития местного хозяйственного строительства.

Еще раз благодарю и шлю коммунистический привет.

В. Ульянов (Ленин)»¹.

6—7 ноября 1921 года в № 251 «Правды» было опубликовано приветствие динамовцев В. И. Ленину, принятое 4 ноября 1921 года на общем собрании рабочих завода «Динамо»:

«В связи с предстоящей четвертой годовщиной Октябрьской революции общее собрание рабочих и служащих завода «Электросила» № 3 (бывш. «Динамо») не может не вспомнить о том, кто своей непоколебимой верой в силы рабочего класса повел на штурм капиталистических твердынь.

Шлем тебе, дорогой Владимир Ильич, свой пролетарский привет и заявляем, что при осаде капиталистического мира мы будем одни из первых укреплять участок осады электрификацией страны.

Да здравствует Владимир Ильич!

Да здравствует 4-я годовщина Октябрьской революции!»

С этим приветствием динамовцы были в Кремле у В. И. Ленина перед четвертой годовщиной Октябрьской революции и приглашали его приехать 7 ноября 1921 года на торжественное собрание рабочих.

Владимир Ильич пообещал приехать к динамовцам.

Праздничный митинг был назначен в корпусе малых моторов на третьем этаже (теперь инструментальные цехи). К пяти часам вечера на завод стали собираться празднично одетые рабочие со своими семьями. Молодежь взобралась на подкрановые балки и консоли, чтобы лучше видеть Владимира Ильича.

Дни стояли тяжелые. Не хватало лампочек, чтобы осветить цехи, которые фактически не работали. Подъемник, на котором должен был подниматься Ленин, был грузовым. Много забот приложил главный инженер завода Пинес, чтобы подъемник в этот день работал безотказно. Котельная завода работала на плохом торфе; с отоплением цехов дело не клеилось, и для отопления помещения, где должен был выступать Владимир Ильич, пришлось подать горячую воду.

В семь часов руководители завода позвонили в Кремль, им сказали, что Владимир Ильич выехал.

Встречать Владимира Ильича к воротам вышли директор завода, секретарь ячейки, председатель завкома и другие товарищи.

Все волновались: этот приезд был очень важным событием в жизни завода, вместе с тем мы понимали, что несем ответственность за жизнь Владимира Ильича.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 40.

Ленин приехал, когда уже смеркалось, без охраны, без сопровождающего — один. Автомашина остановилась у ворот завода, Владимир Ильич быстро вышел из нее и поздоровался с нами. Сначала все пошли в кабинет директора, надеясь побеседовать с Лениным о делах завода. В кабинете директора вместе с В. И. Лениным оказалось человек восемь, среди них товарищи Уханов, Максимов, Вежис, Прянишников, Пинес.

Владимир Ильич, не раздеваясь, стоя опершись о стол, стал беседовать о заводе, о трудностях производства из-за отсутствия материалов и топлива. Подробно расспрашивал, что выпускает завод, как обеспечивается электроэнергией в связи с пуском Каширской электростанции. На эти вопросы отвечал главный инженер Пинес.

Владимир Ильич внимательно выслушал его и сказал:

— Во-первых, составьте короткую записку о том, в чем вы нуждаетесь, и завтра представьте ее мне; мы как-нибудь поможем заводу. Во-вторых, что вы делаете для электрификации сельского хозяйства?

Мы делали тогда немного. Завод выпускал нефтяные двигатели типа «Горнсби», а нефти не было, отпускали ее в ограниченном количестве, по нарядам, и сельскому хозяйству доставалось мало.

Потом Ленин спросил:

— Какую помощь вы получаете от Каширской подстанции? Оказали ли вы ей какую-нибудь помощь?

Пинес рассказал, что завод отпустил подстанции масляные выключатели и фарфоровые высоковольтные изоляторы, а помощь Каширской подстанции дала возможность заводу работать в дневную смену.

Наконец Ленин заметил:

— Товарищи, нас ждут, пойдемте на собрание.

Все вышли во двор и двинулись по направлению к корпусу, где рабочие уже ждали Владимира Ильича.

Тогда на заводе работала большая группа узбеков. Они выбежали навстречу Ленину и кричали: «Ура!» Узбеки были счастливы, что близко увидели Ленина, с именем которого было связано освобождение угнетенных народов Средней Азии.

Когда В. И. Ленин поднялся на подъемнике на третий этаж корпуса малых моторов, цех дрогнул от аплодисментов, возгласов: «Ура!», «Да здравствует товарищ Ленин!»

Все стоя приветствовали Ленина, всем хотелось увидеть его поближе. Затем все притихли, не было слышно ни шороха.

Жадно, с огромным вниманием слушали мы речь Владимира Ильича.

Ленин говорил просто, часто обращался к нам с вопросами, словно беседовал с рабочими.

Как сейчас помню: стоит Владимир Ильич на трибуне, левой рукой держит отворот пиджака, а правой энергично жестикулирует.

— Коммунизм нельзя построить, если мы не электрифицируем всю страну! — говорит Ленин и после короткой паузы обращается к нам: — Вы должны начать производство электрических машин

и выпускать их как можно больше!.. Если у вас будут трудности, приходите ко мне, скажите только, что вы с «Динамо».

Затем Владимир Ильич обратился к собранию с вопросом:

— Можете ли вы, товарищи, помочь в электрификации деревни?

Рабочие ответили:

— Постараемся, Владимир Ильич.

Мы понимали, что Ленин рассматривал наш завод как одну из баз электрификации. Ленин говорил также о смычке рабочих и крестьян, об укреплении нашей промышленности, о кооперации, о Красной Армии и международном положении.

— Советская власть с каждым днем приобретает в сознании трудящихся все больше и больше значения, убеждая их в том, что она, как таковая, есть власть самих трудящихся. «Человек с ружьем — страшный в прошлом в сознании трудящихся масс, не страшен теперь, как представитель Красной Армии, и является их же защитником»¹.

Речь свою В. И. Ленин закончил словами:

— Мы освободились от ига капитала и приведем к освобождению всех угнетенных земного шара. Крепче сжимайте ряды, и мы победим.

Гром аплодисментов заключил его речь.

Когда Ленин говорил, лица у всех были напряженные, всем хотелось слушать его еще и еще, без конца.

С великой энергией трудились динамовцы над претворением в жизнь заветов Владимира Ильича.

Старые рабочие, как эстафету, передавали молодежи слова вождя. И я, почти полвека проработав на заводе, своими глазами видел, как благодаря героическим усилиям коллектива бурно рос и развивался завод, как одно за другим осваивал новые изделия, увеличивал их выпуск.

Во время своего посещения «Динамо» В. И. Ленин беседовал с рабочими о их нуждах. Кто-то сказал ему, что для увеличения выпуска продукции литейному производству не хватает топлива. Это было сказано вскользь, но Ленин не забыл дать распоряжение помощнику управляющего делами Совнаркома В. А. Смольянинову, ведавшему экономическими делами, об увеличении выдачи заводу кокса.

В. А. Смольянинов писал в связи с этим в «Москвотоп»:

«При посещении тов. Лениным завода «Динамо» 7 ноября 1921 года ему было заявлено, что развитие производительности завода сильно тормозится недостаточным количеством выдаваемого кокса.

В. И. Ленин просил меня точно выяснить возможность выдачи кокса заводу «Динамо» в требуемом количестве».

В. А. Смольянинов, а затем «Москвотоп» сообщили нам, что заводу отпущено 200 пудов кокса. Так оперативно был разрешен этот вопрос.

Накануне пятой годовщины Октябрьской социалистической революции на общем собрании рабочих в большой токарной мастер-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 238.

ской было решено просить Владимира Ильича вторично посетить наш завод. На этом же собрании решили завести «Красную книгу» для памятных записей в ней почетных гостей. Избрали делегацию для поездки к Владимиру Ильичу.

21 октября завком писал Ленину: «Дорогой Владимир Ильич! Завком завода «Динамо», создавая к Октябрьскому празднику «Красную книгу» рабочих «Динамо» в память посещения завода вождями и руководителями рабочего класса, просит Вас, Владимир Ильич, положить первый автограф в нашей книге, как посетившего нас в Октябрьский праздник 1921 года и вложившего новую энергию в нашу заводскую работу».

Владимир Ильич принял делегацию динамовцев и от души приветствовал ее.

В «Красной книге» Владимир Ильич написал: «С коммунистическим приветом Ульянов (Ленин)».

Владимир Ильич обещал приехать к динамовцам 7 ноября 1922 года. На письме завкома он написал: «Напомнить мне в ноябре. Ленин».

Но нездоровье помешало Ленину приехать второй раз к динамовцам.

В 1923 году во время работы XII съезда РКП(б), на котором В. И. Ленин отсутствовал по болезни, с приветствием к съезду обратились рабочие нашего завода. Делегацию рабочих возглавлял старший мастер большой токарной мастерской Г. И. Королев. В подарок съезду делегация преподнесла выгравированный на серебряной пластинке портрет Ленина и знамя. Выражая мысли и чувства всех динамовцев, Г. И. Королев сказал: «Мы подносим Центральному Комитету портрет товарища Ленина и говорим: «Храните его, ибо он у нас единственный».

14 мая 1922 года газета «Правда» в день двадцатипятилетнего юбилея завода «Динамо» в передовой писала о заводе:

«Посмотрите на его историю, и вы увидите перед собой, как в зеркале, историю пролетариата». И далее говорилось: «Если бы все заводы были похожи на «Динамо» — нам не были бы страшны ни Антанты, ни внутренние контрреволюции... Равняйтесь по боевому заводу московских рабочих!»

Оглядываясь на пройденный путь, мы с гордостью можем сказать, что динамовцы высоко держат знамя великого Ленина.

*О Владимире Ильиче Ленине.
Воспоминания. 1900—1922 годы.
М., 1963. С. 610—614*

А. Л. ВАЙНШТЕЙН

ДВЕ ВСТРЕЧИ С В. И. ЛЕНИНЫМ

Шел 1920 год. Позади остался разгром Колчака, Деникина, Юденича, очищена была от белогвардейцев почти вся территория Советской России, но в Крыму сидел еще барон Врангель с остат-

ками загнанных сюда полков Деникина. Ликвидации этой занозы в теле молодой Советской Республики ожидали со дня на день, и был уже образован будущий Крымский ревком во главе с Д. И. Ульяновым — братом Владимира Ильича Ленина, формировался аппарат ревкома. Об этом я узнал от заведующей Бюро цен ВСНХ В. Л. Швейцер, которую Дмитрий Ильич пригласил на работу в Крым.

Я работал тогда помощником заведующего статистическим отделом ВСНХ. В Москве было по-прежнему голодно и холодно, и меня потянуло куда-нибудь к теплу, к солнцу. Я попросил тов. Швейцер выяснить у Д. И. Ульянова, не нужен ли ему для организации будущего Крымстатбюро статистик. Через несколько дней она сообщила, что Дмитрий Ильич просит зайти к нему для переговоров. В назначенный день и час я был у Дмитрия Ильича в номере гостиницы «Метрополь», где он принимал посетителей по делам Крымского ревкома.

Я увидел перед собой высокого, плотного седого человека в полувоенном костюме, с прямоугольной бородкой. Лицом и взглядом он напоминал Владимира Ильича.

Дмитрий Ильич принял меня очень приветливо, подробно расспросил, что я сейчас делаю и где я работал ранее. Я рассказал ему, что уже два года нахожусь на руководящей статистической работе, что больше всего интересуюсь вопросами экономики и статистики сельского хозяйства. Далее в беседе я упомянул о том, что штудировал все основные экономические труды В. И. Ленина, в особенности его выдающееся исследование «Развитие капитализма в России», в котором меня всегда поражала широта охвата, мастерство обработки и тонкость анализа земско-статистических материалов.

Мы беседовали около часа. Дмитрий Ильич предложил мне поехать с ним в Крым организовать там республиканское статбюро. Он просил принести заявление на его имя и документы в Кремль, где он жил.

Через два дня я снова был у Дмитрия Ильича, на сей раз в Кремле. Он встретил меня радушно и стал просматривать мои документы. Вдруг в комнату вошел В. И. Ленин. Дмитрий Ильич обратился к нему:

— Володя, это вот тот статистик, о котором я тебе говорил, горячий поклонник твоего «Развития капитализма...».

Владимир Ильич посмотрел в мою сторону и поздоровался с дружеской улыбкой. Он осведомился, что привело меня к изучению этой книги. Я рассказал, что работаю в Высшем семинаре сельскохозяйственной экономики и политики при Тимирязевской академии над вопросами трудовых затрат на продукты полеводства, что мне приходится много рыться в земско-статистических, в частности оценочных, материалах, что исследование географии трудовых затрат даст возможность правильно определить нормы землепользования и получить материал для установления порайонных цен сельскохозяйственных продуктов. Труд же Владимира Ильича как раз мне очень помог в методологическом отношении.

Тов. Ленин продолжал меня расспрашивать. Я сообщил ему, что до ВСНХ работал руководителем отдела статистики в Московском губсовнархозе вместе с Инессой Арманд. Узнав из дальнейшей беседы, что я штудировал в подлиннике труды Маркса и полностью разделяю его экономическое учение, Владимир Ильич вдруг спросил меня:

— А почему вы не вступаете в партию? Ведь нам нужны молодые, честные специалисты, сочувствующие целям партии и разделяющие учение Маркса.

Я посмотрел на Владимира Ильича и вдруг брякнул:

— Я еще не совсем могу согласиться с диктатурой пролетариата.

Владимир Ильич поглядел на меня, немного прищутив глаз, и с ласковой усмешкой, но как-то очень выразительно сказал:

— Это, батенька мой, в вас интеллигентская закваска бродит!

На этом наша беседа в тот раз закончилась. Владимир Ильич и Дмитрий Ильич дружески попрощались со мной, и я ушел. Впоследствии я не раз вспоминал, внутренне улыбаясь, о своем наивном ответе.

* * *

В 1921 году я перешел на работу в плановое управление Наркомзема РСФСР, куда меня давно влекли научные интересы. Положение сельского хозяйства было тогда очень тяжелым. По предложению Наркомзема среди других экономических вопросов я занялся исчислением тяжести обложения крестьянского хозяйства в годы Советской власти по сравнению с дореволюционным временем, а также разработкой рациональной системы сельскохозяйственного налога. С результатами этой работы мне приходилось выступать в междуправительственных комиссиях и в высших государственных учреждениях. В феврале 1922 года я опубликовал в журнале «Сельское и лесное хозяйство» статью о тяжести обложения крестьянского хозяйства, в которой привел краткие итоги моих исчислений за 1920—1921 и 1921—1922 годы в сравнении с дореволюционным временем.

В один из ранних весенних дней 1922 года у меня в квартире раздался телефонный звонок. Звонила секретарь наркома земледелия Осинского.

— Товарищ Вайнштейн, это вы? Сейчас за вами заедет товарищ Осинский, поедете с ним на заседание правительственной комиссии по сельскохозяйственному налогу. Ждите.

Через полчаса я и товарищ Осинский уже были в Кремле. Заседание комиссии еще не началось. Члены ВЦИК, руководители и ответственные работники наркоматов стояли группами, оживленно беседуя. Здесь же находился М. И. Калинин. Я скромно жался в стороне в ожидании начала заседания.

Неожиданно в зал быстрыми шагами вошел В. И. Ленин. Он на ходу здоровался, перекидываясь иногда несколькими словами,

а иногда задерживаясь дольше с кем-либо из присутствующих. Случайно он взглянул в мою сторону и увидел меня.

— А, статистик! — приветствовал он меня с дружеской улыбкой, подойдя и пожимая руку. — Что ж, читал я вашу статью, читал. Ничего!

Не в силах что-либо вымолвить, я только смотрел на его приветливое лицо.

— Но, знаете ли, допустили вы в ней два промаха. Вы подсчитали только прямые и косвенные налоги и сборы с крестьян до революции, а нужно было учесть и платежи помещику за аренду земли. Ведь это также был неоплаченный труд крестьянина, извлекавшаяся из него прибавочная стоимость. А земельные платежи по России могли составить около полумиллиарда рублей золотом!

Во-вторых, вы делали все подсчеты для крестьянства в целом и получили, что Советская власть в прошедшие годы брала у крестьянства по отношению к доходу больше, чем оно платило до революции. Для всего крестьянства *en bloc* (в целом. — А. В.) ваш вывод, вероятно, правилен. Но нужно было разбить крестьянство хотя бы на три основные экономические группы, и тогда бы, весьма возможно, оказалось, что с зажиточных хозяев мы действительно брали налогов больше, с середняков не больше, а с бедняков значительно меньше, чем они платили до революции. А ведь это и есть принцип большевистской политики!

— Владимир Ильич! Ваше первое замечание я целиком принимаю, — ответил я, — и уже дополняю свои расчеты. В исследовании, которое я надеюсь в ближайшем будущем опубликовать, найдут место результаты погубернских исчислений платежей по аренде, банкам и вообще всех земельных платежей крестьянства до революции. Что же касается второго вашего замечания — об отсутствии расчетов обложения по группам крестьянства, — то ведь Наркомпрод не дает сведений о заготовках и изъятиях по социальным группам хозяйств. Такие данные можно было бы получить только из бюджетных обследований крестьянских хозяйств, но и ЦСУ не публикует сводки бюджетов в такой группировке. Я собираюсь лично обратиться к Павлу Ильичу¹ за разрешением сделать необходимые извлечения из первичных материалов, собранных ЦСУ, но не знаю, увенчается ли моя попытка успехом.

— Если вы не раздобудете необходимых вам данных, то позвоните мне через Секретариат Совнаркома, и мы оба нажмем на Павла Ильича, чтобы вы могли получить или выбрать необходимые сведения.

Но тут началось заседание комиссии, и наша беседа должна была оборваться.

Получить необходимые данные по группам крестьянских хозяйств в ЦСУ мне так и не удалось. Но и обратиться за содей-

---

¹ П. И. Попов — в то время управляющий Центральным статистическим управлением (ЦСУ). *Ред.*

вием к Владимиру Ильичу, увы, было уже невозможно: вскоре после нашей второй встречи он тяжело заболел и уехал в Горьки. Больше я его не видел...

Сейчас, на склоне лет, восстанавливая в памяти мельчайшие подробности моих встреч с Лениным, я всегда заново переживаю глубокое волнение, которое владело мною в те дни. Снова и снова возвращаясь мысленно к этим встречам, я поражаюсь прежде всего замечательной памятью Владимира Ильича. Ведь со времени нашей первой встречи — в феврале 1920 года — до второй прошло более двух лет, и все же он сразу узнал меня.

Помню, я был очень удивлен, что Владимир Ильич, несмотря на огромную занятость, находил время внимательно следить за текущей экономической литературой в интересующей его области. Нельзя было не поразиться тому, с какой точностью он указал сумму дореволюционных арендных и земельных платежей крестьян. Надо было очень глубоко изучить и знать экономику дореволюционной русской деревни, чтобы сразу же так близко подойти к действительной цифре. Мои последующие скрупулезные исчисления внеадельных арендных и банковских платежей только по 50 губерниям России дали сумму 376 млн руб.¹. Если принять во внимание, что основной массив арендуемых земель находился на указанной территории, то по всей России арендные и банковские платежи крестьянства должны были приблизительно составить названную Владимиром Ильичем сумму.

Наконец, я не могу не подчеркнуть огромное личное его обаяние, чрезвычайную простоту обращения. Эти черты характера Владимира Ильича не раз вспоминали его современники. Его умный, приветливый взгляд проникал глубоко в душу собеседника и располагал к откровенности. И в беседе с Ильичем, казалось, невозможно было ему солгать, даже в мелочах. Поэтому я сразу не задумываясь, ответил ему при первой встрече на вопрос о том, почему я не в партии. Владимир Ильич не рассердился, как, может быть, сделал кто-либо другой на его месте; наоборот, ему, видимо, пришлось по душе мой искренний ответ.

И позже, во время второй нашей встречи, Ленин — прославленный ученый, глава правительства и партии — беседовал со мной, молодым, совсем еще не оперившимся научным работником, как с младшим товарищем, совсем запросто и дружески указывая мне на недочеты в исследовании, которые желательно было бы устранить.

Встречи с Владимиром Ильичем навсегда останутся в моей памяти.

*Наука и жизнь. 1962.
№ 10. С. 71—72*

---

¹ См.: Вайнштейн А. Л. Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время. М., 1924. Ред.

Л. ВИЛЮМСОН

НА ВАЖНЫЕ ВОПРОСЫ ЛЕНИН РЕАГИРОВАЛ НЕМЕДЛЕННО

Хотя я несколько раз слышала выступления Ленина с трибуны, с ним лично я не встречалась. Однако мне довелось познакомиться с Ильичем косвенно.

С 1921 года я работала в Москве секретарем председателя правления Центросоюза Льва Михайловича Хинчука. Вся корреспонденция в секретариате проходила через мои руки. В 1921 и 1922 годах среди полученных писем было 7—8 писанных рукою Ленина (ныне они хранятся в Музее В. И. Ленина в Москве). В этих письмах речь шла главным образом о вопросах кооперации. Ленин имел обыкновение писать от руки, а не диктовать машинистке.

Через мои руки тогда проходило много различных писем. На все важные вопросы Ленин реагировал немедленно и от других тоже требовал быстрых и энергичных действий. Вспоминаю, например, следующий случай. В «Правде» была напечатана статья о кооперации. В тот же день мы получили от Ленина записку примерно такого содержания: «Лев Михайлович, что думаете делать в связи с сегодняшней статьей в «Правде»?»¹

В память врезался еще и такой случай. Произошло это в 1922 или 1923 году перед каким-то революционным праздником. Правление Центросоюза заказало красивые деревянные коробки. Они были наполнены образцами конфет, выпускавшихся кондитерской фабрикой Центросоюза, и в качестве праздничного подарка разосланы всем членам правительства. Но Ленин этого подарка не принял. Попробовали вторично поднести ему подарок при содействии его секретаря Фотиевой, но и на этот раз Ленин отослал его назад, велел передать, что все необходимое у него есть. Он сказал: «То, что вы мне прислали, народу недоступно, поэтому принять не могу. Советую впредь такими делами не заниматься».

Таков был Ленин, и таким он неизгладимо запечатлелся в моей памяти.

*О Ленине. Воспоминания
революционеров Латвии.
Рига, 1959. С. 256—257*

Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ

ВСТРЕЧА В СОВХОЗЕ «ЛЕДОВО»

...Хорошо помню, когда комиссия ГОЭЛРО составляла план электрификации Советской страны, около двухсот крупнейших русских ученых приняли участие в этой огромной работе. Она прошла успешно только потому, что сам Ленин руководил ею и оказывал

¹ Текст записки не разыскан. *Ред.*

помощь. Помогать же он умел совершенно неощутимо. Он редко правил рукописи, почти не входил в детали, он давал общий тон и подводил людей к тому, что ему хотелось самому сказать. Нам в комиссии ГОЭЛРО иногда казалось, что мы осуществляем исключительно свои замыслы. На самом деле все эти мысли были в какой-то степени подсказаны Лениным...

После тяжелой и спешной работы осенью 1921 года я почувствовал сильное переутомление. Владимир Ильич первым заметил неважное состояние моего здоровья и заговорил со мной о необходимости немедленного отдыха.

— Вот что, Глеб Максимилианович, — сказал он. — Поезжайте-ка вы в Ригу. Там есть хорошие санатории. Вам следует отдохнуть и подремонтировать свое здоровье.

От Риги я решительно отказался. Уж если отдыхать, то только в обстановке нашей милой русской природы, которую я, как волжанин, всегда очень любил и люблю. Владимир Ильич сразу меня понял.

Стали искать подходящее место под Москвой. Ленин назвал Каширский уезд.

Владимир Ильич в то время усиленно занимался вопросами строительства Каширской электростанции. Как хороший, заботливый хозяин, он входил во все мелочи стройки и отлично знал совхозы Каширстроя, созданные в бывших помещичьих имениях. Выбор его остановился на Ледовском совхозе.

— Вот куда вам надо поехать! — воскликнул он. — Очень мне расхваливали это место.

Я узнал, что от железнодорожной станции до села Ледова всего два километра. Каширстрой тоже был рядом. И мы с женой порадовались возможности аккуратно получать московские газеты.

Однако, к великому нашему огорчению, почта в Ледово совсем не приходила, и мы жили в совхозе, отрезанные от всего мира. Это никак не вязалось с укоренившейся у меня и у жены привычкой читать каждое утро свежие газеты, быть в курсе всех событий общественной и политической жизни. Мы, конечно, поругали почту, погоревали, но — что делать? — стали обходиться без газет.

В Ледове нас никто не навещал, добираться от столицы было по тем временам сложно. И, помню, гуляя однажды в саду, мы очень удивились словам работницы, сообщившей о приезде гостя из Москвы.

— Какой гость?

— Не знаю. Я в зал проводила.

Мы пошли к дому. Увидев возле него знакомую машину, чрезвычайно обрадовались приезду Владимира Ильича.

— Ну, как вы здесь отдыхаете? — поинтересовался Ленин.

— Очень хорошо. Единственно, что здесь плохо, — почта работает отвратительно. До сих пор не получили ни одного письма, ни одной газеты, — стали мы жаловаться.

— Ни одной газеты! Ни одного письма! Ужасно! — Владимир Ильич сочувственно покачал головой. — Ох уж эти зловредные почтовики!

Пока работница готовила ужин, мы прошли в сад, где был разбит цветник. Ленин стал расспрашивать, как мы проводим время в Ледове.

Хорошо известно, как чутко относился Владимир Ильич к людям. Он совершенно не умел заботиться о себе, но проявлял трогательную заботу о товарищах по работе. Заставлял их лечиться, добивался для них в годы голода и разрухи дополнительного питания и топлива, интересовался их настроением, старался поддержать в минуту сомнений и усталости. Все это он делал с большой сердечностью и деликатностью, как-то неуловимо, незаметно. И в Ледово Владимир Ильич приехал, чтобы навестить нас в нашем одиночестве. Это было чуткое, сердечное внимание истинного товарища, и оно нас глубоко взволновало. Мы отлично понимали, что значило для перегруженного большой государственной работой Ленина вырвать из своего скудного бюджета времени, в котором была рассчитана каждая минута, несколько часов на поездку в Каширский уезд.

Владимир Ильич мог бы проехать в Ледовский совхоз непосредственно через Каширу прямым, более коротким путем, вдобавок по хорошей дороге. Но он сделал крюк, избрав менее удобную дорогу на Терново. Переправившись через Оку, Ленин поехал на Каширстрой. Несомненно, ему хотелось посмотреть на свое любимое детище. Не помню, останавливался ли он в Тернове. Скорее всего нет. Пройтись просто по лесам стройки в роли наблюдателя Ленин в то время не мог. Рабочая масса обязательно захотела бы послушать своего любимого вождя, что неизбежно привело бы к устройству митинга и оторвало бы от работы тысячи строителей в самый острый, напряженный момент, когда строительство близилось к концу. Ленин торопил каширских строителей с пуском электростанции — она должна была вступить в эксплуатацию к открытию IX съезда Советов, созыв которого был намечен на декабрь, то есть через каких-нибудь два-три месяца. Время было горячее, дорога была каждая минута, митинговать было некогда. Поэтому Владимир Ильич только издали полюбовался выстроенным корпусом электростанции и, не задерживаясь, проехал к нам в Ледовский совхоз.

Мне трудно сейчас вспомнить подробности того сентябрьского вечера. Но хорошо помню, что Владимир Ильич, рассказав, с какими трудностями сооружается Каширка, заговорил о предстоящем 8-м Всероссийском электротехническом съезде. Он должен был открыться 1 октября, ровно через неделю, в Москве к нему усиленно готовились.

Предстоящему съезду Ленин уделял большое внимание. Помню, по его просьбе я дал ему перед нашим отъездом в Ледово учебник по электротехнике, составленный одним немецким профессором. И теперь при встрече в Ледове я поинтересовался, как ему понравилась эта книга.

— Совсем не понравилась, — сказал Владимир Ильич. — Он сравнивает движение электрического тока с переселением народов. Чушь! Не хочу такого дурака читать...

Несмотря на невероятные трудности, Ленин ни одной минуты не сомневался в успешном завершении Каширского строительства. Он глубоко верил в талантливость русских инженеров, руководивших стройкой, верил в умение рабочих самоотверженно работать. Он считал возможным завершить строительство крупнейшей для того времени электростанции в Европе в сроки, соответствующие европейским срокам осуществления подобного рода проектов. Это была дерзость революционера, хорошо знавшего свой великий народ, глубоко верившего в творческие созидательные силы революции.

Строительство электростанции близилось к концу. И Ленин заговорил о Подмосковном угольном бассейне — будущей топливной базе Каширской ГРЭС. Владимира Ильича особенно прельщала предстоящая перспектива использовать для станции угольную мелочь, которая лишь загромождала подмосковные копи.

— Без электрификации это топливо еще целое столетие бесполезно пролежало бы в земле, — сказал Владимир Ильич. — А у нас подмосковный уголь должен гореть и будет гореть.

Владимир Ильич пробыл в Ледове несколько часов. Мы вместе поужинали, и поздно ночью он выехал в Москву.

Покидая совхоз, Ленин сказал нам на прощание:

— А все-таки вы не обижайтесь на «зловредных» почтовиков. Они перед вами ни в чем не виноваты. — В глазах Владимира Ильича вспыхнули веселые искорки. — Приходится сознаваться, — лукаво улыбнулся он, — виноват я!

— Как вы?!

— Если уж отдыхать, то как следует! — сказал Владимир Ильич. — По совету врачей я приказал окружить ваш дом кордоном и запретил доставлять сюда почту, чтобы вы не читали газет... Здесь вам надо только отдыхать, отдыхать по-настоящему, как советуют врачи...

Мне оставалось только развести руками.

*Наш Ильич. Москвичи о Ленине.
Воспоминания, письма, приветствия.
М., 1969. С. 263—266*

А. И. ЕМШАНОВ

УРАЛЬЦЫ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ

ТРАНСПОРТ И ЛЕНИН

Жизни и работе транспорта Владимир Ильич придавал значение исключительное.

Ведя колоссальной сложности работу, тов. Ленин находил время и для транспортных вопросов. Он часто и подробно интересовался деталями работы железных дорог, особенно в периоды топливных кризисов и продовольственных перевозок. Он неослабно наблюдал за ходом ремонта паровозов, вагонов. Уже в первые дни после Ок-

тября, когда в Питере начал ощущаться недостаток продовольствия (я работал тогда на Урале), мы получали от тов. Ленина неоднократно телеграммы, которыми он торопил нас с подвозом хлеба.

Весной 1918 года, когда нам пришлось ликвидировать на Пермской дороге саботировавший государственный контроль, мы получили от тов. Ленина телеграмму, которая, наряду с общими указаниями, указывала нам, как поступить с инвентарем контроля, мебелью, канцелярскими принадлежностями и пр.

Всеобъемлющий ум тов. Ленина позволял ему легко и безошибочно разбираться в самых сложных вопросах транспорта. В период усиленной работы по оживлению паровозов тов. Ленин ставил обязательно в заседаниях СТО под своим председательством доклады основной транспортной комиссии. Доклад ОТК он выслушивал всегда с напряженным вниманием, никогда не ограничивая его временем.

Зимой 1921 года, когда в Москве и Ленинграде особенно было голодно, Владимир Ильич сам следил за продвижением хлеба из Сибири и с Кавказа. Ежедневно мы должны были докладывать ему о количестве вагонов с хлебом, которые двигаются к столицам. Сведения докладывались на особом графическом бланке, показывающем, в каком радиусе от столиц и сколько движется вагонов. Бланк доклада был составлен по личным указаниям Владимира Ильича.

Мне вспоминается один неприятный для нас случай, однако характерный для тов. Ленина. Однажды весной 1921 года Владимиру Ильичу пришлось приехать по Окружной дороге на дрезине. Дрезина им была заказана без ведома НКПС. При поездке в роли пассажира, которого не знала станционная администрация, Владимир Ильич увидел много неприглядных сторон железнодорожной работы. После поездки он написал нам в Коллегию записку, полную горьких, но совершенно справедливых упреков.

Когда нам был урезан план госснабжения и мы приступили к первому сокращению штатов НКПС, тов. Ленин живо интересовался ходом сокращения аппарата и давал личные указания.

В краткой заметке невозможно исчерпать огромного влияния, которое оказывал тов. Ленин на работу транспорта. Многие из транспортников и не подозревают, что они даже в своей узкоспециальной работе часто направлялись твердой рукой тов. Ленина.

Из его речей на наших съездах, отдельных замечаний, записок много не нас учились управлять не только государством, но и нашим советским транспортом.

Помимо неизгладимой утраты, которую понес со смертью Владимира Ильича каждый пролетарий, мы — транспортники в лице тов. Ленина потеряли лучшего учителя и организатора нашего транспорта.

Товарищ Терентий. 1925. № 1. С. 5

ОТЕЧЕСКАЯ ЗАБОТА ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Весной 1922 года В. И. Ленин лег в Московскую больницу, ныне имени Боткина, для операции — удаление пули, оставшейся от предательского выстрела эсерки Каплан. Пуля засела в тканях передней поверхности шеи. Операция под местным обезболиванием была произведена проф. В. Н. Розановым¹. После операции Владимир Ильич просил не присылать к нему специальных дежурных, чтобы не нарушать обычного порядка больницы.

Для перевязок его навещали проф. В. Н. Розанов, операционная фельдшерица К. М. Грешнова и ассистент, автор этих строк.

Владимир Ильич всегда встречал нас тепло и приветливо, с какой-то особой простотой. Во время перевязок он живо интересовался нашей работой, жизнью больницы. Забрасывал нас короткими, четкими вопросами. Занятый важными государственными делами, В. И. Ленин находил время для беседы с нами.

Охотно и просто В. И. Ленин рассказывал нам об актуальных политических вопросах, обращал наше внимание, между прочим, на рутину и косность, еще жившие в наших учреждениях.

Почти всегда беседы были наглядным уроком для нас, представителей советской интеллигенции. Они раскрывали нам глаза на явления, до тех пор непонятные. После каждой беседы с Владимиром Ильичем мы уходили с таким чувством, будто выросли на целую голову. Свободно и легко разбирающийся в людях, В.И. Ленин умел быстро и окончательно убедить, покорить своего слушателя, сделать собеседника навсегда своим поклонником.

Исключительную чуткость, внимание вплоть до мелочей проявлял В. И. Ленин к ученым, к советской интеллигенции. Он трогательно заботился о В. Н. Розанове, стремясь, чтобы профессор не чувствовал ни в чем недостатка. Простота и душевность Владимира Ильича часто заставляли нас забывать о том, что перед нами великий гений человечества.

Мы чувствовали себя с ним, как со старшим товарищем, и было жаль расставаться. Хотелось еще и еще слушать его, хотелось видеть его пронизательный, все подмечающий взгляд, слушать чеканные, простые вопросы и характерную речь со слегка раскатывающимся «р».

Мы на себе испытали замечательную черту В. И. Ленина — заботу о людях. Владимир Ильич часто спрашивал, как живут работники больницы, как и чем они питаются. Эти вопросы тогда, в период продовольственных затруднений, имели большое значение.

---

¹ В воспоминаниях А. Д. Очкина допущена неточность. Операцию по извлечению пули, оставшейся после ранения В. И. Ленина в 1918 г., 23 апреля 1922 г. сделали немецкий профессор Ю. Борхард и старший врач хирургического отделения В. Н. Розанов (в качестве ассистента) в присутствии главного врача больницы В. И. Соколова, наркома здравоохранения Н. А. Семашко и докторов Е. Д. Рамонова и Я. Р. Гольденберга. *Ред.*

И надо сказать, что благодаря заботе В. И. Ленина было значительно улучшено снабжение больницы продуктами питания. Он распорядился также отвести на пустырях вокруг больницы громадную территорию для посадки картофеля и различных огородных культур¹.

Дело это по тем временам было новым, и за него горячо и охотно взялся весь коллектив медицинских работников. Результаты не замедлили сказаться. Мы получили хороший урожай овощей и картофеля.

Характерно, что В. И. Ленин и в дальнейшем не забывал спрашиваться о судьбе огородов. У профессоров В. Н. Розанова и Ф. А. Гетье он частенько спрашивал, как идут дела, кто работает, кто наблюдает и ухаживает за посадками.

Он заботился не только о людях, но и о каждом конкретном человеке. Поглощенный огромной партийной и государственной деятельностью, он все же никогда не забывал о так называемых маленьких делах, добивался, чтобы дело, раз начатое, было доведено до конца. Владимир Ильич Ленин — воплощение великого и простого.

*Воспоминания медиков о В. И. Ленине.
2-е изд. доп. М., 1969. С. 188—191*

А. Г. ШЛИХТЕР

ГОТОВА ЛИ СМЕНА?

Моя последняя встреча с тов. Лениным была в конце лета 1921 года. Совершенно неожиданно для себя я узнал, что состоялось мое назначение по ведомству Наркоминдела, на должность полпреда в Швеции². Проработав все предшествующие годы революции в области хозяйственных вопросов и не желая, кроме того, вообще отрываться от революционной работы в самой ее гуще, дома у себя, я решил поговорить на эту тему с тов. Лениным, надеясь получить от него согласие на перерешение вопроса о моем назначении в Швецию и на оставление меня в России.

Придя к Ильичу, я начал свою беседу с того, что я еще не чувствую необходимости переходить на деловой отдых, каким я считал тогда работу по линии Наркоминдела за границей. Но товарищ Ленин сразу же, сверх обыкновения, не дослушав меня до конца, перебил меня своим решительным возражением:

— Что вы, что вы, дело идет не о посылке вас на покой, хотя вы совсем ошибаетесь, думая, что вам не нужен отдых. Но дело не в отдыхе, а в том, что за границей нам нужно иметь своих людей. Там теперь предстоит нам ответственнойшая работа.

Я продолжал, однако, излагать свои соображения, и мне каза-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 187. Ред.

² Назначение это осталось неосуществленным. Спустя несколько месяцев я был назначен полпредом в Австрию. А. Ш.

лось, что Ильич выслушивает меня, как всегда, внимательно, и признаком этой внимательности был, как всегда, слегка прищуренный глаз. Но вдруг Ильич, опять не дослушав меня, прерывает меня вопросом:

— А вы уже знаете, Саммер¹ умер? — Еще один...

Я был застигнут врасплох этим вопросом Ильича. Мне мгновенно вдруг стало ясно, что Ильич, казавшийся, на первый взгляд, все тем же давно знакомым Ильичем, в действительности был в тот момент совсем другим, каким-то новым, чем-то удрученным и о чем-то упорно думающим в то время, как мне казалось, что он слушает меня. Мне хотелось отвлечь мысли тов. Ленина соображениями о том, что, как ни неожиданна была смерть тов. Саммера, еще здорового, крепкого и цветущего человека, все же нам, именно нам, старым работникам партии, надо быть готовыми к систематическому уходу одного за другим...

— Ну что же, Владимир Ильич, — ответил я ему, — ведь поработали, теперь можно и уходить, ведь смена уже готова.

Долго, долго, молча, не спуская глаз с меня, смотрел Ильич.

— Нет, вы не правы, — был его ответ. — Рано еще уходить. Еще надо годиков пять поучить.

Как пронизателен оказался Ильич! Как глубоко он знал партийную среду вообще и многих из партийных работников в частности! Ведь это было сказано за полтора года до того момента, когда лозунг Троцкого: «Молодежь — барометр партии» в течение нескольких месяцев трепал в жестокой дискуссионной лихорадке нашу партию и туманил головы в особенности ее молодых членов. По-видимому, Ильич уже в момент моего последнего свидания с ним чувствовал себя больным, и, может быть, ответ мне о том, что рано еще уходить, был в то же время ответом на его собственные мысли о надвигающемся нездоровье. Вспоминал ли он потом, в тяжкие дни своей болезни, об этом пятилетнем сроке? В этом отношении мы, собственно, о тов. Ленине еще ничего почти не знаем...

Прошло с момента моего последнего свидания всего только полтора года, оставалось еще три с половиной года до истечения им же самим назначенного срока, — и... вот я опять вижу Ильича, уже в последний раз, стоя у его изголовья в те дни, когда, по выражению тов. Бухарина, он производил свой последний смотр всей коммунистической партии. И, глядя на дорогие черты, хотелось послать Ильичу тот единственный упрек, который тайлся где-то глубоко, глубоко в душе. Хотелось сказать Ильичу:

«Ах, Ильич, зачем ты это сделал раньше нас!»

Шлихтер А.

Из воспоминаний о Ленине.

2-е изд., доп. Киев, 1934. С. 99—101

¹ Иван Адамович Саммер, старый большевик-подпольщик, известный в подполье под кличкой Любич. В начале 1920 г. был откомандирован ЦК РКП на Украину и работал в Харькове, совмещая одновременно два ответственных поста: уполномоченного Наркомвнешторга и председателя Вукопспилки (Украинского кооперативного союза «Спилки»). *Ред.*

Поездка моя в Москву была вызвана желанием ознакомиться с постановкой работы ВЦИКа и его взаимоотношениями с наркоматами с целью воспользоваться опытом российских товарищей и ввести улучшения у нас. Меня интересовал главным образом вопрос, как установить более тесную связь с крестьянством. В этом отношении большую помощь мне оказал председатель ВЦИКа РСФСР товарищ М. И. Калинин.

Товарищ М. И. Калинин произвел на меня очень хорошее впечатление. Это сильный человек, весьма подвижный. Я пробыл у него около 1¹/₂ часа. Он меня познакомил со всей своей канцелярией. Отношение его было ко мне очень любезное. В мое распоряжение на все время моего пребывания в Москве был предоставлен, между прочим, автомобиль.

Жил товарищ М. И. Калинин не в Кремле единственно с той целью, чтобы крестьяне имели к нему доступ во всякое время. При мне он их принимал. Я видел там крестьян со всей России, некоторых с котомками на плечах. Принимал он всех без исключения, независимо от того, какое дело имел проситель.

— Почему вы, товарищ, принимаете всех, даже с мелочами? Это отнимает много времени,— задал я вопрос тов. М. И. Калинин.

— Я расспрашиваю каждого. Правда, из 100 человек не больше двух окажется таких, которые имеют серьезное дело. Таких я приглашаю к себе в кабинет и там детально знакомлюсь с его делом, а остальных направляю по наркоматам. Иногда попадает крестьянин с какой-нибудь необоснованной просьбой или жалобой, такому я прямо говорю: «Ступай, брат, домой, тебе здесь делать нечего».

Товарищ М. И. Калинин очень интересовался Азербайджаном, в особенности его материальным положением; он высказал сожаление, что до сих пор так мало сделано для Азербайджана.

Товарищ М. И. Калинин обещал приехать к нам в сентябре. Я его просил. Я уверен, что он приедет.

Я был также у секретаря ЦК РКП(б) товарища Сталина. С ним я говорил о весьма серьезных вопросах как экономического, так и политического характера, касающихся Азербайджана. Вопросы эти пока не разрешены, но будут разрешены в скором времени в положительном для Азербайджана смысле.

Когда я стал проситься к товарищу Ленину, мне заявили, что он очень болен и принять не может, так как доктора запретили приемы. Я был чрезвычайно огорчен: приехать в Москву за тысячу верст, в этот штаб мировой революции, и не увидеть вождя, произведения которого так много читал и который имел решающее влияние на мой идейный перелом,— это было бы для меня огромной потерей. Поэтому я решил все-таки добиться приема, как выяснилось впоследствии, весьма охотно разрешенного товарищем Лениным.

Наконец, получив его, ровно в 11¹/₂ часов 11 августа¹ мы в сопровождении секретаря² ЦИКа отправились на дачу Ильича. Секретарь ЦИКа знакомил нас с окрестными достопримечательностями, встречавшимися на пути. Но, к сожалению, я не мог полностью использовать эту любезность, во-первых, потому что автомобиль мчался с большой скоростью, во-вторых, потому что я был полон тревожным чувством и мыслями о предстоящем свидании.

Почему-то мне казалось, что Владимира Ильича я застаю или немощно лежащим в постели и болезненно, неохотно всматривающимся в незваного посетителя, или же бессильно сидящим на диване. В обоих случаях затруднительно свободно и нормально говорить и чувствовать себя в своей тарелке. Кроме того, сердце сильно щемило от мысли, что такой человек, как товарищ Ленин, этот гений мировой революции, так безжалостно судьбой устраняется от великого дела... И кто знает, быть может, злобные слухи, ходящие вокруг болезни его, верны? Что тогда?.. Но, к счастью, автомобиль быстро нас прикатил к деревянным воротам ограды дачи, где жил Ильич, куда впустил нас часовой, стоявший у ворот.

Общий вид дачи весьма уютный. Среди зелени грядок, окаймленных лентами аллей,— каменная постройка простой, но красивой архитектуры, а кругом парк из осин и берез. Мы направились в дом и скоро очутились в приемной, насколько помнится, не встретив по пути никого. Через несколько секунд мы уже имели счастье видеть перед собой хозяек дома — Надежду Константиновну, супругу товарища Ленина, и Марию Ильиничну — сестру его, которые удивительно тепло и добродушно нас приветствовали, как это умеют делать только хорошие, добрые и умные русские женщины. Сразу же у нас рассеялось смущение, которым мы были охвачены при входе в приемную, и мы почувствовали себя как дома.

Через несколько минут после того как хозяйки удалились, я был приглашен в кабинет Владимира Ильича и не без волнения поднялся на второй этаж. Войдя в кабинет, я был охвачен новым чувством, новыми мыслями, был очарован. Вместо больного, немощного человека я увидел перед собой, если только в тот момент мог хорошо замечать, бодрого, подвижного мужчину, среднего роста, коренастого, чрезвычайно приветливо и просто пожавшего мою руку обеими руками. Здесь опять я почувствовал себя совершенно свободно. Когда мы уселись, беседа между нами завязалась самым естественным и простым образом, приняв живой и интересный характер.

Главным образом мне приходилось отвечать на вопросы, которые задавал товарищ Ленин³. Сначала он осведомился о том, как долго и с какого времени я занимаю место председателя АзЦИКа? Давно ли я в партии? Какого я происхождения? Первый ли раз в Москве и какое впечатление она произвела? Затем мы перешли на общественно-политические темы. Сам я никаких вопросов не возбуждал, и,

¹ 1922 г. Ред.

² Имеется в виду А. С. Енукидзе. (См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 682.) Ред.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 682. Ред.

таким образом, больше всего приходилось говорить мне. Прежде всего Ленин пожелал узнать, кто у нас председатель Совнаркома. Когда я ответил, что товарищ Мусабеков, он спросил:

— А товарищ Нариманов?¹

— Он в Закавказском Союзном Совете и жив-здоров,— ответил я.

— А хорошо работает Закавказский Союзный Совет?

Тут я немножко замялся и, желая быть правдивым, ответил, что работа Совета пока в процессе налаживания. Самое единение в Закавказье, конечно, должно произойти со временем. Это единение будет, оно неизбежно в новых политических условиях; экономические и хозяйственные потребности беспрерывно толкают к этому единению.

— Ну, а как у вас работа в Азербайджане? — перешел он на другую тему.

— Хотя понемногу,— ответил я,— но все-таки идет, твердо и ясно намечается для рабочих и крестьян грань между бывшим Азербайджаном и новым, советским. Былых помещиков и феодалов, агаларов, ханов, беков и меликов уже нет. Их земли и имущество частью обращены в государственное хозяйство (очень малая часть), а громадная часть распределена между неимущими и малоимущими крестьянами. Существовавшие партии — феодальная «Мусават» и панисламистская «Иттихад» — доведены до безобидного ничтожества, и среди населения никакой роли не играют после своего позорного и бездарного управления, в губительном дурмане которого пребывало главным образом мусульманское население. Что же касается до влияния духовенства, то оно с каждым днем слабеет, и трудовое население понемножку начинает понимать реальную ценность своего пастыря.

Здесь я рассказал маленький случай, бывший на митинге среди крестьян в Гянджинском уезде. Вопрос касался истинных, полезных и пригодных в жизни знаний и таких, которые ни к чему не пригодны. «Вот возьмите такой пример для выяснения моей мысли,— сказал крестьянам я,— нужно у вас, здесь, лучше устроить жизнь: распределить земли, проводить каналы, урегулировать воду и прочее. Присылать вам для этого сто мулл или по одному землемеру, инженеру и т. д.?» Я получил ответ из толпы со смехом: «Не надо мулл, не надо, нам давай работников, а их куда-нибудь». Тут товарищ Ленин, улыбнувшись, заметил: «Хорошо сказано». — «Однако, я скажу,— продолжал я,— для Азербайджана, для углубления и расширения в нем революции, для того, чтобы столкнуть его с вековой косности и сделать его верным, прочным сотрудником пролетарского движения и членом семьи культурного мира, еще многое и многое предстоит проделать».

Тут я, грешный человек, рассказал товарищу Ильичу об «особых»

---

¹ Н. Нариманов был утвержден одним из председателей Союзного Совета Закавказской федерации на полномочной конференции представителей Азербайджанской, Грузинской и Армянской ССР, состоявшейся в марте 1922 г. *Ред.*

работах, которые надо проделать в Азербайджане, и о своих планах. Во-первых, о параллельном введении для гражданского обихода и дел письменности по новому алфавиту — «ени тюрк элифбасы». Арабский же алфавит, как малодоступный широкой трудовой массе и требующий для своего усвоения много свободного времени, а в то же время не делающий человека (неараба) вполне свободно грамотным, оставить для религиозных треб и божеских дел, для которых современной, большой и культурной грамотности особенно не нужно.

Затем второе — облегчение управления краем при помощи создания доступных неселению аппаратов. Сейчас подготовленных азербайджанцев очень мало, большинство же служащих не знает азербайджанского языка, в то время как громадное, подавляющее количество населения азербайджанцы. Управлять же, как и торговать, через переводчика куда как непригодное дело. Новая доступная азбука увеличит число техников из азербайджанцев, даст возможность служащим из русских и других научиться азербайджанскому языку, а для крестьян и рабочих явится возможность письменно вести свои дела, без дорогой помощи ходатаев с улицы. Конечно, поэтому для советских служащих и партийных работников, без исключения национальности и пола, мы сделаем обязательным знание новой азербайджанской письменности, а для неазербайджанцев — знание и азербайджанского языка, чтобы в конце концов его сделать реально государственным языком, а не только номинально, как это было до сих пор.

В-третьих, необходимо как можно больше распространять среди азербайджанцев — рабочих и крестьян — знание русского языка, являющегося одним из мировых языков, накопившего в себе все знания человечества, в то время как наш родной и все другие восточные языки слишком бедны в этом отношении. К сожалению, сейчас чувствуется отрыв от русского языка, что равносильно изоляции от мирового знания и опыта. Поэтому настоятельно необходимо ежегодно из азербайджанских крестьян и рабочих, преимущественно бедных, организованно направлять известный кадр в Россию в советские школы. Там они на месте выучатся живому культурному языку и вместе с тем приобретут полезные технические знания и опыт.

— А как отнесутся ко всему этому азербайджанские рабочие и крестьяне? — спросил товарищ Ленин.

Когда же я рассказал товарищу Ленину о том сочувствии, которое мне приходилось встречать у крестьян и рабочих на митингах, на которых специально говорилось о новом алфавите и о тех истинных знаниях и грамоте, которые необходимы крестьянской и рабочей массе и без которых не может быть освобождения народов вообще, что малые народы к так называемой независимости придут не иначе, как только через развитие своих материальных и умственных сил, видимо, Ильич остался доволен. Затем он справился насчет численности нашей армии. Точного количества азербайджанских красноаскеров я не помнил, и пришлось назвать приблизительную цифру.

— Так мало? — выразил удивление Ильич.

Я немного смутился и почему-то вспомнил товарища Караева¹. Однако, несколько оправившись, я попробовал объяснить причину такого количества азербайджанской армии новизной работы и трудностью создания в отсталом Азербайджане пролетарской армии, а также прошлым годом неурожаем, добавив к этому: «Но постараемся поднять ее количеством и качеством, так как для этого уже созданы соответствующие условия».

Последнее заявление доставило удовольствие Владимиру Ильичу, который задал сейчас же следующий вопрос. Это был вопрос о женском движении в Азербайджане. На этот вопрос я дал утешительный ответ, отметив, что это движение, особенно после переворота, твердо и неуклонно развивается. Это обстоятельство также, как я заметил, обрадовало товарища Ленина. Из беседы нашей и вопросов ясно видно, что Владимир Ильич очень интересуется развитием Азербайджана, его родного языка, литературы, армии, хозяйства и вообще развитием всего того, что в последнем итоге ведет к высшей форме самостоятельной жизни, конечно, последнюю отнюдь не понимая в буржуазном стиле.

Товарищ Ленин осведомился также о положении дел в Армении. Я, конечно, в общих чертах сообщил об удовлетворительном состоянии Советской Армении. При этом я не упустил момента сообщить ему о своей поездке по Армении и свидании своем с католиком в Эчмиадзине, а также беседу с последним. Между прочим, католик спросил меня: «Скажите, как успешно идут дела новых просветителей мира?» — «Нужно думать, — ответил я спокойно, — что новые просветители мира в окончательной форме захватили в свои руки руль развития человечества. Старые просветители достаточно выявили себя и свое содержание, по крайней мере у нас здесь, в Закавказье, перед всем миром. Я говорю о небывалой кровавой национальной бойне — резне, дьявольски развернувшейся на нашей несчастной родине между мусульманами и армянами, когда резали, душили, сжигали без разбора возраста и пола всех женщин, детей, стариков и мужчин. Помните, в этот удручающий момент старым просветителям мира и в голову не пришло молвить слово против этой резни, наоборот, муллы и священники, эти яркие представители старых просветителей, именем бога призывали к истреблению, к крови. А вот новые просветители явились и положили конец отвратительной межнациональной оргии и направили жизнь решительно по новому руслу — единения и братства. Это один только из многих факторов». Католик задумался. Этот рассказ, по-видимому, также понравился товарищу Ленину, и на этом рассказе вынужденно закончилась наша беседа с Владимиром Ильичем, так как разрешенный докторами срок — десять минут — уже истек с лихвой (мы проговорили, оказывается, более 12 минут).

Ильич, крепко пожав мои руки, еще раз выразил большое

---

¹ А. Г. Караев тогда являлся наркомом по военным и морским делам Азербайджанской ССР. *Ред.*

удовольствие видеть представителя Азербайджанского ЦИКа у себя, просил передать поклон как товарищу Нариманову, так и армянским и грузинским товарищам и «всем, всем». Я еще раз засвидетельствовал свое счастье как по поводу того, что наконец-то увидел того, который является истинно великим вождем революции, так и по поводу того, что он совершенно здоров... Я обещал передать эту радостную весть рабочим и крестьянам Азербайджана, а также поклон, посылаемый им Ильичем. Я его пригласил к нам в гости. Он ответил, что очень желал бы посетить Азербайджан. Кроме того, я выразил желание еще раз посетить Владимира Ильича, но только при иной обстановке, когда можно будет сделать полный доклад о положении дел у нас для получения нужных ответов. На это он выразил свое удовольствие, и мы расстались.

Товарищ В. И. Ленин, с которым я беседовал 12 минут, произвел на меня впечатление вполне выздоровевшего человека, о чем я ему даже сказал. Его приемом я был очарован. Он сам, его семья, дача, где он живет,— все по простоте своей произвело на меня самое приятное впечатление. Обстановка в помещении у товарища Ленина, как и во всей даче, так и в жизни, удивительно простая. В обращении товарищ В. И. Ленин чрезвычайно прост и радушен. Я уверен, что если бы европейские «особы» собственными очами видели бы жизнь товарища Ленина, главы мощной новой России, то ясно поняли бы, что в мировой борьбе капитала с трудом победа не за ними, а за Красным Знаменем, которое высоко держит богатырская рука Ильича.

После свидания нас угостила завтраком Мария Ильинична. Я просил ее приехать с братом и со своей семьей к нам в гости в Закавказье, чтобы полюбоваться нашими дикими горами, ущельями и караванами кочующих над ними облаков. Она сказала: «Очень желала бы».

Наконец в половине второго мы попрощались и направились в Москву. На обратном пути у меня уже были иные мысли, иные чувства. Я был обновлен, воодушевлен.

Надо удесятерить работу!

Пусть же много здравствует товарищ Ленин!

*Воспоминания коммунистов
Закавказья о В. И. Ленине.
Ереван, 1970. С. 270—279*

Н. А. УГЛАНОВ

О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ

(В ПЕРИОД 1917—1922 гг.)¹

Первый раз я увидел Владимира Ильича на собрании большевиков 4 апреля 1917 года в Таврическом дворце (теперь тов. Урицкого).

В боковой комнате собралось человек 70. Это было на другой день приезда в Россию Владимира Ильича и др. Я с товарищем за-

¹ Заголовок Н. У.

поздал, и пришли мы в середине доклада. Владимир Ильич излагал свои тезисы о грабительской империалистической войне, диктатуре пролетариата и Советах. По окончании доклада Владимир Войтинский¹ (тогда был большевиком) предложил следующее: я предлагаю здесь дебатов не открывать, а пойти на собрание всех социал-демократов, Владимир Ильич там повторит свой доклад, и там откроем прения. Владимир Ильич сразу ответил согласием. (Собрание в количестве человек 700 было создано по инициативе меньшевиков — Чхеидзе², Церетели³ и К⁴.) В зале заседаний Таврического дворца Чхеидзе открыл собрание. Владимир Ильич в двухчасовой речи изложил свои тезисы.

Слушая речь Владимира Ильича, я сразу почувствовал, что он нам говорит то, чего мы еще не слышали, но в то же время многое было непонятно. Особенно я не мог понять вопроса о государственной коммуне. Доклад Владимира Ильича был выслушан при гробовой тишине, несмотря на то, что 9/10 собрания были отъявленные оборонцы⁴. Хорошо понял я Владимира Ильича, когда он говорил о грабительском характере войны, о братании, об оборонцах.

Первым по докладу Владимира Ильича выступил Церетели. В своей речи Церетели, повернувшись в сторону Владимира Ильича, сказал: как ни непримирим Владимир Ильич, но я уверен, что мы помиримся.

Сидевший в журналистской ложе Владимир Ильич быстро встал и громко крикнул — НИКОГДА.

Тут я подумал: вот так Старик⁵.

Затем выступил покойный тов. Гольденберг (Мешковский)⁶, который также держал речь против тов. Ленина. Тов. Гольденберг ударил кулаком по трибуне и крикнул — я утверждаю, что царивший тридцать лет мир среди демократии, сегодня здесь нарушен и здесь сегодня Лениным водружено знамя гражданской войны.— При последних словах тов. Гольденберга Владимир Ильич быстро встал и крикнул: ВЕРНО. ПРАВИЛЬНО.

Я еще раз подумал: вот так Старик.

После выступили ряд оборонцев против Владимира Ильича. Затем выступили против Владимира Ильича большевики Владимир Войтинский и Авилов⁷ и ушли от нас. В защиту доклада Владимира Ильича выступила тов. Коллонтай⁸, которую часто прерывали криками. В заключение оборонцы предложили создать организационный комитет по созыву съезда Партии. От Бюро ЦК партии тов. За-

¹ Войтинский В. С., член Петроградского Совета и ВЦИК 1-го созыва. *Ред.*

² Чхеидзе Н. С., председатель Петроградского Совета. *Ред.*

³ Церетели И. Г., член Президиума ВЦИК 1-го созыва. *Ред.*

⁴ Оборонцы — меньшевики-оборонцы, поддерживали Временное правительство, выступали за продолжение империалистической войны «до полной победы». *Ред.*

⁵ Старик — один из псевдонимов В. И. Ленина. *Ред.*

⁶ Гольденберг (Мешковский) И. П., социал-демократ. В 1917—1919 гг. примыкал к группе «Новая жизнь». В 1920 г. был вновь принят в РКП(б). *Ред.*

⁷ Авилов Б. В., социал-демократ, журналист. С 1918 г. отошел от политической деятельности. *Ред.*

⁸ Коллонтай А. М. В 1917 г. член исполкома Петроградского Совета. *Ред.*

луцкий¹ объявил, что большевики отказываются от участия в организационном бюро. Поднялся шум, раздались крики по нашему адресу: раскольники, узурпаторы, демагоги и т. д.

Идя домой с собрания, некоторые мои друзья говорили — а все-таки Старик завернул через край. Ясности по всем вопросам у меня тоже не было, но чувствовал, что приехал решительный человек.

Уже вечером 4 апреля старого стиля, это было в воскресенье, на улицах Питера закипело. Особенно на Невском. Буржуазия, мещанство, офицерство сразу почувствовали себе угрозу. Началась непрерывная днем и ночью дискуссия на людных улицах Питера. Вечером 4-го на Невском, вступив в словесный бой, мы вдвоем с товарищем были окружены плотно озлившейся буржуазией, желавшей с нами расправиться как с германскими шпионами и изменниками, и только наш напор и решительность, по-видимому, избавили [от того], что нам не переломали ребра.

Второй случай — я слушал Владимира Ильича за Московской заставой, на митинге всего района, во дворе завода Скороспехова². Собралось рабочих 8—10 тысяч. Дело было в праздник (троица). Владимир Ильич говорил об империалистической войне, о грабеже [со стороны] банков, об угнетении капиталистами свыше миллиарда людей, угнетенного на земном шаре империалистами. Слушали Владимира Ильича при гробовой тишине, и кончил Владимир Ильич при тишине, не было бурных аплодисментов. Видно было, что сказано новое слово. Новое дело, большое дело, которое каждый рабочий обдумывал не торопясь. Владимир Ильич сразу же уехал с собрания. После В. И. выступил в прениях один меньшевик, но его не стали слушать, и рабочие стали расходиться. Мы компанией, где были большевики, беспартийные и эсеры, рабочие, шли и спорили. Хотя спор у эсеров тоже не клеился, чувствовали все, что возражать нечего, а беспартийные говорили: да, брат, задачу задал трудную Ленин.

Третий момент. Это в дни Октябрьского переворота. Пришедший из подполья Владимир Ильич говорил речь приветствия в Актовом зале Смольного о победившей рабочей революции и ее задачах³. Речь Владимира Ильича в битком набитом зале рабочими и красногвардейцами прерывалась громовым «ура». В каждом слове В. И. чувствовалась сталь.

Еще момент, относящийся [к периоду] после захвата власти, к периоду переговоров с Викжелем⁴, об однородном социалистическом правительстве. На фракцию Петроградского Совета, где обсуждался вопрос об однородном социалистическом правительстве, пришел Владимир Ильич. Я стоял у дверей. В. И. меня спросил, что

¹ Залуцкий П. А. В 1917 г. член Русского бюро ЦК РСДРП(б), Петроградского Совета. *Ред.*

² Предположительно Н. А. Угланов описывает выступление В. И. Ленина 21 мая (3 июня) 1917 г. на митинге рабочих Московской заставы. *Ред.*

³ В. И. Ленин выступил с докладом на экстренном заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, открывшемся в 2 часа 35 минут 25 октября (7 ноября) 1917 г. *Ред.*

⁴ Викжель — Всероссийский исполнительный комитет союза железнодорожников — состоял в подавляющем большинстве из эсеров и меньшевиков. *Ред.*

здесь за собрание. Я ответил. В. И. попросил слово, которое сразу и получил. Речь его была коротка — 10—15 минут ¹, каждое слово В. И. закаляло рабочую аудиторию. Он был страшно измучен, еле держался на ногах, в истоптанных штиблетах и измятом пиджачишке. Владимир Ильич говорил о вреде колебаний, о предательстве революции, о шатающихся интеллигентах. Призывал к сплоченности рабочего класса, к непримиримой борьбе за победоносную социалистическую революцию. Речь Владимира Ильича была поддержана подавляющим большинством.

Следующим разом, когда мне пришлось близко столкнуться с Владимиром Ильичем — это было в Ленинграде ² в 1920 г., в июле месяце, во время открытия II конгресса Коминтерна. Я был назначен руководить всей внутренней и наружной охраной конгресса, в помощь ЧК было выделено 300 человек отборных рабочих. Владимир Ильич не приехал вместе с конгрессом, мы его ждали. Пришел почтовый поезд из Москвы, мы бросились к вагонам искать В. И., а он выскочил из заднего вагона на ходу, натягивая на себя пальто. Пальто его обращало действительно, на себя внимание. Старое, изношенное, разорванное около воротника и вдобавок ватное, а ведь дело-то было в июле, стояла жара.

Быстро усадив В. И. и приехавшую с ним Марию Ильиничну в закрытую машину, мы на нескольких машинах приехали незамеченными в Таврический дворец. Делегатов конгресса там еще не было. Они были в Смольном. Владимир Ильич сказал «едемте в Смольный». Выходя из подъезда Таврического, В. И. быстро снял с головы черную кепку и одновременно вытащил из кармана — надел белую. Все это он проделал в один момент. Мало кто это и заметил. Тут я подумал, вот конспиратор.

В Актовом зале Смольного делегаты конгресса В. И. встретили криками «ура» и Интернационалом на разных языках. Затем мы двинулись пешком в Таврический дворец. Колонну конгресса плотной цепью окружили рабочие. Все улицы были запружены народом. В. И. шел в голове колонны. Я шел рядом с Владимиром Ильичем, а шедший позади нас один из товарищей, состоявший в охране, нечаянно выронил из кармана ручную гранату, на наше счастье, у гранаты не был вставлен капсule и она не взорвалась.

Владимир Ильич на конгрессе сказал речь на русском языке. Затем в одном из маленьких садиков около дворца В. И. вместе с А. М. Горьким и др. снялся. Наблюдая за беседой Владимира Ильича с Горьким, чувствовалось, с каким большим вниманием относился В. И. к А. М. Горькому.

Затем В. И. захотел поехать посмотреть дома отдыха рабочих. Уехали с конгресса незаметно. Поехали: В. И., Мария Ильинична, тов. Лашевич ³, Зорин ⁴, я и еще некоторые товарищи. В домах отды-

¹ В. И. Ленин выступил 4 (17) декабря 1917 г. на заседании рабочей секции Петроградского Совета. *Ред.*

² Так в тексте. Правильно — в Петрограде. *Ред.*

³ Лашевич М. М. В 1920 г. член Реввоенсовета Республики. *Ред.*

⁴ Зорин (Гомбарг) С. С., секретарь Петроградского комитета РКП(б). *Ред.*

ха никто не знал о приезде Владимира Ильича. Вошли мы в 10-й дом отдыха, рабочие сразу не узнали Владимира Ильича, затем подошел ко мне один старик рабочий и спросил: «А что, тов. Угланов, это не тов. Ленин?» Я ответил утвердительно. Старик куда-то скрылся. Обойдя помещение, В. И. направился к выходу. Около крыльца дома уже собралось человек 50 рабочих. Старик рабочий, который меня спрашивал, обращаясь к Владимиру Ильичу, сказал: «Жаль, Владимир Ильич, не знали, что приедете, никто нас не известил, подарочек бы приготовили. Ну так хоть качнем». И принялись усаживать Владимира Ильича в большой плетеный дачный стул. Сколько Владимир Ильич ни просил: «Не надо, товарищи, что вы, что вы» — рабочие говорили: «Нет, Владимир Ильич, качнем». И осторожно, по-степенному качнули.

Затем всей ватагой двинулись дальше. Скоро собралась масса рабочих. Прошли потом на реченьку и там расположились на мостках лодочной пристани. В. И. лег погреться на солнышке. На берегу расположились сотни две-три рабочих. Около Владимира Ильича села группа работниц и стала жаловаться, что жить тяжело, хлеба мало, сапог нет. Вот, говорит старуха работница (кажется, с табачной фабрики), мы уж, Владимир Ильич, поддерживаем вас и всех большевиков, только больно тяжело жить-то, голодно. Владимир Ильич ответил: верно, тяжело, товарищи, видите — стоит жарыща, нет дождей (и при этом указал на солнышко), неурожай будет. Вот осенью кончим войну с Польшей¹, тогда легче будет. Другая работница, обращаясь к Владимиру Ильичу, говорила: вот у нас сапог нет, а осень наступает, в чем мы ходить будем? Владимир Ильич ответил: на фронте красноармейцы по болотам в лаптях и босиком ходят, товарищи, им надо сапоги давать. И добавил: вот осенью кончим войну с Польшей, и тогда легче будет, товарищи. Тут я подумал: раз В. И. два раза сказал, что осенью войну с Польшей кончим, значит, он решил это твердо. При отъезде из домов отдыха рабочие, качнув В. И., усадили его в автомобиль. Во всем этом чувствовалась глубочайшая связь Владимира Ильича с рабочим классом и понимание его настроений, а также и глубочайшее уважение рабочих к Владимиру Ильичу.

По дороге проехали по Широкой улице Петроградской стороны мимо дома, где раньше жил на квартире В. И. Приехав к Троицкому мосту, мы пешком двинулись на Марсово поле к братским могилам и там решили подождать прихода [делегатов] конгресса. По обеим сторонам пути к братским могилам стояли шпалерами в почетном карауле моряки. Мы шли между шпалерами. В. И., натянув кепку на глаза, шел согнувшись, его сначала не узнали. У входа в братские могилы нас остановил часовой матрос и потребовал пропуска. Владимир Ильич предъявил свое удостоверение. Часовой рассматривал удостоверение довольно долго. Стоявший рядом тов. М. Лашевич не вытерпел и сказал: что ты долго, парень, рассматриваешь, ведь это тов. Ленин. Часовой отдал Владимиру Ильичу удостоверение

---

¹ Война с Польшей продолжалась с марта по октябрь 1920 г. *Ред.*

и как-то изменился в лице. Около нас никого не было. Но только мы шагнули к могилам, как весь почетный караул моряков сорвался с места и бросился к Владимиру Ильичу и ходили с ним до прихода конгресса.

С конгрессом мы двинулись на площадь у Зимнего дворца. Площадь была запружена народом, сотня тысяч народа гудела. Тов. Зиновьев начал уговаривать В.И. сказать с полчасика речь. Владимир Ильич ответил: нет, батенька мой, и так минут на 25 поезд задержим. Вот если хотите 3 минуты — скажу. Обращаясь ко мне, Владимир Ильич сказал: давайте машину, тов. Угланов. Я побежал за машиной, а В. И. начал говорить речь. На площади раздалось мощное «ура». Не успел я завернуть машину, смотрю, бежит питерский рабочий Яков Шохов и кричит: давай скорей машину, Владимир Ильич уже кончил говорить. А дальше — смотрю: на рельсах трамвая стоит В. И., машет мне кепкой и кричит: давай сюда, тов. Угланов. Никого около него не было из товарищей, с трибуны он убежал тихонько, никто и не заметил. Потом пришли тов. Лашевич и Мария Ильинична. Уселись мы все в одну машину: Владимир Ильич, Мария Ильинична, тов. Лашевич, кажется, тов. Беленький¹ из ЧК, мне места не хватило, я стал на краю машины. Владимир Ильич держал меня за рукав, говоря: не свались, тов. Угланов.

На вокзале никого не было, только поджидали железнодорожники. Владимир Ильич, посмотрев на часы, сказал: извиняюсь, товарищи, на 35 минут задержал поезд. Железнодорожники, окружив Владимира Ильича, стали говорить, что же мало побыл Владимир Ильич в Петрограде? Владимир Ильич ответил: некогда, некогда, товарищи, работы много, вот полегче будет, тогда надольше приеду. Усадили Владимира Ильича в его маленький вагонишко, он сказал: ну, спасибо, товарищи, приеду в Москву, расскажу про ваши дома отдыха. Крепко пожав нам руки, Владимир Ильич уехал. Это было его последнее посещение города пролетарской диктатуры. Этот день пребывания с Владимиром Ильичем навсегда будет у меня в памяти. Вождь мирового пролетариата, а какой простой человек, ничем не отличается, ни одного напыщенного слова, [все] просто, ясно. В каждой мысли Владимира Ильича чувствовалось глубочайшее понимание характера и настроений трудящихся масс.

Встретиться с В.И. вновь мне пришлось весной 1921 года во время 4-го Всероссийского съезда профсоюзов и 4-го Всероссийского съезда союза металлистов. На состоявшейся Всероссийской партийной конференции², увидев меня, В. И. позвал на трибуну (заседание шло в Свердловском зале). Собрались Владимир Ильич, тов. Зиновьев, Бухарин и я. Владимир Ильич, обращаясь ко мне, сказал: вот, тов. Угланов, открывается 4-й съезд союза металлистов. Там Шляпников³ натащил много рабочей оппозиции. Вам надо туда пой-

¹ Беленький А. Я., сотрудник ВЧК, в 1919—1924 гг. начальник охраны В. И. Ленина. *Ред.*

² X Всероссийская конференция РКП(б) проходила 26—28 мая 1921 г. в Москве. *Ред.*

³ Шляпников А. Г., в 1921 г. член ЦК РКП(б), один из лидеров «рабочей оппозиции». *Ред.*

ти подраться хорошенько. Я указал В. И., что я немного нездоров. В. И. ответил: нечего, мы с вами пошлем Николая Ивановича Бухарина. Только смотрите за ним в оба, как бы он со Шляпниковым буферить не стал (Владимир Ильич прямо намекнул на профсоюзную буферную позицию тов. Бухарина во время профдискуссии.— Н. У.), и дальше В. И. добавил: если что заметите, то вы его по-пролетарски одерните. Стоявший рядом Н. И. Бухарин, обращаясь к В. И., сказал: Вы, Владимир Ильич, натравите этого северного медведя на меня — он меня исковеркает. Все дружно захохотали. И мы с тов. Бухариным, Чубарем¹, В. Шмидтом² отправились драться на съезд металлистов. И действительно, подрались так, как велел Владимир Ильич. Дело дошло до того, что список ЦК металлистов, одобренный ЦК партии против предложений тов. Шляпникова, был отвергнут фракцией съезда. И мы, большинство Комиссии ЦК (Бухарин, Чубарь, Шмидт, Угланов), — входил и Шляпников в Комиссию — предложили список провести в порядке партийной директивы. Тут было сломано немало копий, дело дошло до небывало острых столкновений.

Несколько слов [о том], как Владимир Ильич обсуждал список ЦК металлистов. Тов. Шляпников предлагал свой список, в котором было 19 сторонников рабочей оппозиции и 6 человек сторонников ЦК и решений X съезда партии.

Политбюро под председательством Владимира Ильича, установив, что список тов. Шляпникова с ярко выраженным уклоном, отклонило список и приняло список питерцев и туляков. Шляпников протестовал, заявляя: вы не имеете права нас обвинять в уклонах, мы подчиняемся решениям X съезда партии. Владимир Ильич ответил: тов. Шляпников, партия на съезде споры решила, наметила линию. ЦК металлистов является серьезным политическим учреждением, которое ЦК партии не может отдать в руки большинству, еще не изжившему уклона. Этим решением и было положено начало оздоровлению Союза металлистов и перехода его на твердые большевистские рельсы.

Встретиться с Владимиром Ильичем мне пришлось вновь осенью, в сентябре 1921 года. В то время я работал секретарем Петроградской организации, и в этот период имевшие место разногласия в Петроградской организации достигли наивысшей точки³. 19 сентября 1921 года в Питере состоялась собрание активных работников, на котором разногласия и получили свое наивысшее и бурное выражение. Громадное большинство собрания приняло резолюцию о задачах Петроградской организации, изложенную в моем содокладе. Доклад и резолюция тов. Зиновьева были большинством отклонены.

Через два дня после этого собрания нас вызывали в ЦК партии⁴.

¹ Чубарь В. Я., в 1921 г. председатель Президиума ВСНХ Украины. *Ред.*

² Шмидт В. В., в 1921 г. нарком труда РСФСР. *Ред.*

³ Конфликт в Петроградской партийной организации был вызван недовольством большинства партийных и советских работников бюрократическими методами руководства Г. Е. Зиновьева. *Ред.*

⁴ Предложение В. И. Ленина о вызове из Петрограда в Москву для переговоров Г. Е. Зиновьева, Н. А. Угланова, Н. П. Комарова было принято Политбюро ЦК РКП(б) 20 сентября 1921 г. *Ред.*

Вызвали меня и тов. Комарова¹. До официального заседания комиссии ЦК² (которая была под председательством Владимира Ильича) В. И. побеседовал с нами частным образом. Обращаясь к нам, В. И. спросил: ну, как дела у вас, товарищи? Мы коротко изложили суть дела. В. И. сказал: прочитал стенограмму вашего собрания. И, обращаясь к тов. Комарову, сказал: ну и пули же ты отливал, тов. Комаров (В. И. этим давал характеристику резкой речи, сказанной на собрании 19 сентября тов. Комаровым). Это В. И. сказал дружеским тоном. Тов. Комаров ответил примерно следующее: нечего было, Владимир Ильич, иначе делать, вывели из терпения, все ребята жалуются, мы и решили этим обратить внимание ЦК. Затем В. И., обращаясь ко мне, сказал: а я слышал, тов. Угланов, что вы хотите профсоюзы отделить от партии? Хотя этот вопрос меня не вышиб из колеи, но смутил порядочно. Грехов таких за собой в партийной деятельности я не имел. Но раз говорил об этом Владимир Ильич, то значит, неспроста. Я и ответил, да как и сейчас помню, немного, пожалуй, просто чудаковато. Я сказал: нет, Владимир Ильич, это неправда. Кто-нибудь вам неправду наговорил, ей-богу,— не было этого. Спросите вот таких-то и таких-то товарищей, с которыми я работал в 1907, 8, 12, 13, 14, 17—19—21 годах, и никто не может сказать, чтобы у меня были уклоны. Владимир Ильич снова заговорил бодрым, дружеским тоном: ну ладно, товарищи, уладим дело. Вы правы! Есть у вас список губкома? Мы ответили, что есть. Ну, давайте посмотрим, сказал В. И. Я подал список. Владимир Ильич, обращаясь к нам, спросил: сколько тут у вас из той и другой группы? Мы сказали. Владимир Ильич спросил: что же вы — на пропорциональном представительстве настаиваете? Мы ответили: никакой нам пропорции, В. И., не надо. Решайте вы, пусть решит ЦК партии, мы этому и будем подчиняться. На этом и закончилась наша беседа с Владимиром Ильичем.

Наша беседа происходила с В. И. на квартире тов. Сталина. Во время нашей беседы тов. Сталин ходил по комнате и курил все время трубку. Владимир Ильич, посмотрев на тов. Сталина, сказал: вот азиатище — только сосет! Тов. Сталин выколотил трубку. После этой беседы с В. И. у меня, что называется, свалилась гора с плеч. Насколько помню, облегченно вздохнул и тов. Комаров... Эта беседа с Владимиром Ильичем у меня навсегда будет в памяти, а в повседневной работе она руководящее начало. Особо я запоминаю вопрос В. И. о профсоюзах и партии. Для истории следует отметить, что ЦК партии признал правильным нашу линию (Угланов, Комаров и др., в 1921 году представлявших большинство организации)³.

¹ Комаров Н. П., в 1921 г. член ЦК РКП(б), секретарь Петроградского губисполкома. *Ред.*

² Комиссия для разбора конфликта в Петроградской партийной организации в составе В. И. Ленина, И. В. Сталина и В. М. Молотова была создана на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 21 сентября 1921 г. *Ред.*

³ 23 сентября 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) утвердило постановление Комиссии по вопросу о Петроградской организации; см. также письмо В. И. Ленина Г. Е. Зиновьеву от 29 сентября 1921 г. (Полн. собр. соч. Т. 53. С. 223—224). *Ред.*

Еще характерный случай для Владимира Ильича, в связи с поджогом телефонной станции в октябре 1921 года в Питере и попыткой поджечь главный телеграф (это было дело савинковской организации). ЦК постановил сменить руководящий состав Петроградской Чрезвычайной комиссии. Днем секретарь В.И. вызвал меня по телефону и спросил, когда мне удобней говорить по телефону с Владимиром Ильичем. Я ответил: в любое время. Условились на 12 часов ночи. В назначенное время мы и разговаривали. Владимир Ильич меня спросил: хорошо вы меня слышите, тов. Угланов? Я ответил: да! Владимир Ильич спросил: получили вы мое письмо о Петроградской ЧК? Я ответил: да! В. И. вновь спросил: не ставит вас в затруднение наше решение? Я ответил: нет, Владимир Ильич, для нас трудности не будет, смотрите — вам виднее. Потолковав еще о делах, мы и кончили нашу беседу.

А как характеризовал Владимир Ильич работу ЧК,— смотрите печатаемую записку, присланную В. И. мне и тов. Комарову, вот она ¹...

Коротко, ясно и выразительно, недопускающе никаких сомнений. В записке упоминается о комиссии — Каменев+Орджоникидзе+Залуцкий ². Комиссия эта приезжала к нам в Питер содействовать улажению продолжающихся разногласий, связанных с формированием партийных органов после 15-й Губернской партийной конференции.

Еще характерный момент для Владимира Ильича. Идет заседание пленума ЦК партии (я тогда после 10-го съезда состоял кандидатом ЦК), точно не помню, в каком месяце это было в 1921 году. Обсуждался украинский вопрос, о Донбассе ³. О снятии с Донбасса тов. Пятакова ⁴, на чем настаивали товарищи украинцы. Владимир Ильич два раза выступал в защиту тов. Пятакова, доказывая, что тов. Пятаков делает большое дело, трудное дело и ЦК партии его должен поддержать. Затем взял слово тов. Пятаков и сказал в своей речи примерно следующее: если ЦК признает необходимым меня снять, то тогда из Донбасса еще уйдут несколько десятков товарищей, которые не останутся без меня работать.

¹ Записка В. И. Ленина в оригинале воспоминаний Н. А. Угланова отсутствует. Видимо, идет речь о следующей записке от 15 октября 1921 г.: «15/X.

Т. Угланов. Посылаю Вам и Комарову это *секретно*.

Имейте в виду, что это поставлено *до* приезда комиссии Каменев+Орджоникидзе+Залуцкий и *независимо* от нее. Петрогубчека негодна, не на высоте задачи, не умна. Надо найти лучших.

С ком. приветом Ленин».

(Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 272). *Ред.*

² Л. Б. Каменев, Г. К. Орджоникидзе и П. А. Залуцкий решением Политбюро ЦК РКП(б) от 10 октября 1921 г. были откомандированы в Петроград «для наблюдения за исполнением утвержденных Политбюро решений комиссии Молотова, Сталина и Ленина, а равно для содействия к устранению всяких следов фракционности».

³ Вопрос «О конфликте в Донбассе» рассматривался на заседании Пленума ЦК РКП(б) 28 декабря 1921 г. *Ред.*

⁴ Пятаков Г. Л. С 1920 по 1921 г. председатель Центрального правления каменноугольной промышленности Донбасса. *Ред.*

После этого выступления тов. Пятакова стал вновь говорить Владимир Ильич, резко против тов. Пятакова. В. И. сказал (пишу по памяти): тов. Пятаков не понял задачи, данной ему Политбюро. Он не понял и не понимает, как нужно обращаться с отсталой и измученной массой пролетариата. Он не понимает отсталости партийной организации. Он вместо того чтобы стать ее вождем-руководителем,— он стал командиром. Он принизил парторганизацию, а не поднял ее и не сплотил. Закончил В. И. предложением снять с Донбасса тов. Пятакова и назначить комиссию для ознакомления с положением дел на месте.

Не сразу я понял, почему Владимир Ильич так резко переменял свое мнение о тов. Пятакове. Потом понял, что В. И. дорожит и ценит работников, если они умеют работать, но выше всего и дороже всего у него партия и рабочий класс. Вот почему, когда тов. Пятаков сказал: если меня ЦК снимет, то оттуда уйдут десятки товарищей,— здесь В. И. ясно увидел растущую бюрократию, не понимающую масс и вырывающуюся из-под партийного воздействия. Вот почему он так жестко и круто изменил свое мнение. Это заседание ЦК и мнение Владимира Ильича я всегда помню. В повседневной партийной работе никогда не забываю того, что сказал Владимир Ильич о тов. Пятакове. Думаю, что это надо помнить и применять в жизни от мала до велика всем партийным работникам, тогда крепка будет наша партия, сильно будет ее руководство. А кто бы хотел быть вождем нашей партии, тому надо быть таким, каким был Владимир Ильич.

5/1—1925 г.

*Известия ЦК КПСС. 1989.
№ 4. С. 192—198*

Т. Ф. ЛЮДВИНСКАЯ

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА ЕДИНСТВО ПАРТИИ

В 1920—1921 гг.

Встают в памяти 1920—1921 годы, годы напряженной борьбы за единство партии, против антипартийных фракций и группировок. Это было время тяжких испытаний для нашей партии, для всего советского народа. Заканчивалась гражданская война, страна переходила к мирному строительству. Перед партией со всей остротой встали задачи преодоления послевоенной разрухи, коренной перестройки всей жизни страны, разоренной, голодной, измученной семью годами войны, империалистической и гражданской.

Мне пришлось работать в те годы в Москве, где внутрипартийная борьба развернулась наиболее остро. Я заведовала тогда орготделом и отделом агитации и пропаганды Сокольнического районного

комитета партии. Вспоминаю IX Всероссийскую партийную конференцию в сентябре 1920 года, Московскую губернскую конференцию, проходившую в холодные осенние дни ноября 1920 года, на которых я присутствовала.

Вот в наших «Сокольниках» на партийных собраниях района, как и по всей Москве, члены партии горячо обсуждают резолюции Всероссийской и губернской конференций, в которых подтверждалось сентябрьское письмо Центрального Комитета по поводу наболевших вопросов, волновавших партийную массу (в письме речь шла о неравенстве в зарплате, пайках, о так называемых «низах» и «верхах» и т. п.). Трудное было время — многие рядовые члены партии, как и беспартийные рабочие, болезненно воспринимали создавшуюся в стране обстановку и тяжелое материальное положение.

IX партийная конференция наметила ряд мер по борьбе с нездоровыми взаимоотношениями между «низами» и «верхами», со всякими излишествами, неоправданно высокими ставками спецов и ответственных работников. Вместе с тем было признано необходимым оживить сверху донизу партийную работу, осуществить более широкую критику, ввести отчетные доклады и обязательные систематические выступления наркомов и других ответственных работников на широких рабочих собраниях и митингах.

В. И. Ленин с большим вниманием следил за политическими настроениями в партийной массе и среди широких кругов рабочих. Приехав 7 ноября 1920 года в Сокольнический район с докладом о третьей годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, перед началом собрания Ленин расспрашивал нас о настроениях партийцев и беспартийных рабочих в районе, интересовался тем, как проведено у нас в «Сокольниках» обсуждение принятых IX конференцией решений, и т. п. Во время беседы Владимир Ильич указал, что надо сосредоточить все силы на проведении в жизнь решений конференции, необходимы сплоченность наших рядов и убедительная пропаганда примером.

На Московской губернской конференции РКП(б) (проходившей 20—22 ноября 1920 года) развернулась ожесточенная борьба с оппозиционными группами и течениями: «демократическими центристами» (децистами, как их тогда называли) и «рабочей оппозицией». В. И. Ленин, Центральный Комитет боролись за единство партии, оппозиционеры же не останавливались перед ее расколом.

Не проявляя себя вначале открыто, существовала в то же время и третья, наиболее опасная из всех оппозиционных группировок, — троцкистская, которая в дни работы Московской губпартконференции сколачивала из всех оппозиционных группировок единый блок против Ленина и ленинского ЦК. Ни одна из этих группировок не была в состоянии предложить какие-либо реальные, конкретные мероприятия по быстрейшему восстановлению народного хозяйства, по улучшению материально-бытового положения народных масс.

---

¹ См.: Известия ЦК РКП(б). 1920. № 21. С. 1. Т. Л.

Платформа Троцкого, выдвинутая им на заседании коммунистической фракции V Всероссийской конференции профсоюзов (в начале ноября 1920 года) с типичными для него лозунгами «перетряхивания профсоюзов», «огосударствления профсоюзов», «завинчивания гаек», «протирания с песочком», явилась выражением методов гоголо администрирования над трудящимися.

Вопреки указаниям В. И. Ленина на то, что необходимо шире развернуть демократию в профсоюзах, усилить их участие в управлении производством, укрепить союз пролетариата с трудовым крестьянством, троцкисты своими требованиями сохранить режим «военного коммунизма» фактически вели курс на ослабление диктатуры пролетариата, на ликвидацию союза рабочего класса с крестьянством.

Свою «критику» все оппозиционные группы сводили к клевете и воплям о «диктатуре ЦК», «диктатуре Ленина», к требованиям устранить ЦК и Ленина от руководства, а следовательно, к ликвидации руководства партии, что угрожало самому существованию диктатуры пролетариата. Антипартийные группы раздули дискуссию, в которой докатились до антисоветской демагогии, имевшей целью натравить рабочих на руководителей партии и Советского правительства. В. И. Ленин вскрыл прямую связь между требованиями «рабочей оппозиции» и других оппозиционеров и лозунгами мелкобуржуазной, анархической контрреволюции. «Эта мелкобуржуазная контрреволюция,— подчеркивал он,— несомненно, более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак, вместе взятые...»¹.

Выступая на Московской губернской партконференции 21 ноября 1920 года, В. И. Ленин дал развернутую программу насущных, неотложных задач партии. «...Главная задача наша,— говорил он,— должна быть, если говорить о партийных задачах, в том, что мы должны добиться наиболее быстрой ликвидации так называемой линии оппозиции... Перед нами сейчас стоит хозяйственная работа, более трудная, чем военная... Мы много потеряли времени на перепалки, перебранки и на склоки и должны сказать себе: «довольно!» и постараться на тех или иных условиях сделать работу здоровой... добиться того, чтобы работа была дружной, ибо без этого существовать в таких условиях, когда мы окружены внешними и внутренними врагами, невозможно»².

Наиболее острый момент борьбы против оппозиционеров на конференции был связан с выдвижением кандидатур и выборами в состав Московского комитета партии. В пылу фракционной борьбы «рабочая оппозиция» дошла до того, что организовала специальное совещание делегатов рабочих, которых им удалось временно привлечь на свою сторону. Это совещание происходило в Митрофаньевском зале Кремля, в то время как остальная часть конференции, с подавляющим большинством ленинцев, заседала в Свердловском зале. Владимиру Ильичу приходилось ходить из одного зала в дру-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 24.

² Там же. Т. 42. С. 35—36.

гой. Впоследствии он говорил, что это было началом фракционности и раскола.

Как сейчас помню Владимира Ильича, озабоченного и в то же время преисполненного решимости, твердой уверенности в победе, выступающего на заседании в Свердловском зале с сообщением «оттуда». Он только что вернулся из Митрофаньевского зала, где заседали «игнатовцы», «шляпниковцы» и «мясниковцы», объединившиеся под громким названием «рабочая оппозиция». Ильич информировал делегатов конференции о том, что оппозиционеры под разными предложениями отводят из намеченного представителями районов списка кандидатов в состав МК пять-шесть товарищей. Мотивы отвода, как сообщил Владимир Ильич, сводились к тому, что «твердокаменных» не следует выбирать в состав МК, так как они, мол, «не отвечают духу времени, не отвечают новым веяниям». Среди тех, кого отводила оппозиция, была и моя кандидатура (фамилий остальных не припоминаю).

Рассказав делегатам о ходе обсуждения в Митрофаньевском зале выдвинутых кандидатур, Ильич дал сокрушительный отпор оппозиционерам по существу вопроса. Он указывал, что мы должны настаивать и суметь провести в состав МК именно тех, кого отводят как «твердокаменных». Только на таких «твердокаменных», говорил он, и может положиться ЦК в современной обстановке.

Когда окончилось совещание, я подошла к Владимиру Ильичу и спросила: «Не лучше ли вместо моей выставить кандидатуру хорошего партийца, рабочего, на которого можно было бы положиться? Может быть, снять мою кандидатуру?»

Владимир Ильич как-то и шутя, и в то же время совершенно серьезно упрекнул меня, дал, что называется, настоящий нагоняй.

— А я думаю, наоборот,— сказал он.— Бой дать надо. Непременно надо дать бой. Вы хотите уступить? Но ведь если нас называли «твердокаменными», то это же плюс, а не минус. Если противник кого-либо из нас ругает, значит, на него действительно можно положиться. Рабочих в состав МК надо ввести, это правильно, но надо понять, что дело тут не только в отдельной кандидатуре, а в том, что мы должны бороться за такой состав МК, который обеспечил бы проведение генеральной линии партии. Вы поняли меня? Снимать кандидатуру не надо. Наоборот, нужно бороться за проведение в состав МК всех тех, кого мы наметили.

В. И. Ленин призвал избирать в МК не по принципу пропорциональности (как требовала оппозиция), а с учетом индивидуальных качеств кандидатов.

Из присутствовавших на конференции 289 делегатов с решающим голосом (и 89 с совещательным) оппозиция собрала всего лишь 61 голос. Таким образом, предложенный совещанием представителей районов состав МК получил подавляющее большинство голосов. В состав МК вошли и представители оппозиции. Позднее, на X съезде партии, В. И. Ленин с одобрением отзывался об этом опыте москвичей. «Этой политикой мы отсеем здоровое от нездорового в «рабочей оппозиции» и получим укрепление партии»,— говорил

Владимир Ильич¹. Секретарем вновь избранного МК был выбран твердый ленинец товарищ Артем (Ф. А. Сергеев).

Когда мы отчитывались на партийных собраниях об итогах губернской конференции и рассказывали о том, что партия вводит в руководящие органы также и представителей оппозиции всех оттенков, чтобы они могли высказать все, что хотят, и, подумав, убедились бы в своих ошибках и отказались от них, что Ленин считает поддержку некоторыми рабочими оппозиции заблуждением, своего рода болезнью, — это производило сильное впечатление. Многие рабочие, не разобравшиеся вначале в существе внутривнутрипартийной борьбы и поддержавшие «рабочую оппозицию» (поверив ее демагогическим разглагольствованиям о том, что партия, мол, не дает свободу слова, не считается с мнением рабочих и т. п.), — после того, как они поняли, что это все обман и демагогия, решительно порывали с оппозицией и шли за Лениным. Им становилось ясно, что Ленин ведет непримиримую принципиальную борьбу против ошибочных и вредных для революции установок оппозиции, но привлекает к работе и оппозиционеров, чтобы на практической работе, на деле, а не на словах они могли проявить себя и поняли бы свои ошибки.

Особенно ожесточенный характер приняла борьба партии с оппозиционными группировками во время профсоюзной дискуссии накануне X съезда партии. Оппозиция сосредоточила основные силы в Москве, ставя своей целью завоевание столичной организации. Агенты Троцкого пробирались во все районы Москвы. За ними потянулись децисты и другие со своими платформами.

Обстановка была необычайно трудной. Товарищ Артем перешел на работу во Всероссийский союз горнорабочих, секретарем Московского комитета партии стала В. Н. Яковлева, примкнувшая к троцкистам. Произошли изменения и в составе бюро МК, большинство его членов поддержало платформу Троцкого. В аппарате также преобладали в то время троцкисты, исключая твердого ленинца Криницкого, заведующего орготделом МК, и работника орготдела Петра Заславского. Троцкистом стал и секретарь Сокольнического райкома партии В. А. Котов, марксистски слабо подкованный и политически неустойчивый человек.

Как-то раз ко мне явился секретарь ячейки одной военной части и рассказал, что у них на собрании за платформу Троцкого голосовало только 3 человека из 66, причем все трое являлись членами делегатского собрания². Я разъяснила ему, что, так как эти люди оказались в ничтожном меньшинстве, они не могли уже представлять организацию на делегатском собрании района и вместо них следовало избрать других делегатов.

Об этой беседе было немедленно сообщено секретарю райкома Котову. Он тут же явился ко мне и, не стесняясь присутствия по-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 45.

² Тогда вместо районных партийных конференций функционировали делегатские собрания, состоявшие из представителей всех ячеек района. Эти собрания проходили один раз в месяц. *Ред.*

стороннего человека, грубейшим образом напал на меня. Секретарь ячейки посмеялся над ним, заметив: «Юпитер, ты сердишься, значит, ты не прав».

К тому времени троцкисты и «рабочая оппозиция» на короткий срок добились большинства в ряде районов Москвы. Они выступали с резкими нападками против партии и ленинского руководства. В Москве создалась тяжелая и сложная обстановка: оппозиционные группы стали объединяться против Ленина.

Но все это было лишь временным заблуждением. В результате разъяснительной работы партийные массы скоро поняли, где правда, и особенно на заводах твердо переходили на ленинские позиции, отвергая все попытки оппозиционеров повести их за собой.

Такое же положение было и в Сокольническом районе. Здесь в некоторых организациях члены партии подпали под влияние «рабочей оппозиции» и троцкистов, и при выборах в райком на делегатском собрании большинство получили сторонники оппозиции. Но когда в дальнейшем мы получили возможность разъяснить рабочей массе правильность партийной, ленинской платформы, ленинская линия всюду побеждала. К X съезду партии Сокольническая партийная организация пришла единой, сплоченной под знаменем Ленина.

Но провести эту кампанию и добиться победы было нелегко. Где взять докладчиков, которым можно было бы доверить такие ответственные выступления? Отсутствовала и необходимая литература. Встречались большие трудности и другого характера: транспорт в Москве был совершенно разрушен, трамваи не шли; об автомашине нечего было и мечтать. Обойти пешком обширный район (теперь это почти три района: Сокольнический, Рижский и часть Куйбышевского — ранее Железнодорожный район), да еще в зимних условиях, было физически невозможно.

Я решила обратиться за советом и помощью непосредственно к В. И. Ленину. Позвонила Н. К. Крупской, с которой приходилось и раньше советоваться в затруднительных случаях. Она предложила мне приехать к ней в Наркомпрос (где работала тогда заместителем наркома). С большим нетерпением ждала я встречи: не было случая, чтобы Надежда Константиновна не отнеслась с серьезным вниманием, когда к ней обращались за помощью.

Выслушав меня, она сказала, что в таком деле помочь мне не может, что надо поговорить с Владимиром Ильичем.

На следующий день я была в Кремле, в скромной квартире «Ильичей». Длинный коридор с рядом дверей. В квартире строгая простота, идеальная чистота и порядок. Единственная «роскошь» — книги, масса книг в шкафах, расставленных у стен.

Надежда Константиновна встретила меня приветливо и тотчас проводила к Владимиру Ильичу.

— Что скажете, — спросил он, — как дела в районе?

Я рассказала о действиях оппозиции, обрисовала обстановку в районе. Владимир Ильич взял блокнот и стал писать.

— Вот вам. По этой записке получите литературу из склада ЦК. А это для получения машины, чтобы объехать район.

Затем он обратился к Надежде Константиновне и попросил ее помочь найти людей для докладов на собраниях в ячейках.

Мы вышли в ее комнату. Надежда Константиновна взяла телефонную трубку и через час-полтора выяснила, где работают товарищи, названные Ильичем. Так мы получили более 50 докладчиков, которые оказали большую помощь району. Многих из них я знала по совместной работе в подполье. Это были товарищи, испытанные в революционной борьбе, верные, надежные, теоретически подкованные, в том числе И. И. Скворцов-Степанов, Артем — Сергеев, Г. Л. Шкловский, Николаев, Роберт и другие.

Так как в аппарате райкома, кроме Котова и меня, был еще только один работник — управделами, то основная тяжесть работы, естественно, пала на меня. Получив машину, я немедленно стала объезжать докладчиков. Со многими удалось тут же договориться. В ближайшее воскресенье я объехала секретарей ячеек на дому, беседовала с ними, снабдила их литературой.

В течение двух недель напряженной работы актива района во всех без исключения ячейках были проведены собрания, на которых разъяснялись позиция Ленина по вопросу о роли профсоюзов и позиция Троцкого. На каждое собрание посылались два докладчика: один ленинец, другой троцкист. Таким образом, с одной стороны, мы лишили троцкистов оснований жаловаться на то, что им зажимают рот, а с другой — раскрыли перед массами вредную демагогию троцкистов. Во всех ячейках были приняты резолюции, одобряющие ленинскую платформу в вопросе о профсоюзах («платформу десяти»), подписанную, кроме В. И. Ленина, Я. Э. Рудзутаком, И. В. Сталиным, Артемом, Г. И. Петровским и другими членами ЦК. В ленинской платформе профсоюзы рассматривались как школа коммунизма.

Для подведения итогов дискуссии готовилось общерайонное собрание. У троцкистов шансов на победу не было, так как все ячейки одобрили ленинскую линию. Однако в составе райкома большинство было троцкистов, и они потребовали, чтобы докладчиком на этом собрании был Троцкий. Как быть? Необходим был авторитетный совет.

Надежда Константиновна вновь устроила мне встречу с Владимиром Ильичем. В. И. Ленин слушал внимательно, время от времени задавая вопросы, бросая реплики:

— Как вы думаете, серьезно ли проведено обсуждение? Во всех ячейках оно прошло? Уверены ли вы, что резолюции были глубоко продуманы, что они приняты в результате полной убежденности рабочих?

И когда в дальнейшей беседе с Лениным я информировала его о ходе борьбы в районе, он заметил:

— Это как раз и говорит о том, что массы чутьем понимают, на чьей стороне правда. Они, несмотря на временные заблуждения, идут с нами.

Я стала приводить подробности, факты. В частности, рассказала о беседах на таких отравленных ядом оппозиции предприятиях, как

СВАРЗ (Сокольнический вагоноремонтный завод), Сокольнический трамвайный парк, железнодорожные мастерские.

В. И. Ленин сказал, что если члены партии основательно разобрались в вопросе, то личность докладчика не решает дела. Пусть выступит с докладом Троцкий. Пожалуй, это будет даже лучше. Пусть масса с полным сознанием даст ему отпор.

— Имейте в виду, — добавил он, — успех дела зависит от его организации. Хорошо подготовите собрание — собрание удастся. Предоставите самотеку — провалите. Дело в организации. В ней вся сила.

Ленин повторял, что все дело в том, чтобы полностью разъяснить массе рабочих нашу партийную точку зрения, сделать ее понятной, ясной для рядовых членов партии, убедить массу. Только убедив ее, говорил он, мы будем непобедимы. Ту же мысль Ленин настойчиво развивал позже, на X съезде партии, возражая Троцкому: «Прежде всего мы должны убедить, а потом принудить... Мы не сумели убедить широкие массы и нарушили правильное соотношение авангарда с массами»¹.

Я рассказала Ленину о своих тревогах по поводу положения на некоторых предприятиях, где среди рабочих наблюдались нездоровые настроения и колебания. Там орудовали Шляпников и компания. Они под шумок пробрались в РК и оттуда вели свою разлагающую работу в районе. Троцкисты ввели совершенно нетерпимый режим в партийной организации района, беспощадно расправлялись с коммунистами, стоявшими на большевистских позициях. Надо было выправить положение, ликвидировать влияние «рабочей оппозиции», которая действовала так: прежде вопила, что в аппарате чуждые рабочему классу люди, что надо его «орабочивать»; когда же шляпниковцы дорвались до руководства, то широко открыли дверь служащим, бывшим меньшевикам и эсерам.

В. И. Ленин, выслушав все это, указал, что надо принять решительные меры, вплоть до снятия оппозиционной верхушки.

— Надо удалить этих анархо-синдикалистов, — сказал он, — будет им хозяйничать! — В отношении рабочих Владимир Ильич предложил мне устроить так, чтобы к нему пришли делегаты, и именно те, которые настроены оппозиционно.

— Да смотрите, не вздумайте подсказывать им, что говорить! — предупредил он меня.

Не теряя времени, я принялась за дело. В ближайшее воскресенье вызвала рабочих-коммунистов из наиболее крупных ячеек района (СВАРЗ, трамвайного парка, дроболитейного завода, железнодорожных мастерских), которые, как мне было известно, подпали под влияние «рабочей оппозиции» и троцкистов. Я устроила с ними нечто вроде беседы по текущему моменту. В их высказываниях звучало недовольство своим положением. Я прямо спросила их:

— А не желаете ли вы поговорить по этим вопросам непосредственно с В. И. Лениным? Вот послушаете его, тогда поймете и вашу

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 54.

ошибку, и общее положение, и где надо искать выход. Попробую устроить вам встречу с Ильичем.

Это предложение понравилось рабочим, но они не верили, что оно осуществимо.

— Да он и не примет нас! — говорили они. — Ленин ведь министр, разве есть у него время говорить с простыми людьми?

Я постаралась убедить их, что ничего невозможного здесь нет, что В. И. Ленин безусловно их примет. Настроение сразу резко переменялось. Все оживились, заговорили другим языком. Посыпались вопросы.

— Кому говорить?

— С чего начнем разговор?

— О чем будем говорить?

После долгого горячего обсуждения решили, что сообщение о положении на заводах сделает рабочий Сокольнических мастерских Григорьев. Там обстановка была особенно тяжелой: рабочие делали зажигалки, многие были связаны с деревней и заражены недовольством крестьян.

— Что же, — сказал он взволнованно, — если надо, буду докладывать я. А как — подумать надо. Всю ночь спать не буду, а уж что-нибудь придумаю.

На следующий день (это было примерно в начале января 1921 года) рабочие пошли в Кремль. Вернувшись, делегаты подробно рассказали мне, как все было. Они немного запоздали. Когда вошли в кабинет, В. И. Ленин встал, подошел к ним с часами в руках.

— Да, опоздали! А на работу тоже опаздываете? Ну, как настроение? Как поднимается производительность труда? Бывают ли субботники? Какой дают результат?

— Вот какие были вопросы и много других — все деловые, серьезные. Зарботками нашими интересовался. Как с финансами, спросил. (Владимиру Ильичу было известно, что зарплату частенько задерживали и что это создавало благоприятную почву для демагогической агитации «рабочей оппозиции».)

— Серьезная беседа была, и в то же время какая сердечная!

— Какой он простой! И одет просто! Улыбается, здоровается со всеми за руку, усаживает.

— Как с родным человеком поговорили! — рассказывали участники беседы.

Рабочие ушли от В. И. Ленина обласканные и согретые его большим сердцем. Ленин разъяснил им вред и опасность пропаганды оппозиционеров. Ильич помог и в материальном отношении: некоторые трудности были преодолены. Он ничего не забыл из того, что слышал от рабочих. Зарплату после этого стали выдавать более регулярно.

Участники делегации — наши вчерашние противники — превратились в искренних и пламенных наших агитаторов. С восторгом описывали они товарищам обстановку в кабинете Ленина, рассказывали и о том, как В. И. Ленин сидел и как он встал и пошел к ним с часами в руках, и какая хорошая была у него улыбка.

— Такому человеку на всю жизнь поверишь, это — человек правды. Он наш, весь наш, — повторяли они.

Рабочие говорили, что Ленин им сказал, как партия ценит каждого сносного администратора из рабочих и всегда рада привлечь таких людей к работе; все рассказы о том, что Советская власть не доверяет рабочим, — ложь.

Весть о приеме у Ильича разнеслась по району с быстротой молнии и произвела совершенно исключительное впечатление. На собраниях ячеек и в общежитиях выступали в защиту ленинских позиций те самые рабочие, которые прежде были на стороне оппозиции. Они поняли, что все наше государство — одна семья и подобно тому, как в семье члены ее спланиваются, чтобы перебороть трудности, в нашем государстве тоже нужна всеобщая сплоченность и взаимная поддержка.

Накануне наступил день итогового районного собрания. Утром этого дня (18 января 1921 года) состоялся расширенный пленум МК¹ с представителями районов и крупных предприятий. Я пригласила на пленум нескольких колеблющихся товарищей из организации Сокольнического района, с тем чтобы здесь они услышали большевистскую правду, которая поможет ликвидировать их колебания. На пленуме обсуждалась платформа В. И. Ленина о профсоюзах, а также тезисы троцкистов и других оппозиционных группировок. Присутствовали приглашенные из районов Москвы и уездов Московской губернии руководящие работники укомов и райкомов. Всего было 89 человек, из них 36 членов МК.

Дискуссия продолжалась два дня. Троцкисты, составлявшие большинство в бюро МК, старались использовать свое положение, чтобы «натянуть» побольше голосов. Применили двойное и даже тройное голосование. Сперва голосовали только члены МК. Результат оказался плачевный для «хозяев положения». За тезисы Ленина голосовали 22 человека из 36. Троцкисты собрали только 9 голосов.

Второе голосование было проведено с участием приглашенных уездных и районных работников. Троцкистов и здесь постигла полная неудача: за тезисы Троцкого голосовали 18 человек из 89. За тезисы Ленина голосовало подавляющее большинство — 62 человека². Линия ленинского ЦК победила. Оппозиция была разбита наголову.

Теперь можно было уверенно ждать районного собрания. В районе насчитывалось около 3000 коммунистов. Собрание происходило в театре «Тиволи» (ныне кинотеатр «Луч»). Народу собралось столько, что яблоку негде было упасть. Явилось и московское партийное начальство — Яковлева и весь руководящий состав МК. Они рассчитывали на победу, но им пришлось жестоко разочароваться. Провалились их расчеты на поддержку со стороны завер-

¹ Пленум МК проходил 17 и 18 января 1921 г. в помещении МК на Б. Дмитровке, 15 (ныне улица Пушкина), в Зеркальном зале. *Ред.*

² См.: Партийный архив Института истории партии МГК и МК КПСС, ф. 3, оп. 2, д. 25, л. 1.

бованных ранее сторонников. Они не знали, что атмосфера в районе изменилась. А ведь наш район был одним из самых неблагоприятных по своему социальному составу.

Уже в самом начале стало ясно, на чьей стороне аудитория. Яковлева говорила при сплошном шуме, во время выступления Троцкого в рядах громко разговаривали о пресловутых «гайках». Раздавались раздраженные возгласы: «Хватит завинчивать! Слышали! Надоело!» Начались прения. Выступали рабочие, бывшие на приеме у В. И. Ленина, Н. Н. Иодзевич, Григорьев и другие.

Как во всей Московской организации, так и в нашем районе ленинцы победили. Большевики Москвы дали решительный отпор проискам фракционеров.

С такими результатами мы пришли на X съезд партии. Вспоминается один примечательный эпизод на закрытом заседании съезда, где обсуждались мероприятия по подавлению контрреволюционного мятежа в Кронштадте.

Ленин предложил ничего не стенографировать и не записывать.

— Спрячьте блокноты и карандаши,— сказал он.

Делегаты с глубоким волнением и пониманием серьезности обстановки восприняли эти слова. Неожиданно выступил Троцкий и потребовал стенографировать все «для истории». Он дал ложную характеристику кронштадтского восстания, назвав его массовым движением, имеющим якобы глубокие корни в народе, и заявил: «Кукушка уже прокуковала 12-й час Советской власти!»

Негодование охватило всех. Раздались возгласы возмущения. И тут прозвучал твердый голос Владимира Ильича.

— История не забудет всего, что было и будет сделано для пользы революции, но она не простит нам, если мы не оценим должным образом серьезности положения и будем думать не о том, как отстоять революцию. Надо действовать,— решительно сказал он. По предложению Владимира Ильича съезд направил в Кронштадт около 300 делегатов во главе с К. Е. Ворошиловым.

Мне не забыть тех минут, когда съезд слушал и принимал резолюцию «О единстве партии», внесенную В. И. Лениным.

В заключение хочется напомнить вдохновляющие слова В. И. Ленина, сказанные при закрытии X съезда партии: «...Мы знаем, что, сплотившись на этом съезде, мы действительно выйдем из наших разногласий абсолютно едиными и с партией, более закаленной, которая пойдет все к более и более решительным международным победам!»¹ Коммунистическая партия Советского Союза свято оберегает единство своих рядов и неуклонно претворяет в жизнь ленинские идеи, ведущие советский народ к коммунизму под руководством ленинского Центрального Комитета.

*Исторический архив. 1960.
№ 2. С. 159—166*

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 127.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О В. И. ЛЕНИНЕ

Чем дальше от нас отходит физический образ Владимира Ильича, тем ярче становится огромное духовное, идейное, политическое наследие, которое он нам оставил.

Отрывки воспоминаний, которыми я сегодня поделюсь¹, будут касаться только лишь одного, очень небольшого участка, ограниченного временем и пространством,— работы Владимира Ильича периода II—IV конгрессов Коминтерна.

После создания в 1919 году Коминтерна, о чем было оповещено в воззвании его I конгресса, началась гораздо более быстрая дифференциация внутри всего мирового рабочего движения. Время от I конгресса до II было временем раскола социалистических партий и групп, создания и оформления коммунистических партий, причем само оформление происходило на основе решений I конгресса.

В этот период, по существу, во всем мировом рабочем движении шла борьба по вопросу «за» или «против» Советской власти, «за» или «против» Коммунистического Интернационала, «за» или «против» диктатуры пролетариата, «за» или «против» тезисов Ленина о диктатуре пролетариата, представленных I конгрессу Коминтерна².

Всем памятно, что с первых дней войны³ одним из лозунгов нашей партии, сформулированным Лениным, было: «Долой II Интернационал, да здравствует III, Коммунистический Интернационал». Через Циммервальдскую конференцию, через Кинталь, через создание левого крыла в Циммервальде и Кинтале, потом через отрицание циммервальдского объединения, благодаря победе Октябрьской революции мы пришли к созданию Коммунистического Интернационала.

Во все эти прошедшие годы в центре внимания нашей партии и Ленина была борьба против всех видов оппортунизма, и только благодаря той острой борьбе, которую вел Ленин, удалось уже после победы Октябрьской революции создать Коммунистический Интернационал. Наша революция привлекала симпатии не только людей, понимавших движущие силы революции, сущность теории и практики большевизма, марксистскую идеологию, она привлекала вообще симпатии всех революционно настроенных рабочих. Надо

¹ Настоящие воспоминания впервые публиковались по сокращенной стенограмме выступления А. Лозовского в Центральном музее В. И. Ленина 20 апреля 1940 г. *Ред.*

² Речь идет о «Тезисах и докладе о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата 4 марта» и резолюции к тезисам В. И. Ленина (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 491—510). Текст тезисов на русском и немецком языках был роздан делегатам I конгресса Коминтерна. По желанию делегатов Ленин 4 марта 1919 г. зачитал тезисы и в своем докладе обосновал два последних пункта этих тезисов. Конгресс выразил солидарность с тезисами Ленина и принял решение передать их в бюро для широкого распространения в различных странах (см.: *Первый конгресс Коминтерна. Протоколы.* М., 1933. С. 117). *Ред.*

³ Имеется в виду первая мировая война 1914—1918 гг. *Ред.*

иметь в виду, что война, революция и предательство социал-демократов создали, конечно, большой сумбур в головах многих рабочих, отошедших от социал-демократии, но не дошедших еще до марксизма-ленинизма. Всеми своими чувствами, душой они были с нами, с нашей революцией, но в то же время они не понимали, что такое диалектика революционной борьбы, что такое большевизм, и это особенно сильно сказалось во время подготовки ко II конгрессу Коминтерна.

В революционном рабочем движении того периода появились различные течения, которые из отрицания оппортунизма, социал-демократической тактики и политики делали «левацкие», анархо-синдикалистские и всякие немарксистские и небольшевистские выводы.

Перед самым конгрессом Ленин выступил со своей знаменитой книгой «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», которую он закончил в апреле 1920 года. Эта книга послужила основой в деле подготовки II конгресса Коминтерна и борьбы против всяких «левацких» уклонов, сочетавшейся с одновременной борьбой против основного нашего врага — оппортунизма, который тогда был еще очень силен в рабочем движении, а социал-демократические партии еще вели за собой значительные массы рабочих во всех капиталистических странах.

В период подготовки II конгресса революция шла по восходящей линии в ряде стран. Правда, как потом, в дальнейшем, говорил Ленин, революция шла медленнее, чем мы предполагали¹, но, во всяком случае, когда II конгресс Коминтерна собрался в Москве, положение в мировом рабочем движении вообще, а в целом ряде стран в особенности было революционное. Это был своеобразный отрезок исторического развития, когда все объективные данные для победы пролетариата были налицо и только не было субъективного фактора — сильных коммунистических партий, находившихся еще в стадии организации, так сказать, в зачаточном состоянии.

Такова была общая международная обстановка.

Теперь перейду к отдельным оставшимся у меня в памяти встречам, выступлениям Ильича и тем вопросам, которые волновали в тот период всю нашу партию, руководство партии и всех нас, участников конгрессов Коминтерна.

В Москве к середине 1920 года — еще до открытия конгресса — оказались, помимо представителей коммунистических партий различных стран, также и представители ряда профсоюзных организаций, объединявших революционных рабочих, которые были готовы до конца бороться против капитализма, но в то же время не знали, как это делать.

По поручению руководства нашей партии и самого Ленина мне пришлось вести переговоры со всеми этими профсоюзными организациями.

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 36—37. Ред.

Перед всеми делегатами был поставлен вопрос о необходимости создания международного центра революционного профессионального движения. Разногласия, выявившиеся по этому вопросу с первых наших совещаний, заключались в следующем. Представители Итальянской конфедерации труда хотели, чтобы в резолюции, которую мы вырабатывали как исходную базу (платформу) для создания международного центра революционного профессионального движения, не ставился вопрос о диктатуре пролетариата. Синдикалисты, будучи вообще против диктатуры пролетариата, были даже против упоминания диктатуры пролетариата... Только представители ВЦСПС, болгарских профсоюзов, возглавляемых компартией, и представители сербских профсоюзов были за то, чтобы в этом документе прямо поставить вопрос о диктатуре пролетариата.

После того как Серрати¹ представил компромиссный документ и мы сидели несколько часов, вытравляя оттуда самые худшие формулировки, все-таки еще осталось много неясностей. В попытках составить приемлемый для всех документ мы дошли до точки: или рвать с ними, ничего не создав, или надо уступать, так как было ясно, что дальше не удастся отстоять необходимые нам формулировки. Тогда я отправился к Ленину и говорю:

— Вот, Владимир Ильич, результат нашей многонедельной работы и совещаний. Как быть?

Он прочитал этот довольно неуклюжий документ и заметил:

— Нельзя сказать, чтобы это было особенно ясно.

Затем он начал меня спрашивать, что представляет собой каждая делегация, характеристику делегатов и организаций, которые они представляют, отношение каждой делегации к нашим лозунгам, к нашей политике и наконец сказал:

— Знаете что, для начала можно это подписать. Тут, конечно, многое неясно, но для начала можно подписать, потому что важно в данный момент создать какой-нибудь центр, а ясность вы внесете потом, потому что, как только мы создадим центр, внутри профсоюзов всего мира начнется борьба, дифференциация вокруг вопроса о диктатуре пролетариата, а не вокруг той неясной формулировки, которая у вас написана. В ближайшее время нам удастся на каком-нибудь следующем собрании исправить то, что сейчас всунули итальянцы и синдикалисты.

Следуя этому совету, мы подписали документ об образовании Международного Совета профессиональных и производственных союзов, из которого потом родился Красный Интернационал профессиональных союзов.

II конгресс Коминтерна вынес основные решения, определившие на десятки лет дальнейшее развитие международного комму-

---

¹ Серрати Джачинто Менотти — один из руководителей Итальянской социалистической партии. На II конгрессе Коминтерна возглавлял итальянскую делегацию, однако выступил против безоговорочного разрыва с реформистами. Впоследствии преодолел свои центристские ошибки, вступил в Итальянскую коммунистическую партию, в рядах которой активно боролся до конца жизни. *Ред.*

нистического движения. Он открылся в Ленинграде, в Таврическом дворце, куда мы, все делегаты, приехали из Москвы в двух специальных поездах. И в том Таврическом дворце, где несколько лет назад заседали всякие Родзянки, Чхеидзе, Керенские и прочие тени, сошедшие со страниц истории, первый доклад о международном положении сделал Владимир Ильич.

Должен сказать, что Владимир Ильич вообще никогда не делал длинных докладов. Самый длинный доклад Владимира Ильича, который я помню за всю жизнь, а я слышал его очень много раз, был доклад на II конгрессе, длившийся час сорок пять минут. Этот доклад Ленина «О международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала» был основным на II конгрессе¹.

Перечитывая сейчас доклады Владимира Ильича, особенно ясно видишь, как он умел в немногих словах уплотнять свои мысли, как он умел каждый раз в своей речи ставить и поднимать новые проблемы и заставлять работать мысль своих слушателей.

Ленин имел замечательное свойство в коротком докладе сказать очень много, а ведь очень часто ораторы и в больших докладах говорят, по существу, очень мало. Но это было не единственное выступление Владимира Ильича на конгрессе². Конгресс был очень бурный, чрезвычайно разнородный. Ильич, помимо общих выступлений, беседовал с десятками делегаций и десятками делегатов.

После доклада Владимира Ильича прения открылись на следующий день уже в Москве, в Кремле. Ильич безвыходно присутствовал на конгрессе, отрываясь на очень недолгое время для решения больших государственных дел.

Известно, что II конгресс принял чрезвычайно важную резолюцию о роли партии, в которой четко и ясно сформулировано, что такое партия. Эта резолюция была особенно важна, поскольку мы имели дело с весьма своеобразным составом конгресса. Ильич выступал с речью относительно роли и структуры коммунистической партии до и после завоевания власти пролетариатом³.

Особенно интересно развернулись прения по вопросу об условиях приема в Коммунистический Интернационал. С начала организации Коминтерна под напором снизу к нему начали «прируливать», если взять авиационный термин, всякого рода оппортунистические партии. Все эти Дитманы, Крипины⁴ не разделяли всех взглядов

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 215—235. *Ред.*

² В. И. Ленин руководил подготовкой II конгресса Коминтерна и принял участие в работе большинства комиссий конгресса. Кроме основного доклада он выступил с речью о роли коммунистической партии, с докладом комиссии по национальному и колониальному вопросам, с речью об условиях приема в Коммунистический Интернационал, с речами о парламентаризме, о вхождении коммунистических групп и организаций Англии в Рабочую (лейбористскую) партию. Большая часть документов, принятых конгрессом, была подготовлена Лениным или при его непосредственном участии. *Ред.*

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 236—240. *Ред.*

⁴ Дитман В. и Крипин А. — лидеры германской социал-демократии. В 1917—1922 гг. возглавляли правое крыло Независимой социал-демократической партии Германии. Присутствовали на II конгрессе Коминтерна в качестве делегатов от германских «независимых». По возвращении в Германию выступили против присоединения к Коминтерну. *Ред.*

большевиков, но, поскольку низы напирали, они готовы были формально войти в Коминтерн, но в то же время продолжать свои оппортунистические дела, как и раньше.

Инициатором 21 условия был Владимир Ильич. 21 условие — это проволоочное заграждение против реформистов и оппортунистов, пытавшихся влезть в Коминтерн. Владимир Ильич, полемизируя с Дитманом и Криспином по вопросу диктатуры пролетариата, указывал, что Криспин другими словами и другими фразами излагает то же самое, что писал в своей книге ренегат Каутский¹.

Надо сказать, что Ильич был совершенно беспощаден по отношению к Криспину и Дитману, поскольку он видел, что они маневрируют, что у них нет ничего общего с коммунизмом, с большевизмом, что они идут в Коминтерн только под напором рабочих и идут для того, чтобы обмануть своих собственных рабочих, обмануть Коминтерн.

Выступление Ильича по поводу 21 условия, его выступление против Дитмана и Криспина и вообще против центристов, от которых нужно было держать на замке Коминтерн, было чрезвычайно важным для делегатов, для всех партийных организаций. Одновременно с этим, на том же конгрессе, Ильичу пришлось выступить и по вопросу относительно союзников пролетариата². II конгресс принял очень важную резолюцию по колониальному вопросу, и, что особенно интересно, как раз на этом конгрессе Ильич и сформулировал нашу большевистскую тактику по отношению к борьбе колониальных народов. В речи Владимира Ильича и в резолюции было прямо подчеркнуто, что коммунисты могут и должны вступать в соглашения с национальной буржуазией колониальных стран в борьбе против иностранного империализма³, против чего пытался в свое время полемизировать Троцкий.

Чрезвычайно важным событием на конгрессе было выступление Ильича против «левацких» уклонов.

По каким вопросам были наскоки со стороны «левых» на наши большевистские позиции? Они отрицали парламентаризм, причем исходили из правильных утверждений. Из кого состоит парламент? Из буржуазии. Что делает парламент? Принимает законы против рабочих. Устанавливая правильные факты, они делали совсем неверные выводы.

И вот Владимир Ильич с терпеливым спокойствием собирал «левых» отдельно, разговаривал с каждым из них, потом доказывал на конгрессе: что парламент буржуазный, что он принимает законы против рабочих — мы с вами согласны; что ваши социалистические

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 248—254. Речь идет о книге: *Kautsky K. Die Diktatur des Proletariats*. Wien, 1918, подвергшейся серьезной критике в труде В. И. Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (Полн. собр. соч. Т. 37. С. 101—110). *Ред.*

² См.: Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 241—247). *Ред.*

³ См.: 2-й конгресс Коммунистического Интернационала: Стенографический отчет. М., 1921. С. 596—606. *Ред.*

партии ведут оппортунистическую, антирабочую политику — это верно, но откуда вы взяли, что такую политику должны вести все, почему вы думаете, что революционный рабочий класс в парламенте не сможет вести революционную политику?

Выступление по этому вопросу Владимира Ильича¹ поколебало некоторых из них. Галлахер в своей книге воспоминаний² пишет, что, когда он читал книгу «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (а эта книга в значительной своей части посвящена английским «левым»), он рассвирепел. Галлахер рассказывал:

— Я был чрезвычайно воинственно настроен и решил в таком настроении разговаривать с Лениным. Прежде всего Владимир Ильич с трудом понимал мой шотландский акцент (а он действительно говорит так, что одни шотландцы его понимают. — А. П.), но мы с ним сговорились, и по мере того, как я говорил с Владимиром Ильичем, мой воинственный пыл проходил, и я не знал, что отвечать на аргументы Ленина.

Галлахер совершенно искренне рассказал о том моральном, идейном кризисе, который он переживал после того, как, приехав с воинственными намерениями подраться, защищать свои позиции и столкнувшись с огромной эрудицией, опытом, железной логикой Ильича, он, этот искренний, честный пролетарий, действительно ненавидящий всеми фибрами своей души английскую буржуазию, желающий свернуть ей шею в любой день, убедился: то, что он предлагал, — это детский лепет по сравнению с тем, что ему предлагается на основе большого исторического опыта всего мирового рабочего движения.

Чуть не забыл сказать, память все-таки иногда предает, об очень существенной резолюции II конгресса, написанной Ильичем, — это по аграрному вопросу³. Всем понятно, какое огромное значение имел этот вопрос для коммунистических партий, особенно если иметь в виду, что все компартии откололись от социал-демократических партий, что они пришли в Коминтерн с огромным социал-демократическим грузом, с целым рядом неправильных представлений, особенно по отношению к крестьянству. Приходилось очень много говорить с делегациями, доказывать им на основе отрицательного опыта венгерской революции, что неправильное разрешение аграрного вопроса может погубить революцию⁴.

Прошло уже 20 лет со времени II конгресса Коминтерна, и все

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 255—259. *Ред.*

² См.: Callacher W. Revolt on the Clyde. An Autobiography. L., 1936. P. 251—253. Воспоминания У. Галлахера на русском языке «Революционный социализм в Шотландии и Октябрьская революция» см. в кн.: Великая Октябрьская революция и мировое освободительное движение. М., 1958. Т. 2. С. 96—108. *Ред.*

³ См.: Первоначальный набросок тезисов по аграрному вопросу (для Второго съезда Коммунистического Интернационала) (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 169—182) и Резолюцию по аграрному вопросу (2-й конгресс Коммунистического Интернационала: Стенографический отчет. С. 607—618). *Ред.*

⁴ Речь идет о венгерской революции и Венгерской Советской Республике (21 марта — 1 августа 1919 г.). *Ред.*

так же ярко памятливы выступления Владимира Ильича по каждому пункту порядка дня с краткими, но чрезвычайно компактными и логично построенными, убедительными речами.

Если учесть, что Ленин писал резолюцию о международном положении и основных задачах Коминтерна, по национально-колониальному вопросу, что он написал 21 условие, что он на $\frac{3}{4}$ написал резолюцию о роли коммунистических партий, что он работал во всех комиссиях и потом от имени комиссий делал доклады на конгрессе, — станет совершенно очевидным, что Владимир Ильич пропитал II конгресс Коммунистического Интернационала от первого до последнего дня большевистскими идеями. Ленин стремился к тому, чтобы показать делегатам конгресса, недавно пришедшим в Коминтерн, людям с большим революционным чутьем, но без всякого марксистского сознания, что такое большевистская тактика, как надо подходить к разрешению вопросов, стоящих перед мировым рабочим движением, как надо их разрешать.

К сожалению, нигде не записано — может быть, сохранилось в записках его секретаря того периода, — что Ильич во время конгресса принимал огромное количество делегаций и делегатов. Каждый, у кого было малейшее сомнение или неясность по какому-нибудь вопросу, хотел поговорить с Ильичем. Так, помню хорошо, что Галлахер толковал с Лениным; судя по воспоминаниям американцев, они также были у него. По воспоминаниям и рассказам делегатов на других конгрессах я знаю, что во время II конгресса Ленин имел десятки бесед с разными делегатами по различным вопросам: по аграрному, колониальному, о приеме в Коминтерн, о роли коммунистической партии, о диктатуре пролетариата — по всем решительно вопросам, которые тогда волновали мировое рабочее движение.

Между II и III конгрессами прошел примерно год. III конгресс собрался в Москве летом 1921 года.

Накануне III конгресса в международной обстановке мы переживали зигзаг в развитии революции, некоторый спад революционной волны при общем развитии революционного процесса во всем мире. Накануне конгресса в бывшей гостинице «Континенталь» несколько дней заседал исполком Коминтерна. Исполком, как всегда это бывает перед конгрессом, обсуждал предстоящий порядок дня и ряд вопросов, назревавших в рабочем движении.

На конгресс приехало несколько человек, чрезвычайно лево настроенных, особенно из Франции. Среди них был делегат от молодежи по фамилии Ляпорт¹, который доказывал, что тактика Коминтерна оппортунистическая, что темпы, которые мы развиваем, приносят ущерб международному рабочему движению, и вообще наговорил очень много, что объяснялось французским темпераментом, молодостью, большим невежеством и демагогией. Его основные установки частично подходили к установкам, выдвигавшимся

---

¹ Ляпорт Морис — член делегации Французской коммунистической партии на III конгрессе Коминтерна. *Ред.*

некоторыми членами Коммунистической партии Германии, к этому времени придумавшими «теорию наступления». (Эта теория заключалась в том, что рабочий класс должен всегда наступать,—есть ли у него силы, нет ли у него сил, может ли он наступать или нет,—он должен всегда наступать.)

Можно себе представить, как Ильич воспринял такого рода идеи!

Этот Ляпорт (между прочим, он потом стал ренегатом, и, когда его выгоняли из французской партии, кричали: «Ляпорт, а ля порт!»¹) придумал такой трюк: перед очередным призывом в армию выдвинуть лозунг забастовки призывников. Это было на третий или четвертый день заседания Исполкома. Владимир Ильич буквально вбежал в зал заседания. Как ни был Владимир Ильич бесконечно занят делами, но тут он не смог усидеть в Кремле, когда услышал такой «замечательный» лозунг, что революцию во Франции должны делать только одни призывники, а не весь рабочий класс.

В своей речи Ильич был беспощаден по отношению к «теории наступления» и по отношению к Ляпорту². Это было замечательное, боевое выступление. Ленин почувствовал врага, что-то враждебное. Он говорил, что такие лозунги могут погубить коммунистическое движение, такие выступления, как Ляпорта, губительны для коммунистических партий. Тут же он разделал и «теорию наступления», которой тогда щеголяли не только немецкие представители, но и Радек, и Бухарин, и другие.

Основной, определяющей резолюцией на III конгрессе была резолюция о тактике Коминтерна. Для того чтобы решить вопрос о тактике, надо было прежде решить вопрос, на каком этапе находится развитие революционного процесса, так как только из этого анализа можно сделать тактический вывод для коммунистических партий. Это — основное, элементарное правило большевиков.

Первый проект тезисов написал Радек. Потом он сам рассказывал следующее:

— Я написал тезисы о тактике, послал их Владимиру Ильичу; ночью я ему звоню:

— Ну как, Владимир Ильич, прочитали?

Он говорит:

— Прочитал.

— Как вы находите?

Владимир Ильич отвечает:

— Прекрасные тезисы, но все нужно написать наоборот.

В самом деле, существо вопроса заключалось в том, что Радек исходил из нарастания революционного процесса в середине 1921

¹ Игра слов: по-французски «ля порт» — дверь, «а ля порт» — за дверь. *Ред.*

² Речь идет о выступлении В. И. Ленина 17 июня 1921 г. на расширенном заседании Исполкома Коминтерна с речью о положении во Французской коммунистической партии (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 550). Это выступление В. И. Ленина излагает В. Коларов в своих воспоминаниях «Ленин на III конгрессе Коминтерна» (см.: *Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине.* М., 1960. Ч. 3. С. 323—324). *Ред.*

года, тогда как уже было очевидно, что кривая пошла вниз, и, конечно, такая неправильная оценка совершенно искажала всю тактику Коммунистического Интернационала и коммунистических партий. Одно дело — отдельные стачки, разрозненные выступления, восстания, и другое дело — идет ли кривая революции вверх или вниз. Это разные вещи, и из этого надо делать разные тактические выводы.

Основная установка этой группы Радека, Бухарина, Зиновьева заключалась в том, что революция продолжает идти по восходящей линии. Вот почему Ленин со свойственной ему прямотой сказал: тезисы хорошие, но все надо писать наоборот. Радеку не удалось написать все наоборот, и за дело взялся Владимир Ильич¹. И если сейчас прочитать тезисы о тактике III конгресса Коммунистического Интернационала, каждый увидит, как они отшлифованы, какие там замечательные формулировки, как подчеркнуто основное для того времени и то, против чего с такой энергией, с такой беспощадностью выступал Ленин... Это был решающий, коренной вопрос: куда пойдет Коминтерн — или по линии авантюры, бессмысленных, опасных для рабочего движения левацких лозунгов, или по пути большевистскому, то есть по пути завоевания масс, большинства рабочего класса, профессиональных организаций, то есть по пути создания опоры в рабочем классе, по пути создания массовых пролетарских партий, для совершения победоносной пролетарской революции.

В тезисах о тактике есть замечательные параграфы, свидетельствующие о том, что Ленин в каждый данный момент умел определить стадию развития, смотреть правде в глаза и не бояться сказать, что да, революция пошла по нисходящей линии, зигзагообразно, но пока пошла по нисходящей линии. Самый главный враг для большевика — это самообман, и сила Ленина всегда заключалась в том, что он умел беспощадно смотреть правде в глаза, говорить то, что есть, и в каждый момент использовать наличные силы и двигать дальше рабочее движение по пути завоевания масс, большинства рабочего класса во имя достижения целей большевистской партии.

Помню несколько заседаний делегации РКП(б), где Радек, Бухарин и Зиновьев пытались против Ильича доказывать правильность своей точки зрения. Конечно, это им совсем не удалось, ибо количество их сторонников среди делегаций было очень невелико. В то время как они прибегали к пафосу и утверждениям, что революция не может не победить и т. д., Ильич исходил из фактов и доказывал, что мы еще не имеем большинства рабочего класса; он спрашивал: где еще, кроме России, коммунистическая партия ведет за собой большинство рабочего класса? На это все эти Радеки, кроме декламации, ничего не могли ответить. Не было такой страны в мире, кроме России, где бы Коммунистическая партия руководила большинством

---

¹ См.: Первоначальные замечания на тезисы о тактике Коминтерна (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 435) и Замечания на проекты тезисов о тактике к III конгрессу Коммунистического Интернационала. Письмо Г. Е. Зиновьеву (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 52. С. 265—269). См. также: Речь в защиту тактики Коммунистического Интернационала 1 июля (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 23—33). *Ред.*

рабочего класса, а если она не завоевала большинства рабочего класса, где тут говорить о революции.

На III конгрессе Коминтерна очень большое место занял доклад Ильича о тактике РКП¹. Для многих иностранных коммунистических партий не была понятна наша новая экономическая политика, и вот доклад Ильича должен был разъяснить, во-первых, обстановку, в которой боролся тогда советский пролетариат, затем — что представляет собой экономическая политика Советского государства, что такое новая экономическая политика, какие причины вызвали ее и т. д. Причем Ильич в докладе поставил один из важнейших для коммунистических партий вопрос относительно союзника пролетариата, каким образом в процессе борьбы пролетариат может и должен сохранить союз с крестьянством, с большинством крестьянства, конечно, исключая кулаков. Этот вопрос, имевший огромное значение для всего международного коммунистического движения, был тщательно разработан в тезисах и в очень большом докладе Владимира Ильича, который был заслушан с огромным вниманием всеми делегатами. III конгресс Коммунистического Интернационала имел огромное значение для коммунистического движения потому, что он выдвинул лозунг «в массы», и непосредственно после конгресса, как вывод из этого лозунга, была принята тактика единого фронта, которая является важнейшей в арсенале тактических методов и способов борьбы международного коммунистического движения.

Остался в памяти еще один эпизод, связанный с учредительным конгрессом Красного Интернационала профессиональных союзов². Задача заключалась в том, чтобы в Профинтерн вовлечь не только сочувствующие коммунистам или коммунистические группы, а все революционные профсоюзные организации, которые хотели бы вместе с коммунистами и с другими революционными рабочими идти на борьбу против капитализма. Из таких организаций были: Национальная конфедерация труда Испании, Всеобщая унитарная конфедерация Франции и т. д. Ко времени учредительного конгресса разногласия, имевшиеся между нами, приняли более конкретные формы. Синдикалисты настаивали на том, чтобы не было органической связи между Коминтерном и Профинтерном, чтобы в резолюции нашего конгресса Профинтерна не подчеркивалась руководящая роль коммунистической партии, чтобы в резолюции, где мы говорим о диктатуре пролетариата, мы говорили примерно в том духе, как это было при учреждении первой ячейки международного профессионального движения. Разногласия были очень острые, они обуждались в течение целого года и, конечно, нашли свое отражение на втором конгрессе профессиональных союзов³.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 34—54. *Ред.*

² Учредительный конгресс Красного Интернационала профессиональных союзов — I Международный конгресс революционных профессиональных и производственных союзов состоялся в Москве 3—19 июля 1921 г. *Ред.*

³ Второй конгресс Профинтерна состоялся в Москве 19 ноября — 22 декабря 1922 г. *Ред.*

Один из делегатов — Монмуссо — рассказывал о своей беседе с Владимиром Ильичем по поводу вопросов, волновавших и интересовавших тогда представителей французского революционного профессионального движения¹.

Конечно, мы, как коммунисты, были заинтересованы в том, чтобы не только коммунистические организации были в Профинтерне, и, поскольку после ряда совещаний различные точки зрения выкристаллизовались, надо было сделать из этого окончательные выводы.

Когда точки зрения оформились, я пошел к Владимиру Ильичу за советом опять-таки по тому же самому вопросу, о котором шла речь в 1920 году. Ильич, выслушав меня, сказал:

— Знаете, я не особенно в курсе всего этого дела. скажите: они идут к нам или от нас?

Я говорю:

— Они идут к нам.

— Тогда можно уступить.

Владимир Ильич, который сказал, что он не в курсе, на самом деле был в курсе этого, так как он был лучшим знатоком мирового рабочего движения, и этой одной фразой он сразу определил наши большевистские позиции. В самом деле, что это означает? В его вопросе был уже ответ: если революционные рабочие идут к нам, тогда не надо ставить никаких преград, значит, мы сумеем их переварить, сумеем их приблизить к нам, сумеем объяснить то, что им еще непонятно. Если имеются какие-то преграды, в виде некоторых формулировок, поскольку это профсоюзные организации, можно пойти на уступки. Если бы ответ был такой, что они идут не к нам, а от нас, тогда была бы совсем другая тактика, другие выводы, другой подход. В этой постановке вопроса и в совете, который он нам дал, сказался весь Ильич с его глубоким пониманием огромных сдвигов, происходящих в мировом рабочем движении, с пониманием наших задач как большевиков, как организаторов мирового революционного рабочего движения.

IV конгресс Коминтерна происходил в 1922 году осенью. Владимир Ильич, еще не оправившись от болезни, пришел на конгресс. Мы видели, сколько нужно было Владимиру Ильичу потратить энергии, сколько нужно было в буквальном смысле слова урвать от своего здоровья для того, чтобы сделать доклад, да еще на немецком языке. Вид у него был чрезвычайно болезненный.

Ленин на трибуне чувствовал себя обычно свободно, у него была всегда какая-то внутренняя связь с аудиторией. С точки зрения воздействия на массы, воздействия на аудиторию Ленин был исключительным оратором, подобного которому я никогда в своей жизни не

---

¹ Воспоминания Гастона Монмуссо «Ленин и французское профдвижение» см. в кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1957. Ч. 2. С. 666—670. Монмуссо — видный деятель французского рабочего движения, секретарь Всеобщей конфедерации труда Франции. В 1922 г. вступил в Коммунистическую партию Франции. Встреча В. И. Ленина с Г. Монмуссо состоялась 18 ноября 1922 г. (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 700). *Ред.*

слышал,—он умел полностью подчинять себе аудиторию. Никто до окончания его слов обычно не шелухнется — так слушали. Это возникало из его искренности, из его глубины, из внутренней силы. Он оказывал необычайное воздействие на слушателей.

Владимир Ильич на IV конгрессе выступил больной. Говоривший обычно свободно по-немецки, на этот раз он запинаясь: чувствовалось огромное внутреннее напряжение, которое ему потребовалось для того, чтобы вообще выступить на конгрессе.

Нет смысла излагать эту речь, все ее знают¹. Этой речью Владимир Ильич подвел некоторые итоги. Если взять первые три конгресса Коминтерна, которые проходили под руководством Владимира Ильича, а затем IV конгресс, то по вопросам, по которым выступал Ленин в качестве докладчика, видно, что он охватил все коренные проблемы мирового рабочего движения: о диктатуре пролетариата, этом основном принципе нашей большевистской партии, о роли партии, об отношении к нашим союзникам, национально-колониальный вопрос, борьба со II Интернационалом, организационное формирование III, Коммунистического Интернационала. Коминтерн и в своих теоретических основах, и в своем организационном построении — во всем этом был обязан огромной идейной и организационной работе Владимира Ильича, и на это, конечно, В. И. Ленин потратил огромную часть своей энергии и своего гения.

*Вопросы истории КПСС. 1966.
№ 7. С. 105—112*

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 278—294. Ред.

И. А. АРМАНД	Л. Д. ТРОЦКИЙ
Е. А. НЕЧКИНА	Е. М. ЯРОСЛАВСКИЙ
А. Д. МЕТЕЛЕВ	Л. А. ФОТИЕВА
И. Н. ХАБАРОВ	М. И. ГЛЯССЕР
В. Г. СОРИН	М. А. ВОЛОДИЧЕВА
А. В. БЕЛЬМАС	Ф. А. ГЕТЬЕ
С. Н. АЛИКИН	Н. ВАЛЕНТИНОВ
А. Я. АРОСЕВ	(ВОЛЬСКИЙ)
Е. И. СМИРНОВА	М. И. УЛЬЯНОВА
В. ЯКОВЛЕВ	

Scan: Ershov V. G., 2007

ВОСПОМИНАНИЯ
О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ ¹

Мои воспоминания о Владимире Ильиче относятся в основном к 1920—1922 годам. Встречалась я с Владимиром Ильичем и раньше и не раз слышала его выступления на собраниях, но только с октября 1920 года я стала довольно часто бывать на квартире Владимира Ильича и Надежды Константиновны в Кремле, бывала и в Горках, ближе узнала их лично.

Это было связано с тем, что в сентябре 1920 года умерла моя мать — Инесса Федоровна Арманд ².

Инесса — большевичка, подпольщица с 1903 года — многие годы в эмиграции работала под непосредственным руководством Ленина. Ленин хорошо знал и высоко ценил ее как партийного деятеля. Но, кроме того, уже с 1909 г. Инесса была связана с Надеждой Константиновной и Владимиром Ильичем крепкой дружеской привязанностью, и эта дружба сохранилась до конца жизни Инессы. Вот почему, когда в 1920 году мама умерла, Владимир Ильич и Надежда Константиновна взяли сестру, меня и младшего брата под свою опеку (старшие братья были в Красной Армии). С тех пор я стала часто видиться с ними, бывать в их кремлевской квартире. Обычно мы сидели в комнате Надежды Константиновны и беседовали. Почти всегда, хотя и поздно вечером и ненадолго, заходил Владимир Ильич. Он не садился, а, по обыкновению, ходил взад и вперед по комнате и с пристрастием допрашивал об условиях нашей жизни, требовал ответа — есть ли у нас все самое необходимое из одежды, как мы питаемся, не слишком ли я устаю на работе, не надо ли чем помочь.

Хорошо известно, как Владимир Ильич умел заботиться об окружающих. Внимание, дружескую поддержку и заботу с его стороны испытали на себе и мы — дети Инессы Арманд.

Запомнились приезды Владимира Ильича в дом отдыха «Чайка» под Москвой, где мы с младшим братом набирались сил в ноябре — декабре 1920 года.

Владимир Ильич знал, как оба мы тяжело переживаем смерть матери, и вот, несмотря на огромную занятость и зимние холода, он навещал нас, просто, чтобы поддержать морально, помочь дружеским участием. Приезжал не один раз вечером на машине. По приезду обязательно разговаривал с врачом, узнавал, как мы лечимся, как наше здоровье, а затем заходил к нам с братом. Помню, он интере-

¹ Воспоминания написаны в 1969 г. *Ред.*

² И. Ф. Арманд умерла 24 сентября 1920 г. от холеры в г. Нальчике. *Ред.*

совался, что я читаю, брату любил задавать головоломные шахматные задачи (а потом сам же их и решал). И всегда советовал: побольше быть на воздухе, ходить на лыжах, набираться сил.

Перед отъездом Владимир Ильич никогда не забывал зайти в столовую дома отдыха, поговорить и пошутить с другими отдыхающими.

Огромной радостью и поддержкой были для нас эти встречи с Владимиром Ильичем.

Лето 1921 года я по приглашению Надежды Константиновны и Владимира Ильича провела в Горках -- готовилась поступать в университет. Первое время жила там одна. Изредка по вечерам приезжал Владимир Ильич, когда очень уставал, болела голова, мучила бессонница. Чистый воздух и тишина восстанавливали его силы, и наутро он уезжал хорошо отдохнувшим.

Как-то раз в мае Владимир Ильич вырвался из Москвы раньше обычного. «Вот, собрался на тягу», — сказал он мне. Я упросила взять меня с собой, хотя и без ружья. Отправилось нас на охоту несколько человек. Кроме Владимира Ильича был Гиль, товарищ из охраны и кто-то еще. Начало нашего похода было не очень веселое. Владимир Ильич выглядел до крайности уставшим и чем-то озабоченным. Он шел впереди и все время молчал; казалось, московские думы и заботы не оставляли его. А мы, идя сзади, тоже молчали или старались говорить вполголоса. Пришли к месту охоты и разошлись по своим местам. Вечер был замечательным: чудесным был весенний лес, запахи весны, тишина, нарушаемая только птицами. Вальдшнепы, правда, охотников не баловали: пролетел один, да и то далеко; кто-то стрелял, но неудачно.

Ну вот, думала я, тяга не удалась, Владимир Ильич будет огорчен. Однако Владимир Ильич вышел из леса бодрым, веселым, отдохнувшим, очарование весеннего вечера и весенний воздух сделали свое дело. На обратном пути он смеялся, шутил, рассказывал что-то забавное.

В июле 1921 года Владимир Ильич приехал наконец отдыхать в Горки вместе с Надеждой Константиновной. Ежедневно бывала там и Мария Ильинична. Надо сказать, что и в отпуске Владимир Ильич много работал. Распорядок дня был обычно такой: после завтрака Владимир Ильич уединялся на открытой террасе около своей комнаты и там проводил время до обеда; во второй половине дня обычно ходил гулять иногда один, чаще с Надеждой Константиновной; брали порой и меня с собой. Владимир Ильич любил бродить по лесу. По инициативе Марии Ильиничны раза два организовывались походы за грибами. Ездили на машине в дальний лес. Когда Владимир Ильич шел гулять к реке, он проходил мимо дома отдыха МК, и отдыхающие зазывали его в свой сад. Нравились Владимиру Ильичу эти непринужденные беседы с товарищами, он часто бывал среди них.

В воспоминаниях много пишут о скромности Владимира Ильича. С этой чертой его характера пришлось сталкиваться и мне. Помню, меня очень удивляло, почему в доме в Горках вся обстановка,

вплоть до портретов на стенах, оставалась такой же, как при прежних хозяевах, Рейнботах. Особенно, казалось мне, должна раздражать Владимира Ильича обстановка в его комнате: белая с позолотой будуарная мебель, зеркала между окнами. Я предложила как-то Надежде Константиновне переменить мебель в комнате. Она засмеялась и сказала: «А ты попробуй сама ему это предложить». Я так и сделала. К моему великому удивлению, Владимир Ильич рассердился и строго запретил что-либо менять в своей комнате. Потом я поняла из разговора с Надеждой Константиновной, что Владимир Ильич, оставляя в Горках все по-старому, подчеркивал этим, что его дом — это скромная кремлевская квартира, а свое пребывание в Горках он считал временным, как в доме отдыха или в санатории, что Горки — государственная собственность.

За время пребывания Владимира Ильича в Горках к нему мало приезжало товарищей из Москвы — надо было дать ему возможность отдохнуть от дел. Помню, приезжал Красин советоваться с Лениным о концессионной политике, но особенно запомнился проезд Глеба Максимилиановича Кржижановского.

Глеб Максимилианович, как известно, был старым товарищем Владимира Ильича еще по подпольной работе в Петербурге и другом семьи Ульяновых. Поэтому за чашкой чая на балконе горкинского дома собрались всей семьей послушать беседу Владимира Ильича с Кржижановским. Была там и я. Глеб Максимилианович рассказывал, как идет работа по осуществлению государственного плана электрификации России. Слушая, Владимир Ильич взволнованно и энергично шагал по балкону. Быстро и требовательно он задавал вопросы, делал замечания, подавал реплики.

Речь шла не только о практических вопросах сегодняшнего дня, но и о значении ГОЭЛРО для будущего социалистического расцвета страны. Владимир Ильич и Глеб Максимилианович, беседуя, «полки разводили», по образному выражению Надежды Константиновны, далеко заглядывали вперед. И это в обстановке тяжелого лета 1921 года, в обстановке голода и разрухи, когда только что были отбиты атаки на фронтах гражданской войны.

Мне на всю жизнь запомнился Владимир Ильич, каким я его видела в тот день — оживленным, взволнованным, увлеченным яркой перспективой будущего, — вождем с негибаемой волей, твердо уверенным в торжестве нашего дела.

Ленин, как известно, очень интересовался жизнью молодого поколения: тем, как оно живет, учится, участвует в революции. Он не раз встречался с молодежью. Хочу рассказать о встрече Владимира Ильича со студентами Высших художественно-технических мастерских (Вхутемас) 25 февраля 1921 года. В тот вечер я пошла в Кремль навестить Надежду Константиновну. Мы сидели в ее комнате на квартире в Кремле и беседовали, когда зашел Владимир Ильич. Разговаривая, он, как обычно, быстро ходил по комнате. В этот вечер, помню, он был оживлен и весел, расспрашивал меня, как я живу и работаю. Затем стал спрашивать о моей сестре, Варваре Александровне Арманд, тогда еще студентке Высших художественно-

технических мастерских. Сестра жила в студенческом общежитии. Владимир Ильич стал подробно расспрашивать о ней и об условиях, в которых живут студенты: тепло ли в общежитии, хватает ли еды, как идут занятия.

Со слов сестры я стала уверять, что условия в общежитии хорошие и она ни в чем не нуждается. Владимир Ильич слушал меня довольно скептически, а потом неожиданно предложил Надежде Константиновне: «Давай, Надя, поедem навестить Варю и посмотрим, как молодежь живет». Было уже 11 часов вечера, но Надежда Константиновна согласилась ехать. Прихватили и меня с собой. В машине Владимир Ильич не переставал дразнить меня: «Проверим, проверим, правду ли Вы говорите!»

Общежитие студентов Вхутемаса помещалось на Мясницкой (теперь улица Кирова), напротив Главного почтамта.

Нам пришлось пройти через темный двор и подниматься по скользкой, обледелой лестнице. Владимир Ильич шел впереди вместе с охраной и все время зажигал спички, так как было совершенно темно. «Нечего сказать, хорошее начало», — думала я с ужасом, помогая Надежде Константиновне подниматься по лестнице. Однако все мои страхи рассеялись, когда мы пришли в общежитие.

Молодежь встретила Ленина восторженно. Его сразу же обступили, радостно приветствовали. О приезде Ленина сразу стало известно и в соседних общежитиях. Отовсюду сбегались студенты, окружившие Владимира Ильича тесным кольцом. Он был очень весел, оживлен, доволен встречей с молодежью. Стали осматривать комнаты. Ленин даже пощупал кровати, вернее, жесткие деревянные топчаны, которые служили кроватями. Мебели в общежитии почти никакой не было, зато стены украшали лозунги, рисунки, стенгазета.

Владимир Ильич обратил внимание на рисунок паровоза с какими-то особыми «динамическими» линиями. Автор рисунка стал уверять, что так надо красить настоящие паровозы; из его слов можно было заключить, что такая раскраска отразится на скорости движения. Ленина очень рассмешило это заявление.

Затем Владимир Ильич обратил внимание на висевший на стене лозунг, взятый из стихов Маяковского:

В небеса шарахаем железобетон.

Ленин, смеясь, запротестовал: «Зачем же в небеса шарахать? Железобетон нам на земле нужен».

Владимир Ильич так просто, шутливо держал себя с молодежью, что сразу же завязалась непринужденная беседа. Говорили о живописи, о литературе, о жизни и учебных занятиях молодых художников. Многое, к сожалению, забылось из этой беседы; отмечу лишь несколько моментов.

Беседа началась, конечно, с того, что больше всего волновало молодых художников, — с вопроса об изобразительном искусстве, и прежде всего о живописи, и тут все они сходились в одном: все единодушно подчеркивали, что живопись должна идти в ногу с революцией, быть политически острой, «выйти из музея на улицу», моби-

лизовать массы на революционную борьбу. В этом были все едины, это все горячо отстаивали. Но какими средствами добиться этой цели, каким должно быть искусство, чтобы идти в ногу с революцией,— этот вопрос каждый решал по-своему, многие горячо защищали футуристов, некоторые отвергали станковую живопись.

Ленину очень нравился их молодой задор, непосредственность, безусловное презрение к рутине и страстное стремление служить революции. Но из всего, что говорилось с таким жаром обступившими Ленина молодыми художниками, было ясно, что правильного понимания путей дальнейшего развития искусства у них нет. Ленин спорил, отстаивая реалистическую живопись, хотя переспорить два десятка человек, которые говорили все сразу, волнуясь и перебивая друг друга, было нелегко.

Много внимания в этой беседе было уделено Маяковскому. Началось с восторженных отзывов художников о знаменитых плакатах Маяковского — окнах РОСТА. Владимир Ильич охотно признал их революционное значение. Затем речь зашла о поэзии Маяковского вообще. Владимиру Ильичу явно нравилось, с каким увлечением молодежь говорила о своем любимом поэте, о революционности его стихов. Однако и по вопросам поэзии завязался горячий спор, так как выяснилось, что среди молодежи много поклонников футуризма и в этой области искусства.

Наконец, устав спорить, Ленин шутливо заявил, что он специально займется вопросом о футуризме в живописи и поэзии, подчитает литературу по этому вопросу, а затем приедет еще раз и тогда обязательно их всех переспорит.

Владимир Ильич стал спрашивать молодежь, знает ли она классическую русскую литературу. Выяснилось, что знают ее довольно плохо, а многие огульно отвергают как «старорежимное наследие». Ленин с какой-то особенной заинтересованностью говорил о том, что надо знать и ценить лучших представителей русской дореволюционной культуры. Он рассказал, как сам он любит Пушкина и ценит Некрасова. «Ведь на Некрасове целое поколение революционеров училось»,—сказал Владимир Ильич.

Свою точку зрения Ленин излагал, конечно, не в виде речей или поучений. Но в его беседе, в репликах, вопросах, замечаниях сквозила мысль о необходимости критически усвоить все, что было лучшего в культурном наследстве прошлого, и на этой основе, а не на пустом месте создавать нашу новую, советскую культуру.

Беседа перешла на вопрос о жизни студентов. В общежитии, куда приехал Ленин, студенты жили коммуной. Это была коммуна передовиков Вхутемаса — коммунистов и комсомольцев. Владимир Ильич поинтересовался, почему они считают себя коммуной, как они ведут общее хозяйство, как следят за чистотой и т.п.

Затем он стал спрашивать о питании студентов, хватает ли им пайка. «Все хорошо, Владимир Ильич,— раздался дружный ответ.— Самое большее, на 4 дня в месяц хлеба не хватает». Такое заявление очень позабавило Ленина.

Владимир Ильич стал расспрашивать студентов об их учебных

занятиях и общественной работе. Он спросил их, между прочим, долго ли они засиживаются по вечерам. Выяснилось, что они не только долго засиживаются, а часто ночи напролет спорят об искусстве, об учебных планах и т. п. Владимир Ильич рассердился и стал журить молодежь. «Работаете вы много,—сказал он им,—питаетесь плоховато, да еще не спите. Из вас никакого толка не получится. Вы зря растратите силы и никуда не будете годиться, а надо беречь «государственное добро». Я дам распоряжение, чтобы в вашем общежитии выключали свет на ночь»,—добавил Ленин.

В заключение студенты пригласили Владимира Ильича и Надежду Константиновну поужинать с ними. На стол был поставлен чуть не месячный паек, но Владимир Ильич устал и от еды отказался. Пришлось Надежде Константиновне, чтобы не огорчать хозяев, отдавать поданной на стол каши.

Однако пора было уходить, время было позднее; провожать Владимира Ильича и Надежду Константиновну не стали, чтобы они могли уехать незаметно. Ведь время было тревожное.

На обратном пути в машине Владимир Ильич был задумчив и молчалив. По короткому «да», которое он время от времени произносил с какой-то особой интонацией, можно было судить, что он занят мыслями о только что состоявшейся встрече и озабочен.

Своими впечатлениями от этой поездки он со мной не делился, но от Надежды Константиновны я слышала, как, встретив после этого наркома просвещения А. В. Луначарского, Ленин сказал ему с упреком: «Хорошая, очень хорошая у Вас молодежь, но чему Вы ее учите!»

В 1922 году, когда Владимир Ильич болел, я не видела его. Но в сентябре из отпуска написала Надежде Константиновне, спрашивала, смогу ли у них снова бывать. Ее ответ хочется привести целиком. Уж очень хорошее это письмо:

«Милая моя девочка, получила оба твои письма, за них крепко тебя целую. Ты, вообще говоря, очень глупое существо. Ну, почему же тебе нельзя будет бывать у нас? Напротив, в этом году мы будем жить более «семейно» и «открыто», т. к. В. И. больше 8 часов в день заниматься нельзя и, кроме того, надо будет отдыхать два раза в неделю. Поэтому он всегда будет рад гостям. Он очень беспокоился, когда я ему рассказала, что ты больна, писал специальное письмо Жиделеву о тебе и о Лидии Александровне, прося его заботиться о вас. Сейчас В. И. считается выздоровевшим, и с понедельника (сегодня суббота 30 сент., я именинница сегодня) берется за дела (мы перебираемся в город; т. к. квартира у нас еще продолжает усовершенствоваться, то пока будем жить в чужой, но к твоему приезду все будет стоять на своих местах).

Вообще все уж вошло в норму, Ферстер (врач) уехал к себе в Германию, тот доктор, что жил здесь, перебрался в город, вчера ходили на тягу (без ружья, но с корзиной для грибов), видели одного вальдшнепа, 4 брусничины, десяток старых грибов и очень красивые осенние листья...

В конце письма Надежда Константиновна пишет, что Владимир

Ильич рвется к работе ужасно. «Впрочем, публика приезжает уже к нему и в одиночку, и высыпками».

В этом письме упоминается о том, что Владимир Ильич писал обо мне и Л. А. Фотиевой. Хочется привести здесь и это письмо. В нем весь Владимир Ильич со своей заботливостью и вниманием к людям. Он не ограничивается просьбой в общей форме позаботиться о товарищах, а дает *конкретные* указания, *как* позаботиться. А в конце письма мы видим ленинскую «проверку исполнения»! Он пишет, что ждет ответа.

Вот это письмо:

«9/IX

Тов. Жиделев!

Напоминаю Вам про двоих больных:

1) Инессу Александр. Арманд и 2) Лидию Алекс. Фотиеву.

Очень прошу понаблюдать за тем, чтобы обеих достаточно откармливали (и хорошей пищей), достаточно хорошо поместили и пр. Надеюсь также, Вы их покажете доктору, спросите, можно ли купаться и т. д. Вообще, надеюсь на Вас, что их Вы возьмете под негласную опеку, а мне ответите, достаточно ли хорошо они поправляются. М. б., найдете полезным показать это письмо их доктору и попросить его позаботиться — от моего имени — о них.

Заранее Вас благодарю и желаю хорошего отдыха и лечения.

С ком. прив. Ленин»¹.

Письмо было адресовано в дом отдыха «Дюльбер» в Крыму, где мы все находились. Не знаю, как оно отозвалось на Лидии Александровне Фотиевой, но я, надо признаться, «пострадала»: уж очень рьяно взялся врач дома отдыха за мое лечение и даже уложил меня на неделю в постель.

В октябре — ноябре 1922 года мне еще несколько раз удалось видеть Владимира Ильича в домашней обстановке и слышать его доклад на IV конгрессе Коминтерна и речь на пленуме Московского Совета.

Тогда казалось, что Владимир Ильич совсем поправился и полон сил и энергии. Особенно я убедилась в этом в тот вечер, когда присутствовала при встрече Владимира Ильича с Дмитрием Захаровичем Мануильским. Дмитрий Захарович умел удивительно талантливо пародировать выступления ряда партийных товарищей, очень удачно подражая их голосу, жестам, манере говорить. И вот он стал изображать Владимиру Ильичу, как выступают Калинин, Луначарский и другие. Это были, конечно, дружеские, но очень смешные шаржи. Ленин от души хохотал, слушая Мануильского, а потом, хитро сощурив глаз, сказал: «А я слышал, Вы и меня изображаете. Ну-ка, ну-ка покажите, как я выступаю?» Но тут Мануильский очень смутился, стал отшучиваться, отнекиваться и не стал изображать Ленина.

Позднее, уже за чашкой чая, Владимир Ильич все в таком же ве-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1. д. 23276. Ред.

селем настроении рассказывал нам, в какие нелепые положения он попадал, занимаясь юридической практикой, как к нему за защитой обращались заведомые жулики-купчики и он не знал, как от них отделаться. Весь этот вечер Владимир Ильич был очень оживлен, много смеялся. Кто бы мог подумать, что вскоре он опять тяжело заболает.

После его второго заболевания я уже больше не видела Владимира Ильича. В марте 1923 года я уехала к мужу в Берлин и узнавала о состоянии его здоровья только из писем Надежды Константиновны, которая неотлучно была с Владимиром Ильичем и с огромным мужеством и преданностью помогала ему преодолевать болезнь.

Невыносимо тяжелое это было время, и письма Надежды Константиновны были очень тяжелые, полные горести.

«Живу только тем,— писала она мне в мае,— что по утрам Володя бывает мне рад, берет мою руку, да иногда говорим мы с ним без слов о разных вещах, которым все равно нет названия»¹.

Но уже осенью Владимиру Ильичу стало лучше, появилась надежда на выздоровление. В своих письмах в этот период Надежда Константиновна сообщала, как улучшается здоровье Владимира Ильича, как он проводит время. Вот несколько выдержек из этих писем:

«Милая моя Иночка, не писала тебе целую вечность, хотя каждоедневно думала о тебе. Но дело в том, что сейчас я целые дни провожу с Володей, который быстро поправляется, а по вечерам я впадаю в оцепенение и неспособна уже на писание писем. Поправка идет здоровая — спит все время великолепно, желудок тоже, настроение ровное, ходит теперь (с помощью) много и самостоятельно, опираясь на перила, поднимается и спускается с лестницы. Руке делают ванны и массаж, и она тоже стала поправляться. С речью тоже прогресс большой — Ферстер и другие невропатологи говорят, что теперь речь восстановится наверняка. То, что достигнуто за последний месяц, обычно достигается месяцами. Настроение у него очень хорошее, теперь и он видит уж, что выздоравливает,—я уж в личные секретари к нему прошусь и собираюсь стенографию изучать. Каждый день я читаю ему газетку, каждый день мы подолгу гуляем и занимаемся...»

«...Получила ли ты мое письмо с карточкой Володи? У нас поправка продолжается, хотя все это идет чертовски медленно. У Володи выдержка громадная, старается скрыть от всех, как ему тяжело. Вообще, как далеко пойдет поправка,—никто сказать не может, может и полное восстановление быть. Приходится одно — запастись терпением. Ездим в далекий лес на автомобиле, читаем газетку, по саду ездим...»

«...Сейчас у нас осень, парк опустел, стало в нем скучно. Летом народ толкался, теперь никого нет, и В[олодя] тоскует здорово, особенно на прогулках. Каждый день какое-нибудь у него завоевание...»

---

¹ Уточнения в письмах сделаны по тексту «Известий ЦК КПСС». 1989. № 4. С. 179—183. *Ред.*

«...Читаем с Володей ежедневно газетки, он с интересом следил за событиями в Германии, вычитал и вытянул из нас все, что от него скрывали,—убийство Воровского, смерть Мартова и пр.

Ужасно безответственные сообщения печатаются в газетах и делаются товарищами о здоровье Владимира Ильича.

Мы просили ЦК постановить, чтобы так не было, так что теперь будут печататься только бюллетени...»

Вся страна, весь советский народ следили за сообщениями о здоровье Владимира Ильича. И улучшение его здоровья вселяло во всех нас надежду, что он выздоровеет. Но надеждам этим не суждено было осуществиться. 21 января Ленин умер, а 28 января, сразу после его похорон, Надежда Константиновна написала мне письмо о его смерти, которым я и заканчиваю свои воспоминания.

«28/1

Милая, родная моя Иночка, схоронили мы Владимира Ильича вчера. Хворал он недолго последний раз. Еще в воскресенье мы с ним занимались, читала я ему о партконференции и о съезде Советов. Доктора совсем не ожидали смерти и еще не верили, когда началась уже агония. Говорят, он был в бессознательном состоянии, но теперь я твердо знаю, что доктора ничего не понимают. Вскрытие обнаружило колоссальный склероз. Могло быть много хуже — могли бы быть новые параличи... Каждый новый припадок заставлял холодеть. Сейчас гроб еще не заделали и можно будет поглядеть на Ильича еще. Лицо у него спокойное, спокойное. Стоял он в Доме союзов, было там все очень хорошо и торжественно и необычно. День и ночь шел мимо народ (прошло 750 тысяч), смотрел на Ильича и плакал... На улице был страшный мороз, но никто не обращал внимания, улицы были залиты народом и веяло дыханьем революции. Точно 17-й год. Думаю, что смерть Ильича сплотит партию и подымет работу. Хоронила Ильича единая партия, и плакали одинаково все. Работать надо теперь.

Мы на время остаемся в Горках. Я взялась составлять из его сочинений популярную брошюру — сборник самого важного и существенного, что он сказал,—и взялась уже за работу. Кажется мне, что сборник у меня выйдет. Потом буду помогать разбирать материалы в Институте Ленина, писать о пережитом. Сейчас больше всего хочется думать о Влад. Ильиче, об его работе, читать его.

Но надо будет и другую работу делать.

Все товарищи очень внимательны и ласковы к нам. Жили мы все эти дни в Доме союзов, это было очень удобно.

Не прислать ли тебе, Иночка, собрание Сочинений Ильича? У меня есть. Снимки в гробу вышли хорошие, я pošлю их тебе.

Пока крепко обнимаю тебя, и Гуго, и Инесочку. Крепко целую.

Твоя Н. Крупская»¹.

*Воспоминания о Владимире Ильиче
Ленине: В 5 т. 3-е изд.
М., 1984. Т. 4. С. 328—337*

¹ Это письмо Н. К. Крупской, приведенное в воспоминаниях И. А. Арманд, впервые опубликовано в журнале «Работница» (1957. № 3. С. 7). *Ред.*

ОН БЫЛ ПРОСТОЙ И СКРОМНЫЙ

Меня часто спрашивают: каким был Ильич? Не задумываясь, я всякий раз отвечаю: простым и скромным. От людей, встречавшихся с Лениным, и старших товарищей по работе много раз слышала о жизни Ленина — любимого вождя и друга трудящихся. Он был грозный и беспощадный к врагам революции и народа, но очень чутко и заботливо относился к друзьям, к простым людям, горячо любил их. И вот эту замечательную особенность Владимира Ильича я хорошо узнала за то короткое время, которое довелось провести вместе с ним весной 1922 года.

Было это так. 23 апреля, в первой половине дня, ко второму корпусу нашей больницы подошла автомашина. Из автомобиля вышли Ленин и еще несколько человек, сопровождавших его. Вскоре нам стало известно, что он приехал на операцию для извлечения пули, предательски пущенной в него эсеркой Каплан на территории бывшего завода Михельсона.

В этот же день Ленину сделали операцию. Она прошла удачно. После операции Ильича поместили в небольшой палате с обычной больничной обстановкой. Меня заранее предупредили о том, что я буду дежурить в этой палате.

Более 10 лет я работала медицинской сестрой. За это время накопила немалый опыт ухода за больными. Но, узнав о порученном мне дежурстве, оробела, растерялась. Еще бы, ведь это был Ленин, человек, к которому тянутся сердца, мысли миллионов людей, величайший политический и государственный деятель. Подобных ему никогда еще не знала история.

Оказалось, что волновалась я напрасно. С первых же минут знакомства с Ильичем всю робость и сомнения как рукой сняло. А помогли этому его открытая улыбка, понимающий взгляд ласково прищуренных глаз.

Припоминается и другое присущее Ленину качество. Он быстро начал тяготиться вынужденным бездельем, все время порывался встать с постели. Он настоятельно требовал не предоставлять ему никаких преимуществ.

Меня поражали необычайная живость, стремительность, кипучая энергия, которые чувствовались в каждом жесте и движении Владимира Ильича. Он внимательно ко всему прислушивался, всем интересовался. К вечеру, во время проветривания палаты, Ильич вышел в столовую, сел на стул. Я находилась тут же рядом. Он стал расспрашивать меня о делах в больнице, условиях работы, питания больных, — словом, интересовался всеми вопросами больничной жизни. Я старалась отвечать подробно.

И вдруг внимательно смотревший на меня Ильич спросил: «А почему вы такая худенькая?»

От неожиданности я смутилась, даже не знала, что ответить. Ильич ласково улыбнулся и тут же задумался. Я так и не поняла

тогда, почему он спросил меня об этом. На следующий день снова дежурила. Ленин, увидев меня, очень удивился и сказал: «А вы здесь еще? Что же это такое? Вчера весь день работали, ночь всю и сегодня снова...»

Находясь в больнице, Ленин все время беспокоился о том, чтобы из-за чрезмерного внимания к нему не были обижены другие больные. Припоминаются такие эпизоды. После операции Ильичу положили под голову одну подушку, а вторую на некоторое время по совету врачей убрали. Когда же ее принесли в палату, Владимир Ильич отказался принять, думая, что какой-то больной вообще лишен подушки. Долго пришлось убеждать Ленина, что двумя подушками пользуются все, кто лечится в больнице.

Или вот другой случай. На второй день пребывания Ленина в палате я принесла ему завтрак, приготовленный в семье профессора Розанова.

«А это что еще такое? Вы же говорили, что больным на завтрак подаете кашу и чай?»—спросил Ильич.—Вот и мне дайте кашу и чай».

Тут я опять растерялась. Хорошо, что в эту минуту подошел профессор и как-то уладил это недоразумение.

Днем Ленин уехал домой — энергичный и бодрый, рвущийся к работе. Тепло и душевно распрощался он со всеми, кто был рядом с ним. «Спасибо за большую заботу,—сказал он мне на прощание,—за хлопоты и беспокойство...»

Прошло пять дней, и вот на мое имя поступило несколько телефонограмм от тов. Семашко. Я поехала к нему. Он показал записку, отправленную Ильичем 25 апреля 1922 года. В ней говорилось:

«т. Семашко!

Прошу Вас распорядиться об отправке в *Крым* в один из тамошних санаториев для лечения и отдыха сестры Солдатенковской больницы *Екатерины Алексеевны Нечкиной*.

Не откажите сообщить мне копию Вашего распоряжения по этому делу, а если Вы встречаете какие-либо препятствия к исполнению моей просьбы, то прошу черкнуть, в чем эти препятствия.

С ком. приветом

Ленин»¹.

Тут же сообщили мне о том, что уже есть для меня путевка в Крым, спросили, когда бы я хотела поехать туда на лечение и отдых.

Забота Ленина о простом человеке беспредельно тронула и взволновала меня. Будучи еще не совсем здоровым, занятым большими государственными делами, он нашел время вспомнить обо мне, позаботиться о моем здоровье. Вот каким был Ильич.

Навечно остались в моей памяти встречи с Владимиром Ильичем, его светлый образ, задушевная простота.

Воспоминания медиков о В.И. Ленине.
М., 1964. С. 176—181

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 244.

ТОВ. ЛЕНИН В КРЕМЛЕ

В своих воспоминаниях я остановлюсь на трех весьма маленьких, но значительных свойствах личности Владимира Ильича, которые мне пришлось подметить в нем во время совместного пребывания и работы в Кремле.

Владимир Ильич в своих речах и в печати очень часто высказывал мысль о том, что, создав первое в мире рабоче-крестьянское государство, мы неизбежно в своей работе можем ошибаться; что только тот не ошибается, кто ничего не делает, но «на своих ошибках мы будем учиться», — говорил он. Товарищи часто понимали учение на ошибках так: если какое-либо действие оказывалось вредным, противоречивым и приносило тот или иной очевидный ущерб делу, такое действие, как вредное, повторять больше уже не следует, а тысячи и тысячи таких действий, последствия которых проверять было невозможно или казалось излишним, считались нормальными, правильными.

Как же Владимир Ильич учился на своих ошибках, как понимал он это учение? Прежде всего он никогда не скрывал своих ошибок и ошибок партии, а всегда говорил о них открыто, обрисовывая их особенно ярко и наглядно в своих речах. Стоит только вспомнить о тех поручениях, которые Владимир Ильич непосредственно давал к исполнению кому-либо из нас, или просмотреть записки, которые он многим писал по различным поводам, как во всем наглядно обнаруживается его стремление знать, как выполнено его поручение, как оно принято жизнью, и если не выполнено или не проведено в жизнь, то по каким причинам. Давал ли Владимир Ильич государственной важности поручение, посылал ли он незначительную просьбу, он всегда просил сообщить ему о результатах. Не случайно об этом в своих воспоминаниях и тов. Чичерин говорит, что Владимир Ильич в разговорах по телефону спрашивал: «Что было сделано за день?» А в записках, которые исходили от него, почти всюду мы находим такие приписки: «Если это трудно или у Вас есть соображения, прошу черкнуть мне два слова», «Сообщить в мой секретариат об исполнении», «Об исполнении прошу сообщить мне», и т. д., и т. п.

Невольно возникает сравнение личности Владимира Ильича с мощной радиостанцией, откуда во все стороны распространяются сила, энергия, директива и которая со всех сторон вбирает и обобщает в себе все сведения, все наблюдения и весь опыт. Все свои действия, в чем бы они ни заключались, Владимир Ильич всегда сам же и проверял. Такая самопроверка давала ему возможность всегда знать, что оказывалось ошибочным, что являлось правильным, и, если получалась ошибка в его личных действиях, или в действиях органа, в работе которого он принимал участие, Владимир Ильич, благодаря своей наблюдательности, всегда раньше всех обнаруживал эти ошибки и принимал меры к их устранению.

Гениальный ум Владимира Ильича, его необыкновенно высокая наблюдательность давали возможность не только самому «учиться на ошибках», не только учить партию, но часто и предотвращать эти ошибки и предвидеть их заранее, как опытный капитан предвидит подводные камни.

В течение 1921 года и, кажется, в начале 1922, когда механизм нашего советского аппарата был еще недостаточно совершенен и испытывал сильные перебои, у Владимира Ильича неоднократно возникала мысль создать при Совнаркоме особый совещательный орган, человек в триста опытных рабочих, всегда держащих непосредственную связь с местами в губерниях и с фабриками и заводами. Желая создать такое совещание, он имел в виду, что члены его не будут иметь каких-либо административных прав, которые позволили бы им отменять решение местных властей и администрации. По его мнению, они должны были явиться на местах «советчиками», разъясняющими и правильно толкующими законы и распоряжения Советской власти. Самое хорошее распоряжение власти, будучи неправильно истолковано или недостаточно правильно понято, часто проводилось в жизни с ущербом для дела, вызывая в то же время недовольство тех, кого больше всего касался этот закон. Присутствие на местах «советчиков» давало бы возможность местным властям и заводской администрации делать меньше ошибок и знакомиться более близкими путями с значением и толкованием законов и распоряжений, исходящих от центральной власти.

С другой стороны, Владимир Ильич имел в виду, что, соприкасаясь с местами непосредственно, эти триста товарищей свои наблюдения будут целиком приносить в центр, и здесь, прорабатывая и обобщая их на своих совещаниях, они будут оставлять эти наблюдения как материал, необходимый для руководства законодательным органам. Таким образом получалась, через посредство этих трехсот товарищей, живая связь правительства с местами и их взаимная деловая информация.

Подбор этих трехсот человек Владимир Ильич поручил произвести зам. управляющему делами Совнаркома тов. Мирошникову. Последнему в течение некоторого времени удалось составить список до семидесяти товарищей и согласовать часть его лично с Влад. Ильичем. Но развитие нэпа, по-видимому, привело Влад. Ильича к другим выводам, и этот вопрос оставался открытым. Желание Влад. Ильича создать такой совещательный орган, мне кажется, следует поставить в связь с той непрерывной и упорной работой, которую он вел, не покладая рук, по наблюдению за правильным точным исполнением советских и партийных распоряжений и, в частности, его личных директив. Эту мысль В. И., в обстановке того времени, нужно рассматривать как глубоко содержательную и, может быть, имеющую некоторую связь с его последующей мыслью — объединения органов РКИ и ЦКК.

Перейду теперь ко второй личной черте Владимира Ильича. Близкие его друзья знают, как он был участлив ко всем нуждам товарищей и особенно к нуждам детей. Он готов был всегда пойти на самые большие личные жертвы, только бы помочь нуждающемуся товарищу. Владимир Ильич находил время не только править Советским государством, не только руководить рабочим движением всего мира и быть вождем Коммунистической партии России,— он находил время следить и за тем, в каком положении находится тот или другой товарищ, как он живет, как его здоровье и т. д. Не говоря уже о тех, которые лично обращались к Вл. Ильичу за содействием в получении жилищ, обстановки, продовольственных карточек и прочее и которым он никогда не отказывал в своем содействии, писал записки, звонил по телефону или поручал особо кому-либо из служащих следить за исполнением его просьб,— Владимир Ильич заботился и о тех, которые никогда и ни к кому не обращались с просьбами, находясь в то же время в тяжелом материальном положении, и о чем он узнавал иногда совершенно случайно. В конце 1921 года о товарище Ц. С. Б.¹ Владимир Ильич, излагая подробно мотивы своей просьбы, в конце своего отношения писал мне: «Я знаю Бобровскую с эпохи до 1905 года и знаю, что она способна бедствовать и молчать чрезмерно. Поэтому ей надо помочь быстро»². Послав это письмо, он не переставал следить за исполнением его просьбы до тех пор, пока она не была исполнена. А в 1922 году (перед самой своей болезнью), узнав о тяжелом положении тов. С.³, он писал нам: «Очень просил бы предоставить заведующей библиотечным делом РСФСР Смушковой, проживающей во 2-м Доме Советов, дополнительную, хотя бы небольшую комнату. В занимаемой Смушковой в настоящее время комнате помещается 7 человек. При таких условиях Смушкова, несущая очень ответственную работу, не может ни заниматься, ни спать. В настоящее время она захворала, благодаря хронической невозможности спать и хоть сколько-нибудь отдохнуть.

Пред. СНК В. Ульянов-Ленин»⁴.

Но В. И. беспокоился не только о партийных товарищах — он в одинаковой мере, если не больше, беспокоился и о беспартийных. Так, о дочери одного старого рабочего он несколько раз писал, причем последнее его письмо было такого содержания:

«Уважаемый товарищ!

Мне сообщают, что Нина Алексеевна Преображенская помещена в очень уж неудобном помещении.

Полтора месяца назад она была помещена в № 330 1-го Дома Советов, причем Вами, как мне передают, было указано, что это помещение временное.

¹ Речь идет о Ц. С. Бобровской (урожд. Зеликсон). *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 42.

³ Речь идет о М. А. Смушковой. *Ред.*

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 165. *Ред.*

Очень прошу Вас распорядиться о переводе ее в более сносную комнату. Если это трудно или у Вас есть возражения, прошу черкнуть мне два слова.

С ком. приветом *В. Ульянов-Ленин*¹.

Таких писем В. И. писал очень много. Он уделял время и на такие дела, которые нам могут казаться прямо незначительными. В большинстве своих писем он всегда ссылается на обстоятельства того товарища, о котором он просит; он не считал себе за труд подробно узнавать о здоровье и условиях, в которых находился тот или другой товарищ, и излагать об этом в своем письме.

Но больше всего Владимир Ильич проявлял свои заботы по отношению к нуждающимся товарищам, сносаясь с кем следует или по телефону, или через посредство кого-либо из сотрудников. Припоминается один из таких случаев: одному из ответственных работников С., весьма нуждающемуся в перемене квартиры, найти которую в течение двух месяцев не было никакой возможности, пришлось ожидать, пока таковая была отыскана, причем Владимир Ильич чуть ли не каждый день справлялся о положении дел, торопя исполнение его просьбы, ссылаясь на положение и нужду этого товарища. Были случаи, когда многие из товарищей обращались к Влад. Ил. с самыми различными и порой самыми странными просьбами (например, предоставление отдельного вагона и т. п.); считая и такие просьбы вызванными, по-видимому, крайней необходимостью, Владимир Ильич с точностью исполнял или просил других обязательно их исполнить. С особой охотой Владимир Ильич удовлетворял просьбы крестьян-ходоков или крестьян, обращавшихся к нему письменно. Выслушивая приходящих к нему крестьян и задавая им самые различные вопросы о крестьянском быте, он здесь же писал записки и делал распоряжение удовлетворить просьбу просителя.

Такова была черта Владимира Ильича по отношению к товарищам, которые испытывали какую-либо нужду, причем это отношение было равным как к обращавшимся лично к нему, так и к тем, которые не обращались формально, способные «бедствовать и молчать чрезмерно», и о которых он беспокоился в одинаковой мере.

* * *

Как же жил сам Владимир Ильич?

Хотя я встречался с ним только в таких случаях, когда этого требовала от меня моя служебная обязанность по Кремлю, но я хорошо знал, где и в каких условиях он жил.

Владимир Ильич жил в Кремле в здании рабоче-крестьянского правительства, где ныне находятся Совет Народных Комиссаров и ВЦИК. (Жил сначала месяц или больше в Кавалерском корпусе, в четырех комнатах, одну из которых занимает теперь тов. Ольминский.) Старые служащие Кремля говорят, что в квартире, где посе-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 19.

лился Владимир Ильич. жила до Октябрьской революции прислуга прокурора.

Вся квартира, в которой поселилась семья Ульяновых, состояла всего из пяти весьма небольших комнаток, выходящих окнами на площадь имени Каляева¹. Мрачные, полукруглые потолочные своды во всех этих комнатах напоминали старинные терема, отличаясь от последних только несколько большей высотой и отсутствием красок.

Комната Владимира Ильича в 36 квадратных аршин (т. е. ровно столько, сколько советские законы позволяли иметь каждому гражданину Республики, несущему определенную обязанность) имела всего одно окно. В комнате стояли небольшой письменный стол, металлическая кровать, небольшой шкаф, одно или два кресла — и это все. Здесь В. И. спал и работал долгими ночами. Кто знал его комнату, мог всегда наблюдать, когда он работал, как поздно ложился спать и когда вставал по утрам. Когда приходилось проходить по Кремлю в поздние часы, всегда можно было заметить освещенное окно комнаты, за которым работал Владимир Ильич, и только далеко за полночь в комнате наступала темнота.

Расположение его жилища было весьма неудобно: с одной стороны была маленькая столовая, с другой — комната Надежды Константиновны; входившие в ту или другую комнату обязательно должны были проходить мимо дверей Владимира Ильича, невольно создавая шум и беспокойство. Тщетно ему предлагали переменить комнату на лучшую, большую: Владимир Ильич не хотел и слушать. Маленькая комната, в которой он жил, его удовлетворяла во всем. Единственно, что ему не нравилось и на что, как потом мы узнали, он изредка жаловался, — это скрип старого паркетного пола, особенно сильно нервировавшего его перед болезнью.

Когда после первых приступов болезни врачи предложили Влад. Ил. переехать в Горки и когда прогулки по Кремлю стали неудобными и почти невозможными, перед нами встал вопрос о ремонте и приспособлении его квартиры. К тому времени мы только и узнали о скрипе пола в квартире. Зная, что Владимир Ильич не позволит «по широким планам» проводить приспособление квартиры, я выработал со специалистами скромный план ремонта и написал объяснительную записку. Через день или два Владимир Ильич возвратил этот план тов. Енукидзе, приложив к нему свое письмо такого содержания:

«Тов. Енукидзе.

Убедительно прошу Вас *внушить* (и *очень* серьезно) всем завед. ремонтом квартиры, что я *абсолютно* требую *полного* окончания к 1 октября. Непременно полного.

Очень прошу созвать их всех перед отъездом и прочесть сие. И *внушить* еще от себя.

Я нарушения этой просьбы не потерплю.

Привет. Ваш Ленин.

---

¹ Площадь внутри Кремля между зданием Правительства и Арсеналом, на которой 4 февраля 1905 г. И. П. Каляевым был убит московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович (Романов). Сейчас на этом месте сквер. *Ред.*

Найдите наиболее расторопного из строителей и дайте мне его имя. Я буду следить»¹.

Я так и ожидал, что Владимир Ильич сузит и без того мой узкий проект и установит точный срок окончания работ. Террасу, которую я спроектировал построить над зданием ВЦИК, он в принципе утвердил, но размер самой террасы велел сузить до указанных им же самим размеров, очевидно имея в виду, что чем меньше она будет, тем дешевле обойдется и тем скорее будет построена.

Определяя в упомянутом письме срок ремонта квартиры, Владимир Ильич имел в виду, что к этому сроку он вернется из Горок в Москву и приступит к работе. Рабочие, стоявшие на ремонте, узнав, что Вл. Ильич желает вернуться к работе 1 октября, работали день и ночь, чтобы только к сроку окончить ремонт. Нужно было видеть, с какой любовью они относились к великой чести поработать для своего учителя и вождя. Многие из них и до сих пор гордятся сознанием, что были и работали в жилище любимого ими человека.

Во время работ у меня часто возникала мысль: какими силами побудить или уговорить Владимира Ильича переменить комнату на более удобную, лучшую и большую по площади, но все было напрасно; мои попытки кончались ничем. В решениях своих он был абсолютно непреклонен, всегда заявляя: «Нет, нет, все хорошо, ничего не нужно».

Когда квартира была к указанному времени приготовлена, Владимир Ильич, возвратясь из Горок, сейчас же поспешил повидать тех рабочих, которые работали в квартире, и, обходя их, благодарил, крепко пожимая руки. Рабочие, не выдавшие до того лично Владимира Ильича, были глубоко тронуты его необыкновенной простотой и искренностью, с которой он их благодарил.

Спустя несколько недель после работ я встретил в Совнаркомме Владимира Ильича и предложил ему кое-какие улучшения в домашнем быте. Он молча меня выслушал и от всего наотрез отказался. Это была моя последняя с ним встреча. Разговор был очень короткий, и меня поразило не то, что он не позволяет проявить некоторой о нем заботы,— меня страшно поразил его вид,— он выглядел прямо больным. Выходя из комнаты, где я встретился с ним, я задавал себе вопрос: зачем он спешил возвратиться к работе? Удивительный человек Ильич, прямо не щадит себя...

Он был во всем скромен,— его личные потребности были необыкновенно малы. Он не любил, чтобы о нем беспокоились, но зато сам думал о нуждах других, и все, что ему часто привозили товарищи из губерний, он раздавал другим, которые, по его мнению, более нуждались, чем он.

Владимир Ильич заветной мечтой: освободить рабочий класс всего мира из-под гнета буржуазии, он горел пламенным желанием построить коммунизм на развалинах капитала,— остальное для него было второстепенно и не нужно.

Как был прост Владимир Ильич и как он не любил хоть сколько-

---

¹ Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 198. *Ред.*

нибудь выделять себя из общих житейских рядов, могут служить доказательством его расписки, сделанные им в свое время в талонных книжках нашей кремлевской парикмахерской, где он записывался, как и все, и ждал своей очереди. Напрасно ему предлагали место вне очереди, говоря, что он более всех занят, что ему надо спешить и т. п. «Все одинаково заняты»,— отвечал он и, дождавшись своей очереди, пользовался, платил деньги, потом снова расписывался (порядок был такой) и уходил работать.

Часто его можно было видеть гуляющим по Кремлю или разговаривающим с курсантами и рабочими. Из разговоров с ними он узнавал, как они живут, в чем нуждаются, каково их настроение и т. п., и, если были какие-либо недочеты или нужды у курсантов или рабочих, он вызывал кого следует и предлагал немедленно же принять соответствующие меры к их устранению. Так была построена его личная жизнь — полная глубокой простоты, исключительной скромности и необъятной заботливости и любви к людям, к товарищам...

Теперь всеми любимый Владимир Ильич покинул Кремль, и покинул навсегда...

Осиротел наш Кремль, осиротела наша партия, осиротел рабочий класс всего мира... И испытывается такое чувство, как будто что-то большое и тяжелое повисло в груди...

*О Ленине. Сборник воспоминаний
под ред. Н. Л. Мещерякова.
М., 1924. Кн. 1. С. 131—139*

И. Н. ХАБАРОВ

САМЫЙ ЧЕЛОВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

В одну из июньских ночей 1918 года я дежурил в управлении Московско-Курской дороги как член дорожного Военно-революционного комитета.

В то время по нашей дороге шла переброска воинских соединений из Курска на Восточный фронт. По линии было дано указание: «Воинские эшелоны пропускать безостановочно».

В два часа ночи ко мне зашел встревоженный телеграфист: — Товарищ Хабаров, кто-то непрерывно вызывает по аппарату Военно-революционный комитет, но на мой ответ не откликается...

Пошел и я к аппарату. Наконец выяснилось, что вызывает станция Чернь. У аппарата был телеграфист. Из его несвязного рассказа все же удалось выяснить, что на станцию прибыл первый воинский эшелон, следующий на Восток. Там он был задержан продовольственным заградительным отрядом, который решил проверить содержимое всех вагонов. Красноармейцы спали, когда продотряд начал обыск.

— Мы едем на фронт, а нас подозревают в спекуляции,— возмутились красноармейцы. Завязалась ссора, перешедшая в перестрелку. Несколько пуль попало в окна вокзала, и дежурный по

станции сбежал. На посту остался только молодой телеграфист, который с перепугу залез под стол и, вытянув оттуда руку, стал по аппарату вызывать Военно-революционный комитет.

Я немедленно принял меры к срочной отправке эшелона и о случившемся доложил наркому путей сообщений тов. Невскому.

Утром нарком позвонил и сказал:

— В 11 часов я заеду за вами и председателем комитета профсоюза дороги, соберите весь материал о ночном инциденте, и отправимся в Кремль — Владимир Ильич нас вызывает.

Когда мы ехали в Кремль, я все время думал о предстоящей встрече с Лениным, волновался, не знал, как держать себя, что говорить. А все случилось проще простого.

В приемной Совнаркома тов. Невский попросил доложить Владимиру Ильичу, что к нему прибыли с Курской дороги.

Через несколько минут нас пригласили в кабинет. Кроме Ленина там находился Свердлов.

Когда мы вошли, Владимир Ильич и Яков Михайлович поднялись, поздоровались с нами за руку.

— Здравствуйте, здравствуйте,— сказал Ленин.— садитесь, пожалуйста.

Мы сели в кресла у стола.

— Рассказывайте, как у вас дела на дороге, как с ремонтом паровозов и вагонов. Как настроение рабочих, сколько хлеба выдаете на день?..

Видя, что Ильич интересуется нашими насущными вопросами и хочет поговорить с нами по душам, я успокоился. Подробно доложил положение на дороге.

— Иногда, когда хлеба нет, выдаем паек семечками подсолнухов,— откровенно рассказал я.— Рабочие понимают, что с продовольствием трудно, бывает, что ворчат, но работу не бросают. Имеются, правда, нарушения трудовой дисциплины — кое-кто самовольно уезжает в другие губернии за хлебом...

Ильич внимательно слушал мой рассказ и время от времени делал себе пометки в блокноте. В заключение я подробно рассказал об инциденте на станции Чернь.

Когда я кончил, Ильич, повернувшись к Якову Михайловичу, заметил:

— Смотрите, какой хороший народ на Курской дороге, а вот дисциплина у них не совсем...

— А вы, Владимир Иванович,— обратился Ленин к Невскому,— больше помогайте курянам, у них трудное положение, по их дороге устремилась уйма всяких спекулянтов, мешочников, белогвардейцев. Одним курянам тяжело навести порядок без помощи.

Тогда я осмелел и заявил:

— Владимир Ильич, продзаградотряды на дороге мешают нам работать...

Ленин пристально посмотрел на меня и спросил:

— А как вы думаете, можно их снять?

Видю, Яков Михайлович улыбнулся при этом вопросе. Сознывая,

что я «загнул» и снимать заградотряды в данное время нельзя, я сказал, что, во всяком случае, следует ограничить их права, чтобы они не мешали работе дороги.

Владимир Ильич на минуту задумался и тут же позвонил наркому продовольствия Цюрупе о том, что работники Московско-Курской дороги жалуются на продзаградотряды и просят навести порядок в их деятельности.

Прощаясь с нами, Ленин сказал:

— Товарищи, прошу вас, как можно скорей укрепите дисциплину среди железнодорожников.— И словно невзначай, лукаво прищурив глаза, заметил:

— Надеюсь, что вы не очень строго накажете начальника станции Чернь, разберитесь хорошенько...

Последующие мои встречи с Лениным относятся к 1922—1924 годам.

В июне 1922 года Московский комитет партии направил меня на работу в Горки, где в это время отдыхал и лечился Владимир Ильич.

Я заведовал там технической частью — электростанцией, водопроводом, центральным отоплением.

В июле мы приступили к осмотру, ремонту и подготовке к зиме центрального отопления. В кабинете Владимира Ильича была обнаружена испорченная секция радиатора, которую нужно было заменить.

Я обратился по этому поводу к Марии Ильиничне. Она мне ответила:

— Сейчас поговорю с Ильичем,— и пошла к нему в кабинет.

Через несколько минут она и Владимир Ильич вышли. Мария Ильинична представила меня. Ленин обратился ко мне:

— Что это вы задумали меня выселять? И зачем вам это нужно? Ведь зимой жить в доме никто не будет, для чего же вы его будете отапливать?

Я объяснил, что без отопления здание начнет разрушаться.

— А где же вы возьмете топливо? — спросил Ленин.

— У нас в лесу заготовлены выкорчеванные пни.

— Ну, если местное топливо — тогда другое дело. А надолго вы меня хотите оставить без жилья? — улыбаясь, спросил Ильич.

— Самое большое — на один день. Ночевать, во всяком случае, будете у себя...

— Ну, что же с вами делать,— вздохнул Ленин,— техники — народ упорный. Когда же прикажете освободить помещение?

— Освободить не нужно, а завтра утром, когда вы будете на прогулке,— ответил я,— мы снимем радиатор, исправим его в мастерской, а во время вечерней прогулки поставим на место.

Ильич удивился.

— Так быстро?

Я подтвердил.

— Оперативно,— сказал Ильич и затем, что-то вспомнив, спросил:

— Мне как будто знакомо ваше лицо, мы где-нибудь встречались?

Я рассказал Ильичу о нашей встрече в его кабинете в 1918 году, и Ильич, хитро усмехаясь, сказал:

— Теперь, небось, продотряды железным дорогам работать не мешают...

Во второй половине сентября начались дожди и в доме стало холодно и сыро.

Мария Ильинична пришла ко мне на электростанцию и спросила, можно ли включить центральное отопление, так как в доме холодно и она боится, как бы Ильич не простудился.

Я ответил, что могу затопить хоть сейчас.

— Нет,— сказала она,— я хочу только выяснить, возможно ли это, а затопим лишь тогда, когда согласится на это Ильич. Его не так-то легко на это склонить. Нужен такой довод, чтобы он не подумал, что это делается ради него.

Я предложил ей сказать, что нужно провести испытания исправности центрального отопления, что этого требуют технические условия. Она признала этот довод удачным и предложила мне вечером прийти, вызвать ее в вестибюль и настаивать на том, что необходимо испытать отопление.

Я так и сделал. Когда вышла ко мне Мария Ильинична, я нарочно, чтобы слышно было в столовой, где пили чай, начал с ней разговор на условленную тему. Она мне ответила:

— Хорошо, спросим Ильича, как он на это смотрит.

Ленин вышел из столовой, поздоровался со мной, пытливым взглядом посмотрел и сказал:

— Что это вы, батенька мой,— то у вас техническая необходимость выселить меня из кабинета, то у вас снова техническая необходимость — поджарить меня хотите, что ли?

Я серьезно объяснил, что проба отопления абсолютно необходима.

— Ну, хорошо,— сказал Ильич,— я знаю, что все равно вас не переспоришь, только вот что: вы меня научите, как там на этой батарее вы делаете, чтобы было теплее или холоднее. Я буду сам регулировать, а то вы меня, чего доброго, еще поджарите...

Я в шутку заметил:

— Зачем вы хотите у нас хлеб отбивать, начнете сами регулировать, тогда нам что останется делать?

— А вы боитесь остаться безработным? — засмеялся Ленин. — Нет, батенька мой, у нас скоро так много будет дел, что не только безработных не станет, но и рабочих рук не хватит... Ну, ладно, уж если вы не хотите, чтобы я сам регулировал, тогда сделайте такую милость, чтобы у меня в комнате было не выше 14 градусов.

В октябре Владимир Ильич, Надежда Константиновна и Мария Ильинична уехали в Москву. Ленин за лето хорошо отдохнул и поправился.

Но зимой Ленин снова захворал, и на этот раз очень серьезно. Когда в мае Ильича привезли в Горки, он был тяжело болен.

Долгое время к Владимиру Ильичу, кроме медицинского персонала, никого не допускали. Были приняты все меры к созданию для больного абсолютного покоя и тишины. Ильич начал быстро поправляться, и в августе его стали вывозить на прогулку в парк.

С каждым днем улучшалось его здоровье, а к октябрю он уже настолько хорошо себя чувствовал, что накануне закрытия Сельскохозяйственной выставки потребовал машину для поездки в Москву.

Как ни отговаривали Ильича от этой поездки Надежда Константиновна и Мария Ильинична, он настоял на своем, побыл в Москве, посетил выставку и вернулся обратно в Горки.

Из Москвы привезли передвижной киноаппарат, и я стал демонстрировать фильмы, которые Ильич с удовольствием смотрел. Особенно заинтересовал его технический фильм о производстве тракторов на американских заводах Форда. При показе отдельных мест он даже просил уменьшить скорость движения киноленты.

Встречу нового, 1924 года решили ознаменовать елкой, которую устроили в помещении зимнего сада¹. Собрали всех детишек служащих санатория, рабочих совхоза.

На елку пришел Ильич, и как же он был рад детворе! Он играл с ребяташками, гладил их по головкам...

Теперь, вспоминая былое, я вновь и вновь ощущаю биение пульса жизни того времени. И все, что бы тогда ни решалось, что бы ни свершалось, — все было связано с именем великого Ленина — самого человеческого человека.

Гудок. 1957. 22 апреля

В. Г. СОРИН

БОЛЬШОЙ ДОМ

Так называют в Горках дом, где жил Владимир Ильич, — в отличие от двух домиков поменьше, расположенных тут же, поблизости: санаторской столовой и домика, где живет А. А. Преображенский, управляющий совхозом «Горки», старинный знакомый Владимира Ильича еще по Самаре.

Лицом своим Большой дом обращен к небольшой деревушке (это и есть Горки), позади дома — парк, кругом — ограда, за оградой — по одну сторону санаторий и река Пахра, по другую — совхоз. Вот и все.

Я не много раз бывал в Горках, и в моей памяти сохранились поэтому некоторые, очень небольшие воспоминания, связанные с Владимиром Ильичем. Эти воспоминания касаются таких, в общем, незначительных и несущественных эпизодов и мелочей, что о них, по всей справедливости, не следовало бы и говорить, тем более что при этом возникает малоприятная необходимость упоминать и о своей собственной особе, без чего, как известно, не пишутся ни одни вос-

---

¹ Елка была устроена в большом зале 7 января 1924 г. *Ред.*

поминания. Но, с другой стороны, интерес ко всему, что так или иначе связано с Владимиром Ильичем, настолько велик, что, может быть, и нижеследующие беглые, отрывочные и отрывистые заметки не окажутся совершенно ненужными.

* * *

1920 год. Лето. По дороге к реке Владимир Ильич заходит в первый санаторский домик, берет весла. Наша публика, увидав Владимира Ильича, посыпалась со всех окон и дверей, окружила Владимира Ильича, просит разрешить нести весла. Владимир Ильич благожелательно улыбается, шутит, но весел не дает и идет дальше к реке, с веслами на плече, в синей рубашке.

«Грандиозная» рыбная ловля на Пахре. Перетянули поперек реки невод, тащили его с $\frac{1}{4}$ версты, хлопали по воде, пугали рыбу. Владимир Ильич принимает в ловле живейшее участие. С большими усилиями выволокли потом невод на отмель и обнаружили в нем всего-навсего две малюсенькие, перепуганные рыбешки, которых и выпустили на волю.

Как-то вечером на санаторскую дачу приходит тов. Шмидель (из Хамовнического района), видимо, обеспокоенный чем-то, и торопливо рассказывает, что он только что встретил Владимира Ильича, который пошел через плотину в Горки один, без всякой охраны. Конечно, Владимир Ильич всегда ходил без охраны, и не было решительно ничего странного в том, что он отправился в Горки, но все-таки нас всех это как-то тревожило: мало ли что может случиться? Решили тотчас же бегом идти в Горки, сопровождать Владимира Ильича, но только издали, чтобы он не видел. Так и сделали. И пока Владимир Ильич не спеша проходил по Горкам, а потом тем же путем возвращался обратно, мы поодаль сопутствовали ему, и Владимир Ильич, конечно, не знал, что он идет не один, а «в обществе» нескольких коммунистов.

Только что вышла «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». В связи с этой книгой я обменивался своими впечатлениями с Н. И. Бухариным в парке, около Большого дома. Говорили о Клаузевице и об отношении военной тактики к политической. Подошел на несколько минут Владимир Ильич и, когда Бухарин передал ему тему разговора, заметил буквально следующее: «Клаузевица члены нашей партии и сейчас могли бы с пользой перечитывать. Что касается тактики, то, несомненно, тактика военная и политическая — это соседние смежные области, *Grenzgebiete*». Это немецкое выражение я тогда же записал. Слова «смежные области» тоже хорошо запомнились.

1921 год, январь (или конец декабря 1920 года). Дискуссия о профсоюзах. Встречаю Владимира Ильича по дороге к воротам, ведущим в парк. Расспрашиваю на ходу о подробностях (я тогда был болен и в первый период дискуссии не был в Москве). У Владимира Ильича лицо озабоченное, и как-то характерно сжимаются губы. По поводу какого-то моего, видимо, не очень ясного вопроса, Влади-

мир Ильич переспросил: «Вы имеете в виду опасность раскола?» Хорошо помню, что как раз о расколе я не думал, просто даже мысли такой у меня не было, но, опасаясь показаться в глазах Владимира Ильича недостаточно вдумчивым и серьезным собеседником, я поспешил (каюсь!) заявить, что да, да, такова именно моя мысль. «Нет, не думаю» или: «Не допускаю мысли». Не ручаюсь за точность этих слов, но отлично помню отрицательный смысл их. Владимир Ильич спросил затем, видел ли я брошюру Троцкого. Если нет, он может дать ее, но не более чем на два часа, с обязательством вернуть своевременно. Тут же Владимир Ильич прибавил, что через очень короткий срок появился и его, Ленина, ответ (должно быть, «Еще раз об ошибке»¹). В маленьком домике, где тогда остановился приехавший на несколько дней в Горки Владимир Ильич, он передал мне брошюрку Троцкого. Ряд мест в ней был подчеркнут Владимиром Ильичем. На полях множество его пометок. Ровно через два часа я вернул брошюру Надежде Константиновне.

Ноябрь или декабрь 1921 года. По случаю какого-то праздника мы, трое товарищей, решили съездить в Горки. Раздобыли автосани (их всего тогда на Москву было, кажется, четыре штуки). Поехали часа в два. Отъехали верст 10 от Москвы и, конечно, застряли. Бились, бились — ничего не выходит, а уже стемнело, вечер. Делать нечего: приходится идти обратно в Москву пешком. Шоферы пошли, кажется, в соседнюю деревню. Идем обратно в Москву, приуныли, только тов. А. Л. в энергичных «рабоче-крестьянских» выражениях облегчает душу, крепко ругая всех и вся. Не успели мы отойти и версты от места крушения, как слышим шум: катит наша машина, фонарями большими освещает дорогу. Видно, шоферы наши успели выбраться из выбоины и теперь нагоняют нас. Мы начали размахивать руками, чтобы автосани не проскочили как-нибудь мимо, и автосани остановились в двух шагах от нас. Тов. А. Л. в последний раз «выразился», уже от радости, этак строк на 40, с диаметром «слышимости» не менее одной версты, и мы, обрадованные, полезли внутрь автомобиля. Можете себе представить нашу растерянность и наш конфуз, когда из автомобиля раздался вдруг смех Владимира Ильича и его голос, спрашивающий, не простудились ли мы и очень ли устали. Мы залепетали что-то в знак приветствия, а тов. А. Л., смущенно повторявший: «Владимир Ильич, неужели это вы?», до того растерялся, что вдруг без всякого к тому повода с отчаянием в голосе произнес: «А знаете, Владимир Ильич, ведь меньшевики и эсеры еще до сих пор сидят на АМО». И начал с необыкновенной быстротой и горячностью рассказывать о кознях меньшевиков. Владимир Ильич меньшевиками и эсерами заинтересовался, и тов. А. Л. имел возможность, оправившись от смущения, рассказать Владимиру Ильичу о положении на заводе АМО, где меньшевистско-эсеровские элементы действительно очень долго давали о себе знать. (Дело в том, что Владимир Ильич как раз в это время ехал на своих автосанях из Горок в Москву, встретил на пути нашу застрявшую

¹ «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина» (см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.* Т. 42. С. 264—304). *Ред.*

в снегу машину и, узнав от шоферов, что их седоки отправились пешком в Москву, решил нас подобрать. Мы же, конечно, никак не ждали, чтобы на этой дороге могли появиться еще какие-то автосани, кроме наших.) На другой день или через день тов. Рогов из Московского Совета звонил к нам в агитотдел МК и справлялся, по поручению Владимира Ильича, о состоянии партийной организации на АМО и о работе на этом заводе меньшевиков и эсеров.

1923 год. Летом Владимир Ильич пришел однажды сам, опираясь на палку, поднялся на лестницу к А. А. Преображенскому в его маленький домик и пробыл там дня два. Потом опять вернулся к себе в Большой дом¹.

Как раз во время Сельскохозяйственной выставки, осенью, произошел чрезвычайно знаменательный, никем, к сожалению, не описанный эпизод: поездка, последняя поездка больного Владимира Ильича в Москву. Несмотря на беспокойство близких, Владимир Ильич настоял на этой поездке. Рассказывают, что, завидев Москву, Владимир Ильич, радостный и возбужденный, все время указывал на нее здоровой рукой своим спутникам. Затем Владимир Ильич проехал мимо Сельскохозяйственной выставки, был в Кремле, здоровался с красноармейцами, был у себя на квартире. Вечером автомобиль пошел обратно в Горки, и Владимир Ильич в течение нескольких дней после этой поездки был задумчив и печален².

1924 год. В начале января, вечером, я проходил мимо Большого дома. Кругом стояла особая «горкинская» тишина. И вдруг с балкона я услышал голос Владимира Ильича. Похоже было, как будто он что-то спрашивал и Надежда Константиновна ему отвечала.

В разное время я довольно близко видал в Горках Владимира Ильича, не показываясь, конечно, ему. Я видел, как изменился Владимир Ильич за полгода — восемь месяцев, как постепенно исчезало болезненное выражение с его лица. И все, кто встречался в это время с Владимиром Ильичем, выносили неотразимое впечатление выздоравливающего Владимира Ильича. Приходил сияющий товарищ Вевер (заведующий санаторием) и рассказывал, как он совершенно неожиданно увиделся с Владимиром Ильичем и как Владимир Ильич с ним поздоровался, такой же приветливый, как всегда. О том же передавали и тов. Панков, показывавший Владимиру Ильичу работу трактора, и товарищи, бывшие в декабре на вечере, устроенном в Большом доме для ребятишек, и видевшие там Владимира Ильича. «Та же улыбка, та же приветливость, только в глазах что-то печальное». Всем нам казалось, что Владимир Ильич выздоравливает, но ничто не могло меня лично так укрепить в этой мысли, как слышанный мною вечером голос Владимира Ильича (а я не слышал его со времени выступления Владимира Ильича в Большом театре в декабре 1922 года): это был настоящий голос настоящего Ильича,

¹ У А. А. Преображенского В. И. Ленин прожил три дня (21—23 июля). *Ред.*

² 18 октября 1923 г. (около 18 часов) В. И. Ленин приехал в Москву. На следующий день 19 октября (около 15 часов) Ленин выехал на прогулку по Москве в направлении Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки. Около 19 часов Ленин возвращается в Горки. *Ред.*

глубокий и звучный, такой, какой мы все слышали на собраниях, где выступал Владимир Ильич.

21 января. О Владимире Ильиче известно, что еще совсем недавно он ездил на охоту, но последние два дня ему нездоровится. Так как неоднократно бывали случаи, когда при общем улучшении состояния здоровья Владимира Ильича выпадали и менее счастливые дни, то и этому недомоганию не придавали большого значения. В домике, где живет А. А. Преображенский, всегда известно, в каком состоянии здоровье Владимира Ильича, как он спал, ел, как себя чувствует. Сегодня была Мария Ильинична. Да, немного хуже обыкновенного, но и только. Ничего тревожного. Часов в 12 (или позже?) в санаторий, где теперь, во время болезни Владимира Ильича, живут только доктора и приехавший на пару дней Н. И. Бухарин, пришел из Большого дома один из докторов и сообщил, что дело идет к явному улучшению и «Старик сейчас спит». «К весне вылечим наверняка». Разговор с Николаем Ивановичем: что же, может быть, Владимир Ильич еще будет на съезде, скажет хоть маленькую речь? Почему это невозможно?

И никто не знал, что сегодня последний день в жизни Ленина. 6 часов вечера. Я был в маленьком домике, когда пришел кто-то от Марии Ильиничны с просьбой прислать камфару. Я не знал, для чего вообще существует камфара, и спросил об этом. Мне шепотом ответили, что камфара нужна для усиления деятельности сердца, когда сердце ослабевает. После этих слов сразу стало тревожно и беспокойно. Нельзя было справиться с этой тревогой. И я тотчас же решил пойти к Бухарину в санаторий (это довольно далеко от Большого дома) и сказать ему о камфаре. Бухарин работал, когда я вошел к нему в комнату. Я не решился тотчас же передать о камфаре, боясь, что Николай Иванович упрекнет меня в паникерстве, но Николай Иванович заметил: «Знаете, со Стариком что-то плохо. Все доктора ушли в Большой дом». Тогда я решился сказать о камфаре. Николай Иванович изменился в лице: «Кто вам об этом сказал?» И сейчас же пошел со мною к Большому дому. Мы условились, что Николай Иванович подыметесь вверх (Владимир Ильич жил на втором этаже) и узнает у Марии Ильиничны о состоянии здоровья Владимира Ильича (вообще чтобы не волновать Владимира Ильича, товарищи не показывались ему), а я подожду Николая Ивановича внизу.

Кругом стояла тишина. Все казалось обычным, как всегда. Но было кое-что и необычное, тревожное: **освещенные окна наверху**. Кто бывал в Горках, знал, что в это время окна наверху не должны быть освещенными, и если наверху свет, значит, там что-то происходит. И другое: на мой вопрос, где тов. Пакалн, начальник охраны, дежурный товарищ ответил, что Пакалн наверху. Обычно Пакалн не должен был в это время находиться наверху. Смущенный, я обошел кругом Большого дома. Вдали кое-где виднелись черные фигуры товарищей, охраняющих Большой дом. Все как обычно.

Бухарин не возвращался. Я еще раз зашел в Большой дом, посмотрел на часы. Было семь часов вечера. Значит, прошло уже де-

сять минут, как Владимир Ильич умер, но ничто не говорило о его смерти, и даже отдаленной мысли об этом не было: самое большее, о чем можно было предполагать, это возможность какого-нибудь ухудшения в здоровье Владимира Ильича, припадка или удара.

Я вернулся в домик А. Преображенского. Всегда беспокойно, когда с Владимиром Ильичем какое-нибудь ухудшение, и нельзя тогда ничего делать. А из Большого дома никто не приходит, и неизвестно, что с Владимиром Ильичем. Ухо чутко ловит всякий звук.

Вдруг резко, с размаху хлопнула дверь вниз. Все бросились к лестнице. И через секунду, не успев я выбежать на площадку, как раздался чей-то ужасный, ни с чем не сравнимый крик, который без слов говорил о том, что в Большом доме случилось что-то непоправимое...

* * *

Навсегда врезались в сознание большая, ярко освещенная комната и лежащий посередине ее на столе мертвый Ленин.

Самое первое, мгновенное впечатление такое, как будто Владимир Ильич, крепко сжав протянутые вдоль тела руки, застыл на мгновение в позе человека, собирающегося сейчас, сию минуту привстать или подняться коротким усилием напряженных мышц и мускулов.

Похоронная процессия. По пути каждый уголок напоминает о Ленине. Идут по шоссе-аллее. Здесь, недалеко от ворот, в 20-м году Владимир Ильич стоял, окруженный группой крестьян, должно быть, из какой-нибудь окрестной деревни, и о чем-то с ними беседовал. Идут мимо санатория. Сюда Владимир Ильич приходил в 21-м году и на балконе играл в шахматы с тов. Вейсбродом. Идут мимо площадки. Тут когда-то Владимир Ильич играл в популярные среди «горкинцев» городки и шутил, что Бухарин «бьет все влево»... Все дальше уходит процессия от опустевшего Большого дома. В нем все как обычно. Но уже не слышно больше наверху характерного постукивания палочки, опираясь на которую передвигался больной Владимир Ильич.

День похорон. На Большом доме вывешен черный флаг. Товарищи из военной охраны Владимира Ильича, шесть-семь человек, молча выстроились перед террасой, лицом к деревушке Горки. 4 часа. Далеко-далеко из-под Москвы доносится глухой и протяжный гул. Потом еще и еще... Это пушечные залпы — артиллерийский салют слышен в Горках. Тогда товарищи из военной охраны в свою очередь подняли ружья и трижды выстрелили в память Владимира Ильича. Потом постояли немного, задумчивые и сосредоточенные, и один из них тихо сказал: «Вот нам и некого теперь больше охранять»...

* * *

Зимой в парке стоял глубокий снег. А весной, когда снег сошел, на узкой дорожке, ведущей от Большого дома в глубь парка, ясно, ясно проступили борозды и колеи, оставшиеся от кресла, в котором

возили по парку больного Ильича. И нельзя было без волнения смотреть на эти следы Ильичева кресла.

*Правда. 1927.
№ 17. 21 января*

А. В. БЕЛЬМАС

ВОСПОМИНАНИЯ О В. И. ЛЕНИНЕ

Я — бывший батрак, в 1917 году бросил работать у кулака и ушел к большевикам, вступил в ряды большевистской партии, а затем в ее вооруженные отряды — Красную гвардию. Мы пошли за Лениным, так как его призывы были единственно правильными, отвечавшими интересам народа.

По окончании гражданской войны меня направили на курсы красных командиров, откуда я был досрочно взят на пополнение вновь организованного отряда особого назначения при коллегии ВЧК—ОГПУ. Выполняя здесь различные поручения, я мечтал увидеть В. И. Ленина. Вскоре такой случай мне представился. Я был направлен для охраны заседаний IV конгресса Коминтерна, проходившего в Кремлевском дворце. В. И. Ленин в сопровождении близких и друзей шел на заседание Конгресса, о чем-то громко разговаривая. Когда он вошел в зал заседаний, все делегаты поднялись и приветствовали его бурной, восторженной овацией. Я тогда подумал, что Ленина любит не только наш народ, но и народы всех стран.

Заседания IV конгресса Коминтерна совпали со славным пятилетием существования Советской власти. На конгрессе присутствовали коммунисты из 58 стран мира. С напряженным вниманием слушали делегаты доклад В. И. Ленина «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции» на немецком языке.

Вскоре, в декабре 1922 года, членом коллегии ОГПУ А. Я. Беленьким (в распоряжении которого я находился) я был рекомендован Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому для какого-то особого назначения. Представил меня тов. Беленький следующими словами: «Вот этого товарища рекомендуют». Ф. Э. Дзержинский поздоровался со мной за руку и сказал: «Я его не знаю, но если рекомендуют, то я не буду возражать». Потом спросил: «Вы коммунист?» Я ответил утвердительно. Помню, он сказал, что работа там несложная, но очень ответственная, почетная, что надо быть честным коммунистом. Прощаясь, он пожелал мне всего хорошего на новой службе. Я заверил тов. Дзержинского, что буду стараться все точно выполнять.

Куда меня направляют, я не знал, знал только, что мне нужно сейчас явиться в Кремль в распоряжение Петра Петровича Пакална, который скажет, что надо делать. О том, что я направлен в личную охрану Владимира Ильича Ленина, я узнал лишь к концу дня. Какова же была моя радость! Ведь теперь я каждый день буду видеть его, буду учиться у него.

Но, к большому сожалению, мне мало пришлось находиться с ним в Кремле. Болезнь Владимира Ильича все чаще давала себя знать, и вскоре он переехал в Горки. Но и этого небольшого срока, на протяжении которого мне довелось наблюдать его в Кремле на работе и в домашней обстановке, было достаточно, чтобы на всю жизнь в моей памяти запечатлелся его обаятельный образ.

Мне навсегда запомнились его коренастая фигура, высокий умный лоб, глаза, живые и добрые; всегда аккуратно выбритый, скромно одетый; костюм на нем, как правило, поношенный, но чистый. В общем, вид самого простого, обыкновенного человека. При встрече Ленин обычно со всеми здоровался первым.

В Кремле, у кабинета и квартиры В. И. Ленина несли сдвоенную караульную службу: один сотрудник в штатском — от нас, его личной охраны, другой — часовой, в военной форме, из курсантов военной школы ВЦИК. Поручения Ленин всегда давал дежурному сотруднику, а не часовому.

Помню, был такой случай. Владимир Ильич подошел ко мне и говорит: «Товарищ, ко мне скоро придут два иностранца, это профессора из Швейцарии. Вы их пропустите, ничего у них не спрашивайте». Я, вытянувшись, отвечаю: «Хорошо, все будет исполнено». Потом он подумал и спрашивает: «А вы их знаете в лицо?» И тут же напомнил мне: «Помните, они уже у нас были». Я замаялся. Видя это, Ленин вернулся к себе в кабинет, затем вышел оттуда с газетой в руке и говорит: «Вот их фотографии, присмотритесь хорошенько и ничего у них не спрашивайте». Ушел он только тогда, когда убедился, что я понял, о ком идет речь. Через несколько минут по длинному коридору прошли эти лица прямо в его кабинет.

А я подумал, почему он не хотел, чтобы у них проверяли пропуск? После я узнал, что Ленин вообще не любил создавать кому бы то ни было излишних затруднений и, пропуская кого-либо к себе, прежде всего требовал вежливого отношения и уважения к посетителю. По правде сказать, не любил он излишней охраны. Мы старались поменьше показываться ему на глаза.

Постоянным местом отдыха В. И. Ленина были Горки в 35 километрах от Москвы. Когда Владимир Ильич серьезно заболел, он все чаще находился там. Дом в Горках, где жил Владимир Ильич последнее время своей жизни, назывался Большим домом. В парке было еще два маленьких дома, в одном из которых жили заведующий совхозом «Горки» А. А. Преображенский и мы, охрана В. И. Ленина, а второй домик был использован под столовую санатория МК, там же готовили пищу для Владимира Ильича.

Большой дом в Горках расположен в красивом старинном парке фасадом к деревне того же названия — Горки. Этот дом, принадлежавший до революции московскому градоначальнику Рейнботу, был хорошо обставлен и имел телефонную связь с Москвой. В то время телефонной связи загородных мест с Москвой, кроме Горок, нигде не было.

До 1922 года вокруг парка не было ограды; к Ильичу запросто приходили местные крестьяне, беседовали с ним. Когда же вокруг

возвели ограду в целях создания более спокойной обстановки для Владимира Ильича в связи с состоянием его здоровья, местное население было огорчено, так как прекратился свободный доступ в парк, а значит, прекратились и встречи с Ильичем. Крестьяне говорили, что, когда не было этого зеленого забора, они часто видели Ильича и он был здоров, а как поставили забор, Ленин стал болеть. Население окрестных сел и деревень проявляло огромную любовь к Ленину.

С декабря 1922 года, после второго приступа болезни, Ленин уже не ходил по парку, он лежал в постели. Ему были запрещены чтение газет, деловые свидания и вообще свидания даже с друзьями, под страхом еще большего ухудшения здоровья. Книги читать было разрешено. В январе 1923 года наступило некоторое улучшение здоровья, что дало возможность В. И. Ленину продиктовать свои последние статьи: «Странички из дневника», «Лучше меньше, да лучше», «О кооперации» и др.

Однако болезнь продолжала развиваться. В марте 1923 года произошло третье кровоизлияние в мозг. Болезнь вынудила Ильича прекратить всякую работу и, как оказалось потом, навсегда. Ленин был парализован, отнялась правая половина тела, он лишился речи, остались одни глаза, живые, но печальные. В мае его перевезли в Горки, где он оставался уже до самой смерти. Железная воля Ильича, казалось, снова начала побеждать болезнь, он стал практиковаться писать левой рукой, упражняться в речи. Каждый день на веранде Надежда Константиновна занималась с Владимиром Ильичем письмом и речью. Приходили его друзья, просившие разрешения хотя бы сквозь шторы взглянуть на Ильича. Слегка отодвигая штору, им удавалось видеть лишь его спину. Многие хотели посетить больного Ленина, но редко кого допускали к нему.

Владимира Ильича крайне тяготила болезнь; он хотел знать обо всем, но врачи ни в коем случае не разрешали ему ни читать, ни говорить о работе, об обстановке в стране, насыщенной волнующими событиями. В то время буржуазия подняла неистовый вой против Страны Советов; нота Керзона, убийство В. В. Воровского в Швейцарии. Нам — охране — говорили, что Ильича надо всячески оберегать от малейшего волнения, могущего вызвать тяжелые последствия. И все окружающие берегли и любили Ленина, не только семья и близкие, но и мы, сотрудники из охраны Владимира Ильича, крепко его любили. Каждый из нас без колебания отдал бы свою жизнь за Ленина.

Однажды, кажется, летом 1923 года, по моей оплошности произошел случай, к счастью закончившийся благополучно. Я получил почту и газеты. Увлечшись чтением фельетона из газеты «Беднота», я не заметил, как Ильич, опираясь на плечо фельдшера тов. Казимира Зорьки, идет к дежурному столу. Глаза его загорелись, когда он увидел у меня на столе газеты, которые мне следовало вовремя спрятать.

Ильич подошел к столу, поздоровался со мной и потребовал все газеты. Я стою у ужаса, не знаю, что делать. Мария Ильинична

взглянула на меня уничтожающим взглядом, дескать, что же ты наделал? Но Надежда Константиновна, с ее изумительной выдержкой и тактом, улыбаясь Ильичу, говорит ему ласково: «Хорошо, Володя, мы сейчас читаем новости». Она берет со стола все газеты и, далеко не уходя, тут же возле Большого дома садится вместе с ним на скамейку и начинает читать газеты. Надежда Константиновна хорошо знала, что ему можно было читать. Она читала о стройке фабрики, о подвозе эшелона с картофелем в Москву, об улучшении быта рабочих на одном из предприятий и т. п. Она умело обходила острые моменты в международной политике, кое-что тут же сама сочиняла.

Этой прогулкой Ленин, как никогда, был доволен. Вместе с ним и все были довольны. Возвращались с прогулки радостными, Ильич был весел и немного возбужден. Все радовались и забыли про мою оплошность. Даже Мария Ильинична весело на меня взглянула. С этого времени Ленину стали читать не только книги, но и газеты.

Ленин любил прогулки, летом гуляли в парке, а чаще уезжали на машинах в лес. Любил он собирать грибы, вернее, смотреть и указывать, если кто мимо них проходил. Приезжали в лес, выбирали подходящее место, Ильича переносили из машины в плетеную коляску, и кто-нибудь из нас — охраны — возил коляску, а чаще всего — П. П. Пакалн (начальник охраны). Он очень любил Ленина и сам переносил его на руках в коляску. Ленин очень хорошо к нему относился. Прогулки повышали жизненный тонус у Владимира Ильича, он возвращался обычно в хорошем настроении и с лучшим аппетитом. В последние месяцы он проводил на воздухе ежедневно до трех часов.

Среди нас, окружающих, сложилось твердое мнение, что Владимир Ильич к следующему, 1924 году будет здоров. Врачи советовали отправить Ленина в Крым. Весной 1924 года, думали мы, вывезем его в Крым, там хороший климат, подлечится наш Ильич и снова станет у руля правления. Для оборудования места отдыха от нашей охраны выехал в Мухалатку Г. П. Иванов (в настоящее время — кандидат наук, работает в ЦНИИТМАШе).

Сам Владимир Ильич надеялся, что он снова будет работоспособным. Помню, осенью 1923 года ЦК английской компартии прислал Владимиру Ильичу красивую автоматическую коляску, которая стояла на первом этаже, где Ильич часто завтракал с семьей. Ее показали Владимиру Ильичу. Взглянув на коляску, он отрицательно покачал головой и, отстранив от себя фельдшера, опираясь на палку, самостоятельно прошелся по всему залу и, улыбаясь, сел за стол. Мы были поражены и страшно обрадованы.

А в октябре 1923 года Ленин вдруг решил поехать в Москву. Надежда Константиновна, Мария Ильинична и врачи его отговаривали, но он и слушать никого не хотел: ехать в Москву и только.

И вот, по настоянию Ленина, выехали. С ним поехали Крупская, Мария Ильинична и Пакалн, а на двух машинах мы, охрана. При-

ехали в Кремль, где в это время на площади происходили занятия курсантов школы ВЦИК. Подъехав поближе к курсантам, Владимир Ильич снял кепку и приветствовал их. В Кремле он еще раз посмотрел свой рабочий кабинет и квартиру. После уговоров он согласился вернуться в Горки. По дороге заехали на Сельскохозяйственную выставку, находившуюся на территории теперешнего Центрального парка культуры и отдыха им. Горького. Поздно вечером вернулись в Горки.

Свежий воздух, лечение помогли Ленину. Начала восстанавливаться речь, он систематически учился писать левой рукой, значительно окрепла нога. Ленина начал стеснять уход за ним, он старался сам передвигаться по комнате и даже по лестнице (для чего ему сделали особые перила).

19 января 1924 года я дежурил ночью у Владимира Ильича. Утром, когда мне надо было уже уходить, Ильич не вышел к завтраку. Подошел грустный Петр Петрович и говорит: «Ильичу сегодня что-то нездоровится, на прогулку не поедет». А через некоторое время Мария Ильинична посылает меня на машине за доктором Ферстером в Боткинскую больницу. В доме опять горе. Все ходят мрачные, Надежда Константиновна и Мария Ильинична безотлучно находятся у постели Ильича. Часто звонят по телефону из ЦК, СНК, ОГПУ — все спрашивают, как здоровье Ленина. В доме напряженная обстановка, все молчат. Только пройдет Мария Ильинична, сделает замечание, что кто-то шумит, что часто звонит телефон, что стучат сапогами и прочее. Обуваю валенки, чтобы неслышно ступать.

20 января. Около часа ночи Ленин впал в беспамятство. Все в тяжелом горе. Приехали из ЦК партии, съехались все лечившие Ленина врачи. Здесь Крамер, Ферстер, Розанов, Обух, Гетье, Семашко. Говорят, приступ кончился, но Ильич ослабел, он ничего не ел со вчерашнего дня.

21 января. Звонки, тревога, все спрашивают, как здоровье Ленина, врачи от него не отходят, а вместе с врачами, тут же, третьи сутки не отходят от него его близкие — жена и сестра.

Вдруг выходит Мария Ильинична, бежит к телефону и в ужасе говорит: «Ленин умер». Бросила как попало трубку и снова побежала в комнату Ленина. Я тихонько кладу трубку на рычаг. Не верится, нет, не может этого быть, Ленин жив, тут какая-то ошибка врачей. Без конца звонки: «Как с Ильичем, что с ним?» Я отвечаю: «Ленин жив». Снова и снова звонки. Как будто вся Москва узнала о горе и все спрашивают: «Как Ленин?» Снова тот же ответ: «Ленин жив». Находившиеся в то время в Горках корреспонденты газеты «Правда» спрашивают, что Мария Ильинична сказала по телефону, как чувствует себя Ильич? Отвечаю: «Ильич жив».

Через некоторое время ко мне подошел начальник охраны тов. Пакалн, весь в слезах, и говорит: «Пойди, скажи ребятам, что Ленин умер». Иду выполнять последнее поручение. Вхожу в помещение. Меня встретили вопросом: «Ну, что... говори скорее! Я отвечаю: «Ребята, Ленин умер».

Это была страшная весть, все плакали. Потом пошли в оранжевую совхоза, набрали цветов и с ними направились в последний раз к Ленину, попрощаться.

Большой светлый зал, посредине стол, на нем Ленин, самый дорогой всем человек. Положив цветы, сами все стали возле него в почетный караул. Здесь же, ни на минуту не отходя, сидели Надежда Константиновна и Мария Ильинична.

Затем приехали делегаты II съезда Советов СССР, члены Политбюро Центрального Комитета партии и члены правительства, стали в почетный караул. Здесь же, в библиотеке, члены Политбюро провели совещание о порядке похорон.

Я стоял у своего стола, подошла Н. К. Крупская, подавленная горем, не узнать ее, что-то говорит, губы шевелятся, а звука нет. Чуть слышно сказала: «Не уберегли».

Мария Ильинична стоит, вокруг нее лечившие Ленина врачи, что-то ей говорят, а она смотрит на них, полна не только горя и печали, но и упрека. Я тоже подумал: «Неужели вы, светила науки, не могли спасти Ленина».

Всю ночь 21 и весь день 22 января народ со всех окрестных сел и деревень шел и шел отдать последний долг Ильичу.

23 января 1924 года — вынос тела из Горок. Большой дом полон людей. Члены ЦК, наркомы, руководители учреждений, рабочие, крестьяне — все идут за гробом с телом великого Ленина. Гроб на руках несут члены Политбюро до станции Герасимовка (в трех километрах от Горок). Стужа невероятная, но люди идут без шапок.

На станцию Герасимовка подан специальный поезд, гроб поставлен в особый вагон. С телом осталась лишь охрана, тов. Беленький и Пакалн. Когда поезд проезжал станции Расторгуево, Бирюлево, Коломенское — везде его встречали тысячи народа, все хотели последний раз увидеть В. И. Ленина.

В Москве, на перроне Павелецкого вокзала, гроб с телом В. И. Ленина встречали его соратники: М. И. Калинин, Ф. Э. Дзержинский и другие. Бережно подняв гроб на плечи, они понесли его по улицам Новокузнецкой, Пятницкой и другим в Дом союзов. Улицы, где проходила траурная процессия, были переполнены людьми. Несмотря на то что стояли сильнейшие морозы, в домах были открыты окна и двери, на крышах и заборах — всюду люди, весь народ провожал любимого вождя в последний путь. Общее горе объединило людей. На улицах был порядок, не было давки, толкотни. Несмотря на сильную стужу, все шли попрощаться со своим вождем. В течение пяти суток в полном порядке двигались люди к Дому союзов, на улицах горели костры.

Все эти дни я находился в Доме союзов у гроба В. И. Ленина. Врачи с трудом успевали оказывать помощь людям, терявшим сознание. Велико было горе людей, потерявших любимого вождя и учителя.

ВЕЧНО ЖИВОЙ

Это случилось в апреле 1922 года.

— Петрасов, Проценко, Аликин срочно в кабинет к Беленькому.

— Есть! — ответили мы и, сдерживая волнение, поспешили к знакомой двери в длинном коридоре. Разговор с членом коллегии ЧК был кратким. Затем нас проводили к Ф. Э. Дзержинскому. Феликс Эдмундович принял радушно, пожав каждому руку.

— Вы коммунисты? — обратился он к нам.

— Все коммунисты.

— Тогда, я думаю, вам ясно, что должны делать люди, которым доверяется охрана жизни Ильича. От вас требуется исключительная бдительность, решительность и осторожность.

— Все ясно. Выполним.

Так я попал в личную охрану В. И. Ленина. Нам выдали одежду и оружие. На следующий день мы отправились в Кремль, а в конце мая выехали в Горки.

У Владимира Ильича появились признаки крайнего переутомления: сильные головные боли и бессонница. К тому же в апреле 1922 года ему сделали операцию — изъяли из левой ключицы пулю, застрявшую там после злодейского выстрела Каплан. Врачи настаивали на длительном отдыхе Владимира Ильича. Ленин не хотел об этом и слышать, но ЦК партии вынес специальное решение о предоставлении ему отпуска, и он вынужден был этому подчиниться.

Местом отдыха, как и в 1918 году, после покушения, были избраны Горки, бывшее имение московского градоначальника генерала Рейнбота. Там была прямая телефонная связь с Кремлем.

Владимир Ильич остановился сначала в небольшом северном флигеле на втором этаже. Мы, охрана, разместились в том же здании на первом этаже. Большой дом семья В. И. Ленина занимать не хотела из экономии топлива и перешла туда только летом, когда не надо было отапливать помещения.

Дом расположен в парке с искусственным прудом. Рядом река Пахра, где можно купаться и удить рыбу. Недалеко от Горок хорошие подмосковные леса, грибные, ягодные.

Первое время дальние прогулки Владимиру Ильичу не разрешались, и он проводил время в парке. Иногда ходил на Пахру с удочкой, а позже купаться.

Когда Владимир Ильич стал поправляться, мы часто выезжали в лес на охоту, а также за ягодами и грибами. Главным в этих поездках были, конечно, не лесные трофеи, а хождение по лесу, общение с природой, которую Ленин очень любил.

Была у Владимира Ильича и такая привычка: если он возвращался из леса с какой-либо добычей, то обязательно делился с товарищами. Бывало, пошлет нас: вот, говорит, отнесите это тому-то, положите на кухню и возвращайтесь домой.

Во время прогулок и выездов на охоту любил Владимир Ильич

встречаться и разговаривать с людьми. Помню, однажды собирал Ленин в лесу грибы. Мы, по обыкновению, сопровождали его. Вышли на Каширское шоссе, свернули в сторону и пошли межой. Там на узкой полоске крестьянин пахал землю. Тощая лошаденка еле-еле тащила соху.

— Здравствуйте, товарищ,— проговорил Владимир Ильич, поравнявшись с пахарем. Крестьянин остановил лошадь, снял шапку, ответил:

— Здравствуйте, Владимир Ильич.

Многие крестьяне окрестных деревень знали Ленина в лицо. Ильич долго беседовал с крестьянином, подробно расспросил, какая у него семья, какое хозяйство.

Работая в охране Ленина, я имел возможность наблюдать, с какой особой любовью Ильич относился к детям. Поехав в 1922 году отдыхать в Горки, он попросил Анну Ильиничну привезти ребят. Все лето у Владимира Ильича гостили племянник Витя и дочка одной московской работницы Вера. Хорошо известна фотография этого периода, запечатлевшая Владимира Ильича и Надежду Константиновну с Витей и Верой.

Живя летом 1922 года в Горках, Владимир Ильич много занимался с Витей и Верой: гулял с ними в парке, играл, шутил, катал их на машине. Если дети, играя в аллеях парка, сооружали что-то из песка, то Ильич очень бережно относился к этому сооружению, не позволял его разрушать.

Помню и такие случаи. Стоило Владимиру Ильичу во время выездов на охоту появиться в какой-либо деревне, как навстречу гурьбой неслись деревенские ребятишки.

— Дяденька, покатай,— кричали они. Ильич никогда не отказывал. Просит шофера остановить машину, насаждает до отказа. Шутит с ребятишками, смеется, просит рассказать, далеко ли грибы растут, много ли ягод они уже насобирали. Ребята готовы ехать за много верст, чтобы показать Ленину, где много грибов и ягод. Но, проехав километра полтора-два, Ленин объяснял ребятам, что, если их дальше увезти, они могут заблудиться, и высаживал их. Ребята хором благодарили, прощались и, радостные, бежали в свою деревню.

Отдохнув за лето, Владимир Ильич рвался к работе. Уже в Горках все чаще и чаще его можно было видеть за книгой. Наконец врачи разрешили Владимиру Ильичу приступить к его основной работе на посту Председателя Совета Народных Комиссаров, и он переехал из Горок в Кремль.

Мне пришлось сопровождать Владимира Ильича на заседания, дежурить у кабинета и кремлевской квартиры Ленина.

31 октября 1922 года Владимир Ильич участвовал в работе IV сессии ВЦИК, которая проходила в Андреевском зале Большого Кремлевского дворца. Сопровождали его Мария Ильинична и несколько наших сотрудников, в том числе и я. Это было первое выступление Ленина после болезни. Естественно, все мы очень за него волновались.

Появление Владимира Ильича в президиуме вызвало бурю аплодисментов. Когда председатель предоставил слово Ильичу, зал снова устроил овацию. Присутствующие были бесконечно рады тому, что опять имеют возможность видеть и слышать своего вождя.

13 ноября мы сопровождали В. И. Ленина на заседание IV конгресса Коминтерна. В этот день Ильич был особенно оживлен, бодр и полон энергии. Много шутил и смеялся. Приветливо здоровался при встрече с делегатами конгресса, и каждый из них старался поймать его взгляд и поздороваться с ним. Когда Ильич появился на трибуне конгресса, зал охватило такое ликование, что, казалось, унять его невозможно. Ленин несколько раз пытался начать свой доклад, но говорить ему не давали. В конце концов кое-как аудитория успокоилась, и Владимир Ильич смог приступить к докладу.

На IV конгрессе Коминтерна он выступил с докладом «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции». Доклад был сделан на немецком языке. Ленин говорил об успехах, достигнутых на основе новой экономической политики, о том, что мы без иностранных займов голод преодолели, с разрухой справились, легкую промышленность восстановили. Подводя итог пятилетнему советскому строительству, он начертил перспективы дальнейшего развития революции.

Велика роль Владимира Ильича Ленина в жизни нашей партии и государства. Много уже написано о его удивительной простоте, скромности, но мне хочется остановиться на этом еще раз. Владимир Ильич никогда не выделял себя из среды коммунистов, в обращении с людьми был очень вежлив, внимателен, прост, не любил, когда устраивали ему овации на собраниях и митингах, морщился, когда его называли гением или великим, он попросту запрещал прибавлять к своему имени какие-либо эпитеты и титулы. Ильич останавливал своего собеседника в таких случаях и просил называть его по имени и отчеству или просто по фамилии.

С продовольствием тогда было очень плохо. Ленину предлагали дополнительный паек, но он отказался. Семья Ильича получала продукты только по продовольственным карточкам, а зелень обычно закупалась на рынке, в Охотном ряду. Саня Сысоева, приходящий повар семьи Ульяновых, часто жаловалась, что ей приходится долго ломать голову над тем, как бы получше накормить Владимира Ильича. Он никогда ничего не заказывал: что приготовят, то и ест. После обеда Саня уходила домой. Вечером Владимир Ильич приходил на кухню и ужинал сам.

Помнится такой случай. Крестьяне прислали для сотрудников Совнаркома картофель. Они распределили его по списку так: Ленину — два пуда, Надежде Константиновне — пуд и всем сотрудникам Совнаркома по пуду. Список принесли на подпись Владимиру Ильичу. Он посмотрел — поставил себе один пуд, а Надежду Константиновну из списка вычеркнул, сказал, что она в Совнаркоме не работает.

...20 ноября 1922 года мы сопровождали Владимира Ильича на пленум Московского Совета. Это было его последнее выступление

перед трудящимися. Здоровье Ильича опять ухудшилось. И он должен был подчиниться настоянию врачей и на время отказаться от работы. Но уже вскоре во время дежурства у квартиры Ленина я наблюдал, как стенографистки выходили от него с исписанными листами, а обратно к Ленину несли листы с текстом, отпечатанным на машинке. И больной Ильич продолжал работать. Врачи запретили читать и писать. Он добился, что ему разрешили диктовать по 5—10 минут. Ленин спешил еще многое сделать, не щадя себя. Позже нам стало известно, что он диктовал свои последние статьи: «Странички из дневника», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше», «О кооперации», «О нашей революции». Эти статьи явились его политическим завещанием созданной им партии коммунистов и всему советскому народу. В этих статьях — ленинский план построения социализма в нашей стране, укрепления партии, государства.

6 марта 1923 года Владимир Ильич диктовал последний день. Состояние его резко ухудшилось. В середине мая мы перевезли его опять в Горки. Там он прожил до конца своей жизни, побывав за это время лишь один раз в Москве в октябре 1923 года.

Около двух лет я и мои товарищи провели около Ленина, охраняя его жизнь. Мы каждый день видели Ильича. Нас покорило и восхищало в Ленине сочетание его величайшей гениальности, мудрости с предельной простотой, скромностью в жизни, сочетание качеств великого вождя масс, беспощадного к врагам революции, взяточникам и бюрократам, и трогательно обаятельного человека, товарища, друга, доступного для каждого трудового человека.

Ленин жил для народа, поэтому он так близок народу, живет и вечно будет жить в народе, в его героических делах.

*Ленин в сердцах уральцев.
Воспоминания старых коммунистов
о В. И. Ленине. Свердловск, 1969.
С. 144—150*

А. Я. АРОСЕВ

НУ, ЧТО, КАК ИЛЬИЧ?

С чего началось это?

В начале 1922 года приехал ко мне за границу — тогда я жил там — один товарищ. Поговорили о разных делах. Спросил я, как Ленин смотрит на то и на это.

— Ленин? — спросил меня товарищ и как-то непонятно замолчал.

— Да. Ленин.

— Ленин? — Товарищ вдруг хлопнул меня по коленке, встал и начал ходить по комнате из угла в угол. — Ленин очень странный сделался... по-моему... он болен.

И лицо моего приятеля, и все его поведение, и какая-то затрудненность в ответах сразу толкнули под сердце острый ледок. И

все захотелось знать об Ильиче; и понял я, что всего я знать сейчас не буду, потому что, может быть, никто не знает всего. И не оттого ли это, что очень жутко знать все? Я сознательно решил не настаивать на своих вопросах и постарался отвести временно разговор в другую сторону, с тем чтобы со всей скрытой болью сердца, со всей жутью ударить своего товарища своими вопросами внезапно, в тыл.

— А как в России действует «АРА»?¹

— Действует понемногу. Голод ужасный. Стали есть местами чуть не друг друга... детей. А некоторые симулируют людоедство, лишь бы их арестовали.

Что же ужаснее? Больной Ленин или голодающая Россия? И как они оба занедали вместе... Россия, Волга, родина Владимира Ильича. Владимир Ильич и в анкете писал про Волгу; на вопрос, какая местность России ему более всего известна, он отвечал: Поволжье.

— Но все-таки что же с Ильичем? — пошел я в открытую, без хитрости.

— Удар, — ответил товарищ.

Будто стены сдвинулись и сдавили нас. Мой товарищ сел близко-близко ко мне и стал рассказывать.

— Какое-то тревожное в нем было настроение последнее время. Недавно я говорил с ним. Он был страшно раздражителен. Упрекал нас в комчанстве и почему-то — что совсем ему несвойственно — торопился кончить беседу. Мне тогда же показалось, что он сильно устал. А перед самым отъездом из Москвы мне сказали, что с ним удар.

— Это достоверно?

— О, да! Самые верные источники.

Мы расстались с приятелем. И всю-то ночь казалось мне, что стоит передо мной Владимир Ильич в сермяге, и ворот не застегнут. Рукав в рукав и в зимней шапке. Сначала у него было лицо серьезное, какая-то дума на нем лежала. А когда думал Владимир Ильич, в подбородке его и в складках губ было что-то больное, страдальческое, а в открытый ворот видна была шея, и напряженно надувались жилы на ней. И смотрел он куда-то в сторону, отчего казалось мне, что на меня он смотрит не глазами, а как-то профилем, не то виском, не то ухом. И долго так. А потом вдруг взглянул в глаза, усталый, как после болезни. Расстегнутый ворот, обнажавший шею, почему-то особенно раздражал. И вдруг В. И. сел, как будто

---

¹ «АРА» (American Relief Administration) — «Американская администрация помощи», была создана в 1919 г. с целью оказания помощи населению, пострадавшему в результате первой мировой войны. Председателем «АРА» был Г. Гувер — крупный капиталист, тесно связанный с русским капиталом до 1917 г. Некоторые сотрудники «АРА» искренне и добросовестно занимались благотворительной деятельностью. Во время голода в Поволжье Советское правительство разрешило в 1921 г. деятельность «АРА» в РСФСР. Организованные «АРА» поставки продовольствия, медикаментов и других товаров оказали определенную помощь в борьбе с голодом. В июне 1923 г. деятельность «АРА» в СССР была прекращена. *Ред.*

в угол на пол, обхватил свои колени и начал погибать. Как погибать, почему именно погибать, мне и теперь, и тогда было непонятно, но тогда вдруг показался он мне изнеможенным крестьянином, который тихо, стоически, присев в потемках своей избы, спокойно встречает смерть.

Так всю ночь неотступно мучило это видение.

А наутро опять приезжали товарищи из Москвы, опять рассказывали о Ленине. В то лето было словно поветрие на лечение. Все были больны, и все шли в медицинскую Мекку, в Берлин, поклониться профессору Краузу и его Charité на Karls-Platz'e.

Поэтому каждый новый день — новости и новости о Ленине.

Вот тогда и началось это.

— Ну, что, как Ильич?

Не здоровались и не прощались, не задав этого вопроса.

А голод, гуляя по необъятной Руси, продолжал приговаривать к смерти людей тысячами. И болезнь в кровеносных сосудах Владимира Ильича упорно продолжала свое дело вопреки берлинским лекарствам.

Приехал в Россию. Зима. Еще на вокзале увидел знакомых:

— Ну, что, как Ильич?

— Поправляется.

— Достоверно?

— О, да, конечно.

Москва стала другой.

В окне, у Мюр и Мерилиза, плакат:

«Продажа и прием заказов на портреты Вождей Революции и в комиссионном отделе (2-й этаж)».

В комиссионном отделе вожди революции!

А вот на углу Кузнецкого моста стоит калека и выкрикивает: «Полная разборная модель живого человека».

Подхожу — вижу: продает из картонного человека, раскладывающегося на все свои внутренности.

Модель живого человека! Чем не капитализм?

И все это так необычно и так лихорадочно. Ищу ответа, иду на доклад виднейшего члена ВСНХ и слышу:

«Такие явления, как взятка, комиссионерство и пр., представляют собой некоторый экономический фактор, облегчающий первоначальное накопление и переживаемый сейчас Россией».

Так. Капитализм ищет и находит себя своими испытанными путями — путями подлости.

И тут же иллюстрация: один судья за недостатком жалованья жил подаянством; днем судил, а к вечеру стоял «с рукой».

Уходя с доклада, спросил одного рабочего:

— Ну, что, как Ильич?

— Эх, кабы пришел, он обсказал бы все.

— А без него?

— Непонятно ничего. Ну, что сказал докладчик: и так плохо, и так плохо, а в общем — выйдем. А почему выйдем, никакого вывода не дал! Куда зашли, сами, без него, не поймем.

Прошло много дней после этого. Все чаще и чаще слышал я во-круг себя:

— Ну, что, как Ильич?

Однажды вечером сам спросил одного цекиста:

— Ну, что, как Ильич?

— А так, что он завтра выступает во ВЦИКе.

И при свете кремлевского фонаря лицо его сияло большой радостью.

Ленин действительно выступал во ВЦИКе. А потом, через несколько дней в коридоре большого дворца, вместе со многими другими, я опять ждал его. Заглядывал в зал. Там было много иностранцев: в разных углах разный говор. Трибуна пуста.

За столом президиума — ни души. Видно, заседание еще не открывалось. Опять я в коридор. Из соседней с залом комнатки — стук машинок отбивает такт великому всесокрушающему времени. Кто-то в военной форме быстро прошел по коридору. Где-то у окна сказали: сейчас идет. Я оглянулся, было, на того, кто это сказал, но вдруг увидел, как головы всех товарищей обернулись к выходной двери.

Быстрыми шагами, пальто внакидку, на голове шапка, у которой уши на макушке черным бантом завязаны, шел Ленин, а с ним обе сестры, жена и итальянец Бордига. С итальянцем он о чем-то говорил по-французски. Раз два поклонился кому-то.

Он, он самый, прежний: татарские усы и борода, очень живые глаза, которые издали кажутся раскосыми, а поближе словно переличатые самоцветы; и густые брови — кончиками острые, как сорванные колосья. Маленькие дети любят такими бровями играть... А лицо, все сеченное морщинами, словно кусок, выбитый из каменоломни.

Ленин сбросил на стул пальто и шапку и поспешно встал у кафедры, так что никто из членов президиума не успел сесть за стол и открыть заседание. И только когда порывисто заплескались сотни рук, когда ни один из присутствующих ничего не мог вымолвить и сквозь радостную пелену влаги, окутавшую глаза, только хлопал и хлопал в ладоши, когда даже красноармеец, стоявший на пропусках, в радостной растерянности пропустил двух-трех, не спросив с них мандата, из комнаты справа к столу один по одному поспешно собрались члены президиума.

Ленин был очень смущен. Чтобы чем-нибудь заняться у кафедры, он стал перебирать листочки. Потом попробовал откашляться, чтобы говорить. Тогда хлопки полетели с удвоенной силой. Ленин, порывшись в карманах, достал носовой платок и стал сморкаться. Потом опять крикнул, предвещая свое слово, но тут хлопки вдруг оборвались, и грянул на разных языках, но стройно, и мощно, и гулко Интернационал.

Ленин склонил несколько направо голову, слегка набок, и устоял неподвижно в правый край своего пюпитра. Глаза его вдруг стали большими и очень ясными. По глазам этим я понял, что это был один из тех, почти никому не известных моментов, когда Ленин

всегда тихо и с постоянным присутствием своей острой мысли переживает что-нибудь серьезное, большое.

Последние раскаты Интернационала укатились куда-то под подоконник огромного окна.

Ленин быстрым и властным движением провел вправо-влево по своим рыжим усам и начал свою речь по-немецки.

Сначала осторожно: видно, жалел себя, соразмерял свои силы. Потом проснулся в нем старый, сильный, пламенный революционер. Он загорячился. Забыв немецкие слова, пощелкивал пальцем, чтобы вспомнить. Из первых рядов и из президиума поперебой подсказывали нужные слова. Некоторые подсказки он отвергал и искал выражений более тонких, более точных.

— Что делается, совсем прежний Ильич!

— Да, да! — подтвердил я.

— А ведь ему усиленно телефонировали с того света, — сказал мне кто-то сбоку в ухо, — и поэтому я думаю, не рано ли ему выступать?

Должно быть, так же змий посеял сомнение в душу человеческую о ее безгрешности. Что же, змий был прав...

В середине речи у Ленина наступил какой-то перелом: он, видимо, стал уставать. Голос становился глуше, и реже он пощелкивал пальцами, — должно быть, не мог уже так заострять свою мысль.

После доклада он опять накинул пальто, надел шапку и хотел идти. Но вокруг него суетились товарищи и просили его сняться со всеми вместе.

— Опять сняться? — спросил Ленин. — А где же фотограф?

— Сейчас, сейчас, — отвечали суетившиеся товарищи.

Кто-то звонил по телефону, вызывая фотографа.

Кто-то негодовал на то, что кто-то еще не сдержал обещания, кому-то данного.

А Ленину все говорили:

— Сейчас, Владимир Ильич, сейчас, погодите.

И еще ждал Владимир Ильич. Потом прищурил глаз и весело заметил:

— Вы только тумашитесь, а фотографа-то нет!

Что-то еще сказал такое веселое, что все смеялись, и пошел к выходу из зала, пробиваясь правым плечом из толпы.

И когда на другой день приехавший провинциал меня спросил: «Ну, что, как Ильич?» — я не только с радостью рассказал ему, что сам его слышал, но стал излагать теорию международного нэпа, с точки зрения которого понятно все, что мы теперь переживаем, и уверял, что унынию и сомнению места нет.

И стало ничуть не жутко и спрашивать и слышать:

— Ну, что, как Ильич?

По-прежнему Ильич с нами, по-прежнему старается осветить нам дорогу и дает формулу для современности:

«Лучше меньше, да лучше».

Но — испепеляющее время! Всесильные кровеносные сосуды и бессильные немецкие лекарства.

— Ну, что, как Ильич? — спросил я однажды, ожидая хорошего ответа.

— Плохо. Кажется, опять удар. Приходите сегодня на заседание Моссовета. Там Рыков доложит.

Прихожу. Опоздал. Народ толпится в коридорах.

Рыков уже доложил.

Спрашиваю одного, что сказал Рыков.

— Сказал, что Ильич скоро поправится и будет в наших рядах.

— Как? — недоумеваю и иду к другому:

— Ну, что, как Ильич?

— Рыков сообщил, что опять удар; завтра выйдет бюллетень.

Опять иду к первому товарищу.

— Что же вы мне неверно сообщили: ведь Ильич опять плох.

— Ничего подобного. Скоро будет в наших рядах. Рыков сообщил.

— Товарищ, да вы точно ли слышали?

— Да уж чего точнее?! Скоро будет среди нас!

На другой день вышел бюллетень, который не оставлял сомнений: с Ильичем снова удар.

Но что же за загадка тот товарищ, который упрямо излагал сообщение, сделанное Рыковым, наоборот?!

Долго я был в недоумении, пока не попал на одно рабочее собрание. Там упорно говорили то же, что и тот странный товарищ: «Ильич скоро будет среди нас».

Обращаюсь к секретарю райкома, который был тут же.

— Почему это искажают информацию об Ильиче?

— Вовсе не искажают, — ответил серьезно и вдумчиво секретарь. — Пролетариат хочет, чтобы Ильич был с ним, поэтому он это и утверждает. С этого его не собьешь.

Вот оно что! Наперекор склерозу кровеносных сосудов, наперекор всепоглощающему времени пролетариат хочет, чтобы Ильич был с ним, и утверждает это.

И опять всюду, везде, все чаще и чаще:

— Ну, что, как Ильич?

На немцев-профессоров уже никто не обращал внимания. Лечение как-то отошло на задний план. Все уже знали, что Ильич гоняет от себя врачей, и все положились — так же, как полагались в политических вопросах — на него самого.

— Крепкая натура!

— Здоровеннейший мозг!

— Отчаянно борется с болезнью!

И все забыли, что и крепкая натура, и здоровенный мозг, и борьба с болезнью требуют расхода сил, требуют интенсивной деятельности кровеносных сосудов.

Между тем приходили вести:

— Ленин ходит на охоту!

— Собирает грибы!

— Устраивает елку!

— Занимается каждое утро!

— Читает газеты!

— Велит читать о дискуссии!

Слухи, как струны, делались все напряженнее и напряженнее. За ними ощущалась титаническая борьба человека со временем, с природой, со смертью. Титаническая борьба, не измеренная, не узнанная никем!

* * *

А когда вдруг лопнули все слухи — как натянутые струны, — когда человек был смят, разбит временем, природой, смертью, когда сознание твердило в мозгу одно слово: «у м е р» и никак не могло добавить к нему другого слова «Л е н и н», — тогда огненными буквами две ночи горел в мозгу вопрос, которым мы жили чуть не два года, не подозревая того, что мы живем только этим вопросом:

— Ну, что, как Ильич?

Только этим вопросом жили, потому что он открывал широкие ворота святой надежде.

Две ночи огненными буквами горел этот вопрос без ответа.

Может быть, поэтому, подходя на третий день к Дому союзов и встретив выходявших оттуда товарищей, я остановил одного и запнулся...

Запнулся потому, что по-старому хотел задать ему вопрос:

— Ну, что, как Ильич?

Запнулся вовремя. И пошел в Дом союзов искать ответ на этот необыкновенный вопрос.

*Аросев А. По следам Ленина.
Л., 1924. С. 3—14*

Е. И. СМЕРНОВА

У ТОВ. ЛЕНИНА ВО ВРЕМЯ БОЛЕЗНИ

Я была работницей на золотошвейной фабрике № 36, в Москве, а всего я уже работаю на производстве 18 лет.

Прошлый год, в марте месяце, заведующая мастерской и говорит мне:

— Я хочу послать тебя работать на дому к Владимиру Ильичу.

Я начала сильно отказываться.

Не служила я никогда в домашних-то работницах, думаю, не ужоу, а может быть, требовательные будут.

Я вот и готовить ничего не умею, разве что простое...

— Ничего, — говорит заведующая, — ты не бойся, люди они простые, а Владимиру Ильичу надо помочь, это ты сумеешь...

Уговорила, — пошла.

С первого же разу я увидела, что напрасно боялась.

Семья простая, все попросту.

А уж Владимир Ильич — что и говорить! Правда, больного я уже

его застала, и говорить-то он уже не мог. И то пройдет, бывало, мимо, всегда сам первый поклонится, приветливо так улыбнется...

Киносеансы устраивали иногда для него, так всегда меня позовет, знал, что я их очень люблю.

Такой внимательный...

А уж кто бы ни приехал, он всегда мне укажет, чтобы покормили гостя.

Помню, как он был доволен, когда к нему делегации от рабочих приезжали и от крестьян, подарки ему привозили...

А как уж он был внимателен к Надежде Константиновне и к Марье Ильиничне!.. Все время, бывало, следит за ними, не устали ли, беспокоится...

К Надежде Константиновне-то из города, из Политпросвета, на заседания все приезжали. Так он, бывало, спустится сверху, чтобы посмотреть на Надежду Константиновну. А если уж Надежда Константиновна или Марья Ильинична отдыхают, то он на цыпочках ходит мимо их комнаты, чтобы не разбудить.

Летом любил «по грибы» ходить. Как утро, встанет, бывало, и просит у меня корзиночку. И пойдет в лес с Марьей Ильиничной или с Надеждой Константиновной, а то все втроем...

Цветы любил, только не садовые, а полевые. На садовые и не смотрит, рукой только махнет, когда покажешь ему.

Сразу всем веселее становилось, как только Владимир Ильич лучше себя чувствовал.

— Ну,— думаем, бывало, мы— «выходили!»...

А чуть похуже,— и мы все ходим с опущенными головами, всем грустно делается.

Так и жили все окружающие — то в надежде, то в огорчении.

А уж того тяжелого дня, как умер наш Владимир Ильич, никогда не забудешь.

Утром в понедельник я, как всегда, подала ему кофе, а он поклонился приветливо и прошел мимо стола. Пить не стал. Ушел к себе в комнату и лег. Я ждала его до 4 часов, с горячим кофе. Все думала, проснется, выпьет... А уж ему плохо стало. Спросили у меня горячие бутылки. Пока их наливали да принесли — они уже не нужны ему были...

Вбежала я наверх, смотрю, Марья Ильинична стоит сама не своя, черная какая-то. Вижу, что плохо.

— Что с вами? — спрашиваю ее.

— Наш Володя безнадежен,— только и сказала.

Я было стала ее успокаивать... Выбежала она в соседнюю комнату — заплакала. Тогда я вбежала к Владимиру Ильичу и вижу...

Ох! Не забыть мне этого, дорогие товарищи работницы!..

Смотрю — все врачи схватились за голову, а санитары по углам все плачут.

Вошла я в комнату... Сидит Надежда Константиновна у него на постели и держит его руку...

Раздались рыдания женщин. Я уж совладала с собой, стала их уговаривать. Кого из них вывела, а самые слезы душат...

Потом попросила Надежду Константиновну, чтобы она разрешила мне переодеть Владимира Ильича.

А она спрашивает меня:

— А вы его аккуратненько?

— Ну, конечно,— говорю я,— уж врагом ему не буду...

Надежда Константиновна принесла белье... Обмыли мы ему лицо, переодели и вынесли в другую комнату... Ох, и тяжело было на эту картину смотреть! Повсюду в углах плач. Все хмурые...

А тут стали из деревни, из города приезжать — еще тяжелее стало.

Осиротели мы теперь... Особенно Надежда Константиновна и Марья Ильинична. Слезы у меня навертываются, как посмотрю я на них.

Теперь уже так около них и буду.

Беспартийная я была, а теперь вступила в партию, в ленинский набор. И вас зову, товарищи работницы, идите в партию Ленина!..

*Об Ильиче. Рабселькоровские
заметки и воспоминания.
Л., 1923. С. 201—204*

В. ЯКОВЛЕВ

В. И. ЛЕНИН И КИНОСЪЕМКИ

Поздней апрельской ночью, в 1917 году, группа кинооператоров встречала тов. Ленина на Финляндском вокзале, в первый день его приезда. Нужно было заснять тов. Ленина на экране, но в тот раз Ильич не дал своего согласия.

В последующие дни несколько раз обращались к тов. Ленину, когда он находился во дворце Кшесинской, с просьбой разрешить снять его для кино, но и здесь со стороны Ильича давался постоянный отпор.

Однажды, показывая рукой на собравшихся перед дворцом рабочих и крестьян, он сказал оператору:

— Снимайте вот их! Они делают историю!

И, запросто попрощавшись, вышел на балкон, чтобы поговорить с собравшимися.

* * *

О заснятии тов. Ленина в бурные Октябрьские дни, во время переезда Совнаркома в Москву нечего было и думать. И только в 1920 году, во время открытия II конгресса Коммунистического Интернационала, тов. Ленин разрешил запечатлеть себя на экране.

Немедленно во дворец Урицкого были доставлены съемочные аппараты. Все было готово к съемке. В несколько минут удалось запечатлеть Ильича, произносившего речь на конгрессе.

Прошло несколько минут, и вдруг в зале раздался страшный взрыв. Сидящие в зале остолбенели, кто-то вскрикнул нечеловеческим голосом.

Оказалось, что по неосторожности монтера упал аппарат и взорвались электрические лампочки.

Владимир Ильич спокойно продолжал стоять на трибуне и так же спокойно, как всегда, с обычной улыбкой на губах, произносил свою речь.

* * *

1921 год. Заседание III конгресса Коминтерна. Главной задачей кинооператоров и на этот раз было запечатлеть тов. Ленина на кинематографической пленке.

Говорил тов. Радек о польском вопросе. Один из операторов присел сзади трибуны на ступеньках и после бессонной ночи немного вздремнул. Проснувшись, он увидел себя окруженным членами съезда.

Другой оператор возился с аппаратом и, по-видимому, старался снять то место, где сидел проснувшийся.

Изумленный оператор оглянулся. В то же время он почувствовал, что кто-то касается его спины. Это был Владимир Ильич, что-то записывавший в свою записную книжку.

Через час тов. Ленин уже стоял на трибуне, владея аудиторией.

* * *

В следующем году, в конце ноября месяца, севзапкиновской экспедиции пришлось встретиться с тов. Лениным на очередном конгрессе Коминтерна. Ильич тогда только что оправился после тяжелой болезни, и его не разрешено было снимать, но, когда заседание конгресса закончилось, операторы остались ждать у Кремля в надежде увидеть Владимира Ильича и испросить у него разрешения на съемку. И действительно, вскоре на пороге появился тов. Ленин, в плохом зимнем пальтишке с каракулевым воротником, из которого лезла вата.

— А-а, питерцы, здравствуйте! — обратился он к съемщикам. — Что, опять приехали снимать меня? Не дам.

Операторы попросили разрешения у Владимира Ильича снять его в другой, более спокойной обстановке, так как в фотографиях Ленина нуждалась вся Советская Россия.

— Что ж, пожалуй, приходите ко мне на квартиру! — отвечал Ильич.

В назначенный день операторы пришли в Кремль к тов. Ленину, но видеть его на этот раз не удалось. Мария Ильинична, сестра тов. Ленина, сообщила, что он нездоров и при всем желании принять не может.

Это была последняя киновстреча с покойным Владимиром Ильичем.

*К годовщине смерти В. И. Ленина.
1924 — 21 января — 1925 г.
Сборник статей, воспоминаний
и документов под общей редакцией
А. Ф. Ильина-Женевского
Л.; М., 1925. С. 187—189*

БОЛЕЗНЬ ЛЕНИНА

Первый отпуск я взял перед II конгрессом Коминтерна, весной 1920 года. Я провел около двух месяцев под Москвой. Время делилось между лечением — около этого времени я начал серьезно лечиться, — тщательной работой над Манифестом, который заменял в течение ближайших лет программу Коминтерна, и охотой. Потребность в отдыхе после годов напряжения была сильна. Но не было привычки к отдыху. Прогулки не были для меня отдыхом, не являются им и сейчас. Привлекательность охоты состоит в том, что она действует на сознание, как оттяжной пластырь на больное место...

В воскресенье в начале мая 1922 года я ловил сетью рыбу на старом русле Москвы-реки. Шел дождь, трава намокла, я поскользнулся на откосе, упал и порвал себе сухожилия ноги. Ничего серьезного не было, мне нужно было провести несколько дней в постели. На третий день ко мне пришел Бухарин. «И вы в постели!» — воскликнул он в ужасе. «А кто еще, кроме меня?» — спросил я. «С Ильичем плохо: удар, — не ходит, не говорит. Врачи теряются в догадках».

Ленин очень следил за здоровьем своих сотрудников и нередко вспоминал при этом слова какого-то эмигранта: старики вымрут, а молодые сдадут. «Многие ли у нас знают, что такое Европа, что такое мировое рабочее движение? Пока мы с нашей революцией одни, — повторял Ленин, — международный опыт нашей партийной верхушки ничем не заменим». Сам Ленин считался крепышом, и здоровье его казалось одним из несокрушимых устоев революции. Он был неизменно активен, бдителен, ровен, весел. Только изредка я подмечал тревожные симптомы. В период I конгресса Коминтерна он поразил меня усталым видом, неровным голосом, улыбкой больного. Я не раз говорил ему, что он слишком расходует себя на второстепенные дела. Он соглашался, но иначе не мог. Иногда жаловался — всегда мимоходом, чуть застенчиво — на головные боли. Но две-три недели отдыха восстанавливали его. Казалось, что Ленину не будет износу.

В конце 1921 года состояние его ухудшилось. 7 декабря он извещал членов Политбюро запиской¹: «Уезжаю сегодня. Несмотря на уменьшение мной порции работы и увеличение порций отдыха за последние дни, бессонница чертовски усилилась. Боюсь, не смогу докладывать ни на партконференции, ни на съезде Советов»². Значительную часть времени Ленин стал проводить в деревне под Москвой. Но он внимательнейшим образом следил оттуда за ходом дел. Шла подготовка к Генуэзской конференции. Ленин пишет 23 января 1922 года членам Политбюро:

«Я сейчас получил 2 письма от Чичерина (от 20 и 22). Он ста-

¹ Записка датируется 6 декабря 1921 г. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 65. *Ред.*

вит вопрос о том, не следует ли за приличную компенсацию согласиться на маленькие изменения нашей Конституции, именно представительство паразитических элементов в Советах. Сделать это в угоду американцам. Это предложение Чичерина показывает, по моему, что его надо немедленно отправить в санаторий, всякое попустительство в этом отношении, допущение отсрочки и т. п. будет, по моему мнению, величайшей угрозой для всех переговоров»¹. В каждом слове этой записки, где политическая беспощадность сочетается с лукавым добродушием, живет и дышит Ленин.

Состояние здоровья его продолжало ухудшаться. В марте усилились головные боли. Врачи не нашли, однако, никаких органических поражений и предписали длительный отдых. Ленин безвыездно поселился в подмосковной деревне. Здесь в начале мая его и настиг первый удар.

Ленин заболел, оказывается, еще третьего дня. Почему мне сразу не сказали? Тогда мне и в голову не приходили какие-либо подозрения. Бухарин говорил вполне искренно, повторяя то, что ему внушили «старшие». В тот период Бухарин был привязан ко мне чисто бухаринской, т. е. полуистерической, полуребяческой, привязанностью. Свой рассказ о болезни Ленина Бухарин кончил тем, что повалился ко мне на кровать и, обхватив меня через одеяло, стал причитать: «Не болейте, умоляю вас, не болейте... есть два человека, о смерти которых я всегда думаю с ужасом... это Ильич и вы». Я его дружелюбно устыжал, чтоб привести в равновесие. Он мешал мне сосредоточиться на тревоге, вызванной вестью, которую он принес. Удар был оглушающий. Казалось, что сама революция затаила дыхание.

«Первые слухи о болезни Ленина,— говорит в своих записях Н. И. Седова²,— передавались шепотом. Никто как будто никогда не думал о том, что Ленин может заболеть. Многим было известно, что Ленин зорко следил за здоровьем других, но сам, казалось, он не был подвержен болезни. Почти у всего старшего поколения революционеров сдавало сердце, уставшее от слишком большой нагрузки. «Моторы дают перебои почти у всех»,— жаловались врачи. «Только и есть два исправных сердца,— говорил Льву Давыдовичу профессор Гетье,— это у Владимира Ильича да у вас. С такими сердцами до ста лет жить». Исследование иностранных врачей подтвердило, что два сердца из всех ими выслушанных в Москве работают на редкость хорошо: это сердца Ленина и Троцкого. Когда в здоровье Ленина произошел внезапный для широких кругов поворот, он воспринимался как сдвиг в самой революции. Неужели Ленин может заболеть, как всякий другой, и умереть? Нестерпимо было, что Ленин лишился способности двигаться и говорить. И верилось крепко в то, что он все одолеет, поднимется и поправится...». Таково было настроение всей партии.

Гораздо позже, оглядываясь на прошлое, я опять вспомнил со

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 136. *Ред.*

² Н. И. Седова — жена Л. Д. Троцкого. *Ред.*

свежим удивлением то обстоятельство, что мне о болезни Ленина сообщили только на третий день. Тогда я не останавливался на этом. Но это не могло быть случайно. Те, которые давно готовились стать моими противниками, в первую голову Сталин, стремились выиграть время. Болезнь Ленина была такого рода, что могла сразу принести трагическую развязку. Завтра же, даже сегодня могли ребром встать все вопросы руководства. Противники считали важным выгадать на подготовку хоть день. Они шушукались между собою и нащупывали пути и приемы борьбы. В это время, надо полагать, уже возникла идея «тройки» (Сталин—Зиновьев—Каменев), которую предполагалось противопоставить мне. Но Ленин оправился. Подогнаемый непреклонной волей организм совершил гигантское усилие. Мозг, задышавшийся от недостатка крови и потерявший способность связывать воедино звуки и буквы, вдруг ожил снова.

В конце мая я ездил на рыбную ловлю верст за 80 от Москвы. Там оказался детский санаторий имени Ленина. Дети сопровождали меня вдоль озера, расспрашивали про здоровье Владимира Ильича, послали ему через меня полевые цветы и письмо. Ленин сам еще не писал. Он продиктовал через своего секретаря несколько строк: «Владимир Ильич поручил мне написать вам, что он приветствует вашу мысль отвезти от него подарок детям санатория на ст. Подсолнечная. Владимир Ильич просит вас также передать детишкам, что он очень благодарит их за их сердечное письмо и цветы и жалеет, что не может воспользоваться их приглашением; он не сомневается, что непременно поправился бы среди них».

В июле Ленин уже был на ногах и, не возвращаясь до октября официально к работе, следил за всем и вникал во все. В эти месяцы выздоровления процесс эсеров, в числе многого другого, очень занимал его внимание. Эсеры убили Володарского, убили Урицкого, тяжело ранили Ленина, дважды собирались взорвать мой поезд. Мы не могли относиться к этому слегка. Хотя и не под идеалистическим углом зрения, как наши враги, но мы умели ценить «роль личности в истории». Мы не могли закрывать глаза на то, какая опасность грозит революции, если мы дадим врагам перестрелять всю нашу верхушку.

Наши гуманитарные друзья, из породы ни горячих, ни холодных, не раз разъясняли нам, что они еще могут понять неизбежность репрессий вообще; но расстреливать поймавшего врага значит переступать границы необходимой самообороны. Они требовали от нас «великодушия». Кларк Цеткин и другие европейские коммунисты, которые тогда еще отраживались — против Ленина и меня — говорить то, что думают, настаивали на том, чтоб мы пощадили жизнь обвиняемых. Нам предлагали ограничиться тюремным заключением. Это казалось самым простым. Но вопрос о личной репрессии в революционную эпоху принимает совсем особый характер, от которого бессильно отскакивают гуманитарные общие места. Борьба идет непосредственно за власть, борьба на жизнь и на смерть — в этом и состоит революция, — какое же значение может иметь в этих условиях тюремное заключение для людей, которые надеются

в ближайшие недели овладеть властью и посадить в тюрьму или уничтожить тех, которые стоят у руля? С точки зрения так называемой абсолютной ценности человеческой личности революция подлежит «осуждению», как и война, как, впрочем, и вся история человечества в целом. Однако же самое понятие личности выработалось лишь в результате революций, причем процесс этот еще очень далек от завершения. Чтоб понятие личности стало реальным и чтоб полупрезрительное понятие «массы» перестало быть антитезой философски привилегированного понятия «личности», нужно, чтоб сама масса краном революции, вернее сказать, ряда революций подняла себя на новую историческую ступень. Хорош или плох этот путь с точки зрения нормативной философии, я не знаю и, признаться, не интересуюсь этим. Зато я твердо знаю, что это единственный путь, который знало до сих пор человечество.

Эти соображения ни в каком случае не являются попыткой «оправдания» революционного террора. Пытаться оправдывать его значило бы считаться с обвинителями. Но кто они? Организаторы и эксплуататоры великой мировой бойни? Новые богачи, возносящие в честь «неизвестного солдата» благоухание своей послеобеденной сигары? Пацифисты, которые боролись против войны, пока ее не было, и готовы снова повторить свой отвратительный маскарад? Ллойд-Джордж, Вильсон и Пуанкаре, которые за преступления Гогенцоллерна (и их собственные) считали себя вправе морить голодом немецких детей? Английские консерваторы или французские республиканцы, разжигавшие гражданскую войну в России со стороны и в полной безопасности пытавшиеся из крови ее чеканить свои барыши? Эту переключку можно продолжать без конца. Дело для меня идет не о философском оправдании, а о политическом объяснении. Революция потому и революция, что все противоречия развития она сводит к альтернативе: жизнь или смерть. Можно ли думать, что люди, которые вопрос о принадлежности Эльзаса и Лотарингии решают заново каждые полвека при помощи горных хребтов из человеческих трупов, способны перестроить свои общественные отношения при помощи одного лишь парламентского чревоуращения? Во всяком случае, никто еще не показал нам, как это делается. Мы ломали сопротивление старых горных пород при помощи стали и динамита. И когда враги стреляли в нас, чаще всего из винтовок самых цивилизованных и демократических наций, мы отвечали тем же. Бернард Шоу кивал при этом укоризненно бородой по адресу одних и других. Но никто не замечал этого сакраментального аргумента.

Летом 1922 года вопрос о репрессиях принял тем более острую форму, что дело шло на этот раз о вождях партии, которая в свое время рядом с нами вела революционную борьбу против царизма, а после Октябрьского переворота повернула оружие террора против нас. Перебежчики из лагеря самих эсеров раскрыли нам, что важнейшие террористические акты были организованы не одиночками, как мы склонны были думать сначала, а партией, хотя она и не решалась брать на себя официальную ответственность за совершав-

шиеся ею убийства. Смертный приговор со стороны трибунала был неизбежен. Но приведение его в исполнение означало бы неотвратимо ответную волну террора. Ограничиться тюрьмой, хотя бы и долголетней, значило просто поощрить террористов, ибо они меньше всего верили в долголетие Советской власти. Не оставалось другого выхода, как поставить выполнение приговора в зависимость от того, будет или не будет партия продолжать террористическую борьбу. Другими словами: вождей партии превратить в заложников.

Первое свидание мое с Лениным после его выздоровления произошло как раз в дни суда над социалистами-революционерами. Он сразу и с облегчением присоединился к решению, которое я предложил: «Правильно, другого выхода нет».

Выздоровление явно окрыляло Ленина. Но в нем жила еще внутренняя тревога. «Понимаете,— говорил он с недоумением,— ведь ни говорить, ни писать не мог, пришлось учиться заново...» И он скидывал на меня быстрый и как бы допрашивающий взгляд.

В октябре Ленин вернулся уже официально к работе, председательствовал в Политбюро и в Совнаркоме, а в ноябре произносил программные речи, которые, по всей видимости, дорого обходились его кровеносной системе.

Ленин чувал, что в связи с его болезнью за его и за моей спиной плетутся пока еще почти неуловимые нити заговора. Эпигоны еще не сжигали мостов и не взрывали их. Но кое-где они уже подпиливали балки, кое-где подкладывали незаметно пироксилиновые шашки. При каждом подходящем случае они выступали против моих предложений, как бы упражняясь в самостоятельности и тщательно подготавливая такого рода демонстрации. Входя в работу и с возрастающим беспокойством отмечая происшедшие за десять месяцев перемены, Ленин до поры до времени не называл их вслух, чтоб тем самым не обострить отношений. Но он готовился дать «тройке» отпор и начал его давать на отдельных вопросах.

В числе десятка других работ, которыми я руководил в партийном порядке, т. е. негласно и неофициально, была антирелигиозная пропаганда, которою Ленин интересовался чрезвычайно. Он настойчиво и не раз просил меня не спускать с этой области глаз. В недели выздоровления он каким-то образом узнал, что Сталин и здесь маневрирует против меня, обновляя аппарат антирелигиозной пропаганды и отодвигая его от меня. Ленин прислал из деревни в Политбюро письмо, в котором без особенной на первый взгляд надобности цитировал мою книгу против Каутского, с большей похвалой по адресу автора, которого он при этом не называл, как не называл и книги. Я, признаться, не сразу догадался, что это был обходный способ сказать, что Ленин осуждает направленные против меня сталинские маневры. На руководство антирелигиозной пропагандой был тем временем продвинут Ярославский, кажется, под видом моего заместителя. Вернувшись к работе и узнав об этом, Ленин на одном из заседаний Политбюро неистово накинулся на Молотова, т. е. в действительности на Сталина: «Я-ро-слав-ский? Да разве вы не знаете Я-ро-слав-ского? Ведь это же курам на смех. Где же ему

справиться с этой работой?» и пр. Горячность Ленина непосвященным могла казаться чрезмерной. Но дело шло не о Ярославском, которого Ленин, правда, с трудом выносил, дело шло о руководстве партией. Таких эпизодов было немало.

По существу дела, Сталин, с тех пор как ближе соприкоснулся с Лениным, т. е. особенно после Октябрьского переворота, не выходил из состояния глухой, беспомощной, но тем более раздраженной оппозиции к нему. При огромной и завистливой амбициозности он не мог не чувствовать на каждом шагу своей интеллектуальной и моральной второсортности. Он пытался, видимо, сблизиться со мной. Только позже я отдал себе отчет в его попытках создать нечто вроде фамиллярности отношений. Но он отталкивал меня теми чертами, которые составили впоследствии его силу на волне упадка: узостью интересов, эмпиризмом, психологической грубостью и особым цинизмом провинциала, которого марксизм освободил от многих предрассудков, не заменив их, однако, насквозь продуманным и перешедшим в психологию миросозерцанием. По некоторым разрозненным его замечаниям, которые мне в свое время казались случайными, но вряд ли были такими на деле, Сталин пытался найти во мне поддержку против невыносимого для него контроля со стороны Ленина. При каждой такой его попытке я делал инстинктивный шаг назад и — проходил мимо. Думаю, что в этом надо искать источники холодной, на первых порах трусливой и насквозь вероломной вражды ко мне Сталина. Он систематически подбирал вокруг себя либо людей, схожих с ним по типу, либо простаков, стремившихся жить не мудрствуя лукаво, либо, наконец, обиженных. И тех, и других, и третьих было немало.

Нет никакого сомнения в том, что для текущих дел Ленину было во многих случаях удобнее опираться на Сталина, Зиновьева или Каменева, чем на меня. Озабоченный неизменно сбережением своего и чужого времени, Ленин старался к минимуму сводить расход сил на преодоление внутренних трений. У меня были свои взгляды, свои методы работы, свои приемы для осуществления уже принятых решений. Ленин достаточно знал это и умел уважать. Именно поэтому он слишком хорошо понимал, что я не гожусь для поручений. Там, где ему нужны были повседневные исполнители его заданий, он обращался к другим. Это могло в некоторые периоды, особенно когда у меня с Лениным бывали расхождения, вызывать у его помощников представление об их особенной близости к Ленину. Так, своими заместителями по председательствованию в Совете Народных Комиссаров Ленин привлек сперва Рыкова и Цюрупу, а затем, в дополнение к ним, Каменева. Я считал этот выбор правильным. Ленину нужны были послушные практические помощники. Для такой роли я не годился. И я мог быть только благодарен Ленину за то, что он не обратился ко мне с предложением заместительства. В этом я видел отнюдь не недоверие ко мне, а, наоборот, определенную и отнюдь не обидную для меня оценку моего характера и наших взаимных отношений. Я получил позже слишком яркую возможность убедиться в этом. В промежутке между первым и вторым

ударами Ленин мог работать только в половину своей прежней силы. Мелкие, но грозные толчки со стороны кровеносной системы происходили все время. На одном из заседаний Политбюро, встав, чтобы передать кому-то записочку — Ленин всегда обменивался такими записочками для ускорения работы, — он чуть-чуть качнулся. Я заметил это только потому, что Ленин сейчас же изменился в лице. Это было одно из многих предупреждений со стороны жизненных центров. Ленин не делал себе на этот счет иллюзий. Он со всех сторон обдумывал, как пойдет работа без него и после него. В это время у него складывался в голове тот документ, который получил впоследствии известность под именем «Завещание». В этот же период — последние недели перед вторым ударом ¹ — Ленин имел со мной большой разговор о моей дальнейшей работе. Разговор этот, ввиду его политического значения, я тогда же повторил ряду лиц (Раковскому ², И. Н. Смирнову ³, Сосновскому, Преображенскому и другим). Уже благодаря одному этому беседа отчетливо сохранилась в моей памяти.

Дело было так. Центральный комитет Союза работников просвещения нарядил делегацию ко мне и к Ленину с ходатайством о том, чтоб я взял на себя дополнительно Комиссариат народного просвещения, подобно тому как я в течение года руководил Комиссариатом путей сообщения. Ленин спросил моего мнения. Я ответил, что трудность в деле просвещения, как и во всяком другом деле, будет со стороны аппарата. «Да, бюрократизм у нас чудовищный, — подхватил Ленин, — я ужаснулся после возвращения к работе... Но именно поэтому вам не следует, по-моему, погружаться в отдельные ведомства сверх военного». Горячо, настойчиво, явно волнуясь, Ленин излагал свой план. Силы, которые он может отдавать руководящей работе, ограниченны. У него три заместителя. «Вы их знаете. Каменев, конечно, умный политик, но какой же он администратор? Цюрупа болен. Рыков, пожалуй, администратор, но его придется вернуть на ВСНХ. Вам необходимо стать заместителем. Положение такое, что нам нужна радикальная личная перегруппировка». Я опять сослался на аппарат, который все более затрудняет мне работу даже и по военному ведомству. «Вот вы и сможете перетряхнуть аппарат», — живо подхватил Ленин, намекая на употребленное мною некогда выражение. Я ответил, что имею в виду не только государственный бюрократизм, но и партийный; что суть всех трудностей состоит в сочетании двух аппаратов и во взаимном укрывательстве влиятельных групп, собирающихся вокруг иерархии партийных секретарей. Ленин слушал напряженно и подтверждал мои мысли тем глубоким грудным тоном, который у него появлялся, когда он, уверившись в том, что собеседник понимает его до конца, и, отбросив неизбежные условности беседы, открыто касался самого важного и тревожного. Чуть подумав, Ленин поставил вопрос ребром: «Вы, зна-

¹ Перед 13 декабря 1922 г. *Ред.*

² Раковский Х. Г., в 1918—1923 гг. председатель СНК Украинской ССР. *Ред.*

³ Смирнов И. Н., на VIII съезде РКП(б) избран кандидатом в члены ЦК. *Ред.*

чит, предлагаете открыть борьбу не только против государственного бюрократизма, но и против Оргбюро ЦК?» Я рассмеялся от неожиданности. Оргбюро ЦК означало самое средоточие сталинского аппарата. «Пожалуй, выходит так». — «Ну, что ж, — продолжал Ленин, явно довольный тем, что мы назвали по имени существо вопроса, — я предлагаю вам блок: против бюрократизма вообще, против Оргбюро в частности». — «С хорошим человеком лестно заключить хороший блок», — ответил я. Мы условились встретиться снова через некоторое время. Ленин предлагал обдумать организационную сторону дела. Он намечал создание при ЦК комиссии по борьбе с бюрократизмом. Мы оба должны были войти в нее. По существу, эта комиссия должна была стать рычагом для разрушения сталинской фракции, как позвоночника бюрократии, и для создания таких условий в партии, которые дали бы мне возможность стать заместителем Ленина, по его мысли: преемником на посту председателя Совнаркома.

Только в этой связи становится полностью ясен смысл так называемого завещания. Ленин называет в нем всего шесть лиц и дает их характеристики, взвешивая каждое слово. Бесспорная цель завещания: облегчить мне руководящую работу. Ленин хочет достигнуть этого, разумеется, с наименьшими личными трениями. Он говорит обо всех с величайшей осторожностью. Он придает оттенок мягкости уничтожающим, по существу, суждениям. В то же время слишком решительное указание на первое место он смягчает ограничениями. Только в характеристике Сталина слышен другой тон, который в позднейшей приписке к завещанию становится прямо уничтожающим.

О Зиновьеве и Каменеве Ленин говорит, как бы мимоходом, что их капитуляция в 1917 году была «не случайна»; другими словами, что это у них в крови. Ясно, что такие люди руководить революцией не могут. Но не нужно все же их попрекать прошлым. Бухарин не марксист, а схоласт, но зато очень симпатичен. Пятаков способный администратор, но негодный политик. Может быть, впрочем, эти двое — Бухарин и Пятаков — еще научатся. Самый способный — Троцкий, его недостаток — избыток самоуверенности. Сталин груб, нелоялен и склонен злоупотреблять властью, которую ему доставляет партийный аппарат. Сталина надо снять, чтоб избежать раскола. Вот суть завещания. Она дополняет и поясняет то предложение, которое сделал мне Ленин в последней беседе.

По-настоящему Ленин узнал Сталина только после Октября. Он ценил его качество твердости и практического ума, состоящего на три четверти из хитрости. В то же время Ленин на каждом шагу наталкивался на невежество Сталина, крайнюю узость политического кругозора, на исключительную моральную грубость и неразборчивость. На пост Генерального секретаря Сталин был выбран против воли Ленина, который мирился с этим, пока сам возглавлял партию. Но вернувшись после первого удара к работе с ушибленным здоровьем, Ленин поставил перед собою проблему руководства во всем ее объеме. Отсюда беседа со мною. Отсюда же завещание. Послед-

ние строки его были написаны 4 января ¹. После того прошло еще два месяца, в течение которых положение окончательно определилось. Теперь уже Ленин подготавливает не только снятие Сталина с поста Генерального секретаря, но и его дисквалификацию перед партией. По вопросу о монополии внешней торговли, по национальному вопросу, по вопросу о режиме в партии, о Рабоче-Крестьянской Инспекции и о Контрольной Комиссии Ленин систематически и настойчиво ведет дело к тому, чтобы нанести на XII съезде, в лице Сталина, жесточайший удар бюрократизму, круговой поруке чиновников, самоуправству, произволу и грубости.

Смог ли бы Ленин провести намеченную им перегруппировку партийного руководства? В тот момент — безусловно. Прецедентов на этот счет было немало, один — совсем свежий и очень выразительный. В то время как выздоравливавший Ленин жил еще в деревне, а я отсутствовал из Москвы, Центральный Комитет единогласно принял в ноябре 1922 года решение, наносившее непоправимый удар монополии внешней торговли. И Ленин, и я, независимо друг от друга, подняли тревогу, затем списались друг с другом и согласовали свои шаги. Уже через несколько недель Центральный Комитет столь же единогласно отменил свое решение, как единогласно вынес его. 21 декабря Ленин торжествуя писал мне: «Т. Троцкий ², как будто удалось взять позицию без единого выстрела, простым маневренным движением. Я предлагаю не останавливаться и продолжать наступление...» ³. Совместное наше выступление против Центрального Комитета в начале 1923 года обеспечило бы победу наверняка. Более того. Я не сомневаюсь, что, если б я выступил накануне XII съезда в духе «блока Ленина—Троцкого» против сталинского бюрократизма, я бы одержал победу и без прямого участия Ленина в борьбе. Насколько прочна была бы эта победа, вопрос другой. Для разрешения его необходимо привлечь к учету ряд объективных процессов в стране, в рабочем классе и в самой партии. Это особая и большая тема. Крупская однажды сказала в 1927 году, что если б жив был Ленин, то, вероятно, уже сидел бы в сталинской тюрьме. Я думаю, что она была права. Ибо дело не в Сталине, а в тех силах, которые Сталин выражает, не понимая того. Но в 1922—1923 годах вполне возможно было еще завладеть командной позицией открытым натиском на быстро складывавшуюся фракцию национал-социалистических чиновников, аппаратных узурпаторов, незаконных наследников Октября, эпигонов большевизма. Главным препятствием на этом пути было, однако, состояние самого Ленина. Ждали, что он снова поднимется, как после первого удара, и примет участие в XII съезде, как принял в XI. Он сам на это надеялся. Врачи обнадеживали, хотя все с меньшей твердостью. Идея «блока Ленина и

¹ Автор воспоминаний имеет в виду окончание диктовки добавления ко второй части ленинского «Письма к съезду» (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 346). *Ред.*

² Письмо начинается так: «Как будто удалось...» (далее по тексту) (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 327). *Ред.*

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 327—328. *Ред.*

Троцкого» против аппаратчиков и бюрократов была в тот момент полностью известна только Ленину и мне, остальные члены Политбюро смутно догадывались. Письма Ленина по национальному вопросу, как и его завещание, никому не были известны. Мое выступление могло быть понято, вернее сказать, изображено как моя личная борьба за место Ленина в партии и государстве. Я не мог без внутреннего содрогания думать об этом. Я считал, что это может внести такую деморализацию в наши ряды, за которую, даже в случае победы, пришлось бы жестоко расплачиваться. Во всех планах и расчетах был решающий элемент неопределенности: это сам Ленин, со своим физическим состоянием. Сможет ли он высказаться? Успеет ли? Поймет ли партия, что дело идет о борьбе Ленина и Троцкого за будущность революции, а не о борьбе Троцкого за место больного Ленина? Благодаря исключительному месту, занимавшемуся в партии Лениным, неопределенность его личного состояния превратилась в неопределенность состояния всей партии. Провизориум затягивался. А затяжка была целиком на руку эпигонам, поскольку Сталин, как Генеральный секретарь, естественно, превращался в аппаратного мажордома на весь период «междоусобицы».

* * *

Стояли первые дни марта 1923 года. Ленин лежал в своей комнате, в большом здании судебных установлений. Надвигался второй удар, предшествуемый рядом мелких толчков. Меня на несколько недель приковал к постели lumbago (прострел). Я лежал в здании бывшего кавалерского корпуса, где помещалась наша квартира, отделенный от Ленина огромным кремлевским двором. Ни Ленин, ни я не могли подойти даже к телефону, к тому же телефонные переговоры были Ленину строго воспрещены врачами. Два секретаря Ленина, Фотиева и Гляссер, служат связью. Вот что они мне передают. Владимир Ильич до крайности взволнован сталинской подготовкой предстоящего партийного съезда, особенно же в связи с его фракционными махинациями в Грузии. «Владимир Ильич готовит против Сталина на съезде бомбу». Это дословная фраза Фотиевой. Слово «бомба» принадлежит Ленину, а не ей. «Владимир Ильич просит вас взять грузинское дело в свои руки, тогда он будет спокоен». 5 марта Ленин диктует мне записку:

«Уважаемый товарищ Троцкий! Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным. Если Вы почему-нибудь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия. С наилучшим товарищеским приветом. Ленин»¹.

Почему вопрос так обострился? — спрашиваю я. Оказывается,

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 329. *Ред.*

Сталин снова обманул доверие Ленина: чтоб обеспечить себе опору в Грузии, он за спиною Ленина и всего ЦК совершил там при помощи Орджоникидзе и не без поддержки Дзержинского организованный переворот против лучшей части партии, ложно прикрывшись авторитетом Центрального Комитета. Пользуясь тем, что больному Ленину недоступны были свидания с товарищами, Сталин пытался окружить его фальшивой информацией. Ленин поручил своему секретариату собрать полный материал по грузинскому вопросу и решил выступить открыто. Что его при этом потрясло больше: личная нелояльность Сталина или его грубобюрократическая политика в национальном вопросе, трудно сказать. Вернее, сочетание того и другого. Ленин готовился к борьбе, но опасался, что не сможет на съезде выступить сам, и это волновало его. Не переговорить ли с Зиновьевым и Каменевым? — подсказывают ему секретари. Но Ленин досадливо отмахивается рукой. Он отчетливо предвидит, что в случае его отхода от работы Зиновьев и Каменев составят со Сталиным «тройку» против меня и, следовательно, изменят ему. «А вы не знаете, как относится к грузинскому вопросу Троцкий?» — спрашивает Ленин. «Троцкий на пленуме выступал совершенно в вашем духе», — отвечает Гляссер, которая секретарствовала на пленуме. «Вы не ошибаетесь?» — «Нет, Троцкий обвинял Орджоникидзе, Ворошилова и Калинина в непонимании национального вопроса». — «Проверьте еще раз!» — требует Ленин. На второй день Гляссер подает мне на заседании ЦК, у меня на квартире, записку с кратким изложением моей вчерашней речи и заключает ее вопросом: «Правильно ли я вас поняла?» — «Зачем вам это?» — спрашиваю я. «Для Владимира Ильича», — отвечает Гляссер. «Правильно», — отвечаю я. Сталин тем временем тревожно следит за нашей перепиской. Но в этот момент я еще не догадываюсь, в чем дело... «Прочитав нашу с вами переписку, — рассказывает мне Гляссер, — Владимир Ильич просиял: ну, теперь другое дело! и поручил передать вам все те рукописные материалы, которые должны были войти в состав его б о м б ы к XII съезду». Намерения Ленина стали мне теперь совершенно ясны: на примере политики Сталина он хотел вскрыть перед партией, и притом беспощадно, опасность бюрократического перерождения диктатуры.

«Каменев едет завтра в Грузию на партийную конференцию, — говорю я Фотиевой. — Я могу познакомить его с ленинскими рукописями, чтоб побудить его действовать в Грузии в надлежащем духе. Спросите об этом Ильича». Через четверть часа Фотиева возвращается, запыхавшись: «Ни в коем случае!» — «Почему?» — «Владимир Ильич говорит: «Каменев сейчас же все покажет Сталину, а Сталин заключит гнилой компромисс и обманет». — «Значит, дело зашло так далеко, что Ильич уже не считает возможным заключить компромисс со Сталиным даже на правильной линии?» — «Да, Ильич не верит Сталину, он хочет открыто выступить против него перед всей партией. Он готовит бомбу».

Примерно через час после этой беседы Фотиева снова пришла ко мне с запиской Ленина, адресованной старому революционеру

Мдивани и другим противникам сталинской политики в Грузии. Ленин пишет им: «Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь»¹. В копии эти строки адресованы не только мне, но и Каменеву. Это удивило меня. «Значит, Владимир Ильич передумал?» — спросил я. Да, его состояние ухудшается с часу на час. Не надо верить успокоительным отзывам врачей, Ильич уже с трудом говорит... Грузинский вопрос волнует его до крайности, он боится, что свалится совсем, не успев ничего предпринять. Передавая записку, он сказал: «Чтоб не опоздать, приходится прежде времени выступить открыто». — «Но это значит, что я могу теперь поговорить с Каменевым?» — «Очевидно». — «Вызовите его ко мне».

Каменев явился через час. Он был совершенно дезориентирован. Идея «тройки» — Сталин, Зиновьев, Каменев — была уже давно готова. Острием своим «тройка» была направлена против меня. Вся задача заговорщиков состояла в том, чтоб, подготовив достаточную организационную опору, короновать «тройку» в качестве законной, преемницы Ленина. Маленькая записочка врезывалась в этот план острым клином. Каменев не знал, как быть, и довольно откровенно мне в этом признался. Я дал ему прочитать рукописи Ленина. Каменев был достаточно опытным политиком, чтобы сразу понять, что для Ленина дело шло не о Грузии только, но обо всей вообще роли Сталина в партии. Каменев сообщил мне дополнительные сведения. Только что он был у Надежды Константиновны Крупской, по ее вызову. В крайней тревоге она ему сообщила: «Владимир только что продиктовал стенографистке письмо Сталину о разрыве с ним всяких отношений»². Непосредственный повод имел полуличный характер. Сталин стремился всячески изолировать Ленина от источников информации и проявлял в этом смысле исключительную грубость по отношению к Надежде Константиновне. «Но ведь вы знаете Ильича, прибавила Крупская: он бы никогда не пошел на разрыв личных отношений, если б не считал необходимым разгромить Сталина политически». Каменев был взволнован и бледен. Почва уплыла у него из-под ног. Он не знал, с какой ноги ступить и в какую сторону повернуться. Возможно, что он просто боялся недоброжелательных действий с моей стороны против него лично. Я изложил ему свой взгляд на обстановку. «Иногда из страха перед мнимой опасностью,— говорил я,— люди способны накликать на себя опасность действительную. Имейте в виду и передайте другим, что я меньше всего намерен поднимать на съезде борьбу ради каких-либо организационных перестроек. Я стою за сохранение status quo³. Если Ленин до съезда встанет на ноги, что, к несчастью, маловероятно, то мы с ним вместе обсудим вопрос заново. Я против лик-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 330.

² Речь идет о письме, продиктованном 5 марта 1922 г. (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 329—330). *Ред.*

³ существующее положение (*лат.*). *Ред.*

видации Сталина, против исключения Орджоникидзе, против снятия Дзержинского с путей сообщения. Но я согласен с Лениным по существу. Я хочу радикального изменения национальной политики, прекращения репрессий против грузинских противников Сталина, прекращения административного зажима партии, более твердого курса на индустриализацию и честного сотрудничества наверху. Сталинская резолюция по национальному вопросу никуда не годится. Грубый и наглый великодержавный зажим ставится в ней на один уровень с протестом и отпором малых, слабых и отсталых народностей. Я придал своей резолюции форму поправок к резолюции Сталина, чтоб облегчить ему необходимую перемену курса. Но нужен крутой поворот. Кроме того, необходимо, чтоб Сталин сейчас же написал Крупской письмо с извинениями за грубости и чтоб он на деле переменял свое поведение. Пусть не зарывается. Не нужно интриг. Нужно честное сотрудничество. Вы же,— обратился я к Каменеву,— должны на конференции в Тифлисе добиться полной перемены курса по отношению к грузинским сторонникам ленинской национальной политики».

Каменев вздохнул с облегчением. Он принял все мои предложения. Он опасался только, что Сталин заупрямится: «груб и капризен». «Не думаю,— отвечал я,— вряд ли у Сталина есть сейчас другой выход». Глубокой ночью Каменев сообщил мне, что был у Сталина в деревне и что тот принял все условия. Крупская уже получила от него письмо с извинениями. Но она не могла показать письмо Ленину, так как ему хуже. Мне показалось, однако, что тон Каменева звучит иначе, чем при расставании со мною несколько часов тому назад. Только позже мне стало ясно, что эту перемену внесло ухудшение в состоянии Ленина. По дороге или сейчас же по прибытии в Тифлис Каменев получил шифрованную телеграмму Сталина о том, что Ленин снова в параличе: не говорит и не пишет. На грузинской конференции Каменев проводил политику Сталина против Ленина. Скрепленная личным вероломством, «тройка» стала фактом.

Наступление Ленина было направлено не только против Сталина лично, но и против его штаба, прежде всего против его помощников Дзержинского и Орджоникидзе. Оба они неизменно упоминаются в переписке Ленина по вопросу о Грузии.

Дзержинский был человеком великой взрывчатой страсти. Его энергия поддерживалась в напряжении постоянными электрическими разрядами. По каждому вопросу, даже и второстепенному, он загорался, тонкие ноздри дрожали, глаза искрились, голос напрягался и нередко доходил до срыва. Несмотря на такую высокую нервную нагрузку, Дзержинский не знал периодов упадка или апатии. Он как бы всегда находился в состоянии высшей мобилизации. Ленин как-то сравнил его с горячим кровным конем. Дзержинский влюблялся нерассуждающей любовью во всякое дело, которое выполнял, ограждая своих сотрудников от вмешательства и критики со страстью, с непримиримостью, с фанатизмом, в которых, однако, не было ничего личного: Дзержинский бесследно растворялся в деле.

Самостоятельной мысли у Дзержинского не было. Он сам не считал себя политиком, по крайней мере при жизни Ленина. По разным поводам он неоднократно говорил мне: я, может быть, неплохой революционер, но я не вождь, не государственный человек, не политик. В этом была не только скромность. Самооценка была верна по существу. Политически Дзержинский всегда нуждался в чьей-нибудь непосредственном руководстве. В течение долгих лет он шел за Розой Люксембург и проделал ее борьбу не только с польским патриотизмом, но и с большевизмом. В 1917 году он примкнул к большевикам. Ленин мне говорил с восторгом: «Никаких следов старой борьбы не осталось». В течение двух-трех лет Дзержинский особенно тяготел ко мне. В последние годы поддерживал Сталина. В хозяйственной работе он брал темпераментом: призывал, подталкивал, увлекал. Продуманной концепции хозяйственного развития у него не было. Он разделял все ошибки Сталина и защищал их со всей страстью, на какую был способен. Он умер почти стоя, едва успев покинуть трибуну, с которой страстно громил оппозицию.

Другого из союзников Сталина, Орджоникидзе, Ленин считал необходимым за бюрократическое самоуправство на Кавказе исключить из партии. Я возражал, Ленин отвечал через секретаря: «По крайней мере на два года». Как далек был Ленин в тот момент от мысли, что Орджоникидзе станет во главе Контрольной Комиссии, которую Ленин намечал для борьбы против сталинского бюрократизма и которая должна была воплощать совесть партии.

Помимо общеполитических задач, открытая Лениным кампания имела непосредственно своей целью создать наиболее благоприятные условия для моей руководящей работы либо рядом с Лениным, если б ему удалось оправиться, либо на его месте, если б болезнь одолела его. Но не доведенная до конца, ни даже до середины, борьба дала прямо противоположные результаты. Ленин успел, в сущности, только объявить войну Сталину и его союзникам, причем и об этом узнали лишь непосредственно заинтересованные, но не партия. Фракция Сталина — тогда это была еще фракция «тройки» — сплотилась после первого предостережения теснее. Провизориум сохранился. Сталин стоял у руля аппарата. Искусственный отбор в аппарате пошел бешеным темпом. Чем слабее чувствовала себя «тройка» идейно, чем больше она меня боялась, — а боялась она меня именно потому, что хотела меня свалить, — тем туже пришлось ей подвинчивать все гайки партийного и государственного режима. Значительно позже, в 1925 году, Бухарин ответил мне в частной беседе на мою критику партийного зажима: «У нас нет демократии, потому что мы боимся вас». — «А вы попробуйте перестать бояться, — посоветовал я, — и давайте, как следует работать». Но совет не пошел впрок.

1923 год стал первым годом напряженного, но еще бездумного удушения и разгрома большевистской партии. Ленин боролся со страшным недугом. «Тройка» боролась с партией. В атмосфере было тяжкое напряжение, которое к осени разрешилось «дискуссией»

против оппозиции. Началась вторая революция: борьба против троцкизма. По существу, это была борьба с идейным наследством Ленина.

Троцкий Л. Моя жизнь.
Опыт автобиографии.
Берлин. 1930. Т. 2. С. 205—227

Е. М. ЯРОСЛАВСКИЙ
ИЗ ЛИЧНЫХ ЗАПИСЕЙ
О ПОСЛЕДНЕЙ ВСТРЕЧЕ С В. И. ЛЕНИНЫМ ¹
24 И 27 ДЕКАБРЯ 1924 ГОДА

К ВОПРОСУ О РОЛИ Л. Д. ТРОЦКОГО ²

24 декабря 1924 года

20.XII. у меня был Л. Авербах ³. Еще раньше он просил меня уделить ему время для разговора о письме, которое они, группа б[ывших] членов комсомольского ЦК, занимавших оппозиционную линию в прошлогодней дискуссии, решили опубликовать в «Правде» ⁴. О содержании этого письма я уже знал подробно из разговора с Рывкиным ⁵, который тоже хотел присоединить свою подпись к их заявлению, хотя в прошлогодней дискуссии официально нигде не фиксировал своего отношения к дискуссии. Ему было в этом отказано на том основании, что он в прошлом году «буферил», не подпи-

¹ Встреча состоялась 14 декабря 1922 г. (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 471). *Ред.*

² Заголовок Е. Я.

³ Авербах Л. Л., редактор журнала «Молодая гвардия». *Ред.*

⁴ Имеется в виду дискуссия в партии в конце 1923 г. В связи с широким распространением по партийным организациям фракционных документов Л. Д. Троцкого и его сторонников ЦК РКП(б) в ноябре 1923 г. принял решение развернуть широкую дискуссию на страницах партийной печати. В середине декабря 1923 г. ЦК ВКП(б) объявил общепартийную дискуссию. Он предложил партийным ячейкам и коммунистам широко обсудить вопросы улучшения методов работы и активизации внутрипартийной жизни на основе резолюции Политбюро ЦК и Президиума ЦКК РКП(б) от 5 декабря 1923 г. «О партстроительстве».

Л. Д. Троцкий стремился привлечь на свою сторону молодых коммунистов, прежде всего вузовскую и рабфаковскую молодежь — членов РКСМ. В ходе дискуссии платформу троцкистов поддержала часть партячек и комсомольских организаций вузов. Вопрос о внутрипартийной дискуссии обсуждался на январском (1924 г.) Пленуме ЦК РКСМ. В принятой резолюции «О внутрипартийной дискуссии» пленум высказался против всяких попыток противопоставить молодежь старшему поколению партии. 9 января 1924 г. в «Правде» было опубликовано открытое письмо членов РКП(б) — учащихся вузов и рабфаков, в котором осуждались фракционность и групповщина, разжигание раздоров среди различных поколений в партии. Окончательные итоги дискуссии были подведены на XIII конференции РКП(б) 16—18 января 1924 г., принявшей резолюцию «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии».

В записях Е. М. Ярославского речь идет о «Письме к товарищам», опубликованном в «Правде» 21 декабря 1924 г. *Ред.*

⁵ Рывкин О. Л., один из организаторов юношеского коммунистического движения. В 1918—1920 гг. секретарь Петроградского комитета Социалистического союза рабочей молодежи, избирался членом ЦК РКСМ, председателем Президиума (Бюро) ЦК, первым секретарем ЦК РКСМ. *Ред.*

сал ни левого, ни правого заявления, играл в «нейтральность». Лично я, зная тов. Рывкина очень близко, считал, что его заявление имело бы положительное значение, т[ак] к[ак] о его буферной позиции в прошлой дискуссии молодежь знала. Я одобрил текст письма, уже подписанный комсомольцами для помещения в завтрашнем номере «Правды». И мне было особенно приятно почувствовать, что линия этих ребят выпрямилась, что они поработали над собою этот год и что дискуссия не прошла для них даром, выпрямила их в сторону ленинизма.

Между прочим, Авербах «по секрету» сообщил мне (он, по-моему, очень искренний парень, а мои прежние отношения с ним во время совместной работы в «Молодой гвардии» дали ему возможность говорить со мною вполне откровенно), что в прошлом году он имел однажды очень продолжительный разговор (3-часовой) с Л. Д. Троцким.

Л. Д. уверял его, что он после смерти Ленина является единственным последовательным проводником ленинской линии против антиленинского ЦК. Л. Д. рассказал ему, что в конце 1922 года, когда Ленин еще мог сноситься с товарищами, он убеждал тов. Троцкого вступить с ним, Лениным, в блок, с тем чтобы изменить руководство в ЦК. В данном случае Ленин имел в виду создание «тройки»: Ленин, Сталин, Троцкий — и удаление от руководящей роли в ЦК тов. Зиновьева и Каменева. Троцкий будто бы колебался вначале, но Ильич был настойчив и требовал от него этого; наконец сообщил будто бы Троцкому, что он окончательно решил этот вопрос и поставит его в Политбюро на ближайшем заседании (даже как будто речь шла о том, чтобы завтра поставить этот вопрос в Политбюро ЦК). Но тут Ленин серьезно заболел, и вопрос не был поставлен. Авербах просил меня держать это сообщение в секрете и объяснил, что делает мне это сообщение, уезжая на Урал и опасаясь, что этим кто-нибудь будет спекулировать, что возможно (и даже наверно), что Троцкий не ему одному это сообщил. Он спросил меня, как я отношусь к этому, считаю ли я правдоподобным такую комбинацию, такой ход со стороны Владимира Ильича.

Я сказал Авербаху, что, по-моему, Троцкий обобщает частный случай. Ведь как раз в это время, то есть накануне острого приступа болезни осенью 1922 года ¹, Ленин вызывал меня к себе и беседовал со мною по поводу постановления в пленуме ЦК вопроса о сохранении монополии внешней торговли. Он тогда очень волновался, что вопрос этот не будет пересмотрен в желательном для Ленина смысле, то есть в смысле отмены предыдущего постановления пленума, и особенно волновался по поводу позиции Зиновьева, Каменева, Бухарина и Сокольникова. Ленин поэтому стремился обеспечить за своим предложением поддержку ². Ленин знал, что Сталин выска-

¹ Приступ болезни произошел не осенью, а в декабре 1922 г. *Ред.*

² Речь идет о разногласиях по поводу монополии внешней торговли. В. И. Ленин придавал ей огромное значение для решения задач социалистического строительства. Против сохранения монополии были Г. Я. Сокольников, Г. Л. Пятаков, Н. И. Бухарин. За ослабление монополии высказались Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, И. В. Ста-

зался уже в письме в Политбюро, что он за сохранение монополии. Он просил меня сговориться с тов. Троцким и вместе защищать вопрос на пленуме ЦК, а если понадобится, то и перенести на фракцию съезда Советов. Вот этот-то факт, мне кажется, и обобщает тов. Троцкий. Ленин неоднократно в таких случаях обращался к отдельным членам ЦК, обеспечивая определенную поддержку своим предложениям. Говорить на основании такого соглашения по данному вопросу с тов. Троцким о блоке против Зиновьева и Каменева Ленина с Троцким вообще было бы совершенно неправильно. Во время почти часового свидания моего с Лениным В. И. ни разу мне не намекнул относительно принципиальных своих расхождений с Политбюро ЦК по другим вопросам, хотя Ленин, помнится, говорил не только о монополии внешней торговли. Сейчас я вновь перебираю в памяти впечатления этого последнего свидания с Лениным и все, что произошло дальше. Предложение Ленина было принято пленумом ЦК, хотя прения и были; принято было оно, если память мне не изменяет, единогласно. Во всяком случае, в выступлениях Зиновьева и Каменева не было ничего, что указывало бы на их серьезное расхождение с Лениным. Поэтому, записывая коротко ход прений для записки Ленину (о чем он со мною условился накануне, что я перешлю ему секретно такую записку)¹, я старался всячески успокоить Ильича, указывал в записке, что принципиальных расхождений у него нет с пленумом ЦК. Самую записку, помнится, я писал под впечатлением того взволнованного состояния, в каком я оставил Ильича.

Записку эту, к сожалению, передать уже не удалось, так как Ильичу стало значительно хуже и врачи запретили ему передавать какие бы то ни было письменные материалы и сообщения. Записка, благодаря оплошности Володичевой, стала известна членам пленума,

---

лин. Пленум ЦК РКП(б) на заседании 6 октября 1922 г., на котором В. И. Ленин не присутствовал, принял по докладу Г. Я. Сокольников постановление, предусматривающее временное разрешение «ввоза и вывоза по отдельным категориям товаров или в применении к отдельным границам». В. И. Ленин был не согласен с решением пленума, считая, что оно приведет к срыву монополии внешней торговли. По его настоянию 16 октября был произведен опрос всех находящихся в Москве членов Центрального Комитета. Ознакомившись с письмом В. И. Ленина и «Тезисами Наркомвнешторга о режиме внешней торговли», представленными Л. Б. Красиным, члены ЦК, за исключением Г. Е. Зиновьева, поддержали предложение В. И. Ленина о перенесении решения вопроса на следующий пленум. И. В. Сталин проголосовал за отсрочку, но отметил, что письмо В. И. Ленина не разубедило его в правильности решения Пленума ЦК от 6 октября. 14 декабря В. И. Ленин беседовал о монополии внешней торговли с Е. М. Ярославским, возглавлявшим комиссию Совнаркома по ревизии торгпредств РСФСР за границей. Состоявшийся 18 декабря 1922 г. Пленум ЦК единогласно принял решение, которым отменил постановление предыдущего пленума и подтвердил необходимость сохранения и укрепления монополии внешней торговли.

Ред.

¹ Об этом имеется запись секретаря В. И. Ленина Л. А. Фотиевой в «Дневнике дежурных секретарей В. И. Ленина» от 16 декабря 1922 г. По поручению В. И. Ленина вечером 16 декабря Н. К. Крупская по телефону попросила Л. А. Фотиеву «конспиративно позвонить Ярославскому, чтобы записывал речи Бухарина и Пятакова, а по возможности и других на пленуме по вопросу о внешней торговле» (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 473). *Ред.*

который постановил, однако, передать ее Ильичу, как только врачи это позволят.

Думаю, что Троцкий здесь явно обобщает факт отдельного обращения Ильича к нему по отдельному поводу. Все, что я сам наблюдал в отношениях между Лениным и Троцким, отнюдь не давало повод допустить возможность серьезной опоры Ленина на Троцкого. Наоборот, Ленин неоднократно выражал крайнее недовольство Троцким, говорил, что он «смертельно устал» от истерики Троцкого.

* * *

27.XII.24 года

Невольно возвращаюсь к разговору с Л. Авербахом, вернее сказать, к воспоминаниям о последнем свидании с Владимиром Ильичем.

Условившись со мною, что я сговорюсь с тов. Троцким (и Фрумкиным¹) относительно защиты его предложения о монополии внешней торговли на пленуме ЦК, Ленин вдруг спросил меня:

— А какие у Вас отношения с Троцким? Не было ли у Вас с ним столкновений когда-нибудь резких?

Я ответил, что отношения довольно хорошие, хотя кое-какие столкновения были по военной линии.

Ильич очень живо заинтересовался, придвинулся ближе, наклонился и просил рассказать, как это было. Я рассказал Ильичу, как однажды напомнил Троцкому о его меньшевистском прошлом. Дело это было летом 1919 года, после съезда партии², на котором тов. Сокольников³ защищал точку зрения тов. Троцкого по военному вопросу, и где не совсем удачные мероприятия тов. Троцкого вызвали резкую критику огромной части съезда и всей партии. Троцкий приехал уже после съезда и собрал в Белом зале Московского Совета собрание не разъехавшихся еще делегатов и, так сказать, хотел взять реванш. Он упрекал нас тогда в беспринципности, уверял, что мы, его критики в военном вопросе (а среди них были Вл. Смирнов⁴, Е. Преображенский и даже И. Н. Смирнов, который мне передал ряд фактов невыдержанности, истеричности даже Троцкого, особенно в вопросе о расстреле коммунистов), не имеем никаких принци-

---

¹ Фрумкин М. И. (Германов Л.), после гражданской войны член коллегии Наркомпрода, заместитель наркома внешторга, заместитель наркомфина. *Ред.*

² Имеется в виду VIII съезд РКП(б), состоявшийся 18—23 марта 1919 г. На съезде против линии партии на строительство регулярной, централизованной, дисциплинированной Красной Армии выступила так называемая «военная оппозиция» (в том числе и Е. М. Ярославский). Большинство делегатов отвергли линию «военной оппозиции». В ходе обсуждения критиковались также недостатки в работе центральных военных учреждений, деятельность председателя Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкого, недооценивавшего роль партийных организаций в войсках. *Ред.*

³ Сокольников Г. Я., на VIII съезде РКП(б) выступал с утвержденными ЦК РКП(б) тезисами доклада по военному вопросу. *Ред.*

⁴ Смирнов В. М., на VIII съезде РКП(б) возглавлял «военную оппозицию». Выступал от этой группы с содокладом. *Ред.*

пиальных разногласий, а выдумали просто военную фракцию ради игры во фракцию. Я ответил тогда Троцкому, что никогда не принадлежал ни к какой другой фракции, кроме фракции большевиков, чего он, Троцкий, про себя сказать не может. (Помню, как сейчас, как перекошилось лицо Троцкого при этом, как оно менялось во время моей короткой речи.) Ильич расхохотался вдруг своим заразительным смехом.

— Повторите, Емельян,— сказал он,— как Вы ему сказали. Я повторил, и Ильич снова заразительно рассмеялся.

— Да Вы же его меньшевиком назвали, ха-ха-ха! Этого он Вам никогда не простит! Нет, Троцкий таких вещей не забывает.

Потом Ильич просил рассказать ему про другие случаи. Я рассказал, как меня осенью 1919 года Троцкий призвал и потребовал, чтобы я прекратил печатание в военной газете ¹ статей за подписью «Иаков» (кажется, так), принадлежавших перу Вацетиса ² или Вацетисом продиктованных. Вацетис в этих статьях боролся против партизанщины в украинских отрядах, косвенно нападал на Антонова-Овсеенко ³. Я был, помнится, очень удивлен требованием Троцкого: статьи Вацетиса как раз были написаны в духе проводившейся партией линии. Лично я немножечко даже сочувствовал партизанщине и даже допускал ее и сам, особенно в деле снабжения фронта из запасов Московского военного округа. Но линия Вацетиса была линией партии. Поэтому я сказал тов. Троцкому, что не вижу оснований для исполнения его требования, хотя и сочувствую несколько действиям Антонова-Овсеенко. Тогда Троцкий в раздражении стал мне доказывать, что я должен был бы отказаться от редактирования военного органа. Я сказал, что особенно не настаиваю на этой своей работе.

Сопоставляя сейчас в памяти эту сцену последнего своего разговора с Лениным, я меньше всего могу допустить, что Ленин имел в виду какой-нибудь прочный блок с Троцким. Он, по-моему, относился к нему именно как к бывшему меньшевику, от души хохотал по поводу рассказанной мною сцены в зале Моск[овского] Совета и только отстаивал с помощью тов. Троцкого определенную линию в вопросе сохранения государственной монополии внешней торговли.

Кроме того, я думаю, что Ленин не ограничился бы только советом сговориться с Троцким по данному вопросу, если б имел в виду более длительный блок: ведь я был тогда членом ЦК, и, косвенно хотя, Ленин посвятил бы меня в складывающуюся комбинацию. Если верно, что Троцкий так изображал дело Авербаху, как

---

¹ Имеется в виду газета «Известия Народного комиссариата по военным делам». Издавалась с апреля 1918 г. *Ред.*

² Вацетис И. И., в сентябре 1918 г.— июле 1919 г. главнокомандующий Вооруженными Силами Республики, с августа 1919 г. работал в Реввоенсовете Республики. *Ред.*

³ Антонов-Овсеенко В. А., в январе—июне 1919 г. командующий Украинским фронтом, член Совета Обороны Украинской Республики, член Реввоенсовета Республики. *Ред.*

передает этот последний, то это было просто самообольщение тов. Троцкого.

*Известия ЦК КПСС. 1989.
№ 4. С. 187—191*

Л. А. ФОТИЕВА

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О В. И. ЛЕНИНЕ

(ДЕКАБРЬ 1922 г.— МАРТ 1923 г.)

Летом 1922 года В. И. Ленин тяжело заболел. Сказались последствия долгих лет эмиграции и тяжелого ранения 30 августа 1918 года, непрестанная, почти без отдыха, напряженная работа. Болезнь застала Владимира Ильича в Горках, где ему пришлось провести более четырех месяцев.

2 октября 1922 года В. И. Ленин возвратился в Москву и снова приступил к повседневному руководству работой Совнаркома, Совета Труда и Оборона и ЦК РКП(б).

К великой радости товарищей, заседания высших государственных и партийных органов по-прежнему проходили под председательством В. И. Ленина. Каждое такое заседание было великолепной школой большевистского руководства, образцом искреннего уважения к коллективу и партийной дисциплине.

Его мастерское руководство прениями; выступления, хотя бы и самые короткие, но всегда значительные по содержанию и блестящие по форме; великолепные, по краткости и точности выражения мысли, формулировки постановлений; меткие реплики; деловые записки присутствующим членам Совнаркома, всегда будившие творческую мысль и требовавшие немедленного ответа, и, наконец, его улыбки, жизнерадостный смех, все неотразимое обаяние личности Владимира Ильича делали каждое заседание под его председательством значительным событием, полным особого содержания и смысла.

С огромной радостью встретили трудящиеся нашей Родины возвращение В. И. Ленина к работе, со всех концов страны слали ему приветствия, памятные подарки.

Так, например, посылая Владимиру Ильичу к пятой годовщине Великой Октябрьской революции плед, изготовленный на одной из фабрик Петроградского текстильного треста, рабочие писали:

«Петротекстиль хочет, чтобы Вы, наш дорогой, ощутили от нашего скромного подарка, вместе с физическим теплом, и то рабочее сердечное тепло, которым Вас хочется укутать, а также обратили внимание на то, что в условиях крайней изношенности, разрухи, недоедания и кризисов мы работаем несколько не хуже довоенного, а следовательно, можем достигать чего хотим.

Носи, наш дорогой, на доброе здоровье».

На другой же день, 3 ноября 1922 года, Владимир Ильич ответил на это письмо следующей запиской: «Дорогие товарищи! Сердечно благодарю за присланный плед, нахожу его превосходным»¹.

¹ Ленинский сб. Т. 35. С. 356.

Бакинские рабочие 16 октября 1922 года прислали Владимиру Ильичу замечательный подарок: чернильный прибор в виде серебряной модели нефтяной вышки тончайшей работы с надписью: «Дорогому товарищу Ленину на память о нефтяной промышленности».

Рабочие Барановского завода Волынской области прислали Владимиру Ильичу именной фарфоровый сервиз, изготовленный рабочими завода.

Безгранично доверяя В. И. Ленину, трудящиеся города и деревни горячо желали, чтобы родной Ильич всегда был здоров и безотлучно находился у руля партии и страны.

Но здоровье Владимира Ильича было подорвано. Во второй половине ноября у него снова появились признаки большого переутомления — тяжелые головные боли, упорная бессонница. Однако, несмотря на протесты врачей, Владимир Ильич продолжал работать с прежним напряжением. Непреклонная воля и сознание огромной ответственности перед партией и народом помогали В. И. Ленину преодолевать страдания, вызванные болезнью.

Постоянно наблюдавший за здоровьем В. И. Ленина доктор А. М. Кожевников¹ рассказывал, что регулировать работу Владимира Ильича было совершенно невозможно. Под предлогом допускавшихся врачами встреч с друзьями и знакомыми В. И. Ленин проводил длительные деловые разговоры с работниками различных партийных органов, советских учреждений, с представителями зарубежных братских партий.

* * *

25 ноября врачи предписали Владимиру Ильичу недельный отдых и настаивали, чтобы В. И. Ленин в течение этого времени абсолютно не работал. Владимир Ильич действительно стал реже приходить в кабинет, не всегда председательствовал на заседаниях Политбюро, СНК и СТО, зато больше просматривал книг. Но, разумеется, об абсолютном отдыхе, предписанном врачами, не было и речи.

25 ноября, например, Владимир Ильич после ухода врачей взял к себе на квартиру бумаги и продиктовал по телефону несколько записок. Вечером В. И. Ленин пришел в кабинет, как всегда, ровно в 6 часов и говорил по телефону. С 6 часов 30 минут до 7 часов 30 минут у него был заместитель Председателя Совнаркома и СТО А. Д. Цюрупа. Затем Владимир Ильич сделал несколько распоряжений секретарю и ушел домой. Дома снова говорил по телефону с 8 часов 30 минут до 8 часов 45 минут.

То же происходило и в последующие дни. В. И. Ленин вел деловую переписку, принимал посетителей.

Владимир Ильич продолжает работать над важнейшими проблемами строительства основ социализма, занимается вопросами

---

¹ А. М. Кожевников — врач-невропатолог. Вместе с профессором А. В. Крамером наблюдал за состоянием здоровья В. И. Ленина с 23 мая 1922 г. по 17 мая 1923 г. *Ред.*

создания СССР, укрепления монополии внешней торговли, дает поручение подобрать материалы для своего выступления на X съезде Советов РСФСР.

В секретарской записи поручений, которые давал Ленин в это время, упоминаются: концессия Уркарта, судоремонтная программа, Главрыба, электропромышленность, шпалопропиточные заводы, перепись советских служащих и множество других дел.

Не ослабляет Владимир Ильич своего внимания к международным проблемам. Он руководит подготовкой советских делегаций для участия в Лозаннской конференции по ближневосточным вопросам и в Международном конгрессе мира в Гааге, созванном в целях борьбы с опасностью новой войны. В. И. Ленин проводит ряд бесед с делегатами IV конгресса Коминтерна об организационном строении коммунистических партий, о методах и содержании их работы, пишет приветствие Третьему мировому конгрессу Коммунистического Интернационала Молодежи в Москве.

Владимир Ильич задумывает написать ряд работ. Это станет известным несколько позже, но уже в конце ноября В. И. Ленин подбирает необходимые материалы. Однажды, просматривая литературу, Владимир Ильич отложил «Политическое завещание» Фридриха Энгельса и попросил библиотекаря Ш. М. Манучарьянц не прятать, особо сохранить для него эту книгу. На обложке ее Владимир Ильич написал: «Сохранить на полке. 30/XI — 1922 г. Ленин».

Можно привести еще много и много примеров, показывающих, что Владимир Ильич работал, как всегда, совершенно не щадя своих сил. Иначе работать он не мог и не хотел. Мария Ильинична передавала слова профессора Ферстера, что все старания врачей убедить Владимира Ильича работать поменьше успеха не имели.

Документы и другие материалы о жизни и деятельности В. И. Ленина неопровержимо свидетельствуют о том, что даже в то время, когда тяжелая болезнь подорвала его силы, Владимир Ильич продолжал свою большую повседневную политическую деятельность, вел деловую переписку, беседовал с секретарями ЦК РКП(б), со своими заместителями по Совнаркому и СТО и другими руководящими работниками, давал указания и советы, оказывал решающее влияние на важнейшие политические постановления партии и советских органов.

ДЕКАБРЬ 1922 ГОДА

Память человеческая несовершенна. Поэтому лучше всего воспоминания писать, когда есть под рукой документы, по которым можно контролировать свою память.

Обратимся к некоторым документам конца 1922 — начала 1923 года, в частности к «Дневнику» секретарей Владимира Ильича. Страницы «Дневника» лишь частично и конспективно отражают незабываемый подвиг, совершенный В. И. Лениным в тот период во имя счастья трудящихся, во имя торжества социализма и коммунизма.

Но все же эти страницы в какой-то мере воссоздают картину многогранной деятельности Ильича.

2 декабря врачи предложили В. И. Ленину раз или два раза в месяц уезжать на несколько дней за город. После ухода врачей Владимир Ильич пришел в кабинет в 12 часов 30 минут, пробыл 10 минут. Поручил к 6 часам подобрать материал о Главрыбе для свидания с Книповичем¹, которого пригласить на 7 часов вечера. Напомнил, чтобы по всем комендантским постам было сделано распоряжение о пропуске Книповича, так как у него нет постоянного пропуска.

Затем Владимир Ильич подписал и передал на голосование членам Политбюро проект постановления об усилении на Урале борьбы с незаконной скупкой платины. Вечером пришел в кабинет в 6 часов 30 минут. От 7 часов беседовал с Книповичем, а затем со своим заместителем по СТО. Написал на немецком языке письмо в секретариат Центрального комитета организации «Международная рабочая помощь Советской России». Владимир Ильич призывал трудящихся всего мира оказать хозяйственную помощь нашей стране. Это письмо² В. И. Ленин поручил передать Мюнценбергу³ через Н. П. Горбунова⁴, предупредив, что начало письма написано неправильно по-немецки.

Н. П. Горбунов передал в секретариат две папки вырезок из газет как материал Владимиру Ильичу для подготовки к выступлению на X Всероссийском съезде Советов.

Владимир Ильич поручил навести справки, когда приедет Ф. Э. Дзержинский из Тифлиса. Сообщено, что Дзержинский выедет из Тифлиса 8 декабря и будет останавливаться по дороге. В Москву приедет 12 декабря.

3 декабря Владимир Ильич пришел в кабинет в 2 часа и пробыл всего несколько минут.

Поручил Н. П. Горбунову запросить у П. А. Богданова⁵ брошюру с отчетом о работе промышленности и план его речи на X Всероссийском съезде Советов.

Вечером Владимир Ильич работал в кабинете с 6 до 7 часов. Поручил утром сообщить Аванесову⁶, что получил и прочел его письмо, но хотел бы поговорить с ним прежде всего по телефону.

4 декабря Владимир Ильич пришел в кабинет в 11 часов 05 минут и поручил вызвать Аванесова. Беседовал с ним с 11 часов 15 минут до 12 часов 10 минут по вопросу о внешней торговле.

После ухода Аванесова Владимир Ильич диктовал по телефону Володичевой письмо И. И. Ходоровскому⁷, в котором просил его

¹ Н. М. Книпович — советский зоолог и общественный деятель, глава русской школы ихтиологов. *Ред.*

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 315—316.

³ В. Мюнценберг — член Компартии Германии, один из организаторов и секретарь «Международной рабочей помощи Советской России». *Ред.*

⁴ Н. П. Горбунов — управляющий делами Совнаркома. *Ред.*

⁵ П. А. Богданов — председатель ВСНХ РСФСР. *Ред.*

⁶ В. А. Аванесов — член коллегии НК РКИ. *Ред.*

⁷ И. И. Ходоровский — член коллегии НК труда. *Ред.*

собрать письменные и печатные материалы о шефстве городских ячеек над сельскими. Этот материал нужен был В. И. Ленину для подготавливавшегося им выступления на X Всероссийском съезде Советов. Затем Владимир Ильич продиктовал письмо о распределении работы между заместителями Председателя Совнаркома и СТО. В 2 часа ушел домой.

Вечером Владимир Ильич пришел в кабинет в 5 часов 30 минут, прочитал записи, сделанные Володичевой утром, продиктовал письмо М. М. Литвинову¹ и приветствие Третьему мировому конгрессу коммунистической молодежи, проходившему в Москве.

В 5 часов 50 минут Владимир Ильич принял А. Л. Колегаева², беседовал с ним до 6 часов 10 минут о субсидиях государственным театрам: Большому и Мариинскому.

Затем пришли Жуков, Гольцман и Лаврентьев³, беседовали до 6 часов 50 минут об электропромышленности.

С 6 часов 50 минут до 7 часов 25 минут был Фрумкин⁴. Владимир Ильич беседовал с ним о внешней торговле. В секретарской записи о назначенных на этот день приемах Владимир Ильич подчеркивает двумя чертами фамилию Фрумкина и ставит около нее знак NV.

В 7 часов 30 минут Владимир Ильич ушел домой, но вернулся в 8 часов. Передал книгу, изданную на испанском языке, попросил перевести на русский язык надпись и дать краткое содержание книги⁵.

Продиктовал «Заметки по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге»⁶ и поручил один экземпляр послать комиссии Политбюро, заседавшей в тот вечер. Заметки послужили директивой нашей делегации в ее выступлениях на Международном конгрессе в Гааге 10—15 декабря 1922 года.

Владимир Ильич поручил управляющему делами запросить у соответствующих работников основные цифры финансирования металлургической промышленности Донбасса и Азнефти, а также предложить С. Г. Струмилину⁷ ознакомиться с системой разработки материалов переписи и дать свое заключение. В 9 часов В. И. Ленин ушел домой.

5 декабря Владимир Ильич пришел в кабинет в 10 часов 45 минут, спросил, заседали ли комиссия по вопросу о Гааге, и получил утвердительный ответ. Ушел домой в 1 час 40 минут.

В 6 часов вечера Владимир Ильич принял нескольких товарищей из Чехословакии, которые передали ему приветствие от чехо-

¹ М. М. Литвинов — заместитель наркоминдела. *Ред.*

² А. Л. Колегаев — бывший член партии левых эсеров, порвавший с ними в 1918 г., после левозеровского мятежа. *Ред.*

³ И. П. Жуков — инженер-энергетик; А. З. Гольцман — начальник Главэлектро; П. Ф. Лаврентьев — его заместитель. *Ред.*

⁴ М. К. Фрумкин — заместитель наркомвнешторга. *Ред.*

⁵ *Рейс В.* Новые и старые пути. Книга вышла в 1922 г. в Буэнос-Айресе. *Ред.*

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 318—322. *Ред.*

⁷ С. Г. Струмилин — выдающийся советский ученый, в 1922 г. — член Госплана. *Ред.*

словацких рабочих. Беседовал с ними до 6 часов 45 минут. С 7 до 8 часов Владимир Ильич принял начальника Центрального статистического управления П. И. Попова и беседовал с ним о материалах переписи советских служащих. Поручил Н. П. Горбунову запросить Наркомзем, что сделано в помощь И. В. Мичурину для содержания его питомника. В этот же день Владимир Ильич пишет заместителю наркома РКИ А. И. Свицерскому, что получены тревожные сведения о преступных действиях и бесхозяйственности в Управлении островным хозяйством Северного Ледовитого океана и о хищническом вылове рыбы осетровых пород в Азовском море. Владимир Ильич предлагает провести расследование и краткой запиской сообщить ему результаты. «Следует не только припугнуть, но и как следует притянуть и почистить за эти безобразия», — пишет Владимир Ильич.

С 8 часов 20 минут до 9 часов 25 минут Владимир Ильич беседовал с А. Д. Цюрупой, после чего ушел домой.

6 декабря В. И. Ленин пришел в кабинет в начале 12-го. Поручил написать от его имени несколько писем. Беседовал с И. В. Сталиным 1 час 40 минут. Вечером Владимир Ильич принял П. А. Богданова и В. С. Довгалева¹. Затем продиктовал свои воспоминания о Н. Е. Федосееве² и поручил послать их Анне Ильиничне для ознакомления и передачи в Истпарт.

Ушел домой Владимир Ильич в начале 10-го.

6 (или 7) декабря Владимир Ильич пишет добавление к проекту постановления Политбюро по докладу комиссии Госснабжения о полном обеспечении потребности в хлебе всех школ и дает поручение своим заместителям и Наркомпроду рассчитать, какое количество хлеба должно быть для этого отпущено. «Добавить еще на расходы на школы 1 миллион рублей золотом», — предлагает В. И. Ленин.

7 декабря Владимир Ильич пришел в кабинет в 10 часов 55 минут утра. В 11 часов началось заседание Политбюро, где Владимир Ильич присутствовал до 2 часов 20 минут, после чего ушел домой. Вечером пришел в кабинет в 5 часов 30 минут, говорил по телефону со Сталиным и дал ряд поручений секретарю. Внес поправки в проект постановления Политбюро о взаимоотношениях между наркомом просвещения А. В. Луначарским и его заместителями.

В 6 часов 15 минут Владимир Ильич ушел домой, а затем, уступая настояниям врачей, уехал в Горки, забрав с собой бумаги по текущим делам.

Из Горок в тот же вечер Владимир Ильич по телефону продиктовал письмо, адресованное секретарю и управделами СНК, в котором поручал все бумаги, присылаемые ему из ЦК, записывать в особой книге самым кратким образом. «Если будет какая-либо неясность или неточность в бумаге (по типу вопросов: чего хотят, сколько просят, на что жалуются, чего добиваются), то за такую неточность отвечаете вы»³, — писал В. И. Ленин.

¹ В. С. Довгалецкий — народный комиссар почт и телеграфов. *Ред.*

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 324—325. *Ред.*

³ Там же. Т. 54. С. 318.

7 декабря Владимир Ильич сделал на английском языке надпись на своей фотографии для К. Штейнмеца¹, приветствуя его как одного из немногих представителей науки и культуры, которые не противопоставляют себя пролетариату.

* * *

В Горках Владимир Ильич пробыл до 12 декабря. В течение всех этих четырех дней, предназначенных врачами для отдыха, Ленин фактически не прекращал работы. Он писал и диктовал письма, давал различные поручения своим сотрудникам, вел деловые разговоры по телефону, запрашивал материалы и различную информацию о текущей работе ЦК, СНК.

8 декабря Владимир Ильич получил протокол заседания Политбюро от 7 декабря. Ознакомившись с протоколом, В. И. Ленин был крайне удивлен одним ненормальным в партийной жизни явлением. Оказалось, что после ухода Владимира Ильича с заседания Политбюро 7 декабря там был рассмотрен важный политический вопрос, не предусмотренный утвержденной повесткой дня заседания. Это было ходатайство Н. А. Рожкова, одного из видных и злостных лидеров меньшевистской партии, добивавшегося права проживания в Москве.

Вопрос о Рожкове обсуждался в Политбюро уже дважды — 20 октября и 16 ноября. Оба раза на заседаниях с участием В. И. Ленина были приняты решения, в которых отмечались враждебное отношение Рожкова к Советской власти и необходимость высылки его из Москвы.

Но 7 декабря, после ухода Владимира Ильича с заседания, Политбюро приняло решение высылку Рожкова отложить. Владимир Ильич был недоволен этим решением. Он считал его политически неправильным.

В письме Сталину 8 декабря Владимир Ильич опротестовал законность решения о Рожкове, принятого с нарушением партийных норм. Владимир Ильич писал: «Я оспариваю законность принятого вчера решения о Рожкове, ибо: во-первых, это решение, вопреки обычаю и уставу, не было занесено в повестку до 12 часов дня; во-вторых, документы не были предварительно сообщены членам ЦК; в-третьих, никаких оснований к спешности после двукратного обсуждения этого вопроса не было...»²

Владимир Ильич настаивал на вынесении этого вопроса на пленум ЦК РКП(б), до которого осталась неделя.

Для того чтобы застраховать работу Политбюро от произвольных действий отдельных его членов, В. И. Ленин разработал и 8 декабря передал по телефону из Горок предложение пленуму ЦК РКП(б), касающееся регламента Политбюро. В. И. Ленин рекомендовал установить следующий порядок:

¹ К. Штейнмец — крупнейший американский ученый-электротехник, сочувствовавший Советской России. В письме В. И. Ленину, полученному 31 марта 1922 г., Штейнмец выражал готовность помочь Советской России своими советами. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 320.

«1. Политбюро заседает по четвергам от 11-ти и никак не позже 2-х.

2. Если остаются нерассмотренные вопросы, то они переносятся либо на пятницу, либо на понедельник на те же часы.

3. Повестка дня Политбюро должна быть разослана не позже чем к 12-ти часам дня среды. К тому же сроку должны быть присланы материалы (в письменной форме) к повестке.

4. Дополнительные вопросы могут вноситься в день заседания лишь при следующих условиях:

- а) в случае абсолютной неотложности (особенно вопросы дипломатические),
- б) лишь в письменной форме,
- в) лишь в тех случаях, если нет протеста со стороны хотя бы одного из членов Политбюро.

Последнее условие относительно неопротестования вносимых вне повестки вопросов может быть игнорируемо лишь только по отношению к вопросам дипломатическим, которые никакого отлагательства терпеть не могут. *Ленин*¹.

В тот же день, 8 декабря, Владимир Ильич проголосовал за четыре проекта постановлений, присланных ему из Политбюро: о составе комиссии для подготовки резолюции к X съезду Советов; о приветствии Всеукраинскому съезду Советов; о директиве нашей делегации на Лозаннской конференции, по телеграмме Воровского, Мдивани и Чичерина; об отсрочке созыва пленума ЦК РКП(б).

9 декабря Владимир Ильич продиктовал письмо Цюрупе, регламентирующее порядок работы заместителей Председателя СНК и СТО и Председателя СНК².

10 декабря Владимир Ильич продиктовал приветственную телеграмму Всеукраинскому съезду Советов, проходившему в Харькове. В. И. Ленин указывал, что один из самых важных вопросов, которые предстоит рассмотреть съезду,—это вопрос об объединении республик в Союз Советских Социалистических Республик.

Приветствие³ В. И. Ленина было оглашено в тот же день, 10 декабря, при открытии съезда. Съезд избрал Владимира Ильича почетным членом Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета и прислал Ленину телеграмму, выражавшую горячую любовь к нему.

В 8 часов 45 минут Владимир Ильич распорядился послать Фрумкину письмо с просьбой дать отзыв на тезисы Аванесова о монополии внешней торговли.

11 декабря Н. С. Аллилуева записала в дневнике:

«Никаких поручений не было. Владимир Ильич ни разу не звонил. Проверить, чтобы в кабинете было не меньше 14 градусов тепла». Наутро ожидался приезд Владимира Ильича в Москву.

Находясь в Горках, Владимир Ильич готовился к выступлению

¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 327.

² См. там же. С. 328—329. *Ред.*

³ См. там же. С. 330. *Ред.*

на X Всероссийском съезде Советов и написал конспект своей предполагаемой речи. Это была последняя рукопись В. И. Ленина, если не считать небольших записок, написанных им позже, до 16 декабря. В Сочинениях В. И. Ленина этот документ опубликован под названием «Конспект речи на X Всероссийском съезде Советов»¹.

Из конспекта видно, что Владимир Ильич предполагал в своем докладе на X Всероссийском съезде Советов коснуться тех вопросов, которые он в январе — феврале 1923 года развил в своих последних статьях.

* * *

12 декабря утром Владимир Ильич приехал из Горок в Москву и пришел в свой кабинет в 11 часов 15 минут. Пробыл недолго и ушел домой. В 12 часов снова пришел в кабинет и до 2 часов беседовал со своими заместителями по СНК и СТО. После этого ушел домой, не дав никаких поручений на вечер.

Вечером Владимир Ильич пришел в кабинет в 5 часов 30 минут, несколько минут говорил по телефону. Поручил отправить заготовленное ранее письмо на французском языке итальянскому социалисту К. Лаццари² по поводу решения IV конгресса Коминтерна о прочном и искреннем объединении всех истинных революционеров в Италии. Владимир Ильич призывал Лаццари самым усердным образом содействовать этому.

В. И. Ленин поручил особо проследить, кто именно доставит это письмо по адресу. «Чтобы повез верный товарищ», — сказал он.

От 6 часов до 6 часов 45 минут у Владимира Ильича был Ф. Э. Дзержинский, только что вернувшийся из Тифлиса. Владимир Ильич беседовал с ним по вопросу о конфликте в ЦК Грузинской компартии. Дзержинский возглавлял комиссию Политбюро по расследованию этого конфликта. Владимир Ильич с нетерпением ждал возвращения Дзержинского и еще 2 декабря поручил нам ежедневно справляться, когда он приедет. Беседа с Дзержинским сильно взволновала Владимира Ильича.

После беседы с Ф. Э. Дзержинским Владимир Ильич занимался вопросом о монополии внешней торговли, просмотрел материал о работе торгпредства в Берлине и его аппарате.

В 7 часов 45 минут В. И. Ленин принял нашего торгпреда в Берлине Б. С. Стомонякова и долго беседовал с ним.

Ушел домой Владимир Ильич в 8 часов 15 минут вечера.

Этот день прошел для нас как обычный рабочий день Владимира Ильича. Никто не думал, что 12 декабря 1922 года станет последним днем работы В. И. Ленина в его кабинете в Кремле.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 440—441. *Ред.*

² К. Лаццари — один из основателей Итальянской социалистической партии. Был сторонником присоединения Итальянской социалистической партии к Коминтерну. Принимал участие в работе III конгресса Коминтерна. *Ред.*

13 декабря у Владимира Ильича было два приступа болезни. Но, несмотря на это, врачам лишь с большим трудом удалось уговорить его на время совершенно отказаться от работы и уехать в Горки для длительного отдыха и лечения. В конце концов В. И. Ленин на это согласился и сказал, что сегодня же начнет ликвидировать свои дела, готовиться к отъезду.

В течение трех дней Владимир Ильич работал дома, по несколько раз в день вызывал меня и давал различные поручения. В. И. Ленин стремился поскорее закончить начатые им дела, которым придавал особо важное значение.

Сознавая, что болезнь прогрессирует, Владимир Ильич говорил: «Надо спешить, чтобы болезнь не застала врасплох». И он спешил: диктовал письма, разговаривал по телефону, принимал у себя дома товарищей и готовился к выступлению на X съезде Советов.

13 декабря после ухода врачей, около 12 часов дня, Владимир Ильич вызвал меня на квартиру и продиктовал три письма: Сталину — «Для пленума ЦК»; Фрумкину и Стомонякову — о монополии внешней торговли; Цюрупе, Рыкову и Каменеву — о порядке работы заместителей Председателя СНК и СТО.

В первом письме Владимир Ильич просил пленум ЦК партии отменить решение Политбюро от 7 декабря относительно Рожкова. В связи с этим письмом вопрос о Рожкове вновь обсуждался на заседании Политбюро 14 декабря как часть общего вопроса о меньшевиках. На основании имевшихся материалов об активизации контрреволюционной деятельности меньшевиков Политбюро приняло решение об усилении борьбы с ними. Подтверждена была, в частности, необходимость высылки Рожкова из Москвы в Псков. Поэтому поставленный в письме вопрос на рассмотрение пленума не выносился.

В связи с письмом Фрумкину и Стомонякову вспомним кратко, какое исключительное значение придавал Владимир Ильич *монополии внешней торговли*. В. И. Ленин считал ее одной из командных высот диктатуры пролетариата в условиях капиталистического окружения. Только при монополии внешней торговли можно было путем планового регулирования государством ввоза и вывоза товаров оградить нашу слабую в то время промышленность, наш рынок от вторжения иностранного капитала, обеспечить восстановление и развитие отечественной промышленности и устранить опасность превращения страны в колонию капиталистических государств.

Владимир Ильич был убежден, что отказаться от монополии внешней торговли — значит стать на гибельный для Советской власти путь. Однако не все члены ЦК были согласны с этим. Особенно резко против монополии внешней торговли выступали Бухарин и Сокольников.

6 октября пленум ЦК РКП(б) принял компромиссное постановление о разрешении свободы и ввоза и вывоза по отдельным категориям товаров или в применении к отдельным границам.

Вопрос обсуждался на пленуме в отсутствие Владимира Ильича, который в тот день (6 октября) был болен. Владимир Ильич понимал, что проведение в жизнь этого постановления сорвет монополию внешней торговли, и предлагал пересмотреть решение на ближайшем, декабрьском пленуме ЦК. В связи с этим 12 октября Политбюро постановило:

а) поручить секретариату произвести опрос всех членов ЦК, находящихся в Москве, об отложении на 2 месяца проведения решения о режиме внешней торговли;

б) членам ЦК и тов. Красину представить в ЦК свои соображения по данному вопросу в 2-дневный срок...

в) если при опросе не окажется абсолютного большинства членов ЦК, перенести решение на Политбюро.

13 октября Владимир Ильич пишет Сталину, как секретарю ЦК, большое обстоятельное письмо¹ на пяти с половиной страницах, исписанных мелким убористым почерком, с двумя постскриптумами. Владимир Ильич резко критикует принятое пленумом решение и разъясняет, что это решение, устанавливающее как будто частичную реформу, на деле ведет к срыву монополии.

Владимир Ильич говорит далее, что вопрос был внесен на пленум наспех, без серьезной дискуссии.

«Я крайне жалею,—писал В. И. Ленин,—что болезнь помешала мне быть в этот день на заседании и что я вынужден ходатайствовать теперь о некотором исключении из нормы.

Но я думаю, что надо вопрос взвесить и изучить, что торопиться вредно»².

Владимир Ильич подкрепляет свою просьбу также ходатайством других лиц. Во второй приписке он пишет: «Сейчас мне сообщают (1/2 2 часа), что ряд хозяйственников ходатайствует об отсрочке. Не читал еще этого ходатайства, но усиленно поддерживаю. Дело всего в 2-х месяцах»³.

По настоянию Владимира Ильича вопрос был внесен в повестку декабрьского пленума ЦК.

Готовясь к новому обсуждению вопроса на предстоявшем пленуме, Владимир Ильич проделал очень большую работу. Он собирал материалы, создал комиссию для их рассмотрения и выработки выводов, поручил обследовать заграничные представительства в части, касающейся организации внешней торговли, писал письма, беседовал с отдельными работниками, убеждал в правильности своей точки зрения.

В начале декабря Владимир Ильич поручил Фрумкину подготовить краткие материалы о положении внешней торговли, беседовал со многими работниками, знакомился с полученными 3 и 5 декабря от Аванесова выводами комиссии по обследованию заграничных представительств. Не удовлетворенный этими материалами, Влади-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 220—223. Ред.

² Там же. С. 222.

³ Там же. С. 223.

мир Ильич сделал на них пометки: «черновик» и «тоже черновик».

10 декабря в записке Фрумкину из Горок Владимир Ильич просит дать краткое заключение по последней редакции тезисов комиссии Аванесова.

13 декабря и в последующие два дня Владимир Ильич написал ряд писем и записок по вопросу о монополии внешней торговли Аванесову, Фрумкину и другим, посылал материалы и запрашивал отзывы, получал ответы, беседовал с Фрумкиным, Ярославским, Стомоняковым и продиктовал (о чем будет сказано ниже) новое большое письмо для пленума ЦК.

Третье письмо, продиктованное Владимиром Ильичем утром 13 декабря, «письмо замам», рассматривало также большой, общегосударственный вопрос. Надо сказать, что В. И. Ленин, выполняя огромнейшую работу по руководству Коммунистической партией, Советским государством, Коминтерном, до конца 1921 года фактически не имел заместителей.

31 декабря 1921 года в связи с крайним переутомлением Владимира Ильича ему был предоставлен шестинедельный отпуск, и по его предложению народный комиссар продовольствия А. Д. Цюрупа был назначен заместителем Председателя СНК и СТО с освобождением от наркомпрода. Назначенный еще летом 1921 года заместителем Председателя СТО А. И. Рыков активно включился в эту работу лишь в феврале 1922 года.

Надеясь на свое выздоровление и полное возвращение работоспособности, Владимир Ильич не был твердо уверен в этом и в письме А. Д. Цюрупе 28 ноября 1921 года по поводу его назначения заместителем Председателя СНК и СТО писал: «На сколько времени сии должности, «будем посмотреть»: может быть на 3—4 года, может быть на 30 лет»¹.

Назначение заместителей несколько разгрузило Владимира Ильича от текущей работы в аппарате Совнаркома и Совета Труда и Оборона. Однако Владимир Ильич неуклонно требовал полной информации о принимаемых в его отсутствие решениях и постановлениях и сохранял за собой общее руководство деятельностью этих органов.

На протяжении всего 1922 года Владимир Ильич уделяет очень много внимания вопросу о содержании и порядке работы замов (так он сокращенно называл заместителей Председателя СНК и СТО). Обеспечение четкой работы замов Владимир Ильич теснейшим образом связывал с задачей переделки и улучшения советского аппарата, чему он, как известно, придавал первостепенное значение.

В письмах А. Д. Цюрупе, а несколько позже и А. И. Рыкову Владимир Ильич ставит как важнейшую задачу — обдумать систему работы СНК и СТО и «*переделать ее радикально*».

Особое внимание Ленин обращает на проверку исполнения. «Самый коренной недостаток СНК и СТО — отсутствие проверки исполнения,—пишет он А. Д. Цюрупе. — *Нас затягивает поганое*

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 254.

бюрократическое болото и писание бумажек, говорение о декретах, писание декретов, и в этом бумажном море тонет живая работа»¹. Владимир Ильич предлагает сосредоточить внимание на борьбе с бюрократизмом и волокитой. Центром тяжести работы заводов сделать проверку исполнения решений и постановлений правительственных органов и подбор умелых работников.

В «Проекте директивы насчет работы СТО и СНК, а также Малого СНК» Владимир Ильич указывает, что главным недостатком работы этих учреждений является «отсутствие у ответственных работников сознания того, что на очередь дня встала теперь борьба с бумажным морем, недоверие к нему и к вечным «реорганизациям», что первоочередная задача момента не декреты, не реорганизации, а *подбор людей; установление индивидуальной ответственности за делаемое; проверка фактической работы*. Иначе из бюрократизма и волокиты, которые нас душат, не вылезть»².

Продолжая развивать и дополнять свои соображения о содержании работы заводов, Владимир Ильич в апреле 1922 года пишет развернутое постановление, в котором подробнейшим образом определяет круг их обязанностей. В. И. Ленин указывает:

«Основная работа заводов, за которую они специально отвечают и которой должно быть подчинено все остальное, состоит в проверке фактического исполнения декретов, законов и постановлений; в сокращении штатов совучреждений, в надзоре за упорядочением и улучшением делопроизводства в них; в борьбе с бюрократизмом и волокитой.

Все дальнейшее является детализацией этого основного задания или частным дополнением к нему»³.

В этом постановлении Владимир Ильич предлагает также конкретное распределение работы между Цюрупой и Рыковым и разделение между ними наркоматов для постоянного наблюдения за их работой.

Постановление было послано В. И. Лениным на отзыв членам Политбюро. Полученные замечания Рыкова, Томского и Троцкого Владимир Ильич опровергает как неопределенные или как в корне неправильные. Последнее относится главным образом к замечаниям Троцкого. «Замечания т. Троцкого,—пишет Владимир Ильич,—частью тоже неопределенны... и не требуют ответа, частью возобновляют старые наши разногласия с т. Троцким, многократно уже наблюдавшиеся в Политбюро»⁴.

Летом 1922 года Владимир Ильич, как известно, вынужден был четыре с лишним месяца (с 26 мая по 2 октября) провести в Горках для лечения и отдыха. В последних числах сентября Владимир Ильич был весьма озабочен в связи с болезнью А. Д. Цюрупы, который находился на лечении в Германии. В. И. Ленин поручает помощнику

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 364.

² Там же. С. 369—370.

³ Там же. Т. 45. С. 152.

⁴ Там же. С. 180.

секретаря М. И. Гляссер узнать у Свидерского или у Сталина, когда должен приехать Цюрупа. «Мне нужно знать *точно*, — пишет Владимир Ильич, — пусть дадут выписку из *письма* Цюрупы, почему он не едет? *насколько* отложил?»¹

Осенью 1922 года был назначен третий заместитель Председателя СНК и СТО — Л. Б. Каменев. Однако редко работали одновременно все три заместителя: то один, то другой, а то и двое сразу болели и отсутствовали.

В речи на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 года Владимир Ильич говорил: «Мне пришлось также очень значительную долю работы, которую я вначале, как вы помните, взвалил на тов. Цюрупу, а потом на тов. Рыкова, еще дополнительно взвалить на тов. Каменева. ...И я теперь с нетерпением жду времени, когда вернутся гг. Цюрупа и Рыков и мы разделим работу хоть немножко по справедливости»².

При наличии трех замов, работающих на равных правах, вставал вопрос уже не только о четком разграничении обязанностей между ними, но и о единстве и согласованности их работы. 9 декабря (в день своего «отдыха») Владимир Ильич диктует по телефону из Горок большое письмо, адресуя его А. Д. Цюрупе: о порядке работы замов и Председателя СНК. В нем Владимир Ильич устанавливает регламент работы замов и меры для обеспечения единства и согласованности их работы.

Владимир Ильич считает необходимым полную осведомленность каждого из них о работе в целом и сохранении общего руководства работой замов со стороны Председателя СНК, для чего Владимир Ильич фиксирует дни и часы для совместной работы замов и Председателя СНК и особые заседания всех замов с Председателем СНК. Заканчивая это письмо, Владимир Ильич пишет: «Так как работа улучшения и исправления всего аппарата гораздо важнее той работы председательствования и калякания с замнаркомками и наркомками, коя до сих пор занимала замов целиком, то необходимо установить и строго проводить, чтобы *не менее двух часов* в неделю каждый зам «опускался на дно», посвящая личному изучению самые разнообразные, и верхние и нижние, части аппарата, самые неожиданные притом»³.

Некоторые предложения Владимира Ильича, особенно касающиеся распределения наркоматов, встретили возражения со стороны замов.

13 декабря в письме Каменеву, Рыкову, Цюрупе Владимир Ильич пишет: «Ввиду повторения болезни я должен ликвидировать сейчас всякую политическую работу и возобновить свой отпуск. Поэтому наши разногласия с вами теряют практическое значение»⁴. Владимир Ильич откладывал весь вопрос, и в частности вопрос о распределении работы между замами, до своего возвращения из отпуска. Но

¹ Ленинский сб. Т. 36. С. 499.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 300.

³ Там же. С. 329.

⁴ Там же. С. 331.

вместе с тем В. И. Ленин указывал на коренное несогласие с предложением Рыкова о том, чтобы личный прием Владимиром Ильичем посетителей происходил, как общее правило, после предварительного отбора их заместителями Председателя СНК и СТО или секретарем ЦК партии. Ленин выдвигает «прямо обратное» предложение — «о полной свободе, неограниченности и даже расширении приемов». Он выразил также несогласие в значительной степени с распределением наркоматов между замами, считая, что распределение надо теснее согласовать со способностью того или другого зама к чисто администраторской работе. «Функции председательствования и контроля за правильностью юридических формулировок как законодательных актов, так и постановлений Финкомитета и т. п., — пишет В. И. Ленин, — должны бы быть гораздо строже отделены от функций проверки и улучшения административного аппарата»¹.

Подчиняясь неизбежной необходимости предстоящего длительного лечения, Владимир Ильич не терял надежды на выздоровление и возвращение к работе. В этом же письме от 13 декабря он писал: «Прошу только иметь в виду, что я даю свое согласие на предложенное вами распределение не на три месяца (в отличие от вашего предложения), а впредь до моего возвращения к работе, если оно состоится ранее чем через три месяца»². Эти строки, продиктованные Владимиром Ильичем за три дня до нового, очень тяжелого приступа болезни, нельзя читать без волнения.

Насколько беспокоит Владимира Ильича вопрос о согласованности работы замов, видно уже из того, что 16 декабря, несмотря на тяжелое состояние, Владимир Ильич снова возвращается к нему. Но продолжим сообщение о работе В. И. Ленина 13 декабря.

В 12 часов 30 минут дня к Владимиру Ильичу пришел И. В. Сталин, с которым В. И. Ленин беседовал до 2 часов 35 минут.

В 5 часов 55 минут дня Владимир Ильич снова вызвал меня. Сообщил ему отзыв Фрумкина на тезисы комиссии Аванесова по обследованию иностранных торгпредств, запрошенный Владимиром Ильичем 10 декабря.

В. И. Ленин назначил на 12 часов 14 декабря свидание с Г. М. Кржижановским. Хотел видаться с Фрумкиным, но затем отменил распоряжение.

Вечером, от 7 часов 30 минут до 8 часов 25 минут, Владимир Ильич диктовал письмо Сталину о монополии внешней торговли. Письмо было разослано членам ЦК как материал к пленуму, назначенному на 18 декабря.

В этом письме³ Владимир Ильич подверг резкой критике позицию Бухарина, отстаивавшего замену монополии высокими таможенными пошлинами.

«Бухарин не видит, — это самая поразительная его ошибка, причем чисто теоретическая, — пишет В. И. Ленин, — что никакая таможенная политика не может быть действительной в эпоху импе-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 331.

² Там же. С. 331—332.

³ См. там же. С. 333—337. *Ред.*

риализма и чудовищной разницы между странами нищими и странами невероятно богатыми»¹.

В. И. Ленин указывал, что на практике Бухарин становится на защиту спекулянтов, нэпманов, кулаков, «против промышленного пролетариата, который абсолютно не в состоянии воссоздать своей промышленности, сделать Россию промышленной страной без охраны ее никоим образом не таможенной политикой, а только исключительно монополией внешней торговли»².

Одним из защитников ошибочного решения пленума от 6 октября о внешней торговле был Сталин. Выступая в принципе за монополию, он, однако, не разделял мнения В. И. Ленина о необходимости укрепления и неуклонного проведения ее в жизнь. В мае 1922 года В. И. Ленин в письме Сталину и Фрумкину писал: «Я считаю, что надо *формально запретить* все разговоры и переговоры и комиссии и т. п. об ослаблении монополии внешней торговли»³. Сталин ответил: «Против «формального запрещения» шагов в сторону *ослабления* монополии внешней торговли на *данной* стадии не возражаю. Думаю все же, что *ослабление* становится неизбежным».

Сталин не верил в прибыли и другие материальные выгоды от монополии внешней торговли. В письме всем членам ЦК 20 октября он пишет: «Письмо тов. Ленина (от 13 октября.—Л. Ф.) не разубедило меня в правильности решения пленума ЦК от 6 октября о внешней торговле. «Миллионы» Внешторга (их еще нужно установить и подсчитать) теряют свой вес, если принять во внимание то обстоятельство, что они в несколько раз перекрыты десятками миллионов золота, вывезенного Внешторгом из России. Тем не менее ввиду настоятельного предложения т. Ленина об отсрочке решения пленума ЦК исполнением, я голосую за отсрочку с тем, чтобы вопрос был поставлен на обсуждение следующего пленума с участием Ленина»⁴.

И лишь после письма В. И. Ленина от 13 декабря, за три дня до пленума, Сталин снял свои возражения против монополии внешней торговли. В последующие два дня, 14 и 15 декабря, Владимир Ильич продолжал интенсивно заниматься вопросом о внешней торговле.

14 декабря Владимир Ильич звонил по телефону в 11 часов утра, говорил со мной о вчерашнем письме Сталину для пленума ЦК относительно внешней торговли. Просил письмо пока не посылать, так как имеет дополнения... Справился, будет ли Кржижановский. В 1 час 10 минут поручил соединить с Ярославским, но так как он не был найден, то отложил разговор или свидание с ним на вечер.

В 2 часа 45 минут Владимир Ильич вызвал меня и передал следующую записку Аванесову для посылки ему вместе с письмом о внешней торговле: «Посылаю свое письмо. Верните к 7 часам. Обдумайте получше, что добавить, что убавить, *как поставить борьбу*»⁵.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 335.

² Там же. С. 336.

³ Ленинский сб. Т. 36. С. 484.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 2. оп. 1, д. 23348, л. 13.

⁵ Вопросы истории КПСС. 1957. № 4. С. 153. Ред.

Распорядился по возвращении письма послать его Фрумкину, которого, вероятно, примет вечером.

Настроение Владимира Ильича в этот день по внешности было хорошее, шутил, смеялся. Остался очень доволен, узнав, что Политбюро изменило свое решение о Рожкове в соответствии с его предложением. Сказал, что это очень хорошая новость.

Вечером в тот же день, без четверти шесть, Владимир Ильич позвонил, спросил, получен ли протокол Политбюро, и сказал, что намерен диктовать. Попросил соединить его с Ем. Ярославским, который затем был у него. Беседовал по вопросу о внешней торговле.

Приходил Фрумкин, но с Владимиром Ильичем не виделся, так как в седьмом часу вечера пришел врач. В девятом часу Владимир Ильич попросил меня напомнить завтра, в 12 часов дня, о свидании с Фрумкиным, когда последний будет у Цюрупы.

Во изменение своего утреннего распоряжения Владимир Ильич поручил послать И. В. Сталину письмо о монополии внешней торговли, сказав, что добавление напишет отдельно.

Это дополнение Владимир Ильич предполагал продиктовать вечером. Но около 10 часов вечера позвонила Мария Ильинична и сообщила, что Владимир Ильич диктовать сегодня не будет.

14 декабря Владимир Ильич написал записку управделами СНК Н. П. Горбунову о квартире для глазного врача профессора Авербаха. Это еще раз показывает, как внимательно относился В. И. Ленин к людям. Даже в тяжелые дни своей болезни он продолжал проявлять необыкновенно трогательную заботливость о других. Мария Ильинична рассказывала, как В. И. Ленин тепло расспрашивал каждого приезжавшего товарища, интересовался его самочувствием и если замечал, что человек переутомился, то сейчас же посылал отдохнуть, полечиться.

Доктор Кожевников много раз отмечал внимание Владимира Ильича к лечащим врачам. Во время пребывания в Горках Владимир Ильич заботливо спрашивал посещавших его врачей, как они доехали, не устали ли, не озябли ли. Только после этого можно было задавать вопросы Владимиру Ильичу. Так же внимателен был В. И. Ленин к медицинским сестрам, санитарам, которые его обслуживали. Владимир Ильич всегда очень тяготился необходимостью прибегать к чужим услугам и, если предоставлялась возможность, избегал их.

15 декабря Владимир Ильич звонил в 11 часов 50 минут утра. Спросил копии вчерашних писем. Вызвал меня на квартиру и дал написанное им секретное письмо, поручив мне лично переписать его на машинке и отправить, копию же сохранить в запечатанном конверте в секретном архиве. Писать Владимиру Ильичу было очень трудно. Это отразилось на его почерке. Вероятно, поэтому Владимир Ильич велел уничтожить оригинал. Но рука не поднялась уничтожить рукопись В. И. Ленина, и оригинал был сохранен вместе с копией.

Владимир Ильич сделал распоряжение о книгах: отделить книги технические, медицинские и т. п., которые отправить обратно; сель-

скохозяйственные передать Марии Ильиничне; по производственной пропаганде, организации труда и педагогические — Надежде Константиновне; беллетристику держать до востребования; публицистику, политические мемуары, воспоминания оставить для него.

Кроме того, Владимир Ильич попросил, чтобы ему были даны все протоколы финансового комитета с запиской секретаря, «не слишком длинной, но и не слишком короткой», из которой он мог бы составить ясное представление о работах комитета.

Настроение неважное, сказал, что чувствует себя хуже, ночь не спал.

Начальник спецохраны Владимира Ильича рассказывал нам, что Владимиру Ильичу не хотелось ехать в Горки, что дорога на аэросанях очень утомительна, а на автомашине ехать нельзя из-за обилия снега. Он рассказал, что ежедневно в 9 часов 30 минут приводит к Владимиру Ильичу собаку Айду (щенок, ирландский сеттер), которую Владимир Ильич очень любит и играет с ней. Этот щенок был привезен Владимиру Ильичу еще в середине июля, когда он поправлялся после болезни и жил в Горках.

Владимир Ильич вторично позвонил в 8 часов 30 минут вечера и продиктовал письмо Сталину для членов Политбюро. Начал диктовать по телефону, но потом вызвал меня на квартиру.

В этом письме Владимир Ильич писал: «Я кончил теперь ликвидацию своих дел и могу уезжать спокойно... Осталось только одно обстоятельство, которое меня волнует в чрезвычайно сильной мере,— это невозможность выступить на съезде Советов. Во вторник у меня будут врачи, и мы обсудим, имеется ли хоть небольшой шанс на такое выступление. Отказ от него я считал бы для себя большим неудобством, чтобы не сказать сильнее. Конспект речи у меня был уже написан несколько дней назад. Я предлагаю поэтому, не приостанавливая подготовки для выступления кого-либо другого вместо меня, сохранить до среды возможность того, что я выступаю сам, может быть, с речью, сильно сокращенную против обычного, например, с речью в три четверти часа. Такая речь несколько не помешает речи моего заместителя (кого бы Вы ни уполномочили для этой цели), но, думаю, будет полезна и политически и в смысле личном, ибо устранил повод для большого волнения. Прошу иметь это в виду и, если открытие съезда еще затянется, известить меня заблаговременно через моего секретаря. Ленин»¹.

Письмо Владимира Ильича показывает, как тяжело переживал он свой вынужденный отрыв от работы и невозможность непосредственного участия в решении важнейших вопросов. Об этом рассказывала нам и Мария Ильинична. Какое значение придавал Владимир Ильич участию в работе X Всероссийского съезда Советов, видно из того, что еще 13 ноября, после своего выступления на IV конгрессе Коминтерна, которое прошло очень удачно, он спросил доктора Кожевникова, можно ли будет выступить на съезде Советов с большой 2-часовой программной речью. Кожевников ответил ут-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 338.

вердительно. К сожалению, выступить В. И. Ленину на этом съезде не удалось.

15 декабря Владимира Ильича по-прежнему тревожит вопрос о монополии внешней торговли. В. И. Ленин беспокоился, не будет ли этот вопрос снят с повестки дня предстоящего пленума ЦК. Закончив диктовать письмо Сталину относительно выступления на съезде Советов, Владимир Ильич тут же диктует ему записку, в которой категорически возражает против какой-либо оттяжки рассмотрения вопроса о монополии внешней торговли. Он подчеркивает, что колебание в этом деле приносит громадный вред Советской власти и делает совершенно неустойчивой ее политику по одному из коренных вопросов.

16 декабря состояние здоровья Владимира Ильича резко ухудшилось. В ночь на 16 декабря был новый приступ болезни, продолжавшийся 35 минут. Несмотря на это, утром, до прихода врача, Владимир Ильич кратко продиктовал Надежде Константиновне еще одно письмо о работе замов. Несколько позже Владимир Ильич продиктовал мне это письмо полностью. В нем говорилось о необходимости вести краткую стенографическую запись всех решений замов, чтобы обеспечить согласованность их работы и возможность позже продумать принятые на ходу решения. Организацию аппарата стенографических записей и надзор за его работой Владимир Ильич рекомендовал поручить Н. П. Горбунову.

С 11 до 11 часов 45 минут у Владимира Ильича были врачи (Крамер и Кожевников). Пришла телеграмма от профессора Ферстера, подтверждающая, что до выступления на съезде Владимир Ильич должен не менее семи дней полностью отдыхать.

16 декабря Владимир Ильич ни разу не звонил и никаких распоряжений не делал. Вечером позвонила Надежда Константиновна и просила сообщить И. В. Сталину от имени Владимира Ильича, что выступить на съезде Советов он не сможет. На мой вопрос, как чувствует себя Владимир Ильич, сказала: «Средне, по внешности ничего, а вообще сказать трудно». Просила также по его поручению позвонить Ем. Ярославскому, чтобы он при обсуждении на пленуме вопроса о монополии внешней торговли записывал речи противников монополии — Бухарина и Пятакова, а по возможности и других.

Вынужденный отказ от выступления на X Всероссийском съезде Советов сильно опечалил Владимира Ильича. Здоровье его резко ухудшилось.

18 декабря утром и вечером проходили заседания пленума ЦК РКП(б). На утреннем заседании слушался вопрос о монополии внешней торговли. Пленум постановил подтвердить безусловную необходимость сохранения и организационного укрепления монополии внешней торговли, отменил постановление предыдущего октябрьского пленума ЦК и предложил издать в партийном порядке строгую инструкцию, разъясняющую это постановление. Пленум осудил высказывания против монополии внешней торговли в переговорах с представителями иностранных капиталистов в России

и за границей и указал на вред дискуссий по вопросу о монополии, которые вызывают в капиталистическом мире представление о нашей неустойчивости по этому вопросу.

Владимир Ильич считал необходимым закрепить положение о монополии внешней торговли решением партийного съезда. По предложению Владимира Ильича этот вопрос был внесен на рассмотрение XII съезда РКП(б). В резолюции по политическому отчету Центрального Комитета съезд подтвердил незыблемость монополии внешней торговли и недопустимость каких-либо колебаний при ее проведении.

Таким образом, это важнейшее, отстаиваемое В. И. Лениным решение было обеспечено. Мудрость, дальновидность и революционная настойчивость В. И. Ленина устранили политически ошибочное решение, принятое пленумом ЦК 6 октября 1922 года в отсутствие В. И. Ленина, решение, которое в случае проведения его в жизнь могло бы стать гибельным для Советского государства.

Вся история борьбы за монополию внешней торговли является одним из ярких примеров того, как настойчиво отстаивал Владимир Ильич решения, в правильности и политической необходимости которых он был глубоко убежден. В этих случаях В. И. Ленин выдвигал все новые и новые доводы, рассматривая вопрос со всех сторон, вовлекая в его обсуждение ряд работников, которых считал компетентными в данном деле, внимательно относился к их замечаниям и никогда не подавлял своим авторитетом. Рассмотрение вопроса о монополии внешней торговли может служить примером, характеризующим стиль работы Ленина, его дальновидность, непреклонную волю и строгое соблюдение норм партийной жизни, принципов коллективного руководства.

На вечернем заседании 18 декабря пленум обсудил вопрос *об образовании Союза Советских Социалистических Республик*.

Инициатором и создателем Союза Советских Социалистических Республик был В. И. Ленин. Идею объединения независимых национальных Советских республик Владимир Ильич развивал в ряде своих работ уже в 1918 году. К лету 1922 года практическое разрешение вопроса о взаимоотношениях РСФСР и независимых республик стало в хозяйственном и политическом отношении необходимым.

11 августа 1922 года во время пребывания Владимира Ильича на лечении в Горках Оргбюро ЦК РКП(б) создало комиссию в составе членов ЦК Сталина, Куйбышева, Орджоникидзе, Сокольникова и представителей от независимых национальных республик для разработки и подготовки проекта резолюции «О взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками». В основу работы комиссии были положены тезисы Сталина об «автономизации», которые предусматривали объединение независимых республик путем вхождения их в РСФСР на началах автономии и подчинении центральных государственных органов независимых республик центральным государственным органам Российской Федерации.

Тезисы обсуждались в руководящих партийных органах респуб-

лик, а затем были рассмотрены и приняты на двух заседаниях комиссии Оргбюро — 23 и 24 сентября 1922 года. Резолюция комиссии Оргбюро была роздана членам и кандидатам ЦК РКП(б) как материал к предстоявшему октябрьскому пленуму Центрального Комитета.

В. И. Ленин узнал содержание резолюции комиссии Оргбюро из письма Сталина от 22 сентября, присланного в ответ на записку Владимира Ильича, и из беседы со Сталиным, состоявшейся 26 сентября. Владимир Ильич увидел в решении комиссии серьезнейшую политическую ошибку — ущемление интересов и прав независимых республик. Он был убежден, что единственно правильным решением вопроса является добровольное объединение равноправных республик в Союз Советских Социалистических Республик и образование наряду с ВЦИК РСФСР союзного ЦИК.

В последних числах сентября (с 26-го по 29-е), оставаясь еще в Горках, Владимир Ильич имел ряд свиданий и бесед с руководящими работниками: Сталиным, Орджоникидзе, Сокольниковым, с четырьмя представителями Компартии Грузии и представителем Компартии Армении. Особенно продолжительна была беседа со Сталиным. В результате Сталин согласился на предложение Ленина по основному, первому параграфу резолюции.

26 сентября В. И. Ленин в письме, адресованном Каменеву для членов Политбюро, пишет: «По-моему, вопрос архиважный. Сталин немного имеет устремление торопиться... Одну уступку Сталин уже согласился сделать. В § 1 сказать вместо «вступления» в РСФСР — «Формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии».

Дух этой уступки, надеюсь, понятен: мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, «союз советских республик Европы и Азии»¹.

Далее Владимир Ильич указывает на необходимость соответствующего изменения также и второго параграфа проекта резолюции, а именно: создание наряду с ВЦИК РСФСР ЦИК Союза Советских Республик — и делает несколько замечаний по другим параграфам резолюции.

Владимир Ильич с присущей ему скромностью называл это свое письмо предварительным проектом, который он будет добавлять и изменять на основании бесед с рядом товарищей. В действительности же В. И. Ленин изложил здесь научные, подлинно интернационалистические принципы образования СССР. Ленинская забота о том, чтобы не ущемлялись интересы и права малых наций, особенно ярко выражена в следующих словах письма: «Важно, чтобы мы не давали пищи «независимцам», не уничтожали их *независимости*, а создавали еще *новый этаж, федерацию равноправных республик*»².

В конце письма В. И. Ленин пишет, что Сталин согласился отложить внесение резолюции в Политбюро до 2 октября, то есть до воз-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 211.

² Там же. С. 212.

вращения В. И. Ленина в Москву. Владимир Ильич просит разослать копии его письма *всем* членам Политбюро ¹.

Письмо Ленина имело большое политическое значение и вместе с его беседами с руководящими работниками оказало решающее влияние на исход дела. 27 сентября Сталин сообщил В. И. Ленину и членам Политбюро о своем согласии с предложением Владимира Ильича относительно первого параграфа, однако продолжает еще возражать против образования союзного ЦИК. Но 28 сентября Сталин уступает и в этом вопросе. В новом проекте резолюции, составленном Сталиным 28 сентября, первый и второй параграфы, имеющие принципиальное значение, были сформулированы в соответствии с замечаниями В. И. Ленина, сделанными в письме от 26 сентября и в беседах со Сталиным, Орджоникидзе и другими работниками.

Этот новый проект, подписанный Сталиным, Орджоникидзе, Мясниковым и Молотовым как председателем комиссии, был роздан всем членам и кандидатам ЦК РКП(б).

В вводной части к проекту отмечалось, что авторы его считают резолюцию комиссии ЦК по вопросу о взаимоотношениях между РСФСР и независимыми республиками в основе правильной и безусловно приемлемой. А затем было сказано, что резолюция нуждается лишь «в уточнении некоторых пунктов, касающихся главным образом строения общесоюзных центральных органов и отчасти их функций».

Таким образом, сделанные под влиянием и в соответствии с указаниями Ленина принципиальные, имеющие большое политическое значение коренные поправки в прежней резолюции комиссии Оргбюро квалифицируются здесь лишь как «уточнение некоторых пунктов». Это была, конечно, не случайная описка.

Следует отметить, что за несколько дней до октябрьского пленума у Владимира Ильича на приеме были Мдивани и другие члены ЦК КП Грузии. Осуждая допущенные ими националистические выходки, В. И. Ленин внимательно прислушивался к их критике «автономизации».

Владимир Ильич не мог участвовать в работе октябрьского пленума, так как у него сильно болели зубы. Беспokoясь за исход дела и скрывая под шуткой свою озабоченность, Владимир Ильич пишет записку в Политбюро:

«Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами.

Надо *абсолютно* настоять, чтобы в союзном ЦИКе *председательствовали* по очереди

русский,
украинец,
грузин и т. д.
*Абсолютно!»*²

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 212—213. *Ред.*

² Там же. С. 214.

Пленум ЦК РКП(б) 6 октября по докладу Сталина принял переработанную на основе замечаний Владимира Ильича резолюцию «О взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками». Пленум поручил новой широкой комиссии, включавшей представителей республик, выработать проект закона об образовании СССР и внести на рассмотрение очередного, декабрьского пленума ЦК РКП(б).

18 декабря 1922 года пленум ЦК принял проект закона об образовании СССР.

Таким образом, в вопросе об объединении Советских республик В. И. Ленин оказал решающее влияние на исход дела, нашел правильную форму подлинно братского союза народов, показал несостоятельность «автономизации», искажавшей национальную политику партии. Укоренившееся в связи с культом личности Сталина воззрение, что создателем Союза Советских Социалистических Республик является Сталин, не соответствует исторической правде.

В эти дни, когда происходили заседания Пленума ЦК и X Всероссийского съезда Советов, на повестке которых стояли вопросы, так сильно заботившие Владимира Ильича, в обсуждении которых он надеялся, страстно желал, но не смог участвовать, Владимир Ильич лежал тяжело больной в своей маленькой комнате в кремлевской квартире. Владимир Ильич никого не вызывал и никаких поручений не давал.

Члены ЦК партии были опечалены отсутствием на пленуме Владимира Ильича, очень беспокоились о его здоровье. 18 декабря пленум принял специальное решение, возлагавшее на И. В. Сталина наблюдение за тем, чтобы предписанный врачами режим лечения Владимира Ильича строго соблюдался.

20 декабря Мария Ильинична записала в своем дневнике: «Прилетел из-за границы профессор Ферстер. Владимир Ильич встретил его очень радушно и прежде всего спросил, как он доехал, не устал ли».

Позже Мария Ильинична вспоминала интересные высказывания профессора Ферстера о ходе болезни Владимира Ильича. Профессора часто спрашивали: «Не из-за того ли, что В. И. Ленин с начала октября до середины декабря снова был на работе, развитие болезни пошло ускоренным ходом?» Ферстер со всей решительностью отвергал это предположение.

«Болезнь Ленина, — говорил он, — была обусловлена в первую очередь внутренними причинами, она развивалась по внутренним законам независимо от внешних факторов, с беспощадной закономерностью... Если бы Ленина в октябре 1922 года и дальше оставляли бы в бездеятельном состоянии, он лишился бы последней большой радости, которую он получил в своей жизни. Дальнейшим полным устранением от всякой деятельности нельзя было бы задержать ход его болезни. Работа для Владимира Ильича была жизнью, бездеятельность означала смерть»¹.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 16, оп. 3, д. 20.

21 и 22 декабря, несмотря на тяжелое состояние, Владимир Ильич продиктовал две короткие записки.

В ночь на 23 декабря болезнь обострилась. Когда Владимир Ильич проснулся, то оказалось, что ни правой ногой, ни правой рукой он не может двигать. Вскоре Мария Ильинична сообщила нам горькую весть: болезнь Владимира Ильича распространилась дальше. Правая рука и правая нога поражены параличом.

* * *

С этих пор Владимир Ильич больше не мог сам писать. *Никто* из должностных лиц, кроме М. А. Володичевой, меня, М. И. Гляссер¹ и медицинского персонала, у Владимира Ильича с 23 декабря не бывал.

В те тяжелые дни с особой силой проявилось несравненное величие духа Ленина. Прикованный к постели, он отдавал последние силы тому великому делу, которому беззаветно служил всю свою жизнь. Преодолевая болезнь, при каждом проблеске улучшения здоровья Владимир Ильич диктовал письма, статьи, излагал свои гениальные планы дальнейшего развития Советского государства, мудрые заветы партии и советскому народу.

23 декабря Владимир Ильич попросил разрешения у врача продиктовать стенографистке в течение пяти минут. Владимир Ильич сказал, что его волнует один вопрос и он боится, что не уснет, если этот вопрос не запишет. Врач удовлетворил просьбу, и Ленин успокоился.

В тот же день утром, в начале девятого, В. И. Ленин вызывал на квартиру М. А. Володичеву и в продолжение четырех минут диктовал ей. Как записала М. А. Володичева, Владимир Ильич чувствовал себя плохо, были врачи. Перед тем как начать диктовать, он сказал ей: «Я хочу Вам продиктовать *письмо к съезду*. Запишите!» Продиктовал быстро, но болезненное состояние давало о себе знать.

Уже в этой, первой части письма Владимир Ильич четко сформулировал те основные положения, которые считал необходимым внести на обсуждение партийного съезда. Прежде всего В. И. Ленин предлагал увеличить состав ЦК РКП(б) до нескольких десятков или даже до сотни человек путем вовлечения в него рабочих.

В расширении состава ЦК Ленин видел средство «и для поднятия авторитета ЦК, и для серьезной работы по улучшению нашего аппарата, и для предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех судеб партии»².

Вторым вопросом, который В. И. Ленин считал необходимым поставить перед съездом, был вопрос об увеличении компетенции Госплана.

Закончив диктовать, Владимир Ильич спросил у М. А. Володичевой, какое сегодня число, почему она такая бледная и почему не на

¹ М. И. Гляссер в этот период была приглашена В. И. Лениным один раз — 6 февраля 1923 г. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343.

съезде¹. Пожалел, что отнимает время, которое она могла бы провести на съезде. Никаких распоряжений от Владимира Ильича Володичева не получила.

Простое, товарищеское отношение к работающему персоналу было вообще характерно для Владимира Ильича. Как говорила Мария Ильинична, «он срабатывался с людьми и очень не любил без крайней необходимости менять их».

24 декабря, в промежутке от 6 до 8 часов вечера, Владимир Ильич опять вызывал М. А. Володичеву и диктовал в течение 10 минут. Предупредил ее о том, что продиктованное вчера (23 декабря) и сегодня (24 декабря) является абсолютно секретным. Подчеркнул это не один раз. Потребовал все, что он диктует, хранить в особом месте.

В этот же день по просьбе Владимира Ильича ему были переданы книги Н. Суханова «Записки о революции», т. III и т. IV².

Мария Ильинична рассказывала, что в ответ на требования врачей прекратить переговоры Владимира Ильича со своим секретарем и стенографисткой он поставил вопрос ультимативно: или ему будет разрешено диктовать хотя бы в течение короткого времени ежедневно, или он вовсе откажется лечиться. В этом проявилась наиболее характерная черта Владимира Ильича: вне революционной работы он не видел смысла жизни. И теперь, прикованный к постели, больной, страдающий нередко сильными головными болями и мучительной бессонницей, Владимир Ильич с нечеловеческим упорством старался использовать каждую возможность работать для партии, для дела рабочего класса.

В. И. Ленин настойчиво добивался от врачей, чтобы ему разрешили диктовать свой «дневник». Владимир Ильич, вероятно, полагал, что такое невинное название его записок облегчит получение разрешения.

24 декабря на совещании врачей с членами Политбюро Сталиным, Бухариным и Каменевым было решено, что Владимиру Ильичу предоставляется право диктовать ежедневно 5—10 минут. Но это не должно носить характер переписки, и на эти записки Владимир Ильич не должен ожидать ответа. Свидания запрещались. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений. Для записи диктуемого Владимиру Ильичу предоставили право вызывать из своего секретариата М. А. Володичеву и меня.

Пользуясь этим решением, В. И. Ленин в конце декабря 1922 го-

¹ 23 декабря в Москве собрался X Всероссийский съезд Советов, который, как и предшествовавшие ему съезды Советов Украины, Белоруссии и ЗСФСР, принял решение о вхождении на основе добровольности и равноправия народов в Союз Советских Социалистических Республик. *Ред.*

² Книги «Записки о революции» меньшевика Суханова, вышедшие в издательстве З. И. Гржебина в 1922 г., охватывали период с 3 апреля по 8 июля 1917 г. По поводу этих книг В. И. Ленин написал известную статью «О нашей революции» (см.: Полн. собр. соч. Т. 45. С. 378—382). *Ред.*

да и в январе — феврале 1923 года продиктовал свои письма и статьи, имеющие неоценимое значение для нашей партии.

Постепенно время для диктовки Владимира Ильича было увеличено до 20 минут в день, а затем до 40 минут в два приема, утром и вечером.

Случалось, что Владимир Ильич переступал и эти границы, продолжая диктовать начатую статью. Фактически Владимир Ильич работал значительно больше положенного ему времени.

Во время диктовки он иногда прочитывал продиктованное им раньше и переписанное на машинке. В некоторые дни Владимир Ильич читал вечером, перед сном. Можно с уверенностью сказать, что многие часы днем и в бессонные ночи Владимир Ильич думал о том, что он считал необходимым безотлагательно сказать партии и что ему приходилось втискивать в тесные рамки времени, отведенного для диктовки врачами.

Необходимость диктовать, а не писать самому сильно затрудняла Владимира Ильича. Он и до болезни не любил диктовать. Владимир Ильич говорил, что привык видеть перед глазами написанный текст. Его стесняло, что в минуты, когда, продиктовав фразу, он останавливался, обдумывая дальнейшее, стенографистка бездействовала, ожидая продолжения.

Пытаясь приучить себя к диктовке, Владимир Ильич просил, чтобы стенографистка имела при себе какую-либо книгу для чтения в перерывах. Однако и это не помогло. Тогда стенографистку поместили в соседней комнате, дали ей наушники, и Владимир Ильич диктовал по телефону. Но к этому способу он прибегал редко и неохотно.

Диктуя свои последние письма и статьи, Владимир Ильич быстро, скороговоркой произносил сложившуюся в уме фразу и останавливался ненадолго, продумывая следующую. При этом Владимир Ильич никогда не повторял уже произнесенное предложение, и ни М. А. Володичева, ни я не осмеливались переспрашивать, боясь нарушить течение его мысли.

После окончания диктовки записи тотчас же расшифровывались, переписывались на машинке и передавались Владимиру Ильичу. По его указанию продиктованное перепечатывалось на машинке в пяти экземплярах: один — для него, три — для Надежды Константиновны, и один хранился в его секретариате.

Экземпляр записи, посылаемый в «Правду» со всеми поправками и изменениями, перепечатанный начисто, просматривался Владимиром Ильичем, после чего передавался Марии Ильиничне¹. Исправлялись и остальные копии, а черновики сжигались.

Владимир Ильич сказал Володичевой, чтобы особо секретные записи хранились в конвертах под сургучной печатью. На конвертах по указанию Ленина делалась надпись, что вскрыть их может лишь В. И. Ленин. Владимир Ильич добавлял еще: «А после его

---

¹ М. И. Ульянова была в то время ответственным секретарем редакции «Правды». *Ред.*

смерти — Надежда Константиновна». Но эти слова на конвертах не писались, о них знали только Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Было невыносимо больно поставить слово «смерть» рядом с именем Владимира Ильича.

Мария Ильинична и Надежда Константиновна нежно заботились о Владимире Ильиче. Вся хозяйственная и организаторская часть по уходу за ним лежала на Марии Ильиничне, которая почти никогда от него не отлучалась. Надежда Константиновна тоже неотлучно находилась около Владимира Ильича. Он горячо и искренне любил этих двух наиболее близких ему людей и всегда проявлял о них самую нежную заботу.

На кровати Владимира Ильича была сделана полочка вроде пюпитра для нот. Положив на нее свою статью, Владимир Ильич проверял запись, переворачивая страницы здоровой левой рукой, иногда вносил небольшие поправки. В те дни, когда состояние было лучше, В. И. Ленин шутил, улыбался, спрашивал, не очень ли мы устали. Но часто Владимир Ильич страдал головными болями, и тогда у него на голове лежал компресс.

Это были тяжелые и незабываемые дни. Казалось, вся наша жизнь сосредоточилась в тех немногих минутах, которые мы проводили у постели больного Владимира Ильича, стараясь не пропустить ни одного слова его, ни одного, хотя бы мимолетного оттенка в выражении его лица.

Сотрудники небольшого Секретариата СНК и СТО с огромным волнением ожидали каждый раз возвращения М. А. Володичевой или меня от Владимира Ильича. Каждому хотелось прежде всего узнать, как чувствует себя Владимир Ильич, как он выглядит. Иногда после нашего возвращения от Владимира Ильича в Секретариат приходила Надежда Константиновна или Мария Ильинична, чтобы прочесть то, что он продиктовал, и поделиться своими впечатлениями о его самочувствии.

25 и 26 декабря Владимир Ильич продолжал диктовать М. А. Володичевой «Письмо к съезду», начатое им 23 и 24 декабря.

В этом письме, продиктованном в пять приемов (23, 24, 25, 26 декабря 1922 года и 4 января 1923 года), Владимир Ильич предостерегал партию от возможности раскола. Предлагая увеличить число членов ЦК до 50—100 человек за счет рядовых рабочих, Ленин считал, что «устойчивость нашей партии благодаря такой мере выиграла бы в тысячу раз»¹.

Имея в виду, что раскол может быть вызван личными качествами отдельных членов ЦК и обостренными взаимоотношениями между ними, Владимир Ильич дает в этих записях характеристику отдельных членов ЦК.

Особенно подробно останавливается Владимир Ильич на характеристике Сталина и Троцкого, отношения между которыми, по его мнению, составляют больше половины опасности раскола. В. И. Ленин пишет: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 344.

в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела.

Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно»¹.

Говоря далее о других членах ЦК, В. И. Ленин напоминает, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева не являлся случайностью, но что он так же мало может быть ставим им в вину лично, как меньшевизм — Троцкому.

Из молодых членов ЦК В. И. Ленин коротко останавливается на Бухарине и Пятакове.

В. И. Ленин отмечает, что Бухарин — «ценнейший и крупнейший теоретик партии... но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)»².

25 декабря Владимир Ильич, заканчивая вторую часть письма, указывает, что «Пятаков — человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе»³.

26 декабря Владимир Ильич продолжал диктовать «Письмо к съезду». В. И. Ленин указывает, что увеличение числа членов ЦК будет способствовать улучшению работы всего советского государственного аппарата.

Переделку и улучшение советского аппарата Ленин считал задачей первостепенной важности и на протяжении всей своей деятельности как глава правительства уделял ей много сил и времени. 26 декабря В. И. Ленин говорит, что этот аппарат, унаследованный нами, в сущности, от старого режима, из рук вон плох. Переделать его в пять лет, особенно в условиях, в которых проходила наша революция, было совершенно невозможно. Достаточно, что мы за пять лет создали новый тип государства, в котором рабочие идут впереди крестьян против буржуазии; и это при условии враждебной международной обстановки дело гигантское. Считая необходимым расширить ЦК за счет рядовых рабочих, не тех рабочих, которые уже выдвинулись в число советских служащих, а тех, которые ближе к числу рядовых рабочих и крестьян, В. И. Ленин писал:

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.

² Там же.

³ Там же.

«Я думаю, что такие рабочие, присутствуя на всех заседаниях ЦК, на всех заседаниях Политбюро, читая все документы ЦК, могут составить кадр преданных сторонников советского строя, способных, во-первых, придать устойчивость самому ЦК, во-вторых, способных действительно работать над обновлением и улучшением аппарата»¹.

27 декабря Владимир Ильич начал диктовать письмо «О придании законодательных функций Госплану». Госплан, отмечал В. И. Ленин, представляет собою совокупность сведущих людей, обладающих большими научными и техническими знаниями для правильного суждения о делах. Поэтому следует сделать шаг для увеличения компетенции Госплана, придания ему известной независимости и самостоятельности, для чего установить особый, отличный от обычного, более сложный порядок пересмотра или отмены решений Госплана.

Вместе с тем Ленин указывает, что здесь с принципиальными вопросами тесно переплетается вопрос личный, именно вопрос о руководстве Госплана. Владимир Ильич возвращается к высказанному им ранее (в 1921 году и в сентябре 1922 года) соображению, что научную работу Госплана надо подкрепить работой администраторской.

В этом отношении чрезвычайно важно следующее высказывание Ленина в продолжении письма от 28 декабря: «Руководитель государственного учреждения должен обладать в высшей степени способностью привлекать к себе людей и в достаточной степени солидными научными и техническими знаниями для проверки их работы. Это — как основное. Без него работа не может быть правильной. С другой стороны, очень важно, чтобы он умел администрировать и имел достойного помощника или помощников в этом деле. Соединение этих двух качеств в одном лице вряд ли будет встречаться и вряд ли будет необходимо»².

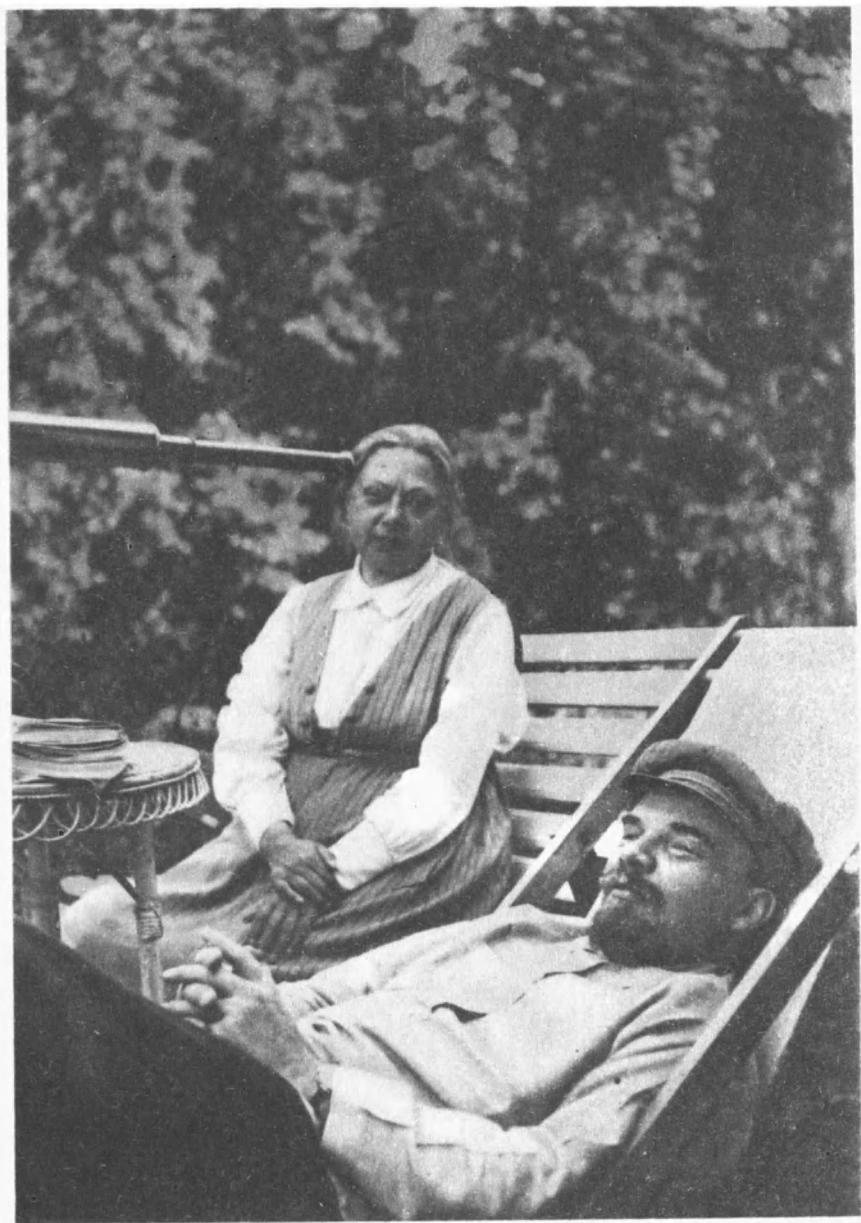
28 декабря Владимир Ильич около 20 минут продолжал диктовать письмо «О придании законодательных функций Госплану» и столько же времени читал.

29 декабря Владимир Ильич закончил диктовать письмо «О придании законодательных функций Госплану». Дальнейшая судьба письма такова: 2 июня 1923 года Н. К. Крупская передала письмо в Политбюро ЦК РКП(б). По поручению Сталина 3 июня 1923 года оно было разослано всем членам и кандидатам Политбюро и членам Президиума ЦКК. Впервые письмо опубликовано после XX съезда партии.

29 декабря Надежда Константиновна сообщила, что врачи разрешили Ильичу читать книги и он читает «Записки о революции» Суханова; просит составлять для него списки получаемых новых книг по отделам, кроме беллетристики, которая его сейчас не интересует.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 348.

² Там же. С. 351.

В. И. Ленин и Н. К. Крупская в Горках.
Август — сентябрь 1922 г.

В. И. Ленин в Горках.
Август—сентябрь 1922 г.

В. И. Ленин в своем кабинете в Горках.
Начало августа 1922 г.

В. И. Ленин на прогулке в Горках.
Начало августа 1922 г.

В. И. Ленин, жена Д. И. Ульянова,
Александра Федоровна, с дочерью Ольгой
и племянник Виктор Ульянов.
Горки, начало августа 1922 г.

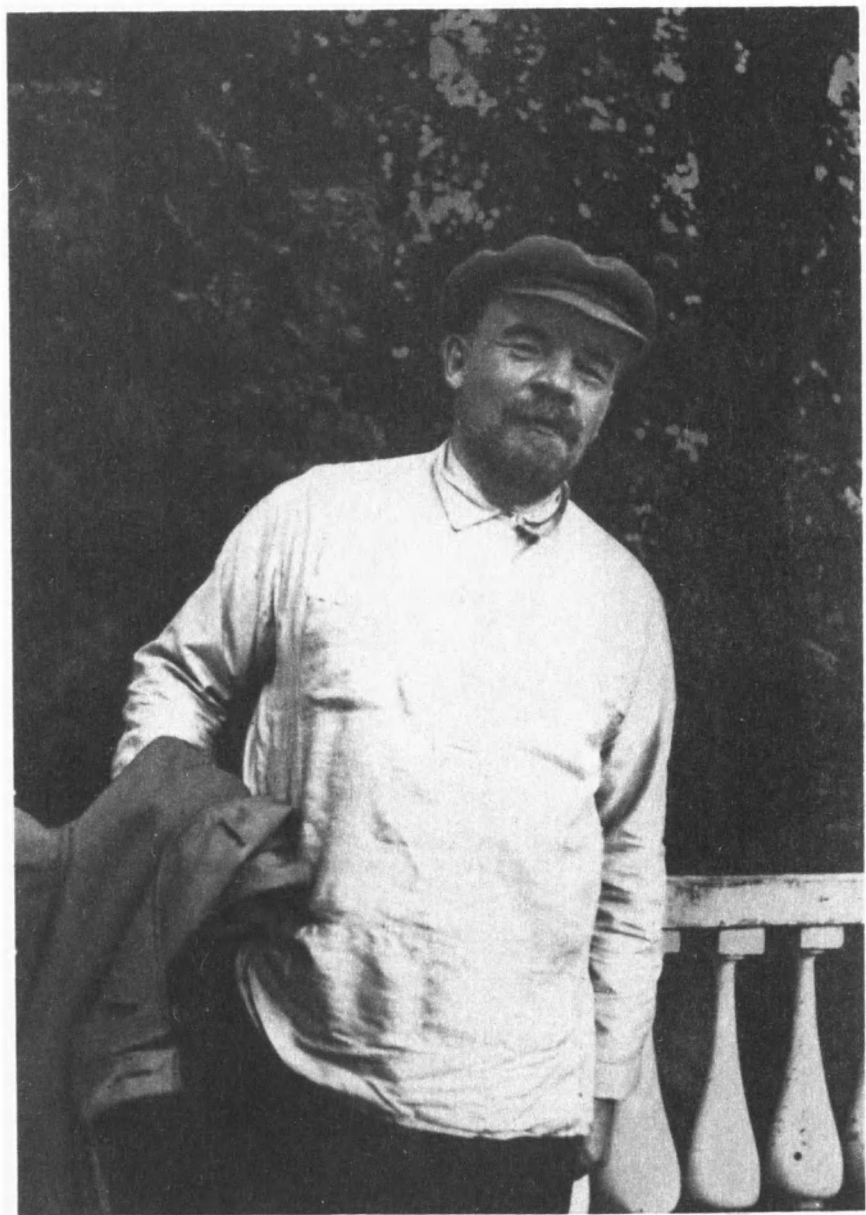
В. И. Ленин, Н. К. Крупская
и А. И. Ульянова-Елизарова с племянником
Виктором Ульяновым и дочерью рабочего
Верой Брусовой.
Горки, начало августа 1922 г.

В. И. Ленин и Г. Л. Пятаков.
Горки, 24 сентября 1922 г.

В. И. Ленин и Н. К. Крупская
в окрестностях Горок.
Начало августа — 2 октября 1922 г.

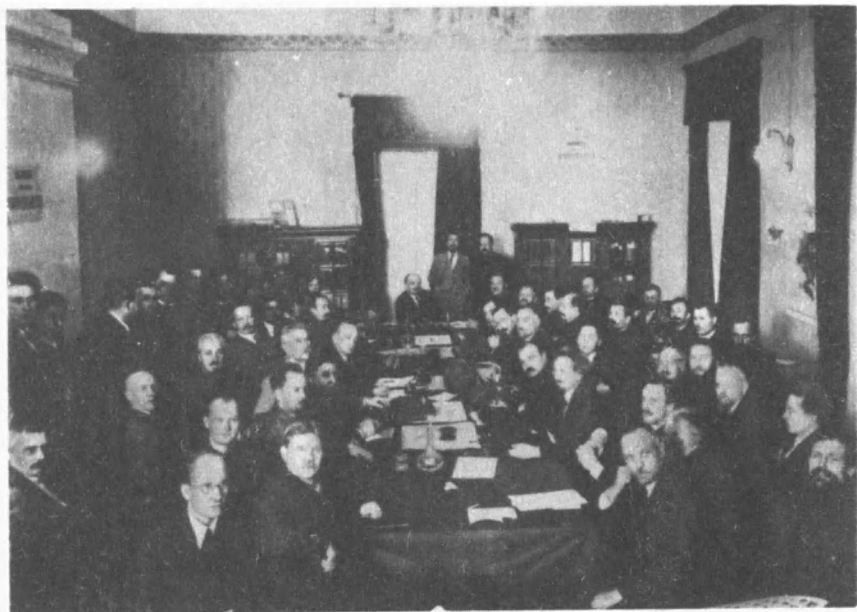

В. И. Ленин в Горках.
Август—сентябрь 1922 г.

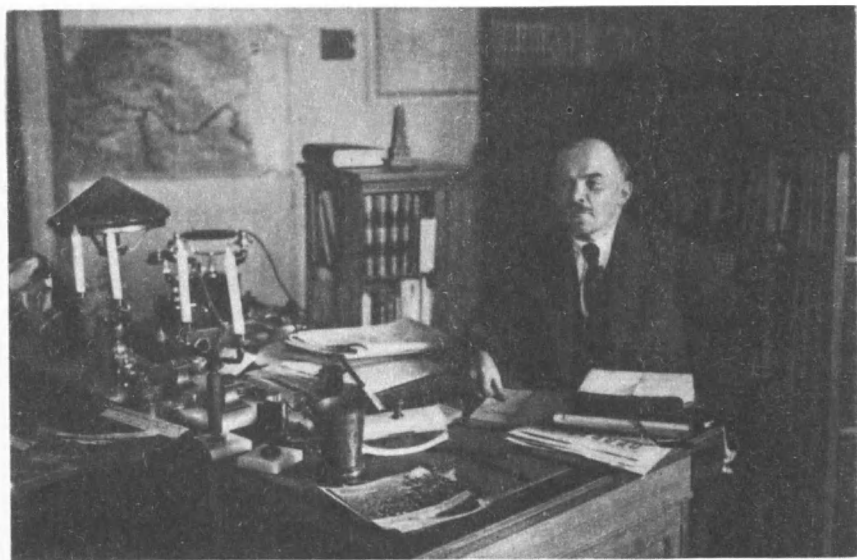

В. И. Ленин в Горках.
Начало августа—2 октября 1922 г.

Одно из последних заседаний Совнаркома
под председательством В. И. Ленина.
3 октября 1922 г.
Справа стоят А. И. Рыков и Л. Б. Каменев

В. И. Ленин в своем кабинете
в Кремле. 4 октября 1922 г.

В эти дни время диктовки было увеличено до двух раз в день по 10 минут. Владимир Ильич нередко работал больше. Как говорила Мария Ильинична, он, желая поправиться, выполнял все предписания врачей по приему лекарств, но в отношении работы выходил за рамки дозволенного.

Владимир Ильич в это время был занят не только записями, на которые, по формулировке врачей, «он не должен был ожидать ответа», но и текущими делами и старался влиять на них.

29 декабря, закончив письмо о Госплане, В. И. Ленин возвращается к вопросу об увеличении числа членов ЦК. Как всегда, рассматривая вопрос со всех сторон, он высказывает свои соображения о том, что новые члены ЦК, занимаясь главным образом проверкой и улучшением работы советского аппарата, должны будут пользоваться при этом услугами высококвалифицированных специалистов, которых им будет поставлять РКИ. Здесь Владимир Ильич подходит к своему плану соединения советского контрольного органа — Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин) с партийным — Центральной контрольной комиссией (ЦКК). Несколько позже, в январе 1923 года, Владимир Ильич подробно изложил этот план в статье «Как нам реорганизовать Рабкрин».

Вопрос о составе и строении высших партийных органов занимал Владимира Ильича и раньше, до декабря 1922 года. В этом отношении интересна рассказанная Марией Ильиничной ее беседа с Владимиром Ильичем 2 сентября 1922 года. Речь между ними зашла о долговечности революционера. Стали вспоминать, кому из ближайших товарищей сколько лет, люди каких поколений входят в ЦК. Владимир Ильич начал развивать мысль о том, что в ЦК должны бы входить люди разных поколений: 50, 40, 30, 20 лет. Таким образом, молодежь втягивалась бы в работу ЦК, присматривалась, привыкала бы к ней. ЦК мог бы быть «вечным».

30 декабря собрался I съезд Советов СССР, который принял Декларацию об образовании Союза ССР и Союзный договор. Под бурные аплодисменты всех присутствующих и крики «ура» съезд постановил послать пламенный привет почетному председателю съезда, вождю мировой революции В. И. Ленину.

А Владимир Ильич в этот день диктовал М. А. Володичевой письмо «К вопросу о национальностях или об «автономизации». Диктовка проходила в два приема по 15 минут. Кроме того, Владимир Ильич читал два раза по 20 минут. Как рассказывал доктор Кожевников, первой диктовкой Владимир Ильич остался очень доволен, но вторая вначале не вполне клеилась, и это его расстроило.

31 декабря утром настроение у Владимира Ильича было очень плохое, как ни разу за время болезни. Вечером стало гораздо лучше.

В два приема вечером Владимир Ильич закончил диктовать письмо «К вопросу о национальностях или об «автономизации» и остался доволен своей работой.

Было ли случайным совпадением то, что это свое письмо

В. И. Ленин диктовал в дни работы съезда, окончательно закрепившего решение об образовании СССР? Скорее всего можно предполагать, что, зная об открытии съезда, Владимир Ильич с новой силой почувствовал тревогу за правильное решение национального вопроса, которая так ярко выражена в его письме.

Письмо В. И. Ленина «К вопросу о национальностях или об «автономизации» имеет огромное принципиальное значение. В. И. Ленин дал в нем глубокое разъяснение национальной политики Коммунистической партии и подлинно пролетарского интернационализма. Особенно заострял Владимир Ильич внимание на обеспечении чуткого отношения к национальным меньшинствам со стороны больших наций. В этой связи В. И. Ленин отводит большое место в своем письме конфликту между ЦК Компартии Грузии и Закрайкомом РКП(б), возглавлявшимся Г. К. Орджоникидзе. Об этом конфликте, который его глубоко волновал, Владимир Ильич знал еще до своей болезни.

Политическая обстановка в Грузии, лишь в феврале 1921 года освободившейся от меньшевистского владычества, была очень сложной. На настроении масс сказывалось влияние мелкобуржуазных партий, особенно меньшевиков, еще недавно бывших хозяевами в Грузии. Националистические, антисоветские настроения подогревались агрессивной позицией английского империализма, стремившегося восстановить в Грузии старые порядки, закабалить ее.

Сложное внешнее и внутреннее положение республики требовало от Коммунистической партии Грузии особой гибкости. Еще 2 марта 1921 года В. И. Ленин, горячо приветствуя Советскую Грузию, в телеграмме Г. К. Орджоникидзе указывал на необходимость гибкой тактики, особой политики уступок по отношению к мелкой буржуазии, вплоть до заключения блока с меньшевиками. «...Гигантски важно,— писал В. И. Ленин,— искать приемлемого компромисса для блока с Жордания или подобными ему грузинскими меньшевиками, кои еще до восстания не были абсолютно враждебны к мысли о советском строе в Грузии на известных условиях.

Прошу помнить, что и внутренние и международные условия Грузии требуют от грузинских коммунистов не применения русского шаблона, а умелого и гибкого создания своеобразной тактики, основанной на большей уступчивости всяческим мелкобуржуазным элементам»¹.

В. И. Ленин указывал, что укрепление советского строя в Грузии и других Закавказских республиках имеет огромное международное значение. Особенно ярко выразил Владимир Ильич эту мысль в письме от 14 апреля 1921 года «Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской Республики».

В. И. Ленин писал: «...как ни важен национальный мир между рабочими и крестьянами национальностей Кавказа, а еще несравненно важнее удержать и развить Советскую власть, как переход

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 367.

к социализму. Задача трудная, но вполне исполнимая. Всего более важно для успешного ее решения, чтобы коммунисты Закавказья поняли *своеобразие* их положения, положения их республик, в отличие от положения и условий РСФСР, поняли необходимость не копировать нашу тактику, а обдуманно видоизменять ее применительно к различию конкретных условий...

Больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно крестьянству...

Более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму — вот что возможно и необходимо для республик Кавказа в отличие от РСФСР. Вот что надо понять и уметь осуществить в отличие от нашей тактики»¹.

Такова была четкая и ясная ленинская линия.

Однако в первые дни существования Грузинской Советской Социалистической Республики там возникли резкие разногласия по тактическим вопросам между Центральным Комитетом Коммунистической партии (большевиков) Грузии (ЦК КП(б)Г) и Кавбюро (позже Заккрайком) РКП(б).

Часть ответственных работников Грузии во главе с Мдивани, Махарадзе и другими, ссылаясь на знание местных условий и упрощенно толкуя советы В. И. Ленина, допускали серьезные националистические ошибки.

С другой стороны, Кавбюро (Заккрайком) во главе с Г. К. Орджоникидзе, правильно осуждая националистические ошибки большинства ЦК Компартии Грузии, действовало зачастую методами периода «военного коммунизма», увлекалось администрированием. Заккрайком обвинил Мдивани, Махарадзе и их сторонников в уклоне к социал-национализму и к меньшевизму.

Члены ЦК КП(б) Мдивани, Махарадзе и другие в свою очередь обвиняли Заккрайком и Орджоникидзе в великорусском шовинизме, в грубом, пренебрежительном отношении к членам ЦК КПГ. Заккрайком, утверждали они, непосредственно, через голову ЦК КП Грузии руководил организациями, находящимися в ведении ЦК КП Грузии.

Центральным вопросом, вокруг которого разворачивался конфликт, был вопрос об образовании Закавказской Федерации. Группа Мдивани считала образование Федерации делом преждевременным и неподготовленным. Мдивани и его единомышленники настаивали на сохранении независимости Грузии и на непосредственном вхождении ее в СССР, подобно Украинской и Белорусской республикам. Они говорили, что Заккрайком проводит объединение в порядке партийной дисциплины, «одним махом», без предварительного обсуждения.

В. И. Ленин считал неправильной, глубоко ошибочной позицию Мдивани и других противников образования Закавказской Федерации. В наследство от буржуазно-помещичьего строя молодые Закавказские республики получили много спорных территориаль-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 198, 199.

ных, хозяйственных, религиозных и других вопросов. Международная и внутренняя реакция всячески подогревала национальную вражду и недоверие между народами. А для того чтобы в кратчайшие сроки наладить нормальную хозяйственную, общественно-политическую и культурную жизнь каждой республики, необходимо было теснейшим образом объединить их силы. Единственно правильным путем для достижения этой цели было создание братского союза закавказских народов в виде Закавказской Федерации.

Состоявшийся в октябре 1922 года Пленум ЦК РКП(б) признал необходимым образование Закавказской Федерации. Мдивани участвовал в работе Пленума, в принципе согласился с этим решением. Но после Пленума группа Мдивани возобновила свою борьбу против создания федерации. Это обеспокоило В. И. Ленина. В телеграмме от 21 октября Владимир Ильич писал: «Я был убежден, что все разногласия исчерпаны решениями пленума ЦК при моем косвенном участии, при прямом участии Мдивани».

Стремясь поскорее «разрешить» противоречия в ЦК Компартии Грузии, Заккрайком решил «убрать» из Тифлиса ряд сторонников Мдивани, откомандировать их в распоряжение ЦК РКП(б). Эти и подобные действия Заккрайкома, а также непартийное поведение группы Мдивани привели к тому, что 22 октября на пленуме ЦК КП(б)Г подавляющее большинство членов этого состава ЦК (9 из 11) приняли постановление о сложении своих полномочий.

Отставка их была в тот же день принята Заккрайкомом и утверждена ЦК РКП(б).

24 ноября Секретариат ЦК РКП(б) решил создать комиссию под председательством Ф. Э. Дзержинского для срочного рассмотрения заявления Ф. Махарадзе и других членов ЦК КП Грузии старого состава и разработки мер по установлению прочного мира в Компартии Грузии. Решение о назначении комиссии было поставлено на голосование членов Политбюро и утверждено 25 ноября. В. И. Ленин от голосования воздержался.

12 декабря, в последний день работы В. И. Ленина в своем кабинете в Кремле, Дзержинский, возвратясь из Тифлиса, подробно доложил Владимиру Ильичу о положении в Компартии Грузии и о выводах комиссии. Комиссия признала политическую линию Заккрайкома, в частности Орджоникидзе, и его борьбу против линии ЦК КП(б) Грузии старого состава вполне правильной. Одновременно комиссия признала необходимым отозвать из Грузии Махарадзе, Кавтарадзе, Мдивани и Цинцадзе.

Заключение комиссии было утверждено Оргбюро в Политбюро. Но Владимир Ильич остался недоволен работой комиссии. Он считал, что комиссия не проявила необходимого беспристрастия при расследовании грузинского конфликта. На Владимира Ильича это дело подействовало очень тяжело.

Владимир Ильич был хорошо и всесторонне осведомлен о положении в Грузии и о конфликте в ЦК КПГ. По этому вопросу он неоднократно беседовал с Орджоникидзе, Сталиным, Дзержинским и другими руководящими работниками. Разговаривал также с Мди-

вани, Махарадзе и другими членами ЦК КП Грузии. К тому же В. И. Ленин получал письма, записки, телеграммы по прямому проводу как от одной, так и от другой стороны с сообщением о каждом новом этапе или эпизоде борьбы. Следовательно, Владимир Ильич не мог не знать, например, о таких вредных мероприятиях, проводившихся в Грузии с санкции старого ЦК КП(б)Г, как учреждение кордонов на границах Грузии, взимание платы за разрешения, выдаваемые НКВД на право въезда и пребывания в Грузии, которые Владимир Ильич безусловно не одобрял.

Но Владимир Ильич не мог полностью одобрять также негибкую линию, которую проводил Орджоникидзе при поддержке Сталина и Дзержинского. В. И. Ленин с возмущением говорил об употреблении Сталиным и Орджоникидзе даже на открытых собраниях выражения «выжечь каленым железом националистические настроения» и пренебрежительного термина «уклонисты» в отношении большинства членов ЦК КП(б)Г. В этом Владимир Ильич видел одно из проявлений великорусского шовинизма, питающего и выращающего местный национализм.

В своем письме «К вопросу о национальностях или об «автономизации», продиктованном 30 и 31 декабря 1922 года, В. И. Ленин наносит удар по великорусскому шовинизму, берет, как он выразился, под защиту тех, кто ущемлен великодержавными замашками, допущенными некоторыми видными деятелями партии.

Владимир Ильич подробно разъясняет, что необходимо отличать национализм большой нации и национализм нации маленькой.

Интернационализм со стороны так называемой «великой нации» должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетавшей, нации большой то неравенство, которое складывается в жизни фактически.

Владимир Ильич указывает, что «в данном случае, по отношению к грузинской нации, мы имеем типичный пример того, где сугубая осторожность, предупредительность и уступчивость требуются с нашей стороны поистине пролетарским отношением к делу», и что «в данном случае лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить»¹.

Намечая, какие меры следует предпринять при создавшемся положении, Владимир Ильич прежде всего указывает, что «следует оставить и укрепить союз социалистических республик; об этой мере не может быть сомнения. Она нам нужна, как нужна всемирному коммунистическому пролетариату для борьбы с всемирной буржуазией...»².

Далее Владимир Ильич считает нужным примерно наказать Орджоникидзе за недостаточную выдержанность. «...Говорю это, — пишет Ленин, — с тем большим сожалением, что лично принадлежу к числу его друзей и работал с ним за границей в эмиграции...»³

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 359—360.

² Там же. С. 360.

³ Там же. С. 361.

Будучи не согласен с выводами комиссии, Владимир Ильич предлагает «доследовать или расследовать вновь все материалы комиссии Дзержинского на предмет исправления той громадной массы неправильностей и пристрастных суждений, которые там несомненно имеются»¹.

Политически ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию, указывает В. И. Ленин, следует сделать Сталина и Дзержинского.

Владимир Ильич рассматривает вопросы национальной политики партии в связи с ее интернациональным долгом и в заключение письма подчеркивает, что даже малейшая несправедливость по отношению к нашим «малым» нациям может подорвать наш авторитет среди народов Востока, что было бы особенно непростительным в момент, когда сотни миллионов народов Азии начинают пробуждаться к борьбе за свое освобождение. В. И. Ленин заканчивает письмо пророческими словами:

«А завтрашний день во всемирной истории будет именно таким днем, когда окончательно проснутся пробужденные угнетенные империализмом народы и когда начнется решительный долгий и тяжелый бой за их освобождение»².

Владимир Ильич предназначал это письмо для XII съезда партии. Оно было зачитано руководителям делегаций на XII съезде партии. В резолюции съезда по национальному вопросу были учтены указания В. И. Ленина. Этот выдающийся документ, представляющий собой один из основополагающих трудов В. И. Ленина по национальному вопросу, к сожалению, долгое время замалчивался. Он стал достоянием нашей партии и всего международного коммунистического движения лишь после исторического XX съезда КПСС.

ПОСЛЕДНИЕ ТРУДЫ

В январе и феврале 1923 года В. И. Ленин продолжал напряженно работать, создал ряд произведений, в которых начертил план построения социализма в нашей стране.

2 я н в а р я Владимир Ильич продиктовал статью, известную как «Странички из дневника». Она посвящена важнейшей проблеме строительства социализма — обеспечению резкого подъема культурного уровня трудящихся города и деревни и укреплению союза между ними. Владимир Ильич использовал в этой статье материалы переписи о грамотности населения, известные ему данные о работе Наркомпроса, о положении народных учителей, а также полученные в декабре от Ходоровского сведения о шефской работе городских партийных ячеек в деревне. «...Мы можем и должны,— писал В. И. Ленин,— употребить нашу власть на то, чтобы действительно сделать из городского рабочего проводника коммунистических

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 361.

² Там же. С. 362.

идей в среде сельского пролетариата»¹. Статья была передана в «Правду» и опубликована в газете 4 января 1923 года.

Положение в ЦК партии продолжает беспокоить Владимира Ильича.

4 января он вызвал меня и продиктовал добавление к письму от 24 декабря, в котором дал резкую характеристику Сталину. В добавлении говорится: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека»².

Владимир Ильич предлагает обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на пост генерального секретаря человека, «который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.»³. Владимир Ильич предвидел, что эти недостатки характера Сталина в его роли генсека могут создать серьезную опасность для положения в партии.

Добавление, как и другие части «Письма к съезду», хранилось у Надежды Константиновны в запечатанном сургучом конверте с надписью, о которой было сказано выше. После смерти Владимира Ильича письмо было передано Н. К. Крупской в ЦК РКП(б) и оглашено на XIII съезде партии в мае 1924 года по делегациям. Ввиду того что письмо было адресовано съезду и не предназначалось для печати, XIII съезд РКП(б) решил его не публиковать. Впервые письмо было опубликовано в секретном бюллетене XV съезда и оставалось неизвестным широким кругам партии до XX съезда КПСС.

Сталин заверил делегатов XIII съезда РКП(б), что исправит свои недостатки, указанные в письме В. И. Ленина. Но, как показала впоследствии жизнь, Сталин не выполнил своих обещаний.

Продиктовав «Добавление к письму от 24 декабря 1922 г.», Владимир Ильич 4 января начал работу над статьей «О кооперации».

5 января Владимир Ильич никого не вызывал, но затребовал список новых книг, полученных для него начиная с 3 января, и книгу Б. Титлинова «Новая церковь».

6 января Владимир Ильич закончил диктовать статью «О кооперации».

Ленинская работа «О кооперации» явилась важнейшим вкладом в сокровищницу научного коммунизма. Владимир Ильич всесторонне доказал, что в условиях диктатуры пролетариата кооперация становится надежным и единственно правильным путем строительства социализма в деревне. Статья «О кооперации» была опубликована 26 и 27 мая 1923 года в «Правде». Она воодушевила партию, рабочий класс, всех трудящихся нашей страны на успешную борьбу за торжество социализма. Руководствуясь указаниями В. И. Ленина,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 366.

² Там же. С. 346.

³ Там же.

Коммунистическая партия решила самую трудную после взятия власти задачу — помогла крестьянам перейти на рельсы социализма, что явилось выдающимся событием в социально-экономической истории человечества.

8 января В. И. Ленин два раза читал.

9 января Владимир Ильич начал диктовать статью «Что нам делать с Рабкрином?» (первый вариант статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин»).

10 января Владимир Ильич чувствовал себя плохо. Утром после ухода врачей Мария Ильинична попросила еще раз зайти доктора Кожевникова и сказала, что Владимир Ильич настаивает на вызове секретаря не более чем на две минуты. Доктор пытался отговорить Владимира Ильича, но он был настолько расстроен, что пришлось дать разрешение. После этого Владимир Ильич вызвал меня и поручил запросить в ЦСУ материалы о переписи советских служащих.

13 января В. И. Ленин продолжал диктовать «Что нам делать с Рабкрином?».

16 января диктовал статью по поводу записок Н. Суханова.

17 января Владимир Ильич вызвал М. А. Володичеву на полчаса между 6 и 7 часами вечера. Читал продиктованное вчера и вносил поправки в статью по поводу записок Суханова. Затем в течение 10—15 минут диктовал продолжение статьи.

Остался доволен новой подставкой, облегчающей ему чтение книг и своих рукописей.

М. А. Володичева рассказывала, что в то время когда Владимир Ильич диктовал фразу: «Нашим Сухановым...» — на словах «и не снится» остановился и, пока обдумывал продолжение, шутливо сказал: «Вот какая память! Совершенно забыл, что я хотел сказать! Черт возьми, беспамятность удивительная!»

Просил сейчас же переписать продиктованное и дать ему. Когда статья по поводу записок Суханова (заголовка она не имела) была закончена, Надежда Константиновна передала ее в «Правду». 30 мая 1923 года «Правда» опубликовала статью под названием «О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова)».

В этой работе В. И. Ленин нанес сокрушительный удар по идеологам оппортунизма, утверждавшим, что в России нет объективных экономических предпосылок для социализма. «Они все называют себя марксистами,— писал Владимир Ильич,— но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики»¹. В. И. Ленин подчеркивает, что закономерности развития во всей всемирной истории не исключают, а, наоборот, предполагают различные формы этого развития.

19 января Владимир Ильич два раза вызвал М. А. Володичеву — около 7 часов вечера и в начале 9-го часа. Диктовал приблизительно 30 минут свой второй вариант статьи («Как нам реорга-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 378.

низовать Рабкрин»). Затем Владимир Ильич сказал, что ему хочется скорее написать эту статью. Доктор Кожевников передавал, что Владимир Ильич остался доволен своей работой и не очень устал.

20 января В. И. Ленин вызывал Володичеву между 12 и 1 часом дня. Она была у него около 30 минут. Владимир Ильич читал свою статью «Как нам реорганизовать Рабкрин», вносил добавления и поправки. Сказал, что Надежда Константиновна даст ему справку, касающуюся одной части его статьи. Володичева передала мне поручение Владимира Ильича — узнать, какие и сколько у нас существует учреждений по научной организации труда, сколько было съездов по этому вопросу и какие группы в них принимали участие. Затем спросил, нет ли каких-либо об этом материалов в Питере. Владимир Ильич сказал, что М. И. Хлопьянкин прислал тот же самый материал, что был у Надежды Константиновны, лишь немного более подробный. Просил дать полный список книг, полученных для него.

22 января Владимир Ильич вызывал М. А. Володичеву на 25 минут (с 12 часов до 12 часов 24 минут). Вносил поправки во второй вариант статьи о Рабкрине, окончательно остановился на этом варианте. Владимир Ильич был ограничен временем и очень торопился. Просил М. А. Володичеву привести статью в порядок, перепечатать и дать ему к вечеру. Когда вечером пришла М. А. Володичева со статьей, Надежда Константиновна, впуская ее к Владимиру Ильичу, сказала, что он незаконно взял себе еще несколько минут для просмотра статьи. Надежда Константиновна сообщила, что дежурная медицинская сестра не хотела сегодня никого пускать к В. И. Ленину. Зайдя в секретариат, Надежда Константиновна передала просьбу Владимира Ильича — оставить пропуск в местах, которые М. А. Володичева не успела записать, если такие будут. Владимиру Ильичу казалось, что поскольку он очень торопился, то за ним было трудно поспевать. Владимир Ильич сказал доктору Кожевникову, что диктовка ему удалась и что он очень рад, что наконец развязался со статьей, которая у него не клеилась.

23 января Владимир Ильич вызывал М. А. Володичеву между 12 и 1 часом дня. Прочитал бегло еще раз статью «Как нам реорганизовать Рабкрин» и внес небольшие изменения. Просил внести эти изменения в его и в наш экземпляр и дать один из них Марии Ильиничне для «Правды». Статья была исправлена и передана Марии Ильиничне еще до 3 часов дня. Затем Владимир Ильич спросил М. А. Володичеву, вернулась ли я из Петрограда и кончились ли наши праздники. Диктовал и читал 45 минут. Статья «Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение XII съезду партии)» была опубликована 25 января 1923 года в «Правде».

Исходя из того, что Советское государство представляет собой орудие построения социализма, В. И. Ленин призывал партию уделить особое внимание улучшению работы советского аппарата. В качестве первого шага по этому пути Владимир Ильич предложил реорганизовать контрольный орган Советского государства —

Рабоче-крестьянскую инспекцию (РКИ). В. И. Ленин считал необходимым поставить работу РКИ так, чтобы она служила образцом для всех советских учреждений, учила научной организации труда. В этой статье Владимир Ильич высказал свою замечательную идею создания единого партийного, государственного и общественного контроля, предложил слить РКИ с ЦКК. От этого слияния, указывал В. И. Ленин, выиграет и Центральный Комитет партии. Он будет лучше связан с массами, сможет правильнее решать вопросы, кроме того, в ЦК уменьшится влияние чисто личных и случайных обстоятельств и тем самым снизится опасность раскола.

«Наш ЦК,— писал Владимир Ильич,— сложился в группу строго централизованную и высоко авторитетную, но работа этой группы не поставлена в условия, соответствующие его авторитету»¹. Предложенная В. И. Лениным реорганизация Рабкрина должна была уменьшить «влияние чисто личных и случайных обстоятельств», создать условия, при которых ничей авторитет не мог бы помешать «добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел».

XII съезд партии одобрил предложение В. И. Ленина о едином партийном, государственном и общественном контроле.

24 января Владимир Ильич вызвал меня и поручил запросить у Ф. Э. Дзержинского или И. В. Сталина материалы комиссии по «грузинскому вопросу». Далее Владимир Ильич сказал, что поручает мне, М. И. Гляссер и Н. П. Горбунову детально изучить материалы комиссии и доложить ему. Владимир Ильич добавил, что это ему необходимо для партийного съезда. О том, что доклад комиссии по «грузинскому вопросу» стоял в Политбюро, он, по-видимому, не знал. Владимир Ильич сказал: «Накануне моей болезни Дзержинский говорил мне о работе комиссии и об «инциденте», и это на меня очень тяжело повлияло».

Поручение об изучении материалов комиссии показывает, что Владимир Ильич не отказался от мысли о необходимости вновь расследовать «грузинское дело», о чем он говорил в своем письме «К вопросу о национальностях или об «автономизации» 31 декабря.

25 января Владимир Ильич спросил, получены ли материалы комиссии. Я ответила, что Ф. Э. Дзержинский приедет из Тифлиса лишь в субботу, 27 января.

26 января Владимир Ильич поручил сказать А. Д. Цюрупе, А. И. Свидерскому и В. А. Аванесову, что если они согласны с его статьей о Рабкрине, то пусть соберут ряд совещаний и обсудят к съезду, не следует ли составить план, конспект учебников по нормализации труда. Владимир Ильич просил узнать, знают ли они книжки Керженцева и Ерманского по этому вопросу.

27 января я спросила у Ф. Э. Дзержинского материалы комиссии по «грузинскому вопросу», но он сказал, что они у И. В. Сталина. Послала письмо И. В. Сталину, но его не оказалось в Москве. 29 января И. В. Сталин по телефону сообщил, что мате-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 387.

риалы без Политбюро дать не может. Спрашивал, не говорю ли я Владимиру Ильичу чего-нибудь лишнего, откуда он в курсе текущих дел. Например, статья об РКИ указывает, что ему известны некоторые обстоятельства. Ответила, что не говорю и не имею оснований думать, что он в курсе дел.

30 января Владимир Ильич вызвал меня, спросил, что ответил Сталин, и сказал, что будет добиваться получения материалов. Затем Владимир Ильич спросил, каково мнение Цюрупы по поводу статьи о Рабкрине и согласны ли со статьей Свидерский, Аванесов, Реске и другие члены Коллегии. Помня запрещение говорить о делах с Владимиром Ильичем, я сказал, что это мне неизвестно. Владимир Ильич поинтересовался, не колеблется ли Цюрупа, не старается ли оттянуть, откровенно ли говорит со мной. Я ответила, что не имела пока возможности говорить с ним и лишь сообщила ему поручения, которые приняты им к исполнению. Так приходилось, скрепя сердце, лавировать между прямым запрещением вести деловые разговоры с Владимиром Ильичем и его настойчивыми конкретными вопросами делового характера.

Владимир Ильич сообщил, что вчера, то есть 29 января, на его вопрос, можно ли будет выступить на партсъезде 30 марта¹, доктор ответил отрицательно. Затем Владимир Ильич добавил, что, по уверению врача, он к этому сроку встанет, а через месяц получит разрешение читать газеты. Вернувшись к вопросу о грузинской комиссии, Владимир Ильич сказал, смеясь: «Это ведь не газеты, значит, я могу и сейчас читать».

Настроение у Владимира Ильича было хорошее.

* * *

1 февраля на заседании Политбюро было разрешено выдать нам материалы по «грузинскому вопросу». Вероятно, именно на этом заседании Политбюро произошел следующий обмен записками между Сталиным и Каменевым.

Каменев Сталину: «Думаю, раз Владимир Ильич настаивает, хуже будет сопротивляться».

Сталин Каменеву: «Не знаю. Пусть делает по своему усмотрению».

Сталин, видимо, был недоволен этим решением. Он предложил, чтобы Политбюро освободило его от обязанности наблюдения за исполнением режима, установленного врачами для Ленина. Эта обязанность, как упоминалось выше, была возложена на Сталина решением Пленума ЦК РКП(б) 18 декабря 1922 года.

Предложение Сталина Политбюро отклонило.

1 февраля Владимир Ильич вызвал меня в 6 часов 30 минут вечера. Сообщила ему о разрешении Политбюро выдать нам материалы грузинской комиссии. Владимир Ильич сказал, на что обра-

---

¹ Открытие XII съезда партии предполагалось 30 марта. Его отложили, надеясь на улучшение здоровья Владимира Ильича. *Ред.*

тить внимание при разборе материалов и вообще как ими пользоваться, и затем добавил: «Если бы я был на свободе...», сначала, видимо, оговорился, а потом повторил, смеясь: «Если бы я был на свободе, то легко бы все это сделал сам».

По указанию Владимира Ильича мною был составлен следующий список вопросов, на которые следовало дать ответ при изучении материалов:

1. За что старый ЦК КП Грузии обвиняли в уклонизме?
2. Что им вменялось в вину как нарушение дисциплины?
3. За что обвиняют Заккрайком в подавлении ЦК КП Грузии?
4. Физические способы подавления.
5. Линия ЦК РКП(б) в отсутствие Владимира Ильича и при Владимире Ильиче.
6. Отношение комиссии. Рассматривала ли она только обвинения против ЦК КП Грузии или также против Заккрайкома?
7. Настоящее положение.

Затем Владимир Ильич снова спросил об отношении Цюрупы и других членов Коллегии НК РКИ к его статье. Ответила, согласно сообщениям А. Д. Цюрупы и А. И. Свидерского, что Свидерский одобряет вполне, а Цюрупа приветствует статью в части, касающейся привлечения членов ЦК, но сомневается относительно возможности выполнить все теперешние функции РКИ при сокращении аппарата до 300—400 человек. Точка зрения В. А. Аванесова мне не была известна. Завтра совещание всей Коллегии.

Владимир Ильич удовлетворился этими сообщениями и затем спросил, обсуждался ли вопрос о статье в ЦК. Ответила, что мне это не известно.

2 февраля Владимир Ильич вызывал М. А. Володичеву утром в 11 часов 45 минут. Диктовал статью «Лучше меньше, да лучше». Кончил в 12 часов 30 мин.

Просил М. А. Володичеву передать мне, чтобы я заходила к нему через день. На ее вопрос: «В котором часу?» — Владимир Ильич ответил, что ведь теперь он свободный человек. Вскользь бросил, что лишь от двух до пяти к нему нельзя, и, подумав, добавил, что можно бы в шесть или лучше сговариваться с Марией Ильиничной.

М. А. Володичева не видела Владимира Ильича с 23 января и по внешнему виду нашла значительную перемену к лучшему. Диктовал он превосходно, без остановки, очень редко затрудняясь в выражениях, вернее, не диктовал, а говорил, жестикулируя. Обычного компресса на голове не было.

3 февраля Владимир Ильич вызывал меня в 7 часов вечера на несколько минут. Спросил, просмотрели ли мы материалы грузинской комиссии. Я ответила, что просмотрели только с внешней стороны и что их оказалось не так много, как мы предполагали. Затем Владимир Ильич поинтересовался, был ли этот вопрос в Политбюро. Я сказала, что не имею права об этом говорить. Тогда Владимир Ильич спросил: «Вам запрещено говорить именно и специально об этом?»

Я ответила, что вообще не имею права говорить о текущих делах. «Значит, это текущее дело?» — спросил Владимир Ильич. Я поняла, что допустила оплошность. Владимир Ильич продолжал расспрашивать: «Я знаю об этом деле еще от Дзержинского, до моей болезни. Комиссия делала доклад в Политбюро?» Мне не оставалось ничего другого, как только сообщить, что комиссия сделала доклад в Политбюро и оно в общем утвердило ее решение. После этого Владимир Ильич сказал: «Ну, я думаю, что вы сделаете вашу реляцию недели через три, и тогда я обращусь с письмом».

Вскоре пришли врачи (только что приехавший профессор Ферстер, Кожевников и Крамер), и я ушла. В этот день вид у В. И. Ленина был веселый, бодрый. Он был несколько возбужден перед визитом Ферстера, которому верил и который его давно не видел.

4 февраля, в воскресенье, Владимир Ильич вызывал М. А. Володичеву около 6 часов вечера. Спросил, не имеет ли она возражений против того, что он вызывает ее и по праздникам. «Ведь захотите же и Вы наконец когда-нибудь отдохнуть!» — сказал Владимир Ильич.

Диктовал больше получаса продолжение статьи «Лучше меньше, да лучше». Вид у Владимира Ильича в этот день был свежий, голос бодрый. Кончил диктовку Владимир Ильич словами: «Ну, довольно пока. Я немного устал». Просил позвонить, когда будет расшифрована стенограмма, и сказал, что, вероятно, он еще продолжит статью сегодня. Затем добавил, что у него старая привычка писать, имея перед собой рукопись, без чего ему трудно обходиться.

Надежда Константиновна рассказала, что в этот день был профессор Ферстер, который наговорил Владимиру Ильичу много приятных вещей, разрешил гимнастику, прибавил время для диктовки статей. Всем этим В. И. Ленин был очень доволен.

В 8 часов вечера Владимир Ильич опять вызвал М. А. Володичеву. Но не диктовал, а просматривал написанное и вносил дополнения, сказал, что намерен, прежде чем дать статью в печать, показать ее А. Д. Цюрупе и, может быть, некоторым другим членам его Коллегии; думает еще кое-что добавить к этим своим мыслям.

5 февраля Владимир Ильич вызывал М. А. Володичеву в 12 часов. Находилась она у Ленина 45 минут. Темп диктовки был медленный. В одном месте, затрудняясь в выражении, Владимир Ильич сказал: «Что-то у меня сегодня негладко, небойко (сделал ударение на этом слове) идет». Попросил свою статью «Как нам реорганизовать Рабкрин». Читал минуты 3—4 молча. Затем немного продолжал диктовать и решил кончить, сказав, что позовет М. А. Володичеву сегодня в 4, в 5, а может быть, в 6 часов.

В этот же день вечером Владимир Ильич в 7 часов вызвал меня, но так как я была нездорова, он позвал М. И. Гляссер.

После своего посещения М. И. Гляссер составила запись беседы с Владимиром Ильичем. Привожу ее без изменений:

«Владимир Ильич спросил, приступили ли мы уже к разбору материалов грузинской комиссии и в какой срок мы предполагаем окончить эту работу. Я ответила, что мы материалы распределили

и начали их читать, что же касается срока, то рассчитываем на тот срок, который он нам предоставил, то есть три недели. Тогда Владимир Ильич поинтересовался, как мы предполагаем их читать. Я сказала, что мы пришли к выводу о необходимости каждому из нас прочесть все.

«Это ваше единогласное решение?» — спросил Владимир Ильич. Я ответила утвердительно. Владимир Ильич стал рассчитывать, сколько осталось времени до съезда. Когда я ответила, что остался месяц и 25 дней, он сказал, что это срок, пожалуй, достаточный, но если понадобятся дополнительные сведения, то может оказаться малым, тем более если принять во внимание, что до Кавказа ехать еще больше. Владимир Ильич спросил, сколько каждый из нас работает, и сказал, что в случае нужды мы можем привлечь к работе Володичеву и Шушанику Манучарьянц.

Затем Владимир Ильич поинтересовался, формально ли это у нас решение — читать всем все? Я ответила, что это решение у нас нигде не записано, и спросила его, может быть, он имеет что-нибудь против этого. Владимир Ильич ответил, что он бы желал, конечно, чтобы мы все прочли, но задания нашей комиссии ведь весьма неопределенны. С одной стороны, ему бы не хотелось нас чрезмерно утруждать, но, с другой стороны, нужно рассчитывать на то, что в течение работы выяснится необходимость эти задания расширить. Может быть, придется получать дополнительные материалы.

Потом Владимир Ильич поинтересовался, где хранятся материалы, как мы ими пользуемся, составим ли мы краткий конспект всех материалов и перепишем ли его на машинке, не затруднит ли нас это. Наконец, Владимир Ильич сказал, что в течение ближайшей недели мы решим, сколько нам понадобится времени и в какой форме эти материалы будем разрабатывать, а при разработке должны будем руководствоваться необходимостью составить общий обзор всех данных по тем вопросам, которые наметила комиссия, а также и по тем вопросам, которые он будет в течение работы нам задавать.

Владимир Ильич поручил запросить П. И. Попова, в каком положении находится разработка материалов по переписи ЦСУ в Петрограде, Москве и Харькове (если в последнем перепись производилась), в какой срок он предполагает их разработать и будут ли они опубликованы. Владимир Ильич сказал, что хотел бы видеть данные материалы в печати до партсъезда и ввиду особенной важности этой переписи материалы должны быть опубликованы, несмотря на то, что данные предыдущих переписей не публиковались, а Попов присылал ему (Владимиру Ильичу) только таблицы. Следует поэтому особенно на Попова поднажать, послать ему официальный запрос об этом, предварительно поговорив устно».

М. И. Гляссер пробыла у Владимира Ильича 20 минут. Она видела Владимира Ильича первый раз за время его болезни и нашла, что он выглядит хорошо и бодро, только несколько бледнее, чем раньше. Говорит медленно, жестикулируя левой рукой и перебирая пальцы правой руки.

6 февраля вечером между 7 и 9 часами Владимир Ильич вызывал М. А. Володичеву. Она была у Владимира Ильича около полутора часов. Сначала Владимир Ильич читал свою статью «Лучше меньше, да лучше». В веселое настроение привели его поправки, внесенные красными чернилами (не самые поправки по существу, а способ их внесения). Статья по просьбе Ильича не переписывалась. Первоначально расшифрованный экземпляр дополнялся исправлениями, которые Владимир Ильич вносил при чтении. Но так как поправки вносились не корректорским, а обыкновенным, секретарским способом, то при вторичном чтении для Владимира Ильича это оказалось неудобным. На будущее время он просил переписывать все заново.

Пробегая статью, Владимир Ильич делал отступления, говорил о своей старой привычке писать, а не диктовать.

Владимир Ильич сказал, что теперь он понимает, почему его стенографисты не удовлетворяли. Он привык видеть свою рукопись перед глазами, останавливаться, обдумывать в затруднительных случаях то место, в котором он «увязал», ходить по комнате, даже просто убегать куда-нибудь гулять; ему и теперь часто хочется схватить карандаш и писать или внести самому исправления.

Владимир Ильич вспомнил о том, как пытался в 1918 году свою статью о Каутском диктовать стенографисту. В том случае, когда Владимиру Ильичу казалось, что «ввязнет», он в смущении «гнал» все дальше и дальше с «неимоверной» быстротой. Это привело к тому, что весь застенографированный текст пришлось сжечь, после чего Ленин сел писать сам и заново написал «Ренегата Каутского».

Обо всем этом Владимир Ильич говорил очень весело, смеясь своим заразительным смехом. Такого веселого настроения, как рассказывала М. А. Володичева, она еще у В. И. Ленина не наблюдала. Затем Владимир Ильич продиктовал следующую часть статьи «Лучше меньше, да лучше». Диктовка длилась минут 15—20.

7 февраля утром Владимир Ильич вызвал меня. Говорил по трем вопросам:

1. О результатах переписи. Попросил корректуру сборника по переписи показать ему. Пришлось сказать, что для этого требуется разрешение Сталина.

2. О грузинской комиссии. Спрашивал, в каком положении работа, когда кончим читать, когда соберемся и т. п.

3. Об РКИ. Владимир Ильич спросил, предполагает ли Коллегия принять сейчас какое-либо решение, «сделать шаг государственной важности» или откладывает до съезда. Сказал, что пишет статью¹, но она не клеится, тем не менее думает ее еще доработать и, не сдавая в печать, дать прочесть А. Д. Цюрупе. Поручил спросить А. Д. Цюрупу, надо ли торопиться с этой статьей или нет.

В этот день доктор Кожевников сказал, что в здоровье Владимира Ильича наблюдается улучшение: он уже двигает правой рукой и сам начинает верить, что будет владеть ею.

¹ Имеется в виду статья «Лучше меньше, да лучше». *Ред.*

Позже (около 12 часов 30 минут) Владимир Ильич вызвал М. А. Володичеву и заявил, что будет диктовать на любые темы. Продиктовал на темы: 1) как можно соединить учреждения партийные и советские и 2) удобно ли соединять деятельность учебную с деятельностью должностной (3-й и 4-й разделы статьи «Лучше меньше, да лучше»).

На словах «и чем круче эта революция» Владимир Ильич остановился, несколько раз повторил их, попросил прочитать ему предыдущее, засмеялся и сказал: «Тут я, кажется, завяз окончательно, так и отметьте — завяз на этом самом месте!»

На замечание Володичевой, что диктовка стенографистке — это неизбежное зло на короткий период времени и что скоро он сам сможет писать, Владимир Ильич усталым голосом сказал: «Ну это когда еще будет!»

В этот же день, 7 февраля, вечером между 7 и 9 часами, Владимир Ильич снова вызвал М. А. Володичеву, которая пробыла у него около полутора часов. Прежде всего Владимир Ильич закончил фразу, на которой остановился днем, и сказал: «Я теперь попробую развить следующую тему». Затем спросил о темах, уже намеченных им раньше, и, когда названия их были прочитаны, Владимир Ильич отметил, что об одной из тем он забыл, а именно о соотношении Главпрофобра с общепросветительной работой в деревне.

Владимиром Ильичем были намечены следующие темы:

- 1) о Центросоюзе и его значении с точки зрения нэпа;
- 2) о соотношении Главпрофобра с общепросветительной работой в деревне;
- 3) о национальном вопросе и об интернационализме (в связи с последним конфликтом в КП Грузии);
- 4) о новой книге «Статистика народного образования», вышедшей в 1922 г.

Эти темы рассматривались В. И. Лениным в продиктованных им письмах и статьях в конце декабря 1922 года и в январе-феврале 1923 года.

О книге «Статистика народного образования», как и о Главпрофобре, Владимир Ильич говорит лишь мельком в статье «Странички из дневника». Кроме того, эти темы Владимир Ильич включает в список 7 февраля, как ранее пропущенные им, тогда как статья «Странички из дневника» была продиктована 2 января.

Тема «Центросоюз и его значение с точки зрения нэпа» была записана Владимиром Ильичем в несколько другой формулировке (Центросоюз, его особое значение) в «Конспекте произнесенной речи на X Всероссийском съезде Советов». Отсюда видно, что Владимир Ильич собирался развить данную тему в речи на съезде. Исчерпана ли тема статьей В. И. Ленина о кооперации? Скорее всего нет.

Тему о национальном вопросе и об интернационализме Владимир Ильич развивает в своем письме «К вопросу о национальностях или об «автономизации». Однако в последней телеграмме к Мдивани, Махарадзе и другим (6 марта 1923 года) Владимир Ильич сообщает, что готовит для них записку и речь.

Восстановив в своей памяти намеченные темы, Владимир Ильич продиктовал общую часть статьи «Лучше меньше, да лучше». Диктовал быстро и свободно, не затрудняясь, жестикулируя.

Кончив, Владимир Ильич сказал, что потом он попробует связать эту часть со всей статьей в целом. Позже М. А. Володичева узнала от Надежды Константиновны, что 8 февраля Владимир Ильич не будет диктовать: собирается читать.

9 февраля В. И. Ленин утром вызвал меня. Сказал, что вопрос об РКИ он внесет на съезд.

Владимир Ильич беспокоился, будут ли таблицы переписи напечатаны в таком виде, как это нужно. Согласился с моим предложением поручить Кржижановскому и Свидерскому проверить через Каменева или Цюрупу, как осуществляется это издание.

Настроение и вид у Владимира Ильича были прекрасны. Он сказал, что Ферстер склоняется к тому, чтобы разрешить ему сперва свидания, а потом газеты. На мое замечание, что это с врачебной точки зрения, кажется, действительно было бы лучше, Владимир Ильич задумался, а потом ответил, что, по его мнению, как раз с врачебной точки зрения это было бы хуже, так как печатный материал прочел и кончено, а свидание вызывает обмен мнениями.

В 1-м часу дня Владимир Ильич вызывал М. А. Володичеву и сообщил ей, что переписанное заново его удовлетворило больше. Читал часть статьи, продиктованную накануне, почти никаких поправок не внес. Когда Владимир Ильич закончил читать, то сказал: «Это у меня вышло, кажется, довольно толково». Владимир Ильич был очень доволен этой частью статьи и продиктовал ее конец. Работал около часа.

Вечером Надежда Константиновна попросила дать общую часть статьи, сказав, что Владимир Ильич поручил ей прочитать ее.

10 февраля В. И. Ленин вызывал меня в 7-м часу вечера и поручил статью «Лучше меньше, да лучше» передать А. Д. Цюрупе, чтобы он прочитал ее по возможности в двухдневный срок. Затем Владимир Ильич попросил дать ему по списку ряд книг, среди которых были: В. Рожицын «Новая наука и марксизм», «Основные проблемы теории денег» — сборник статей, С. Фалькнер «Перелом в развитии мирового промышленного кризиса», А. Дреус «Миф о Христе», П. Курлов «Конец русского царизма», И. Модзалевский «Пролетарское мифотворчество (Об идеологических уклонах современной пролетарской поэзии)» и т. д.

Вид у Владимира Ильича был усталый, говорил он с большим затруднением.

12 февраля Владимиру Ильичу стало хуже, у него начались сильные головные боли. Вызвал меня на несколько минут. По словам Марии Ильиничны, его сильно расстроили врачи. Ферстер накануне сказал, что ему категорически запрещены газеты, свидания и политическая информация. Владимир Ильич говорил со мной все о тех же темах (о переписи, грузинской комиссии и Рабкрине), жаловался на головные боли.

14 февраля Владимир Ильич вызвал меня в 1-м часу дня.

Сказал, что голова не болит, чувствует себя бодро, что болезнь его нервная, иногда он бывает совершенно здоров, то есть голова ясная, но иногда ему бывает хуже. Поэтому с его поручениями мы должны торопиться, так как он хочет непременно провести кое-что к съезду и надеется, что сможет это сделать. Если же мы затянем и тем загубим дело, то он будет очень и очень недоволен.

Пришли врачи, и разговор наш прервался.

Вечером Владимир Ильич вызвал меня снова. Затруднялся речью, видимо, устал. Говорил опять по трем пунктам своих поручений. Особенно подробно по тому, который его волновал больше всех, то есть по «грузинскому вопросу». Просил поторопиться. Дал указание в беседе с членом Президиума ЦКК Сольцем сказать об отношении Владимира Ильича к этому делу.

Сохранилась следующая запись указаний В. И. Ленина, данных мне 14 февраля 1923 года: наметнуть Солцу, что Владимир Ильич на стороне обиженных. Дать понять кому-либо из обиженных, что он на их стороне. 3 момента: 1) нельзя драться; 2) нужны уступки; 3) нельзя сравнивать большие государства с маленькими. Далее Владимир Ильич интересуется, знал ли Сталин, почему не реагировал? Владимир Ильич делает вывод: название «уклонисты» и «уклон к шовинизму и меньшевизму» доказывает этот самый уклон (к шовинизму. — Л. Ф.) у великодержавников.

Сольц, будучи членом Президиума ЦКК, рассматривал заявление, поступившее от сторонников ЦК КП Грузии старого состава на чинимые против них притеснения. 16 февраля в связи с поручением Владимира Ильича я послала записку Солцу с просьбой выдать мне все материалы, касающиеся грузинского конфликта. Сохранилась следующая моя запись: «Вчера т. Сольц сказал мне, что товарищ из ЦК КП Грузии привез ему материалы о всяких притеснениях в отношении грузин (сторонников старого ЦК КПГ). Что касается «инцидента» (имеется в виду оскорбление, нанесенное товарищем Орджоникидзе Кабахидзе), то в ЦКК было заявление потерпевшего, но оно пропало. На мой вопрос: «Как пропало?» — Сольц ответил: «Да так пропало». Но это все равно, так как в ЦКК имеется объективное изложение инцидента Рыковым, который при этом присутствовал».

Во второй половине февраля В. И. Ленин чувствовал себя плохо. Никого не вызывал. Хотел читать, но врачи отсоветовали.

Однако, несмотря на болезненное состояние, как рассказывал доктор Кожевников, Владимир Ильич старался использовать хотя бы редкие минуты улучшения для работы.

20 февраля вечером он просил отчет о X съезде Советов РСФСР. Надежда Константиновна обещала принести, но Мария Ильинична посоветовала не давать, поскольку чтение отчета отрицательно скажется на состоянии здоровья Владимира Ильича.

Очень огорчившись этим, Владимир Ильич стал уверять, что отчет он уже читал и нуждается в нем лишь для одного вопроса. Все же отчета Владимиру Ильичу не дали, и это его расстроило.

В последующие дни Владимир Ильич читал. Просил дать ему VII том «Записок о революции» Суханова. Немного говорил о делах.

2 марта Владимир Ильич последний раз просмотрел свою статью «Лучше меньше, да лучше» и отправил в печать. Она была опубликована в «Правде» 4 марта 1923 года. Эта статья является логическим продолжением статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин» и составляет как бы одно целое с ней.

Подводя первые итоги социалистического строительства и рассматривая перспективы его дальнейшего развития с точки зрения расстановки классовых сил внутри страны и на международной арене, Владимир Ильич пророчески писал:

«Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена»¹.

3 марта я передала Владимиру Ильичу нашу докладную записку и заключение о материалах комиссии Ф. Э. Дзержинского по «грузинскому вопросу».

5 марта Владимир Ильич около 12 часов дня вызвал Володичеву и продиктовал ей два письма. Одно из них было адресовано Сталину. Владимир Ильич просил это письмо пока отложить, сказав, что сегодня у него что-то плохо выходит. Чувствовал себя Владимир Ильич нехорошо. Володичева была у него 15—20 минут.

В разговоре с доктором Кожевниковым Владимир Ильич не хотел признаться, как он был взволнован, и сказал, что письма, продиктованные им, были чисто деловые.

Вскоре у Владимира Ильича появилось чувство озноба.

Позже Владимир Ильич вызвал меня и дал некоторые поручения.

6 марта утром Владимир Ильич вызвал М. А. Володичеву. Прочитал свое письмо Сталину, продиктованное накануне, и поручил ей передать письмо лично из рук в руки Сталину и получить ответ.

Затем Владимир Ильич продиктовал телеграмму:

«Мдивани, Махарадзе и другим.

Дорогие товарищи... Готовлю для вас записку и речь. Ваш Ленин».

На этих строчках оборвалась деятельность В. И. Ленина.

С 6 марта началось резкое ухудшение здоровья Владимира Ильича. Он уже не мог больше работать.

10 марта было введено круглосуточное дежурство врачей. До 15 мая Владимир Ильич оставался в своей квартире в Кремле

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 404.

под наблюдением лучших советских и заграничных врачей, окруженный заботами своей семьи и ЦК партии.

12 марта было опубликовано правительственное сообщение о состоянии здоровья В. И. Ленина. С этого времени начинается регулярная публикация бюллетеней о здоровье Владимира Ильича, которых с тревогой ожидала вся страна.

* * *

Предложения В. И. Ленина были внесены на XII съезд партии.

В течение марта — апреля 1923 года статьи В. И. Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше» были обсуждены в партийной среде и в печати. В «Предсъездовском дискуссионном листке», выходившем как приложение к газете «Правда», было опубликовано более 20 статей, посвященных обсуждению поставленных В. И. Лениным задач.

XII съезд РКП(б), проходивший 17—25 апреля 1923 года, был первым съездом после Октябрьской революции, на котором В. И. Ленин не мог присутствовать.

Съезд проходил без Ленина, но как бы под знаком невидимого его присутствия. Все выступавшие с любовью говорили о Владимире Ильиче.

В своих решениях съезд учел указания В. И. Ленина, данные им в последних письмах и статьях.

Съезд послал приветствие Владимиру Ильичу, в котором говорилось:

«От глубины сердца партии, пролетариата, всех трудящихся съезд посылает своему вождю, гению пролетарской мысли и революционного действия, привет и слова горячей любви Ильичу, который и в эти дни тяжелой болезни и длительного отсутствия не менее, чем всегда, сплывает съезд и всю партию своей личностью.

Более чем когда-либо партия сознает свою ответственность перед пролетариатом и историей. Более чем когда-либо она хочет быть и будет достойной своего знамени и своего вождя. Она твердо верит, что недалек день, когда кормчий вернется к кормилу.

Съезд посылает свое товарищеское и братское сочувствие Надежде Константиновне, жене-соратнице, и Марии Ильиничне, сестре-другу Ильича, и просит их помнить, что все тяжкие тревоги переживаются вместе с ними изо дня в день той великой семьей, которая называется РКП».

Во всех многочисленных приветствиях XII съезду партии от рабочих и работниц, крестьян, беспартийных, служащих трудящиеся неизменно обращались мыслью к Ленину. Они выражали сожаление об отсутствии В. И. Ленина и надежду на его скорое выздоровление.

С установлением теплых дней по предложению врачей Владимир Ильич переехал в Горки.

Со всей силой своей железной воли В. И. Ленин боролся с болезнью. В июле в здоровье Владимира Ильича наступило некоторое улучшение. Он уже начал ходить без посторонней помощи, опи-

раясь на палку. Врачи говорили, что появилась надежда на выздоровление.

19 октября Владимир Ильич последний раз приезжал в Москву.

2 ноября состоялась встреча В. И. Ленина с рабочими «Глуховской мануфактуры». Они вручили Ильичу адрес и передали 18 вишневых деревьев для посадки в оранжерее в Горках. Вот что рассказывает об этом работница Холодова: «Предупредив, чтобы мы были с ним недолго, нас ввели в приемную. Через две минуты за дверь мы услышали голос Марии Ильиничны: «Володя, к тебе гости». Дверь открылась, и к нам вышел улыбающийся Ильич. Подойдя к нам, Ильич снял левой рукой свою кепку, переложил ее в правую и поздоровался с нами левой рукой. Мы растерялись от радости и разревелись, как дети. Мы передали Ильичу адрес рабочих и заводоуправления и сказали несколько приветственных слов от местных организаций. Побыв с Ильичем 15 минут, мы попрощались, все расцеловались с ним. Последним прощался товарищ Кузнецов, 60-летний рабочий. Две минуты они стояли, обняв друг друга. А старик Кузнецов сквозь слезы все твердил: «Я рабочий-кузнец, Владимир Ильич. Я кузнец. Мы скуем все намеченное тобою...»

Ленину эта встреча с рабочими доставила огромную радость. Мария Ильинична рассказывала, что он потом много раз читал и перечитывал адрес рабочих.

Это была последняя встреча Ленина с рабочими. В их лице он как бы прощался с представителями того класса, делу которого отдал всю жизнь.

Крепко, неразрывно был связан Ленин с народными массами. Даже в дни тяжелой болезни все его мысли были с трудящимися. Ни на один день, ни на одно мгновение не порывалась эта связь. Со всех концов нашей многонациональной Родины поступали сотни и тысячи писем, телеграмм с выражением приветствия и пожеланием выздоровления Ленину. «Наши мысли, наши чувства, наши сердца — с ним, у его постели», — писала газета «Правда», выражая чувства широких народных масс.

В 1923 году беспартийные рабочие и служащие Московского депо Рязано-Уральской железной дороги накануне 6-летнего юбилея ячейки РКП(б) железнодорожной станции Москва в неурочное время отремонтировали паровоз серии У № 127. На передней части прикрепили надпись: «Беспартийные — коммунистам».

Паровоз передали Владимиру Ильичу со следующим письмом: «20-го мая, собравшись на празднование юбилея, рабочие и служащие депо Москва, передавая паровоз № 127 ячейке, единогласно постановили избрать тебя, дорогой Владимир Ильич, почетным машинистом. Вручая тебе паровоз, рабочие и служащие не сомневаются, что ты, Владимир Ильич, как опытный машинист, привезешь нас в светлое будущее.

Со дня избрания тебя, дорогой товарищ Владимир Ильич, почетным машинистом зачисляем тебя по штату машинистов по 14-му

разряду 24-й разрядной тарифной сетки,— в связи с чем при сем прилагаем расчетную рабочую книжку»¹.

Этот самый паровоз повез траурный поезд, в котором был гроб с телом Владимира Ильича, из Горок в Москву. Сейчас паровоз стоит в светлом здании павильона возле Павелецкого вокзала.

Не было в мире другого вождя, который пользовался бы таким доверием и такой любовью широчайших народных масс, как Ленин.

*Фотиева Л. А. Из жизни
В. И. Ленина. М., 1967. С. 237—319*

М. И. ГЛЯССЕР

О ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ РАБОТЫ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

Пятого февраля 1923 года я видела Владимира Ильича первый раз с того времени, как он снова заболел в декабре, и в последний раз — живым.

Он уже больше месяца лежал в постели. Чтение газет, всякие свидания, вызывающие обмен мыслями, какие бы то ни было занятия «текущими делами» ему были абсолютно запрещены врачами до полного выздоровления, под страхом еще большего ухудшения состояния болезни. Единственно, что было ему разрешено, это — читать книги, но очень немного, и, по его настойчивой просьбе, диктовать свой дневник — вначале только по несколько минут в день (потом эта доза все увеличивалась и была доведена до 30—40 минут в день, разделенных на несколько приемов). И Владимир Ильич воспользовался этим правом по-своему: писал «дневник», а вышли руководящие статьи по самым злободневным «текущим» вопросам, которые к тому же он сам и выдвигал; пользуясь правом диктовать, он, под видом диктовки, вызывал секретаря и давал различные поручения.

В начале февраля в болезни наступило некоторое улучшение. Врачи обещали даже через месяц разрешить чтение газет. В тот день, когда он меня вызвал — пятого февраля, он лежал уже без компресса на голове, был наружно весел, смеялся и шутил. Дал несколько поручений, говорил совсем легко, как прежде, разве немножко медленнее; по-прежнему старался предугадать все детали для беспрепятственного и быстреешего выполнения его поручений. Его интересовала разработка материалов по переписи, произведенной ЦСУ в Москве и Петрограде (он знал об этом до заболевания): затребовал точных сведений, в каком положении находится разработка этих материалов, в какой срок предполагается ее закончить и будут ли они опубликованы. Говорил, что нужно «поднажать».

Позднее он при каждом вызове секретаря снова возвращался к этому вопросу, спрашивал, скоро ли будут материалы опубликованы и в каком виде; просил показать ему корректуру сборника.

¹ Встречи с Лениным. Воспоминания железнодорожников. М., 1958. С. 221—222. *Ред.*

И раньше всегда характерным для Владимира Ильича было стремление как бы все ускорять темп своей работы, как будто он боялся, что не успеет переделать всего того, что себе наметил. За период же своей последней работы — с декабря 1922 года по март 1923 года, имея в своем распоряжении лишь по полчаса ежедневно, редко — больше, а иногда и меньше, он страшно торопился успеть сказать и сделать все, что нужно. По мере же того как хотя бы немного улучшалось его состояние, возвращалась его прежняя энергия и инициатива, и оставаться в рамках «спокойно выздоравливающего больного» он явно не мог. А это, в свою очередь, вызывало ухудшение.

К тому же Владимира Ильича сильно затрудняла его непривычка диктовать: до болезни он писал свои статьи всегда сам, не прибегая к помощи стенографов...

Мне думается, что благодаря этой своей непривычке диктовать ему приходилось гораздо больше, чем «отпущенные» врачами полчаса, уделять предварительному обдумыванию статей для того, чтобы при диктовке не потерять ни одной лишней минутки.

Правом своим читать Владимир Ильич старался, по-видимому, пользоваться как можно более широко. Перед тем как писать статьи, он запрашивал литературу (по кооперации, по научной организации труда); спросил однажды книжку Ходорова «Мировой империализм и Китай». Читал «Записки» Суханова. Ему составлялись списки новых книг, из которых он выбирал то, что хотел прочесть. Вот список книг, которые он себе запросил для прочтения 10 февраля:

1. *Рожицын*. Новая наука и марксизм.
2. *Семковский*. Марксизм, как предмет преподавания.
3. *Альский*. Наши финансы за время гражданской войны и нэпа.
4. Основные проблемы теории денег. Сборник статей.
5. *Фалькнер*. Перелом в развитии мирового промышленного кризиса.
6. *Цыперович*. Мы сами.
7. *Аксельрод* (Ортодокс). Против идеализма.
8. *Древс*. Миф о Христе.
9. *Курлов*. Конец русского царизма.
10. *Канатчиков*. На темы дня. Страницы пролетарской идеологии.
11. *Модзалевский*. Пролетарское миротворчество. Об идеалистических уклонах современной пролетарской поэзии.

Но через несколько дней после того как Владимир Ильич затребовал эти книги, ему стало хуже. Участились головные боли. Вызывая к себе секретаря, он стал все чаще просить торопиться с выполнением его поручений. 27 февраля он еще запросил, чтобы ему дали стенографический отчет X съезда Советов и VII том «Записок» Суханова. Но уже в первых числах марта непреодолимое, несмотря на всю его волю, развитие болезни вынудило Владимира Ильича навсегда прекратить работу.

*Как работал Ленин.
Сборник статей.
Харьков, 1925. С. 57—61*

ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

В конце декабря 1922 года Владимир Ильич уже не выходил больше работать в свой кабинет. Ему запрещена была всякая работа и даже встречи с товарищами, так как последние неизбежно влекли бы за собой деловые разговоры, без которых нельзя было представить себе Владимира Ильича.

Лишь два раза в день по несколько минут он мог писать свой дневник, диктуя его или тов. Фотиевой, или мне. Обычно это было днем, около 12 часов, и чаще вечером, около 6 часов. Половина шестого, без четверти шесть — у меня уже было напряженнейшее состояние.

За все время работы около Владимира Ильича с 1918 года у нас было в порядке вещей работать с утра до позднего вечера, часто за полночь.

А во время его болезни Секретариат Совнаркома был для нас местом, откуда нас никакими силами нельзя было извлечь.

В 6 часов туда заходила Мария Ильинична или из квартиры Владимира Ильича звонили в Секретариат, и я шла к Владимиру Ильичу.

Он лежал в своей комнате на кровати. Около него был приспособлен небольшой столик, за который я садилась записывать. Владимир Ильич обычно просто, по-товарищески, приветливо здоровался, протягивая левую руку, и только беспокоился, не слишком ли часто я дежурю, почему я такая бледная, спрашивал, правильно ли у нас соблюдается очередь дежурств, и прибавлял, грозя пальцем: «Смотрите, а то я...» Самым тяжелым наказанием, конечно, было бы быть лишенной возможности работать у Владимира Ильича, видеть и слышать его почаще, будучи сосланной хотя бы в самый лучший санаторий.

В наших служебных записях сохранился перечень тем, которые наметил себе Владимир Ильич, и в течение работы он запрашивал, все ли они исчерпаны им или остались темы неразработанные. Насколько сейчас помню, Владимир Ильич придерживался этого порядка тем во все время своей работы.

Таким образом, им были продиктованы все последние статьи, появившиеся в печати в 1923 году: «Странички из дневника», «О кооперации», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше».

Особенно врезался в память один вечер, когда Владимир Ильич, закончив диктовать статью «Лучше меньше, да лучше», попросил меня прочитать ее всю целиком, частью сам читал вслух, указывая, где и какую поправку или дополнение внести. В этот вечер он был настроен очень весело. И смеялся так, как он один умел смеяться. Так много бодрости было в его смехе. Теперь, когда товарищи упоминают в своих выступлениях статью Владимира Ильича, она неизменно ассоциируется у меня с тем вечером, который так поднял настроение Владимира Ильича. Когда Надежда Константиновна,

обеспокоенная тем, что Владимир Ильич захватил себе для работы больше времени, чем полагается, заглянула в комнату, он шутливо защищался таким образом: «Ведь я читаю, а не диктую, а читать мне Herr Professor¹ разрешил!»

За весь этот период, с конца декабря 1922 года до начала марта 1923 года, когда болезнь положила конец работе Владимира Ильича, он никогда не давал почувствовать, что он болен. Это был тот же Владимир Ильич, которого все мы знали, Владимир Ильич, глаза которого так зорко и неустанно смотрели далеко вперед, мысль которого работала так глубоко и сердце которого билось для трудящихся. Так ярко было обаяние силы его духа, что то, что он лежал, диктовал, а не работал, как обычно у себя в кабинете, — это казалось временным, незначительным препятствием, с которым, думалось, несомненно, Владимир Ильич скоро справится, потому что трудности были созданы не для того, чтобы Владимир Ильич не мог их преодолеть.

Физически Владимира Ильича нет.

Но наша партия впитала в себя его дух. Она — стальная. Она под ударами гнется, но не ломается. И не сломается.

А ударов было много и будут еще впереди. Наша настоящая задача в том, чтобы выполнять указания партии Ленина так, как мы стали бы выполнять распоряжения Ленина, если бы он был жив, и так, как он учил нас: терпеливо и настойчиво.

Правда. 1926. 21 января

Ф. А. ГЕТЬЕ

САМЫЙ ВЕЛИКИЙ И САМЫЙ СКРОМНЫЙ

На всякого, кто хоть раз в жизни видел Ленина и говорил с ним, Владимир Ильич производил неизгладимое впечатление. Я имел счастье близко узнать Владимира Ильича за те пять лет, в течение которых мне приходилось очень часто бывать у него в домашней обстановке, в кругу его семьи. Я прожил с ним под одной крышей около 8 месяцев во время его болезни. И то сильное впечатление, которое я испытывал в первое время, постепенно разрастаясь, перешло у меня в преклонение перед этим могучим духом и кристально чистым сердцем человека.

11 лет прошло после смерти Владимира Ильича², а между тем я и сейчас вижу его как живого; я ясно представляю себе его фигуру, его лицо, его светлую, милую, добрую улыбку, я слышу его голос, как будто я виделся с ним несколько дней назад.

Я привык, для меня стало потребностью в каждом выходящем из обычных рамок жизни факте, будь то в государственном масштабе, или масштабе больничном, или, наконец, в моей личной жиз-

¹ господин профессор. *Ред.*

² Воспоминания написаны в 1935 г., печатаются с некоторыми сокращениями. *Ред.*

ни, мысленно обратиться к Владимиру Ильичу и представить себе, как бы он отнесся к этому факту, как бы он реагировал на него, ибо Владимир Ильич был и всегда будет для меня, как и для всех нас, образцом в жизни и борьбе...

С Владимиром Ильичем я познакомился в 1919 году, я был приглашен лечить Надежду Константиновну. Рекомендовал меня В. А. Обух, близкий Владимиру Ильичу человек. Сам Обух знал меня очень мало.

Долгое время, приблизительно с год, Владимир Ильич относился ко мне официально. Я приезжал к нему, осматривал больную, назначал лечение, докладывал ему о всех переменах с больной, и на этом заканчивался мой визит. Очевидно, Владимир Ильич присматривался ко мне и только через некоторое время вместо «Товарищ Гетье» стал называть меня запросто Федором Александровичем.

В то же время я почувствовал, что Владимир Ильич стал ко мне относиться теплее, душевнее, и помимо официального доклада у нас стала завязываться простая беседа. Я заслужил доверие Владимира Ильича и сохранил его до самой его смерти.

Это доверие сказалось, между прочим, в том, что Владимир Ильич стал давать мне поручения. Поручения эти заключались в том, чтобы осмотреть того или иного другого из партийных работников и сообщить ему, что надо предпринять, чтобы поправить его здоровье. В большинстве случаев это была, как я говорил тогда, «советская» болезнь: я находил человека, перегруженного работой, переутомленного, с истрепанной нервной системой.

Докладывал Владимиру Ильичу.

— Что же нужно сделать? — спрашивал он.

Этому нужно временно отдохнуть и послать туда, другого разгрузить от работы частично, но он не соглашается и т. д.

— Вздор, он должен исполнить, что вы сказали, — и немедленно пишется записочка — освободить такого-то от такой-то работы, отправить такого-то туда-то... И записочки летят к Горбунову или Фотиевой.

Такая заботливость по отношению к товарищам меня поражала и трогала, но была вполне понятна, ведь она проявлялась к близкому товарищу, собрату по партийной работе.

Но вот один раз я получаю адрес и просьбу посмотреть больного с обычной прибавкой: «Мы все сделаем для него: нужен отдых — дадим отдых, нужно послать на курорт — пошлем, надо послать за границу — пошлем за границу».

Еду по адресу. Встречаю профессора-химика, которого знал раньше, но забыл фамилию. Он удивлен. Говорю, что от Ленина. Расспрашиваю о состоянии здоровья и осторожно осведомляюсь, давно ли он в партии? Получаю ответ:

— Я беспартийный.

— Давно ли вы знакомы с Лениным?

— Я лично с ним не знаком.

Вот какая была у Ленина заботливость о беспартийных специалистах!

Проходит немного времени, и я опять по поручению Владимира Ильича еду осматривать другого специалиста, работающего в Госплане, и опять беспартийного.

В приведенных фактах помимо заботливости к работникам меня поражало, как у Владимира Ильича при его загруженности хватало времени и памяти помнить и заниматься этими житейскими «мелочами».

Приведу еще один факт, касающийся лично меня, о котором я узнал много лет спустя после смерти Владимира Ильича и который очень поразил и тронул меня. В октябре 1933 года я узнал от одного из партийцев, что вышел новый Ленинский сборник (том XXIII), где собрана переписка В. И. Ленина с отдельными лицами за 1921 год по всевозможным вопросам государственного хозяйства и где упоминается моя фамилия.

Страшно заинтересованный, я раздобыл этот сборник и действительно нашел в нем (стр. 331) несколько строк, касающихся меня, которые привожу дословно:

«т. Семашко!

Доктор Гетье просит меня принять меры к лечению 1) Ивана Ивановича Радченко (Внешторг). Лучше бы всего в санаторий под Москву. Хорошо бы в тот же, где *Ягода* (из Внешторга). 2) *Розовского* (лучше бы всего за границу, в Германию). У него болезнь сердца и ухудшение зимой.

Ваш Ленин

Насчет самого Гетье. Денег он не берет. А теперь все платное. Лечит он многих. Нельзя ли ему от ЦК или от Президиума ВЦИК назначить плату и побольше помесечно? Внесите в Цека от моего имени и черкните мне.

9/XII. Ленин»¹.

Повторяю, что я ничего не знал об этом письме Ленина к Н. А. Семашко вплоть до 1933 года и был очень удивлен, когда в декабре 1921 года получил бумагу из Санитарного управления Кремля о том, что назначен по распоряжению наркома здравоохранения Семашко консультантом Кремлевской больницы. Сам Владимир Ильич никогда не обмолвился ни одним словом, что это сделано по его распоряжению.

Это последнее обстоятельство тоже очень характерно для Владимира Ильича: для очень и очень многих он сделал очень многое, но всегда делал это через других лиц, сам оставаясь в стороне, в тени настолько, что заинтересованное лицо даже не догадывалось, чем оно обязано Владимиру Ильичу.

Я мог бы привести много других примеров, но мне кажется, что и приведенных достаточно, чтобы показать, как Владимир Ильич относился к людям, к работникам, независимо от того, были ли они партийными или беспартийными.

Я жалею лишь о том, что, не обладая талантом писателя, не су-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 69.

мел достаточно ярко обрисовать Владимира Ильича. Мы все, знавшие его лично, обязаны собирать хотя бы самые мелкие факты его жизни, с тем чтобы будущий историк-художник мог вылепить во весь рост образ этого великого мыслью и сердцем человека.

Рабочая Москва. 1935. 21 января

Н. ВАЛЕНТИНОВ (ВОЛЬСКИЙ)

ИЗ КНИГИ «НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И КРИЗИС ПАРТИИ ПОСЛЕ СМЕРТИ ЛЕНИНА»

...В октябре 1921 года на Московской партийной конференции Ленин указал, что о необходимости новой экономической политики «никто не спорил, и вся партия на съездах, на конференциях и в печати приняла ее совершенно *единогласно*»¹. В марте 1922 года на XI съезде Ленин снова ссылался на единодушие:

«Поворот к новой экономической политике был решен на прошлом съезде с чрезвычайнейшим единодушием, с большим даже *единодушием*, чем решались другие вопросы в нашей партии (которая, надо признать, вообще отличается большим единодушием)... Никаких колебаний в партии по вопросу о том, что новая экономическая политика неизбежна, не было»².

Мы подходим к вопросу, очень мало освещенному в печати и обычно решаемому самым трафаретным образом. Нужно в историю этого важнейшего вопроса внести некоторые непоявлявшиеся в печати данные, причем заранее скажу, что хотя мы в «Лиге наблюдателей»³ этими данными и располагали, но вытекающие из них последствия и выводы признавали и оценивали *слабо и недостаточно*. Дело в том, что Ленин по разным соображениям сказал неправду: *никакого единодушия в принятии нэпа в партии не было*. Вот что я слышал от коммуниста «середняка» П. Н. Муравьева, одно время бывшего вместе со мною членом редакции органа ВСНХ — «Торгово-Промышленной Газеты»:

«Во время «военного коммунизма» жилось тяжело, мучил холод, мучил голод, даже мороженный картофель считался редким экзотическим фруктом. Но самый остов, самый костяк существовавшего в 1918—1920 годах строя был прекрасным, был действительно коммунистическим. Все было национализировано, частная собственность вытравлена, частный капитал уничтожен, значение денег сведено к нулю, а вместо торговли по капиталистическому образцу — в принципе равное для всех распределение, получение материальных

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 214—215. (Курсив Н. В. Ред.)

² Там же. Т. 45. С. 73, 74. (Курсив Н. В. Ред.)

³ «Лига наблюдателей» — кружок социал-демократов-меньшевиков, состоявший из 9 человек, существовавший с 1922 по 1927 г.; занимался изучением общественных процессов, происходивших в нашей стране. Результатом деятельности «Лиги...» явился доклад, меморандум, озаглавленный его авторами «Судьба основных идей Октябрьской революции». В своей книге Н. Валентинов часто ссылается на этот меморандум. Ред.

благ. Мы осуществили строй, намеченный Марксом в его «Критике Готской программы» (Sic!)¹. Нужно было только влить в него материальное довольство, и все стало бы сказочно прекрасным. Словно молотом по голове ударило, когда слышали, что нужно нефть в Баку и Грозном отдать заграничным капиталистам в концессию, что им нужно отдать в концессию леса на Севере, в Западной Сибири и множество всяких других предприятий. В тот самый момент, когда появилась такая мысль, здание Октябрьской революции *треснуло*, пошатнулось. Это означало поворот к капитализму. Ну а когда к этому добавилась нэп, денационализация многих частных предприятий, свобода торговли, реставрация экономических отношений прошлого, многие из нас это восприняли, и не могли не воспринять, как *измену коммунизму*, явное и открытое отступление от всего, за что боролась Октябрьская революция. Она была побежденной. Начав отступление, будем откатываться назад; мы на этой наклонной плоскости удержаться не можем, скатимся уже к самому полному восстановлению капитализма со всеми отсюда вытекающими последствиями. Частный сектор постепенно, но несомненно съест весь национализированный сектор».

«Вы,— говорил Муравьев, обращаясь ко мне,— наверное, думаете, что я пьяница от рождения. Нет, пьяницей я никогда не был до этого, я с горя стал пить, когда увидел, что от моего идеала, от коммунизма, кроме слов, в сущности, ничего не осталось. Коммунистов, которые теперь думают и мучаются, как я, *очень много*».

В статьях и речах Ленина, посвященных нэпу, можно найти подтверждение, что в партии было действительно немало лиц, думавших и говоривших, как Муравьев. Забывая, что он говорил о единодушном принятии нэпа, Ленин признает, что в партийных кругах, в связи с нэпом, проявляется «настроение уныния и упадка», часто «негодования», «настроение весьма кислое, почти паническое», «настроение подавленное».

«Если сейчас,— говорили многие коммунисты,— выдвигаются обыкновенные, простейшие, вульгарнейшие, мизернейшие торговые задачи, то что может тут остаться от коммунизма?» Ленин указывает, что есть партийцы, которых он называет поэтами, утверждающие, что прежде, в 1919—1920 годах, в Москве, «несмотря на холод и голод, все было *чисто и красиво*», а с приходом нэпа от нее стало вонять. Ленин с усмешкой говорил, что на последнем расширенном исполкоме Коминтерна «некоторые непозволительным образом, по-детски расплакались, видя, что мы отступаем». Сражаясь с подавленным настроением, Ленин стремился доказать (вступая в противоречие с самим собой), что «военный коммунизм» совсем не был стройной системой,— как на том настаивали не только «середняки»-партийцы вроде Муравьева, но и люди калибра Милютина,— а только «временной мерой, вынужденной обстоятельствами». Ленин жаловался, что в провинции новая политика «остается в громадной степени неразъясненной и даже непонятной». И Ленин на-

¹ Так! (лат.). Ред.

чинал свирепо злиться, когда слышал, что большого внимания нэпу отдавать не следует: это, мол, новшество не всерьез и не надолго. Отвечая на это, Ленин на X конференции партии разразился ставшей знаменитой фразой: нэп — *«всерьез и надолго»*.

«Надо,— говорил Ленин,— устранить все сомнения, что политика, намеченная X партийным съездом... принимается... как политика, подлежащая проведению всерьез и надолго»¹.

Принятие нэпа, как мы видим, совсем не было единодушным. Можно констатировать обратное: аргументы Ленина за нэп отлетали от партийцев как горох от стены. Не могу здесь не вспомнить одну беседу с моим старым знакомым, Ю. М. Стекловым, ставшим редактором «Известий ВЦИК» (он был там до половины 1925 года). Редакция «Известий», где я навестил Стеклова, помещалась тогда в здании «Русского Слова» — самой большой газеты в довоенное время и Стеков сидел в кабинете, который занимал я в бытность мою фактическим редактором «Русского Слова».

«Ленин,— сказал мне Стеков,— произвел изумительный по смелости и решительности поворот политики. «Научитесь торговать!» — мне казалось, что я скорее губы себе обрежу, а такого лозунга не выкину. С принятием такой директивы нужно *целые главы марксизма от нас отрезать*. Давать руководящие принципы они нам уже не могут. А когда Варейкис бросил Ленину такое замечание, тот крикнул: «Пожалуйста, не обучайте меня, что взять или что откинуть от марксизма, яйца курицу не учат!»

По самому своему официальному положению Стеков должен был в газете ВЦИКа защищать прокламируемую Лениным новую экономическую политику. Если он и делал это, то сопротивляясь. А что при принятии нэпа происходило *на верхах партии*, я узнал от А. И. Свидерского. Его я давно знал. В 1909 и 1910 годах мы оба жили в Киеве и ежедневно виделись в редакции «Киевской Мысли», в которой были сотрудниками... В 1921 году Свидерский занимал большой пост в Комиссариате продовольствия (член Коллегии Наркомпрода), потом был заместителем народного комиссара земледелия. На партийной конференции в мае 1921 года он выступал с одобренным Лениным докладом о проведении продовольственного налога, т. е. одной из важнейших частей новой экономической политики. Как реагировали верхи партии на нэп, он, конечно, превосходно знал и не мог не знать... Когда я указал ему, что у меня такое впечатление, что в партии не все охотно идут за Лениным, Свидерский стал объяснять, что, в сущности, дело обстоит много хуже, ибо мало кто с Лениным согласен.

«Полностью согласны с ним, может быть, только Красин и Цюрупа; все другие или молчат, или упираются. На одном собрании (Свидерский не указал на каком, а я о том не спросил) Ленин говорил: когда я вам в глаза смотрю, вы все как будто согласны со мной и говорите *да*, а отвернусь, вы говорите *нет*. Вы играете со мной в прятки. В таком случае позвольте и мне поиграть с вами в одну

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 340. Ред.

принятую в парламентах игру. Когда в парламентах главе правительства высказывается недоверие, он подает в отставку. Вы мне высказывали недоверие во время заключения мира в Бресте, хотя теперь даже глупцы понимают, что моя политика была правильной. Теперь снова вы высказываете мне недоверие по вопросу о новой экономической политике. Я делаю из этого принятые в парламентах выводы и двум высшим инстанциям — ВЦИКу и Пленуму — вручаю свою отставку. Перестаю быть Председателем Совнаркома, членом Политбюро и превращаюсь в простого публициста, пишущего в «Правде» и других советских изданиях».

— Ленин, конечно, шутил!

«Ничего подобного. Он заявлял о том самым серьезным образом. Стучал кулаками по столу, кричал, что ему надоело дискутировать с людьми, которые никак не желают выйти ни из психологии подполья, ни из младенческого непонимания такого серьезного вопроса, что без нэпа неминуем разрыв с крестьянством. Угрозой отставки Ленин так всех напугал, что сразу сломил выражавшееся многими несогласие. Например, Бухарин, резко возражавший Ленину, в 24 минуты из противника превратился в такого страстного защитника нэпа, что Ленин принужден был его сдерживать. «У меня, — с иронией указывал Ленин, — допустим, 25 аргументов за введение нэпа; товарищ Бухарин к ним хочет прибавить еще 50. Боюсь, что своей массивной прибавкой он просто утопит нэп, превратит ее в нечто такое, с чем я уже согласиться не могу. Поэтому лучше останемся с 25 аргументами».

В некрологе о Ленине Бухарин писал: «Ленин вел за собой партию, как власть имеющий. Он мог идти против течения со всей силой своего *бешеного* темперамента»¹.

Бешено идя против течения, он властно хлыстом заставил партию принять и политику концессий, и нэп, но *глубокое* непокоренное сопротивление всему этому в партии несомненно осталось, не было уничтожено. В марте 1923 года (Ленин тогда лежал, пораженный параличом) Молотов в «Правде» писал, что, несмотря на два года проведения нэпа, «нельзя сказать, что эта политика вполне понятна и правильно оценена...». Молотов констатировал простой факт, что продолжают существовать партийцы, считающие строй 1918—1920 годов в его основе действительно коммунистическим и потому скорбящие, что от этого строя партия ушла к капитализму. Сопротивление нэпу — в виде остро проявляющейся почти панической боязни ее — жило не где-то около партии, а в партии *самой* и в *самых* ее *высших* сферах. В том же 1923 году в апреле на XII съезде партии, на котором больной Ленин не мог присутствовать, Троцкий в своем докладе о положении промышленности говорил о громадной опасности, созданной тем, что «*мы вызвали в свет рыночного дьявола*». Фраза много говорящая. С точки зрения последовательно мыслящего ортодокса марксиста-коммуниста, рынок — феномен «дья-

---

¹ Правда. 1924. № 19. 24 янв. Автор не точен в цитировании первого предложения. *Ред.*

вольского» характера и происхождения. Боязнь этого дьявола, т. е. вообще нэпа, проявилась у Троцкого в сильнейшем виде в следующих словах в том же докладе 1923 года: «Начинается эпоха роста капиталистической стихии. И кто знает, не придется ли нам в ближайшие годы каждую пядь нашей социалистической территории *отстаивать зубами, когтями против центробежных тенденций частнокапиталистических сил?*»¹.

«Зверь» прыгал совсем не большими прыжками и был похож скорее на котенка, но испуганному воображению не какого-нибудь Муравьева, а самого Троцкого казался страшным зверем Апокалипсиса². Осенью 1923 года об этом звере, поедающем социалистическую экономику, постоянно говорил Пятаков, заместитель председателя ВСНХ: «Зародыши товарной капиталистической системы выросли и грозят неисчислимыми напастями социалистической системе». Всякие вариации речей Пятакова на эту тему я *слышал много раз собственными ушами*. «Всерьез и надолго» нэп не был принят. Это нужно знать. Без должного внимания к этому факту, без знания и анализа его *вся последующая история большевизма остается непонятной*.

Наша «Лига наблюдателей» в своем оптимизме, в своей ставке на здоровую «эволюцию» советского строя несомненно *недооценивала* силу сопротивления нэпу. Мы, например, просто прошли мимо следующего показательного факта. В общей программе нэпа Ленин отводил очень важное место концессиям, поэтому в конце 1923 года, работая в «Торгово-Промышленной Газете», я хотел посвятить концессиям целую серию статей с целью проанализировать, что такое представляют 300 поступивших на этот счет из-за границы предложений. Мое начальство (Савельев) мне сказала: «Погодите заказывать статьи на эту тему, нужно предварительно *понюхать*, как на вопрос смотрят в ЦК». И, понюхав, Савельев мне рекомендовал: «Не раздувайте это дело, в сущности, почти *никто* на концессии не смотрит серьезно». Это лишний факт, свидетельствующий, что только под хлыстом Ленина партия пошла на нэп.

Здесь будет уместно рассказать, как в связи с нэпом изменилось лично мое отношение к Ленину. В 1901—1903 годах я был «сто процентным» ленинцем и в 1904 году активнейшим большевиком; попал после тюрьмы в Женеву, стал «лейтенантом» Ленина. Он ко мне, по выражению Крупской, «очень благоволил». Обо всем этом я подробно рассказал в моей книге «Встречи с Лениным», изданной Чеховским издательством³. Потом произошло резкое столкновение с Лениным, и я ушел из большевистской организации. В последующие годы Ленин совершенно перестал меня интересовать. Его политику в первую революцию 1905—1907 годов я считал *вреднейшей*, а захват власти в 1917 году актом *преступным*, сделавшимся воз-

¹ Двенадцатый съезд РКП(б). 17—25 апреля 1923 года: Стенографический отчет. М., 1968. С. 310, 351. Курсив автора. *Ред.*

² На наш взгляд, автор воспоминаний неверно оценивает позицию Л. Д. Троцкого, в отношении нэпа на XII съезде партии. *Ред.*

³ *Валентинов (Вольский) Н.* Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953. *Ред.*

можным только потому, что Временное правительство Керенского было абсолютно неспособно ни оказать Ленину физическое сопротивление, ни провести те смелые мероприятия (сепаратный мир, передачу земли крестьянам и т. д.), которые, по моему убеждению, предохранили бы страну от Октябрьской революции.

Первые ее годы — 1917—1919 — я, конечно, следил за Лениным, всегда отталкиваясь от его политики, постоянно критикуя ее, считал бессмысленным почти все, что тогда делалось. С 1921 года, с началом нэпа, мое отношение к Ленину изменяется. Я с радостью видел, как постепенно снимаются со страны удушающие ее обручи «военного коммунизма». С напряженным вниманием следил за каждой речью, статьей Ленина, каждым его шагом, поворотом, мероприятием. Он снова начал меня остро интересовать. Большое впечатление на меня произвела его речь в ноябре 1922 года в Московском Совете. Никто тогда не думал, что это *последнее публичное выступление* Ленина и уже никаких речей он больше произносить не будет. В этой речи он говорил, что к социализму нужно подходить «не как к иконе, расписанной торжественными красками»¹, а *по-деловому*, протаскивая его в будничную повседневность, «Россия нэпмановская будет Россией социалистической»², но путь к этому лежит через нэп. «Поэтому,— заключал Ленин,— *нэп продолжает быть главным, очередным, все исчерпывающим лозунгом сегодняшнего дня*»³. Зная, что его политика встречает сопротивление в партии, что ему приходится много затрачивать энергии на преодоление этого сопротивления, я стал искренне жалеть его и у меня пробудилась былая симпатия к нему. Я видел, что он уже не тот Ленин, с которым в 1904 году в Женеве с остервенением спорил о философии Авенариуса и Маха о «esse est percipi»⁴. Это уже не Ленин-агитатор Октябрьской революции, кидавший массам лозунг «Грабь награбленное!», звавший «на всех парах нестись к социализму» и «поголовно всем по очереди управлять государством». В 1921 году Ленин уже не безответственный подпольщик-демагог, а человек, переживший в четыре года грандиозный опыт социально-экономического строительства, проверивший в нем социалистические схемы, освободившийся от множества иллюзий и, с высоты поста правителя-диктатора России, познавший и увидевший то, чего прежде не знал, чего совсем не понимал (не только Ленин, а все мы тогда очень многое и очень важное не знали и не понимали). В 1919 и 1920 годах Ленин узнавал у Карпова и Красикова, где я работаю. В то время я не работал... и видеть Ленина никакого желания не испытывал. Но в 1922 году я уже с «энтузиазмом» работал в ВСНХ, полностью принимая новую экономическую политику, проводимую Лениным, и очень хотел его повидать, познать — куда и как далеко он идет. Я написал ему довольно большое письмо, в конце которого

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 308.

² У Ленина иначе: «...из России нэповской будет Россия социалистическая» (Полн. собр. соч. Т. 45. С. 309). *Ред.*

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 308.

⁴ Значит быть в восприятии (лат.). *Ред.*

просил: когда у Ленина будет свободное время, дать мне возможность его видеть и с ним побеседовать так же свободно, как в «былое время в Женеве, в Сешероне».

Что я ему написал?

Насколько помню, письмо было составлено в конце ноября 1922 года. «Лига наблюдателей, наш кружок, еще не сформировалась. Еще не были коллективными силами произведен обзор проблем советского строя, в результате которого появился доклад о «Судьбе основных идей Октябрьской революции». До этого лично меня больше всего интересовали следующие вопросы.

Ленин писал, что меньшевиков, сеющих панику и твердящих, что «отступление» коммунистической партии неминуемо ведет к полному восстановлению капитализма, нужно *расстреливать*. К этой категории, подлежащей расстрелу, я как будто никак не принадлежал по той простой причине, что, по моему убеждению, нэп отнюдь не означал восстановление капитализма, хотя на частичное его восстановление настойчиво указывал сам Ленин. О каком капитализме, говорил я, может идти речь, когда после «отступления» в руках государства остается вся крупная промышленность, весь железнодорожный, морской, речной транспорт, вся банковская система, вся (или почти вся) оптовая торговля, громадная часть жилищного фонда, вся земля, все леса, все недра страны? Капитализм предполагает частную собственность на средства и орудия производства. А этого нет. Где и в какой стране существует капитализм с такой широчайшей национализацией всех важнейших отраслей народного хозяйства? Такого капитализма *в мире нет*. Это все, что угодно, только не капитализм; поэтому заявлять, что отступление ведет или привело к капитализму, просто бессмысленно...

Второе замечание. Когда пускали в обращение термин «отступление», с ним обычно в коммунистической партии связывали отход от высшей и лучшей ступени к чему-то низшему и худшему. Наоборот, я видел, что от плохого, построенного на иллюзиях, разлетевшихся при соприкосновении с жизнью, отступление ведет к чему-то более здоровому, построенному на реалистической основе, учитывающей прежде всего интересы многомиллионного крестьянства и такой фактор, как личный, частный интерес. В отличие от капиталистической экономики советская экономика должна быть управляемой (термин «планируемая» появился несколько позднее), но это управление нельзя установить с помощью поучений, заимствованных из старых социалистических учебников, вроде книги Бебеля, которая, как и «Утопия» Томаса Мора, строила хозяйство *без денежной системы и денежного расчета*¹. Без учета в деньгах все ос-

¹ Я никогда не мог себе представить ведение современного хозяйства без денежной системы, т. е., в сущности, без фактора о ц е н к и. Когда в 1898 г., будучи студентом, я сказал проф. М. И. Туган-Барановскому (это он был моим первым учителем марксизма), что не представляю себе, как социалистическое общество может обойтись без денег, тот мне ответил: «А вы об этом не думайте, это же глупость!» Характерно, что в СССР три раза делали попытку уничтожить денежное обращение, заменяя его «прямым, непосредственным продуктообменом, прямым товарообменом». Первый раз это произошло при Ленине, второй раз — позднее, в тридцатых годах, и,

новые категории управляемого хозяйства (государственный бюджет, себестоимость, прибыль, заработная плата и т. д.) повисают в воздухе. Четырехлетний опыт советской власти, расходясь со старыми учебниками и «торжественно расписанными иконами», показал, что полная социализация, без исключения, всего хозяйства не должна «иметь места», так как это экономически вредно и бессмысленно. Рядом с национализированным сектором должен быть и может быть допущен частный сектор в виде крестьянского хозяйства, мелких предприятий в индустрии, ремесле и торговле, не представляющих никакой опасности для национализированных командных высот, а только дополняющих их активность. В сельском хозяйстве еще до революции, несмотря на неблагоприятствующую им политическую обстановку, ускоренно развивались разные виды добровольно создающейся кооперации. При Советской власти такого рода кооперативы должны получить сильное мощное развитие и, соединяясь с разными мероприятиями для поднятия производительности крестьянского труда, они сделают в сельском хозяйстве то, что предполагалось достигнуть *принудительной, неудачной, отвергаемой крестьянами организацией колхозов*. Мимоходом замечу, что до революции, в 1908—1911 годах, я в «Вестнике Кооперации», в «Киевской Мысли» и других изданиях за 1909—1911 годы много писал о кооперативах в сельском хозяйстве и их организацию считал важнейшей частью решения «аграрного вопроса». Делая общую характеристику нэпа, я полагал, что это и есть *«совершенно новое слово в теории строительства хозяйственной базы социализма»*; оно радикально отличается от старых «икон» прежних социалистических схем тем, что сочетает национализированный сектор и сектор частный, интерес *общий*, государственный с *интересом частным*¹.

Вот какие мысли были в моей голове, когда я составлял письмо Ленину, и лишь в немного иной, чем в предыдущих строках, словесной форме, они и занесены в мое письмо. Копии этого письма у меня нет. Но вспоминаю, что в нем с *большим перегибом* было восхваление по адресу проводимой Лениным политики. В шуточной форме я напомнил ему мой спор с ним о философии эмпириокритицизма, но, когда отослал письмо, стал с досадой думать, что напоминание о философии сделал *в неудачной форме*, дающей Ленину какое-то основание заключить, что будто я, как и другие, отказался от преследуемой Лениным философии Авенариуса и Маха. А этого у меня не было.

На посланное письмо в течение долгого времени никакого отклика не было. Я решил, что оно застряло где-нибудь в секретариате

наконец, третий раз необходимость уничтожить денежное хозяйство, перейти к прямому «товарообмену», «продуктообмену» стал доказывать Сталин в своем последнем гениальном труде — в ничтожной, безграмотной брошюре «Экономические проблемы социализма». Наследники Сталина его призыв, найдя вредным и негодным, отбросили. О всей этой истории с трехкратной попыткой уничтожения денежного обращения я писал в «Новом Журнале», книга 31, за 1952 г. *Н. В.*

¹ Нелишне указать, что в современном хозяйстве Франции, Англии, Австрии в частный сектор вдвинут обширный национальный сектор. *Н. В.*

Ленина или брошено в корзину, как сотни тысяч других писем, пославшихся Ленину со всех концов России и до него не доходивших. У меня было даже предположение, что оно могло быть сознательно погребено в секретариате Ленина. В числе других там работала О. Б. Лепешинская (ее я знал еще с 1904 года в Женеве), весьма косившаяся на меня за отход от большевизма... Оказалось, что я ошибся. Не помню точно когда (на даты, *в отличие от разговоров*, у меня нет хорошей памяти) — думаю, что это было на последней неделе декабря (1922 года), я был вызван в редакцию «Правды» Марией Ильиничной Ульяновой, сестрой Ленина, бывшей в то время секретарем «Правды». Она мне сказала, что Ленин получил мое письмо, «благодарит вас за него и, как только будет чувствовать себя лучше, непременно назначит вам свидание». Если Ленин, подумал я, благодарит за письмо, это очень важно: значит, ничего, его шокирующего, он там не нашел. «А разве Владимир Ильич болен? Что такое у него?» — спросил я Ульянову. Мария Ильинична не была лживой. Сказать мне, что у Ленина был второй удар паралича, она, конечно, не могла. Характер болезни его *тщательно скрывали*. О ней знали лишь немногие лица. Не пускаясь в объяснения, но не отрицая болезнь Ленина, М. И. Ульянова на мой вопрос, уклончиво и, по своему обыкновению, краснея и опуская глаза, ответила: «Сейчас Владимир Ильич чувствует себя много лучше».

Мне в голову не приходило, что Ленин опасно болен, хотя, что он болеет, я знал еще в 1920 году. М. Горький и М. Ф. Андреева были в это время у Ленина, и Андреева, зайдя к нам, рассказала, что Ленин страдает от постоянной головной боли и бессонницы, от которой его не спасают никакие прописываемые средства.

Первый удар паралича у него произошел 24 мая 1922 года¹. Он был в Горках, в своей летней резиденции, в 29 километрах от Москвы, в бывшем имении одного из магнатов капиталистической России — Морозова². Тогда обнаружились первые признаки поражения мозга — частичный паралич правой руки и ноги и небольшое расстройство речи. Бюллетень о болезни Ленина появился 4 июня и был составлен так, что никто, даже врачи, не мог, судя по этому бюллетеню, сказать или предположить, что Ленин серьезно болен. В бюллетене говорится, что он захворал гастроэнтеритом, что у него переутомление и на этой почве небольшое расстройство кровообращения. Явно ничего важного. Второй бюллетень 18 июня³ отмечает, что желудочно-кишечный тракт теперь в порядке, что явления расстройства кровообращения исчезли, «больной покинул постель, чувствует себя хорошо, но тяготится предписанным ему врачами бездействием».

Под первым бюллетенем, кроме имен русских врачей (Крамер, Кожевников, Гетье, Левин), стоит подпись проф. Ферстера, а под вторым — проф. Клемперера — иностранных (немецких) врачей.

¹ Точнее, приступ случился 25—27 мая. *Ред.*

² Автор ошибся. См. с. 101, 132 настоящего издания. *Ред.*

³ 18 июня был опубликован бюллетень о состоянии здоровья Ленина от 16 июня.

На это тогда в Москве обратили внимание: «Смотрите, как оберегают Ильича, крошечное нездоровье, и уже немедленно выписываются на помощь русским врачам иностранные знаменитости». Другие злословили: «Выписки иностранных врачей и бюллетени напоминают времена «царствующих особ»; прежде маленькое нездоровье царя вызывало появление бюллетеней о ходе его болезни, а теперь то же самое происходит около Ленина — «красного царя».

Насколько серьезно заболевание Ленина, о том не подозревала даже и та малюсенькая группа, знавшая о его болезни. Однако среди них было лицо, которое тогда же, уже с 1922 года, решило, что «Ленину капут». На это обстоятельство, бросающее свет на то, что произошло позднее, я не встречал никогда и никаких указаний в печати. Оно попало ко мне из уст Владимирова, заместителя Дзержинского на посту председателя ВСНХ. В дальнейших главах моих воспоминаний, прямо относящихся к ВСНХ, я подробно расскажу, при каких обстоятельствах, какими словами мне о том рассказывал Владимиров.

Лицо, убежденное, что «Ленину капут», был Сталин. Не могу указать — Владимиров ничего об этом не сказал, — с кем, с какими врачами, иностранными или русскими, Сталин беседовал. Но их расспрашивая, прибегая для большего уяснения вопроса к медицинским книгам, добавляя сюда свои наблюдения за давно падающим здоровьем Ленина, Сталин пришел к выводу, что Ленин не протянет долго, за первым ударом последуют другие. Главным образом для проверки своего заключения он и ездил в Горки, где — это можно установить по данным из других источников — был 11 июля, 5 августа и 30 августа. В два первых туда приезда он узнал, что, несмотря на бюллетени, успокоительно извещающие, что больной на пути к выздоровлению и «чувствует себя хорошо», припадки продолжались, выражаясь в кратковременном параличе конечностей и неожиданной, временной, иногда на 20—30 минут, потере речи или ее затруднении. Подкрепляясь этими наблюдениями, Сталин решил, что:

«интересы страны, революции, партии властно требуют не рассчитывать на дальнейшее пребывание Ленина в качестве вождя партии и главы правительства. Политбюро должно работать так, как будто Ленина уже нет среди нас, ждать от него директив и помощи не приходится, и, соответственно этому положению, умело распределить между членами Политбюро все руководство страной»¹.

Однако Сталин поспешил с выводом, что Ленину уже «капут». После длительного ухода в декабре 1921 года от работы и многомесячного пребывания в Горках Ленин почувствовал себя настолько выздоровевшим, что 2 октября 1922 года возвратился в Москву и развил кипучую энергию. Из записей его главного секретаря — Фотиевой (опубликованных в 1945 году) видно, что на протяжении двух с половиной месяцев Ленин председательствовал на 25 заседаниях (трех заседаниях Политбюро, четырех заседаниях Совета

¹ Источник этой цитаты автором не указан. *Ред.*

Труда и Обороны, семи заседаниях Совета Народных Комиссаров и т. д.), собственноручно написал 110 писем и принял 175 человек. Кроме того, он сделал три публичных выступления. Первое — на 4-й сессии ВЦИК в Кремле, в Андреевском зале, в присутствии представителей дипломатического корпуса, второе — 13 ноября на IV конгрессе Коммунистического Интернационала, где, что было для него нелегко и требовало большого напряжения, произнес речь на немецком языке. Наконец, третье его выступление, меньше чем за месяц до второго удара, произошло на пленуме Московского Совета. Двум моим коллегам из «Торгово-Промышленной Газеты» удалось эту речь слышать. По их словам, она была сказана с большим подъемом и силой и произвела *огромное впечатление*; овациям, бурным аплодисментам не было конца. Кое-что все-таки поразило нашего сотрудника. Во время речи, а Ленин произносил ее стоя, он неожиданно замолк, открыл как-то странно рот, зашатался, присел, но тут же каким-то усилием воли заставил себя вскочить, быстро выпрямиться и уже без всякого дальнейшего перерыва продолжать говорить. Кажется, никто не обратил на это внимания, но через четыре месяца, когда уже все знали о страшной болезни Ленина, наш сотрудник вспоминал об этом происшествии и, без достаточных оснований, уверял всех, будто он тогда уже понял, что Ленин очень болен.

Речь в Московском Совете была последним публичным выступлением Ленина. Отчаянные головные боли, бессонница, утомление охватили его снова. Для отдыха он уезжает в Горки, через неделю возвращается в Москву, и здесь 16 декабря 1922 года его сразил второй удар, уже стойкий паралич правых конечностей. Крамер, один из докторов, лечивших Ленина, всегда говорил, что ленинская живучесть, сила его сопротивляемости болезни представляют в истории этой болезни феноменальное явление. И действительно, несмотря на то только что испытанный сильнейший приступ болезни, Ленин уже через неделю вызывает к себе секретарей, требует газеты, диктует так называемое «завещание», в котором указывает, что отношения между Сталиным и Троцким таковы, что если не принять мер, то из этого может получиться раскол. В дополнение к этому «завещанию» Ленин 4 января 1923 года советует снять Сталина с поста Генерального секретаря партии. Об этом «завещании» столько уже писалось, что мне повторяться незачем. Будет более интересным сообщить то, что до сих пор не указывалось. Желая быть в курсе того, что делается в советском хозяйстве и государстве, Ленин заставлял Крупскую для получения интересующих его сведений обращаться к Каменеву, Рыкову и Сталину. Последний, в качестве Генерального секретаря партии, имел больше, чем кто-либо, интересующих Ленина данных. Сталин делал это очень неохотно, притом в такой форме, которая оскорбляла Крупскую. Из того, что мы все много позднее узнали, например из воспоминаний Троцкого, следует, что Сталин был с Крупской до крайности груб. Дав раза два требуемые ею сведения, он потом просто послал ее «к черту» и всякие разговоры с ней прекратил. Возмущенная Крупская под-

няла по этому поводу большой скандал, жаловалась на Сталина Каменеву, Зиновьеву и в конце концов рассказала обо всем Ленину¹.

Чем объяснить такое поведение Сталина? В свете того, что мне говорил Владимиров, оно делается понятным. Раз Сталин решил, что хотя Ленин еще и жив, но безнадежно болен и прежним властным вождем быть не может, то особенно церемониться с ним и прислушиваться к нему не нужно. До этого Сталин рабски следовал во всем за Лениным, вечно подлизывался к нему, но так как умирающий, разбитый параличом человек ему уже не страшен, он хамски повертывается к нему спиной. Именно так — это я вывел из слов Владимирова — нужно объяснить его грубое обращение с Крупской, его нежелание давать что-либо на суд и решение Ленина. В течение длительного отхода последнего от работы (он начался, в сущности, уже с декабря 1921 года) Сталин, по словам Ленина, «сосредоточил в качестве Генерального секретаря партии *необъятную власть*»². А приобретя ее, он, очевидно, думал, что теперь, с этой властью, уже можно и не сгибаться перед обреченным на смерть человеком.

Узнал ли Ленин, что Сталин считает его окончательно выбывшим из строя? Да, узнал. *Так утверждал Владимиров* в беседе со мной в декабре 1924 года. Ленина тогда уже не было в живых. На чем покоилось его утверждение, не знаю. Владимирова я о том не расспрашивал и по ряду причин *не мог* этого делать. По его словам, Ленин сказал:

«Я еще не умер, а они, со Сталиным во главе, меня уже похоронили».

При таком неожиданно обнаружившемся отношении Сталина неприязнь к нему у больного Ленина естественно и сразу появилась и, под влиянием жалоб Крупской, крайне обострилась. Вероятно, эта вспыхнувшая неприязнь и вызвала у него рекомендацию снять за грубость Сталина с поста Генерального секретаря, а потом решение порвать с ним всякие личные отношения. Этого Владимиров мне не сказал. Это уже мое заключение, сделанное после прочтения так называемого «завещания» Ленина, с которым я познакомился много позднее. Но Владимиров сказал другое:

---

¹ Эти строки были уже давно написаны, когда 4 июня 1955 г. государственный департамент США опубликовал секретный доклад, сделанный Хрущевым на XX съезде партии. Из него впервые становится известным написанное 23 декабря 1923 г. письмо Крупской к Каменеву о Сталине. В нем очень важны следующие строки, которые я цитирую по тексту, приведенному в «Le Monde» (6 июня 1956 г.):

«Я обращаюсь к Вам и Григорию (Зиновьеву) как старым товарищам Владимира Ильича и умоляю вас защитить меня от грубых вмешательств (Сталина) в мою личную жизнь, от его подлых оскорблений и низких угроз. У меня нет ни сил, ни времени заниматься этой тупой ссорой. Я человек, мои нервы натянуты до крайности».

В том же сообщении государственный департамент приводит письмо Ленина к Сталину от 5 марта 1923 г. с угрозой прервать с ним всякие отношения. *Н. В.*

С полным (более точным в этой части) текстом письма Н. К. Крупской Л. Б. Каменеву можно ознакомиться в «Известиях ЦК КПСС» (1989. № 12. С. 192). *Ред.*

² У Ленина цитата выглядит несколько иначе: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках *необъятную власть...*» (Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345). *Ред.*

«Владимир Ильич в личных отношениях не был злопамятным, но обида его на Сталина все же была так сильна, что *после второго приступа болезни он Сталина уже больше видеть не хотел и не видел*».

Вот это очень важно и надлежит запомнить.

Тот же Владимиров сделал предположение, что Ленин в январе, феврале и марте 1923 года написал пять статей «директивного» характера именно с целью показать, что его еще рано хоронить и что голова его работает превосходно. Эти статьи ему дались тяжело, с огромным трудом. Об этом есть сведения из многих источников, и в том числе от всегда находившихся при Ленине врачей. Писать он не мог, правая рука была парализована, мог только диктовать, а к этому он не был привычен. Его смущало, что он подолгу ищет нужные ему слова, нужные формулировки мысли, а в это время машинистка молча томится бездействием и ждет от него полчаса, а иногда и более продолжения фразы. Чтобы его не смущало присутствие машинистки, ее посадили в комнату рядом с Лениным, провели туда нечто вроде телефона, и с его помощью Ленин мог, уже не спеша, диктовать свои статьи. Составление этих статей, требуя от него большого умственного напряжения, сопровождалось страшными головными болями. Чтобы уменьшить боль, ему все время клали на голову холодные компрессы.

Крупская, вероятно, следуя внушениям самого Ленина, называла его предсмертные статьи *«завещанием в подлинном смысле слова»*. Нужно думать, что они появились не только потому, что Ленин хотел показать, что рано считать его умершим, а больше всего потому, что у него было, как всю его жизнь, крепкое сознание необходимости давать партии *новые важные директивы* в связи с изменяющейся обстановкой в стране. Это было его «завещанием», а не та характеристика нескольких наиболее ответственных партийных работников (Каменева, Зиновьева, Бухарина, Пятакова, Троцкого и Сталина), которую неправильно назвали «завещанием»¹...

Какое общее впечатление вынесли мы в 1923 году из чтения предсмертных статей Ленина, из его «подлинного завещания»? Убеждение было таково: от всех статей веет явным концом революции, ее выдыханием. Осуждено «скоропалительно быстрое движение». Ураган промчался, бушующее море улеглось. Только теперь, после того как испробованы все революционные методы и отброшены вдохновляющие утопический максимализм идеи, открывается реальная возможность перейти к широкой *реформаторской* работе, в которой мы, конечно, должны принять участие самое горячее. Вот что заключила из предсмертных статей Ленина наша «Лига наблюдателей» и сходная с нею по настроениям интеллигенция. При обсуждении этого вопроса участник нашего кружка... сделал следующую параллель. Революция 1905—1906 годов потрясла самодержавную власть, все же она не исчезла, продолжала существовать,

---

¹ Нельзя удержаться, чтобы не напомнить, что из указанных лиц пятеро были потом убиты Сталиным. Н. В.

но происшедшие в стране изменения были таковы, что дали возможность вести реформаторскую деятельность с надеждой, что ход дальнейших изменений приведет к радикальной трансформации власти. *Аналогичная ситуация* будто бы складывается и в 1923 году. Мы принуждены были приспособливаться к условиям самодержавного строя. Большевистскую власть мы опрокинуть не можем, она остается, она *не наша*, не та демократическая власть, с которой мы хотели бы иметь дело, но эта власть явно меняется, *эволюционирует* к лучшему, и это особенно видно из предсмертных статей Ленина.

Как о том будет сказано позднее, многое в этих статьях Ленина нами было понято *совсем не так*, как это делали его наследники, а на нечто очень важное мы совсем не обратили внимания. Вот пример. В своей статье «О нашей революции» и в конце статьи «О кооперации» Ленин резко критиковал социалистов, педантов, «дураков», героев II Интернационала, твердящих по старым учебникам, что для установления социализма нужны *«объективные экономические предпосылки»*, некая предварительная *высота развития производительных сил*. Политическая победа пролетариата, согласно со старыми учебниками марксизма, должна следовать за предпосылками, появиться на созданной базе, а не упреждать ее появление. Этой старой теории, с которой он сам прежде постоянно носился, Ленин противопоставил диаметрально противоположную: *сначала* захват, завоевание политической власти, а *потом* уже построение «предпосылок». Мы знаем теперь, что после второй мировой войны, в завоеванной Москвой Восточной Европе и на всем азиатском Востоке (Монголии, Китае, Корее, Вьетнаме) по этому новому «методу» и начало строиться то, что стало называться социализмом. Как это и ни удивительно, но на эту новую теорию, имевшую в дальнейшем огромное *мировое значение*, в то время когда Ленин ее формулировал, *никто из нас*, ни в «Лиге наблюдателей», ни в других интеллигентских кругах, не обратил *никакого внимания*. Впервые на «исправление» марксизма этой теорией мне указал зам. председателя ВСНХ Г. Л. Пятаков при одном разговоре с ним в 1926 году, а может быть, в 1927-м. Он полностью, разумеется, разделял новую теорию и весьма оригинально ее обосновывал. Но и тогда большого значения я ей не придал. Значит, нужно сознаться, что мы — я, как и другие меньшевики и другие интеллигенты, — оказались слепыми в этом важном вопросе и стали разбираться в нем с большим опозданием (многие и до сих пор в нем не разбираются).

Есть еще и другой не менее важный вопрос, в котором интеллигенты 20-х годов оказались снова слепыми. Ленин настойчиво обращал свой взор на движение «колониальных и полуколониальных народов». По его убеждению, ошибаются те, кто усматривает в этом *«незначительное и совершенно мирное движение»*. Он утверждал, что «в грядущих, решающих сражениях мировой революции» «движение колониальных народов сыграет *огромную роль*». Направленное на национальное освобождение, оно обратится против капитализма и империализма. «Мы, — говорил он в июне 1921 года, —

в первый раз в нашем Интернационале подошли к подготовке этой борьбы». В своей предсмертной статье «Лучше меньше, да лучше», возвращаясь к этому вопросу, Ленин писал:

«Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы... Окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена»¹...

Опять нужно сознаться, что все это прошло мимо нас, и, говоря «нас», я имею в виду не один только *наш кружок* («Лигу наблюдателей»), но и другие интеллигентские некоммунистические круги Москвы. Мы прозевали огромное, нарастающее движение колониальных стран. Мы не придавали значения ни тому, что писала о том коммунистическая пресса — а об этом вопросе она много писала, — ни тому, что на конгрессах в России, в Ленинграде появились революционеры, говорившие от имени цветных народов. Мы даже открывали ухо для разных ходивших по Москве анекдотов о том, что в Коминтерне делегаты некоторых стран настолько дики, что, по обычаю их стран, ходят с кольцами в носу. Все наше внимание было притянуто в 20-х годах *только к Европе*...

Второго марта 1923 года Ленин закончил отделку своей статьи «Лучше меньше, да лучше» (о Рабоче-Крестьянской инспекции, так называемом «Рабкрине») и послал ее для напечатания в «Правду». Шестого марта составлял телеграмму для защиты Мдивани и Махарадзе от скандальных нападков на них Орджоникидзе, действующего с согласия Сталина и Дзержинского. Седьмого марта читал книгу против идеализма Л. Аксельрод и книгу Дрекса «Миф о Христе». О чтении им этих книг Л. И. Аксельрод слышала от Крупской, а я от Аксельрод при встрече с ней в 1926 году. А девятого марта Ленина бьет третий удар такой силы, что превращает в полутруп. Он не может говорить, только мычит. Скрывать о болезни, как то делалось до сих пор, уже больше нельзя. И 12 марта наряду с медицинским бюллетенем о состоянии здоровья Ленина, подписанным проф. Минковским, проф. Ферстером, проф. Крамером и приват-доцентом Кожевниковым, появляется правительственное сообщение. Кратко изложив, начиная с 1 мая 1922 года, ход болезни, заставившей Ленина «отойти от руководства делами Советской Республики», оно указывало, что, «вследствие значительного ухудшения в состоянии здоровья Ленина», правительство признает необходимым оповещать о нем публикацией медицинских бюллетеней. Бюллетени 12 и 13 марта составлены с максимальной осторожностью в терминах. В сущности, они скрывают действительное состояние Ленина. Они говорят «о некотором ослаблении двигательных функций правой руки и ноги», о «некотором расстройстве речи»...

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 404.

Нужно знать, что Москва 1923 года была абсолютно не похожа на привыкшую дрожать от страха, боящуюся сказать лишнее слово Москву 1953 года, которая в марте узнала, что Сталин разбит параличом. Чтобы почувствовать различие общей атмосферы, следует взять такой хороший показатель, как газеты; например, сравнить «Правду» и «Известия» за те же годы. Газеты 1923 года интересны, они живые. Они обсуждают острые вопросы. Целые страницы наполнены полемикой друг с другом ответственных руководителей Советского государства и хозяйства. В статьях и в отделах печати цитируется, что пишет об СССР иностранная и эмигрантская печать — «Руль», «Последние Новости», «Социалистический Вестник». С последней ведется постоянная полемика. В газетах много интересных корреспонденций из провинции, они печатают цены всяких товаров и продуктов, дают объявления синдикатов и трестов, предлагающих и рекламирующих свои изделия. Во время праздников пасхи можно даже было узнать из объявлений, где и за какую цену следует приобрести «шоколадные яйца». В сравнении с печатью 1923 года газеты 1953 года, притом выходящие в сильно уменьшенном объеме, являются мертвыми, серыми, скучными, невыносимыми листками, предназначенными для прославления Сталина и сталинизма. Такое же различие и в общей обстановке. Когда Сталина разбил паралич, никто не смел не только расспрашивать, как и при какой обстановке это произошло, а и слова сказать. Не так было в марте 1923 года. Москва загудела тогда, как разбуженный улей. Кажется, не было дома, где не говорилось о болезни Ленина. Правительственное сообщение поразило своей неожиданностью. Ведь, кроме крошечной группки, никто не знал, насколько опасно болен Ленин и что у него уже третий удар. Почти все, особенно те, кто совсем недавно читали его статьи, были уверены, что он по-прежнему управляет страной...

*Валентинов Н. (Вольский).
Новая экономическая политика
и кризис партии после смерти
Ленина. Из работы в ВСНХ
во время нэп. Воспоминания.
Станфорд, 1971. С. 28—46*

М. И. УЛЬЯНОВА

В ПРЕЗИДИУМ ОБЪЕДИНЕННОГО ПЛЕНУМА ЦК и ЦКК¹

Оппозиционное меньшинство ЦК ведет за последнее время систематические нападки на тов. Сталина, не останавливаясь даже перед утверждением о якобы разрыве Ленина со Сталиным в последние месяцы жизни В. И. В целях восстановления истины я счи-

¹ 14—23 июля 1926 г. состоялся Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), на котором развернулась острая борьба с оппозицией.

Оппозиционеры (Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев и др.) в борьбе против И. В. Сталина и большинства ЦК использовали последние письма В. И. Ленина,

таю своей обязанностью сообщить товарищам в кратких словах об отношении Ленина к Сталину за период болезни В. И.¹, когда я была неотлучно при нем и выполняла ряд его поручений.

В. И. очень ценил Сталина. Показательно, что весной 1922 г., когда с В. И. случился первый удар, а также во время второго удара в декабре 1922 г. В. И. вызывал к себе Сталина² и обращался к нему с самыми интимными поручениями, поручениями такого рода, что с ними можно обратиться лишь к человеку, которому особенно доверяешь, которого знаешь как истинного революционера, как близкого товарища. И при этом Ильич подчеркивал, что хочет говорить именно со Сталиным, а не с кем-либо иным. Вообще за весь период его болезни, пока он имел возможность общаться с товарищами, он чаще всего вызывал к себе тов. Сталина³, а в самые тяжелые моменты болезни вообще не вызывал никого из членов ЦК, кроме Сталина.

Был один инцидент между Лениным и Сталиным, о котором тов. Зиновьев упомянул в своей речи⁴ и который имел место незадолго до потери Ильичем речи (март 1923 г.), но он носил чисто личный характер и никакого отношения к политике не имел. Это тов. Зиновьев хорошо знает, и ссылаться на него было совершенно напрасно. Произошел этот инцидент благодаря тому, что Сталин, которому по требованию врачей было поручено пленумом ЦК сле-

в которых давались характеристики видным партийным руководителям, обвиняли ЦК в сокрытии от партии этих документов.

Под влиянием развернувшейся дискуссии М. И. Ульянова написала заявления, которые были приложены к стенографическому отчету Пленума.

В подготовке письма М. И. Ульяновой принял участие Н. И. Бухарин, о чем свидетельствует сохранившаяся в архиве ЦК КПСС записка, написанная его рукой на бланке ЦК РКП(б): «Ввиду систематических нападков на тов. Сталина со стороны оппозиционного меньшинства ЦК и непрекращающихся утверждений о чуть ли не полном разрыве со Сталиным со стороны Ленина, я считаю себя обязанной сказать несколько слов об отношении Ленина к Сталину, ибо все последнее время жизни В. И. я была с ним.

Влад. Ильич чрезвычайно ценил Сталина и притом настолько, что и во время первого удара, и во время второго удара В. И. обращался к Сталину с самыми интимными поручениями, подчеркивая при этом, что он обращается именно к Сталину.

Вообще в самые тяжелые моменты болезни В. И. не вызывал ни одного из членов ЦК и ни с кем не хотел видиться, вызывал лишь Сталина. Таким образом, спекуляция на том, что В. И. относился к Сталину хуже, чем к другим, является прямой противоположностью по отношению к истине». *Ред.*

¹ Я не буду касаться здесь времени, предшествующего его болезни, относительно которого у меня есть ряд доказательств проявления самого трогательного отношения В. И. к Сталину, о чем члены ЦК знают не менее меня. (Прим. М. У.)

² 16 декабря 1922 г. здоровье Владимира Ильича резко ухудшилось, а в ночь на 23 наступил паралич правой руки и правой ноги. Каких-либо сведений о вызове В. И. Лениным И. В. Сталина в это время не обнаружено. *Ред.*

³ И. В. Сталин навещал В. И. Ленина в Горках 30 мая, 11 и 30 июля, 5, 9, 15, 19, 23 и 30 августа, 12, 19 и 26 сентября 1922 г. *Ред.*

⁴ Имеется в виду выступление Г. Е. Зиновьева 21 июля 1926 г. на вечернем заседании Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), в котором он говорил об оценках, данных И. В. Сталину В. И. Лениным во второй части своего «Письма к съезду», написанной 24 декабря 1922 г. и в добавлении к нему от 4 января 1923 г. (см.: Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345, 346), в статье «К вопросу о национальностях или об «автономизации» (см. там же. С. 357) и в письме И. В. Сталину (см. прим. 6). Этим пленумом ЦК и ЦКК Г. Е. Зиновьев был снят с поста члена Политбюро ЦК РКП(б). *Ред.*

дить за тем, чтобы Ильичу в этот тяжелый период его болезни не сообщали политических новостей, чтобы не взволновать его и не ухудшить его положения, отчитал его семейных¹ за передачу такого рода новостей. Ильич, который случайно узнал об этом, — а такого рода режим оберегания его вообще всегда волновал, — в свою очередь отчитал Сталина². Тов. Сталин извинился³, и этим инцидент был исчерпан. Нечего и говорить, что, если бы Ильич не был в то время, как я указала, в очень тяжелом состоянии, он иначе реагировал бы на этот инцидент. Документы по поводу этого инцидента имеются, и я могу по первому требованию ЦК предъявить их.

Я утверждаю, таким образом, что все толки оппозиции об отношении В. И. к Сталину совершенно не соответствуют действительности. Отношения эти были и остались самыми близкими и товарищескими.

26 июля 1926 г.

М. И. УЛЬЯНОВА ОБ ОТНОШЕНИИ

В. И. ЛЕНИНА К И. В. СТАЛИНУ⁴

В своем заявлении на пленуме ЦК⁵ я написала, что В. И. ценил Сталина. Это, конечно, верно. Сталин — крупный работник, хороший организатор. Но несомненно и то, что в этом заявлении я не сказала всей правды о том, как В. И. относился к Сталину. Цель заявления, которое было написано по просьбе Бухарина и Сталина, было ссылкой на отношение к нему Ильича, выгородить его несколько от нападков оппозиции. Последняя спекулировала на последнем письме В. И. к Сталину⁶, где ставился вопрос о разрыве отношений с ним. Непосредственной причиной этого был личный момент — возмущение В. И. тем, что Сталин позволил себе грубо обойтись с Н. К.⁷ Этот личный только и преимущественно, как мне казалось тогда, мотив Зиновьев, Каменев и др. использовали в политических целях, в целях фракционных. Но в дальнейшем, взвешивая этот факт с рядом высказываний В. И., его политическим завещанием⁸, а также всем поведением Сталина со времени, истекшем после смерти Ленина, его «политической» линией, я все больше стала выяснять себе действительное отношение Ильича к Сталину в последнее время его жизни. Об этом я считаю своим долгом рассказать хотя бы кратко.

¹ Кому еще из семьи В. И. Ленина (кроме Н. К. Крупской) выговаривал И. В. Сталин, неизвестно. *Ред.*

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 329—330. *Ред.*

³ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 193. *Ред.*

⁴ Эта запись М. И. Ульяновой обнаружена после ее кончины среди ее личных бумаг. Точно датировать запись не представляется возможным. *Ред.*

⁵ См. настоящий том, с. 235—237. *Ред.*

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 329—330. *Ред.*

⁷ См. там же. С. 674—675. *Ред.*

⁸ Подразумевается ленинское «Письмо к съезду» (см.: Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343—348). *Ред.*

У В. И. было очень много выдержки. И он очень хорошо умел скрывать, не выявлять отношения к людям, когда считал это почему-либо более целесообразным. Я помню, как он скрывался в своей комнате, закрывал за собой дверь, когда в нашей квартире появлялся один служащий ВЦИКа, которого он не переваривал. Он точно боялся встретиться с ним, боялся, что ему не удастся сдерживать себя и его действительное отношение к этому человеку проявится в резкой форме.

Тем более сдерживался он по отношению к товарищам, с которыми протекала его работа. Дело было для него на первом плане, личное он умел подчинять интересам дела, и никогда это личное не выпирало и не превалировало у него.

Характерен в этом отношении случай с Троцким. На одном заседании ПБ Троцкий называл Ильича «хулиганом». В. И. побледнел как мел, но сдержался. «Кажется, кое у кого тут нервы пошаливают», что-то вроде этого сказал он на эту грубость Троцкого, по словам товарищей, которые передавали мне об этом случае. Симпатии к Троцкому и помимо того он не чувствовал — слишком много у этого человека было черт, которые необычайно затрудняли коллективную работу с ним. Но он был большим работником, способным человеком, и В. И., для которого, повторяю, дело было на первом плане, старался сохранить его для этого дела, сделать возможным дальнейшую совместную работу с ним. Чего ему это стоило — вопрос другой. Крайне трудно было поддерживать равновесие между Троцким и другими членами ПБ, особенно между Троцким и Сталиным. Оба они — люди крайне честолюбивые и нетерпимые. Личный момент у них перевешивает над интересами дела. И каковы отношения были у них еще в первые годы Советской власти, видно из сохранившихся телеграмм Троцкого и Сталина с фронта к В. И.

Авторитет В. И. сдерживал их, не давал этой неприязни достигнуть тех размеров, которых она достигла после смерти В. И. Думаю, что по ряду личных причин и к З[иновьеву] отношение В. И. было не из хороших. Но и тут он опять-таки сдерживал себя ради интересов дела.

Отношения В. И. к его ближайшим товарищам по работе, к членам ПБ, мне приходилось ближе наблюдать летом 1922 г. во время первой болезни В. И., когда я жила с ним вместе, почти не отлучаясь.

Еще до этого я слышала о некотором недовольстве В. И. Сталиным. Мне рассказывали, что, узнав о болезни Мартова¹, В. И. просил Сталина послать ему денег. «Чтобы я стал тратить деньги на врага рабочего дела! Ищите себе для этого другого секретаря», — сказал ему Ст[алин]. В. И. был очень расстроен этим, очень рассержен на Ст[алина]. Были ли другие поводы для недовольства им со стороны В. И.? Очевидно, были. Шкловский² рассказывал о

¹ Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.), после II съезда РСДРП один из лидеров меньшевиков. В 1920 г., эмигрировав за границу, жил в Берлине. *Ред.*

² Шкловский Г. Л., в 1918—1925 гг. работал по линии НКВД. В ЦПА ИМЛ хранится следующее письмо В. И. Ленина Г. Л. Шкловскому от 4 июня 1921 г.:

письме к нему В. И. в Берлин, где в то время был Шк[ловский]. По этому письму было видно, что под В. И., так сказать, подкапываются. Кто и как — это остается тайной.

Зимой 20—21, 21—22 [гг.] В. И. чувствовал себя плохо. Головные боли, потеря работоспособности сильно беспокоили его. Не знаю точно когда, но как-то в этот период В. И. сказал Сталину, что он, вероятно, кончит параличом, и взял со Сталина слово, что в этом случае тот поможет ему достать и даст ему цианистого калия. Ст[алин] обещал. Почему В. И. обратился с этой просьбой к Ст[алину]? Потому что он знал его за человека твердого, стального, чуждого всякой сентиментальности. Больше ему не к кому было обратиться с такого рода просьбой.

С той же просьбой обратился В. И. к Сталину в мае 1922 г.¹ после первого удара. В. И. решил тогда, что все кончено для него, и потребовал, чтобы к нему вызвали на самый короткий срок Ст[алина]. Эта просьба была настолько настойчива, что ему не решились отказать. Ст[алин] пробыл у В. И. действительно минут 5, не больше. И когда вышел от И[льи]ча, рассказал мне и Бухарину, что В. И. просил его доставить ему яд, т[ак] как, мол, время исполнить данное раньше обещание пришло. Сталин обещал. Они поцеловались с В. И., и Ст[алин] вышел. Но потом, обсудив совместно, мы решили, что надо ободрить В. И., и Сталин вернулся снова к В. И. Он сказал ему, что, переговорив с врачами, он убедился, что не все еще потеряно и время исполнить его просьбу не пришло. В. И. заметно повеселел и согласился, хотя и сказал Сталину: «Лукавите?» — «Когда же Вы видели, чтобы я лукавил», — ответил ему Сталин. Они расстались и не виделись до тех пор, пока В. И. не стал поправляться и ему не были разрешены свидания с товарищами.

В это время Сталин бывал у него чаще других². Он приехал пер-

---

«Тов. Шкловский!

Получил Ваше большое письмо после отправки Вам моей записки.

Вы вполне правы, что обвинять меня в «протекционизме» в этом случае — верх дикости и гнусности. Повторяю, тут интрига сложная. *Использую*т, что умерли Свердлов, Загорский и др.

Придется Вам «итти сначала». Есть и предубеждение, и упорная оппозиция, и сугубое недоверие *ко мне* в этом вопросе. Это мне крайне больно. Но это — факт. За Ваше письмо Вас не осуждаю. Понимаю, что Вам очень тяжело.

Я видел еще такие примеры в нашей партии теперь. «Новые» пришли, стариков не знают. Рекомендуешь — не доверяют. Повторяешь рекомендацию — усугубляется недоверие, рождается *упорство*. «А мы не хотим»!!!

Ничего не остается: сначала, боем, *завоевать новую* молодежь на свою сторону.

Привет! Ленин».

(ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 24562; автограф. Частично опубликовано в журнале «Юный коммунист». 1924. № 3. С. 8 — со слов «Придется Вам...» и до слов «...на свою сторону»).

Свердлов Я. М., с ноября 1917 г. председатель ВЦИК. Загорский (Лубоцкий) В. М., с 1918 г. секретарь МК РКП(б). Погиб 25 сентября при взрыве бомбы в здании МК партии. *Ред.*

¹ Такой разговор состоялся 30 мая 1922 г. *Ред.*

² См. прим. на с. 236. *Ред.*

вым к В. И. Ильич встречал его дружески, шутил, смеялся, требовал, чтобы я угощала Сталина, принесла вина и пр. В этот и дальнейшие приезды они говорили и о Троцком, говорили при мне, и видно было, что тут Ильич был со Сталиным против Троцкого. Как-то обсуждался вопрос о том, чтобы пригласить Троцкого к Ильичу. Это носило характер дипломатии. Такой же характер носило и предложение, сделанное Троцкому в том, чтобы ему быть заместителем Ленина по Совнаркому. В этот период к В. И. приезжали и Каменев, Бухарин¹, но Зиновьева не было ни разу², и, насколько я знаю, В. И. ни разу не высказывал желания видеть его.

Вернувшись к работе осенью 1922 г.³, В. И. нередко по вечерам сидел с Каменевым, Зиновьевым и Сталиным в своем кабинете. Я старалась иногда по вечерам разводить их, напоминая запрещение врачей долго засиживаться. Они шутили и объясняли свои свидания просто беседой, а не деловыми разговорами.

Большое недовольство к Ст[алину] вызвал у В. И. национальный, кавказский вопрос. Известна его переписка по этому поводу с Троцким. Видимо, В. И. был страшно возмущен и Сталиным, и Орджоникидзе, и Дзержинским⁴. Этот вопрос сильно мучил В. И. во все время его дальнейшей болезни.

Тут-то и присоединился тот конфликт, который повел за собой письмо В. И. к Сталину 5/III—23⁵, которое я приведу ниже. Дело было так. Врачи настаивали, чтобы В. И. не говорили ничего о делах. Опасаться надо было больше всего того, чтобы В. И. не рассказала чего-либо Н. К., которая настолько привыкла делиться всем с ним, что иногда совершенно непроизвольно, не желая того, могла проговориться. Следить за тем, чтобы указанное запрещение врачей не нарушалось, ПБ поручило Сталину. И вот однажды, узнав, очевидно, о каком-то разговоре Н. К. с В. И.⁶, Сталин вызвал ее к телефону и в довольно резкой форме, рассчитывая, очевидно, что до В. И. это не дойдет, стал указывать ей, чтобы она не говорила с В. И. о делах, а то, мол, он ее в ЦКК потянет. Н. К. этот разговор взволновал чрезвычайно: она была совершенно не похожа сама на себя, рыдала, каталась по полу и пр. Об этом выговоре она рассказала В. И. через несколько дней, прибавив, что они со Сталиным уже помирились. Сталин, действительно, звонил ей перед этим и, очевидно, старался сгладить неприятное впечатление, произведенное на Н. К. его выговором и угрозой. Но об этом же крике Ст[али-

¹ Л. Б. Каменев приезжал к Владимиру Ильичу в Горки 14 июля, 3 и 27 августа и 13 сентября; Н. И. Бухарин — 16 июля, 20, 23 и 25 сентября 1922 г. *Ред.*

² Г. Е. Зиновьев был в Горках у Владимира Ильича 1 августа и 2 сентября 1922 г. *Ред.*

³ В. И. Ленин приступил к работе 2 октября 1922 г. Первый после болезни трудовой день закончился в 21 час 30 минут. *Ред.*

⁴ См. статью В. И. Ленина «К вопросу о национальностях или об «автономизации» (Полн. собр. соч. Т. 45. С. 356—358, 594—596). *Ред.*

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 329—330. *Ред.*

⁶ Причиной конфликта явилась запись Н. К. Крупской (с разрешения О. Ферстера) письма В. И. Ленина Л. Д. Троцкому 21 декабря 1922 г. (см.: Полн. собр. соч. Т. 54. С. 327, 672). *Ред.*

на] по телефону она рассказала Каменеву и Зиновьеву, упомянув, очевидно, и о кавк[азских] делах.

Раз утром Сталин вызвал меня в кабинет В. И. Он имел очень расстроенный и огорченный вид. «Я сегодня всю ночь не спал», — сказал он мне. «За кого же Ильич меня считает, как он ко мне относится! Как к изменнику какому-то. Я же его всей душой люблю. Скажите ему это как-нибудь». Мне стало жаль Сталина. Мне казалось, что он так искренне огорчен.

Ильич позвал меня зачем-то, и я сказала ему, между прочим, что товарищи ему кланяются. «А», — возразил В. И. «И Сталин просил передать тебе горячий привет, просил сказать, что он так любит тебя». Ильич усмехнулся и промолчал. «Что же, — спросила я, — передать ему и от тебя привет?» — «Передай», — ответил Ильич довольно холодно. «Но, Володя, — продолжала я, — он все же умный, Сталин». — «Совсем он не умный», — ответил Ильич решительно и поморщившись.

Продолжать разговор я не стала, а через несколько дней В. И. узнал, что о том, что Сталин грубо обошелся с Н. К., знают и К[аменев] и З[иновьев], и с утра, очень расстроенный, попросил вызвать к себе стенографистку, спросив предварительно, уехала ли уже Н. К. в Наркомпрос, на что ему ответили положительно. Пришла Володичева, и В. И. продиктовал ей следующее письмо к Сталину:

«Строго секретно. Лично. Уважаемый товарищ Сталин! Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения. С уважением Ленин¹. Записано М. В. 5/III-23 г.»

Письмо это В. И. просил Володичеву отправить Сталину, не говоря о нем Н. К., а копию в запечатанном конверте передать мне.

Но, вернувшись домой, Н. К. по расстроенному виду В. И. поняла, что что-то неладно. И попросила Володичеву не посылать письма. Она, мол, сама поговорит со Сталиным и попросит его извиниться. Так передает Н. К. теперь, но мне сдается, что она не видала этого письма и оно было послано Сталину — так, как хотел В. И. Ответ Сталина несколько задержался², потом решили (должно быть, врачи с Н. К.) не передавать его В. И., так как ему стало хуже, и так В. И. и не узнал его ответа, в котором Сталин извинялся.

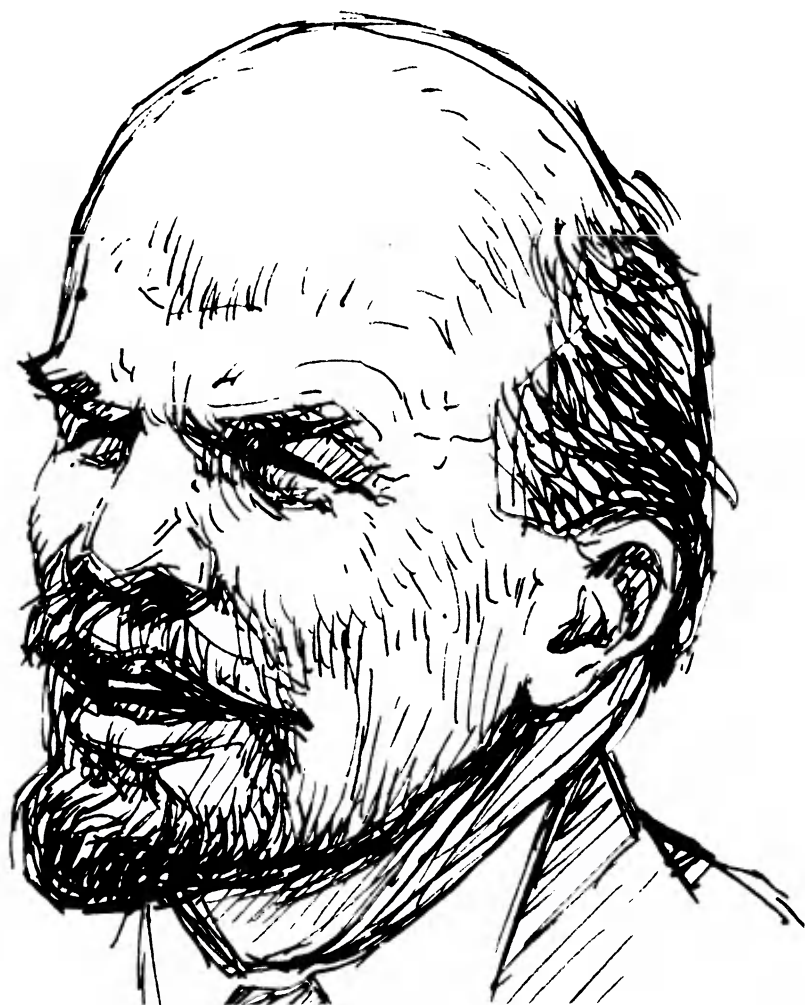
Но как В. И. ни был раздражен Сталиным, одно я могу сказать с полной убежденностью. Слова его о том, что Сталин «вовсе не умен», были сказаны В. И. абсолютно без всякого раздражения. Это было его мнение о нем — определенное и сложившееся, кото-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 329—330.

² М. А. Володичева, задержав по просьбе Надежды Константиновны письмо Владимира Ильича, вручила его 7 марта лично И. В. Сталину, который тотчас написал свой ответ. *Ред.*

рое он и передал мне. Это мнение не противоречит тому, что В. И. ценил Сталина как практика, но считал необходимым, чтобы было какое-нибудь сдерживающее начало некоторым его замашкам и особенностям, в силу которых В. И. считал, что Сталин должен быть убран с поста генсека. Об этом он так определенно сказал в своем политическом завещании, в характеристике ряда товарищей, которые он дал перед своей смертью и которые так и не дошли до партии. Но об этом в другой раз.

*Известия ЦК КПСС. 1989.
№ 12. С. 195—199*

Т. М. БЕЛЯКОВА
Б. С. ВЕЙСБРОД
Л. Г. ЛЕВИН
Е. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ
П. А. ХОЛДОВА
М. М. ПЕТРАШЕВА
А. М. КОЖЕВНИКОВ
М. И. АВЕРБАХ

Н. Н. ПРИОРОВ
И. А. ПЯТНИЦКИЙ
В. А. РУКАВИШНИКОВ
В. П. ОСИПОВ
Н. А. СЕМАШКО
Н. Ф. МЕЛЬНИКОВ-
РАЗВЕДЕНКОВ
В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ

Scan: Ershov V. G., 2007

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Не так давно я побывала в Горках Ленинских. Потянуло в памятные места. Заглянула во все уголки дачи. Побродила по аллеям, дорожкам и тропинкам. Постояла в саду. Посидела в комнате, где когда-то жила и отдыхала после ночных дежурств у больного Владимира Ильича. Многое вспомнила. Память сердца выручает...

2 января 1923 года меня привезли в Кремль на квартиру Ленина. По дороге высказала врачу В. А. Обуху свои сомнения... Никак не могла представить себе, как буду оказывать медицинскую помощь Ленину, помогать Крупской и Ульяновой ухаживать за ним.

Доктор Обух успокаивал меня: дескать, давно знает Владимира Ильича как человека простого и общительного.

И вот я в комнате Ленина. Врачи Крамер и Кожевников представили меня Владимиру Ильичу. Я смутилась и немного растерялась. Не знала, что в таких случаях полагается говорить.

Владимир Ильич спросил: как доехала, не замерзла ли? Как зовут, сколько мне лет? Давно работала медицинской сестрой и где?

От ленинской улыбки, благожелательных житейских расспросов мне стало сразу легко. Успокоилась и обстоятельно ответила на все, что интересовало Владимира Ильича.

Профессор Крамер назначил Ленину курс лечения. В него входил и массаж правой руки.

Я дежурила в квартире Ленина почти всегда по ночам. Однажды терпеливо сидела час, другой... Думала, что Ленин заснул. И вдруг услышала, как он начал перебирать бумаги.

— Владимир Ильич, почему не спите? — спросила я.

— Не могу уснуть.

— Примите таблетку.

— Пробовал, таблетки не помогают.

Во время своих дежурств я встречала в квартире Ленина врачей Осипова и Бехтерева, Елистратова и Ферстера, Вейсброда и Очкина, Семашку и Левина. Все они в меру своих сил и возможностей старались помочь Владимиру Ильичу вернуться к активной работе.

В те минуты и часы, когда наступало относительное улучшение, Владимир Ильич разговаривал со мной, советовал поступить в медицинский институт. Он говорил:

— Надо, обязательно надо учиться. Советской власти нужны будут тысячи, десятки тысяч врачей.

Как-то подозвал меня и ласково сказал:

— Я доставляю вам много хлопот...

— Что вы, Владимир Ильич! — воскликнула я. — Об этом не беспокойтесь.

В то время Ленину врачи разрешили диктовать свои письма. Помню, приходили секретарь Совнаркома Л. А. Фотиева и дежурный секретарь М. А. Володичева. Мария Акимовна виртуозно владела стенографией. Именно ей посчастливилось первой записывать речи Ленина в Петрограде после его возвращения из эмиграции.

Володичевой диктовал Владимир Ильич и свои последние статьи. Он, конечно, сознавал опасность болезни. В любую минуту он мог выйти из строя. Поэтому, видимо, решил, не откладывая на завтра, продиктовать записки, высказаться в них по самым актуальным, по самым острым и важным вопросам строительства социализма.

Однажды, когда Володичева закончила свою работу и ушла, Ленин попросил пить. Возвращая мне стакан, он с какой-то особой уверенностью, вероятно отвечая на какие-то сокровенные думы, сказал:

— А все же самое главное, самое необходимое я еще успею продиктовать...

И Владимир Ильич, как только появлялась хоть малейшая возможность, продолжал диктовать свои статьи и письма.

Я узнала потом, что в день моего приезда, 2 января, Ленин диктовал «Странички из дневника», а через два дня они были напечатаны в «Правде». Надежда Константиновна сообщила Владимиру Ильичу, что его статья вызвала огромный подъем среди работников просвещения. Нельзя было не заметить, как обрадовался Ленин.

Январь у Владимира Ильича был исключительно плодотворным. Как только ему становилось чуть-чуть лучше, он брался за работу. Иногда просил меня заложить в книгу нужную страницу, передать Надежде Константиновне, чтобы она позвонила тому или иному товарищу по такому-то вопросу.

В «Дневнике дежурных секретарей В. И. Ленина» за 22 января 1923 года есть такая запись М. А. Володичевой: «Владимир Ильич вызывал на 25 минут (с 12-ти до 12 ч. 25 м.). Вносил поправки во 2-й вариант о Рабкрине; окончательно остановился на этом варианте. Т. к. он был ограничен временем, то очень торопился. Просил привести статью в порядок, перепечатать и дать ему к вечеру. Надежда Константиновна, впуская к нему, сказала, что он незаконно взял себе еще несколько минут для просмотра статьи. Надежда Константиновна мне передала, что сестра (дежурная) не хотела пускать меня к нему»¹.

Действительно, во время моего дежурства в этот день Ленин нарушил врачебный режим: в течение нескольких минут, не предусмотренных расписанием врачей, просматривал свою статью и вызвал Володичеву. Я не хотела ее впускать и уведомила об этом Крупскую. Надежда Константиновна сказала, что берет ответственность на себя, и разрешила стенографистке войти к Ленину.

Ограниченный временем, Владимир Ильич торопился диктовать.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 476.

Когда Володичева ушла, ему показалось, что ей трудно было за ним поспевать записывать. Он попросил Надежду Константиновну сходить в секретариат и передать Володичевой, чтобы она оставила пропуски в местах, которые ей не удалось записать, если такие имеются.

Надежда Константиновна вернулась из секретариата и сообщила, что стенографистка успела все хорошо записать, она заверила, что, как только статья будет переписана начисто, ее принесут и тогда Владимир Ильич сможет внести в нее свои поправки. Однако этой работой в тот день он больше не занимался...

6 марта 1923 года М. А. Володичева последний раз работала с В. И. Лениным. Наступило ухудшение в состоянии его здоровья, и он уже не мог диктовать.

Начался длительный уход за больным Владимиром Ильичем. Основная часть заботы падала на Надежду Константиновну и Марию Ильиничну. Как могла, помогала и я.

С радостью всегда встречал Владимир Ильич появление Марии Ильиничны. Вечерами терпеливо ждал ее возвращения из редакции «Правды». А если она почему-либо задерживалась, просил позвонить, узнать, когда приедет.

Мария Ильинична возвращалась с работы почти всегда со свежим, пахнущим типографской краской номером «Правды». Она брала маленькую скамеечку и подсаживалась к изголовью Владимира Ильича. Сначала рассказывала редакционные новости, а затем читала наиболее интересные заметки и статьи, помещенные в газете. Некоторыми материалами Ленин оставался недоволен, считал печатание их на страницах центрального партийного органа ошибочным. Просил Марию Ильиничну сообщить об этом редколлегии «Правды». Другие статьи, наоборот, одобрял, говорил, что их в газете надо было поместить на самом видном месте, сопроводить редакционным комментарием.

Весной Ленина перевезли из Москвы в Горки. Ехали мы туда на двух машинах. Владимира Ильича сопровождали Крупская, Ульянова и профессор Розанов.

В Горках мои дежурства продолжались главным образом по ночам. Около пяти часов утра в комнате, как правило, появлялась Надежда Константиновна.

— Пойди, Таиса, отдохни,— говорила она.— Теперь я побуду с Володей.

Сообщив ей о том, как вел и чувствовал себя Владимир Ильич ночью, передав необходимые лекарства и последние указания врачей, уходила на отдых. Часто Надежда Константиновна оставляла меня спать в своей комнате, настойчиво доказывая, что у нее значительно теплее, чем в комнате у медицинских сестер. И при этом так ласково, по-матерински смотрела, что отказать было просто невозможно. И я оставалась.

Все мы радостно вздохнули, когда здоровье Владимира Ильича начало поправляться. Он окреп уже настолько, что стал принимать участие в прогулках и даже в походах (правда, в коляске) за гри-

бами. Весело подтрунивал над Розановым, когда тот проходил мимо гриба.

Владимир Ильич любил собирать грибы. Ради него, бывало, компанией отправлялись в парк, и он зорко посматривал по сторонам, издали видел гриб — белый или подберезовик, указывал нам, а мы подбирали.

Как-то Владимир Ильич вспомнил о старом садовнике, жившем в Горках. Попросил проводить его в комнату садовника. И долго сидел у старика, слушая его речь. Смеялся шуткам бывалого человека. От садовника Владимир Ильич ушел очень довольным и отдохнувшим.

Однажды во время прогулки в саду Мария Ильинична сорвала красную розу и прикрепила к петлице пиджака Владимира Ильича. Это обрадовало его, он заулыбался. Потом взял эту розу и протянул ее медсестре Т. П. Смирновой, которая тоже дежурила, как и я, в комнате Ленина. Она была тронута до слез вниманием, проявленным Владимиром Ильичем.

Нередко в Горки приезжал дежурить Владимир Николаевич Розанов. С ним Ленин охотно отправлялся на прогулку либо сидел за столом, смеялся шуткам неистощимого на выдумки профессора.

В одно из своих дежурств Розанов поделился с Владимиром Ильичем, Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной большой личной радостью. Ему, как активному борцу за здоровье трудящихся, был присужден диплом «Герой труда». Ульяновы горячо поздравили профессора с заслуженной наградой. А Владимир Ильич, чтобы доставить удовольствие награжденному, в этот день с особой тщательностью выполнял все его советы и рекомендации.

Профессор В. Н. Розанов был человеком неиссякаемой жизненной энергии, он глубоко верил в науку, самозабвенно трудился по налаживанию здравоохранения трудящихся. Именно за эти качества его ценили, любили и уважали в семье Ульяновых.

Помню, как вдохновил Владимира Ильича почин рабочих завода «Динамо». На общезаводском собрании они постановили внести 3000 рублей на постройку самолета «Правда». «Ожидаем,— писали рабочие,— что другие заводы поддержат идею коллективных вызовов».

Вскоре в газетах появилось сообщение о том, что В. И. Ленин и Н. К. Крупская также внесли свой вклад на постройку самолета «Правда» — 6 червонцев.

Как известно, самолет «Правда» был построен и 7 ноября 1923 года совершил свой первый полет над Красной площадью.

По газетам Ленин внимательно следил за развитием большого патриотического движения по сбору средств на постройку самолетов Красного воздушного флота. Он радовался: трудящиеся Советской республики добровольно вносили свои пожертвования, укрепляли тем самым обороноспособность страны.

Однажды, это было 30 августа 1923 года, в Горки, как обычно, привезли почту. Надежда Константиновна отобрала свежие газеты и, прежде чем понести их Владимиру Ильичу, решила просмотреть

«Правду». Развернула. Вся первая страница была посвящена пятой годовщине со дня покушения на жизнь Ленина.

— Взволнует это Ильича,— проговорила вслух Крупская.

«Правда» писала: 30 августа 1918 года — горькая дата, страшный, незабываемый день, когда агенты буржуазии — эсеры — пытались отнять у советских людей Ильича... Мировой пролетариат носит в своем сердце пули, пробившие грудь тов. Ленина... Он возвратит их своим врагам в час решительного боя за коммунизм. Он пошлет их в сердце буржуазии...

Надежда Константиновна решила все же показать газету Владимиру Ильичу. Зашла к нему в комнату. Он приветливо улыбнулся и кивнул головой: читай, мол. Начала читать. И я видела, как Ленин сначала взгрустнул, а когда Крупская прочитала слова: «Революция совершила чудо: спасла себя, спасла рабочий класс, удержала для всего униженного человечества республику труда. Эта республика живет и крепнет»,— Владимир Ильич вдруг повеселел, глаза его лучились светом.

В сентябре 1923 года Владимир Ильич почти ежедневно совершал прогулки в окрестностях Горок на автомобиле, бывал по часу и более на свежем воздухе. У всех нас, живших в ту пору в Горках, появилась радостная надежда на его окончательное выздоровление. В это время он и совершил свою последнюю поездку в Москву.

Думается мне часто: не прощаться ли с Москвой, с Кремлем — боевым политическим и культурным центром страны — ездил Владимир Ильич?..

Врачи, медсестры и санитары поражались выдержке Ленина, его такту и терпению. Владимир Ильич старался не причинять лишних хлопот медицинскому персоналу, считал, что ему уделяется непомерно много внимания. Стеснялся лишний раз побеспокоить дежурившую медицинскую сестру или санитаря. Испытывал какую-то внутреннюю неловкость, когда ему оказывали предпочтение перед другими.

Все, кто жил в Горках, окружали Владимира Ильича нежной заботой, чутким вниманием, стремились помочь ему восстановить здоровье, вернуться к активной работе в партии и государстве.

Летом 1923 года меня отправили на отдых в Крым. Когда я вернулась в Горки, то первой у подъезда большого дома встретила Марию Ильиничну. Она была веселой. С радостью сообщила, что здоровье Владимира Ильича пошло на поправку. Он уже ходит, поднимается по лестнице на второй этаж. Вместе со всеми обедает, шутит.

Действительно, за время моего отсутствия во внешнем облике Владимира Ильича произошла разительная перемена. Он похорошел, окреп. Меня встретил доброй улыбкой, повел на кухню, вынул из буфета белый хлеб, масло, варенье, поставил передо мной и стал угощать.

В первых числах ноября у Владимира Ильича побывала рабочая делегация Глуховской мануфактуры. Гостей встречала Мария

Ильинична. Поздоровалась с каждым делегатом, пригласила раздеться.

Пока гости осматривались и осваивались с обстановкой, Мария Ильинична доложила о них Владимиру Ильичу. Захотелось и нам, жившим в Горках, взглянуть на делегатов, поговорить с ними.

Спустились в вестибюль. Удивил нас всех один из делегатов, могучего телосложения, видный такой, представительный мужчина, с большой окладистой бородой. Настоящий русский богатырь. Как из былины. Узнали, что по профессии он кузнец.

К делегатам вышел Ленин. Мы разошлись по своим рабочим местам. А позднее, когда гости, по желанию Владимира Ильича, стали сажать под окнами дома привезенные ему в подарок молодые деревца, приняли участие в закладке вишневого сада.

После окончания работы одна из делегатов взволнованно сказала:

— Подрастут, зазеленеют деревья — глазу приятно будет. А может, иногда Владимир Ильич и вишенками побалуется.

Мария Ильинична пригласила делегатов в столовую обедать. Пододвигая кузнецу блюдо с грибами, она сказала:

— Попробуйте. Грибы Владимир Ильич сам собирал.

На другой день глуховцы уехали. Они тепло и сердечно попрощались с Владимиром Ильичем и со всеми, кто жил тогда в Горках.

В последующие дни Владимир Ильич иногда просил Надежду Константиновну почитать что-нибудь из произведений Салтыкова-Щедрина, Максима Горького, Джека Лондона. Крупская потом писала: «Читаешь ему, бывало, стихи, а он смотрит задумчиво в окно на заходящее солнце. Помню стихи, кончающиеся словами: «Никогда, никогда коммунары не станут рабами». Читаешь, точно клятву Ильичу повторяешь,— никогда, никогда не отдадим ни одного завоевания революции...»

Как-то вечером читала она Джека Лондона — «Любовь к жизни». С глубоким сосредоточением и вниманием слушал Ленин этот рассказ.

Мы, повседневно общавшиеся с Владимиром Ильичем, надеялись, что его железная воля, упорство, неиссякаемая энергия и любовь к жизни победят недуг.

Но вот в ночь на 21 января 1924 года Владимир Ильич почувствовал себя плохо. Я разбудила Надежду Константиновну и Марию Ильиничну. Пришел Петр Петрович Пакалн. Все заволновались...

Вечером 21 января Мария Ильинична подошла ко мне, обняла и горестно прошептала:

— Осиротели мы, Таиса... Нет у нас теперь Володи. Видать, правда, гроза бьет по самому высокому дереву.

И кому-то по телефону только и могла произнести два слова: «Ленин умер...»

В. И. Ленин до самой смерти был таким, как и раньше,— человеком несгибаемой воли, выдержки, упорства. Он умел владеть собой, своими чувствами. Смеялся, шутил, нежно заботился о других.

...Я помню те морозные январские дни, как помнится все, что безраздельно входит в людские сердца и становится их сокровенным достоянием.

Летят годы... А Ленин, как прежде, рядом с каждым из нас. И он всегда будет с нами.

*Черты незабываемого образа.
Из воспоминаний о В. И. Ленине
(1917—1924). М., 1973. С. 102—110*

Б. С. ВЕЙСБРОД

БОЛЬНОЙ ЛЕНИН

За весь последний период болезни Владимира Ильича, и даже во время лечения его от ранения в 1918 году, его очень тяготила, по его мнению, чрезмерная трата сил на него врачебного персонала.

Он находил, что ему уделяется чересчур много внимания. В самые тяжелые для него минуты он проявлял чрезвычайную чуткость и заботливость об ухаживающем за ним персонале. Он стремился к тому, чтобы доставить окружающим его во время болезни возможно меньше труда и хлопот. Как на особенно характерный пример я укажу на один случай, когда в апреле 1923 года Владимир Ильич был в особенно тяжелом возбужденном состоянии и, находясь в постели, естественно, не мог лежать вполне спокойно. Я сидел тогда на его постели и всячески старался его несколько успокоить. Это мне почти не удавалось. Тогда, зная особую чуткость, проявляемую тов. Лениным к врачам, я сделал вид, как будто сам от утомления задремал. Моя хитрость удалась, и больной Владимир Ильич, очевидно еле сдерживая себя, но стараясь все-таки не потревожить мой сон, стал лежать почти спокойно.

Укажу пример яркого проявления своей воли Владимиром Ильичем во время болезни. После его ранения в 1918 году врачи находились у постели больного. Тов. Ленин был на грани между жизнью и смертью; из раненого легкого кровь заполняла плевру, пульса почти не было. У нас, врачей, есть большой опыт с такими больными, и мы хорошо знаем, что в такие моменты мы можем ждать от них выражения только двух желаний приблизительно следующими словами: «Оставьте меня в покое» или «Спасите меня». Между тем тов. Ленин именно в таком состоянии попросил выйти из комнаты всех, кроме меня, и, оставшись со мной наедине, спросил: «Скоро ли конец? Если скоро, то скажите мне прямо, чтобы кое-какие делишки не оставить». Таким образом, тов. Ленин в такой тяжелый для него момент болезни, борясь между жизнью и смертью, силою своей колоссальной воли сумел подавить в себе инстинкт жизни, толкающий обычно всех больных к выражению совершенно иных, чисто личных желаний.

*Первая годовщина. 1924. 21 января 1925.
Ленин, о Ленине, о ленинизме.
М., 1925. С. 180—181.*

ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ О В. И. ЛЕНИНЕ

25 мая 1922 года в Кремлевской аптеке спешно готовится по моему заказу и упаковывается все, что может понадобиться для медицинской помощи в случае экстренного, диагностически пока еще не определенного, заболевания. Несколько минут тому назад мне позвонил по телефону народный комиссар здравоохранения Н. А. Семашко и сообщил, что нужно сейчас же ехать в Горки, так как там внезапно захворал Владимир Ильич Ленин. Более точных сведений о характере заболевания не имею и поэтому беру на всякий случай в аптеке и сердечные средства, и желудочно-кишечные, и шприц для подкожных впрыскиваний и пр.

Знаю, что еще недавно, в марте, Владимира Ильича очень подробно осматривала консультация наших врачей, с участием впервые тогда приехавшего из Германии знаменитого немецкого невропатолога проф. Ферстера. Владимир Ильич жаловался в то время только на сильные головные боли. При самом внимательном осмотре не удалось тогда ничего обнаружить, кроме общих явлений переутомления. Ничем особенным не проявлял себя тогда даже и артериосклероз, оказавшийся впоследствии единственной основной причиной того ужасного недуга, который так властно и жестоко захватил в свои цепкие лапы могучий организм Владимира Ильича, так неумолимо издевался в течение почти двух лет над сверхчеловеческими усилиями лучших представителей медицинской науки и преданных до самозабвения, до экстаза, близких, родных и друзей и так трагически отпраздновал свою кровавую победу и над своей жертвой, и над всеми, безнадежно пытавшимися ее спасти, 21 января 1924 года.

Последующее течение болезни и в особенности посмертное вскрытие тела В. И. Ленина дали совершенно ясный ответ на вопрос о том, почему за два месяца до начала болезни ничем не проявлял себя объективно тот основной процесс, на почве которого и разыгралась дальнейшая картина болезни, такая тяжелая, такая грозная, такая роковая.

На вскрытии, подробный протокол которого опубликован, оказалось, как всегда констатировалось и при клиническом, прижизненном исследовании Владимира Ильича, что периферические сосуды и самое сердце были почти нормальными (это почти два года спустя после консультации, о которой идет речь). Пораженными до чрезмерных, можно без преувеличения сказать, до чудовищных размеров оказались преимущественно сосуды мозга, того органа, в котором, как в фокусе, сосредоточивалась вся жизнь, вся работа этого титана мысли, этого бурного источника непреклонной воли, стихийной энергии. А ведь только исследование сердца и периферических сосудов и может дать врачу материал для суждения о начавшемся в организме склеротическом процессе. Сосуды мозга так глубоко и бережно спрятаны в твердой коробке черепа, что до-

браться до них невозможно никакими методами исследования, и только тогда можно судить об их поражении, когда появляются какие-нибудь симптомы расстройства мозгового кровообращения, когда происходит то, что произошло у Владимира Ильича в ту роковую для него весну — в мае 1922 года.

В аптеке почти все готово; несколько минут нужно подождать. Я думаю о предстоящем свидании с В. И. Лениным. Мне не приходит в голову мысль о чем-нибудь серьезном, тяжелом. Я знаю, что Владимир Ильич отдыхает в Горках во исполнение того решения, которое принято на мартовской консультации. Сильное переутомление, неудивительное при той колоссальной работе, среди которой протекала вся жизнь вождя, имя которого повторяет уже теперь каждый человек, каждый ребенок на всем земном шаре. Необходимо оставить на время государственные дела, поселиться вдали от города, отдохнуть там несколько месяцев, и тогда, несомненно, можно будет опять работать, гореть, зажигать других своим огнем. Ну, вот он и отдыхает вдали от города в 30 верстах от Москвы, в имении Горки, — и что же могло там произойти? Ну, какое-нибудь случайное заболевание, что-нибудь желудочное или какая-нибудь инфекция, — во всяком случае, ничего же общего с тем, из-за чего собирались два месяца тому назад в Кремле и русские врачи, и немцы, огорчившие Владимира Ильича своей настойчивой просьбой оставить временно работу и отдохнуть.

Все готово. Можно ехать. Звоню Н. А. Семашко, заезжаю за ним. Автомобиль мчит нас в Горки. Мелькают улицы, дома, люди, застава, распускающиеся навстречу весеннему солнцу деревья, но все это не останавливает на себе ни взора, ни внимания; мысль неудержимо возвращается к нему, к больному. Вспоминаются мои случайные, короткие встречи с ним, всегда по делам медицинским.

Вспоминается моя первая встреча с ним в Кремлевской больнице, у постели больного, незабвенного В. В. Воровского, летом в 1920 году. В. В. захворал тогда очень тяжелой формой брюшного тифа и проделал почти все осложнения, какие при брюшном тифе возможны. Захворал он поначалу как-то легко, шутливо отнесся к своему недомоганию, не подозревая, какая длительная и тяжелая начинается болезнь. 1 июня 1920 года он мне прислал записку такого содержания:

«Многоуважаемый Лев Григорьевич, не урвете ли Вы минутку зайти ко мне и спасти меня от неминуемой гибели. Нахожусь при последнем издыхании, но, как человек благовоспитанный, конечно, подожду умирать до Вашего прихода. В. Воровский».

Шутя набрасывая эти строки, бедный В. В. не подозревал, что в хрупкий его организм вторглась уже тяжелейшая инфекция, которая продержит его свыше трех месяцев в постели, в борьбе между жизнью и смертью. А мы, врачи, спасая его от смертельного, в большинстве случаев при брюшном тифе, кишечного кровотечения, не думали, что не тут «таится погибель» его, а далеко от Кремля, далеко от Москвы, на берегах лазурного Женевского озера.

Как только выяснился диагноз брюшного тифа, я перевел В. В. Воровского из его квартиры в Кремлевскую больницу, где он и оставался до выздоровления, свыше трех месяцев. В один из первых дней пребывания В. В. в больнице мне позвонил В. Д. Бонч-Бруевич, бывший тогда управляющим делами Совета Народных Комиссаров, и передал мне желание Владимира Ильича получать время от времени подробные сообщения о ходе болезни В. В. Воровского. Во исполнение этого желания я еженедельно посылал Владимиру Ильичу подробные донесения о ходе болезни, так и озаглавливая их: «Неделя вторая, неделя седьмая, неделя двенадцатая» и т. д. После одного из таких донесений, сообщавшего о тяжелом ходе болезни В. В. Воровского, Владимир Ильич передал свою просьбу о том, чтобы сделано было все, что возможно, для облегчения положения больного и чтобы немедленно сообщено было Владимиру Ильичу, если бы встретились какие-нибудь затруднения в получении необходимого. А еще через некоторое время, когда донесения стали веселее, Владимир Ильич запросил по телефону, может ли он без ущерба для здоровья больного навестить его, и просил сообщить ему через В. Д. Бонч-Бруевича, в какой день и час удобнее это будет сделать.

В. В. Воровский был очень обрадован, когда я ему сказал, что его хочет навестить В. И. Ленин. В назначенный день и час Владимир Ильич явился в больницу в сопровождении В. Д. Бонч-Бруевича¹. Прежде чем войти в палату, Владимир Ильич подробно расспросил меня о состоянии больного, о дальнейшем прогнозе, о том, когда можно ждать выздоровления, куда ехать для восстановления сил и т. д. Потом Владимир Ильич вошел к В. В. Воровскому в палату, говорил с ним необыкновенно приветливо и ласково. Через некоторое время В. В. Воровский попросил оставить его наедине с Владимиром Ильичем. Мы все вышли, и Владимир Ильич оставался около 10 минут в палате у больного. Уходя, Владимир Ильич очень сердечно распрощался с нами, благодарил за заботы о больном, за хороший уход и т. д.

Вспоминается то, о чем думал часто и что всегда поражало — нежелание Владимира Ильича щадить себя, заниматься своим здоровьем, и в поразительную противоположность этому — громадное внимание, уделяемое другим товарищам, настойчивое желание заставить их лечиться и следить за своим здоровьем. У В. И. Ленина была большая вера в медицину, в возможность помочь больному, и, в особенности, в предупредительные профилактические меры, могущие вовремя остановить надвигающуюся опасность, сохранить человеку и жизнь, и здоровье, и работоспособность.

Заботы Владимира Ильича о заболевших товарищах были истинно поразительны. Время от времени я получал от него предписание осмотреть того или другого больного, назначить ему соответствующий режим, указать в точности, сколько часов в день он может работать, или не нужно ли ему на время совсем бросить

---

¹ Посещение В. В. Воровского в Кремлевской больнице состоялось 26 августа 1920 г. *Ред.*

работу, не нужно ли изменить характер работы, не нужно ли уехать в какой-нибудь курорт или за границу и т. д. Поражал меня всегда не самый факт заботливости о больных товарищах, а то, как это делалось. Владимир Ильич никогда не успокаивался на том, что просил посмотреть больного. Он вникал всегда во все подробности, во все мелочи, входил нередко в обсуждение плана лечения и т. д. Он следил далее за тем, выполняются ли предписания врача, выехал ли больной на курорт, указанный врачом, или за границу.

Инициатива направления того или другого товарища к врачу для лечения исходила обыкновенно от самого Владимира Ильича. То он заметил на заседании, что такой-то товарищ побледнел или похудел, или вид у него усталый; то он услышит от кого-нибудь, что такой-то плохо себя чувствует и не следит за собой, не хочет лечиться. Сейчас же просьба от Владимира Ильича такого-то товарища внимательно осмотреть, назначить ему лечение, режим и немедленно сообщить Владимиру Ильичу о результате консультации письменно. К мнению врача Владимир Ильич относился всегда с очень большим вниманием и доверием. Эта черта его тоже меня всегда поражала. Энергичный, властный и настойчивый в своих решениях, В. И. Ленин всегда отказывался от заранее им составленного плана, если врач указывал ему на ошибочность этого плана и на то, что другое решение вопроса будет более целесообразно.

Вспоминается мне один очень показательный и характерный в этом отношении случай.

Зимой и весной 1921 года плохо себя чувствовал Г. Е. Зиновьев. У него были нелады со стороны сердца, и летом необходимо было ему основательно отдохнуть и полечиться. Узнав, что я лечу Г. Е. Зиновьева, Владимир Ильич попросил меня подробно, как всегда, написать ему о состоянии здоровья больного, о том, что я думаю с ним делать летом, и т. д. Я сделал Владимиру Ильичу подробное сообщение. По разным соображениям я не послал своего больного ни на наши курорты, ни за границу, а оставил его под Москвой, в очень хорошем и живописном имении, где сохранился прекрасный, хорошо обставленный теплый дом, в котором можно было со всеми удобствами проводить назначенный мной курс лечения. В этом же доме поселился молодой врач, который мог наблюдать ежедневно больного, а я наезжал два-три раза в неделю. Через некоторое время я получил от Владимира Ильича письмо¹ следующего содержания:

«Очень благодарю за подробное сообщение. Я был у Зиновьева и убедился, что там, где он живет, невозможен никакой отдых, ибо, во-первых, постоянно вызывают к телефону, а во-вторых, бывает до 13 посещений в день. Зиновьев мне сказал, что, по вашим словам, еще трех недель абсолютного отдыха было бы достаточно для полного ремонта на два года работы. Поэтому я просил подыскать ему место отдыха без телефона, без возможности приезда из Москвы. У меня вопрос только один: требуется ли по-

---

¹ Текст письма к настоящему времени не найден. *Ред.*

стоянный медицинский надзор. Если нет, предполагаю принять предложение тов. Каменева об устройстве в отдаленной местности Московской губернии. Если да, то у меня есть мысль об устройстве в Судачевском уезде, Владимирской губернии, в 65-ти верстах от железной дороги. Можно по телефону поговорить с доктором, заведывающим здравотделом Судачевского уезда, в гор. Судачеве (есть телефон с Москвой), который живет не в уездном городе, а в 25-ти верстах от него. Прошу Вашего отзыва по этим предложениям.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. И. Ульянов-Ленин¹.

Казалось бы, о дальнейшем пребывании в том имении, где жил Г. Е. Зиновьев, не могло быть больше и речи,— нужно только представить свой «отзыв по предложениям» Владимира Ильича относительно отдаленной местности Московской губернии или относительно Судачевского уезда Владимирской губернии. Я позволил себе, однако, в подробно составленном письме возразить Владимиру Ильичу и указать ему на то, что не следовало бы переводить Г. Е. Зиновьева из той обстановки, в которой он в настоящее время находится, к которой он привык, которая ему нравится и в которой начат и успешно проводится назначенный ему курс лечения. Что же касается отмеченных Владимиром Ильичем недостатков, то их ведь легко устранить: посещения можно вовсе прекратить, а телефоном больной очень мало пользуется; если же и это нежелательно, то можно его на время выключить. В заключение я привел еще тот довод, что, уезжая далеко от Москвы, больной уходит из-под моего наблюдения, из-под наблюдения постоянного врача, к которому больной привык, которому он верит. Владимир Ильич согласился с моими доводами и отказался от своих планов. В различных учреждениях, с которыми была связана деятельность Г. Е. Зиновьева, появилось предписание не беспокоить больного посещениями до конца лечения, а телефон был оставлен, но больному было сказано, что ему запрещено им пользоваться. В. И. Ленин после этого несколько раз еще навещал Г. Е. Зиновьева, но больше не высказывал никаких недовольств.

Свои заботы о здоровье окружающих Владимир Ильич распространял и на близких своих друзей и на товарищей, занимавших ответственные посты в республике, и на больных, не занимавших никакого ответственного положения. То получалось мною письмо, в котором Владимир Ильич просит: «Сообщите мне кратко о состоянии здоровья т. Бела Куна, а равно, сколько времени требуется на лечение и какого рода лечение Вы предполагаете»², то сообщают мне, по поручению Владимира Ильича, что в 4-м Доме Советов живет молодая девушка Галина Фофанова, очень больная, что необходимо ее посмотреть, сообщить Владимиру Ильичу, чем она больна, что нужно для нее сделать и т. д. У больной оказалось,

¹ Это письмо отсутствует в ЦПА ИМЛ. *Ред.*

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 45. *Ред.*

действительно, очень тяжелое заболевание — туберкулез позвоночника¹.

Поражало меня всегда то, что Владимир Ильич находил время для этих забот среди той грандиозной, и по количеству затрачиваемого времени, и по интенсивности, и по величию задач, работы, среди которой жил. Вот уж поистине, как говорит Л. Б. Каменев, «не пренебрегая никакой деталью, не отстраняясь ни от какой будничной работы, Ленин систематически, упорно, неустанно готовил восстание миллионов против мира насилия и гнета»...

Автомобиль мчится дальше, среди молодой, расцветающей, рвущейся к новой жизни природы, чудесной северной весны. Через короткое время я буду у постели великого человека, пережившего уже и весну и лето своей жизни. Еще несколько минут по шоссе, потом свернуть влево в узенькую аллею. Какая чудесная, свежая, сочная трава, какие очаровательные молодые, зеленые березы, как все торжествует в этой пробуждающейся юной природе, как все зовет к новой жизни — а что-то там в этом доме, который вот уже виднеется из-за окружающей зелени?

Еще несколько минут, и мы подъезжаем к дому. Большой, в старинном стиле, двухэтажный каменный дом, с белыми колоннами, с двумя по обе стороны расположенными отдельными флигелями. Перед домом красивая площадка с большой клумбой для цветов посередине. Очень много сирени по сторонам и вокруг дома. Мысленно вижу Владимира Ильича в одной из комнат большого красивого дома с белыми колоннами, с большой террасой. Нет. Не там. Владимир Ильич верен себе. Из всей этой усадьбы он выбрал себе самую маленькую угловую комнатку, в маленьком флигеле направо от большого дома — маленькую, в два окна комнатку, в которой, кроме кровати, небольшого столика, заваленного книгами, комода и платяного шкапа не было, да и не могло бы поместиться больше никакой другой мебели.

Встретили нас Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Жена и сестра. Два самых близких и преданных друга. Две женщины, — две бессменных сестры милосердия, вышедшие в тот день вместе с великим страдальцем на длинный скорбный путь, ни разу за два почти года не уставшие, не оступившиеся, не упавшие на этом полном труда и страданий пути, донесшие его до гроба на столе в одной из комнат этого красивого желтого с белыми колоннами дома, и дальше, до маленькой железнодорожной станции, где стоял траурный поезд, готовый принять останки того, кто был Лениным, и дальше, до Дома Союзов, до этого чудесного зала, о котором написал Г. Е. Зиновьев: «прекрасный зал в Доме Союзов стал сказкой. Один этот зал — замечательная, чудесная, великая траурная симфония»². Здесь они остановились на несколько дней, стали у изголовья, две скорбные, молчаливые фигуры, и простояли

¹ См. в этой связи письмо В. И. Ленина в Секретариат ЦК РКП(б) от 17 января 1922 г. (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 124—125). *Ред.*

² У великой могилы. М., 1924. С. 352. *Ред.*

до последнего дня, до воскресенья, и донесли его дальше, до Красной площади, до подземелья, где на глазах у сотен тысяч людей, под грохот орудийных салютов, под склонившимися знаменами, под рыдающие звуки похоронного марша закончился, наконец, этот длинный скорбный путь 27 января 1924 года.

Войдя в дом, мы узнали, что до нас уже приехал Ф. А. Гетье. Первые впечатления не вызывают особенной тревоги. Вчера вечером Владимир Ильич поужинал рыбой. Перед сном неприятная отрыжка, изжога, головная боль. Ночью плохо спал. Встал, оделся, пошел в сад. Стало немного лучше. Вернулся, лег в постель и уснул.

Вскоре, однако, проснулся; болит голова, вырвало. Температура 38,5. С утра самочувствие лучше, температура ниже, но обнаруживаются симптомы небольшого расстройства мозгового кровообращения, некоторая слабость, неловкость в движениях правой руки и ноги; небольшое расстройство речи; не может иногда вспомнить нужное слово, все отлично понимает, читает, но некоторые предметы не может назвать, а услышит их название — удивляется, как сам не мог вспомнить.

Потому ли, что не хочется думать о худшем, склоняемся к тому, что в основе все-таки желудочно-кишечное расстройство (гастроэнтерит), который на почве переутомления и нервного состояния больного вызвал временное, преходящее расстройство мозгового кровообращения. Принимаем необходимые в этом направлении мероприятия и решаем, что нужно показать больного невропатологам.

Следующая консультация происходит уже с приглашенными из Москвы невропатологами В. В. Крамером и Г. И. Россолимо, а еще через несколько дней — с прилетевшим из Германии на аэроплане проф. Ферстером (3-го июня). К тому времени Владимиру Ильичу стало значительно лучше, и все основания были думать, что явления расстройства мозгового кровообращения (небольшой тромбоз или, может быть, спазм мозговых сосудов) носят преходящий, временный характер. Проф. Ферстер скоро уехал, а 11-го июня прилетел из Берлина проф. Клемперер, который подтвердил, что со стороны внутренних органов, в частности сердца, нет никаких сколько-нибудь серьезных отклонений от нормы.

Владимир Ильич сам в первые дни с большой тревогой относился к своему заболеванию. И в день моего приезда, и в последующие дни он был в угнетенном состоянии, не верил в свое выздоровление. Его очень угнетали те расстройства со стороны речи, со стороны памяти, которых он не мог, конечно, не заметить при исследовании. Его очень пугало и огорчало то, что он не находит некоторых слов, что он не может назвать некоторые предметы по имени, что он сбивается в счете. Он очень огорчился, например, когда, увидев ромашку и незабудку, не мог вспомнить названия этих хорошо знакомых цветов. Он часто повторял: «Какое-то необыкновенное, странное заболевание».

Ко всем уверениям и обещаниям, что все должно скоро пройти,

он относился недоверчиво. С грустными глазами и глубоким вздохом отвечал иногда: «Да, это было бы хорошо».

Одна короткая беседа с Владимиром Ильичем глубоко меня потрясла своим трагизмом. В один из первых дней болезни, вечером, Мария Ильинична сказала мне, что Владимир Ильич хочет меня видеть. Я вошел к нему и, оставшись с ним наедине, сел у его постели. Владимир Ильич мало изменился за эти дни. Так же, как пишет о нем Н. И. Бухарин, «крепкая, литая фигура», те же «живые, пронизывающие, внимательные глаза», но необычайная грусть и сосредоточенность в лице, необычайная тревога в этих «живых, пронизывающих и внимательных глазах». В маленькой комнате тишина, полумрак. Владимир Ильич слегка приподнялся на локте левой руки и, приблизив свое лицо ко мне, внимательно, пронизывающе глядя мне в глаза, сказал:

— А ведь плохо.

— Почему плохо, Владимир Ильич?

— Неужели вы не понимаете, что это ведь ужасно, это ведь ненормальность.

Я стал всячески успокаивать Владимира Ильича, убеждать его в том, что это все временное, преходящее, что все, что его пугает — небольшое расстройство речи, памяти, внимания, способности сосредоточиться, что все это явления временного расстройства кровообращения в мозгу, что можно ему ручаться, что все это пройдет. Он недоверчиво качал головой, несколько раз повторял: «Странная, необыкновенная болезнь», лег опять и не сказал больше ни слова. Я посидел еще несколько минут, пожелал ему спокойной ночи и вышел из комнаты.

Очень тяжело относился Владимир Ильич к необходимости соблюдать строгий режим, оставаться в постели, ничем не заниматься, никого не принимать, к необходимости дежурства врачей и сестры. На все это Владимир Ильич соглашался не сразу, неохотно, но в конце концов уступал, покорялся. 3 июня, в день консультации с проф. Ферстером, почувствовав себя гораздо лучше, он стал просить разрешения встать, посидеть у окна на солнышке. С грустью пришлось отказать ему в этом, сославшись на решение консультации продергать его еще некоторое время в постели.

«Ну, что ж, нечего делать, придется полежать еще денька три».

Ни за что не соглашался Владимир Ильич оставить свою маленькую угловую комнатку во флигеле и перейти в Большой дом, и только 11 июня удалось убедить его тем доводом, что комната, в которой его можно было бы устроить в большом доме, соединена с террасой, где он мог бы в хорошие дни проводить много часов и пользоваться воздухом.

Очень угнетало Владимира Ильича запрещение заниматься делами. Когда, в связи с наступившим в середине июня улучшением, Владимиру Ильичу разрешено было принимать близких друзей, но с условием не вести деловых разговоров, он ответил:

«Ну, если нельзя о делах говорить, тогда лучше и посещений не надо».

После одной из консультаций в конце июня, на которой присутствовал Н. А. Семашко, Владимир Ильич сказал:

«О делах говорить не буду, но разрешите только три вопроса предложить Н. А. Семашко».

Вопросы были следующие: 1) каковы виды на урожай, 2) о конференции в Гааге, 3) о каком-то конфликте в Народном комиссариате путей сообщения, который необходимо уладить.

Кстати об этом конфликте. Случай, показывающий, как даже в эти тревожные дни своей болезни, так угнетавшие, так пугавшие Владимира Ильича, он не мог уйти в свою личную жизнь, а продолжал жить и мучиться тревожившими его государственными делами и вопросами. Ночь на 2 июня Владимир Ильич провел плохо. Был какой-то кошмар, от которого проснулся, долго не мог уснуть. Утром неохотно об этом говорил, но упоминал о каких-то интригах, о железнодорожниках, а 24 июня, в беседе с Н. А. Семашко, говоря о каком-то конфликте в Народном комиссариате путей сообщения, сказал:

«Этот конфликт необходимо уладить. У меня даже в начале болезни ночью кошмар был из-за него, а врачи думали, что это галлюцинация».

Возвращаясь к первому дню своего посещения Владимира Ильича в Горках, к роковому дню 25 мая, к дню, с которого начинается поистине скорбная история болезни В. И. Ленина. Все разъехались. Я остался ночевать. Переговорил с Надеждой Константиновной и Марьей Ильиничной обо всем. Владимир Ильич уснул. Поздно вечером я вышел в сад. Воздух напоен ароматом сирени. Где-то поет соловей. Необыкновенная тишина вокруг. В большом доме темно. Во флигеле налево в окнах огни. В одной из этих комнат — Ленин, один в своей маленькой узенькой комнатке, один со своей тревогой, с мрачными мыслями, с тяжелыми предчувствиями. Ленин, прикованный к постели, оторванный от государственных дел, от мировых задач, ото всего, к чему стремился и для чего работал всю свою жизнь, ото всего, на что растратил, на что безраздельно отдал свой мозг, сосуды своего мозга. Мы, врачи, говорим ему теперь: «Вы не должны работать, Владимир Ильич». Ну, а что значит для Ленина не работать? Не думать? А разве он может не думать? Разве может Ленин не мыслить? И он думает, конечно, и сейчас, когда мы все думаем, что он спит, он, может быть, думает тяжелую, мучительную думу, там, в своей маленькой, узенькой комнатке, в самой маленькой комнатке из всей этой большой, богатой, роскошной усадьбы.

Я не думал тогда, в эту ночь, что начинается такая великая эпическая трагедия в этом доме, что этот чудесный парк, где так благоухает сирень, где так хорошо поет соловей, превратится в клетку, где будет стонать раненый, истекающий кровью лев, где будет биться орел с подрезанными крыльями, где будет по-человечески страдать великий человек, который все понимает, все видит, все слышит и ничего не может сказать, ничего не может написать, человек, которому дано «глаголом жечь сердца людей» и который не может

произнести слова, человек, который мог писать огненными буквами на скрижалях, видных всему миру, и не может поднять теперь правой руки. Видел ли мир большую трагедию, большие страдания? Родился ли новый Софокл, который найдет какие-то изумительно сильные слова и краски и изобразит эту трагедию так, чтобы она через тысячу лет потрясала сердца людей так, как нас потрясает еще сейчас «Эдип-царь»...

Поздно ночью я вернулся в свою комнату, взял лист бумаги и записал дневник первого дня болезни. Я вписал первые строки в первую страницу той эпически-трагической книги, которая носит название «История болезни Ленина».

Я заканчиваю свой грустный рассказ. Мне хотелось рассказать только о первых днях болезни Владимира Ильича, о начале великой трагедии. Невропатологи расскажут о дальнейшем ходе болезни, о том улучшении, которое наступило к осени и которое позволило Владимиру Ильичу даже писать и выступать в ноябре, о новом ухудшении с декабря и о той нечеловечески трудной борьбе, которую вели в течение двух лет лучшие представители русской и европейской медицинской науки для спасения жизни Ленина.

*О Ленине. Сборник воспоминаний. 1.
Под ред. Л. Б. Каменева.
Л., 1925. С. 148—159*

Е. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

ИЗ ПИСЬМА Е. А. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

Н. И. БУХАРИНУ 29 ИЮЛЯ 1923 г.

Дорогой Ника!

29 июля 1923 г.

Давно собирался написать, но откладывал до третьего визита в Г(орки). Но пришло Ваше второе письмо. Так что пишу немедленно.

1) Ильич.

Во время первого посещения, неделю спустя после Вашего отъезда, говорил и с Н. К. и М. И.¹ очень подробно. Старик находился тогда в состоянии большого раздражения, продолжал гнать даже Ферстера и др., глотая только покорно хинин и йод, особенно раздражался при появлении Н. К., которая от этого была в отчаянии и, по-моему, совершенно зря, против желания. И все-таки к нему ходила.

Второй раз, 4 дня тому назад, я снова поехал (с Пятаковым² решили ехать сегодня, а я не стал ждать воскресенья). Я только что вошел вниз, с Беленьким, как в комнате справа от входа Беленький мне показал рукой в окно, сказал: «Вон его везут». Я подошел к закрытому окну и стал смотреть. На расстоянии шагов

¹ Крупская Н. К. и Ульянова М. И.

² Пятаков Г. Л., с 1920 г. находился на хозяйственной и советской работе, с 1923 г. заместитель председателя Госплана и ВСНХ. *Ред.*

25-ти вдруг он меня заметил, к нашему ужасу, стал прижимать руку к груди и кричать: «Вот, вот», требовал меня. Я только что приехал и еще не видел М. И. и Н. К. Они прибежали, М. И., взволнованная, говорит: «Раз заметил, надо идти». Я пошел, не зная точно, как себя держать и кого я, в сущности, увижу. Решил все время держаться с веселым, радостным лицом. Подошел. Он крепко мне жал руку, я инстинктивно поцеловал его в голову. Но лицо! Мне стоило огромных усилий, чтоб сохранить взятую мину и не заплакать, как ребенку. В нем столько страдания, но не столько страдания в данный момент. На его лице как бы сфотографировались и застыли все перенесенные им страдания за последнее время. М. И. мигнула мне, когда надо было уходить, и его провезли дальше. Через минут пять меня позвали за стол пить вместе с ним чай. Он угощал меня жемства малиной и т. д., и сам пил из стакана вприкуску, орудуя левой рукой. Говорили про охоту и всякие пустяки, что не раздражает. Он все понимает, к чему прислушивается. Но я не все понимал, что он хотел выразить, и не всегда комментарии Н. К. были правильны, по-моему. Однако всего не передашь. У него последние полторы недели очень значительное улучшение во всех отношениях, кроме речи. Я говорил с Ферстером. Он думает, что это не случайное и скоропроходящее улучшение, а что улучшение может быть длительным...

*Известия ЦК КПСС. 1989.
№ 4. С. 186—187*

П. А. ХОЛОВОДА

ИЛЬИЧ И ГЛУХОВЦЫ

Последний раз я видела Ильича 2 ноября 1923 года. Во время его болезни я была послана вместе с пятью товарищами (три товарища партийных и два беспартийных) делегатским собранием отвезти Ильичу наш скромный подарок — 18 вишневых деревьев в оранжерею при домике в Горках. Мы плохо знали место и дорогу и все-таки добрались туда часов в 5 вечера. В Горках не знали о нашем приходе, и мы свалились для всех окружающих Ильича как снег на голову. Первое время, как видно, вышло некоторое замешательство. Мария Ильинична и другие не знали, как отразится на здоровье Ильича наше посещение. Но, посоветовавшись с Надеждой Константиновной, нас решили допустить к Владимиру Ильичу, предупредив, чтобы мы были с ним недолго.

Нас ввели в приемную. Через две минуты за дверь мы услышали голос Марии Ильиничны: «Володя, к тебе гости». Дверь открылась, и к нам вышел улыбающийся Ильич. Позади следовал санитар. Ильич был одет, как всегда, в своей постоянной кепке, в которой я его видела не раз. Подойдя к нам, Ильич снял левой рукой свою кепку, переложил ее в правую и поздоровался с нами левой рукой. «Как я рад, что вы приехали», — внятно и ясно сказал

он нам¹. Мы растерялись от радости и разревелись, как дети. Мы передали Ильичу адреса рабочих и заводоуправления и сказали несколько приветственных слов от наших местных организаций. Побыв с Ильичем пять минут, мы, прощаясь, все расцеловались с ним. Последним попрощался тов. Кузнецов — 60-летний рабочий. Две минуты они стояли, обняв друг друга. А старик Кузнецов сквозь слезы все твердил: «Я рабочий, кузнец, Владимир Ильич, я кузнец, мы скуем все намеченное тобою». Мы почти насильно оторвали его от Ильича. Целую ночь мы провели под крышей, где жил Ильич. За ужином Мария Ильинична подробно расспрашивала нас о фабрике, о работе на ней, о жизни и быте рабочих и просила чаще писать в «Правду».

Назавтра мы уже уехали. Нам рассказывал товарищ, ухаживающий за Ильичем, что Ильич до 2 часов ночи читал, перечитывал наши адреса. Никогда не забуду этих счастливых минут. Спасибо товарищам, давшим мне возможность в последний раз видеть горячо любимого вождя и учителя.

Первая годовщина. 1924. 21 января 1925.

Ленин, о Ленине, о ленинизме.

М., 1925. С. 219—220

М. М. ПЕТРАШЕВА

У ПОСТЕЛИ БОЛЬНОГО ИЛЬИЧА²

29 мая 1922 года она была свободна от дежурства и стирала у себя дома белье. Этот день запомнился ей на всю жизнь. Только окончила она стирку и развесила белье во дворе, как пришла за ней санитарка из больницы: «Доктор зовет, Алексей Михайлович Кожевников. К больному ехать».

— Явилась я к доктору,— стала рассказывать она.— А он, надо сказать, отлично ко мне относился. Я молода была, и, верно, потому все хорошо у меня выходило. «Едем,— говорит,— к больному пункцию делать». Ну, я живо оделась, приготовилась, а он спрашивает: «Вы знаете, к кому я вас везу?» — «Нет, не знаю». — «К Ленину». А тут как раз машина подъехала, сели мы с доктором вдвоем.

Дорога была красивая. В это время цвели вишни и яблони. Все было в цвету. Я видела, что мы едем по Каширскому шоссе, где находился в это время Ленин — я еще не знала. Кожевников спрашивает: «Узнаете места, по которым едете? Вон влево от нас Царицыно, а правее — Растргуево. Мы едем в Горки».

Подъехали мы к небольшому двухэтажному домику. Поднялись на второй этаж. Там нас ждали Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Я сразу надела халат, попросила примус,

¹ Этот факт упоминает в своих воспоминаниях Надежда Константиновна. (См.: *Крупская Н. К. О Ленине: Сборник статей и выступлений*. 3-е изд. М., 1971. С. 51). *Ред.*

² Воспоминания М. М. Петрашевой были записаны Самуилом Маршаком в 1938 г. и переданы в редакцию «Литературной газеты» его внуком А. И. Маршаком в 1989 г. *Ред.*

прокипятила инструменты. Мне показали, где находится больной. Я одна с инструментами в руках пошла к нему в комнату. Только я успела открыть дверь, как услышала: «Здравствуйте!» Еще человека не увидела, а он уже со мной успел поздороваться.

Позже я узнала, что он всегда со всеми первый здоровается: с сестрами, с врачами, с красноармейцами из охраны.

По фотографиям в витринах я думала, что он брюнет, а он оказался светлый, рыжеватый, широкоплечий, массивный — в белом белье на белой постели. Голова большая. Лицо не выхоленное, а простое. Глаза карие, прищуренные, смотрят остро, будто проверяют тебя. Когда я вошла, он приподнялся на локтях.

За мной доктор вошел, и мы приступили к делу.

Владимир Ильич очень терпелив был. Во время пункции он только крикнул. Не охал, не стонал — не в его это характере было.

Доктор переговорил с Надеждой Константиновной и предложил мне остаться подежурить у больного. Я, конечно, согласилась и только попросила, чтобы мою записку домой доставили. Написала: «Дежурю у больного», — а у кого именно и где, не упомянула. Так мои родные и не знали, что я у Ленина.

Отвели мне комнату. Ночь я провела не у больного. Этим дежурством я осталась недовольна. Какая же я дежурная, если не знаю ночью, что с больным? Так же нельзя!

Все это я сказала утром Надежде Константиновне и Марии Ильиничне. Я помоложе была тогда, говорила прямо, что думаю, а того не понимала еще, что никак не могли они мне сразу Владимира Ильича доверить. Забунтовала я, раскипятилась. Ну, на следующую ночь меня по-другому устроили — в смежной с Владимиром Ильичем темной комнате. Туда поставили маленький диванчик — я сама нарочно такой выбрала, чтобы ночью не заснуть. Дверь к больному не закрывалась, и он меня шепотом из своей комнаты звал: «Сестра! Сестра!» И все время мы так разговаривали с ним — шепотом...

Владимир Ильич не мирился со своей болезнью. Ему давали бром, чтобы его не так волновало такое состояние. Потом настроение лучше стало.

Видно было, что ему страшно хочется поскорее начать работать.

Он часто справлялся у меня, как я сплю, удобно ли мне. Он ведь лежал все время в своей комнате и не видел, как меня устроили.

У Владимира Ильича было расстройство речи, но я этого не замечала. Врачи просили его назвать какой-нибудь предмет, а он не мог. Просили написать, тоже не мог. Жаловался, что у него парализована то рука, то нога.

— А у меня паралич?

Скажешь: «Владимир Ильич, подымите руку или ногу». Поднимает. А это были мгновенные параличи, быстро проходящие. Только когда он начал ходить, был случай, когда он упал во время такого паралича. Он еще шутил насчет того, что чуть не сел между двух стульев.

Днем Владимир Ильич часто посылал меня гулять, говорил, что я ему не нужна. Я приносила ему с прогулки букеты ромашек. Сирени в саду было много, но он не переносил никакого резкого запаха, а когда я приносила полевые цветы, он был доволен...

Однажды я нашла в парке на поляне много белых грибов. Притащила домой в подоле халата. А в это же утро Надежда Константиновна и Мария Ильинична ходили по грибы в лес и ничего там не нашли.

Владимир Ильич весело смеялся по этому поводу, шутил. «Они,— говорил,— в лесу были и только платья замочили, а вот сестра у самого дома столько грибов нашла».

Предписания врачей он выполнял очень строго и точно. Помню, мы решили убрать из его комнаты книги. Читать ему в это время не разрешалось, а книги лежали грудами — и на окнах, и на столе, и повсюду. Как ни жалко было Владимиру Ильичу книг, но он и не думал противиться, когда я выносила их из комнаты.

В одном только он ни за что не хотел уступать нам. Его долго упрашивали перейти в комнату Надежды Константиновны. Эта комната была светлой и просторной. Но Владимир Ильич отказался наотрез и остался в своей маленькой комнате. За окном у него пустые деревья росли. Так они шумели ночью, так мешали, эти деревья!

В пище Владимир Ильич был неприхотлив. Очень любил гречневую кашу. Я отвоевала для него эту кашу. Немец, профессор Ферстер, долго не хотел ее позволять, но потом согласился.

Владимир Ильич был недоволен тем, что прилетают профессора из-за границы. Он же знал, что они задаром не прилетят. Он говорил, бывало: «Вот уж эти немцы! А сколько они стоят, эти немцы!»

Когда с Ферстером — невропатологом — прилетел еще Клемперер — терапевт, Владимир Ильич нахмурился: «Что это он прилетел, своих врачей у нас нет, что ли? Одного немца мало, так еще двое понадобились. Ну, один — специалист-невропатолог, а другой-то зачем? Ему и смотреть меня нечего».

Мне хотелось развеселить Владимира Ильича.

— Ну, а язык-то вы ему все-таки показали? — спрашиваю.

— Язык показал, — отвечает и громко смеется.

С профессорами он разговаривал по-немецки, шутил, смеялся, руками жестикулировал.

Простой он был и тяготился всякой роскошью. Помню, когда в большой дом перешли, он недоволен был. Шутил: «Вот я какой! Могу на одном балконе вытереться полотенцем, на другом балконе чаю выпить, на третьем позавтракать. Слишком много для меня!»

В большом доме у него была маленькая-маленькая комната. Но его поместили в комнату Надежды Константиновны. Лежал он в новом доме недолго, всего несколько дней, а потом ему разрешили встать...

Проснулась я рано утром, часов в семь, и стала убирать свою постель, повернувшись спиной к двери. Вдруг слышу за собой легкий скрип двери, шорох. Поворачиваюсь, а в дверях Владимир Ильич. Стоит, завернувшись в простыню, как какое-то привидение.

И, конечно, по своему обыкновению, первый здоровается: «Здравствуйте! С добрым утром!»

А потом говорит со смехом:

— Дайте-ка мне одеться.

Я стала уговаривать его вернуться в постель, ведь время-то было еще очень раннее.

А он и слышать не хочет.

«Я бы еще раньше,— говорит,— встал, если бы знал, где моя одежда».

Пока Владимиру Ильичу врачи не разрешали встать, он с ними не спорил, но раз уж разрешили — кончено!

Никогда не забуду, какой веселый был он в это утро.

Я побежала к Марии Ильиничне и сказала, что Владимир Ильич встал и хочет сейчас же одеться. Она пошла к нему вместе со мной, увидела его в дверях и всплеснула руками:

— Володя!

И закачалась от смеха.

Долго и весело смеялись они оба, а я смотрела и любовалась Владимиром Ильичем — столько в нем было жизни. Потом Мария Ильинична куда-то пошла и принесла ему какую-то полинялую кофеворотку. Все наспех надо было раздобывать, сию же минуту. Ведь Владимир Ильич все это время был на ногах, даже присесть не хотел. Мария Ильинична знала, какой он настойчивый, а я впервые в этом убедилась, хотя провела с ним уже немало дней и ночей. Пока лежал, он всему подчинялся беспрекословно, а тут сразу вышел из повиновения. Одевшись, он пошел к умывальнику. До этого времени он мылся над тазом — я ему из кувшина на руки поливала. Так неудобно ему было в постели умываться и зубы чистить.

А тут он дал себе полную волю — все краны перепробовал, брызгался и плескался, сколько душе было угодно.

Восхищался умывальником и всем домом:

— Ах, как хорошо все это сделано! Замечательно!

Скоро он почувствовал, однако, усталость и должен был улечься в постель. В это время пришел доктор Кожевников и, конечно, не похвалил Владимира Ильича за то, что он так много себе позволил в это утро.

Настойчивый был. Вот два случая.

Когда ему разрешили ходить, через неделю была плохая погода, дождь сильный, и он вздумал идти навещать племянницу Ольгу Дмитриевну, которая только весной родилась (а дело было в июне). И вот он решил, что ему надо навестить Ольгу Дмитриевну в маленьком доме, где он прежде лежал. Там жил Дмитрий Ильич с семьей. Он во что бы то ни стало решил идти: «Давайте мне каалоши, пальто!» — «Я не знаю, где пальто!» — «Ничего-то вы не знаете!»

И вот он со смехом сам разыскал плащ Марии Ильиничны (накидку) и отправился.

Сколько я ни просила, ни молила — ни за что не хотел останавливаться. Раз он решил, то уж кончено.

А второй случай.

Вдруг ему вздумалось, что ему надо принять ванну. До этого ему не делали.

Я, конечно, никак не могла разрешить эту ванну, это не в моей власти.

Он смеялся:

«Ну и сестра! Даже такой самостоятельности не может проявить! Не может разрешить ванну».

Вызвали Кожевникова, чтобы это дело уладить. Кожевников сказал, что он ванну разрешит, только не сегодня, а на следующий день, так как сейчас уже двенадцать часов ночи. Владимир Ильич был очень смущен, что он поднял такой переполох, очень извинялся...

Один раз с Урала прислали ему в подарок какую-то фигуру, отлитую из чугуна. Не помню я, что она изображала, эта фигура, а внизу, конечно, надпись была и подпись — с грубой орфографической ошибкой.

Он так возмущался, ой, как возмущался: «Эх, Расея!»

Помню, в Горках как-то он увидел очень красивый столик, покрытый зеркальным стеклом. Стекло было все в трещинах. Он тоже был возмущен: «Эх, Расея!»

За лето сделали новые полы — паркетные. Вероятно, сделали из сырого материала. Пол, высыхая, трещал. В тишине ночи этот треск был вроде ружейной пальбы.

Владимир Ильич, помню, говорил об этом с Надеждой Константиновной, возмущался: «Как пол-то трещит... Клей-то советский!»

Скоро Владимир Ильич настолько поправился, что одевался уже без посторонней помощи, ходил в столовую, сам умывался. Теперь он стал тяготиться постоянным наблюдением за ним, в частности моим.

Я также считала, что мое присутствие не было больше необходимо для него. Мы с ним хорошо и сердечно простились. Всего провела я у него в этот раз около месяца.

А второй раз мне пришлось подежурить у Владимира Ильича целых два месяца — декабрь 1922 года и январь 1923 года в Кремле.

Опять пришел ко мне Алексей Михайлович Кожевников и сказал, что меня просят приехать в Кремль к Владимиру Ильичу.

За мной опять прислали машину. Вот Кремль. Подъезжаем к белому зданию с флагом наверху.

Владимира Ильича я опять нашла в постели.

У него были парализованы правая рука и нога. Но речь на этот раз не пострадала.

Он встретил меня грустно: «Вот я опять больной!»

Поместили меня рядом с ним в комнате, бывшей столовой. К моей кровати провели звонок, который я клала к себе под подушку или рядом в тумбочку, чтобы никто, кроме меня, не слышал ночью звонка. Этого требовал Владимир Ильич.

Опять возле него была масса книг — все о кооперации. В это время он очень интересовался кооперацией.

Во втором месяце, когда ему стало лучше, ему разрешили читать и даже диктовать речи. Записывала стенографистка.

Я должна была следить, сколько времени он занимается или читает. Следила с часами в руках.

Когда придешь, бывало, и скажешь: «Пора уже, срок истек», — он очень огорчался этим и все же подчинялся.

Он говорил мне с досадой: «Мысли мои вы не можете остановить. Все равно я лежу и думаю!»

Страдал бессонницей.

Врачи утешали его. Профессор Василий Васильевич Крамер говорил: «Вы уж, Владимир Ильич, нам верьте, верьте. Мы уж вас поправим!»

Владимиру Ильичу это не нравилось.

Видно было, что он все время думает, думает без конца.

Смотрит, прищурясь, куда-то в пространство — будто задачу какую решает. Изголовье у него было высокое. Он почти сидел.

Так хотелось развлечь его, хотелось, чтобы голова его не работала так сильно. Но это невозможно было. К концу второго месяца он стал лучше себя чувствовать. А я очень устала за эти два месяца бессменных дежурств. Тогда Мария Ильинична сама поехала в 1-ю Городскую больницу и привезла оттуда сестру, которая ухаживала прежде за Владимиром Ильичем, а меня отпустили.

Много я знала тяжело больных людей, но вряд ли кто-нибудь из них был так терпелив и деликатен, как Владимир Ильич.

Всякий труд он очень ценил, очень жалел нас, медицинских сестер. Как-то он сравнил наш сестринский труд с трудом ломового. Я, конечно, удивилась и спрашиваю: «Что же тут общего, Владимир Ильич, почему вы так сравниваете?»

Он отвечает: «Ломовой мешки ворочает, а вот вы меня ворочать должны. Разве это легче?»

Я не соглашалась: «Что вы, Владимир Ильич! Это совсем не тяжело. Ведь вы всегда сами мне помогаете (здоровой ногой он упирался в постель и помогал себя переворачивать), а в больницах нам помогают санитарки и няни...»

Апрель 1938 года.

*Литературная газета.
1989. № 16. 19 апреля*

А. М. КОЖЕВНИКОВ

ЛЕНИН КАК ПАЦИЕНТ

Первый раз я посетил Владимира Ильича в мае 1922 года и тут же переехал к нему в Горки и прожил у него июнь, июль, август и сентябрь. Все время находясь около Владимира Ильича, я был поражен исключительностью внимания по отношению к врачам, с одной стороны, с другой — наоборот, он относился с небрежностью к самому себе, стараясь, чтобы ему как можно меньше уде-

ляли внимания, и боялся причинить слишком много хлопот тем врачам, которые за ним ухаживали.

Как только после первой болезни ему стало лучше (конец июня — июль 1922 года), Владимир Ильич считал, что ему слишком много уделяют внимания. Это его тяготило, и он заявил, что постоянный медицинский надзор ему совершенно излишен, и что не-зачем отвлекать из-за него от более важных, с его точки зрения, работ медицинского персонала.

В дальнейшем, когда Владимир Ильич уже занимался работой, когда я посещал его, он извинялся перед врачами, что причиняет им слишком много хлопот, отрывает их от дела.

С начала 1923 года, когда его здоровье вновь ухудшилось, я с этого момента вплоть до мая вновь посещаю ежедневно Ильича. В мае же, со вторичным переездом Владимира Ильича в Горки, моим посещениям наступил конец.

В заключение еще раз скажу, что Владимир Ильич и как пациент был совершенно исключительным, по тому вниманию, которое он уделял врачам.

Первая годовщина. 1924. 21 января 1925.

Ленин, о Ленине, о ленинизме.

М., 1925. С. 182—183

М. И. АВЕРБАХ

ВОСПОМИНАНИЯ О В. И. ЛЕНИНЕ ¹

Дорогие товарищи! Наш местный комитет обратился ко мне с просьбой поделиться сегодня с вами моими личными впечатлениями и воспоминаниями о Владимире Ильиче, с которым я, в качестве врача, встречался несколько раз. Делаю это с особенным удовольствием. Мне чрезвычайно приятно лишний раз побеседовать об этом замечательном человеке. С другой стороны, я знаю, что то, что я могу сообщить вам, вы нигде не слышали и не можете знать о нем. Вы везде слышали, а некоторые из вас, может быть, имеют и личное представление о Владимире Ильиче как о герое, борце, вожде пролетарских масс, как о носителе и воплостителе великой идеи борьбы труда с капиталом. Ничего подобного вы от меня не услышите. Я буду рассказывать вам о том, какой Владимир Ильич был у себя дома, каким бывает человек, когда он после большого трудового дня придет домой, расстегнет свой ворот, снимет тесную обувь и остается в кругу своей семьи и с самим собой, каким бывает человек, когда, охваченный недугом, который, увы, сильнее всякой идеи, сильнее всякой логики вещей, этот человек, силой этих вещей, должен оторваться от мировой идеи, чтобы дать место мысли о своем физическом существовании. Вы можете мне сказать: «Зачем нам это знать? Какое нам дело до частной жизни

---

¹ Речь, произнесенная на общем собрании сотрудников, больных и посетителей городской глазной больницы им. Гельмгольца. *Ред.*

человека, общественная деятельность которого должна оставить вечные следы в жизни народов всего мира?» До известной степени вы правы. Жизненный опыт и изучение биографии великих людей учат, что личной жизнью их большей частью не следовало бы интересоваться. Не часто встречаются люди, которые везде были бы одинаковы — и на трибуне, и у себя дома, — у которых общественная и личная жизнь составляла бы одно целое, которые, подобно великому мудрецу Древней Греции Сократу, или знаменитому чешскому реформатору церкви Яну Гусу, или великому мученику идеи Джордано Бруно, обаятельной красотой своей личности увлекали бы массы не меньше, чем той идеей, которую настойчиво проповедовали. В громадном большинстве случаев личная жизнь даже замечательных людей оказывается крайне неинтересной или стоит в полном противоречии с той общественной ролью, какую играет этот человек. Поэтому широкой публике, особенно людям узким, мещански настроенным, не умеющим отделять идеи от человека, не умеющим прощать крупным людям обыкновенных общечеловеческих слабостей, действительно, не следует интересоваться частной жизнью людей, играющих общественную роль. Но в данном случае, по отношению к Владимиру Ильичу, я смело и, повторяю, с удовольствием стану рассказывать вам об его частной жизни. Я совершенно спокоен, что то, что вы услышите от меня, не только не умалит в ваших глазах его величия, а, наоборот, еще больше возвеличит его в нашем представлении, добавит еще несколько выразительных красивых черточек в том величественном, прелестном образе, который уже создался в ваших душах.

Итак, в первый раз встретился я с Владимиром Ильичем 1 апреля 1922 года. Это было еще в первом периоде его роковой болезни, когда он еще работал, выступал, но жаловался на головные боли, плохой сон, быструю утомляемость и невозможность работать так, как хочется, и столько, сколько нужно. А сколько нужно работать, по представлению Владимира Ильича, об этом вы, вероятно, и представления не имеете. Это был не шестичасовой день интеллигентного работника и не восьмичасовой день рабочего физического труда. Нет, в такие тяжелые эпохи, какие переживаем мы теперь, Владимир Ильич представлял себе только такую работу, чтобы засыпать и просыпаться на работе. Впрочем, такие требования он предъявлял только к себе, другим же рекомендовал больше отдыхать и беречь свое здоровье.

В этот, как и в другие разы, я приглашался для исследования глаз Владимира Ильича не по его инициативе (своими глазами он был вполне доволен), а по указаниям лечивших врачей, которые ожидали от моего исследования одного из двух результатов: либо в глазах случайно окажутся изменения, которые могут давать какой-нибудь повод для головных болей, либо глаза, являющиеся, так сказать, окошечком, через которое до известной степени можно заглянуть в мозг, дадут какой-нибудь ключ для объяснения мозгового процесса, бывшего вначале у Владимира Ильича еще совершенно таинственным.

В установленный по взаимному соглашению час меня проводили в квартиру Владимира Ильича, где в первой комнате меня встретили два его беззаветно преданных друга и телохранителя, живущих только им и его идеями и не покидавших его ни на одну минуту вплоть до опускания гроба в могилу,— это его жена Надежда Константиновна Ульянова и младшая сестра Мария Ильинична Ульянова. Владимир Ильич в это время уже занимал скромную квартирку в бывшем здании судебных установлений. Я говорю «уже занимал», потому что, говорят, эта скромная квартира была тем наилучшим, что он взял себе после жизни в самых примитивных условиях в различных, неприспособленных для жилья, комнатах. На этом обстоятельстве позвольте мне на минутку остановиться. Ясно, что с того момента, как власть в России фактически перешла к большевикам, пред Владимиром Ильичем открылись все материальные и моральные возможности для удовлетворения своих личных вкусов. Если бы он пожелал жить в волшебном хрустальном замке, кушать на золоте и серебре роскошные яства и возлжать на роскошных восточных коврах, то люди всего мира, уже определившие его роль в истории человечества, не пожалели бы никаких сил для исполнения его желаний. Но Владимир Ильич ничего этого не пожелал. Он удовлетворился квартиркой, в которой было ровно столько комнат, сколько нужно было только для жилья его и ближайших членов его семьи, которые, притом, сами несут большую ответственную общественную работу, что же касается обстановки этой квартиры, то стоило только открыть дверь, чтобы сразу почувствовать себя в жилище нетребовательного, но истинно культурного человека — все просто, чисто, опрятно, все на месте, без блеска, без шика, никаких предметов роскоши, никаких вещей неизвестного назначения, но зато есть все, что нужно много работающей семье, живущей исключительно интеллектуальными интересами. И эта простота, скромность и рациональность обстановки не производили впечатления чего-то искусственного, надуманного, умышленно сделанного напоказ, для примера другим. Совсем нет. Выросши в небогатой семье, где пропитание добывалось только личным трудом, променяв затем карьеру, быть может, выдающегося ученого или профессора на деятельность подпольного организатора нового мира, вынужденного почти всю жизнь проводить в нужде и лишениях, Владимир Ильич научился ценить простоту и скромность жизни, слился с ними душой и не накинул-ся, когда представилась возможность, на все, прежде запретное, и не находил интереса в том, без чего легко обойтись, что не дает много уму и сердцу, но приносит много горя, слез, лишений и непроизводительной траты сил другим. Одним словом, это не было умышленное воздержание от излишеств, а естественное отсутствие потребности в том, без чего можно обойтись. Но, само собой разумеется, что, если бы в натуре Владимира Ильича не было последнего, он сделал бы первое.

Не успел я поздороваться с радушными, предупредительными хозяйками, как из соседней комнаты вышел Владимир Ильич.

Я видел его в первый раз. По виду это был человек средних лет, среднего роста, крепкого телосложения, с энергичным лицом, подвижными и вместе с тем сосредоточенными глазами. Глаза определенно светились умом и скрытой глубокой внутренней силой. Хотя я по роду своей профессии привык присматриваться к глазам и интересоваться их выражением, я все же не считаю себя физиономистом и не придаю никакого значения физиономике. Жизнь учит нас на каждом шагу, что обольстительные физиономии принадлежат отвратительным людям и отталкивающие лица бывают у людей, достойных большого внимания и уважения. И если я позволил себе остановиться на том впечатлении, которое произвела на меня внешность Владимира Ильича, то только потому, что это впечатление нисколько не изменилось при более близком знакомстве, когда, само собой разумеется, внешность отошла уже на задний план. После самой короткой беседы чувствовалось, что имеешь дело с человеком выдающегося, оригинального ума и сильной скрытой воли. Мало того, чувствовалось, что этот заостренный ум каким-то незримым оком видит тебя насквозь и читает твои мысли. Об уме Владимира Ильича говорили все, приходившие с ним в соприкосновение. Такое же мнение составил о нем и проф. Ферстер, имевший возможность хорошо присмотреться за тот долгий период, который он провел у Владимира Ильича. После обследования вынутого мозга Владимира Ильича, проф. Ферстер мне сказал: «Нужно удивляться, как при таком ужасном разрушении мозга Владимир Ильич мог до последней минуты сохранить так много интеллекта. Воображаю, как огромна была сила этого интеллекта тогда, когда мозг был еще совершенно здоров». И действительно, недаром ближайшие друзья и сподвижники Владимира Ильича смотрели на него чуть ли не как на прозорливца. Но об уме Владимира Ильича мало было бы сказать, что он был велик. В складе его ума, как и в выражении глаз, улавливалось еще нечто другое, что, пожалуй, я назвал бы лукавством, хитростью. В разговоре вы чувствовали, что этот человек хочет и в конце концов, вероятно, заставит вас высказаться, но сам не скажет ни одного лишнего слова. По крайней мере, я, как врач, при наших встречах ясно чувствовал, что ему хочется выведать у меня то, чего, по его мнению, ему недоговорили другие врачи, но выведать так, чтобы я и не подозревал такого желания.

К характеристике Владимира Ильича добавлю еще одну чрезвычайно красивую черту. Врачу трудно обойтись без разных мелких житейских вопросов, чисто личного характера. И вот этот человек огромного, живого ума при таких вопросах обнаруживал какую-то чисто детскую наивность, страшную застенчивость и своеобразную неориентированность. Но это не была наивность и растерянность старого немецкого ученого, который витал в эмпиреях и не понимал того, что совершается у него под носом. Ничего подобного у Владимира Ильича не было. Это было глубоко философское пренебрежение, невнимание серьезного человека к мелочам жизни и своему физическому «я» и именно только своему личному. Стоило

Владимиру Ильичу узнать о каких-нибудь затруднениях у своих близких или товарищей и друзей, как являлась необычайная энергия, внимание, заботливость, большой житейский опыт и, что называется, умение чужую беду руками развести.

Вот каким был в моих глазах Владимир Ильич. Но этот набросок его личности в домашней жизни будет неполон, если я не скажу вам еще несколько слов о его манере обращаться с людьми, попавшими случайно в его жилище. Я познакомился с Владимиром Ильичем тогда, когда уже 4 года Коммунистическая партия руководила судьбами самой большой в мире страны и когда первый творец и вождь этой партии имел, кажется, достаточно возможностей, чтобы подвергнуться разлагающему влиянию того, что принято называть упоением властью. Но ко мне вышел из соседней комнаты не глава правительства, пишущий законы 130-миллионному населению и заставляющий прислушиваться к своему голосу, кого с восторгом и упованием, кого с негодованием, но во всяком случае весь мир! Нет, предо мной стоял простой, скромно одетый человек, с приветливой, лишенной всякого высокомерия улыбкой на лице, с простой, живой, полной юмора речью, с несколько резкой манерой говорить, с очень легкой, приятной картавостью, с обращением, в котором сквозил только радушный, гостеприимный хозяин, желающий, чтобы гостю не было с ним скучно. Скоро я почувствовал себя совершенно свободно, непринужденно и если немножко все же жутко, то лишь постольку, поскольку всегда ощущается некоторое стеснение, когда чувствуешь явное умственное превосходство своего собеседника. Радушию и любезности не было конца. Когда мы прощались, он не упустил случая соблюсти все галантности, которые даже самый претенциозный гость охотно простил бы всякому хозяину, определенно больному, и независимо от его общественного положения. Несмотря на всем вам хорошо известное мое упрямство и настойчивость, я не в состоянии был преодолеть желание хозяина подать мне не только пальто, но и галоши и проводить меня до самого крайнего пункта длиннейшего коридора.

Теперь перехожу к результатам моего исследования глаз Владимира Ильича. Тех изменений, которых ждали от меня невропатологи, в глазах Владимира Ильича не оказалось. С точки зрения неврологии, глаза были совершенно нормальны и не давали никакого ключа для разгадки мозгового процесса, как и сами не служили основанием для головных болей и других нервных расстройств. С чисто же окулистической стороны глаза представляли кое-какие явления, оказавшиеся для Владимира Ильича сюрпризом и доставившие ему, как человеку непосвященному, немало удовольствия. Дело в том, что когда Владимир Ильич был еще ребенком, его возили к одному из лучших русских окулистов, гремевшему тогда на всем Поволжье, казанскому профессору Адамыку (старшему). Не имея, очевидно, возможности точно исследовать мальчика и видя объективно на дне его левого глаза кое-какие изменения, главным образом врожденного характера (врожденная щель зрительного нерва и задний конус), проф. Адамык принял этот

глаз за плохо видящий от рождения (так называемая врожденная амблиопия). Действительно этот глаз очень плохо видел вдаль. Матери ребенка было сказано, что левый глаз никуда не годится от рождения и помочь этому горю нельзя. Таким образом, Владимир Ильич прожил всю жизнь с мыслью, что он левым глазом ничего не видит и существует только одним правым. Только в самые последние годы он замечал маленькую странность, что все его сверстники стали отдалять книжку при занятиях, а он, напротив, стал держать книгу ближе обыкновенного. что многие сверстники стали читать в очках, а он в них как будто совершенно не нуждается. Мало интересуясь своим здоровьем вообще, он не задумался и над этим фактом и не искал случая его объяснить. Да и в самом деле, зачем серьезному, занятому человеку нужно было это проверять, если зрения хватает на все надобности — и на охоту пойти можно, и читать можно сколько угодно. Каково же было его удивление, когда при моем исследовании оказалось, что левый, «похороненный» глаз просто близорук (в 4—4,5 диоптрии) и на расстоянии 20—25 см прекрасно видит — этим глазом Владимир Ильич и читал, — а правый глаз, хорошо видящий вдаль, оказался ко времени моего исследования уже страдающим старческим зрением и на близком расстоянии ничего не видел. Но стоило к этому глазу приставить соответствующее стекло, какое надевают все хорошо видящие пожилые люди, и глаз этот прекрасно читал. Этот двойной сюрприз очень заинтриговал и развеселил Владимира Ильича, но внимания к своей персоне он проявлял так мало, что к следующему нашему свиданию уже позабыл о тех «фокусах», которые я проделывал с его глазами.

Наше прощание было также очень характерно для Владимира Ильича. Как-то неумело, непривычно и конфузливо стал он мне совать гонорар в руку. Когда я отказался, он стал убеждать меня, что я не обязан никому оказывать частных услуг вне больницы и при нынешних тяжелых условиях жизни не имею права делать это бесплатно ни для кого. Увидев же мою совершенно непреклонную волю, он как-то совсем растерялся, точно незаслуженно обидел меня. Впоследствии я узнал, что мой категорический отказ от гонорара долго не давал ему покоя и он неоднократно интересовался тем, чтобы обо мне позаботились, если я в чем-нибудь нуждаюсь. Не могу не подчеркнуть этого исключительно деликатного и корректного отношения к людям, которые, по его мнению, потратили сколько-нибудь труда или времени на него лично. Я видел в своей жизни немало больных, которые занимали значительно менее ответственное общественное положение, которым я приносил действительно реальную пользу, возвращая им утерянное зрение и работоспособность, которые были менее захвачены общим убийственным недугом и которые считали ниже своего достоинства входить в оценку услуг врача.

Второе наше свидание произошло месяца через 1¹/₂—2 уже при более тяжелых условиях. Это было верстах в 35—40 от Москвы в усадьбе, куда перевезли Владимира Ильича для отдыха. Дня за 2

перед этим случился первый, правда, легкий припадок (мозговой инсульт), и лечащие врачи вновь вызвали меня в надежде на какие-нибудь мозговые симптомы в глазах. В большой, хорошо обставленной даче Владимир Ильич, конечно, лежал в самой маленькой угловой комнатке. Здесь уединеннее, здесь меньше мешают, здесь меньше обращаешь на себя внимание других. Убедить Владимира Ильича перейти, как больного, в большую светлую комнату оказалось для окружающих непосильной задачей. Встретил меня Владимир Ильич уже как старого знакомого. Память у него была хорошая. Владимир Ильич был чрезвычайно ласков, трогательно заботлив, но явно был возбужден и искал все возможности остаться со мной наедине. Предчувствуя какой-нибудь тяжелый для него, волнующий разговор, я всячески избегал быть с глазу на глаз, но такая минута все же выпала. Схватив меня за руку, он с большим волнением вдруг сказал: «Говорят, вы хороший человек, скажите же правду — ведь это паралич и пойдет дальше? Поймите, для чего и кому я нужен с параличом». Дальнейший разговор был, к счастью, прерван вошедшей сестрой милосердия. Я уехал с тяжелым чувством, сопровождаемый снова всяческими проявлениями внимания к касающимся меня мелочам со стороны этого большого человека, который, чувствуя уже возможность своего конца, ясно уже ощущая с невыносимой болью невозможность видеть дальнейший рост своего великого дела, выстраданного всей жизнью, проявил огромное величие души, интересуясь тем, напоили ли меня, человека, которого он едва знает по имени, чаем и тепло ли я одет.

В глазах Владимира Ильича я и в этот раз не нашел ничего интересного для невропатологов. Следующая наша встреча произошла опять в городе через несколько месяцев. Она имела целью лишь проверку глаз. Невропатологи все чего-то ждали. Здесь же оговорюсь, что в глазах ничего невропатологического так и не оказалось до самого конца. Невропатологи не твердо в этом были убеждены, так как в последнее время исследовать Владимира Ильича было трудно, и невропатологи могли сомневаться в точности получаемых мною результатов. Тем не менее я был прав в своих выводах, и исследование вынутого мозга показало, что, несмотря на огромную область поражения, вся зрительная сфера, центры и пути так же, как и двигательные пути глаз, были невредимы.

И в этот раз Владимир Ильич трогал меня своим радушием, несмотря на то что его состояние было таково, что с его стороны было бы совершенно естественно, если бы он больше думал о своем здоровье, чем о том, чтобы быть внимательным к посторонним людям. Он очень жаловался на то, что ему запрещают работать и что он, к сожалению, должен подчиняться назначенному режиму. «Мне рекомендовали вместо работы час-два легкой беседы с добрыми приятелями. Они не понимают, что от 2-х часов беседы с иностранными представителями я меньше устану и получу больше пользы и удовольствия, чем от короткой приятельской беседы». Еще раз и в таком состоянии выявилась мощная фигура человека, который не представляет себе времяпрепровождения вне дела.

Еще раз мы встретились через несколько месяцев после большого тяжелого приступа, отнявшего у Владимира Ильича ногу, руку и речь, но не сознание. Он лежал в постели, окруженный слетевшими со всей Европы знаменитостями. Положение было истинно трагическое. Человек, который своим словом приводил в состояние экстаза массы и убеждал закаленных в дискуссиях борцов и вождей, человек, на слово которого уже так или иначе реагировал весь мир,— этот человек не мог выразить самой простой примитивной мысли, касающейся самых насущных физиологических потребностей. Не мог сказать, но в состоянии был все понять. Это ужасно. На лице его было написано страдание и какой-то стыд, а глаза сияли радостью и благодарностью за каждую мысль, понятую без слов. Этот раздирающий душу благодарный взгляд испытал на себе и я, случайно угадавший одно его желание, которое не поняли окружающие.

После этого я не видел Владимира Ильича много месяцев до кануна роковой развязки. Его снова увезли за город. Я знал, что в состоянии его наступает медленное улучшение и он понемногу отделяется от тех расстройств, которые причинил последний припадок. Но вместе с тем умозрительно я знал, что параллельно с этими улучшениями идет еще более медленное, но верное ухудшение в корне, в фундаменте непоправимой болезни. Не скрою, мне хотелось видеть Владимира Ильича, но я не нужен был ему, а не зная, будет ли приятно ему мое ненужное посещение, я не решался заявить врачам и окружающим о своем желании.

Поэтому я очень обрадовался, когда в воскресенье, 20 января, мне позвонили в больницу, что просят меня приехать в усадьбу, где жил Владимир Ильич. Утром в этот день студенту-медику, ухаживавшему за Владимиром Ильичем, показалось, что он пожаловался на глаза. Когда Владимиру Ильичу предложили вызвать меня, он охотно согласился. Это обстоятельство было для всех большой неожиданностью, так как в последнее время Владимир Ильич стал избегать врачей и крайне неохотно подвергал себя исследованиям и всяким манипуляциям. Я думаю, что на меня он легко согласился просто как на наиболее безвредного врача, который не мучает, не лечит, а в худшем случае немного развлечет своими стеклами. По поводу нежелания Владимира Ильича встречаться с врачами, дошедшего в последнее время до чего-то болезненно-настойчивого, было много предположений. Я думаю, что наиболее вероятным будет объяснение, намеки на которое давал и сам Владимир Ильич раньше, когда ему легко было ясно выражать свои мысли, и которое так характерно было для этого человека. Он всегда считал, что врачи не должны и не имеют права уделять одному больному слишком много времени, в течение которого можно принести пользу многим. Убедившись же с течением времени в неизлечимости своей болезни, он и совсем стал считать, что время, проводимое у него такими выдающимися врачами, бесплодно и преступно отнимать у других, имеющих возможность испытать больше и продуктивности от усилий врачей. Стоило так раз решить,

чтобы при той впечатлительности и раздражительности, которые неизбежно должны были явиться при продолжительной нервной болезни, лишаящей самостоятельности, чтобы в конце концов наступило что-то вроде неприязни по отношению к лечащим врачам. Отрицательного отношения к науке, даже медицине, я не допускаю у такого великого человека, который, конечно, не мог говорить словами отчаявшегося в жизни Манфреда: «Знание есть скорбь»¹. Владимир Ильич везде и всюду подчеркивал, что древо знания есть древо жизни² и наоборот.

Приехал я поздно вечером. Владимир Ильич сейчас же попросил меня к себе. Физически он выглядел очень хорошо. Что касается опасения, как он встретит врача, то сразу стало ясно, что он очень доволен приездом глазного врача. Исследовать было трудно, так как трудно было Владимиру Ильичу словами давать ответы на то, что я у него требовал, но исследование шло весело, живо и явно к взаимному удовольствию. В глазах Владимира Ильича я снова ничего не нашел и высказал предположение, что утренний инцидент был, вероятно, выражением легкого головокружения и прилива к голове. События последующего дня показали справедливость этого предположения. Выйдя от Владимира Ильича, я расположился в другой комнате, с его близкими. И теперь Владимир Ильич остался верен себе. Он дважды, опираясь на студента, приходил в столовую, где мы сидели, с очевидным намерением проверить, достаточно ли хорошо обо мне позаботились.

Дорогие товарищи! К Владимиру Ильичу, как политической фигуре, может быть разное отношение. Одни, ждавшие этой революции и видящие хорошее будущее человечества только в коммунизме, уже давно сделали Владимира Ильича первым из бессмертных, другие, неспособные еще сознательно решать мировые вопросы, быть может, слепо поклоняются ему, третьи же, не верящие в революцию и считающие социализм несвоевременным и, может быть, совсем утопичным, отдавая должное огромному уму, искренности и честности Владимира Ильича, вероятно, отнесутся к нему отрицательно, но все, кто лично с ним соприкасался, независимо от своих политических убеждений, признают в нем человека огромного ума, колоссальной энергии и величайшей душевной красоты.

Когда я был гимназистом, мне было задано сочинение на отвлеченную тему, кого мы называем истинно хорошим человеком. Я был поставлен в тяжелое положение. Перечислить те качества, которые дают человеку право называться хорошим,— это все равно, что сухо написать 10 заповедей. Хотелось дать пример. Литературные примеры — все надуманны. Приводить в пример Христа? Но в мои гимназические времена очеловечить Христа было слишком рискованно. Да, трудно было мне тогда написать хорошее со-

¹ Имеются в виду слова героя одноименной драматической поэмы Байрона «Манфред» (1817). *Ред.*

² Имеются в виду часто цитируемые В. И. Лениным слова Мефистофеля из трагедии И. В. Гёте «Фауст»: «Теория, мой друг, сера, но зелено вечное дерево жизни». (См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 92—93; Т. 25. С. 398 и др.). *Ред.*

чинение. Но если бы мне теперь задали такую работу, я исполнил бы ее очень легко и просто. Я только описал бы жизнь Владимира Ильича и набросал несколькими штрихами его интеллектуальную и моральную фигуру.

Я очень счастлив, что на склоне моей жизни, когда уже приходится подписывать последние счета, я встретил такого человека. Эта встреча не может остаться без влияния на мою последующую жизнь. Впрочем, познакомившись близко с верхушками коммунизма, я уже давно убедился, что все враждебно к ним настроенные и даже политически индифферентные люди совсем неправильно себе их рисуют.

*О Ленине. Сборник воспоминаний
под ред. Н. Л. Мещерякова.
М., 1924. Кн. I. С. 162—173*

Н. Н. ПРИОРОВ

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Каждое утро, входя в свой рабочий кабинет, я вижу фотографию: Владимир Ильич Ленин в простом плетеном кресле сидит среди деревьев.

Владимир Ильич не любил фотографироваться, и фотокорреспондентам приходилось идти на различные уловки, чтобы запечатлеть его образ. Возможно, и этот снимок сделан издали или откуда-нибудь сбоку. Во всяком случае, фотография не очень удачна — расплывчата, слишком темна. Но мне она говорит о многом. Взгляну на нее и вспоминаю живого Ильича, сидящего вот так, под деревьями горьковского парка, вижу его характерный выпуклый лоб, приветливую улыбку...

Да, мне выпало в жизни счастье несколько раз встречаться с Лениным.

В двадцатые годы я работал в хирургическом отделении Боткинской, или, как ее тогда называли, Солдатенковской, больницы. Заведовал отделением весьма опытный и знающий хирург Владимир Николаевич Розанов.

Владимир Николаевич принимал участие в лечении Ленина после ранения. Рана Владимира Ильича была серьезной — одна пуля перебила левое плечо, другая, пройдя шею слева направо, пронзила верхушку левого легкого и засела около правого грудино-ключичного сочленения.

Помню, в какой огромной тревоге был Розанов в первые дни после этого несчастья. Состояние Ильича оставалось угрожающим: громадное внутреннее кровоизлияние сместило сердце вправо, пульс едва прощупывался.

Но Розанов рассказывал, что и в эти тяжелые минуты Ленин сохранял бодрость и изумительную выдержку. Он терпеливо переносил болезненные осмотры, просил окружающих не беспокоиться.

Все мы очень опасались возможных при таком ранении осложнений. Но, к счастью, выздоровление пошло очень гладко. Как

только Владимир Ильич почувствовал себя лучше, удержать его в постели стало трудным делом. И Розанов рассказывал, что теперь «приходилось быть благодарными переломанной руке», так как ее взяли на вытяжение, и больному волей-неволей приходилось лежать...

Но, наконец, было решено отменить постельный режим с тем, что для быстреего срастания перелома Владимиру Ильичу будет сделан на руку ортопедический аппарат.

Я принимал участие в изготовлении этого аппарата. Сколько стараний приложили наши мастера, чтобы сделать аппарат безукоризненно, как можно более легким и удобным! Ведь он должен был помочь нашему любимому Ильичу скорее выздороветь.

Но вот отпала необходимость и в этой мере. Розанов рассказывал, что во время последней консультации Владимир Ильич сердечно поблагодарил врачей и просил обращаться к нему, если что-нибудь понадобится.

Заботу Владимира Ильича очень скоро почувствовал весь коллектив Солдатенковской больницы. Время было трудное, голодное. Нам очень хотелось получить для огорода землю вблизи больницы, но бесконечные хлопоты по этому поводу так и не принесли успеха. Наконец, Розанов решился от имени сотрудников нашей и Октябрьской больниц обратиться к Ленину. И вот буквально в течение нескольких дней вопрос был решен.

Но Владимир Ильич не ограничился исполнением нашей просьбы. Он помогал нам доставать семена, часто звонил, присылал коротенькие записочки — спрашивал, как идут дела, не нужно ли чего. В этом еще и еще раз сказалась огромная чуткость Ленина, его совершенно непостижимое умение ничего и никого не забывать.

Ленин несколько раз бывал в Солдатенковской больнице — навещал лежавших у нас больных товарищей. И эти посещения тоже обставлялись со всей присущей ему деликатностью. Владимир Ильич спрашивал у заведующего отделением, в какие часы лучше приехать, сколько можно побыть у больного, и никогда не нарушал установленного режима.

В 1922 году Владимир Ильич начал страдать головными болями. Было высказано предположение, что пули, которые не были извлечены после ранения, могут вызывать отравление организма свинцом. Врачи пришли к решению извлечь одну пулю, поиски другой, застрявшей в области левого плеча, были затруднительны.

И вот утром 23 апреля Владимир Ильич приехал в Солдатенковскую больницу. Помню, его ждали к 12 часам, и он не опоздал ни на минуту. У нас уже все было готово. Заполнили историю болезни, подали Ленину халат. Кто-то из персонала хотел было помочь ему раздеться, как это обычно делается в больнице, но Владимир Ильич отказался от всякой помощи. Нисколько, видимо, не волнуясь, лег он на операционный стол.

Мне было поручено следить за пульсом Ленина. С этой стороны все было в порядке. Операция шла благополучно. Испытывая боль, Ленин лишь чуть-чуть морщился.

После извлечения пули Владимира Ильича оставили на сутки в больнице для наблюдения. Он лежал в маленькой палате-изоляторе и все беспокоился, не стеснил ли он кого-либо, жалел, что отнял у врачей много времени.

И позже, когда доктор Розанов вместе с А. Д. Очкиным и операционной фельдшерницей К. М. Грешновой приезжали к Ленину делать перевязки, Владимир Ильич высказывал свое огорчение, что врачи теряют много времени, и порывался сам ездить на перевязки в больницу.

Очень внимательным было отношение Ленина к врачам. Однажды до него дошли сведения, что группа больных грубо оскорбила врача — это произошло в недавно созданном Институте травматологии и ортопедии. Владимир Ильич был крайне возмущен и потребовал от народного комиссара юстиции строго наказать этих людей.

Мы видели Ленина бодрым, полным энергии и жажды деятельности. Поэтому так ошеломляюще подействовала весть о его болезни.

Долгое время Владимир Ильич был прикован к постели. Но организм начал справляться и с этим очень тяжелым недугом. Постепенно Ленин начал ходить самостоятельно, опираясь на палочку, поднимался на второй этаж. Чем крепче он себя чувствовал, тем меньше хотел пользоваться посторонней помощью.

Летом 1923 года я часто бывал в Горках. По настоянию врачей Владимир Ильич много времени проводил на воздухе, в парке. Нередко мы заставляли рядом с ним детей. Он очень любил ребят и как-то умел завоевать их доверие. Малыши не боялись, не стеснялись его — видимо, чувствовали большое, доброе сердце Ильича.

Несколько раз целой группой мы отправлялись собирать грибы. Владимир Ильич был на этот счет настоящим мастером и от души смеялся над нами, когда случалось нам, задумавшись, пройти мимо какого-нибудь боровика или подосиновика...

Вообще мы, врачи, как и все, кто попадал в Горки, встречали здесь очень ласковый, радушный прием.

Несколько раз вместе со мной приезжал мастер-ортопед: он делал больному Владимиру Ильичу обувь, в которой ему было бы легче ходить. И его Ленин встречал со своей неизменной приветливостью. Владимир Ильич не позволял, чтобы нас отпускали без обеда, без чая. А когда мы уезжали, нам подносили большие букеты цветов. Это было в Горках неизменной традицией.

Помню, как-то я и еще несколько врачей отправились в Горки, но, едва выехав за город, увидели идущую навстречу машину. Оказалось, что Владимир Ильич решил побывать в Москве, хотя ему и не советовали много двигаться.

Мы поехали вместе. Машины въехали в Кремль. Владимир Ильич прошел в свой кабинет, сел за стол, обвел взглядом книжные шкафы... Чувствовалось, как сильно тоскует он по работе, как не хватает ему привычной кипучей деятельности.

Бережно храню я в памяти все детали, все подробности встреч с Лениным. И хоть много лет прошло с тех пор, впечатления эти не меркнут, не тускнеют. Они связаны с величайшим человеком нашей эпохи.

*Здоровье. 1960.
№ 4. С. 5—6*

И. А. ПЯТНИЦКИЙ

У ИЛЬИЧА ВО ВРЕМЯ ЕГО БОЛЕЗНИ

В конце октября 1923 года я был в Горках у Владимира Ильича. Как-то в субботу мне позвонила Мария Ильинична, что в воскресенье можно будет поехать к Ильичу.

С нетерпением я ждал, когда придет машина за мной. Когда она пришла наконец, в ней уже находился Иван Иванович Скворцов (Степанов), который тоже направлялся к Ильичу.

Вместе мы заехали к Анне Ильиничне и доктору Вейсброду, после чего направились в Горки.

В огромном парке-лесе стояла старая усадьба с двухэтажным домом, обставленным старой мебелью. По стенам были развешаны старинные портреты, очевидно, предков последних хозяев усадьбы Горки, и старинная живопись.

С нетерпением я ожидал момента, когда можно будет пойти наверх к Владимиру Ильичу. Наконец, меня и тов. Скворцова позвали наверх. Мы вошли в просторную, плохо освещенную комнату, где находились тов. Анна и Мария Ульяновы.

Сейчас же, как мы вошли, в дверях показался Владимир Ильич, который направился к нам твердым шагом, опираясь на палку левой рукой. За ним вошла в комнату Надежда Константиновна.

Ильич поздоровался с нами очень тепло левой рукой и своей улыбкой, которой он всегда встречал старых друзей и знакомых.

В заграничной белогвардейской печати и среди обывателей распространились слухи, что Ильич сильно исхудал, не понимает, что вокруг него происходит и что он совершенно не похож на прежнего Ильича.

Когда я увидел Ильича, я был поражен: я увидел прежнее лицо Ильича, его умные, прекрасные глаза. Выражение его глаз, улыбка, которая играла на его лице, были такие же, какие я видел десятки и сотни раз на протяжении двадцати лет, когда мне приходилось бывать у Ильича по партийным делам.

Не очень было заметно вначале и то, что Ильич не владел речью. Ильич обыкновенно мало говорил, когда он кого-либо принимал у себя. Он заставлял говорить товарища, который приходил к нему. Слушая рассказы товарищей, он обыкновенно реагировал замечаниями и вопросами. Товарищи, которые хорошо знали Ильича, видели его отношение к вопросу, о котором шла речь, по выражению лица Ильича, по вниманию, которое он уделял этому вопросу,

слушая товарищей. То же самое было, когда я и тов. Скворцов были у него.

Тов. Скворцов стал рассказывать Ильичу о ходе выборов в Московский Совет. Он невнимательно слушал. Во время рассказа тов. Скворцова он одним глазом смотрел на рассказчика, а другим просматривал заглавия книг, лежавших на столе, вокруг которого мы сидели. Но когда тов. Скворцов стал перечислять те поправки к наказу МК, которые вносились рабочими фабрик и заводов, — об освещении слободок, где живут рабочие и городская беднота, о продлении трамвайных линий к предместьям, где живут рабочие и крестьяне, о закрытии пивных и прочее, Ильич стал слушать внимательно и своим единственным словом, которым он хорошо владел, — «вот-вот» стал делать замечания во время рассказа, с такими интонациями, что нам вполне стало ясно и понятно, так же, как это бывало раньше, до болезни Ильича, что поправки к наказу деловые, правильные и что нужно принять все меры, чтобы их осуществить.

После тов. Скворцова я не без волнения стал рассказывать Ильичу о моей работе в Исполкоме Коминтерна и о положении нескольких секций КИ. Я рассказывал ему о процессе тов. Бордига в Италии, о положении КП Италии; сообщил Ильичу о предстоящей выборной кампании в Англии и что КП Британии будет поддерживать — за исключением нескольких округов, где будут выставлены самостоятельные кандидаты, — Британскую Рабочую Партию.

Он слушал все мои сообщения не очень внимательно. Но когда я перешел к Германии и сообщил о распаде социал-демократии, об ужасном экономическом положении немецких рабочих, о колоссальной безработице и нищете нескольких миллионов рабочих и работниц, о массовом выходе рабочих из профсоюзов, о роли фабзавкомов, росте и влиянии КП Германии на рабочих Германии — Ильич оживился и слушал очень внимательно. Во время моего рассказа о Германии он не отводил глаз от меня. Движением головы и своим «вот-вот» он выразил свой живейший интерес к событиям в Германии.

Я забыл, что я нахожусь у больного Ильича и что его нельзя волновать. Мне казалось, что я нахожусь в его рабочем кабинете и он выслушивает рассказ о положении германского рабочего класса и выражением своего лица, своими замечаниями и своим вниманием дает понять своему собеседнику, что он — Ильич — очень заинтересовался сообщаемым.

Надежда Константиновна спросила меня, как в ИККИ относятся к Леви и левым с.-д., которые выступали тогда как организованная группа внутри германской с.-д. партии.

Когда я ответил, что левых с.-д. рассматривают как еще худших изменников рабочему классу, чем правых с.-д., ибо они сеют иллюзии среди рабочих своими левыми фразами, на самом же деле они проводят с.-д. политику против рабочего класса, Владимир Ильич своим единственным словом, которым он владел, «вот-вот»,

ясно и определенно сказал, что так именно нужно рассматривать левых с.-д. и что он давно предсказывал роль этих иуд — Леви и К⁰.

Мы ушли от Владимира Ильича в полной уверенности, что скоро Ильич вернется к работе.

Возвращаясь обратно из Горок, мы еще говорили между собой, что, когда Ильич вернется к работе, надо будет настоять, чтобы он не так много работал, как до болезни.

Через три месяца новый удар отобрал у нас, у Советского Союза и всемирного пролетариата, величайшего вождя рабочих — угнетенных масс.

*О Ленине. Сборник воспоминаний.
Л., 1925. Т. I. С. 145—147*

В. А. РУКАВИШНИКОВ

ПОСЛЕДНИЙ ГОД ИЛЬИЧА

Из записок фельдшера

...Масса сомнений встала перед той ответственностью, которая на меня возлагалась: мне казалось, что я не справлюсь, не сумею подойти. Такое состояние у меня было до самого прихода в Кремль, на квартиру Ильича, а на месте оказалось все просто. Надежда Константиновна как-то сразу сняла все сомнения, она расспросила, кто я, откуда... Так же просто она представила меня Ильичу, сказав, подойдя к его кровати: «Вот этот товарищ будет ухаживать за тобой». Владимир Ильич испытующе посмотрел на меня и протянул левую руку...

Надежда Константиновна и Мария Ильинична окружили Ильича тем уходом, лучше которого не может быть. Они следили за каждым его движением и делали все это для того, чтобы облегчить этот тяжелый период его жизни. Между ними существовало своеобразное разделение труда. Надежда Константиновна все время проводила непосредственно около Ильича — читала книги, газеты, а Мария Ильинична была организатором ухода, сношений с внешним миром, с врачами и ухаживающим персоналом. Заботилась о лекарствах, дежурствах. Все было в ее руках, и все ей беспрекословно подчинялось...

Когда состояние Ильича стало несколько лучше, в начале мая встал вопрос о необходимости перевезти Владимира Ильича из кремлевской квартиры за город... Решено было перевезти Ленина в Горки.

Переезд повлиял благотворно на состояние Ильича. Он начинает все более и более крепнуть физически. По моему впечатлению, даже создает план, по которому должно идти его выздоровление. Первое, на что он обращает свое внимание, это беспомощность. Он замечает, что около него слишком много людей, и все потому, что он — больной лежачий. Вот если встать... Он обращает внимание на

ногу, делает попытки двигать ею. Ему запрещают, но он настаивает, а настоять умеет, на то он — Ильич.

Я хорошо помню его первые попытки встать около кровати: вот он привстал, постоял и опять ложится... В последующие дни он делает попытки шагать, увеличивает число шагов. Далее он усложняет, прибавляет и придумывает другие упражнения для мышц. Из комнаты на террасу — две ступеньки, он и их использует для упражнения. И так с каждым днем становится крепче и независимее. В конце июля решают, что сестер можно отпустить. С ногой дело, кажется, налаживается. Теперь все его внимание переносится на речь...

1 августа, гуляя с Надеждой Константиновной в саду, Владимир Ильич стал что-то требовать, произнося звуки «а», «о» «и», «у». Это было требование изучать азбуку. С этих дней он упорнейшим образом начинает учиться речи. Тут нам всем приходилось думать только о том, как отвлечь его чем-нибудь от напряженной работы, иначе он способен заниматься целыми днями. За пять месяцев — с августа по январь — он сделал такие большие успехи, что все мы, находившиеся около него, верили в то, что летом 1924 года он уже будет свободно говорить.

Почти одновременно с занятиями Владимир Ильич начал читать газеты. Началось это с журнала «Прожектор», который Ильич взял со стола и внимательно просмотрел, а 8 августа потребовал газеты. После долгих сомнений, совещаний профессоров... разрешили дать газеты...

Однажды он, указывая на газеты Надежде Константиновне, начал что-то объяснять. Она не поняла, позвала Марию Ильиничну. Ильич терпеливо жестами пояснял нам свое желание: согнул ладонь так, что между большим и указательным пальцами оставалось сантиметра два. Ходил по комнате и пытался подыскать подходящий предмет, который мог бы объяснить нам, что ему требовалось. Он показал на книгу — на одну, на другую.

Нами предполагались различные решения, но неверные, потому что Владимир Ильич вначале смеялся потом досадливо отмахивался и потом совсем махнул на нас рукой. Но предмет был ему, видимо, необходим, и он три дня пытался дать нам понять, что ему нужно. Я предположил, что все это связано с газетами, и на следующий день сделал подборку за месяц. Радостный возглас: «Вот, вот, вот!» Спрашиваю (мелькнула мысль), может, надо сброшюровать в комплект? «Вот, вот, вот!» — подтвердил Владимир Ильич. Доволен, что поняли наконец. Мария Ильинична — радостная, восклицает: «Ну, Володенька, это я сейчас сделаю!»

Нам приходилось с трудом, под разными предлогами отрывать его от занятий, чтобы он не переутомлялся. Самым излюбленным предлогом для этого были прогулки по парку, поиск грибов. Ильич обладал острым зрением, часто раньше всех видел грибы, указывал нам, частенько посмеивался над нашей слепотой и особенно над Надеждой Константиновной, которая в связи с близорукостью очень часто пропускала грибы. Через некоторое время эти занятия ему надоели, но он всегда охотно принимал в этих прогулках участие,

видя, что они приносят радость Надежде Константиновне и окружающим. Это было ясно из нескольких случаев: Надежду Константиновну вызывали к телефону во время прогулки, и ей приходилось отлучаться. Он переставал искать грибы и становился равнодушным к этому занятию. Возвращалась Надежда Константиновна — и снова смех и активные поиски. Это трогательное внимание Ильича к окружающим и особенно к Надежде Константиновне можно было наблюдать часто. Однажды я был невольным свидетелем и такого: Ильич сидит с Надеждой Константиновной. Она читает, он внимательно слушает. Иногда требует перечитать то или другое место. Настроение, кажется, у обоих прекрасное. Но вот она вышла. Ильич уселся, закрыв несколько лицо рукой, облокотившись на стол в задумчивой позе... И вдруг из-под руки катятся слезы... Чу, шорох. Шаги. Кто-то идет. Ильич выпрямился. Смахнул слезы. Взялся за книжку, как будто ничего не было...

Владимир Ильич несколько раз высказывал желание поехать в Москву, в Кремль. Но мы, окружавшие его, боясь длительного пути, боясь волнения, которое вызовет вид Кремля, Совнаркома и других мест, под разными предлогами отклоняли эти поездки. Ильич не настаивал.

Но однажды случилось иначе: Владимир Ильич и Надежда Константиновна гуляли в саду, когда К. Зорька, которого я сменил (позднее к Рукавишникову для дежурства у больного Владимира Ильича присоединились студенты-медики Казимир Зорька-Римша и Николай Попов. — *Ред.*), зашел прощаться перед отъездом: «Еду в Москву, до свидания, Владимир Ильич». Прощается с Надеждой Константиновной и со мной. Ушел. Владимир Ильич рассчитал, что теперь наверно машина есть, и решил поехать в Москву. Направляется во двор, где находится гараж.

Во дворе стоит открытая машина, которая ждет Зорьку — он обедает. Владимир Ильич направляется к ней. Мария Ильинична, обращаясь ко мне, говорит: «Владимир Александрович, крикните Рябову (шоферу), чтобы вывел крытую машину». Кричу. Машина выведена. Ильич торжествующе садится и терпеливо ждет, посмеиваясь над сборами растерявшихся Надежды Константиновны и Марии Ильиничны. Ну, вот все готовы. Поехали. Мария Ильинична шепчет мне на ухо: «Скажите Рябову, чтобы он свернул на дорогу, по которой ездим в лес за грибами». Сказал. Повернули. Момент для этого маневра был очень удобный: Владимир Ильич оглянулся назад, на идущую с К. Зорькой машину, и сразу не заметил поворота. Но не проехали мы и 10 сажен, как наше плутовство было открыто. Властный жест — остановить. Владимир Ильич указывает направление... Улыбается, несколько волнуется, тормозит меня и указывает на шофера: «Велите ехать скорее». Его веселый вид заражает постепенно и Надежду Константиновну и Марию Ильиничну, которые сначала были очень взволнованы этой поездкой.

Действительно — Кремль, Москва, Совнарком — есть чему волноваться. Для Ильича это не развлечение. Но Ильич весел, Ильич доволен, и постепенно все мы начинаем улыбаться и шутить: «Влади-

мир Ильич, а ведь к нам в Горки гости едут...» Ильич смотрит на меня вопросительно. «Владимир Николаевич Розанов едет. Скоро, вероятно, встретимся. Вот будет удивлен!» Мария Ильинична шутливо говорит: «Володя, тебя в Кремль не пустят, у тебя пропуска нет». В ответ — взрыв смеха.

Верстах в 14-ти от Москвы открывается прекрасный вид. Владимир Ильич в восторге. Он буквально не может усидеть на месте и требует скорее ехать. Версты через три встречается Розанов. Увидев Владимира Ильича, он опешил, растерянно спрашивает: «Куда вы направляетесь?» Объяснили — в Москву. Глаза Ильича искрятся от удовольствия. Приглашает Розанова пересесть в наш автомобиль. Поездка продолжается.

Вот Кремль. Часовой осматривает пропуска у нас, а Ильич сидит, откинувшись в угол автомобиля. Еле заметная улыбка мелькает на его лице — пропуска нет. Часовой наклоняется ближе, чтобы рассмотреть пассажира, не показавшего пропуск. Увидел и отпрянул. Вытянулся в струнку, руку под козырек, и на лице все чувства: удивления, восхищения, почтительности. Проезд свободен.

По приезде Владимир Ильич отдохнул, сидя в кресле, осмотрел подробно квартиру, заглянул в книжные шкафы... На другой день после обеда вторично направился в свой кабинет, но на сей раз не удовлетворился его осмотром, а повернул в дверь, ведущую из его кабинета в зал заседаний Совнаркома. Зал был пуст: ввиду приезда Владимира Ильича заседания были отменены. Ильич покачал головой. Мне кажется, что он рассчитывал увидеть здесь многих из своих товарищей.

После набега на Совнарком отправился гулять по Кремлю. Маленький эпизод, который на меня произвел очень сильное впечатление. Ильич едет в машине. Из-за угла вывертывается взвод красноармейцев. Вот они поравнялись с Ильичем. Взводный: «Равнение направо!» Красноармейцы оборачиваются к Ильичу. Взводный, подтянувшись, отдает честь... Это была последняя поездка Владимира Ильича в Москву. Прощальная поездка...

В зимнее время мы устраивали прогулки в саночках, как это только стало возможным. Ездили в таком порядке: Владимир Ильич с Петром Петровичем¹ на первых санях, на следующих Надежда Константиновна со мной или Зорькой. Иногда ездила и Мария Ильинична. В дальнейшем на эти прогулки стали, по требованию Ильича, брать ружье для охоты. Из этих прогулок Мария Ильинична и Надежда Константиновна были «изгнаны»: Владимир Ильич указывал на них рукой... предостерегающим и отрицательным жестом. Я в этом усматривал желание Ильича быть самостоятельным, освободиться от постоянной опеки...

Вся страна верила: произойдет чудо, и Ленин вернется в Совнарком. Но болезнь брала свое...

20 января в 6 часов 30 минут я сменил Н. Попова и получил от него сведения обо всем, что происходило в его дежурство. Он ска-

¹ П. П. Пакалн. *Ред.*

зал кратко, что обозначились какие-то неопределенные симптомы, беспокоившие его: Владимир Ильич был слабее обычного, был вял и жаловался на глаза — как будто по временам плохо видел. Из Москвы вызвали профессора Авербаха для осмотра зрения Владимира Ильича.

Попов уехал в Москву, я остался. Владимир Ильич сидел в это время у себя в комнате с Надеждой Константиновной, и она читала вслух газету... В 7 часов 45 минут Мария Ильинична сказала мне, что ужин готов и что можно звать Владимира Ильича. За ужином Владимир Ильич почти ничего не ел.

Около 9 часов приехал профессор Авербах. Владимир Ильич, встречавшийся с ним раньше, приветствовал его любезным жестом. Профессор Авербах установил, что зрение прекрасно, что изменений со стороны дна глаза не имеется и что острота зрения та же, что была и прежде.

В 11 часов Владимир Ильич лег спать, и через 15 минут я слышал его ровное дыхание. Спал Владимир Ильич очень спокойно, и думалось, что все обойдется благополучно.

Утро 21-го. В 7 часов, как всегда, поднялась Надежда Константиновна. Спросила, как прошла ночь, прислушалась к дыханию Ильича и сказала: «Ну все, по-видимому, хорошо, выпится, и слабость вечерняя пройдет». Около 8 часов подали кофе.

9 часов. Ильич еще спит. У меня и Надежды Константиновны все наготове для того, чтобы дать Ильичу умыться, когда он проснется. Я жду обычного зова, часто заглядываю в комнату, потому что настороженность не улетучилась: Ильич все спит.

Около 10 часов — шорох. Владимир Ильич просыпается. «Что, Владимир Ильич, будете вставать?» Ответ неопределенный. Вижу, что сон его ничуть не подкрепил и что он значительно слабее, нежели был вчера. Сообщил об этом профессорам Ферстеру и Осипову. Тем временем Владимиру Ильичу принесли кофе, и он выпил его в постели. Выпил, несколько оживился, но вставать не стал и скоро опять уснул.

Профессор Ферстер и я не отходили от дверей спальни. Тут же были и Надежда Константиновна, и Мария Ильинична. Все настрожены, но Ильич спит спокойно, так спокойно, так хорошо, что опять пробивается уверенность, что Ильич проснется освеженным и все пойдет по-хорошему. Так хотелось, так думалось, но не так было на самом деле.

В 2 часа 30 минут Ильич проснулся, еще более утомленный, еще более слабый. К нему зашел профессор Осипов, посмотрел пульс и нашел, что это слабость, ничего угрожающего нет.

Мария Ильинична принесла обед. Ильич выпил в постели чашку бульона и полстакана кофе. Принятая пища не оживила Ильича, и он становился все слабее и слабее. Профессор Осипов и профессор Ферстер непосредственно наблюдали за ним.

Около 6 часов у Владимира Ильича начался припадок, судороги сводили все тело. Профессор Ферстер и профессор Осипов не отходили ни на минуту, следили за деятельностью сердца и пульса,

а я держал компресс на голове Владимира Ильича. В 6 часов 35 минут я заметил, что температура вдруг поднялась. Я сказал об этом профессору Осипову, и сейчас же поставили термометр.

Без 13 минут 7 я вынул термометр и был ошеломлен — 42,3°. Профессор Осипов и профессор Ферстер сразу даже не поверили этому и сказали, что это ошибка. Но это не было ошибкой — через 3 минуты Владимира Ильича не стало.

*Социалистическая индустрия.
1989. № 89. 16 апреля*

В. П. ОСИПОВ

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА УЛЬЯНОВА-ЛЕНИНА ¹

(По личным воспоминаниям)

Многоуважаемые товарищи, мне уже не в первый раз приходится рассказывать о болезни покойного Владимира Ильича Ульянова-Ленина, сопровождая это некоторыми личными воспоминаниями из этого периода. Каждый раз я при этом испытываю чувство значительного волнения, вполне понятного и объяснимого. Вы имеете полное представление о том, что это был за человек, как он значительно выделялся из окружающей его массы людей, насколько он был сильной личностью, заставлявшей считаться с собой не только всю Россию, не только Европу, но и весь мир. И, конечно, когда приходится рассказывать о нем мне, наблюдавшему в качестве врача его болезнь, близко находившемуся к нему в течение длинного ряда месяцев, присутствовавшему при его кончине, невольно чувство волнения овладевает мною, — чувство волнения, которое получается при кончине кого бы то ни было, а тем более в связи с кончиной такой исключительной личности, какой является Владимир Ильич Ленин, — человек, который начал когда-то свою политическую работу с так называемого подполья при царском режиме, который испытывал тяжелую ссылку, значительная часть жизни которого прошла в эмиграции, который на своих плечах провел такую революцию, как наша, русская, став во главе ее, став во главе правительства. Я не буду касаться его значения как политического деятеля, это не входит в мою задачу, да я бы и не сумел этого сделать достаточно полно. Я коснусь его личности, как больного, как человека, с которым мне пришлось встречаться. И это имеет существенное значение, так как каждая черта, каждый лишний штрих имеет значение для всестороннего освещения этого исключительного человека.

Начну с описания его болезни. Я лично познакомился с Владимиром Ильичем в качестве врача в первых числах мая 1923 года и затем почти все время был у него, за исключением очень коротких

---

¹ Из лекции, читанной 14 марта 1924 г. в доме Просвещения им. Плеханова. *Ред.*

промежутков. Вся болезнь его может быть разделена на 3 больших периода. Начало первого из них относится к марту 1922 года, второго — к декабрю 22 года и третьего — к марту 23 года. Это деление болезни на 3 периода показывает, что она не текла, непрерывно нарастая, а шла скачками, давая промежутки, во время которых больной оправлялся, чувствовал себя относительно хорошо, а потом она обострялась, процесс развивался дальше, болезнь двигалась вперед. Болезнь, которая была у Владимира Ильича, обыкновенно не начинается внезапно, и нужно допустить, что перед началом заболевания, которое относится к марту 1922 года, был некоторый подготовительный период времени, когда она еще не принимала таких размеров, которые бы привлекали внимание окружающих и к которым сам больной отнесся бы с известной серьезностью. Поэтому точно установить, с какого именно момента Владимир Ильич заболел, — трудно, но что болезнь началась раньше марта 1922 года — на это есть некоторые доказательства. По крайней мере, люди, близко к нему стоявшие, говорили, что временами Владимир Ильич жаловался на небольшое недомогание, а иногда были и более серьезные признаки, заставлявшие задумываться. Владимир Ильич был страстным охотником, и вот один из тех, кто ездил с ним на охоту, рассказывал, что он иногда на охоте присаживался на пень, начинал растирать правую ногу и на вопрос, что с ним, говорил: «Нога устала, отсидел».

Владимир Ильич был человеком исключительной воли, который ставил свои идейные задачи выше всего и шел к ним неуклонно, жертвуя личными интересами и своим здоровьем, так что вполне понятно, что если он что-нибудь и замечал, то не обращал на это должного внимания и даже скрывал кое-что от окружающих. Но с марта 1922 года начались такие явления, которые привлекли внимание окружающих... Выразились они в том, что у него появились частые припадки, заключающиеся в кратковременной потере сознания с онемением правой стороны тела. Это были мимолетные явления: онемевает правая рука, затем движение восстановится. Во время таких припадков начала расстраиваться речь, то есть после припадка наблюдалось, что в течение нескольких минут он не мог свободно выражать свои мысли. Эти припадки повторялись часто, до 2 раз в неделю, но не были слишком продолжительными — от 20 минут до 2 часов, но не свыше 2 часов. Иногда припадки захватывали его на ходу, и были случаи, что он падал, а затем припадок проходил, через некоторое время восстанавливалась речь, и он продолжал свою деятельность. В этом периоде болезни и были приглашены русские и заграничные профессора, под наблюдением которых Владимир Ильич находился в течение дальнейшего времени. В начале болезни, еще до марта, его иногда навещали отдельные врачи, но признаков тяжелого органического поражения мозга в то время не было обнаружено, и болезненные явления объясняли сильным переутомлением, так как Владимир Ильич, признавая для всех 6- и 8-часовой рабочий день, для себя не признавал срока работы и иногда работал сутки почти напролет. Тогда ему был предписан отдых и

выезд из Москвы в деревенскую обстановку. Он переехал в усадьбу Горки (по имени деревни, которая там находится, по Каширскому тракту, в 35 верстах от Москвы), там очень хороший удобный дом, в котором он поселился, отдыхал и лечился. Лечение пошло настолько успешно, что к августу Владимир Ильич был здоров настолько, что уже желал приступить к работе. Припадки прекратились, прошли также тяжелые головные боли, но тем не менее ему не было разрешено приступить к занятиям, и только в октябре ему позволили снова вернуться к работе, но с большими ограничениями, в смысле времени. В это время здоровье его было настолько удовлетворительным, что он, не придерживаясь строго предписаний врачей, выступал с большими речами. Насколько он тогда владел речью, видно из того, что в большом заседании Коминтерна он произнес речь на немецком языке, которая продолжалась 1 час 20 минут. Так продолжалось до декабря, после чего наступает новое ухудшение в состоянии его здоровья. Оно выразилось в развитии паралича правой стороны тела. Речь тогда не пострадала, парализованы были правые рука и нога. Через некоторое время паралич уступил лечению, движения улучшились, но полного восстановления движений уже не получилось. Правые рука и нога были в полупарализованном состоянии. Понемногу оправившись, он даже начал работать, но домашним образом, то есть писал статьи, — не сам писал, правая рука у него была в параличе, — но диктуя их стенографистке и секретарше. К февралю 1923 года относятся его последние политические статьи.

С марта наступает третий период заболевания, который выражается в тяжелом параличе правых конечностей и в резком поражении речи. Владимир Ильич должен был слечь в постель: в его распоряжении находилось всего несколько слов, которыми он пользовался; и, не имея возможности выражать свои желания, он должен был прибегать к помощи этих нескольких слов и жестов; речи окружающих он также не мог полностью усваивать. Первый раз я увидел Владимира Ильича в мае 1923 года совместно с другими профессорами. Положение его тогда было настолько тяжело, что возникал вопрос о том, как долго может протянуться болезнь. Нельзя было утверждать, что его состояние улучшится и что он снова оправится. Но крепкая натура больного, заботливый уход и лечебные мероприятия все-таки сделали свое дело. Владимир Ильич начал оправляться настолько, что около 20-х чисел мая оказалось возможным из кремлевской квартиры опять перевезти его в Горки, где рассчитывали на действие хорошего воздуха, покоя и лечения. Он был перевезен со всеми мерами предосторожности в автомобиле, шины которого, для устранения тряски, были насыпаны песком. Перевозка производилась медленно и произошла вполне благополучно. В Горках началось постепенное оправление, и к концу мая он чувствовал себя уже настолько хорошо, что начал интересоваться восстановлением речи.

Вы понимаете, какое несчастье для такого человека, каким был Владимир Ильич, лишиться способности выражать свои мысли. В та-

ких случаях прибегают к особым упражнениям речи, которые ведутся специалистами этого дела. Тогда же был приглашен из Ленинграда врач, специалист по части речевых упражнений, которого Владимир Ильич встретил радостно и очень заинтересовался этими упражнениями. Они велись регулярно почти в течение месяца и имели успех. К этому времени Владимир Ильич прекрасно мог понимать речь окружающих и даже мог сам повторять слова. Но около 22 июня начинается новое и последнее обострение болезни, которое продолжалось около месяца. У него было в то время состояние возбуждения, были иногда галлюцинации, он страдал бессонницей, лишился аппетита, ему трудно было спокойно лежать в постели, болела голова, и он только тогда несколько успокаивался, когда его в кресле возили по комнате. Это тяжелое состояние продолжалось около месяца.

Во второй половине июля обострение затихло, здоровье снова начало улучшаться, и уже скоро Владимир Ильич мог выезжать в парк около дома, в котором он жил; восстановился сон, улучшился аппетит, он пополнил, чувствовал себя бодрым, появилось хорошее настроение и, конечно, первое, чем он заинтересовался,— это снова речевые упражнения.

Уход за ним был безукоризненный. Все хозяйственные заботы лежали на его сестре, Марии Ильиничне Ульяновой, а весь уход, так сказать, духовный приняла на себя Надежда Константиновна Крупская, его жена. Эти две женщины жертвовали для него всеми личными интересами и окружали его всевозможными удобствами. Только вот какая разница получилась в смысле речевых упражнений: до этого обострения речевые упражнения производил врач, а здесь Владимир Ильич выразил жестами определенное желание, чтобы речевые упражнения вела Надежда Константиновна. Он, видимо, не хотел, чтобы этот его речевой недостаток видели другие, это было ему неприятно. Надежда Константиновна опытный педагог, но для этих занятий нужно иметь специальные знания. Поэтому мы каждый вечер собирались и давали ей определенную инструкцию, и таким образом под нашим руководством она проводила эти занятия, протекавшие весьма успешно.

Общее улучшение здоровья Владимира Ильича привело к тому, что он начал самостоятельно подниматься по лестнице и сходить с нее. В доме два этажа, и из первого этажа во второй вела внутренняя лестница в два с половиной марша, и Владимир Ильич, придерживаясь за перила левой рукой, самостоятельно поднимался и спускался с нее. Паралич правой руки совершенно не поддавался лечению. Затем понемногу перешли к упражнениям в хождении с палкой. Больной довольно быстро освоился с этим и, будучи раньше в состоянии ходить по комнате только опираясь левой рукой на кого-нибудь другого, начал выполнять это самостоятельно, опираясь на палку.

В отношении речи, понимание речи окружающих восстановилось вполне и настолько хорошо, что он заинтересовался содержанием газет; ему прочитывались газеты, передовицы, телеграммы и

другие сведения, его интересовавшие; затем, будучи сам газетным работником, он разбирался в содержании газеты; раскрывая газету, он знал, где передовица, где телеграммы, и сразу указывал пальцем, чем он интересуется. Иногда в газетах бывали волнующие статьи, содержание которых Надежда Константиновна избегала ему передавать. Заинтересовавшись каким-нибудь местом, он требовал повторения, а кое-что мог прочитывать сам. Понимание цифр у него сохранилось, и в связи с этим и по рисунку газеты он прекрасно отличал старые газеты от новых. Что же касается произвольной речи, то она была задета сильнее всего; он был в состоянии пользоваться только несколькими словами, но повторять слова он мог, почему в эту сторону и были направлены упражнения, чтобы посредством многократного повторения слов восстановить самостоятельную речь. Сначала дело шло туго. Владимир Ильич мог повторять только односложные слова, а затем стали удаваться двухсложные и даже многосложные; сначала записывали слова, которые он мог повторить, но потом перестали, потому что цифра записанных слов превысила полторы тысячи, и стало ясно, что если он может сказать полторы тысячи слов, то он сможет повторить две, три тысячи и больше.

Начала постепенно восстанавливаться также и способность чтения, которая была утрачена вместе с речью в период обострения болезни в марте 1923 года.

Он мог уже различать буквы и прочитывать некоторые слова; ему показывали для этого рисунки, и при взгляде на них он мог называть изображенные на них предметы и даже произносил фразы. Обыкновенно показывали рисунок с подписью, а затем без подписи, и он называл изображенный на рисунке предмет; он находил также самостоятельно соответствующие изображенному предмету словесные обозначения среди других написанных слов. Были начаты упражнения в письме левой рукой, что, особенно в данном случае, является значительной трудностью, но Владимиру Ильичу удалось осилить это препятствие, и он мог недурно писать левой рукой — писал буквы и слова, и уже хорошо копировал слова.

У вас возникает теперь вопрос, что это за болезнь, которая дает возможность, парализуя правую сторону, понимать то, что говорят, лишает возможности читать, лишает возможности говорить самостоятельно, в то же время сохраняя возможность повторять произносимые слова.

В нашем головном мозгу, как вы знаете, для речи, точно так же, как и для движений наших членов, существуют определенные участки, центры, области; в частности, речевые центры находятся в левом полушарии головного мозга, причем, как вам известно, каждое полушарие головного мозга заведует функциями противоположной половины тела.

Развитие паралича конечностей шло у Владимира Ильича соответственно областям расположения двигательных центров в коре головного мозга; на поражение коры указывало и нарушение речи.

Значит, мы должны заключить, что у Владимира Ильича име-

лось поражение двигательной области левого полушария головного мозга, причем поражение обширное, так как центры ноги и руки занимают две верхние трети передней центральной извилины; но этим дело не ограничивается, так как было еще поражение речи. Когда мы говорим, мы производим известные движения языком, щеками, небом и т. д. Эти речевые движения зависят от работы заднего отдела третьей лобной извилины: если он цел — вы можете говорить вслух, если этот участок разрушен — человек не может произносить слов. Вначале Владимир Ильич не мог произносить слов, потом научился. Очевидно, участок этот был несколько затронут, но до известной степени восстановился; следовательно, мы должны к пораженной области присоединить часть и этого участка. Дальше, от целостности височной области зависит понимание речи; если височная область будет разрушена, то вы будете слышать звуки, но не будете их понимать, то есть узнавать, оценивать их значение. Владимир Ильич не вполне понимал речь вначале, значит, частичное поражение височной области было, но в общем она была в удовлетворительном состоянии. Владимир Ильич мог повторять слова, то есть когда ему их произносили, то он их понимал и передавал на двигательные центры, ведающие речевыми движениями. Но в то же время он не мог самостоятельно говорить. Что это обозначает? Центр цел, но что-то неладное происходит: мыслит человек, думает, когда он что-нибудь хочет, он делает рукой жест, если его мысль угадали — он доволен, мысли его текут, а произнести слов не может. Значит, от той области, где возникают словесные впечатления и сохраняется память слов, проводники (идущие в виде пучков, которые можно сравнить с электрическими проводами) к другим речевым центрам прерваны, и вот получается, что из центра восприятия слов к двигательному речевому аппарату есть сообщение, а с областью запаса слов, которые держатся в памяти, сообщение прервано. Дальше: человек не может прочесть. Для чтения тоже существуют особые центры, поражение которых лишает человека возможности понимать читаемое. Он видит глазами, но прочесть не может. В этом центре, непосредственно прилегающем к заднему отделу первой височной извилины, тоже было поражение. Также определялось поражение на внутренней стороне левого полушария, — следовательно, поражение левого полушария было весьма обширным, а кроме того, были определенные указания, которые говорили за то, что в правом полушарии тоже должны быть небольшие гнезда поражения.

Болезнь постепенно отходила. Но около половины октября появились некоторые угрожающие симптомы, которые заставляли сильно задумываться. В то время Владимир Ильич настолько хорошо себя чувствовал, что иногда подолгу проводил время на воздухе: пользуясь хорошей погодой, он выезжал в автомобиле кататься в лес; брали с собой кресло и в нем возили больного по лужайкам; он дышал воздухом, отдыхал и возвращался домой. С половины октября начались легкие припадки в виде кратковременной потери сознания, которая продолжалась 15—20 секунд. Сначала они были

редкими, раз в три-четыре недели, потом участились, причем был один припадок, который сопровождался судорогами. Это являлось указанием на то, что в коре мозга временно возникало состояние раздражения, которое бывает при этой болезни. 20 января Владимир Ильич испытывал общее недомогание, у него был плохой аппетит, вялое настроение, не было охоты заниматься; он был уложен в постель, была предписана легкая диета. Он показывал на свои глаза, очевидно, испытывая неприятное ощущение в глазах. Тогда из Москвы был приглашен глазной врач проф. Авербах, который исследовал его глаза. Исследование глаз имеет очень важное значение при болезнях мозга. Глаз тесно связан с мозгом, и застойные явления или недостаток крови в мозгу тотчас же выражаются изменением наполнения кровью глазного дна. Проф. Авербаха больной встретил очень приветливо и был доволен тем, что, когда исследовалось его зрение при помощи стенных таблиц, он мог самостоятельно называть вслух буквы, что доставляло ему большое удовольствие. Проф. Авербах самым тщательным образом исследовал состояние глазного дна и ничего болезненного там не обнаружил.

На следующий день это состояние вялости продолжалось, больной оставался в постели. Около 4 часов мы с проф. Ферстером (немецкий профессор из Бреславля, который был приглашен еще в марте 1922 года) пошли к Владимиру Ильичу посмотреть, в каком он состоянии. Мы навещали его утром, днем и вечером, по мере надобности. Выяснилось, что у больного появился аппетит, он захотел поест; разрешено было дать ему бульон. В 6 часов недомогание усилилось, утратилось сознание, и появились судорожные движения в руках и ногах, особенно в правой стороне. Правые конечности были напряжены до того, что нельзя было согнуть ногу в колене, судороги были также и в левой стороне тела. Этот припадок сопровождался резким учащением дыхания и сердечной деятельности. Число дыханий поднялось до 36, а число сердечных сокращений достигло 120—130 в минуту, и появился один очень угрожающий симптом, который заключается в нарушении правильности дыхательного ритма (тип чейн-стокса); это мозговой тип дыхания, очень опасный, почти всегда указывающий на приближение рокового конца. Конечно, морфий, камфора и все, что могло понадобиться, было приготовлено. Через некоторое время дыхание выровнялось, число дыханий понизилось до 26, а пульс до 90 и был хорошего наполнения. В это время мы измерили температуру — термометр показал 42,3° — непрерывное судорожное состояние привело к такому резкому повышению температуры; ртуть поднялась настолько, что дальше в термометре не было места. Судорожное состояние начало ослабевать, и мы уже начали питать некоторую надежду, что припадок закончится благополучно, но ровно в 6 часов 50 минут вдруг наступил резкий прилив крови к лицу, лицо покраснело до багрового цвета, затем последовал глубокий вздох и моментальная смерть. Было применено искусственное дыхание, которое продолжалось 25 минут, но оно ни к каким положительным результатам

не привело. Смерть наступила от паралича дыхания и сердца, центры которых находятся в продолговатом мозгу.

На следующий день было произведено бальзамирование тела Владимира Ильича. Бальзамирование производится введением в кровеносную систему, через аорту, дезинфицирующей жидкости, которая состоит из спирта, формалина и некоторых примесей.

Произведенное вслед за бальзамированием вскрытие обнаружило распространенное заболевание сосудов тела, именно артерий. Оно заключалось в развитии атеросклероза.

С возрастом развивается процесс отложения извести в стенках сосудов, которые утрачивают от этого свою эластичность. Но в пожилом возрасте это бывает в легкой степени, сильный склероз развивается уже в старческие годы, а Владимиру Ильичу было всего 53 года, следовательно, этот склероз был у него преждевременным, болезненным, и резко всего он оказался выраженным в сосудах головного мозга. Склероз сосудов выражается не только в том, что стенки плотнеют, он также уменьшает просвет сосудов, и, следовательно, кровь в меньшем количестве притекает к участкам тела. От отложения извести появляются шероховатости на внутренней гладкой поверхности сосудов, а раз там появляются шероховатости,— происходит свертывание крови, образуются свертки, и просвет сосуда суживается. Явления склероза сосудов были особенно резко выражены в мозгу. Одним из самых важных сосудов, питающих мозговые полушария, является артерия Сильвиевой ямки, и вот представьте себе, что закупоривается просвет артерии на уровне ее общего ствола,— тогда все, что питается этой артерией, страдает, начинается явление размягчения мозга; но склероз может захватывать отдельные веточки, тогда будут выпадать из работы отдельные участки мозга. У Владимира Ильича мы должны представить обширную закупорку ветвей, питающих участки, которые были у него поражены. Вскрытие показало, что в этой области была большая киста, то есть пузырь, наполненный жидкостью. Когда размягчается соответственный участок мозга, то погибающая нервная ткань заполняется соединительной, а то, что не заполняется ею, заполняется жидкостью. Поверхность кисты образуется оболочкой, которой покрыт весь мозг. Другие участки оказались просто размягченными.

Выяснилось, что питание правого полушария тоже было недостаточным. Общий ствол левой сонной артерии был до того закупорен, что можно было в просвет его пропустить только щетину. Через такой суженный просвет сосуда шла кровь для этого полушария. Артерия основания мозга, которая дает ветви для питания продолговатого мозга, оказалась тоже закупоренной настолько, что оставался просвет лишь с толщину булавки. Когда у Владимира Ильича развился тяжелый припадок, продолжавшийся 50 минут, сопровождавшийся сильным приливом крови к голове, то наступил момент, когда кровь не могла продвинуться дальше, питание продолговатого мозга прекратилось, и работа его выпала. Это и был момент паралича дыхания и сердца, вызвавшего смерть.

Естественно, возникает вопрос: почему у человека 53 лет, че-

ловека очень умеренной жизни, который не пил и не курил, развивается такой болезненный процесс. Ответ на этот вопрос мы находим в наследственности Владимира Ильича. Его отец умер как раз 53 лет тоже от склероза мозговых сосудов. Мать его, которая умерла значительно позже, под 70 лет, умерла тоже от склероза, но в этом возрасте склероз не удивителен. Наследственное предрасположение отразилось на сыне, у которого развился преждевременный склероз. В связи с этой предрасполагающей причиной целый ряд моментов, которые были в жизни покойного, обострили его болезненное расположение и способствовали развитию склероза; сюда относится усиленная и напряженная мозговая деятельность. А если вы вспомните различного рода потрясения и жизнь Владимира Ильича в сибирской ссылке, тяжелую революцию, во главе которой он стоял и которую вынес на своих плечах, то вы легко представите себе, сколько потрясающих моментов было у этого человека; сколько было чрезмерной, напряженной работы, которая способствовала усилению наследственного склероза. Вот как и чем объясняется его болезнь.

Мозг и сердце Владимира Ильича были переданы в музей имени Ленина на Дмитровке в Москве. Если будете в Москве, то я советую посетить этот музей. Там собрано все, касающееся Владимира Ильича, начиная с рождения и кончая смертью. Там имеются его детские портреты, рукописи, палатка, котелок — вещи, которые были в его распоряжении, когда он скрывался от властей в Финляндии, — одним словом все, что можно было собрать. Туда поступил и его мозг. Вес мозга оказался 1340 граммов, но это вес не полный, так как часть мозга была уничтожена болезнью; он ниже нормы. Средний вес человеческого мозга 1300—1400 граммов. Если себе представить здоровый мозг Владимира Ильича, то, принимая во внимание его сложение, в нем было, вероятно, около 1400 граммов, то есть несколько выше среднего. Здоровые отделы мозга были развиты очень хорошо, что указывает на мощный мозг. И вообще при той степени поражения, которая была, нужно удивляться, как его мозг работал в этом состоянии, и надо полагать, что другой больной на его месте уже давно был бы не таким, каким был Владимир Ильич во время своей тяжелой болезни.

Теперь я поделюсь с вами некоторыми впечатлениями от этого замечательного человека. Вы все много слышали о нем, читали и представляете себе, какая это выдающаяся личность; с политической стороны, как уже было сказано, я его характеризовать не буду, а коснусь некоторых черт, с которыми мне пришлось познакомиться во время его болезни. Надо сказать, что история болезни Владимира Ильича велась чрезвычайно тщательно. Она составила обширный том в 400 страниц. Там прослежено все заболевание не только по неделям, но по дням и даже по часам до мелких подробностей включительно. Насколько это был исключительно крупный политический и общественный деятель в жизни, настолько же он оказался необычайно терпеливым, необычайно крупным духовно человеком и в болезни, здраво и трезво смотревшим на свое болез-

ненное состояние. Уже в начале болезни, когда тяжесть заболевания, может быть, еще не вполне отчетливо сознавалась некоторыми, он смотрел на свое будущее скептически, по крайней мере на утешения, которые ему подавали врачи, говоря, что все пройдет, вы поправитесь, он безнадежно махал рукой и говорил: «Нет, я чувствую, что это очень серьезно и вряд ли поправимо»; и убедился в этом, по-видимому, прочно, когда парализовалась рука. Он был очень внимателен к каждому, кто приходил к нему с помощью, и всегда до мелочей заботился о тех лицах, которым приходилось с ним соприкасаться. На свое болезненное состояние он продолжал смотреть скептически и в дальнейшем. Например, в то время, когда летом в Горках наступило улучшение, когда он начал ходить по лестнице, я говорил ему: «Владимир Ильич, посмотрите, ваше здоровье улучшается, вы ходите, гуляете, ездите кататься». Видимо, это было ему приятно, нельзя было оспаривать фактов; он улыбался в ответ и махал рукой, как бы говоря: «Непрочно это», так как было уже 2 периода обострения болезни.

В смысле лечебных мероприятий, относясь внимательно к тому, что предписывали врачи, он больше ценил видимые, реальные меры. Он очень охотно подвергался массажу, очень охотно принимал ручные и общие ванны. Дело в том, что у него была контрактура парализованной руки (сгибательное положение), а теплые ванны ослабляли эту контрактуру и болезненность. Но разные внутренние средства он принимал менее охотно, не рассчитывая на то, что они принесут пользу.

Он и в болезни был радушным хозяином, приветливо встречающим навещавших его лиц. Правда, частые посещения Владимира Ильича избегались, потому что излишние волнения, тревога и беспокойство могли принести вред его здоровью. Но когда такие посещения бывали — он оживлялся, принимал участие в беседе, знаками указывая, что его интересует, и очень заботливо относился к тем, кто приходил. Если кто-нибудь приезжал из Москвы — он показывал знаками, чтобы его накормили, напоили чаем и т. д. Я, например, помню один случай, который развеселил окружающих: несколько санитаров дежурили около него с начала болезни и до конца; это были студенты-медики Московского университета, и среди них один молодой врач. Однажды он приезжает из Москвы; это было днем. Обыкновенно между 4 и 5 часами пили чай. Владимир Ильич сидит в столовой вместе с Надеждой Константиновной. Я часто заходил к ним в эти часы... И вот приезжает молодой санитар. На столе чай, самовар и больше ничего. Владимир Ильич начинает обнаруживать беспокойство, что-то показывает, его не понимают. Санитар подходит и спрашивает: «Может быть, вас повезти в кресле?» Владимир Ильич кивает утвердительно. Садится в кресло, санитар его везет. Владимир Ильич знаками показывает, куда его везти; проезжает коридор, приемную комнату и подъезжает к буфету; показывает на его содержимое, заставляет вынуть все и принести на стол. Владимир Ильич становится веселым, оживленным, поддразнивает Надежду Константиновну за ее недогадливость и угощает всех присутствующих.

Чрезвычайно упорно, до мелочей аккуратно он занимался речевыми и письменными упражнениями.

К Надежде Константиновне Владимир Ильич относился удивительно любовно и внимательно до последних дней. Она жертвовала для него всем. День проводился таким образом: утром, после прогулки, они занимались, около часу был обед, затем час на отдых. В это время Надежда Константиновна подготавливала материал для занятий с Владимиром Ильичем, от 2 до 3 часов. По ночам она спала тоже очень мало и подготавливала материал для следующего дня.

Владимир Ильич твердо знал, что Надежда Константиновна после обеда должна отдыхать в своей комнате; она же, шутя, говорила: «Это время — так называемое я сплю». Как-то приходим мы к Владимиру Ильичу, желая устроить ему ручную ванну. Владимир Ильич указывает осторожно на соседнюю дверь — Надежда Константиновна спит, шуметь нельзя... Приносят воду, наливают в сосуд, приходится двигаться по комнате, и все время Владимир Ильич следит, чтобы не было шума, все время улыбается и грозит пальцем, и когда все это было сделано без шума, он был доволен и благодарил нас. Помню, как-то утром, в сырой день он сидит на террасе. Входит Надежда Константиновна. Он смотрит, есть ли на ней галоши, и когда видит, что нет, то сейчас же отсылает ее обратно.

В своем жизненном обиходе он был очень прост. По своему расположению, его квартира в Кремле была неважная, было мало света и воздуха... В Горках дом был великолепный, и здесь, пока он был тяжело болен и не мог распоряжаться собой, он лежал в большой комнате; но когда он оправился, то выбрал небольшую комнату в два окна и там жил до самой смерти. Он был необычайно скромен в своих потребностях, начиная от костюма и кончая едой. Каждое лишнее блюдо, которое ему готовили, иногда ввиду диетических соображений, встречал отрицательно и никаких индивидуальных забот о себе не любил. И диета, которую ему назначали, вызывала в нем отрицательное отношение, — исключением быть в этом отношении он не любил, признавая порядок, заведенный для всех.

Два роскошных, комфортабельных кресла, привезенных для него из Англии друзьями, стояли без употребления, и Владимир Ильич был, видимо, очень доволен, когда одно из этих кресел облюбовал себе большой белый... кот. Температура в его комнате поддерживалась в 12°R^1 , — более высокой температуры Владимир Ильич не любил.

Несколько слов об отношении к окружающим, к населению, к крестьянам. Когда Владимир Ильич выезжал на прогулку, он очень приветливо раскланивался со всеми, и нельзя не отметить, что население относилось к нему необыкновенно тепло и приветливо. Например, я не забуду такого случая: в Горках производились большие мелиоративные работы, улучшалась малярийная местность, прорывали дренажные каналы, и работало много землекопов из

---

¹ Измерение температуры по шкале Реомюра ($^{\circ}\text{R}$) соотносится со шкалой Цельсия ($^{\circ}\text{C}$) по формуле $0,8n^{\circ}\text{R} = n^{\circ}\text{C}$, т. е. 12°R соответствует 15°C . *Ред.*

Калужской губернии. Как-то вечером Владимир Ильич поехал кататься с Марией Ильиничной в автомобиле на Каширский тракт. Я пошел пройтись. Спускаюсь с горы и вижу: навстречу едет автомобиль — Владимир Ильич возвращается обратно. В это время пересекают дорогу два крестьянина: один пожилой, другой молодой. Когда автомобиль поравнялся со мной, я раскланялся с сидевшими в нем, а автомобиль замедлил ход, потому что был как раз подъем в гору. В это время вижу, крестьяне остановились, молодой впился глазами во внутренность автомобиля, стоит и смотрит. Только что автомобиль прошел, он обращается ко мне, в голосе надежда и страх разочарования: «Скажите, это Ильич?» Я говорю: «Да, Ильич». Он просиял весь: «Ну, слава богу. В Москве бывал, видел разных, а никогда его не привелось видеть; счастлив теперь, что увидел его». И действительно, была искренняя радость в лице этого человека, и неподдельный страх, когда он боялся, что я отвечу: «Нет». Он думал, что он увидел Ильича, и вдруг бы его догадка оказалась неверной.

Простота его жизни была чрезвычайной, а отношение к окружающим в высшей степени любовное. Если человек живет в описанном болезненном состоянии, то вы можете себе представить, как это мучительно. Часто появлялась мысль о том, как развлечь больного. Ведь, если его оставить со своими мыслями, то они направляются на волнующие вопросы — на политику, на мысль о болезни. Он героически переносил свою болезнь, настроение бывало хорошим, но временами он задумывался. Подойдете и видите, что он не с вами, где-то витает, не обращая внимания на окружающих; в эти моменты иногда вдруг на глазах Владимира Ильича появлялись слезы. Человеку было нелегко. Старались придумывать что-нибудь, привезли небольшой кинематограф из Москвы, показывали разные фильмы, но его, конечно, интересовали только фильмы, касающиеся фабричного быта, организации фабричной жизни и крестьянской. Но если показывали фильмы веселого содержания, он не смотрел на них.

На рождество была устроена елка для местных детей. Их собралось порядочно, дети играли, бегали, шумели. Владимир Ильич принимал очень живое участие в этом, сидя тут же. Возник вопрос, не утомился ли он, не мешают ли ему шум и беготня детей, но он показал, чтобы оставили детей в покое. Опять здесь видна забота о других и меньше всего о себе. До каких мелочей доходила у него заботливость о людях и внимание к ним, видно из следующего примера. Приехал к нему один старый товарищ. Владимир Ильич был очень доволен, очень оживленно беседовал с ним; потом выяснилось, что тот захватил с собой маленькую дочку. Тогда Владимир Ильич выискивает маленькие кукольные туфельки, — надо сказать, что ему присылали различные кустарные изделия, — и вот он вспомнил о них, отыскал и передал для маленькой девочки.

Когда пришел трагический конец Владимира Ильича, то весть об этом тотчас же разнеслась, и дом, в котором жил Ленин, наполнился людьми. Круглые сутки ходило окрестное население поклониться телу покойного. Когда тело перевозили из Горок в Москву, то вся дорога до станции (версты $2\frac{1}{2}$) была одной сплошной процессией.

Я уже не говорю о Москве, вы все читали об этом. Когда тело Владимира Ильича уже увезли из Горок — началось длительное паломничество из окрестностей: люди шли посмотреть дом, в котором он жил; комнату, в которой он умер. То, что происходило в Москве, вы знаете. Я только укажу на одно: в Колонном зале, где было выставлено тело, сплошной вереницей шли люди круглые сутки, а дефилирующая делегация мимо гроба, который был выставлен на Красной площади, проходила, по-видимому, больше суток.

Несколько времени тому назад, будучи в Москве, я посетил Мавзолей Ленина — покойный лежит и выглядит так, как если бы он умер накануне.

Вот как окончилась жизнь этого замечательного человека. Его болезнь — это была величайшая трагедия, очень тяжелая трагедия. Это был человек необыкновенного ума, ума аналитического, который мог разбираться не только в окружающих, но и в самом себе. Я сказал, как он относился к своей болезни: он понимал ее тяжесть. И вы представляете себе положение такого человека, который всего достигал своей упорной деятельностью, своим словом, которое все ценили на вес золота — его партийные товарищи, члены правительства, для которых слово Ленина было законом, — и вдруг этот человек лишился способности говорить. И ведь это продолжалось не неделю, не две, а много месяцев — с марта 1922 года, в течение 11 месяцев продолжалось такое состояние, — глубокая трагедия, которую он переносил с поразительным спокойствием, с поразительным терпением. Это был человек исключительного внутреннего достоинства и человек титанического ума. Недаром его идеи так широко распространились, недаром его сочинениями так интересуются, читают, толкуют, в них стараются найти указания на дальнейшее. И этого человека не стало. Но я думаю, что мы имеем полное основание сказать: «Умер Владимир Ильич Ульянов, но остался жить Ленин», имя и личность которого переходят в историю.

*Наша искра. 1925. № 1 (13).
Январь. С. 9—23*

Н. А. СЕМАШКО

ЧТО ДАЛО ВСКРЫТИЕ ТЕЛА ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

Посмертное вскрытие всегда является экзаменом для лечащих врачей. Все клиницисты обыкновенно побаиваются вскрытия, которое обнаруживает въявь то, что раньше только предполагалось; патологоанатома обыкновенно называют судьей, «суперарбитром» клиницистов.

Вскрытие тела Владимира Ильича подтвердило в точности те предположения, которые делали врачи при жизни, разве только с одной поправкой: болезненный процесс пошел гораздо дальше, чем предполагалось раньше.

Основой болезни Владимира Ильича считали затвердение стенок сосудов (артериосклероз). Вскрытие подтвердило, что это была основная причина болезни и смерти Владимира Ильича. Основная артерия, которая питает примерно $\frac{3}{4}$ всего мозга — «внутренняя сонная артерия» (*art carotis interna*), при самом входе в череп оказалась настолько затверделой, что стенки ее при поперечном перерезе не спадались, значительно закрывали просвет, а в некоторых местах настолько были пропитаны известью, что пинцетом ударили по ним, как по кости.

Если уже основная артерия, при самом своем выходе в череп, так изменилась, то становится понятным, каково было питание всего мозга и каково было состояние других мозговых артерий, ее веточек: они тоже были поражены, одни больше, другие меньше. Например, отдельные веточки артерий, питающие особенно важные центры движения, речи, в левом полушарии оказались настолько измененными, что представляли собою не трубочки, а шнурки: стенки настолько утолстились, что закрыли совсем просвет. Перебирали каждую артерию, которую клиницисты предполагали измененной, и находили ее или совсем непроникавшей кровь, или едва пропускавшей.

На всем левом полушарии мозга оказались кисты, то есть размягченные участки мозга; закупоренные сосуды не доставляли к этим участкам крови, питание их нарушалось, происходило размягчение и распадение мозговой ткани.

Такая же киста констатирована была и в правом полушарии.

Склероз обнаружен был и в некоторых других органах: в нисходящей части аорты, на клапанах сердца, отчасти в печени; но степень развития склероза этих органов не могла идти ни в какое сравнение с развитием склероза в артериях мозга; в мозгу он пошел гораздо дальше, вплоть до обызвествления сосудов.

Отчего получился этот склероз?

Прежде всего почва для него подготовила наследственность: отец Владимира Ильича погиб тоже от склероза и примерно в возрасте Владимира Ильича; мать, хотя и дожила до глубокой старости, но тоже болела склерозом. Таким образом, почва для заболевания (ибо склонность к склерозу передается по наследству) была подготовлена.

Но гораздо большую роль сыграли не наследственные, а «приобретенные» причины: склероз поразил прежде всего мозг, то есть тот орган, который выполнял самую напряженную работу за всю жизнь Владимира Ильича; болезнь поражает обыкновенно «наиболее уязвимое место» (*locus minoris resistentiae*), таким «уязвимым» местом у Владимира Ильича был головной мозг: он постоянно был в напряженной работе, он систематически переутомлялся, вся напряженная деятельность и все волнения ударили прежде всего по мозгу.

Самый характер склероза определен в протоколе вскрытия как «Abnützungssklerose», то есть склероз изнашивания, отработки, использования сосудов.

Этим констатированием протокол кладет конец всем предположениям (да и болтовне), которые делались при жизни Владимира Ильича у нас и за границей относительно характера заболевания. Характер артериосклероза теперь ясен и запечатлен в протоколе: «Abnützungssklerose».

Отсюда же понятна и безуспешность лечения: никто не может восстановить эластичности стенки сосудов, особенно если она дошла уже до степени обызвествления, до каменного состояния; не пять и не десять лет, очевидно, этим болел Владимир Ильич, не обращая должного внимания в начале болезни, когда ее легче было задержать, если не устранить. И когда артерии, одна за другой, отказывались работать, превращаясь в шнурки, нельзя было ничего поделать — они «отработались», «износились», «использовались», пертерпели Abnützung. *С такими сосудами мозга жить нельзя.* И все клиницисты во время вскрытия удивлялись лишь силе интеллекта Владимира Ильича, который мог с такими поражениями мозга, с западающим левым полушарием, читать газеты, интересоваться событиями, организовывать охоту и т. д. «Другие пациенты,— говорили врачи,— с такими поражениями мозга бывают совершенно неспособны ни к какой умственной работе».

Кровоизлияние в «четверохолмие», которое послужило ближайшей причиной смерти, является, таким образом, не больше как каплей, переполнившей расстройство кровообращения в головном мозгу, толчком, нарушившим и без того неустойчивое равновесие. Кровяное напряжение в мозгу достигло крайней степени, и излившаяся из лопнувшего (опять-таки вследствие перерождения стенок) сосуда кровь привела к непосредственному смертельному исходу.

Таким образом, вскрытие тела Владимира Ильича констатировало «Abnützungssklerose» как основную причину болезни и смерти; оно показало, что нечеловеческая умственная работа, жизнь в постоянных волнениях и непрерывном беспокойстве привели нашего вождя к преждевременной смерти.

*Вождь железной когорты.
Памяти Ильича-Ленина.
Воспоминания, статьи, стихотворения. М.;
Ростов-на-Дону, 1924. С. 6—7*

Н. Ф. МЕЛЬНИКОВ-РАЗВЕДЕНКОВ

О МЕХАНИЗМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ АНАТОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ МОЗГА В. И. ЛЕНИНА

День 21 января 1924 года будет отмечен в истории, как бесконечно печальный день, в который трудящиеся мира потеряли в лице В. И. Ленина вождя и друга, творца и вдохновителя первой на земном шаре советской революции, потеряли самоотверженного борца за интересы пролетариата. Теперь, когда наступила физическая смерть В. И. Ленина, выдающегося ученого и мыслителя, мы, его

современники и участники в советском строительстве, считаем долгом почтить память защитника обездоленных изучением найденных при вскрытии его тела изменений в мозге и сделаем это на основании новейших данных науки, которую В. И. Ленин ценил и ставил высоко.

Для изучения мы сосредоточим внимание на выяснении происхождения перерождения в сосудах его мозга с точки зрения физической коллоидальной химии, с одной стороны, корреляции, соотношения внутренней секреции и вегетативной нервной системы, с другой стороны.

Не отрицая наследственного предрасположения к артериосклерозу у Ленина, отец и мать которого страдали этим недугом, — мы ограничимся истолкованием влияния и связи паратипических, приобретенных особенностей жизни и деятельности В. И. Ленина на различие склероза артерий в том самом мозгу, где зарождались беспримерные в истории человечества гениальные мысли, и откуда исходили потрясшие весь мир волевые импульсы. Как предполагают наблюдавшие Ленина врачи, при аутопсии был найден первичный склероз сосудов, так называемый склероз от изнашивания, вызвавший вторично в мозгу размягчение и кровоизлияние. Остальные органы оказались в относительной исправности и могли бы еще послужить, если бы не глубокие изменения в сосудах мозга. Судя по данным вскрытия тела В. И. Ленина, ни о каком другом характере изменений сосудов не может быть и речи, кроме собственных перерождению их и склерозу, который развивается при преждевременном или старческом изнашивании их. Оно-то и повело к тому, что в момент вскрытия мозг предстал перед присутствовавшими на нем врачами в обезображенном виде с рубцами, извратившими очертания наиболее благородных в функциональном отношении извилин его.

Первичный склероз сосудов вызвал вторично в мозгу большие разрушения. Краса его — извилины запали; пострадало серое и белое вещество, окраска изменилась в оранжевую; образовались кисты и очаги размягчения. Дивно художественная картина строения мозга оказалась нарушенной болезненным процессом. Жуткое чувство охватывает, когда читаешь протокол с длинным перечислением в нем изменений почти во всех долях обоих полушарий, преимущественно в левом, там, где заложены центры речи и иннервации правой половины тела. Разрушения в мозгу настолько обширны, что уму непостижимо, как можно было жить с ними. Интерес к изучению мозга Ленина нарастает при мысли, что это мозг гениального человека.

Обратимся к препарату и выслушаем скорбную повесть о том, как его мозг за полтора года из могучего постепенно дошел до состояния анатомического препарата 21 января 1924 года.

Послушаем, что говорит наука патологии о механизме происхождения изменений в мозгу В. И. Ленина.

«Закономерная деятельность, — говорит венский ученый Бауэр, — определенного физиологического механизма обеспечивается:

1) работой самого непосредственно работающего органа; 2) работой нервной системы; 3) регулирующей деятельностью эндокринного аппарата».

По Бауэру, в этом заключается принцип второго обеспечения, и только правильное представление и правильная оценка этого согласованного сотрудничества непосредственно работающего органа с нервной и гормональной регуляцией делают возможным понимание болезненного процесса в организме В. И. Ленина. Из трех упомянутых факторов у Ленина преобладал первый, автохтонная работа мозга: волевые импульсы (стальная воля) и гениальные мысли зарождались, выковывались в головном мозгу. Ленинская конституция была «церебральная», и мозг был у него развит чрезвычайно. Колоссальное напряжение ума, его феноменальная производительность сопровождалась чрезмерной выработкой мозговых гормонов, их перепроизводством. А повышенная до крайности деятельность мозговых клеток вызывала интенсивный обмен в них. Два других фактора: вегетативная нервная и гормональная системы не успевали за мозгом, отставали от него. От этого правильное отношение между ними, корреляция, нарушалось, и питание подсобной соединительной ткани страдало. Отработанных клеточно-мозговых шлаков накапливалось непропорционально много, и они засаривали соединительнотканную систему, предназначенную для питания мозга. Последняя является посредницей между мозговой клеткой и кровью. Основное ее вещество и волокна представляют коллоидное вещество, способное изменять диффузионно пропускные свойства, набухать, активировать поверхностное напряжение и, превращаясь в гель, подвергаться ожирению и обызвествлению. У Ленина в этом отношении дело далеко было от нормы. Его жизнь, полная забот, риска, труда, лишений, его многогранная деятельность, поставившая его на пьедестал мирового колосса, в ряд великих людей, потребовавшая сверхчеловеческого напряжения воли, ума и сердца, вся духовная жизнь вождя мирового пролетариата и выдающегося ученого-экономиста сосредоточилась на ограниченной территории головного мозга весом 1340 граммов. В нем умственная жизнь, энергия была могучим фонтаном и клокотала, как в горниле. Мозг Ленина работал иногда бурным порывом. Такая работа его, функциональная, должна была сопровождаться весьма живым обменом веществ, требовать усиленного притока питательного материала из крови, вызывать функциональную артериальную гиперемию и усиленную работу артерий. И наоборот. Продукты обратного метаморфоза, клеточные шлаки, скопившиеся в громадном количестве, отводились из мозговых клеток в лимфу через опять-таки соединительную ткань, имеющую коллоидальное строение. Функциональный апидоз был повышен, а клейдающие волокна, как известно, отличаются кислотообратительными свойствами.

При условии ленинской жизни «внеклеточное», коллоидальное вещество соединительной ткани медленно превращалось из мягкой, богатой водой сильно диспергированной молодой студени в твердый, бедный водой гель. Параллельно с этим менялись и физические и

химические свойства: плотность увеличивалась, эластичность уменьшалась, диффузионнопропускная способность падала, сопротивляемость щелочам повышалась. Измененная соединительная ткань представляла слабую коллоидальную защиту для насыщения известковых растворов, вследствие чего создавалось предрасположение к образованию осадков в стенках артерий и кальцинаций.

Такова в общих чертах рабочая гипотеза объяснения механизма происхождения перерождения артерий у В. И. Ленина так, как она нам представляется, соответственно его жизни и деятельности.

И действительно, равного Ленину еще не было. По образованию классик 80-х годов и юрист. Блестящие способности. В гимназии только по «логике» — 4, а остальные — 5. Золотая гимназическая медаль. И вот скромный симбирский гимназист В. И. Ульянов силой своего гениального мозга превращается в Ленина, мировую величину, мирового деятеля.

Не мирное и безболезненное житие, а бурная революционная деятельность влекла его к себе. Ученик гениального К. Маркса превзошел учителя осуществлением социальной революции. Отныне его имя сделалось популярным и в хижине индуса, и в юрте эскимоса, и в кибитке кочевника. Все это достигнуто им тяжким путем сверхчеловеческого напряжения воли и ума. Бессмертный дух Ленина воплотился в человеческом теле, правда, на редкость крепком и здоровом, но все же смертном. Между ними оказалось несоответствие: телесная оболочка не выдержала духовного напряжения. Мозг вышел победителем, но служебная, подсобная, соединительная ткань в нем оказалась несостоятельной, откуда липоидное перерождение, склероз, обызвествление, ломкость, сужение сосудов, — размягчение и кровоизлияние в мозг. Стройность, гармония, закономерность действия мозгового аппарата были нарушены в физическом отношении, принцип «тройного обеспечения» Бауэра не выдержал. Аутохтонная работа мозга задавила вегетативную и гормональную. Не выдержала соединительная ткань, работавшая до отказа, не выдержали артерии, орошавшие кровью мозг Ленина. Более всего пострадало левое полушарие с центром речи. И это станет понятным, если указать на манеру Ленина писать быстро, много, бурно, иногда ураганным темпом, в тюрьме, в ссылке, и все правой рукой: 20 томов, более 260 названий. И еще понятнее сделается, если вспомним его манеру думать и действовать: его кропотливый, молекулярный, гистологический, групповой метод статистики, с одной стороны, и, наоборот, его гигантские синтетические скачки, с другой стороны.

Теоретик и практик нашли в нем счастливое сочетание. Головокружительные полеты мысли сопровождались ленинским действием.

Его историческое предупреждающее «рано» и, наконец, командное «пора», за которым последовало стихийное движение Октябрьской революции. Его нечеловеческая прозорливость, дар предвидения, подкорковое сознание, интуиция — все это проецировалось, отражалось на коре мозга, от всего этого кровь усиленно прилиwała

к мозгу. А 10 дней, которые, по определению Дж. Рида, потрясли весь мир. Они-то чего стоили мозгу Ленина. Какой выдержки и напряжения они потребовали от него. Такие переживания не могли не отражаться на питании мозга, на его соединительной ткани. Хотя мозг титанически работал, но он не устал, выдержал. Подвели сосуды, их соединительная ткань, их перерождение. Они не выдержали. Откуда постепенное угасание мозговой ткани в течение последних полутора лет: размягчение, неполная регенерация кровоизлияния. Не мозговая ткань, а ее сосуды преждевременно изнашивались.

Можно ли было предвидеть катастрофу? Да, можно. Можно ли было ее предотвратить? Едва ли. Разве можно было остановить колесо истории и отстранить единственного рулевого, опытного кормчего, главного механика социальной революции. И если бы показать в то время В. И. Ленину его же мозг в том виде, в каком он был извлечен 22 января проф. А. И. Абрикосовым, то и после этого он не задумался бы остаться на своем посту мирового революционера.

Не для себя, а для миллионов трудящихся жил Ленин.

Свою же жизнь он ценил лишь постольку, поскольку она была полезна для борьбы с капиталом на благо пролетариата, для успешного исхода этой борьбы.

Ленин сознательно жертвовал жизнью для обиженных и униженных, шел туда, где горе слышалось, где тяжело дышалось. Он любил человека и отдал всего себя: свой талант, здоровье, силы на завоевание счастья народов всего мира. И нет больше той любви, как та, когда душу свою кладут за друзей, за товарищей. Ленин себя не щадил, не жалел, работал до переутомления, до отказа, если не мозга, то подсобной соединительной ткани в сосудах, и пал жертвой любви к ближнему, оставив нам много заветов. Один из них: наука и труд все перетрут, все победят и выведут нас к светлому будущему.

Для уточнения понимания анатомических изменений в мозгу Ленина, в связи с функцией его, напрашиваются параллели и сравнения.

Р. Вирхов, как и В. Ленин, принадлежат в настоящее время истории.

И Вирхов был революционером, был большевиком патологии. Он опрокинул учение о «соках» К. Рокитанского и воздвиг на его развалинах ослепительное, чудное здание целлюлярной патологии, созданной им лично заново. Вирхов был гениальным в своей области. И нет уголка в патологии, где бы не потрудился Вирхов. Однако, несмотря на колоссальную проделанную им работу, работу мозга, Вирхов дожил до 84 лет, то есть пережил Ленина ровно на 30 лет, в течение которых успел сделать еще очень много, обогатив науку. При сравнении Вирхова и Ленина выступает огромная разница в характере деятельности. Вирхов делал революцию пером и анатомическим скальпелем, в тиши кабинета с микроскопом в руках. А Ленин, мы все знаем, какую и как он делал революцию. Она-то и сократила его жизнь на 30 лет по сравнению с Р. Вирховым.

Этим мы заканчиваем наш краткий очерк изменений в мозгу Ленина.

В настоящую скорбную минуту мы, русские врачи, труженики науки, низко склонив головы над мозгом создателя Советской России с целью изучения его, не можем не испытать чувства восторженного удивления пред гением Ленина, воплощенным в этом, самом благородном органе бrenного человеческого тела.

*У великой могилы.
М., 1924. С. 581—582*

В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ

СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

(По личным воспоминаниям)

I

Вечером сильно нездоровилось. Пришлось лечь в постель. Тоскливо и тяжело. Опять болезнь. И болен не я один. Больны многие. Стала хворать старая гвардия. Утомились. Издерганы силы, слабеют нервы, надо лечиться, чтобы жить и работать,— ведь враг еще у ворот...

Неожиданно резкий звонок кремлевского коммутатора слышу в полузабытии. Кто-то вошел. Это дочь моя.

— Тебя Лев Борисович зовет к телефону.

Вскочил. Иду.

— В чем дело?

— Приходите к Зиновьеву на квартиру.

— Сейчас?

— Сейчас. Оденьтесь потеплей.

«Что такое?»

Быстро оделся.

Спешу почему-то.

Вошел.

Дзержинский, Сталин, Зиновьев, Каменев, Калинин — спокойны как всегда, сдержанны, почти не говорят, кто сидит, кто ходит. Разговоров не слышно.

Здороваясь.

— Подите-ка сюда, Владимир Дмитриевич,— отзывает меня Лев Борисович в соседнюю комнату.

Иду. Вскинул глубокие глаза, в упор посмотрел:

— Владимир Ильич скончался...

Что-то хлопнуло по голове, закружилось и застонало в сердце. Горло сжало клещами. Подступает что-то.

«Что это? Слезы?» — пронеслось в сознании.

«Коммунисты не плачут!» — отозвалось сердце.

— Да, да коммунисты не плачут. Сюда, все силы воли!.. Сюда, стальные тиски желаний!.. Сюда, вся крепость нервов, закаленных в борьбе!..

— Коммунисты не плачут!..

— Его уже нет... Он умер... умер... умер...

Вошло ко всем.

И все тихо. Говорят еле слышно... Ходят медленно, плавно, осторожно.

Задумались. Тишина.

— Надо ехать...

— Надо делать...

— Возьмите на себя организовать поездку. Составьте вопросы о том, что надо делать. Мы там обсудим... Вызовите кого нужно,— сказал мне тов. Сталин, побледневший, но твердый, неприступный, внешне спокойный.

Я написал ряд предложений. С ними согласились.

— Мы поедем на автосанях,— сказал Л. Б. Каменев,— я, Зиновьев, Сталин, Калинин, а вы все — экстренным поездом...

Вскрытие. Бальзамирование. Замораживание...

Да ведь он умер! Умер! Умер!

Вот тише и тише...

Остановились. Станция... Выходим. Лошади готовы. Кучера, выехавшие навстречу,— молчат. Все знают, зачем приехали,— но ни слова. Не едем, а летим. Белым саваном объятые деревни спят глубоким сном.

Они еще не знают, что того, кто жизнь свою готов был всегда отдать за благо их и счастье... его уже нет, он мертв.

Они еще не знают, что то сердце, которое страстно билось за счастье, за долю, за радость всех угнетенных,— остановилось, захолонуло и более уже не откликнется ни на их стоны, ни на их радостные клики, ни на их призывы к борьбе.

Его уже нет. Он мертв.

Они еще не знают, что наутро завтра, как только проснутся люди для нового труда, разнесется повсюду от края и до края всего мира печальная, разрывающая душу весть о кончине международного вождя рабочих, борца за угнетенных всего мира. Всюду и везде, все народы, на всех языках, вознесут ему хвалу и славу, и слезы, и честь, и рыдания...

Его уже нет. Он мертв.

И мы, живые, мчимся туда, к нему, скорей, скорей!.. Полями, еще и еще поворот, прекрасной аллеей, полной чарующей зимней прелести, на горку и... к дому, к парадному подъезду. Что это? Черно-красная перевязь уже увила колоннаду старинного дома, мешаясь с зеленью хвои, чьей-то заботливой рукой уже разбросанной, поставленной, увитой, здесь, кругом и всюду. Так осиротевшие хотят хоть чем-нибудь выразить свою тоску по отошедшему... Везде толпятся люди, бесцельно ходят, бродят, жмутся друг к другу и не хотят уйти, не хотят оставаться одни...

Автосани еще не приехали...

Мы разделись внизу в передней и медленно, робко и боязно стали подниматься вверх... Вот она лестница, по которой любил передвигаться Владимир Ильич во время своей болезни... Вот они вторые перильца, подстроенные под обыкновенными, дабы его парали-

зованная рука, плохо поднимавшаяся вверх, могла бы придерживать за них... Мы идем не торопясь, со ступеньки на ступеньку, все ближе и ближе туда, к нему, где только что он жил, где его уже нет в живых, где он уже мертв...

Входим в полусветлую комнату, озаренную огнями из прилегающих окон и дверей, и прямо встречаем Надежду Константиновну... Она спокойна, немного больше чем обыкновенно подвижна, она не плачет,— коммунисты не плачут! — но вся воплощенная скорбь... Невольно, от сердца к сердцу, рвется стремление выразить всю глупину бездонного горя... Какими словами, чем можно сказать ей хоть что-нибудь?.. И мы молча припадаем к ее рукам, как к любящим рукам матери... И она,— суровая и строгая,— не отталкивает нас. Она знает, она чувствует своим широким любвеобильным сердцем, своей чуткой и родной нам душой, что ее горе, безмерное и несравнимое,— наше горе, горе наших сердец, вопль наших испепеленных душ...

Молчание... Тишина... Слов нет, их нет и нет...

— Не верьте, что он умер... Он жив... Он дышит...— чуть слышно, еле внятно шепчет Надежда Константиновна, еще не решающаяся расстаться с тем, с кем жила, боролась и страдала целую долгую, светлую жизнь...

О, как тяжело сказать: «Нет, он умер, его уже нет... Он мертв...» Но сказать надо, сейчас же, немедленно...

— Пойдемте туда...

И мы пошли...

Большая комната, посередине стол, утопающий в цветах и зелени, зеркала завешаны, холодно — открыт балкон... Горят электрические люстры, и посреди стола, чистенько одетый... Владимир Ильич... Спокойно, тихо озарено полуулыбкой его прекрасное лицо... Немного похудевший, без признака страдания, он тихо заснул, навеки смежив свои вежды... Правая рука крепко стиснута; маленький кровоподтек на правом ухе серым пятнышком приковывает к себе наш взор...

— Смотрите, у него как будто бы открываются глаза... Немного дрожит щека...

Хочется верить, что это так, тогда бы здесь не витала смерть... Но это не так... Движений никаких нет... Он мертв, и мертв навсегда, и ничто более не возмутит его задумчивое чело...

Постояли, посмотрели, пошли...

III

По лестнице, не спеша и словно замедляя шаги, поднимались вожди старой гвардии большевиков, только что прибывшие на авто-санях...

Душевная, тихая, без слов, встреча с Надеждой Константиновной...

И дальше туда, в ту зачарованную комнату, где нет ни слез, ни рыданий, а только лишь жуткий покой...

Вот впереди всех Сталин. Он не идет, как все. Походка его принадлежит ему одному... Подавая то левым, то правым плечом вперед, круто поворачивая при каждом шаге корпус тела, он идет грузно, тяжело, решительно, держа правую руку за бортом своей полувоенной куртки... Лицо его бледно, сурово, сосредоточенно... Вот Каменев, ласково-тихий, внешне немного взволнованный, идущий спокойно, размеренно туда, куда идти неизбежно, но поэтически встревоженное лицо его дает понять каждому, сколь тяжести, сколь скорбны часы переживаемого им...

Вот Зиновьев, прошедший с Владимиром Ильичем, может быть, больше, чем кто-либо, годов совместной жизни, переживший с ним близко и интимно много-много тяжелых времен в годы тяжких испытаний всей нашей большевистской сущности... Он печален, задумчив и грустен. Приветлив и нежен с Надеждой Константиновной и как-то интимно близко, просто и сердечно подошел он к тому, с кем долгие годы привык делить и горе поражений, и радость, и счастье всепотрясающих побед. Пришел Калинин, вошли все остальные приехавшие. Почти вбежал глубоко потрясенный, взволнованный, раскрасневшийся и не могущий себя успокоить, полубольной, с раскрытой грудью Бухарин, совершенно забывший о себе, о своей болезни... Все стали здесь, вокруг... Взглянули в спокойное лицо того, кто был всегда дорог им, глубоко близок, и все, словно руководимые единым внутренним голосом, поникли головой... Все замерло. И тихо, тихо было здесь, где так недавно кипела жизнь, полная огня и страсти...

А там в отдалении из-за густоты зелени цветов, через стекло виднелся образ, залитый серебром густых волос, той, которая так изумительно нежно, так чутко и осторожно любила своего брата. Там, полная тоски и неумоемого горя, без звука и движений, точно замороженная, смотря в лицо Владимира Ильича, как бы мысленно разговаривая с ним, стояла Мария Ильинишна... Сердце сжималось, смотря на нее, и никто не решился нарушить ее столь глубоко трагический покой.

Долго, долго стояли они — закаленные бойцы и испытанные ветераны нашей великой революции, и казалось, что здесь ковалась клятва, клятва навеки, клятва в верности и беспредельной преданности ему — другу, ему — бойцу, ему — вождю народов всего мира, пролетарской революции всех народов.

— Да, да, вот оно что... Вот оно что... — первый проронил слова Сталин... И стал обходить Владимира Ильича своим размеренным шагом, все также поворачивая то левое, то правое плечо, словно не веря, что смерть совершила свою неумолимую работу, и как бы желая убедиться, что эта роковая работа непоправима, неизменна...

За Сталиным пошли и другие и так прошли все, безмолвно, понуро, тихо...

Прошли и вышли.

IV

Пришлось приняться за дело... Образовали врачебную комиссию по описанию смерти, вскрытия и составления акта болезни.

Надо было думать, как хоронить, где хоронить, как все организовать, где поставить тело для последнего прощания народа... Скрепя сердце соединились, сели за стол и записали все, что нужно было делать и кому делать...

В соседней комнате сиротливо ходит, частенько заглядывая туда, где был теперь Владимир Ильич, бледный и немного растерянный и, видимо, свой в этом доме человек. К нему нередко подходила женщина. Это были фельдшер и сестра милосердия, долгое время ухаживавшие за Владимиром Ильичем, находившиеся все время в непосредственной с ним близости. Им было очень тяжело. Он умер на их руках. Они действительные свидетели его последних минут, когда смерть пришла так быстро, почти мгновенно...

Они потрясены и задушевыми, мучительными словами передают ближайшим друзьям, как это было и что было...

Время клонилось к полночи...

Надо ехать в Москву.

Вновь потянулись туда к нему... Вновь окружили его тесным кольцом, и нет сил оторваться, уйти...

Порывисто, страстно вдруг подошел Сталин к изголовью.

— Прощай, прощай, Владимир Ильич... Прощай! — И он, бледный, схватил обеими руками голову Владимира Ильича, приподнял, нагнул, почти прижал к своей груди, к самому сердцу и крепко, крепко поцеловал его и в щеки и в лоб своим огненным вековечным поцелуем... Махнул рукой и отошел резко, словно отрубил прошлое от настоящего...

Мертвые в мире почилы...

Дело настало живым...

Подошел Каменев, задумался и нежно почти прильнул к груди и лицу Владимира Ильича...

Зиновьев трогательно простился с своим другом...

— Прощай, Ильич, — громко прощался и целовал его Бухарин.

Пошли остальные... И каждый по-своему, от избытка чувств, кто робко, кто застенчиво, кто порывисто и страстно отдали свой последний долг тому, с кем провели в дружбе, в борьбе и работе долгие годы своей жизни...

Кое-кто остался ночевать... Большинство поехали на станцию...

V

В засыпанной глубоким снегом равнине еле-еле виднелись приземистые маленькие домики — крестьянские хаты... Все спало глубоким сном, окутанное морозной дымкой лунной январской ночи...

— Вот она Россия... — промолвил Каменев, смотря в даль полей... — Здесь бы почаще бывать... К их бы жизни приблизиться...

Тот же экстренный поезд медленно подходил к полустанку... Мы сели и двинулись в обратный путь... Было решено тотчас же собрать Президиум ЦИК СССР.

В Москве еще почти никто не знал о смерти Владимира Ильича.

Около 2 часов ночи состоялось заседание Президиума ЦИК СССР, где была образована Комиссия по организации похорон Председателя Совнаркома Союза ССР и РСФСР В. И. Ульянова (Ленина).

И тотчас было приступлено к работе по организации похорон великого мятежника всего мира.

К утру о смерти Владимира Ильича узнала не только вся Москва, но и весь мир.

Рабочие дали тревожные гудки на заводах. Быстро организовались громадные митинги. Работы приостановились. Потрясенный боевой пролетариат Красной Москвы, каждый на свой лад, на всех фабриках и заводах, выдвинул способы траура, всеобщей печали о более чем близком вожде и друге своем Владимире Ильиче.

Все улицы Москвы быстро стали заполняться народом. Все искали услышать новое о великом горе. Всюду организовывались собрания, митинги, гражданские панихиды, и в этот поток народного горя захватывались все более и более огромные массы населения.

Газеты, листовки, прокламации хватались нарасхват...

Разнеслась весть, что тело Владимира Ильича будет перевезено в Москву и выставлено для прощания с ним народа в большом зале Дома Союзов.

К Павелецкому вокзалу потянулись многочисленные делегации, желавшие принести к одру Владимира Ильича и свои сожаления, и свои чувства.

Молодежь, та молодежь, которая в некоторой своей части только что была увлечена дискуссией, поддерживая оппозицию Троцкого, — отнеслась трогательно чутко к смерти Владимира Ильича. Они собирались кружками и, как осиротелые, жались друг к другу, вверая тревогу своих сердец и боль молодых, впечатлительных, чутких душ этим повсюду возникавшим коллективам... Многих из них не тянуло на улицы. Они в честь, в память и в славу своего великого учителя — тотчас же засаживались за чтение и изучение писаний Владимира Ильича, читая вслух его произведения, наполняя свои вдруг опустошенные души великим содержанием произведений гениального мыслителя, ученого, политика и борца всесветной революции.

Все дальше и больше раскачивалась и поднималась волна народного горя, вызывая прекрасные проявления подъема коллективного творчества. Все спешило в центр, и всюду и везде, в толпах беспартийных рабочих, слышались искренние, полные глубокого чувства призывы, действительный крик сердца: к нему! Скорей! В партию! Укрепим и подыдем ее! У нас нет более Ильича! Так все мы вместо него! Он один — мы десятками тысяч заменим его одного!.. К нему! К нему! В партию!

И с первого дня кончины Владимира Ильича осиротевший пролетариат всего нашего великого Союза стал сам, опережая всякие желания, призывы и директивы, идти массой в ячейки и комитеты Коммунистической партии, ища возможности вступить в ее ряды. Образовалось огромное, все нарастающее движение рабочих масс, вождем которых и теперь, после своей физической смерти, был Владимир Ильич. Он, покидая мир, своим телом, своей смертью объединил рабочих и сковывал еще теснее, еще мощней ряды партии, увеличивая ее кадры успешней и скорей, чем тысячи агитаторов и пропагандистов, выступающих всюду. Смертью своей он сразу остановил разъедавшую ряды партии волну дискуссии, направляя все живые силы пролетариата в единое и нераздельное русло, русло строго дисциплинированной, надежной и слитной нашей пролетарской Коммунистической партии. То, что так успешно делал он при своей бурной жизни, то сделал он, сильно и могуче, самым фактом своей смерти.

VI

В Доме Союзов кипела работа. Сосредоточенно, угрюмо взялись рабочие за выполнение своего последнего долга перед тем, кто всю жизнь был с ними, жил и боролся для них и за них. Черным флером увили люстры, и сотни лампочек светили тусклей, печальней, мерцая тихо, светя тоской. Белые колонны увились красными и черными широкими лентами. С высоты огромного зала ниспадали знамена союзов. Словно огненные языки, сверкали в разных местах узкие полотнища с грозными призывами и лозунгами, будя живых, заклиная неуверенных, сопровождая в дальний, последний путь отошедших коммунаров. Все сосредоточенно спешили, желая воздать ему все, что достижимо человеческому творчеству, любви и беззаветной преданности...

— Завтра прибывает тело.

— Сегодня отправляем гроб.

Подъехали сани — автосани, которые так любил Владимир Ильич. Ими управляет все тот же неизменный шофер Владимира Ильича тов. Гиль. Он осторожно и зорко возил его при жизни, он защитил его своим телом, когда безумные эсеры хотели убить любимца и вождя народных масс. Он и теперь тут на своем посту и желает и рвется до могилы быть верным Владимиру Ильичу.

— Гроб повезу я... — решительно и просто сказал он мне.

— Конечно, друг, конечно, вы...

Сани подъехали к коммунальному похоронному бюро. А там внутри, торопясь и спеша, мастерили цинковый гроб, точь-в-точь по мерке, снятой лично мной вчера там в Горках...

«Если выпало мне несравненное счастье служить тебе и быть полезным при жизни, позволь, дорогой, потрудиться для тебя и тогда, когда вот ты на смертном одре»...

И не торопясь, проверив несколько раз, я снял с Владимира Ильича его размеры, дабы приготовить ему домовину теперь, увы! не для жизни, а на смерть, на долгие, долгие годы...

VII

— Извольте посмотреть сами, все в порядке, в наилучшем виде... — торопливо, скороговоркой говорил мне гробовщик, радостно захлебываясь от удачной работы для такого редкого покойника.

— Вот и подушечка!.. Не извольте беспокоиться... Лежать будет удобно, мягко...

«Лежать будет удобно, мягко... — подумал я, повторяя слова гробовщика. — Ждали ли мы, что так скоро, в самый разгар строительства нашей страны, — уйдет он от нас, уйдет навсегда, навеки...»

— Длина оче-е-ень хороша... Как видите, все прилично... Везде все красное, в каемочку... в ленточку... И сверху чехол красный... Окошечко есть, чтобы посмотреть... Очень даже хорошо... — продолжал нахваливать гробовщик, журча, словно ручеек, своим переливным голосом...

— Смотрите-с, стенки!.. — Атласа не пожалели... — и он умиленно, молитвенно складывал руки, зорко смотря за мастером, прибавившим последнюю массивную золотую кисть, и словно готовый на радостях сам лечь в этот маленький гробик, столь уютно сделанный им для великого покойника.

У саней и вокруг похоронного бюро столпилась огромная толпа народа, и здесь судам и пересудам не было конца. Дежурный милицейский начальник тотчас же вызвал усиленные наряды из ближайшего милицейского управления. Почти бегом мигом показался наряд милицейских, быстро рассеявшийся среди толпы, и удивительно ловко и умело разъяснил все собравшимся. И эти толпы сухаревского обывателя, всегда нервного и беспокойного, стали внимательно ожидать погрузки гроба.

VIII

— Пустите меня, пожалуйста, пустите ехать вместе с гробом, — обратился ко мне чуть слышно один из деятелей комсомола, Л. Авербах, — мне надо быть около него, хоть минутку...

И видя, что я понимаю его, он быстро, без слов, влез в автомани и притаился в дальнем, полутемном углу...

— Я не могу оставаться здесь, я прошу позволить мне уехать к нему... — сказал мне тихо-тихо давнишний друг и соратник Владимира Ильича — Иван Иванович Радченко, и, сгорбившись, понуро он прошел к саням и кое-как втиснулся туда за гроб, с трудом вставившийся в объемистые автосани, на которых так любил ездить когда-то Владимир Ильич.

И еще и еще подходили ко мне знакомые и незнакомые товарищи и все просились ехать туда, к нему...

Сани полны... Пора ехать...

Толпа, поняв, что здесь творится нечто особенное, перестала галдеть и, робко приближаясь, стала расспрашивать, кому этот гроб. Скрывать было нечего, и мы объяснили собравшимся, кто был тот, для кого повезли эту последнюю обитель человека...

...Город гудел... Улицы запружены народом... Москва убирается черно-красным трауром...

В Доме Союзов кипит печальная работа...

— Надо объехать город, проследить путь завтрашней процессии с телом Владимира Ильича,— тихо сказал тов. Дзержинский, и бледное, усталое лицо его озарилось чуть заметным румянцем — так проявил свое волнение этот изумительно стойкий, всегда владеющий собой, закаленный боец революции...

Мы поехали и подробно изучили последнюю тропу, по которой завтра, почти в это время, будут нести на крепких и верных руках всё, что осталось тленного от вечного Владимира Ильича...

Так прошел день, прошли целые сутки, первые сутки без него, без живого Владимира Ильича...

И в мире стало сиротливей...

Вот и вторая ночь. Надо копать могилу, готовить последнее место упокоения...

— Могилу готовьте вы...— сказал мне Л. Б. Каменев еще вчера, возвращаясь в Москву.

— Могилу поручить ему...— сказали товарищи в Доме Союзов.

И я поехал с товарищем Сафроновым, которому тоже поручили это дело.

Тут, пред стеной, где немного дальше покоится тело Як. Мих. Свердлова, которого так любил Владимир Ильич, тут, где вон там — направо и налево — тянутся длинной полосой могилы коммунаров, погибших при защите баррикад восставшего народа, погибших в огне борьбы за социалистическую революцию,— тут посреди них,— должна быть его могила, место вечного упокоения величайшего мятежника мира, место всесветного воспоминания всех трудящихся и поработанных.

Немного впереди, но среди них, тут, возле той башни, где всегда поднималась трибуна, с которой произносил он свои огненные речи к народу, простотой и убежденностью будившие и поднимавшие всех на самый жестокий бой с надменным и сильным всесветным врагом. Вот тут, вот здесь, где видели мы его так часто и оживленным, и смеющимся, и потрясавшим сердца народные; вот тут, вот здесь, где проходили сотни тысяч рабочих, крестьян, красноармейцев и молодежи, радостными кликами встречавшие его — своего любимейшего вождя, товарища и друга; вот тут, вот здесь пусть будет его могила, его последнее место покоя...

В темноте морозной ночи засветились факельные огни. С разных сторон поднялись люди. Еще и еще идут и едут. Развели огромные костры, и красное пламя, мешаясь с сизым и черным дымом, озарило сумрак, окинуло языками Кремлевскую стену, исполосовав небо причудливыми тенями...

Ходят в тулупах. Укутаны в башлыки, одеты в полушубки, в валенки, в огромные рукавицы, ходят и постукивают ломami об оттаявшую землю.

- Крепка земля... Лом тупится...
- Да, крепка, что и говорить... Мороз-то больно лют...
- Крепчает, дерет...

И вспыхивают костры, подымая огни от земли и до неба.

Стучат кирки, звенят ломы, скребут лопаты... Не поддается земля... Крепка и камениста... Подвалили еще дров, саженьями измерили костры; горят, трещат, валит дым, рассыпаются искры... Как тени ада бродят люди... Упруга и тверда земля... Нет сил добраться вглубь...

Наутро так же мало, как и ночью, прошли вперед работы...

— Что делать?

— В землю идти не хочет Владимир Ильич,— говорят рабочие.

Вот сотни возов подвезли лес, бревна, доски: застучали сотни руб. Рубят, строгают, пилят, готовят вчерне мавзолей...

— Взорвать землю?! — мелькнуло в голове...

— Скорей, сюда Сухаревского с командой, Коростовского с его штабом, всех, у кого саперы, подрывники...

— Нельзя, что вы?.. Хотите повредить стену?.. Фигуру рабочего?.. Скульптуру?

— Отнюдь нет... Взорвать землю и ничего не повредить...

И закипела работа... Кайлами долбят гранит давнишних зданий... Фундаменты литого кирпича, столетия тому назад введенные в землю, пронизывают буравчатыми скважинами... Тянутся бикфордовы шнуры... Команда: берегись!.. Спешат, бегут, торопятся, из ям выскакивая, люди и припадают к земле. Глухо, потом все шибче и шибче ухают взрывы. И тьма, и пыль кружатся над могилой. Земля и камни взлетают ввысь... Огромные толпы народа шарахаются в стороны, дивясь и недоумевая на то, что делают там эти отважные, отчаянный люди...

Тут же на площади ночью прожекторы артиллеристов хлопотно, трепетно и настойчиво полосуют небо, освещая феерическую картину этой небывалой работы... Кому сооружали так могилу? В самое пекло, пользуясь светом прожекторов, бегут и бегут фотографы кино, снимают и ловят каждый момент, чтобы потом показать всему миру картину в десять тысяч метров, картину похорон Владимира Ильича.

— Морозит все больше и больше...

— Трудно рыть ему могилу...

— Ильич не хочет идти в землю...

X

С раннего утра шпалерами войск затягиваются улицы, а там за ними в переулках, на крышах, в садах, у окон, везде и всюду группы и толпы народа. Город уже узнал о смерти Владимира Ильича, город ждет великого покойника... У заводов и фабрик, всюду чем ближе к площади Свердлова, чем ближе к Дому Союзов, народа все больше и больше... Мороз крепчает, дымятся костры... Закутанные люди, заиндевелившие лица...

У вокзала войска, делегации, рабочие... Все рвутся вперед, нередко нарушая строгий порядок, здесь установленный...

Стрелка часов все ближе и ближе к роковому часу, когда впервые Красная Москва, сердце России, примет своего вождя, примет того, кто кровь свою пролил здесь среди рабочих от гнусной руки эсерки, примет не у себя на Красной площади, живого, радостного, среди трепещущей и жаждущей его слова толпы, а там на вокзале, в траурном вагоне, среди безмолвно поникших друзей...

Мороз крепчал, жег и щипал лица, леденели руки и ноги, но, несмотря ни на что, народ валил, делегации все больше и больше запружали вокзал, перрон и площадку...

Почетный караул, оркестры, правительство заняли свои места и в напряжении все затихло...

Вот из-за поворота показался дымок, вот змейкой вынырнул поезд, вот уже слышно его тяжелое дыхание, вот застучали колеса, поднялся красный флажок дежурного по станции, и поезд мерно, плавно и тихо подошел к платформе. Паровоз укутан черно-красным трауром. Совершенно белый, занесенный инеем и снегом кинематографист, ехавший на передней площадке паровоза и снимавший все встречное, — метнулся туда-сюда и еле сполз с своего поста, замешавшись в толпе. Траурный марш прекрасного оркестра залил торжественно-печальными звуками окрестность... Из вагонов повалили члены ВЦИК, ЦК РКП(б), правительства и другие, смешавшись с теми, кто встречал поезд. Вот он вагон, обитый черным, увитый гирляндами зелени. Показались сопровождавшие вагон; за ними двинулись знамена и знамя ЦК нашей партии, обвитое флером, прежде всего...

Несмотря на мороз, все обнажили головы...

Вот он и гроб... Медленно-медленно движется он, передаваемый с рук на руки и, наконец, остановился... Его приняла старая гвардия коммунистов на свои плечи, на свои руки...

Двинулись...

Почти без разговоров, медленным шагом идут те, вот здесь, сейчас же за гробом, кто долгие-долгие годы работал и боролся непосредственно под его руководством, под его водительством...

И вот его уже нет...

Не раз безжалостная смерть вырывала из наших рядов любимых товарищей, беспримерных бойцов, мужественных, бесстрашных революционеров, закаленных в десятилетних боях на самых передовых позициях революции, но отчего же, отчего так щемит сердце сейчас, вот здесь, за этим гробом, как никогда ранее?! Отчего же, отчего не находишь слов, не находишь мысли обнять все случившееся, и печаль, и грусть, и тоска не дают покоя, мутят сознание...

И так и хочется крикнуть всем, крикнуть от всего сердца, крикнуть всей земле нашей:

Плачь, русская земля. Но и гордись:
С тех пор, как ты стоишь под небесами,
Такого сына не рождала ты
И в недра не брала свои обратно...

Очередями, как всегда у коммунаров, строго организованно, сменяют друзья, товарищи, члены съезда ВЦИК — отряды тех, кто хочет на своих руках нести и нести эту неоцененную ношу...

Вот М. И. Калинин по-крестьянски впереся спереди в гроб, держа его на вытянутых руках, и идет и идет... и нет ему смены, не хочет...

Подходят, просят сменить...

— Михайла Иванович, дозвошь сменить... — говорит громадного роста крестьянин, прибывший на съезд оттуда, из глубины России...

— Нет, нет, дорогой мой, ничего... Понесу еще...

— Михайла Иванович, приутомился ты, смотри, на морозе вспотел...

— Ничего, ничего, друг, понесу еще. Знаешь, друг, своя ноша не тяжела...

Да, да, «своя ноша» — это верно «своя ноша», а ш а ноша, ноша всенародная, но как ужасно думать, что теперь это только ноша...

Все с трудом отрываются от поручней, на которых несут гроб... Все хотят пронести его побольше, подальше...

Живой, громадной лентой, вьющейся далеко-далеко, идут ряды коммунаров, рабочих и граждан Москвы, пришедших отдать последний свой долг. На нынешний день — в день перенесения гроба — демонстрации нет, но демонстрация есть: рабочие не хотят ни на минуту оставлять своего усопшего вождя. Всюду и везде они вокруг него, они бережно сторожат покой отошедшего...

— Да, народа, и все больше крестьян, подвалило в Горках очень много... — рассказывал один из приехавших с поездом. — И откуда они?.. Казалось, и народа-то нет в этой местности, деревушки маленькие, а тут едут и едут, засыпанные снегом, в тулупах. Придет, отряхнется, прочистит бороду от снега и ледяных сосулек и тихо, не спеша, поднимается к «упокойнику».

— Откуда ты, дедушка?

— Да тутотка, недалече, верст тридцать будет...

— Откуда же ты узнал-то?

— По слухам, светик, по слухам, — отвечает приехавшая с ним хозяйка, уже сморщенная, уже согбенная годами жизни, трудом и нуждой.

— К кому же ты приехал? — спрашивают его.

— Мы-то?

— Вы-то?

— Упокойника посмотреть, поклониться ему... Ведь он наш, Ильич-то, за хрестьянство страдал, ну вот и кончина его праведная, легкая... без муки... Сел, говорят, дайте, говорит, испытать... тут в одночасье и кончился...

— Праведники так умирают, только они одни... За нас, за хрестьян, старался он... Наш он...

И пошли, потянулись не спеша... Идут и идут... Вошли туда,

где он... Кто помолился, кто так... Остановились, задумались... Кто-то всхлипнул... Постояли... Низко поклонились, кто в пояс, кто в ноги... Опять постояли... Продвинулись... Зашли с другой стороны... Поближе к лицу, к рукам... Внимательно, зорко смотрят, точно навеки хотят запомнить... Вздыхают... Слов нет... Зачем они?

Опять стали в ногах, у выхода... Отдали низкий, низкий поклон, стараясь рукой достать до пола... Покрутили головами, помяли шапки и вышли тихо, спокойно, важно, как истинные хозяева земли.

— Отслужил народу... Кого взамен-то оставил?.. Приказал ли что?.. Д-е-л-а!.. Теперь надо крепиться, всем заодно, миром, значит, брать... Нет его, Ильича-то — нет, слышь ты...

Поговорили, «посумлевались», еще раз поклонились дому, не торопясь отвязали торбы у лошадей, не торопясь сели, укутались, не торопясь поехали со двора, унося с собой печальную думу, разнося всюду «по слухам» жестокую, скорбную весть о кончине Владимира Ильича...

А народ все идет и идет... Подъезжают горожане, депутации, рабочие и все вместе, не спеша, без шума, без слов идут туда, где покоится он...

И когда понесли гроб, когда Владимир Ильич — увы, уже мертвый — последний раз покидал свои любимые Горки, тысячи людей, собравшись отовсюду, живой, казалось, бесконечной лентой шли и шли за ним, лежащим в гробу...

ХII

Принесли...

Вот он Дом Союзов...

Двери настежь...

Рабочие на площади, рабочие у дверей, рабочие в вестибюле, рабочие на лестнице, рабочие в зале и среди них такие же рабочие, лишь одетые в красноармейские мундиры, полные энергии, прекрасной военной выправки, строгие и сосредоточенные, всегда стоящие на страже революции...

На руках рабочих к ним, к рабочим, в их дом, в Дом Союзов всех рабочих, принесли его, вождя рабочих; здесь совершает он последнюю остановку последнего пути...

Плавно, печально и трогательно понеслось пение серебряных труб прекрасного военного оркестра, зазвучало оно и переливно отдалось повсюду, словно пело и плакало, плакало и рыдало все кругом, вокруг и всюду...

Внесли и поставили на высокий помост весь в красном, окружили цветами и зеленью... Тяжелое, расшитое золотом, все в трауре, Красное знамя Центрального Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков), ниспадая вокруг гроба, облекло и обвило его ноги, как мать укрывает дитя... Знамя Центрального Комитета Всероссийской организации профессиональных союзов тут же прильнуло к нему — вождю, товарищу и другу... Испытан-

ные бойцы революции, соратники, советники и исполнители его твердой, стальной воли — воли бессменного руководителя ЦК партии и Совета Народных Комиссаров, его друзья и товарищи, толпятся здесь у этого последнего приюта последних дней, последнего пути жизни...

А там идут и идут — желают поклониться его телу, его праху, телесному воспоминанию непреклонной воли, высокого разума, духовной красоты и революционной чести того, кто всю жизнь свою, всю без остатка, отдал единой цели, единой борьбе, единому классу, единой диктатуре — диктатуре пролетариата.

Пришедшие отошли, опять за работу, опять к массам, опять и опять по его пути, по его стопам, по его заветам... А там не ждут: все идут, идут и идут... Без перерыва, потоком, всепоглощающей лавиной, безостановочно, быстрым шагом, не останавливаясь, чуть-чуть задерживаясь у гроба, чтобы хоть на минутку заглянуть, запечатлеть навеки уже холодные уста, уже закрытые очи, очи горного орла Революции.

С трепетом входили люди, детей несли на плечах, женщины поддерживали друг друга, и не было и не предвиделось конца этой бесконечной ленте непрерывно движущихся людей... Плач и рыдания нередко наполняли залу, и женщины и мужчины, красноармейцы, работницы и рабочие с воплями и криками падали на пол, и их уносили в наскоро открытые здесь же больничные палаты, и таких было много, их были сотни... Замерзшие, заиндевевшие, холодные и голодные — стояли на улице безбрежные толпы, соблюдавшие строгую очередь, сотен тысяч людей, окаймляя Дом Союзов со всех сторон на многие и многие кварталы... Кого тут только не было? И рабочие — огромное большинство рабочих, — и красноармейцы, и крестьяне, и учащиеся, и дети, и советские служащие, и граждане и даже нэпманы, все шли и шли, тянуло их, что-то влекло их сюда и днем, и вечером, и всю ночь, и ранним утром...

Мороз крепчал все более и более, мороз стал лютым. Повсюду пылали огромные костры, застилая улицы и дома клубами розового дыма; яркое пламя вздымалось от земли и до неба, разукрашивая бесчисленными блесками заиндевевших людей...

ХIII

Таинственно и жутко ползли ночи, черным сумраком обнимая бодрствовавшую Москву, словно сражаясь — чья возьмет? — с сторожевыми огнями революции, плававшими повсюду вокруг того места, где успокоился Владимир Ильич под неусыпным дозором почетного караула... Рабочие фабрик и заводов, шахт и рудников, железных дорог и речного транспорта со всех концов России, от всех производств, от всех городов и местечек, со всех концов необъятного социалистического Союза нашего двинули излюбленных людей своих, лучших товарищей, двинули депутациями с венками, украшенными символическими изображениями, глубоко сердечными надписями, изделиями рук своих и своего производства,

желая хоть чем-нибудь возвеличить эти минуты, отдать хвалу и честь, признание и печаль ему, другу всех угнетенных, отдать все, что только у них есть и может быть, все без остатка...

Венки, венки и венки... Без счета и числа, венки отовсюду со всех концов земли, несут, несут и несут...

Смотрите, вот уральцы, представители настоящего боевого пролетариата,— им некогда было ожидать, некогда было думать. Последний поезд на Москву отходил менее чем через два часа после получения печальной вести... Они едва могли собраться в мастерских, дабы вырешить, кому, когда и как можно ехать.

В рабочих блузах, не успев переодеться, в чем были и как были, почти бегом ринулись они к вокзалу, на поезд, и успели приехать вовремя, когда еще Владимир Ильич покоился в Доме Союзов. Прямо с вокзала направились они в Дом Союзов и тут, принятые, как близкие друзья, рабочими Москвы, сейчас же стали в почетный караул у гроба того, кого ценили они, кого любили они превыше всего...

Смена за сменой по пять минут, наконец, по три минуты, по восемь человек, нередко по шестнадцать и по двадцать четыре, стояли день и ночь непрерывно те, кто послан был сюда со всех концов республики для отдачи последнего долга вождю, бойцу и другу. И пионеры, и комсомольцы, и члены РКП(б), и члены правительства, и депутаты заводов и фабрик, и члены центра профсоюзов, и представители всех народов, всего мира, весь Коминтерн, и крестьяне, и инженеры, и шахтеры, и транспортники, и шоферы, и учителя, и все и все, кто только был организован, и отдельные лица, друзья и товарищи, долгие годы жизни делившие с ним и радость и горе. Вряд ли видало человечество этот изумительный смотр народов, профессий, революционных бойцов и политических деятелей у гроба того, кто потряс весь мир, кто поставил человечество на новую стезю жизни...

А здесь кругом, везде и всюду, рабочие, рабочие и рабочие...

Вот она, жена Джапаридзе, вся в черном, с красным цветком на груди — символом вековой борьбы,— вот она гордая, смелая, носящая печаль и траур не только по Владимиру Ильичу, но и по мужу своему, расстрелянному англичанами в песках Закаспийской области, расстрелянному с другими двадцатью двумя товарищами за то и потому, что они дерзнули исполнить волю революционных народов Закавказья и стать во главе восставших. Расстрелянными за то и потому, что рискнули быть избранными народами Закавказья правительством и делать то, что повелевает честь и достоинство человека, честь и достоинство революционера, честь и достоинство коммунаров, взяв на себя права и обязанности свободной революционной власти свободных, революционных, восставших народов Востока, столетия стоивших под иноземным игом и под пятой великодержавных правительств.

У ног его, смотря в лицо и не сводя глаз с того, кто был страстным другом угнетенных национальностей, жившим мечтой об освобождении и раскрепощении народов Востока, в лицо того, чью

волю, чей совет и приказ безропотно и смело, с беззаветной преданностью исполняли они, эти погибшие герои Закавказья, погибшие от вероломной проклятой руки всесветных разбойников и бандитов, палачей народов Востока, всех этих лордов керзонов, лойджорджев, черчиллей и прочих патентованных лицемеров, мерзавцев и негодяев человечества.

Слава погибшим!

Смерть палачам!

С какой тоской, с какой любовью смотрит она в закрытые очи того, чей орлиный взгляд так еще недавно поднимал всех на кровавый, смертельный бой с всесветными врагами рабочего класса и изнеможенных крестьян.

— Прости, прощай!.. — и, низко поклонившись, отошла она туда, в сомкнутые ряды бойцов, всегда готовых на все...

Вот он, шофер Гиль, застенчиво и робко ставший здесь у изголовья того, чье раненое тело защитил своей грудью в тот ужасный момент, когда он, пораженный пулями, упал и был оставлен всеми, кроме его одного, верного и бессменного шофера Владимира Ильича... Он тут с своими товарищами. И смущение и жалость меняют его лицо, заставляя бледнеть того, кто не дрогнул перед прямым лицом смерти.

А это кто?

Ночью вошел с идущими чередой на поклон и лицезрение того, кто дорог всем и каждому, вошел громадный, высокий, вошел и отшатнулся и стал в стороне, стал и смотрит, бледный и недвижимый, и тихо-тихо склоняется на грудь его победная головушка. Жестокая мука и боль искривили его лицо, и слезы наполнили его глаза, и он, большой и смелый, он, видимо, выдавший виды, готов вот тут сейчас почти расплакаться.

Смотрю — знакомый человек...

Идет сгибаясь, точно тяжелая ноша давит его...

Подходит...

— Узнаете?

— Да, узнаю, — сразу мелькнуло мне далекое прошлое...

— Я — Ушаков...

Да, Ушаков, это тот, один из трех, кто стрелял в Владимира Ильича еще в 1918 году в Петрограде, когда он возвращался с митинга в казармах и когда его автомобиль был изрешечен револьверными пулями. Я был тогда во главе 75 комнаты Смольного, где лучшие испытанные рабочие заводов и фабрик творили революционное правосудие над всем белогвардейством тех времен, боролись с пьяными погромами, грабежами и убийствами, чинили суд и расправу во имя диктатуры пролетариата над всеми теми, кто покушался на молодую Советскую власть.

В два, в три дня напали мы на верные следы тех, кто покушался на жизнь Владимира Ильича, и арестовали всех их. Ускоренное следствие быстро разматывало сложный клубок, и дело шло к полной развязке... Не однажды сообщал я Владимиру Ильичу о результатах следствия, беспощадно разоблачавшего врагов революции.

— Да так ли все это? Да верно ли? Смотрите, нельзя так... Нет, это надо доказать... Это может каждому показаться... Эти показания недостаточно достоверны...

И так каждый раз. Самые большие препятствия в следствии по делу покушения на его жизнь ставил нам не кто иной, как он сам, нередко переходя как бы в защитника арестованных врагов его и наших...

И вот, когда решительно все было доказано, когда цепь свидетельских показаний замкнулась, когда не было ни малейшего сомнения, что это они совершили то, что чуть-чуть не отняло у пролетарской революции ее вождя,— вдруг грянула под Псковом пушечная канонада перешедших в наступление немцев, решивших двинуться на главную цитадель революции, на Красный Петроград.

Тревожные гудки заводов и фабрик подняли ночью всех рабочих, всех солдат, всех обывателей, и город ошетинился, став под ружье почти поголовно...

— На фронт! Хотим на фронт! Просим, умоляем бросить нас на бронепоездах на немцев, в самых первых рядах!..— писали мне арестованные контрреволюционные террористы, когда они прочли пламенное воззвание Владимира Ильича: «Социалистическое отечество в опасности!»

— Владимир Ильич, они,— он сразу почувствовал, кто «они»,— просят бросить их на фронт, на немцев. Виновность их вполне доказана...

— Освободить, сейчас же! Хотят на фронт — послать!..

— А дело?

— Дело кончено...

Так просто, так благородно, так поистине революционно и великодушно отнесся Владимир Ильич в минуту страшной опасности для нашей революции к тем, кто только что поставил жизнь его на карту великой борьбы...

— Позвольте мне остаться здесь у гроба,— глухо, с надрывом сказал мне Ушаков.

— Оставайтесь...— ответил я ему.

И он остался, стал в стороне и как изваяние, не двигаясь, смотрел долго-долго в успокоившееся лицо того, кто был пред дулом его револьвера и которого он понял, он полюбил, горячо и радостно после, когда узнал его...

И вот теперь его уж нет и нет...

XIV

Сомкнутыми, тяжелыми рядами, словно на бой, пришли они, старые батальоны революционной армии, бывшие с врагами диктатуры пролетариата на четырнадцати фронтах, пришли и окружили его, чье слово для них было священным, чьи боевые приказы выполняли они без малейшего колебания. Серые шинели, сосредоточенные лица, взгляд в упор в него и дума и тоска в глазах...

Пошли... И сразу твердым шагом, и сразу бодро, сразу гордо подняв головы... Они ли не смотрели смерти в глаза? Они ли не ви-

дели ужас поражений, сладость побед? От недавних боев — к вождю и снова готовые на бой, мощно держа в своих стальных руках красный стяг — знамя Революции, они как бы поклялись тому, кто был всегда с ними, жить в свободе социалистического отечества или умереть в борьбе.

Вот их ряды один за одним, много-много, казалось, без конца. Войдут, постоят, нахмурятся, задумаются и дальше, пока не прошли все отряды, потребовавшие пойти к нему на последнее прощание.

Двинулась вся Россия. Поезда не могли вместить желающих. Москва, за неимением мест, не могла принять приезжающих; пришлось дать экстренное телеграфное распоряжение по всем линиям железных дорог прекратить выдачу билетов на Москву.

И вот, наконец, приблизилось время — время расставания, время похорон.

XV

Могила готова. Взорвана почва, вырыта большая комната в каменном ложе старых кремлевских стен. Воистину нечеловеческими усилиями сооружен деревянный мавзолей — суровый и простой — в эти трескучие морозы, столь сильные, как будто бы белокаменная Москва придвинулась к Белому морю.

Окруженные кострами, сменяясь через каждые полчаса, рабочие, почти изнемогая, но напрягая все силы, все-таки к сроку и без малейшего опоздания закончили свою ответственную и трудную работу.

Весь город убрался в траур. Народ на улицах, костры окружены толпами... Читают вслух газеты, рассказывают друг другу — и все о нем...

Там внутри, в Колонном зале Дома Союзов, всю ночь приходили к нему друзья.

Доступ народу прекращен. Все вычищено. Двери закрыты, и только иногда они приотворяются, чтобы закрыть за собой тех ближайших, кто хочет проститься с ним наедине.

Рано утром стали собираться депутаты, и также рано утром отовсюду двинулись стройными рядами рабочие, служащие, обыватели, граждане. Неорганизованная множественная толпа всюду стояла и шла, и на призывы рабочих демонстрантов, может быть, первый раз в жизни выходили они из своего бесформенного существования и присоединялись к мощным рядам рабочего класса, и почему знать, не творилось ли здесь полное перерождение многих из тех, кто ранее, не понимая, враждебно смотрел на Советскую Россию, на весь советский строй жизни нашей страны.

Вокруг гроба столпились те, кто работал рука об руку с Владимиром Ильичем долгие годы боевой революционной жизни...

Лучший струнный оркестр Москвы проникновенно исполняет похоронный марш и рвет и хватает за сердце, точно не хочет отпустить от нас, живых, его мертвого...

Звуки несутся, рвутся, потрясают и исчезают, сливая все в единое, мощное, целое, взмывая душу, мутя разум, кружа сознание

и вознося мысли к долгим годам революционной борьбы революционного пролетариата.

Окончили...

Все смолкло...

Тишина... Ни звука...

И вдруг колыхнулись... Подняли... Понесли...

Вот и на улице...

Последний путь...

XVI

Море народа... И все идут, идут и идут...

Высоко над головами колыхнется серебристый, весь в красном, гроб...

Звуки оркестров заполнили морозный воздух, головы обнажились, знамена склоняются долу, флаги, штандарты, перевитые флером, припущены...

На высоком помосте, так что гроб виден всем, всей площади, покоится Владимир Ильич и перед ним проходят в жестокий, трескучий мороз последним маршем его верные друзья и товарищи — рабочие Москвы и ее окрестностей, рабочие и крестьяне, прибывшие отовсюду, рабочие и красноармейцы всех родов оружия.

Долго, непрерывно шла небывалая в летописях человеческой истории демонстрация, продолжавшаяся до позднего вечера...

Ровно в 4 часа гроб подняли, чтобы внести в мавзолей... Грянул пушечный салют, грянули ружья всех красноармейцев. И этот салют одновременно раздался не только во всей нашей необъятной стране, но даже на всех наших кораблях и пароходах, бывших в ближнем и дальнем плавании.

В эти минуты остановились поезда на всей нашей сети железных дорог, где бы их ни застала эта торжественная минута. Все наши суда приспустили флаги и салютом и командой отдали последнюю честь, последнее прощанье не только вождю всей страны нашей, но и всего боевого пролетариата всего мира.

Все обнажили головы...

Жалобно и больно застонали гудки фабрик и заводов... Что-то вонзилось в сердце, и обомлела душа...

Вот его вносят... Вот внесли... и он скрылся там в глубине наскоро сделанного, лютыми морозами обвеянного, временного деревянного мавзолея...

Все кончено...

Тише, о жизни покончен вопрос.

Больше не надо ни песен, ни слез...

Замлело бесчисленное, необозримое людское море.

Осиротели... Одни... Нет, нет всегда, навеки, нет Владимира Ильича... Все кончено...

И долго стоят коммунары здесь у новой могилы, стоят и не расходятся...

Крепкую думу думает партия...
Крепкую думу думают рабочие...
Стоят коммунары, не дрогнут...

Торжественно и тихо расходятся они от великой могилы на новый труд, на борьбу для победы...

— Будьте готовы на бой, коммунары! — словно слышится завет Ильича...

— Всегда, всегда готовы!.. — вот властный и сильный ответ коммунаров.

— К борьбе и победе!.. — звучат комсомольцы, новая смена старых бойцов.

— Будь готов! — тревожит сердца пионеров.

— Всегда готов! — страстно чеканит отряд пионеров, новая смена юных борцов.

— Готовы все, всегда и навеки...

— Навеки!..

— Навеки с ним и по его пути!..

*Бонч-Бруевич В. Д.
Смерть и похороны Владимира Ильича.
(По личным воспоминаниям). М., 1925*

**М. И. КАЛИНИН
Г. Е. ЗИНОВЬЕВ
И. В. СТАЛИН
Н. И. БУХАРИН
КЛАРА ЦЕТКИН
М. П. ТОМСКИЙ
ША-АБДУРАСУЛЕВ
А. Б. КРАЮШКИН
А. Н. СЕРГЕЕВ
Н. НАРИМАНОВ**

**ЗВЕРЕВА
Л. Б. КАМЕНЕВ
С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГ
К. Е. ВОРОШИЛОВ
П. И СМОРОДИН
А. И. РЫКОВ
А. А. ИОФФЕ
А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ
Л. С. СОСНОВСКИЙ**

Scan: Ershov V. G., 2007

ТРАУРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ II СЪЕЗДА СОВЕТОВ СОЮЗА ССР

РЕЧЬ ТОВ. КАЛИНИНА

— Товарищи, трудно найти слова и подыскать формы, в которые вылились бы те чувства, которые охватили не только нас, здесь присутствующих, но и самые широкие рабоче-крестьянские массы не только Союза Советских Республик, но охватили массы всех угнетенных мира.

Смерть Владимира Ильича это не только боль, не только тяжесть, обрушившаяся на русский рабочий класс, на русское крестьянство, но это тяжесть, обрушившаяся на угнетенные классы всего мира. Там, где есть порабощение, там, где есть угнетение, мы услышим сдавленные вздохи сожаления о смерти В. Ильича.

Нам, соучастникам деятельности Владимира Ильича, и здесь присутствующим представителям малых народностей понятны и памятливы все те трудности, через которые пришлось пройти для установления действительного братства народов. Даже мы, угнетенный класс, вполне понимающий, что только при общей солидарности, при самом тесном союзе можно защищать себя от нападения внешней враждебной силы, даже мы, без В. Ильича, без его помощи в национальном вопросе не могли подойти сразу со всей той чуткостью, со всем пониманием особенностей отдельных народностей, с которыми подошел В. Ильич. Он был единственным человеком, которому верили, которого слушали и которого считали своим вождем и руководителем все национальности.

Еще одну великую идею оставил нам в наследство Владимир Ильич. Эта великая идея — союз рабочих и крестьян. Рабочий класс может победить своих врагов только в союзе с крестьянством, эта мысль проходит красной нитью через всю долгую политическую жизнь Владимира Ильича.

Владимир Ильич был велик не только тем, что он бросал новые идеи, новые мысли, он эти мысли претворял в дело, он находил те силы, которые двигали и которые заставляли эту мысль выявляться в жизни. Мы не только будем свято хранить его заветы в области развития и укрепления союза рабочих и крестьян, но мы эту мысль должны двигать дальше. И уже сейчас у нас намечается новое: мы союз рабочих и крестьян превращаем в смычку между рабочими и крестьянами, то есть мы этот союз еще более укрепляем.

Но для союза двух классов необходимы и те средства, которыми закреплялся бы такой союз. И вот Владимир Ильич в самые опасные моменты существования Советской Республики, когда казалось, что между рабочим классом и крестьянством появилась трещина, он

умел отыскивать эти средства. Одним из таких средств, как известно, было частичное допущение частного торгового оборота — новая экономическая политика. Ценность этой новой экономической политики, возникшей в тяжелый момент существования Советской Республики, сейчас, несмотря на некоторые отрицательные ее стороны, несмотря на целый ряд искривлений в этой области, Советское правительство великолепно понимает. Эта политика нужна, чтобы сохранить в целостности союз рабочих и крестьян. Правительство будет бороться с отрицательными сторонами новой экономической политики, будет бороться с той накипью, которая поднимается и будет подниматься в результате этой политики, но основы, заложенные Владимиром Ильичем и давшие определенный результат, будут соблюдаться до тех пор, пока рост материальных государственных средств не даст возможности ее изжить.

Переходя к международному положению нашего Союза, я могу определенно заявить, что и в этой области никаких изменений не произойдет. Мы решительно боремся за сохранение мира, поддерживаем те народы, свободному существованию которых грозит опасность; употребляем со своей стороны значительные усилия для налаживания нормальных отношений с другими государствами, иногда даже идя на известные жертвы, разумеется, если эти жертвы окупятся.

Советское правительство может жить в области внешней политики прямыми указаниями, сделанными Владимиром Ильичем.

Сейчас Советская Республика переживает один из самых тяжелых моментов, которые она за эти 6 лет своего существования переживала. Я думаю, что этот тяжелый момент должен вызвать особенное чувство самосохранения, особенное чувство солидарности, проявление огромного самопожертвования рабочих и крестьянских масс. Поэтому в настоящий момент, момент горести по утрате великого человека, самого великого человека во всем мире, в этот момент должна проявиться в максимальной степени сила и мощь Советской Республики.

Шесть лет тому назад II Всероссийский съезд Советов под руководством Владимира Ильича взял власть. Рабочий класс окружен был всевозможными опасностями; ни организаций, ни государственного аппарата управления не было в руках пролетариата, наоборот, наши враги располагали всей полнотой сил, и лишь только железная воля, настойчивость и беззаветная преданность рабочего класса делу коммунизма, беспредельное доверие тов. Ленину дали нам возможность победить внешние фронты, уничтожить разруху, изгнать из пределов России белогвардейцев, изжить величайшие муки голода, и, наконец, мы имеем твердый государственный аппарат, советские законы, и наши границы бдительно охраняются революционной Красной Армией. Мы создали рабоче-крестьянское государство, мы видим дальнейшие перспективы его дальнейших преуспеваний. Из отдельных национальных республик, по их самостоятельному почину, мы создали Союз Социалистических Республик.

И на II съезде Союза, к которому мы пришли через бесконечное количество мучительных испытаний под руководством Владимира Ильича, который является результатом всей его революционной творческой деятельности, мы хороним Владимира Ильича.

Товарищи, будем свято хранить его заветы, отдавая его памяти наш последний долг, и твердо скажем себе: его мысли, его заветы борьбы за коммунизм являются нашими мыслями, нашими заветами, и, как бы ни была тяжела нам утрата величайшего, любимейшего вождя, мы все должны удесятерить свои силы в борьбе за достижение конечной цели рабочего класса!¹

РЕЧЬ ТОВ. ЗИНОВЬЕВА

Товарищи, друзья! Мы, пережившие под гениальным руководством Владимира Ильича две войны и три революции, прекрасно отдавали себе отчет в том, что во главе нашей семьи, во главе нашей партии стоит великий человек. Мы говорили, мы писали, что фигура Владимира Ильича высится как Монблан над всем современным поколением революционных деятелей. И все-таки, товарищи, только теперь мы впервые с особенной полнотой поняли, чем был для нас, чем был и пребудет для трудящихся всего мира Владимир Ильич. Больше всего научили нас подлинным образом оценивать историческое значение Владимира Ильича те сотни тысяч рабочих, которых мы с затаенным дыханием наблюдаем за последние дни в одной только Москве.

Видели ли вы когда-нибудь ранее такую прекрасную, единую народную массу, такой живой прибой сотен тысяч пролетариев, которые сами организуются тут же на улицах, которые день и ночь в нынешнюю зимнюю стужу стоят и ждут своей очереди зайти поклониться праху вождя? Это — пролетариат, вылитый из одного куска, высеченный из одного куска гранита, спаянный одной великой идеей. Видели ли вы, товарищи, в своей жизни что-либо более величественное, чем эта безбрежная волна рабочих, входивших в Колонный зал, уходивших оттуда с глазами, увлажненными слезами, с сердцами, омытыми в звуках траурного марша, и все-таки с поднятыми головами, и все-таки охваченных одной великой идеей?

Еще и еще раз рабочий класс переживает великие годы и вспоминает решающий момент, рубикон, через который перевел нашу страну Владимир Ильич. Еще и еще раз рабочие любовно вспоминают все, что было великого и героического в тот период. Оттого-то эта масса так сильно напоминает рабочие массы накануне Октября. Оттого-то наш комитет, который имеет печальную обязанность похоронить то, что было брэнного во Владимире Ильиче, оттого-то наш комитет напоминает военно-революционный комитет накануне Октября.

---

¹ Затем выступила Н. К. Крупская. Речь Н. К. Крупской см. в кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 10 т. М., 1989. Т. 2. С. 365—366. *Ред.*

Народные массы, народ, в лучшем смысле этого слова, научит нас теперь еще лучше, чем до сих пор, понять, что же такое был и чем останется, несмотря на физическую смерть, Владимир Ильич для трудящихся всего мира и для всего человечества.

Читайте, товарищи, письма рабочих, которые помещаются у нас петитом в задних углах газеты. Читайте их внимательнее всего, и вы поймете тогда, как подлинный народ, как подлинные рабочие массы чувствуют Владимира Ильича, как оценивают его.

Тов. Зиновьев оглашает несколько писем рабочих и работниц.

— Такие же или подобные отклики, — продолжает оратор, — несутся уже со всего мира, не только из тех стран, где живут и борются сотни, тысячи миллионов промышленных пролетариев, но и из таких стран, как Китай, как Индия, из таких стран, где угнетенные народы воспринимают Владимира Ильича как лучшего своего друга, как самого великого вождя.

Даже наши противники — международная буржуазия, II Интернационал — не смогли не отдать невольной дани уважения Владимиру Ильичу. Он исторг у самых отъявленных противников признание его величайших мировых исторических заслуг. Писатели этого лагеря ищут сравнения Владимира Ильича с историческими фигурами прошлого.

Они сравнивают его с Наполеоном, с Робеспьером, с Кромвелем, с Петром Великим и другими историческими фигурами. Они не понимают главного, они не понимают того, что тщетно искать в предыдущей истории человечества такую фигуру, которую можно было бы примеривать к исполинскому росту Владимира Ильича. Невозможно найти в предыдущей истории человечества такую фигуру, к которой можно было бы примерить фигуру Владимира Ильича. К его фигуре следует примеривать всех его предшественников, а не наоборот.

Я не исполнил бы своего долга, если бы я сегодня не сказал здесь хотя бы несколько слов о том, как чувствуют, как думают рабочие-коммунисты тех 42 партий, которые входят в Коммунистический Интернационал. Десятки и сотни тысяч, скажем, итальянских рабочих, заточенных в тюрьмах фашистами, рабочие, находящиеся на каторге в Америке, рабочие и крестьяне-повстанцы, брошенные на вечную каторгу в Болгарии после только что совершившегося там восстания, рабочие и крестьяне, томящиеся в тюрьмах буржуазной Польши, сотни и сотни пролетарских борцов Германии и всего мира, — нет ни малейшего сомнения в том, что все эти лучшие борцы международного рабочего класса, если только через железную решетку до них донеслась весть о кончине Владимира Ильича, в тиши своих одиночных и каторжных камер рыдают вместе с рабочими России, вместе с нами переживают то тяжелое бремя, которое такой большой тяжестью ложится на спину каждого рабочего и каждого крестьянина в нынешние скорбные дни.

Я только что получил телеграмму о том, что даже германские социал-демократы, пытающиеся запретить и затравить Германскую

коммунистическую партию, загнавши ее в подполье, не решились отказать берлинским рабочим-коммунистам в праве устроить в воскресенье, в день похорон, ряд траурных митингов в память Владимира Ильича. Даже эти люди, на совести которых и на руках которых кровь Розы Люксембург и Карла Либкнехта, даже они, чувствуя угрозы со стороны всего рабочего класса Германии, должны были это разрешить. Мы имеем телеграммы из Франции о том, что оттуда выехали делегации французского рабочего класса и что в день похорон там будут остановлены работы. Такие же сообщения получены из Норвегии, такие же сообщения идут со всего мира.

Рабочие всего мира, как только они почувствовали, что открывается новая страница в истории их борьбы, когда они сознали и почувствовали, что близится международная пролетарская революция, чутьем отметили как своего избранника, как своего международного вождя Владимира Ильича. В великом неисчерпаемом наследстве В. И. две основные вещи — это Союз Советских Социалистических Республик и международная организация, Коммунистический Интернационал. И то и другое является в одинаковой мере детищем Владимира Ильича, который, как никто, выразил настроение и душу самых широких масс трудящихся. Никто не вложил столько труда в дело создания Коммунистического Интернационала, как это сделал тов. Ленин. И никого рабочие всего мира, рабочие-коммунисты и, смею думать, также десятки и сотни тысяч рабочих, еще входящих в социал-демократическую партию, еще не порвавших со II Интернационалом, никого не чувствуют в такой мере, никого не любят такой глубокой, интимной любовью, как Владимира Ильича.

Осиротел международный рабочий класс; осиротела больше всего наша родная Российская Коммунистическая партия, которая имела величайшее счастье трудиться, работать, бороться, побеждать, а иногда терпеть горькие поражения под руководством Владимира Ильича.

Товарищи, в течение месяцев и годов мы будем еще пытаться отдавать себе отчет в том, что же сделано для нашей страны, что же сделано для всего международного пролетариата Владимиром Ильичем. Нынешнее собрание есть только первая слабая попытка отдать себе отчет, отдать отчет лучшим представителям рабочего класса и крестьянства нашего Союза, а через них и всей нашей стране, а через нее и всему миру, отдать отчет в том, что сделал Владимир Ильич для нашей страны.

Владимира Ильича больше нет. Мы завтра опустим его в могилу.

Что будет дальше? Сумеет ли мы, оставшиеся в живых, сумеет ли созданная Владимиром Ильичем партия и Советская власть, сумеет ли мы провести нашу страну дальше, в тот край обетованный, который предносился духовному взору Владимира Ильича? Сумеет ли мы, хотя бы с грехом пополам, напрягая все силы коллективного разума и коллективной организованности, выполнить то, чему учил нас Владимир Ильич?

Товарищи, электрическая искра пролетела по рядам не только

всей нашей партии, но и всего рабочего класса и очень значительных слоев крестьянства.

Наша партия будет единой. Наша партия теперь больше, чем когда бы то ни было, сплотится. Каждый рядовой или не рядовой участник нашей партии или Советской власти лучше даст отрезать себе правую руку, раньше чем сделает хотя бы какой бы то ни было шаг, который, хотя бы в малейшей мере, может нарушить единство железных рядов Российской Коммунистической партии или Советской власти. Единство партии — это основное величайшее достояние, которое осталось нам от Владимира Ильича. Мы должны суметь сберечь его как зеницу ока.

Владимир Ильич провел нашу страну через самое глухое, через самое трудное время. Мы все уже теперь чувствуем: Россия становится, стала и будет становиться с каждым днем и с каждым годом все более богатой, все более великой рабоче-крестьянской страной. Наш Российский Союз Советских Социалистических Республик усилиями Владимира Ильича уже выведен на широкую дорогу. Самое трудное осталось позади. Неужели же мы промотаем столь великое наследство, неужели все мы вместе, ученики Владимира Ильича, прошедшие школу у такого гениального руководителя, неужели все мы, имеющие за спиной три революции, имеющие за собой неразрывную связь с такой превосходной пролетарской массой, которую мы наблюдаем в Москве и во всем Союзе Социалистических Республик, неужели же мы, окруженные доверием и любовью рабочих партий всего мира, всего что ни есть честного, революционного в международном пролетариате, неужели мы не сумеем выполнить эту сравнительно уже теперь не такую трудную задачу, какой она была в первые годы, в первые месяцы существования Советской власти?

Сумеем!

И как нам ни тяжело, товарищи, выше голову! Ответственность, которая ложится на нас, тяжела, но она не должна раздавить никого из нас.

Владимир Ильич оставил нам ключ к разрешению всех основных задач и оставил могучую организацию, которая имеет, — если она будет едина, если она даст себе клятву до конца крепко стоять на том посту, который завещал Владимир Ильич, — имеет основание надеяться, что она выполнит свою великую историческую миссию.

Близок тот момент, когда из рядов рабочего класса будут выходить новые борцы, новые титаны мысли. Не может быть, чтобы грядущая, развивающаяся на наших глазах международная пролетарская революция не дала нам новых крупных вождей. Она даст нам. Наш собственный народ, талантливый и даровитый, будет выдвигать, вероятно, десятки и, может быть, сотни новых талантливых вождей, работников деревни, работников города, тех людей, которые сумеют завершить дело Владимира Ильича.

Пусть заветы Владимира Ильича будут для нас святыми в лучшем смысле этого слова! Будем помнить те простые, но замечательные слова, которые мы слышали сегодня из уст Надежды Констан-

тиновны, и которая сказала их так, что лучше не мог бы сказать и сам Владимир Ильич. Будем достойны, товарищи, своего великого учителя, будем помнить, что на нас теперь больше, чем когда бы то ни было, смотрят не только трудящиеся Союза наших республик, но и трудящиеся всего мира. Будем достойны нашего великого учителя Владимира Ильича Ленина.

РЕЧЬ ТОВ. СТАЛИНА

Мы, коммунисты,— люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы те, которые составляем армию великого пролетарского стратега, армию тов. Ленина. Нет ничего выше, как честь принадлежать к этой армии. Нет ничего выше, как звание члена партии, основателем и руководителем которой является тов. Ленин. Не всякому дано быть членом такой партии. Не всякому дано выдержать невзгоды и бури, связанные с членством в такой партии. Сыны рабочего класса, сыны нужды и борьбы, сыны неимоверных лишений и героических усилий, вот кто прежде всего должны быть членами такой партии. Вот почему партия ленинцев, партия коммунистов, называется вместе с тем партией рабочего класса.

Уходя от нас, тов. Ленин завещал нам держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии. Клянемся тебе, тов. Ленин, что мы с честью выполним твою заповедь.

25 лет пестовал тов. Ленин нашу партию и выпестовал ее, как самую крепкую и самую закаленную в мире рабочую партию. Удары царизма и его опричников, бешенство буржуазии и помещиков, вооруженные нападения Колчака и Деникина, вооруженное вмешательство Англии и Франции, ложь и клевета стоустой буржуазной печати — все эти скорпионы неизменно падали на голову нашей партии на протяжении четверти века. Но наша партия стояла, как утес, отражая бесчисленные удары врагов и ведя рабочий класс вперед, к победе. В жестоких боях выковала наша партия единство и сплоченность своих рядов. Единством и сплоченностью добилась она победы над врагами рабочего класса.

Уходя от нас, тов. Ленин завещал нам хранить единство нашей партии, как зеницу ока. Клянемся тебе, тов. Ленин, что мы с честью выполним и эту твою задачу.

Тяжела и невыносима доля рабочего класса. Мучительны и тягостны страдания трудящихся. Рабы и рабовладельцы, крепостные и крепостники, крестьяне и помещики, рабочие и капиталисты, угнетенные и угнетатели — так строился мир спокон веков, таким он остается и теперь в громадном большинстве стран. Десятки и сотни раз пытались трудящиеся на протяжении веков сбросить с плеч угнетателей и стать господами своего положения. Но каждый раз, разбитые и опозоренные, вынуждены были они отступить, тая в душе обиду и унижение, злобу и отчаяние и устремляя взоры на неведомое небо, где они надеялись найти избавление. Цепи рабства оставались нетронутыми, либо старые цепи сменялись новыми, столь же тягостными и унижительными. Только в нашей

стране удалось угнетенным и задавленным массам трудящихся сбросить с плеч господство помещиков и капиталистов и поставить на его место господство рабочих и крестьян. Вы знаете, товарищи, и теперь весь мир признает это, что этой гигантской борьбой руководил тов. Ленин и его партия. Величие Ленина в том прежде всего и состоит, что он, создав республику Советов, тем самым показал на деле угнетенным массам всего мира, что надежда на избавление не потеряна, что господство помещиков и капиталистов недолговечно, что царство труда можно создать усилиями самих трудящихся, что царство труда нужно создать н а з е м л е, а не на небе. Этим он зажег сердца рабочих и крестьян всего мира надеждой на освобождение. Этим и объясняется тот факт, что имя Ленина стало самым любимым именем трудящихся и эксплуатируемых масс.

Уходя от нас, тов. Ленин завещал нам хранить и укреплять диктатуру пролетариата. Клянемся тебе, тов. Ленин, что мы не пощадим своих сил для того, чтобы выполнить с честью и эту твою заповедь.

Диктатура пролетариата создалась в нашей стране на основе союза рабочих и крестьян. Это первая и коренная основа республики Советов. Рабочие и крестьяне не могли бы победить капиталистов и помещиков без наличия такого союза.

Уходя от нас, тов. Ленин завещал нам укреплять всеми силами союз рабочих и крестьян. Клянемся тебе, тов. Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь.

Второй основой Республики Советов является союз трудящихся национальностей нашей страны. Русские и украинцы, башкиры и белорусы, грузины и азербайджанцы, армяне и дагестанцы, татары и киргизы, узбеки и туркмены — все они одинаково заинтересованы в укреплении диктатуры пролетариата. Не только диктатура пролетариата избавляет эти народы от цепей и угнетения, но и эти народы избавляют нашу Республику Советов от козней и вылазок врагов рабочего класса своей беззаветной преданностью Республике Советов, своей готовностью жертвовать за нее. Вот почему тов. Ленин неустанно говорил нам о необходимости добровольного союза народов нашей страны, о необходимости братского их сотрудничества в рамках Союза Республик.

Уходя от нас, тов. Ленин завещал нам укреплять и расширять Союз Республик. Клянемся тебе, тов. Ленин, что мы выполним с честью и эту твою заповедь.

Третьей основой диктатуры пролетариата является наша Красная Армия, наш Красный Флот. Ленин не раз говорил нам, что передышка, отвоеванная нами у капиталистических государств, может оказаться кратковременной. Ленин не раз указывал нам, что укрепление Красной Армии и улучшение ее состояния является одной из важнейших задач нашей партии. События, связанные с ультиматумом Керзона и с кризисом в Германии, лишний раз подтвердили, что Ленин был, как и всегда, прав. Поклянемся же, товарищи, что мы не пощадим сил для того, чтобы укрепить нашу Красную Армию, наш Красный Флот.

Громадным утесом стоит наша страна, окруженная океаном буржуазных государств. Волны за волнами катятся на нее, грозя затопить и размыть. А утес все держится незыблемо. В чем ее сила? Не только в том, что страна наша держится на союзе рабочих и крестьян, что она олицетворяет союз свободных национальностей, что ее защищает могучая рука Красной Армии и Красного Флота. Сила нашей страны, ее крепость, ее прочность состоят в том, что она имеет глубокое сочувствие и нерушимую поддержку в сердцах рабочих и крестьян всего мира. Рабочие и крестьяне всего мира хотят сохранить Республику Советов, как стрелу, пущенную верной рукой тов. Ленина в стан врагов, как опору своих надежд на избавление от гнета и эксплуатации, как верный маяк, указывающий им путь освобождения. Они хотят ее сохранить, и они не дадут ее разрушить помещикам и капиталистам. В этом наша сила. В этом сила трудящихся всех стран. В этом же слабость буржуазии всего мира.

Ленин никогда не смотрел на Республику Советов как на самоцель. Он всегда рассматривал ее как необходимое звено для усиления революционного движения в странах Запада и Востока, как необходимое звено для облегчения победы трудящихся всего мира над капиталом. Ленин знал, что только такое понимание является правильным не только с точки зрения международной, но и с точки зрения сохранения самой Республики Советов. Ленин знал, что только таким путем можно воспламенить сердца трудящихся всего мира к решительным боям за освобождение. Вот почему он, гениальнейший из гениальных вождей пролетариата, на другой же день после пролетарской диктатуры заложил фундамент Интернационала рабочих. Вот почему он не уставал расширять и укреплять союз трудящихся всего мира, Коммунистический Интернационал.

Вы видели за эти дни паломничество к гробу тов. Ленина десятков и сотен тысяч трудящихся. Через некоторое время вы увидите паломничество представителей миллионов трудящихся к могиле тов. Ленина. Можете не сомневаться в том, что за представителями миллионов потянутся потом представители десятков и сотен миллионов со всех концов света для того, чтобы засвидетельствовать, что Ленин был вождем не только русского пролетариата, не только европейских рабочих, не только колониального Востока, но и всего трудящегося мира земного шара.

Уходя от нас, тов. Ленин завещал нам верность принципам Коммунистического Интернационала. Клянемся тебе, тов. Ленин, что мы не пощадим своей жизни для того, чтобы укреплять и расширять союз трудящихся всего мира — Коммунистический Интернационал.

РЕЧЬ ТОВ. БУХАРИНА

Товарищи, завтра мы хороним Владимира Ильича. В жизни каждой организации, в жизни каждого народа и каждой страны бывают иногда такие трагические моменты, когда каждый из борцов

невольно оглядывается на пройденный путь, отходит на известное расстояние и тогда начинает понимать и свою собственную историю, и свои собственные дела, и героев разыгравшейся драмы гораздо лучше, четче и гораздо правильнее, чем в пылу самой борьбы. Сейчас наша страна, вся целиком, — ибо тов. Ленин сейчас признанный герой не только нашей партии, не только рабочего класса и не только крестьянства, но всей нашей великой страны, — вся наша страна отходит несколько назад и смотрит на то, что она пережила за тяжелые, славные, мучительные, героические годы своей революционной истории.

Мы теперь ясно видим, какой гигантской фигурой был ушедший от нас тов. Ленин. Можно сказать, что эта громадная, исполинская фигура будет вечно стоять на рубеже двух эпох в истории развития человеческого общества.

Только теперь впервые мы начинаем видеть фигуру Владимира Ильича, ибо только теперь он из гроба, мертвый, встал во весь свой рост.

Владимир Ильич был знаменосцем великой победоносной революции.

В то время как старая Европа — мать европейской цивилизации, средоточие культуры, лежит сейчас в обломках, крови и хаосе, в то время как старые хозяева этой Европы уже не чувствуют прежней уверенности, какую чувствовали десятки лет тому назад, и буржуазное сознание мечется в поисках какого-либо выхода и его не находит, — в это время только одна сила сейчас спланивается, которая может вывести на дорогу прямую, которая уведет человеческое общество из этого царства смерти и разрушения. Эта великая сила есть рабочий класс и энергия миллионов трудящихся. И глашатаем, пророком, вождем, лучшим советчиком этих миллионов был тов. Ленин.

Тов. Ленин — величайшая фигура, которую мы знаем. Но он имеет одно свойство, которым обладают очень и очень немногие из великих исторических фигур, можно даже сказать, что он является первой такой исторической фигурой колоссального размаха и гигантского роста, которая обладает этим свойством. Я говорю здесь о том, что никто из нас не знал человека, который был бы так доступен, был бы так близок, был бы так прост к каждому рабочему, к каждому крестьянину, к каждой работнице, к каждой крестьянке.

В чем была сила, то обаяние и та власть над умами и сердцами, и душами, которую имел тов. Ленин? Она заключалась в том, что тов. Ленин умел не только говорить к массам, но и умел слушать. Тов. Ленин был величайшим человеком, который имел тысячи проводов к каждому сердцу рабочего и крестьянина, к тем новым людям, которые только-только впервые начали подниматься на историческую арену.

Мы знаем много великих людей, мы знаем, что громаднейшее большинство этих великих людей вообще почти что не соприкаса-

лось с теми классами, которые вот только впервые выходят на историческую арену. Все герои буржуазии, все герои феодальной истории, они в крестьянине, в низших классах видели только известный материал для своих эксплуататорских упражнений.

Тов. Ленин подошел к рабочему, подошел к крестьянину не сверху, он подошел как лучший товарищ, лучший друг, и не только по своему чувству, не только по своим настроениям, но и по методам своей работы.

Нам всем нужно тысячу и тысячу раз учиться у Ленина тому особому подходу, которым он брал сердце рабочего и сердце крестьянина. Ни одного слова с выкрутасами, ни одного непонятого выражения, ни одной непонятной речи, всюду расчет на массу, всюду расчет на понимание захолустной деревушки, всюду величайшая чуткость к тем, которые еще только-только поднимаются, только-только делают первые шажки по ступеням общественной лестницы.

И вот эта величайшая доступность, это громаднейшее проникновение в сердца людей, эта необычайная интимная духовная близость к новым людям, к черной кости, которая теперь поднимает голову, вот эта интимная близость Владимира Ильича к массам — она создала то, что Владимир Ильич был магом и чародеем, который владел умами и сердцами миллионов. Та могучая спайка между нашим вождем и между каждым отсталым рабочим и работницей — вот тот великий союз, та великая смычка, которая шла через нашу партию, через рабочий класс, через его союз с крестьянством от самых низов до самой громадной фигуры, стоящей наверху. Эта непрерывная цепочка была гарантией того, что мы с такой силой, с такой бешеной энергией, с таким нажимом волевым добились того, что ставила своей задачей под руководством Владимира Ильича наша партия.

Я не могу останавливаться на всех тех основных личных свойствах Владимира Ильича, которые делали его величайшим из ныне живущих людей. Всем известно — это говорят уже наши противники, — что в Ленине было удивительное и чудесное сочетание громаднейшего ума, колоссальной, бешеной энергии и воли, необычайной чуткости и отзывчивости ко всему тому, что происходит в массах. Все это, вместе взятое, делало Владимира Ильича нашим несравненным вождем и нашим учителем.

Когда теперь он сходит в могилу, когда мы уже слышали его последний мученический вздох, мы знаем: Владимир Ильич сумел завоевать себе такой авторитет, сумел завоевать себе такое влияние, которое распространяется далеко, далеко за пределы того государства, которое было сколочено его железной рукой.

Вы посмотрите на нашу страну. Рабочий класс могучей стеной стоит и охраняет эту великую могилу; крестьянство шлет со всех сторон нам своих ходоков; представители самой крупной нашей русской научной мысли, академики старой академии, представители квалифицированной интеллигенции, которая когда-то, в дни Октябрьской революции, не находила слов для того, чтобы заклеить

большевиков,— они стоят сейчас, вместе с представителями рабочего класса, в почетном карауле при гробе Владимира Ильича.

Что все это означает? Это, товарищи, означает, что не поколебим тот гранит, на котором стоит Советская власть. Это означает, что мы уже заложили прочнейший фундамент, что самое трудное время для нас позади; это значит, что гениальный мастер революционной тактики, Владимир Ильич, провел наш государственный корабль мимо всех опасных рифов и мелей; это значит, что основное дело сделано для нашей страны на ⁹/₁₀.

Мне хотелось бы сказать еще несколько слов о Владимире Ильиче как о человеке. Когда-нибудь об этом напишут, по всей вероятности, целые тома. Но мы, кто знал Владимира Ильича ближе, мы можем сказать вам, что не только с точки зрения личного мужества, нечеловеческого хладнокровия, храбрости, преданности делу, того, что буржуазные пошляки называют революционным фанатизмом, но и с точки зрения глубочайшей человечности и товарищества Ленин был человеком несравненным. Это была прекраснейшая из жизней. Это был величайший человек. Это был крупнейший мозг, который весь целиком от начала своей сознательной жизни до конца был отдан, растрочен в бешеной работе на пользу рабочего класса и на пользу международной революции.

Владимир Ильич учил нас в самые критические минуты: тверже, чем когда бы то ни было, стоять на ногах и распоряжаться нашим мозговым аппаратом с большим хладнокровием, чем обыкновенно.

И теперь, когда мы потеряли нашего любимого учителя, нашего дорогого друга, нашего величайшего вождя, мы, товарищи, должны найти в себе силу и мужество для того, чтобы больше, чем когда бы то ни было, приняться за горячую, за бешеную работу на тех постах, на которых мы стоим на службе революционных рабочих и революционных крестьян.

И когда теперь мы стоим у его могилы,— заключает тов. Бухарин,— которая еще открыта, мы все ясно чувствуем Владимира Ильича, который встает во весь рост свой из гроба и дает нам свой последний приказ, свое последнее распоряжение:

- Держите наше знамя!
- Идите вперед!
- Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РЕЧЬ ТОВ. КЛАРЫ ЦЕТКИН

От Германской коммунистической партии слово предоставляется тов. Кларе Цеткин. Она произносит свою речь на немецком языке. Тов. Луначарский переводит ее:

Ваша незаменимая утрата есть наша утрата. Ваша незаменимая боль есть наша боль, ваша горячая и бесконечная благодарность великому Ленину разделяется также и нами. Ваши священные

клятвы являются и нашими клятвами — бороться и работать в том же направлении, беречь наследие Ленина и развивать его дальше. Ведь этому делу он отдавал кровь своего сердца, день за днем, капля за каплей. Мы, германские коммунисты, и далеко за пределами нашей партии также все рабочие Германии, сохранили ненависть к капиталу и революционный дух и в этом отношении с вами сливаемся целиком.

Ленина больше нет. Для коммунистической партии Германии он в течение последнего времени был сверкающей путеводной звездой. В течение долгого времени мы в Интернационале не признавали всей яркости этого светила, и только когда ночь стала наиболее глубокой и наиболее темной, тогда этот светоч засиял для всех. Он стал учителем для коммунистической партии Германии, и только он дал возможность Германской коммунистической партии взять верный путь среди бурь и волнений, ее встретивших.

Германская партия готова развернуть до высшего напряжения революционную активность, как в недрах самой партии, так и в рабочих массах, устремляя их к завоеванию власти. Она будет учиться при этом все вновь и вновь искусству непревзойденного мастера революции Ленина, она будет, как и он, с холодным разумом взвешивать все обстоятельства. Она перенесет тактику и методы Ленина на немецкую почву. Коммунистическая партия Германии склоняется пред Лениным как великим мастером в области мысли, в области революционной теории, где блеск идеала так легко стирает границы явлений и заставляет взгляды блуждать в необъятном и терять из виду прочную землю. Она склоняется пред ним как пред великим мастером революционного дела, который движется по твердой почве, но где распыление внимания так легко заставляет отклоняться от конечной цели и теряться в подробностях.

Он был велик также в своей простоте, в правдивости всего своего существа, в своей необычайной скромности. Он был велик своей любовью ко всем малым, своим глубоким, всегда готовым на помощь сочувствием всякому страданию, своим внутренним единством с природой, с космосом. Благородная человечность Ленина была тем самым крепким корнем, который давал ему его несравненную революционную мощь.

Ленин умер, но осталась коммунистическая партия России, остались рабочая и крестьянская Советская Россия, Союз Советских Социалистических Республик и III Интернационал. Социалистические Советские Республики гармонично сольются: юношеский, полный сил, богатый будущим Восток со зрелым, утонченным в своей культуре Западом, и вместе они создадут неслыханный расцвет общечеловеческой культуры. Тогда действительно будет то, что Ленин в гениальнейшем пророческом прозрении предвидел, и ради чего он работал. Во имя этой действительности продолжим нашу борьбу и нашу работу. Бесконечной преданностью ей, напряженной отдачей всех своих сил ей докажем, что мы достойны столь чистого, столь благородного, столь мудрого и столь мощного вождя.

РЕЧЬ ТОВ. ТОМСКОГО

В лице Владимира Ильича трудящиеся всего мира, независимо от национальностей и цвета кожи, понесли тяжелую утрату. Они потеряли вождя и руководителя. Но в то же время, несомненно, что наиболее близким, наиболее родным Владимир Ильич был русскому рабочему классу. Из рядов рабочего класса тов. Ленин вырастил сотни и тысячи своих сподвижников и верных учеников. С этим рабочим классом он завоевал власть и сверг власть капиталистов. И если наиболее тяжело и больно эту утрату переживает русский рабочий класс, то вместе с ним эту горечь и боль целиком переживают русские профсоюзы. В трудные минуты, там, где были опасность, трудность, колебание, В. И. указывал каждому отдельному отряду своей армии его место, направление, действие.

В наиболее трудные минуты для российского профдвижения В. И. давал нам вполне законченные заповеди. Одной из первых заповедей являлся завет — не отделять политику от экономики. Вторым заветом было — приносить в жертву интересам класса все личное, все групповое, все цеховое. Третий завет — не противопоставлять профессионально-экономическое движение политическому движению рабочих, осуществляемому авангардом рабочего класса — компартией.

Он точно указывал роль каждой организации в период героической борьбы рабочего класса за свое окончательное освобождение. Он указал роль партии как авангарда рабочего класса. Он указал роль профсоюзов как передаточного механизма от партии к широким непартийным рабочим массам. Он дал завет профсоюзам неустанно воспитывать и черпать новые и новые сотни тысяч рабочих, вливая их в госаппарат для его оздоровления, перестройки, укрепления и приближения к массам. Он указал величайшую роль наших профсоюзов как школ коммунизма. Он всегда указывал пути и методы осуществления каждого важнейшего лозунга. Воспитательные методы, которые он нам завещал, отличаются тем, что эти методы основаны не на книжничестве, не на простой обычной педагогике, а на своеобразной революционной педагогике, педагогике опыта. Он не боялся ошибок. Он верил в массы, в их инстинкт, в их творчество.

Методы, которые завещал нам Владимир Ильич в нашей работе профсоюзов, заключались в том, что основной лозунг был — «ближе к массам». Но мало сказать «ближе к массам». Владимир Ильич требовал большего. Он и здесь указывал, как установить эту связь с массами. Он указывал, как подходить к рабочему, которого он горячо любил и который чувствовал эту любовь Владимира Ильича, о котором он вечно заботился, и особенно заботился в тяжелые годы голода, ибо постоянной мыслью его было — как бы нам дать передохнуть рабочим в голодающих местностях, как бы их подкормить. Это было постоянной темой и беседой Владимира Ильича за этот период.

Но он был чужд и нас предупреждал от того, чтобы и мы не

имели и тени фальшивой идеализации рабочих. Он знал, что русский рабочий,— как он выражался,— еще по колени стоит в грязи прошлого капиталистического общества. Но лучше этого рабочего не могло быть, другого отвлеченного, чистенького рабочего создать нельзя и немислимо, и он учил любить рабочего таким, какой он есть, и таким вел его на героическую борьбу. Учитывая все это, он учил нас считаться с требованиями. Он вслушивался не только в классовые героические настроения рабочего, но учитывал, изучал предрассудки его, в то же время ни на минуту не позволяя себе плыть по течению. Он учил нас воспитывать массы, считаясь с их культурным уровнем, считаясь с тем, что сразу, «наскоком», «налетом» — методы, которые он всегда осмеивал, — такими методами массовая работа не делается. Он учил нас поднимать массу, давая ей простейшую, наиболее доступную ее пониманию и осуществлению задачу, переводя от простых к более трудным, к более сложным задачам, ведя ее в культурном и экономическом отношении все выше, все выше.

И сегодня, накануне похорон Владимира Ильича, я думаю, что я выражу вполне чувство не только работников профессионального движения, но и всех организованных рабочих, если я скажу, что все заветы Владимира Ильича, которые он нам завещал в наиболее тяжелые и трудные минуты для русских рабочих и их союзов, мы свято и честно выполним. И партия, и союзы, и Советская власть с двойной бдительностью будут следить за тем, чтобы не случилось того, чего так остерегался всегда и за чем так строго наблюдал Владимир Ильич, чтобы не ослабить передаточные ремни от партии к беспартийным рабочим массам, от союзов к массам, от рабочих масс к крестьянству.

РЕЧЬ ТОВ. ША-АБДУРАСУЛЕВА

(От народов Туркестана)

— Товарищи, я мало владею русским языком. Но, как сумею, выражу от имени освобожденных народов Туркестана ту скорбь, то горе, которые охватили эти народы после смерти нашего великого вождя, Владимира Ильича. Все крайние уголки Туркестана горюют о смерти дорогого Ильича. Народы Туркестана изучили Ильича, очень хорошо понимают и ценят все, что дал для угнетенного Туркестана Владимир Ильич.

Когда Туркестан находился под гнетом царского правительства, народы его, трудящиеся Туркестана, не могли свободно дышать и свободно развиваться. Временное правительство, сменившее царское, ничем не отличалось от царского правительства. Когда Красный Октябрь, во главе с тов. Лениным, бросил свои лозунги и свои заветы: «Поднимайтесь, народы Востока! Боритесь за свое освобождение!» — народы Туркестана и трудящиеся в первое время не поверили им. Но когда эти заветы, эти лозунги стали проводиться в жизнь, трудящиеся Туркестана поняли, что такое Ленин и какая

разница между европейцем-пролетарием и между европейцем-буржуа.

Теперь, когда в течение 6 лет под руководством Ленина мы проводим в Туркестане ту политику, те мероприятия, которые приобщают народы Туркестана к просвещению, к сознательности, к освобождению и к цивилизации,— теперь каждый декханин, сидящий в отдаленном уголке Туркестана, знает имя товарища Ленина, знает и верит, что он — его вождь, его освободитель. И он любит его.

Когда мы уже не имеем тов. Ленина, народы Туркестана горюют и считают эту потерю великой потерей. Но мы должны сказать, что Ленин — наш дорогой вождь. За свое 6-летнее руководство он сумел посеять у нас, в Туркестане, семена своих идей, и мы насчитываем в Туркестане около 12 000 его учеников. Ленин живет в сердце каждого декханина. Рабочие Туркестана никогда не забудут заветов дорогого вождя. Его заветы будут сохранены до конца и проведены в жизнь.

Мы помним, как тов. Ленин говорил, что освобождение Востока — наша первая задача. Этот завет мы помним и открыто говорим: хотя тов. Ленина среди нас сейчас уже нет, но его идея хранится у нас в сердце. Мы никогда не забудем его заветов и под руководством Коммунистической партии, под руководством его партии, народы Востока приложат все усилия для освобождения Востока и для освобождения всего мира.

Дорогого товарища Ленина нет среди нас. Но мы его помним. За его идеи мы не пожалеем последней капли крови.

РЕЧЬ ТОВ. КРАЮШКИНА

(От беспартийных крестьян)

— Товарищи крестьяне и рабочие. Велика потеря для нас в настоящее время. Я, старик, не могу выразить словами то, что переживаю в своей душе. Умер наш великий товарищ Владимир Ильич. Он не придет теперь в нужную минуту побеседовать, растолковать, направить на истинный путь, на тот путь, который ведет нас к этому светлomu, великому будущему. Да, он умер, но он живет с нами. Я громко скажу, что он с нами живет в наших сердцах. Он положил основание крепкое, прочное, которое будет стоять сотни лет. Он с нами всегда, он из могилы будет нам диктовать, будет направлять нас на этот истинный путь, который выведет не только нас, Россию, но и тех, кто за рубежом живет, кого гнетут империалисты. Он освобождает всех. Он основал здание свое не на песке, а на твердом фундаменте, и мы это здание будем строить, пока достроим и почувствуем себя на высоте своего достоинства, пока мы будем все равны и счастливы.

Товарищи! Ах, как велика эта потеря! Но что поделаешь, слезами не поможешь. Мы будем надеяться на наш крепкий и непреодолимый коллектив, которому заповедал свои слова тов. Ленин: коллективными силами мы все можем сделать. Это был учитель,

учитель не только России, но всего мира. Это тот благоразумный отец, который позвал своих детей и передал ныне хозяйство в руки своих сыновей. Он со всей России созвал своих сынов. Это тот отец, который сказал: «Дети мои, я умираю. Вася, принеси мне веник. Переломай его». Сын не мог переломать. А когда развязали, то по пруту легко было разломать. Он сказал: «Дети, я умираю, но помните, если будете тесно связаны между собой, никто вас не победит, никто вас не сломит, а если будете врозь идти, кто как хочет, да горячиться, тогда вы — ничто». Так и мы — мы веник, который сломать нельзя. Этот веник не только никто не сломит, но он выметет ту гниль, которая до сих пор еще воняет в каждой щели.

Будем же благоразумными, честными борцами. Я старик, но клянусь, что в критическую минуту, если потребуются силы наши, то мы, и отцы, и наши братья, выступим в тот кровавый бой с капиталом, который нам еще предстоит. Тесно сплотившись с рабочими, мы победим. И так, товарищи, в единстве есть наша победа. Вечная память нашему дорогому Ильичу, а нам — доброе здоровье.

РЕЧЬ ТОВ. СЕРГЕЕВА

(От завода «Красный путиловец»)

— Товарищи, трудно очень описать светлую личность тов. Ленина. Невозможно, я бы сказал, так описать, как бы нам, рабочим, нужно было. Я думаю, я уверен, что ни одна кисть художника не может уловить тех черт дорогого лица, которые нам так близки и которые так глубоко запали в душу каждого из нас, каждого рабочего. Не найдется такого портрета, который мог бы изобразить всю гигантскую фигуру нашего дорогого Ильича. Нет таких рамок.

Товарищи, нет такого угла среди пролетарских масс во всем земном шаре, где бы в сердцах угнетенных не было образа этих родных, милых черт, не было бы дорогой памяти, не было бы дорогих мыслей, не было бы дорогих, светлых моментов его незабвенного учения. Нет. Нет той расы, которая бы не знала, которая бы не чтит его как самого близкого, самого дорогого человека в мире, человека, который своей чуткой, отзывчивой душой мог понять все нужды угнетенных мировым капиталом. Нет такого медвежьего угла нашей отечественной деревни, где бы крестьянин не знал и не уважал нашего вождя. Нет таких уголков. Каждый знает Ильича. Нужно все пережить самому, испытать, увидеть его, понять его. Только тогда можно почувствовать, какую громадную невозвратную личность мы утратили.

Я думаю, каждый из нас знает, когда во время шторма ночью корабль застигнут бурей, он ищет во мгле ночи призывных, предостерегающих огней пылающего маяка. Этим маяком среди бушующего моря, среди ночи, был, звездами горел наш дорогой вождь — Ленин. И не один корабль пришел к берегам III Интернационала по пути, освещенному этим маяком. Не один корабль еще идет в пути. И вот погас маяк! Но, товарищи, погас не совсем. Остались

зажженные им лучи, которые также ярко светят во мгле ночи, освещая тот великий путь, по которому идут еще отсталые.

Помните, товарищи, любимое выражение нашего дорогого вождя. Он сравнивал с локомотивом катящееся с невероятной быстротой наше революционное движение. Да, товарищи, это самое верное, самое меткое сравнение. Не уследит мозг, не уследит мысль за теми гигантскими оборотами маховика истории, которые делает наш локомотив. Трудно. Но ведь по этому локомотиву был и машинист. Ни на минуту не закрывая регулятора, тонко, вдумчиво, осторожно, на самых крутых поворотах наш машинист благополучно проходил. Напряженная, гигантская, титаническая работа, однако, подорвала силы машиниста, и он остановил на момент, на одну, быть может, секунду паровоз, но остановил с полным давлением котла пара; и в эту оставленную им будку вошел другой машинист — наша коллективная мысль — наследие нашего безвременно ушедшего вождя. И опять с полным регулятором наш паровоз — паровоз мировой революции — летит вперед.

Товарищи, горе будет тем, кто станет нас, идущих по рельсам Ильича, останавливать, — еще раз повторяю: горе и горе будет им. Мы дали классовую клятву: Ильич — пролетарий — крестьянин. Эта клятва была выполнена в 1917 году, и она также действительна до окончания намеченного нами пути.

И вот, товарищи, скорбя по невозвратной потере, весь рабочий класс мира говорит: да, умер Ильич, но не умерла его мысль, он оставил богатое наследство и достойных наследников в лице Российской Коммунистической партии, пропитанной до корня духом ленинизма. Да здравствует социальная революция во всем мире! Да здравствует Коммунистическая партия, проникнутая корнями ленинизма!

РЕЧЬ ТОВ. НАРИМАНОВА

**(Председатель ЦИКа Закавказской Соц. Фед. Сов. Республики
и Председатель ЦИКа СССР)**

— Товарищи, тов. Ленин велик, могуч тем, что он собрал вокруг себя всех угнетенных мира. Его могучие слова, его заветы в особенности запали в сердца угнетенных Востока. Угнетенные Востока до завета тов. Ленина думали, что нет для них выхода, что судьбой суждено им быть угнетенными европейским капиталом. Но тов. Ленин сказал свое могучее слово, показал на примере, что угнетенные могут избавиться от опеки буржуазии, и угнетенные Востока поняли, что настало время подумать о своем освобождении. Они на деле увидели, что угнетенные окраины получили свободу, живут самостоятельно, развиваются, самоопределяются, — и это придало дух всем угнетенным других стран Востока.

Завтра перед свежей могилой нашего вождя все угнетенные Востока дадут клятву, что пойдут за заветами тов. Ленина. Все угнетенные Востока еще больше объединятся для достижения своей заветной цели.

РЕЧЬ ТОВ. ЗВЕРЕВОЙ

(От Трехгорной мануфактуры)

— Товарищи, по поручению рабочих и работниц Красной Пресни приношу глубокую скорбь Всесоюзному Съезду, Центральному Исполнительному Комитету, Московскому Совету.

Узнав о смерти Владимира Ильича, каждый почувствовал великую скорбь у себя на сердце. Потеряли мы своего избранника, которого мы общим собранием избрали членом Моссовета. Владимир Ильич, посещая нас, всегда обращался с ласковыми, добрыми, хорошими словами. И мы всегда ему доверялись, как своему учителю, вождю, освободителю рабочего класса. Он много сделал для нас, рабочих и работниц, снял с нас цепи капитала, прочистил терновую дорогу. И мы, рабочие и работницы, идем по этому пути. Он оставил нам в наследство Коммунистическую партию, которая будет продолжать его дело до победоносного конца. Она боролась, поднимая Красное знамя за освобождение бедноты, и мы не выпустим этого знамени во веки веков.

РЕЧЬ ТОВ. Л. КАМЕНЕВА

— Товарищи! Сказаны все слова, и ясно, что нет тех слов, которые были бы достаточны для того, чтобы характеризовать то великое и в величии своем простое дело, которое жизнью своей сделал ушедший от нас вождь. Там, в глухой провинции отсталой крепостнической России меньше чем через 10-летие после того, как Россия перестала быть страной «крепостных мужиков», родился в семье учителя человек, который пошел на завоевание мира и который мир завоевал. Чем он был вооружен? Чем боролся он в мире насилия и зла? Что мог он противопоставить господствующему строю?

У него было пламенное сердце, но история человечества знает большое количество мечтателей, которые, однако, не смогли побороть ни одной капли человеческого зла. У него была железная воля, но человечество знает людей, результатом железной воли которых было только усугубление количества зла, только войны и гнет над миллионами.

Но кроме пламенного сердца, кроме души великого мятежника против всякого насилия, кроме железной нестигаемой воли наш вождь был вооружен идеей, идеей освобождения трудящихся масс, идеей, которая не знает границ, которая охватывает весь мир, которая соединяет людей в братскую семью, в стальную когорту борцов. И этой идеей, ею одной он, казалось бы бессильный и слабый, этой идеей он потряс весь мир, он ниспроверг самую обширную монархию мира, он заставил дрожать самые крепкие престолы, он заставил к этой идее примкнуть миллионы людей, которые считали, что они обречены, что у них нет выхода. Этой идеей он связан с массами, он воплотил то, о чем говорил Маркс, он сделал то, что идея, великая идея освобождения пролетариата стала идеей широчайших масс и тем самым стала величайшей силой. Мы знаем, как все враги ра-

бочего класса видели ту силу, которая воплотилась во Владимире Ильиче. Его преследовали царские ищейки, республиканская полиция Керенского охотилась за ним. Люди, которые называли себя социалистами-революционерами, готовили для него пулю.

Ильич связал себя с рабочей массой не только идеей. Нет. Здесь у нас, в Москве, по улицам ее, от Серпуховки до дверей его кабинета, идет кровавый след, след его живой крови, и эта кровь, живая кровь, связывающая его кабинет с рабочей Москвой, с рабочими окраинами, она вошла в то море крови, которым оплачивает рабочий класс свое освобождение.

Но не только кровь свою влил Владимир Ильич в это море крови, которого как искупительной жертвы требует капиталистический мир от борющегося пролетариата. Он отдал этой связи свой мозг. Врачи, которые достали из мертвого тела Владимира Ильича пулю, которая в последние годы оставалась там как свидетель ненависти всех эксплуататоров к нашему вождю, эти врачи раскрыли и его мозг, этот удивительный, поразительный мозг, мощностю которого не знает себе равного. И они сказали нам сухими словами протокола, что этот мозг слишком много работал, что наш вождь погиб потому, что не только кровь свою отдал по каплям, но и мозг свой разбросал с неслыханной щедростью, без всякой экономии, разбросал семена его как крупницы по всем концам мира, чтобы эти капли крови и мозга Владимира Ильича взошли потом полками, батальонами, дивизиями, армиями борющегося за свое освобождение человечества.

Он работал всегда во имя этой идеи. Но не всегда, товарищи, ему, прирожденному вождю миллионов, человеку, который рожден был для того, чтобы быть полководцем пролетарской и крестьянской армии, не всегда было ему дано счастье говорить с тысячами и даже с сотнями. Годы, долгие годы, большее число лет, чем то, которое он имел возможность непосредственно общаться с рабочими массами, он провел в изгнании, в эмиграции. Он должен был в эти долгие годы затрачивать свой мозг не для того, чтобы руководить миллионами, а в группах в 20—30 человек, подготавливая будущих вождей пролетарской армии, и он делал это дело в парижских рабочих предместьях, в женевском изгнании, обучая мелкие группы изгнанников с такой же страстью, с такой же верой, как тогда, когда его с глубоким вниманием слушали миллионы людей.

Он никогда не боялся остаться один, и мы знаем великие поворотные моменты в истории человечества, когда этот вождь, призванный руководить человеческими массами, был одинок, когда вокруг него не было не только армий, но и группы единомышленников. В момент, когда он начал организовывать нашу Коммунистическую партию, он был один против всяких авторитетов. В момент, когда разразилась война, он остался один против всех соединенных авторитетов социалистов. Что давало ему силы в такие моменты? Он был один, но он верил, он жил великим доверием к массам. Единственно, что не оставляло его никогда, — это вера в творчество подлинных народных масс. Я не знаю слова, которое реже попадалось

бы в сочинениях и в речах Владимира Ильича, чем слово «я». Он был вождем, он был полководцем, он принимал решения, которых ждали с напряженным вниманием не только низы человечества, но и «господа» человечества. Он знал, какое значение имеет его слово, и он никогда не говорил: «я решаю», «я хочу», «я думаю», он говорил: масса хочет, масса решает, партия хочет, партия решает. Он был рупором подлинных масс, подлинных низов человечества, был их вождем, был рупором нашей партии. Он формулировал то, что росло бессознательно в сердцах и умах угнетенного пролетариата.

Он говорил не раз: я знаю несовершенство наших декретов, я знаю несовершенство нашего законодательства, но это преходяще, преходящи наши законы, преходящи наши организации, мы будем ошибаться, мы будем переделывать, но непреходящим, непреложным единственным камнем будущего является творчество самих масс, «черной кости», «простонародья». Около 20 лет тому назад, в момент, когда впервые рабочий класс и крестьянство России, задавленное и угнетенное, скинуло психологию рабов, которая прививается человечеству современным строем, которая пропитывает и отравляет поры человека, Ленин в это время писал:

«Либералы и оппортунисты кричат об исчезновении мысли и разума, когда, вместо кромсания законопроектов всякими канцелярскими чинушами и либеральными писателями, наступает период непосредственной политической деятельности «простонародья», которое попросту, прямо, немедленно ломает органы угнетения народа, захватывает власть, берет себе то, что считалось принадлежащим всяким грабителям народа, одним словом, когда именно просыпается мысль и разум миллионов забитых людей, просыпается не для чтения только книжек, а для дела, живого человеческого дела, для исторического творчества».

К этому творчеству вел пролетариат и крестьянство Владимир Ильич, ему раскрывал он все возможности, ради него шел войной против всего мира, ради него оставался один, когда это было надо. И на этой почве он создал невиданное движение, открыл во всемирной истории новую эпоху человечества.

Мы, коммунисты, не привыкли ни перед чем склонять своих голов. Сейчас мы склоняем головы свои перед могилой вождя... Не верится, что нет его.

Да, он среди нас, он живет — живет в партии, живет в рабочем классе, живет во всем мире, и весь мир стоит сейчас с обнаженной головой у могилы вождя борющегося и освобожденного человечества и вместе с нами шлет проклятья той проклятой судьбе, которая отняла у нас и у мира великого вождя.

РЕЧЬ АКАДЕМИКА ОЛЬДЕНБУРГА

От имени Центрального совета секции научных работников произносит речь академик Ольденбург.

— Здесь говорили, — указывает академик Ольденбург, — о раз-

ных сторонах деятельности Владимира Ильича. Я остановлюсь на отношении Владимира Ильича к науке и научным работникам. Когда в 1920 году группа ученых академиков и профессоров пришла к Владимиру Ильичу и рассказала ему о труднейшем положении науки, Владимир Ильич сказал, что он хорошо понимает, насколько государство обязано поддерживать науку, ибо наука важна особенно теперь, при строении новой жизни, в которую мы все верим. Как человек действия, он сейчас же принял необходимые меры для улучшения положения научных работников.

Владимир Ильич хорошо понимал значение науки. У него было изумительное чутье, та интуиция, которая позволяла ему зачастую угадывать то, что потом другим приходилось доказывать. Он обладал пониманием того, какими путями надо идти для достижения намеченной цели. Это свойственно только гениальным людям. Еще одним свойством обладал он — это пониманием того, что не надо замалчивать своих ошибок. И тот, кто имеет мужество сознаться в своих ошибках, тот может действительно идти вперед.

Через всю нашу жизнь прошел великий человек, и поэтому в сознании каждого из нас жизнь представилась и богаче, и ярче, и сильнее, ибо та жизнь, которая создает таких великих людей, есть действительно сильная, могучая и прекрасная жизнь. Но если благодаря этому великому человеку наша жизнь стала богаче, сильнее и ярче, то вместе с тем это накладывает на нас и обязательства. Мы ведь теперь знаем, что он погиб, пожертвовал собою. Этот великий пример для нас обязателен, и каждый из нас в своем маленьком деле должен неуклонно жертвовать всем. Я думаю, что мы это сделаем. Это будет лучшая память, которую мы сохраним о Владимире Ильиче.

РЕЧЬ ТОВА. ВОРОШИЛОВА

(От Красной Армии и Красного Флота)

— Товарищи, Красная Армия и Красный Флот вместе со всеми трудящимися нашей страны переживают острую боль утраты нашего дорогого вождя и учителя Владимира Ильича.

Товарищи, Красная Армия и Красный Флот в эту тяжелую минуту, в этот тяжелый момент истории рабочего класса не забывают своих боевых обязанностей. Красная Армия и Красный Флот не выполнили бы своей задачи, они бы не сделали той работы, которую возложила история на нашу партию, если бы они в этот тяжелый момент подчинились чувству и забыли свои обязанности.

Владимир Ильич Ленин учил нас не теряться, не падать духом в тяжелые моменты жизни. И Красная Армия это учение усвоила полностью и целиком. Мы смело можем сказать, что те великие завоевания, которые достигнуты рабочим классом России, что те великие задачи, которые стоят перед всей нашей страной, будут выполнены до конца под охраной, под защитой наших передовых отрядов Красной Армии и Красного Флота.

Как ни тяжело сознавать, что мы сейчас остались без вождя, что мы потеряли величайшего стратега и руководителя мирового пролетариата в его борьбе, мы тем не менее должны твердо помнить, что наша задача состоит в том, чтобы те пути, те дороги, которые были указаны Владимиром Ильичем всему борющемуся международному пролетариату, были обеспечены для дальнейшего поступательного движения рабочих и крестьянских масс и всего человечества. Эти пути будут бдительно охраняться Красной Армией. И в этот тяжкий для нас момент, утратив дорогого Ильича, Красная Армия удесятерит свою бдительность. Она сделает все, чтобы завоевания рабочего класса были охранены, сделает все от нее зависящее, чтобы дело Владимира Ильича было доведено до конца.

Товарищи, немало врагов у рабочего класса. Немало тех, кто в этот для нас тяжелый момент лелеет надежду на то, что внутри нашей партии, внутри нашей страны с потерей вождя начнутся колебания, неуверенность, начнется распад. Эти наши враги думают, что без вождя мы не сможем идти по намеченному вождем пути. Товарищи, надежды этих недоброжелателей рабочего класса будут разбиты о железную действительность. Наша партия унаследовала от Ильича его мощный дух, его великое учение, его железную волю; наша страна под руководством Коммунистической партии, созданной гением Владимира Ильича, пойдет по пути завоевания лучшего будущего для всего мирового пролетариата. Да объединится весь мировой пролетариат сейчас в одно великое целое! Пусть он знает, что Красная Армия, Красный Флот, созданные нашей партией под руководством великого Ильича, будут стоять на страже его интересов и его завоеваний.

РЕЧЬ ТОВ. СМОРОДИНА

(От Коммунистического Союза Молодежи)

— Товарищи, сегодня мы смотрим на пройденный путь и на ту работу, которую вел наш вождь Владимир Ильич, не упуская из виду рабочую молодежь, и обращался к ней, призывая на борьбу. Когда нужно было бросить силы рабочих, матросов и рабочую молодежь в Петроград в Октябрьскую революцию, Ильич тогда постоянно писал: возьмите рабочую молодежь, поставьте ее на опасные участки революционного фронта, и она сумеет отстоять, защитить и завоевать дело рабочего класса. Мы в своей работе не раз сталкивались с тов. Лениным, не раз получали от него советы, не раз учил он нас, как нужно ставить воспитательную работу среди рабоче-крестьянской молодежи. Сегодняшний день, когда нет с нами нашего учителя, вождя, — мы, рабоче-крестьянская молодежь, организованная в Российский Коммунистический Союз Молодежи, скорбим по погибшем вожде. И особенно потому, что мы, молодежь, не успели еще вкусить опыта и тех мыслей и того навыка, который Ильич передавал старой гвардии. Мы, молодежь, вступили под руководство Ильича только с 1917 года. Как массовая организация

к борьбе за рабочее дело, к коммунистическому воспитанию приблизились сравнительно недавно. Но мы готовы пожертвовать своей жизнью за то великое дело, к которому вел рабочий класс Владимир Ильич. Пленум нашего ЦК постановил переименовать наш союз в Ленинский Коммунистический Союз Молодежи. Постановив переименовать наш союз, дать ему имя нашего вождя, мы должны помнить, что, когда у него была делегация от нашего первого Всероссийского съезда, он нам говорил: «Не в названии дело, не в словах, а дело в том, что вы сделаете и как вы будете делать». И после, в 1920 году, на III Всероссийском съезде нашего союза, Ильич пришел к нам на съезд и читал доклад о воспитании молодежи. Он нам сказал, как нужно делать, как нужно это дело претворять в жизнь.

Он нас, комсомольцев, учил: коммунистом нельзя быть по книжке; коммунистом может быть только тот, кто все свое время посвятил общему делу — делу рабочего класса. Коммунистом может быть тот, кто теорию связывает с практикой. Коммунистом может быть тот, кто в повседневной кропотливой работе несет общественные обязанности и строит общее государство. Вот слова Владимира Ильича.

Мы думаем, что теперь, когда нет с нами вождя, осталась его наследница — его партия, Российская Коммунистическая партия, которую он создал. Мы думаем, что мы сумеем на деле доказать, что из наших рядов под руководством закаленной, старой большевистской гвардии — старой, мудрой, закаленной в победах и боях Российской Коммунистической партии мы сумеем в нашей организации выковать, подготовить и закалить десятки и сотни тысяч рабоче-крестьянской молодежи, ленинцев, которые станут на путь борьбы, вольются в Коммунистическую партию, вместе с ней пойдут к грядущим битвам и в этих битвах будут на первых постах защищать великое дело, которое делал и обязывал делать Владимир Ильич.

РЕЧЬ ТОВ. РЫКОВА

— Товарищи, первое заседание II съезда Советов совпало со смертью Владимира Ильича. Президиум Центрального Исполнительного Комитета вносит на утверждение съезда Советов первые предложения, связанные с жизнью и смертью нашего учителя и вождя. Президиум ЦИКа предлагает, прежде всего, вынести следующее постановление — о выпуске сочинений В. И. Ленина:

«Лучшим памятником Владимиру Ильичу Ленину будет широкое массовое распространение его сочинений, которое сделает идеи коммунизма достоянием всех трудящихся. II съезд Советов поручает Институту Ленина принять самые срочные меры к выпуску доступных народу избранных сочинений В. И. Ленина в миллионах экземпляров на различных языках, в особенности на восточных, с тем чтобы в первую очередь были изданы те сочинения, которые имеют особенно важное значение для широких слоев рабочих и крестьян. Вместе с тем Институту Ленина поручается также срочно

выпустить полное собрание сочинений тов. Ленина в строго научном духе».

Второе предложение, которое вносит Президиум ЦИКа, касается памятников тов. Ленину.

«Имя председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Совета Народных Комиссаров РСФСР Владимира Ильича Ульянова (Ленина) неразрывно связано с героической борьбой трудящихся за установление социалистической организации общества и победу социализма во всех странах.

Имя первого председателя рабоче-крестьянского правительства будет всегда жить в умах и сердцах как его современников, так и в грядущих поколениях. Под непосредственным руководством Владимира Ильича рабочие и крестьяне положили в революционные дни Октября начало всех дальнейших завоеваний трудящихся. Образ великого вождя должен быть увековечен для всех грядущих поколений и служить постоянным напоминанием и призывом к борьбе и окончательной победе коммунизма».

В этих целях съезд Советов Союза ССР постановляет:

«1) Соорудить от имени Союза Советских Социалистических Республик в столице Союза ССР и РСФСР в гор. Москве, а также в столицах других союзных республик — Харькове, Тифлисе, Минске и в городах: Ленинграде и Ташкенте — памятники В. И. Ленину.

2) Поручить ЦИКу Союза ССР и его Президиуму разработать и утвердить соответствующие проекты памятников; установить сроки их сооружения в отдельных городах и отпустить необходимые средства».

Третье постановление касается детей, которых так любил Владимир Ильич и с которыми он лучше всего отдыхал в короткие свободные от работы минуты.

Президиум ЦИК Союза предлагает съезду Советов Союза создать при ЦИК Союза специальный фонд имени В. И. Ленина для организации помощи беспризорным детям. Постановление это следующее:

«2-й съезд Советов Союза ССР постановляет создать при ЦИКЕ Союза ССР специальный фонд имени В. И. Ленина для организаций помощи беспризорным детям, в особенности жертвам гражданской войны и голода.

С этой целью поручить ЦИКу Союза ССР определить размер фонда, форму помощи и систему мероприятий по осуществлению указанной помощи».

Четвертое постановление касается дня смерти Владимира Ильича. Вы знаете, что съезд Советов РСФСР 22 января 1924 года постановил объявить 21 января днем траура. Мы предлагаем съезду Союза подтвердить это решение и распространить его на всю территорию Союза.

Последнее предложение касается вопроса о том, где хоронить тов. Ленина. Я вношу на утверждение Съезда постановление Президиума ЦИК Союза, которое гласит следующее:

«Идя навстречу желанию, заявленному многочисленными делегациями и обращениями ЦИК Союза ССР, и в целях предоставления всем желающим, которые не успеют прибыть в Москву ко дню похорон, возможности проститься с любимым вождем, Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР постановляет:

1. Гроб с телом Владимира Ильича сохранить в склепе, сделав последний доступным для посещения.

2. Склеп соорудить у Кремлевской стены, на Красной площади, среди братских могил борцов Октябрьской революции».

Товарищи, я думаю, что я и все мы чувствуем, что нет таких материальных памятников, такого мрамора, такого камня, которые были бы достойны жизни и смерти Владимира Ильича.

Единственный настоящий памятник, который можно воздвигнуть тов. Ленину, будет заключаться в полной победе его идей, идей освобождения трудящихся всего мира на всем земном шаре. Мы — его современники, его ученики, его последователи, мы можем увековечить память Владимира Ильича не тем, что воздвигнем склеп, отольем бюсты и построим памятники. Мы с вами имеем возможность почтить тов. Ленина так, как он этого заслуживает. Наш памятник должен заключаться в том, чтобы мы все свои силы посвятили борьбе за освобождение трудящихся. Если все силы своей души, все наши мысли, все наши знания, всю упругость наших мышц мы посвятим борьбе за осуществление идеалов Владимира Ильича, это будет настоящий памятник, который обязаны построить его современники и его ученики. Мы построим памятник Владимиру Ильичу в том случае, если в душе каждого из нас сохранится до гроба та любовь ко всем трудящимся, ко всем угнетенным и та горячая ненависть ко всякой эксплуатации, которой горел Владимир Ильич на протяжении всей своей жизни. Это будет лучшим памятником жизни, борьбе и учению нашего учителя и нашего вождя.

*У великой могилы.
М., 1924. С. 245—256*

А. А. ИОФФЕ

В ВЕНОК ЛЕНИНУ

Больной, оторванный от работы и жизни, я только теперь узнал о смерти Ленина. Как тяжело, как невыразимо мучительно сознание, что его уже нет с нами... Словами не выразить всего ужаса этой утраты, а хочется хоть попытаться поделиться с товарищами своими мыслями и чувствами. Оторванность в такой момент совсем невыносима.

Ведь более четверти века сознавалось и чувствовалось всеми, что Ленин здесь, что можно поделиться с ним своими сомнениями и почерпнуть у него уверенность и силы в борьбе. Даже в последний

год, когда уж он не работал, оставалось это сознание, сохранялась надежда: авось поправится и займет вновь свое место.

А теперь не может быть никаких надежд, ибо Ленина нет. И сколько бы мы ни храбрились, этой утраты не заменить, и никто из нас никогда еще не переносил такого горя...

Даже когда не соглашались с ним, когда спорили и возражали, его мысль, его точка зрения не только заставляла думать в даваемом им направлении, но колебала уверенность в собственной правоте. А сколько раз бывало — несмотря на эту уверенность, — рука как бы невольно подымалась при голосовании за предложение Ленина. Подойдешь и спросишь такого товарища: «Ведь вы же против, почему же вы голосовали за?» — «Сам не знаю. Столько раз Старик оказывался прав, что как-то боязно голосовать против него. Наверное, опять окажется, что он прав»...

Но, думается, в таком отношении к Ленину — не только уверенность, что он менее всех способен ошибаться и вернее всех видит правильный путь, но и обаяние его личности.

Вот мы говорим, что наши враги устраивали покушения на Ленина, что в безумной ненависти своей к пролетарской революции и ее истинным вождям прекрасно понимая, что именно Ленин — и мозг и сердце мировой революции, буржуазия более всех ненавидела и боялась именно его. А в сущности говоря, это неверно. Боялись? Да. Но ненавидели? Нет. Ленина никто не ненавидел, а скорее все любили. Даже враги, даже те, кто с максимальной решительностью боролись против революции и ее классовой партии.

Когда в 18-м году я был послом в Берлине и произошло проклятой памяти ужасное покушение на жизнь Ленина, то представители германского кайзеровского правительства, выражая свое соболезнование и сочувствие, делали это не только, так сказать, по-казенному, согласно существующим, узаконенным правилам и обычаям международной вежливости, но с действительно искренним сожалением и опасением за исход его болезни.

Таково влияние могучей личности и, особенно, не с р а в н е н н о й, к р и с т а л ь н о й ч и с т о т ы е е.

Ведь человечество на протяжении всей своей истории не дает второго примера такой кристалльности, такой простоты и вместе с тем такой мощи, глубины и величия.

Целую долгую человеческую жизнь прожить для и д е и, для д е л а, без секунды для себя лично. Иметь мужество при уверенности в своей правоте оставаться в самом незначительном меньшинстве в предвидении нового грядущего большинства. Быть готовым остаться даже одному против всех, даже внутри своей собственной партии. Так было пред Октябрем, когда Ленин разошелся с самыми близкими своими друзьями и не убоялся этого, и оказался прав. Так было не один, не два раза. И всегда он шел напролом, никогда ни пред чем не останавливался и ничего не боялся, когда был уверен в своей правоте. Но зато он первый же признавал свою ошибку и первый с тем же мужеством и единственно ему присущей

энергией исправлял эту ошибку, если убеждался, что был не прав. Но как редко это бывало. И наоборот, с какой гениальной прозорливостью он, который почти не выходил из своего кремлевского кабинета и, казалось бы, совсем не мог знать России, в действительности знал все лучше всех и после трехминутного доклада разбирался в самом новом и сложнейшем вопросе. А как он работал! Ни одной потерянной секунды, ни одного лишнего слова!.. Потому именно он так скоро и сгорел...

Нет! Такого человека никто не мог, никто не смел ненавидеть. Он подавлял своей гениальностью, своим величием и заставлял даже врагов уважать его и преклоняться перед ним. А друзья? Или даже не друзья, но представители враждебных нам буржуазных и мелкобуржуазных классов, принадлежащих к нациям, угнетаемым буржуазией более сильной и более могущественной... Все угнетенные и оскорбленные, где бы и кто бы они ни были, видели в Ленине своего избавителя и спасителя... Ни одно божество, ни один святой не пользовались таким благоговейным почетом и уважением, как Ленин у угнетенных народов Востока.

Мне нигде и никогда не приходилось видеть такого энтузиазма, как именно у этих народов на Дальнем Востоке, и особенно в Средней Азии, при одном упоминании имени Ленина. В самых глухих углах песчаных пустынь Туркестана, в самых отдаленных юртах Хорезма приходилось видеть портрет Ленина. Про него пелись песни, про него слагались легенды...

Но светлый ореол, которым миллионы людей во всех концах земного шара окружают Ленина, переносился и переносится на его партию, которую он создал, но которая в то же время и сама его создала таким, каким он был и останется вечно жить в этой партии. И если мы, несмотря на неизмеримость и незаменяемость утраты Ленина, все же бодро глядим вперед в близкое и далекое будущее, то это только потому, что мы твердо знаем и глубоко убеждены, что со смертью Ленина с ним в могилу ляжет только его брренное тело, а лучшая его сущность, все, бывшее в нем бессмертным, останется навеки с нами.

В монархических странах при смерти монарха, как бы для вящего подчеркивания бессмертия монархизма, восклицают: «Король умер! Да здравствует король!» Но в наше время умирают не только монархи, но и сама идея монархизма.

Однако идеи и идеалы коммунизма не могут умереть, и вместе с ними не может умереть все то, во имя чего жил и работал, боролся и умер Ленин, то есть не может умереть его лучшая сущность, его истинная и живая душа, не может умереть сам б е с с м е р т н ы й Ленин.

И поэтому теперь, стоя со скорбно поникшими головами у свежей могилы нашего учителя и друга, мы с полным правом можем воскликнуть: «Ленин умер! Да здравствует Ленин!»

*У великой могилы.
М., 1924. С. 193—194*

ИЗ НЕИЗДАННЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

О В. И. ЛЕНИНЕ ¹

Я узнал о смерти Владимира Ильича со значительным опозданием. В день 9 января ² я должен был утром сделать доклад на съезде Советов РСФСР о ликвидации неграмотности и в 7 часов выступить на большом собрании студентов вузов в Зиминском театре с характеристикой значения событий 9 января 1905 года. Я приехал в Большой театр в начале 12-го часа для доклада и с удивлением констатировал, что навстречу мне в то время, как я поднимался по лестнице, густо повалила толпа товарищей со сцены театра. Лица у всех были расстроены, и некоторые плакали. У меня сразу сжалось сердце, и я понял, что случилось что-то тяжелое. Я подошел к тов. Лепешинской, глаза которой были полны слез, и спросил ее, в чем дело. От нее-то я и узнал, что накануне вечером скончался Владимир Ильич. Потрясенный этим известием, я отправился домой и не знал даже, за что мне приняться, так как в первую минуту на меня прежде всего нахлынула какая-то своеобразная апатия. Между тем оказывается, что меня вызывали в Наркомпросе и в Кремле и в конце концов прислали даже за мной автомобиль. (...) ³

Я отправился в МК. Там товарищи только начали собираться. Я получил поручение выступить вместо 7 часов в 4 ¹/₂ в том же Зиминском театре, с тем чтобы речь посвятить главным образом потрясшему всех событию. (...)

Товарищи предложили мне приехать вечером на Павелецкий вокзал, для того чтобы вместе с ними провести ночь у гроба учителя и сопровождать его тело в Москву. (...) Я направился прямо в театр Зимина. Народ собирался медленно, не потому, конечно, что не было охотников пройти в зал, а потому, что их было слишком много, и, как обыкновенно, дело затянулось с пропуском масс внутрь театра. В 5 ¹/₂ часов кто-то в зале стал громко читать вышедший за несколько минут перед тем бюллетень о смерти Владимира Ильича. До начала заседания Президиум ВЦИК позвонил мне, чтобы я озаботился организацией тщательной фотографической и кинематографической засъемки всех обстоятельств, относящихся к смерти и погребению Владимира Ильича. Я немедленно снесся с заведующим Госкино тов. Кадомцевым и выяснил, что различные киноорганизации стоворились создать единый комитет на создание соответственного исторического фильма и все средства от эксплуатации его сдать в особый фонд имени Ильича. Я сказал Кадомцеву, что кинематографисты, которых он пошлет в Горки, могут обра-

¹ Заголовок дан подготовителями сборника, из которого опубликованы эти воспоминания. *Ред.*

² 9 января ст. ст. — 22 января н. ст. *Ред.*

³ Сокращения, обозначенные в скобках, сделаны подготовителями сборника, откуда взяты воспоминания А. В. Луначарского. Опушенный текст не имел прямого отношения к теме «В. И. Ленин и А. В. Луначарский». *Ред.*

щаться ко мне в случае каких-либо недоразумений, так как я пробуду там всю ночь.

Началось собрание. Говорить о Владимире Ильиче было трудно, как всегда в момент слишком больших потрясений. То, что я говорил, записано стенографически и, кажется, невольно вылилось в речь достаточного воодушевления, так как В. В. Маяковский, с которым я встретился сейчас же по окончании моего выступления, крепко пожал мне руку, сказал мне: «Хорошо говорили». Настроение собравшегося студенчества было чрезвычайно торжественное, приподнятое и глубоко омраченное.

На Павелецкий вокзал я приехал, как было условлено, к 9 часам. Заведующий поездом сказал мне, что специальный поезд пойдет только в 10, но что он уже подан. Я вошел в почти пустой вагон, там сидел только тов. Нариманов, один из председателей ЦИК Союза, и какой-то его ближайший сотрудник. Но очень скоро после меня пришли товарищи из ЦКК — Гусев, Шкирятов, Киселев, с ними пришел и поэт Демьян Бедный. Поезд отправился на самом деле в 11 часов и шел полчаса, так что мы имели больше двух часов для разговора. Разговор вертелся, конечно, вокруг Владимира Ильича и был полон воспоминаниями о нем. (...)

Когда мы приехали на станцию, то оказалось, что нас довольно много. Кроме делегации от партии, в которую входил и я, была еще делегация от Московской ее организации, от ВЦСПС, все наличные в Москве члены ЦКК, делегации обоих съездов Советов, всего человек, я думаю, 40, если не 50. Были и некоторые наркомы, приехавшие по собственному почину, в том числе тов. Красин. На станцию было послано 3 или 4 подводы, приблизительно человек на 16. Я надеялся на свои силы и пошел вместе с большинством пешком.

Уже давно я освободился от приступов сердечной боли, которые прежде не давали мне возможности ходить далеко, и поэтому рассчитывал и сейчас благополучно пройти 4 версты. Но, по-видимому, впечатление от смерти учителя было слишком сильно, и, пройдя несколько сот шагов, я почувствовал сильную боль в аорте. Пришлось, не говоря ни слова ни одному из товарищей, пропустить их всех вперед себя и очень медленно и осторожно пуститься в дальнейший путь. Я вынужден был останавливаться каждые сто—пятьдесят шагов. Ввиду этого я пришел в Горки с опозданием, но зато пережил несколько торжественных минут, которые слились для меня как-то со всеми впечатлениями этой ночи. Ночь была очень морозная, но безветренная. Идти было совсем не холодно. Светила необыкновенно яркая луна, так что вся громадная равнина расстилалась синевато-серебряной пеленой, куда глаз хватит. Дорога была укатана и разметена. Несколько раз я встречал крестьян, которые по чьему-то приказу расширяли и утрамбовывали эту дорогу для пронесения гроба на другой день. Идешь, и еще долго сзади раздастся шуршание лопат и сдержанные, словно в церкви, речи рабочих. Так один среди необъятного поля, под этой спокойной холодной луной я мог хорошенько вспомнить, обдумать и приспособиться как-то к огромному горю, на всех нас обрушившемуся.

Дорога в Горки идет большими зигзагами. Когда я вышел на шоссе, то не знал, куда повернуть. Встретился маленький мальчик, и я спросил его без большой надежды на точный ответ: «Ты не знаешь, куда идти к даче Ленина?» Но мальчик сейчас же бойким голосом очень точно и подробно рассказал мне, как туда пройти. Недалеко от дачи входишь в лес. Сначала он имеет вид обыкновенного, довольно запущенного леса, потом превращается в очень длинную, с версту, пожалуй, аллею елей. По дороге есть какие-то дачи. Над ними ярко горело электричество. Я несколько раз думал, что это и есть дача, в которой лежит великий покойник, но оказывалось, что я ошибался. Наконец дошел я до Горок. Ленин жил в центральном доме целой группы зданий. Здесь, очевидно, жил какой-то большой помещик и жил с большой роскошью. Центральный дом представлялся настоящим дворцом с величественной колоннадой. Его немножко тяжеловатая, но все же ампирно-стройная громада под бледно-синим светом луны казалась достойным мавзолеем. По широкой лестнице входишь внутрь дома. Так как я опоздал сильно, то все товарищи уже повидали к этому времени Владимира Ильича и сидели кто где может, на стульях, диванах, просто на полу. Были тут и крестьяне, и из числа представителей съездов, были и некоторые делегаты восточных народов. Царила абсолютная тишина. Кто говорил, говорил шепотом. Распоряжался тов. Беленький из ГПУ, который во все последние месяцы был, так сказать, заведующим охраной Владимира Ильича. Позднее общее распоряжение перешло к тов. Лашевичу, члену ЦК. Тов. Беленький показал мне, куда пройти к телу. Это на втором этаже, куда входят по довольно большой лестнице, сперва в комнату, такую же ампирно-нарядную, как и зала нижнего этажа, увешанную старыми картинами, все главным образом во вкусе тридцатых годов, потом в комнату, где покоится Владимир Ильич. Эта не очень большая овальная комната была к этому времени уже убрана вечнозелеными растениями, хвойными, пальмами и лаврами. Владимир Ильич лежал в коричневом френче, необыкновенно спокойный, и лицо его сразу меня поразило и, если можно так выразиться, как бы обрадовало. (...) Я бессознательно боялся, что увижу его каким-то чужим, а вместо этого на столе лежал наш Ленин, наш Ильич, абсолютно такой, каким он был до своей болезни, только не улыбающимся. А ему была так присуща эта живая, лукавая и ласковая улыбка. Но, конечно, приходилось нам видеть его и серьезным. Вот таким лежал он тут на столе. Лицо величественное, властное, сильное, с той же бородкой и подстриженными усами, закрытыми глазами, но такими, которые, казалось, вот-вот откроются. И руки положены на груди, одна сжатая в кулак, другая естественно и спокойно слегка согнутая в пальцах, казались тоже совершенно живыми. (...) Казалось, что это только на минуту уснувший вождь. Казалось, что, пока стоишь около него, он вдруг откроет глаза и скажет, может быть, что-либо вроде того, что сказал он мне в дни своего ранения Каплан.

Кстати приведу эту небольшую сцену. Поздно вечером в день ранения, почти ночью, я прибежал в квартиру Ленина, чтобы узнать,

как он себя чувствует. Застал врачей, некоторых товарищей и Надежду Константиновну. Надежда Константиновна была тогда очень потрясена, как и все мы. Говорила, что Владимир Ильич тяжело страдает, но вдруг, не знаю по какому мотиву, предложила мне пройти к нему. Я сначала поколебался. Я вошел в полутемную комнату и увидел Владимира Ильича, лежащего под одеялом, но с лицом совершенно таким, как я видел его теперь мертвым. Он был страшно бледен. Глаза его были закрыты. (...) Все же он услышал, что кто-то вошел в комнату, и, не открывая глаз, спросил: «Кто здесь?» Я назвал свою фамилию. Тогда Владимир Ильич сказал: «Что же, любить нечем. Штука неприятная». (...) Я постарался скорее выйти из комнаты. И вот так же казалось мне и теперь, что может совершиться какое-то чудо и этот спокойно, но с какой-то давящей его душой лежащий человек откроет глаза и скажет: «Неприятная штука».

Был организован почетный караул, каждые десять минут сменявшийся. В каждый караул входили четыре товарища из присутствующих. Мне пришлось быть на карауле одним из первых, и я имел возможность долго всматриваться в это и без того, впрочем, незабвенное лицо. Когда я кончил караул, вышла из своей комнаты Надежда Константиновна. Она присела ко мне и к товарищу Пятакову и стала рассказывать о Владимире Ильиче вещи очень любопытные и существенные. Некоторые из них я хочу передать здесь.

Надежда Константиновна говорила: «Я не думаю, чтобы даже в эти тяжелые, последние месяцы Владимир Ильич чувствовал себя несчастным. В нем жила надежда на то, что он приобретет вновь речь. Он деятельно и страстно учился, так сказать, вцеплялся в занятия. С тех пор как он получил возможность читать, он с большим интересом читал газеты, выбирал то, что для него особенно важно. Особенно любил все фактическое и (...) статьи, имеющие агитационное значение. В последнее время стал читать и беллетристику. Ему принесли большую грудку книг, и он отобрал себе исключительно вещи Джека Лондона, которые и просил читать ему вслух. Политический интерес преобладал все время над всеми остальными. С глубоким интересом относился Владимир Ильич к крестьянской конференции. Читал все, что сюда относилось. Вздвиган был по поводу дискуссии. (...) Затем подчеркивал часто разные фамилии и спрашивал: «Что, что?» Не позже как на другой день нужно было дать ему сведения об этих лицах. Так он подчеркнул фамилию Аксельрода, Богданова и некоторых других. Интересовался тем, что писали о нем, читал приветствия, пожелания о выздоровлении. Ему, видимо, доставляло большое удовольствие сознавать связь-любовь между собой и массами. Жизнь давала ему некоторые несомненные радости. Очень любил природу, любил ездить на охоту. Ездил с каким-то товарищем Михайловым и получал большое удовольствие, хотя иногда и переутомлялся. (...) Очень любил детей. Когда приходили к нему дети, то радовался. А дети, не понимая его тяжелой болезни, относились к нему просто, без всяких опасений и неловкостей».

Для развлечения Владимира Ильича был устроен комнатный

кинематограф. Он охотно соглашался после обеда вместе с Надеждой Константиновной и сестрой смотреть это кино, но большого удовольствия оно ему не доставляло. Он иронически смеялся и махал рукой. Действительно, программа этих кино вечеров в Горках была, по словам Надежды Константиновны, ниже всякой критики. Редко, редко какой-нибудь кусочек хроники или более или менее революционная постановка вызывали некоторое одобрение Ильича, но, полагая, что все его домашние очень интересуются этим кино, он сам с поспешной любезностью всегда соглашался посидеть и посмотреть. Физических страданий он до последнего времени после второго удара не испытывал. Поправка шла несомненная, в особенности в отношении ног. В первый раз, когда Владимир Ильич решил пойти сам, он выгнал из комнаты решительно всех, а потом показал со сконфуженной и счастливой улыбкой Надежде Константиновне, что он может ходить. (...)

Ночь мы провели кое-как. (...) Рано утром все поднялись, и начались разговоры о том, как и кому выносить гроб. Гроб оказался страшно тяжелым и вместе с телом весил более 10 пудов. Боялись относительно спуска с лестницы, тем более что простынь или длинных полотенец не оказалось. Выбрали первую очередь несущих, а потом решили вступать по очереди и другие определенными группами по 9 человек мужчин, несущих гроб. (...) Всякий добивался чести пройти хоть одну очередь с гробом Владимира Ильича.

В начале десятого часа шествие тронулось. Вышло так, что я большую часть дороги, на этот раз без всякой сердечной боли, шел с крестьянами и крестьянками соседних сел. (...) Ясно, что приходили, привлеченные великим словом Ленин, и совсем темные люди. Были, конечно, просто любопытствующие, но в огромном большинстве были люди, потрясенные и огорченные, сознающие понесенную утрату. На этот раз 4 версты сделаны были так великолепно, и мы скоро пришли на вокзал. Едва я сел в вагон, как меня попросили в другое купе. (...) Оказалось, что возник вопрос о приглашении художников и скульпторов. Мы сейчас же наметили из московских художников Юона, Малютина, Ульянова, Голубкину и решили написать из Петербурга Гинцбурга. (...) Позднее к этим лицам были прибавлены еще граверы Гознака Ксидиас и Шор.

От Павелецкого вокзала до Дома Союзов приблизительно 6 верст. Я удивлялся Надежде Константиновне, которая оба больших куска от Горок до железной дороги и от вокзала до центра города прошла пешком. По бокам с ней шли Мария Ильинична и Анна Ильинична.

Как в Горках, так и во время пути даже с аэропланов производили кинематографические и фотографические съемки. Они были произведены немедленно по установлении гроба посреди пылающей покрытыми флером люстрами залы. Опять установлен почетный караул, и потянулось нескончаемое, все более густое шествие, можно сказать, целого народа вокруг покойного. В первый же день при мне, а я оставался в зале не так долго, было два обморока среди проходившей публики. Установлен был даже медицинский пост для

подачи помощи в этих случаях. В этот день мне пришлось еще два раза быть в почетном карауле и один раз ночью. Лицо Владимира Ильича мало изменилось, пожалуй, даже никаких изменений не было заметно. Он был также и тут таким, каким я видел его в Горках.

Литературное наследство.
Т. 80. В. И. Ленин и А. В. Луначарский.
Переписка, доклады, документы.
М., 1971. С. 729—735

Л. С. СОСНОВСКИЙ

ИЛЬИЧ — ЛЕНИН

Горечь утраты и сердечная боль мешают всем нам отчетливо понять, кого мы утратили.

Мне кажется, что у этого изумительного существа — два лица. Одно — это Ленин. Лицо, обращенное к грядущим десятилетиям и векам, ко всем народам и племенам, которые живут и будут жить на земле. Это — лицо Ленина.

Другое — Ильич. Это — лицо, обращенное к нам, современникам, соратникам, ученикам, друзьям, близким и родным.

Кто сказал, что умер Ленин?! Неправда!

Ленин не только жив, он лишь начинает жить, он только рождается для настоящей жизни, он только начал завоевывать умы и сердца людей. Ленину удалось утвердиться в умах и сердцах нескольких миллионов людей, населяющих советские республики. Но и в этих республиках Ленин еще не завоевал полностью и прочно большинства. Еще борьба за проникновение ленинизма в сознание и здесь впереди.

А в буржуазной Европе? В сверхбуржуазной Америке? В колониальных и полуколониальных странах Азии, Африки, Австралии и Америки? Там работа Ленина вся впереди. Она только что начинается.

Сомневается ли кто-нибудь в мире, что Ленин победит и в Азии, и в Африке, и в Америке? Мы-то, во всяком случае, не сомневаемся ни капли. Но даже и владыки капиталистического мира в минуты откровенности с собой понимают неотвратимость победного пришествия Ленина в их царства. Они только стремятся насилием и ложью отдалить победу исторической справедливости над вековым злом...

И даже тогда, когда бесчисленные толпы под траурный марш понесут его тело к братским могилам, даже и тогда исполинское шествие Ленина к победе не остановится ни на мгновение. Наоборот, в эти скорбные часы, как никогда, раскроются во всем мире сердца «голодных и рабов», сердца заклеянных проклятием капитализма и обратятся к Ленину и будут слушать Ленина, ибо Ленин жив, ибо Ленин стучит в сердца и будет стучать, пока не будут загнаны в преисподнюю демоны капитализма и эксплуатации.

Да, Ленин живет и будет жить. Об этом позаботимся и мы, насколько хватит сил. Первое, что мы сделаем в России, — это вместо гранитных и мраморных памятников (для них время еще придет)

мы в каждую хижину, в каждую рабочую квартиру пустим теперь же бесплатно по меньшей мере по одной книжке о жизни и трудах Ленина. Книжка будет составлена ближайшими учениками Ленина, написана просто и понятно, напечатана на хорошей бумаге крупными буквами, снабжена портретом и издана на всех языках, какие имеют уже письменность. Книжку, вероятно, раздадут через школьников, ибо в редком семействе нет школьника. Второе, что мы сделаем,— издадим то же о жизни и трудах Ленина, но более подробную книгу для бесплатной раздачи всем школьным работникам нашей страны как пособие для преподавания ленинизма в школах.

Ленин проникнет тогда в такие уголки, где о нем еще мало слышали, и завоеует новые миллионы умов и сердец для дела коммунизма.

Но если Ленин не умер и не умрет, почему же такая скорбь, такое горе? Почему сотни тысяч тружеников в трескучие морозы часами ждут очереди на улицах и площадях Москвы, чтобы на минуту подойти к красному гробу в Колонном зале и, молча, со сдавленным сердцем проститься с любимым?..

Это прощаются с Ильичем. Да, к великому несчастью, от нас ушел Ильич. Живой человек, такой знакомый, такой близкий, такой дорогой и любимый...

Ленин и Ильич. Великий вожь. Историческая исполинская фигура. И вместе с тем такая изумительная, обаятельная, чудесная личность.

Этого совпадения могло и не быть. Мог быть вожь, мыслитель, борец, правитель без всех тех личных душевных свойств, какие оказались у Ильича. Вожь бросал бы в массы великие мысли, давал бы прекрасные приказы и законы. Но личность его могла быть чуждой, непонятной, замкнутой. Он мог л и ч н о быть даже человеком со многими человеческими недостатками и слабостями. Его могли бы, допустим, только чтить и уважать, но не любить. У него могло быть множество личных врагов и недоброжелателей, обиженных его несправедливыми поступками.

В конечном счете, пред судом истории все личное померкло бы в свете заслуг политических и общественных. И за гробом такого вождя шли бы, вероятно, тоже большие толпы, только... только с другими чувствами.

Но именно потому не утихают в Колонном зале рыдания, не высыхают слезы на лицах, именно потому щемит сердца общая боль, что мы потеряли И л ь и ч а.

Ильича, то есть кого-то исключительно родного, интимно-близкого, нежно любимого. Кем он был для всех нас? Отцом? Братом? Возлюбленным? Единственным сыном? Или все эти семейные понятия устарели и мизерно малы для выражения тех новых, невиданных доселе чувств, что родила н о в а я ч е л о в е ч е с к а я с е м ь я, новый коллектив — пролетарская партия?

Да, Ильич был для нас более, чем отцом, или братом, или сыном. Мы любили в нем, в сущности говоря, т о л у ч ш е е, что хоть частичкой заложено в каждом из нас, во всем коллективе.

Его обаятельная простота, его доступность, трогательное внимание и заботливость, его мудрость и справедливость, готовность помочь кому только может — всех покоряли.

Человек редкой моральной чистоты, скромности и выдержки в личной жизни (по-старому сказали бы: святой жизни человек), наш милый Ильич чужд был и тени ригоризма в отношении других. Он отлично знал наши слабости, знал, кто чем грешен. Но никогда даже намек на морализирование и наставничество себе не позволял. Только иногда, без слов, прищурив насмешливо глаз, он незлобиво улыбался, и провинившийся чувствовал себя хуже, чем после 10 резолюций ЦК или ЦКК.

До чего нежен и чуток к людям был этот диктатор — едва ли могут себе представить более далекие от него люди. Незадолго пред кончиной Ильича тов. Енукидзе передал Ленинскому институту пачку сохранившихся у него записок от Ильича. Во всех записках непременно просьбы за кого-нибудь. Кого-то подкормить, кого-то одеть, дать комнату, кого-то полечить, отправить в санаторий и т. п. И каждый раз с подробной горячей мотивировкой. Точно для тов. Енукидзе или для любого из нас слово Ильича не было законом и без лишней мотивировки. Но деликатный и скромный Ильич, даже хлопоча о паре сапог для разутого человека, старался и здесь у б е д и т ь, что его просьба справедлива.

До каких пределов чуткости и мягкости доходил наш Ильич, трудно себе представить. Все знают, и об этом писалось, что наибольшую беспощадность и непримиримость проявлял Ильич к людям, которые, по его мнению, причиняли своей неправильной деятельностью вред партии и революции. Тут он способен бывал вырвать из сердца даже лучших друзей.

Нечего и говорить, как быстро откликался Ильич, когда кто-нибудь из «свихнувшихся» пытался вернуться на правильную стезю. Так было, например, когда я обратился к нему по делу одного рабочего, высланного тогда в Архангельск за организацию антипартийной группы. Едва я успел сказать Ильичу, что этот парень пишет о понятых им теперь заблуждениях, как Ильич заторопился: «Непременно напишите в ЦК о пересмотре его дела. Я поддержу».

Недаром люди, которых Ильич публично и жестоко стегал на собраниях и в печати, никогда не чувствовали против Ильича раздражения или озлобления. Как раз в эти скорбные дни я видел в глубочайшем горе одного товарища, которому больше всего доставалось от Ильича за его позицию. Л ю б о в ь, д о в е р и е, у в а ж е н и е и п р е д а н н о с т ь Ильичу покрывали без остатка всякую личную и фракционную обиду.

Оттого у Ильича были классовые враги, но едва ли были враги личные. Это — редкое в жизни явление. И потому так легко было жить, имея над собой и возле себя человека такой чистоты, мудрости, беспристрастия и справедливости.

Я сам редко беспокоил Ильича телефонными разговорами и посещениями. Но сознание, что в трудную минуту можно позвонить, и через несколько секунд услышишь голос Ильича, это сознание

прибавляло силы, бодрости, энергии в работе. Так было, вероятно, и со многими. Вот это мы потеряли, и никто на свете этой утраты не возместит. Каждому человеку нужно знать, что есть такое место, где выслушают его боль, его обиду (хотя бы и не личную). Без этого трудно жить.

Ильич в сознании всей партии, всего пролетариата, всего крестьянства стал именно таким прибежищем, олицетворением справедливости, правды, человечности.

«До самого Ильича дойду», — кто не слышал в городе и деревне такую фразу, как вопль разочаровавшегося в местной правде человека. И доходили до Ильича. Многие доходили. И один дошедший, выслушанный, обласканный, овеванный простотой, душевностью, вниманием великого человека шел в низы и нес массам повесть (разрастающуюся в легенду) о справедливом, о нашем Ильиче.

Вот что мы утратили.

Широкие круги народа не знают, какую настойчивость проявлял Ильич в отношении ремонта и отдыха партийных товарищей.

За последние годы он чуть не каждого товарища допрашивал: в отпуске были? Поправились? И искренне радовался, когда слышал утвердительный ответ. Он настоял на принятии в ЦК целого ряда специальных мер в заботе о сохранении здоровья старой гвардии, вроде обязательного периодического осмотра врачами и т. п. Добивался (иногда против воли товарища) принудительной посылки в отпуск человека, показавшегося ему уставшим.

Но сам о себе не только мало заботился, но ясно нарушал многие постановления ЦК об отпусках для него. Такой дисциплинированный и требовательный к другим, только в отношении охранения здоровья своего Ильич нарушал партийные постановления.

И вот Ильича уже нет. Мы прощаемся с ним. Нежным, безгранично благодарным взором мы ласкаем его спокойное застывшее лицо.

Прощай, Ильич! Прощай, любимый, единственный! Спасибо тебе за то, что ты помог всем нам стать тем, чем мы стали, — твоими учениками, помощниками, соратниками, а ныне наследниками и продолжателями твоего дела.

Спасибо тебе за то невыразимое счастье, которое мы испытали, работая вместе с тобой, под твоим руководством для блага всего человечества.

Прощай, милый Ильич!.. При жизни твоей мы стыдились, щадя твою великую скромность, говорить тебе о нашей любви, преданности, доверии и уважении. Теперь тебя не стало. Все мы по отдельности — маленькие люди, в совокупности же — могучий коллектив, постарайся проявить то лучшее ленинское, что в нас есть, и на деле показать, как мы тебя любили и любим. Нашим врагам не дожить до чаемого ими раскола в рядах ленинцев. Недаром мы десятки лет учились у тебя, дорогой Ильич.

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ВОСПОМИНАНИЙ

АВЕРБАХ МИХАИЛ ИОСИФОВИЧ (1872—1944) — врач-офтальмолог, академик АН СССР, заслуженный деятель науки. Принимал участие в лечении В. И. Ленина.

АГАМАЛИ ОГЛЫ САМЕД АГА (1867—1930) — общественный и государственный деятель Азербайджана. Член партии с 1920 г. После Февральской революции 1917 г. был избран в состав Гянджинского Совета рабочих и солдатских депутатов, принимал активное участие в гянджинской организации «Гуммет», принадлежал к правому (меньшевистскому) крылу. С февраля 1918 г. — один из руководителей тифлисской организации «Гуммет». В конце 1918 г. переехал в Баку. Был членом мусаватского парламента, с трибуны которого разоблачал контрреволюционную политику правительства. Будучи народным комиссаром земледелия, принимал активное участие в укреплении Азербайджанской ССР. Был председателем ЦИКа Азербайджанской ССР и после образования ЗСФСР — одним из председателей ЦИКа ЗСФСР. С 1922 г. — член ЦИК СССР, член Президиума ЦИК СССР, неоднократно избирался членом ЦК АзКП(б) и Заккрайкома ВКП(б).

АДОРАТСКИЙ ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ (1878—1945) — ученый-марксист, академик АН СССР. Член партии с 1904 г. В революционное движение вступил в 1900 г. в Казани. В 1905 г. был арестован и выслан в Астраханскую губернию. В 1906—1908 гг. и с 1911 по 1917 г. находился за границей, где неоднократно выполнял поручения В. И. Ленина. После Октябрьской социалистической революции — заместитель заведующего Центральным архивным управлением, заместитель директора Института В. И. Ленина, директор Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б), директор Института философии Академии наук СССР. Автор ряда научных работ по вопросам истории марксизма; под его редакцией вышло 15 томов 1-го издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Принимал деятельное участие в подготовке и в издании Сочинений В. И. Ленина.

АЛИКИН СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (1901—1975) — член партии с 1920 г. В 1922—1924 гг. был в личной охране В. И. Ленина. Участник гражданской и Великой Отечественной войн.

АРМАНД ИННА АЛЕКСАНДРОВНА (1898—1971) — член партии с 1917 г. Участвовала в гражданской войне, политработник Астраханского военного округа (1918 г.). В 1919—1921 гг. — на партийной работе в Московском комитете и в районных комитетах партии Москвы. В 1921—1923 гг. работала в аппарате Исполкома Коминтерна, в 1923—1930 гг. — сотрудник полпредства СССР в Германии. С 1933 г. (с перерывами) работала в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

АРОСЕВ АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ (1890—1938) — советский государственный, партийный деятель, писатель. Член партии с 1907 г. Революционную работу вел в Казани, Петербурге, Москве. Подвергался арестам и ссылкам. Эмигрировал, работал в заграничных большевистских организациях. После Февральской революции 1917 г. — председатель Тверского Совета. Делегат VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б). С июня 1917 г. — член Всероссийского бюро военных организаций при ЦК РСДРП(б). В октябре 1917 г. — член Московского ВРК, командующий войсками Московского военного округа. В 1918 г. — комиссар Главброни и Главвоздухфлота. В 1920 г. — председатель революционного трибунала

Украины. В 1923—1924 гг. — заместитель директора Института В. И. Ленина. В 1924—1933 гг. — на дипломатической работе во Франции, полпред в Литве, Чехословакии. С 1934 г. — председатель Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС).

Необоснованно репрессирован; реабилитирован посмертно.

БЕЛЬМАС АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ (р. 1899) — член партии с 1921 г. Активный участник Октябрьской социалистической революции на Украине. В годы гражданской войны находился в рядах Красной Армии на политической работе. В 1922—1925 гг. работал в ВЧК—ОГПУ. С осени 1922 г. состоял в личной охране В. И. Ленина. В последующие годы — на хозяйственно-административной работе.

БЕЛЯКОВА ТАИСИЯ МИХАЙЛОВНА (р. 1893) — родилась в селе Знаменском Сергачевского уезда Нижегородской губернии. В 1917 г. уехала в Воронеж, в 1921 г. переехала в Москву, где окончила медицинские курсы. В 1923 г. и начале 1924 г. ей было доверено принять участие в лечении В. И. Ленина. После его смерти некоторое время жила в семье Ульяновых. Затем работала в Кремлевской больнице. В 1931 г. окончила Второй Московский медицинский институт. В 1948 г. ей присвоили звание заслуженного врача РСФСР. В настоящее время персональный пенсионер. Проживает в Москве.

БОНЧ-БРУЕВИЧ ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ (1873—1955) — член партии с 1895 г., сотрудничал в «Искре», участвовал в организации большевистских газет, журналов и партийных издательств. Участник трех революций. В 1917 г. — член исполкома Петроградского Совета, в Октябрьские дни 1917 г. — комендант района Смольный—Таврический дворец. После Октябрьской социалистической революции — управделами Совнаркома (до 10 ноября 1920 г.), главный редактор издательства «Жизнь и знание». С 1933 г. возглавлял организованный им Литературный музей в Москве, в 1946 г. — директор Музея истории религии и атеизма АН СССР в Ленинграде.

БУХАРИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (1888—1938) — советский партийный, государственный деятель, академик АН СССР. Член партии с 1906 г.; с 1908 г. входил в состав Московского комитета партии; неоднократно подвергался арестам; с 1911 г. — в эмиграции. После возвращения из эмиграции весной 1917 г. принимал активное участие в подготовке и проведении Октябрьской социалистической революции. Выступал против заключения Брестского мира; позднее признал свою ошибку. В 1923—1927 гг. сыграл важную роль в борьбе с троцкизмом. Активно участвовал в теоретической разработке ряда вопросов социалистического строительства. В 1917—1934 гг. избирался членом ЦК партии, в 1934—1937 гг. — кандидатом в члены ЦК; с 1919 г. — кандидат в члены, а с 1924 по 1929 г. — член Политбюро ЦК. В 1918—1929 гг. возглавлял редакцию газеты «Правда». Занимал руководящие посты в ЦИК СССР, Исполкоме Коминтерна (с 1926 г. — председатель). В 1934—1937 гг. — редактор газеты «Известия». В конце 20-х гг. выступил против свертывания нэпа, резкого форсирования коллективизации и индустриализации, что было объявлено «правым уклоном в ВКП(б)». Необоснованно репрессирован; реабилитирован и восстановлен в партии и в звании академика.

ВАЙНШТЕЙН АЛЬБЕРТ ЛЬВОВИЧ (р. 1892) — экономист, статистик. В 1918—1921 гг. — заведующий отделом Московского губсовнархоза, заместитель заведующего статистическим отделом ВСНХ. В 1921—1923 гг. — заведующий экономическим отделом планового управления Наркомзема РСФСР. В дальнейшем — на научной и преподавательской работе.

ВАЛЕНТИНОВ (ВОЛЬСКИЙ) НИКОЛАЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ (1879—1964) — в революционном движении участвовал с 1898 г., вел работу в Киеве; в 1903 г. арестован и после длительной голодовки освобожден из тюрьмы под особый надзор полиции; вскоре бежал за границу. После II съезда РСДРП примыкал к большевикам, в конце 1904 г. перешел к меньшевикам, редактировал легальную меньшевистскую «Московскую газету», участвовал в ряде меньшевистских журналов.

После Октябрьской социалистической революции работал заместителем редактора «Торгово-промышленной газеты», затем — в торговом представительстве СССР в Париже. В 1930 г. эмигрировал за границу.

ВЕЙСБРОД БОРИС СОЛОМОНОВИЧ (1874—1942) — хирург, член партии с 1904 г. В 1917 г. руководил отделом здравоохранения первого Замоскворецкого Совета, был комиссаром лечебных учреждений. В 1919—1920 гг. — председатель Чрезвычайной комиссии по борьбе с эпидемиями на Туркестанском и Юго-Западном фронтах. С 1922 г. — главный врач 2-й Градской больницы в Москве. Принимал участие в лечении В. И. Ленина.

ВИЛЮМСОН Л. — в 1921—1922 гг. — секретарь правления Центросоюза.

ВОЛОДИЧЕВА МАРИЯ АКИМОВНА (1891—1973) — член партии с 1917 г. Работала в секретариате VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б). В качестве стенографистки присутствовала на VI съезде партии. После Октябрьской социалистической революции до июля 1918 г. — секретарь бюро печати Совнаркома. С 1918 по 1924 г. — машинистка в СНК и помощник секретаря СТО и СНК. С 1924 по 1928 г. работала в Институте В. И. Ленина.

ВОРОШИЛОВ КЛИМЕНТ ЕФРЕМОВИЧ (1881—1969) — советский партийный, государственный и военный деятель. Член партии с 1903 г., партийную работу вел в Луганске, Петербурге, Баку, Царицыне. В 1917 г. — председатель Луганского Совета рабочих депутатов. Активный участник Октябрьской социалистической революции. С 1918 г. — командующий и член РВС ряда армий и фронтов. На VIII съезде РКП(б) примыкал к «военной оппозиции». С 1925 г. — нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета СССР. В 1934—1940 гг. — нарком обороны СССР. С 1940 г. — заместитель председателя Совнаркома СССР и председателя Комитета Обороны при СНК СССР. С 1946 г. — заместитель председателя Совета Министров СССР. С 1953 до мая 1960 г. — председатель Президиума Верховного Совета СССР. С 1921 по октябрь 1961 г. — член ЦК партии, в 1926—1952 гг. — член Политбюро ЦК ВКП(б), а затем Президиума ЦК КПСС; член ВЦИК и ЦИК СССР, член Президиума Верховного Совета СССР.

ГЕТЬЕ ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1863—1938) — врач, специалист по внутренним болезням, руководитель московских больниц: главный врач Басманной, а затем основатель и первый главный врач Боткинской (б. Солдатенковской) больниц. С первых дней организации Лечебно-санитарного управления Кремля был приглашен туда на работу. С 1919 г. был врачом В. И. Ленина и его семьи.

ГЛЯССЕР МАРИЯ ИГНАТЬЕВНА (1890—1951) — член партии с 1917 г. С 1918 по 1924 г. работала в Секретариате Совета Народных Комиссаров, затем в Институте Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б).

ГОРБУНОВ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ (1892—1938) — советский государственный деятель, один из организаторов советской науки, академик АН СССР. Член партии с 1917 г. С ноября 1917 г. — секретарь Совнаркома и личный секретарь В. И. Ленина. В 1918—1919 гг. — заведующий научно-техническим отделом ВСНХ. В 1919—1920 гг. — на политической работе в Красной Армии. С декабря 1920 г. был назначен управляющим делами СНК РСФСР, с 1922 г. — управделами СНК СССР. Член Госплана. В 1923—1929 гг. — ректор МВТУ, один из организаторов Сельскохозяйственной академии им. В. И. Ленина. В 1935—1937 гг. — неперенный секретарь АН СССР. Необоснованно репрессирован; реабилитирован и восстановлен в партии.

ЕМШАНОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ (1891—1940) — член партии с апреля 1917 г. В 1918—1920 гг. работал в Управлении Пермской железной дороги, затем был начальником этой дороги. В 1920—1921 гг. — нарком путей сообщения, затем — заместитель наркома путей сообщения. В 1926—1929 гг. — управляющий КВЖД, заместитель председателя правления КВЖД. В 1931—1934 гг. — начальник управления Госплана. В 1934—1937 гг. — начальник Московско-Донбасской

железной дороги. Был необоснованно репрессирован; реабилитирован и восстановлен в партии.

ЗВЕРЕВА — работница Трехгорной мануфактуры. Выступала на траурном заседании II съезда Советов Союза ССР 26 января 1924 г., посвященном памяти В. И. Ленина.

ЗИНОВЬЕВ (РАДОМЫСЛЬСКИЙ) ГРИГОРИЙ ЕВСЕЕВИЧ (1883—1936) — советский партийный и государственный деятель. В партию вступил в 1901 г. В 1906—1907 гг. — член Петербургского комитета РСДРП. Участвовал в работе IV и V съездов партии. С 1908 по апрель 1917 г. находился в эмиграции; входил в редакции большевистских газет «Пролетарий» и «Социал-демократ», печатался в «Правде». Участник Копенгагенского конгресса II Интернационала (1910), Циммервальдской (1915) и Кинтальской (1916) международных социалистических конференций; член бюро Циммервальдской левой, Заграничного бюро ЦК РСДРП. После Февральской революции 1917 г. входил в исполком Петроградского Совета. На VII (Апрельской) Всероссийской конференции и VI съезде РСДРП(б) избирался членом ЦК партии. В период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции проявил колебания, выступил против курса партии на вооруженное восстание. Выходил из ЦК из-за несогласия по вопросу о составе правительства. С декабря 1917 г. — председатель Петроградского Совета. До 1926 г. возглавлял Петроградскую (Ленинградскую) партийную организацию. Член ЦК партии. В 1907—1927 гг., в 1919—1921 гг. — кандидат в члены Политбюро, в 1921—1926 гг. — член Политбюро, член ВЦИК и ЦИК СССР. В 1919—1926 гг. — председатель Исполкома Коминтерна. В 1927 и 1932 гг. исключался из партии, затем восстанавливался в ее рядах. В 1934 г. вновь исключен из партии. Необоснованно репрессирован; реабилитирован посмертно.

ИОФФЕ АДОЛЬФ АБРАМОВИЧ (1883—1927) — партийный, государственный деятель, в социал-демократическом движении с конца 90-х годов XIX в. После II съезда партии — меньшевик, был членом Заграничного бюро ЦК партии. После Февральской революции 1917 г. вошел в состав Петроградского Совета; на VI съезде РСДРП(б) вместе с группой «межрайонцев» был принят в партию большевиков. В Октябрьские дни 1917 г. — член Петроградского Военно-революционного комитета, в ноябре 1917 г. — январе 1918 г. — председатель, в январе—феврале 1918 г. — консультант советской делегации на переговорах с Германией в Брест-Литовске, затем — полпред РСФСР в Берлине. Работал в наркомате РКИ, Главном концессионном комитете, Госплане. На VI и VII съездах РКП(б) избирался кандидатом в члены ЦК.

КАЛИНИН МИХАИЛ ИВАНОВИЧ (1875—1946) — советский партийный и государственный деятель. Член партии с 1898 г. Был членом марксистских рабочих кружков и Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Активный участник революции 1905—1907 гг. В 1912 г. избран кандидатом в члены ЦК, затем введен в состав Русского бюро ЦК РСДРП. Участник Февральской и Октябрьской социалистической революций. После Октябрьской социалистической революции был городским головой, затем комиссаром городского хозяйства Петрограда. С 1919 г. — председатель ВЦИК, с 1922 г. — председатель ЦИК СССР, с 1938 г. — председатель Президиума Верховного Совета СССР. С 1919 г. — член ЦК партии, с 1926 г. — член Политбюро ЦК ВКП(б).

КАМЕНЕВ (РОЗЕНФЕЛЬД) ЛЕВ БОРИСОВИЧ (1883—1936) — советский партийный и государственный деятель. В партию вступил в 1901 г. С 1908 г. находился в эмиграции, входил в редакцию большевистской газеты «Пролетарий». В 1914 г. направлен ЦК РСДРП(б) в Россию для руководства социал-демократической фракцией Государственной думы и редакцией «Правды», был арестован. Участник революций 1905—1907 гг. и Октябрьской социалистической 1917 г. На VII (Апрельской) Всероссийской конференции и VI съезде РСДРП(б) избирался членом ЦК, на II Всероссийском съезде Советов — председателем ВЦИК. В период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции проявил колебания, выступил против курса партии на вооруженное восстание. Выходил из

ЦК из-за несогласия по вопросу о составе правительства. С 1918 г.— председатель Моссовета, с 1922 г.— заместитель председателя СНК и СТО, а после смерти Ленина — председатель СТО (до января 1926 г.). В 1923—1926 гг.— директор Института В. И. Ленина. Член ЦК в 1917, 1919—1927 гг. Член Политбюро ЦК с 1919 по 1926 г., в 1926 г.— кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), член ВЦИК и ЦИК СССР. В 1927 и 1932 гг. исключался из партии, затем восстанавливался в ее рядах. В 1934 г. вновь исключен из партии. Необоснованно репрессирован; реабилитирован посмертно.

КОЖЕВНИКОВ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ — врач, приват-доцент, лечивший В. И. Ленина в 1922—1923 гг.

КРАЮШКИН А. Б. — беспартийный крестьянин. Выступал на траурном заседании II Всесоюзного съезда Советов 26 января 1924 г., посвященном памяти В. И. Ленина.

КРЖИЖАНОВСКИЙ ГЛЕБ МАКСИМИЛИАНОВИЧ (1872—1959) — старейший деятель партии, академик АН СССР. В революционное движение вступил в 1893 г.; вместе с В. И. Лениным был одним из организаторов Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В декабре 1895 г. арестован и сослан на 3 года в Восточную Сибирь. В 1901 г. поселился в Самаре, где при его ближайшем участии был организован искровский центр. Осенью 1902 г. Кржижановский вошел в состав Организационного комитета по созыву II съезда РСДРП; на съезде он заочно избирается в состав ЦК. Деятельное участие принимал в революции 1905—1907 гг. После победы Октябрьской социалистической революции работал над восстановлением и развитием энергетического хозяйства Москвы. В 1920 г. по поручению Ленина возглавлял Государственную комиссию по электрификации России (ГОЭЛРО). В 1921—1930 гг. руководил Госпланом, с 1929 по 1939 г. — вице-президент Академии наук СССР, директор созданного им Энергетического института Академии наук СССР, автор ряда научных трудов в области энергетики.

КУРСКИЙ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ (1874—1932) — партийный и государственный деятель. Член партии с 1904 г. Активный участник Декабрьского вооруженного восстания в Москве (1905). С 1906 г. входил в Московское областное бюро РСДРП. После Февральской революции 1917 г. — председатель Совета солдатских депутатов на Румынском фронте; в Октябрьские дни 1917 г. входил в Военно-революционный комитет в Одессе. В 1918—1920 гг. — член Реввоенсовета Республики, комиссар Всероссийского Главного и Полевого штабов Красной Армии. С 1918 по 1928 г. — нарком юстиции РСФСР; член Президиума ВЦИК и ЦИК СССР, председатель Центральной ревизионной комиссии, а затем член ЦКК ВКП(б). С 1928 г. — на дипломатической работе.

ЛЕВИН ЛЕВ ГРИГОРЬЕВИЧ (1870—1938) — врач-терапевт. В 1896—1897 гг. работал врачом в клиниках Берлина и Парижа, с 1897 г. — в России. В 1907—1919 гг. работал фабрично-заводским врачом, затем врачом-ординатором курортно-отбортного госпиталя Наркомздрава. С апреля 1920 г. — врач-ординатор и заведующий терапевтическим отделением Кремлевской больницы. Необоснованно репрессирован; реабилитирован посмертно.

ЛЕВИЦКИЙ АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ (1885—1965) — советский кинооператор, основоположник отечественной школы операторского искусства. В кино с 1910 г. В дореволюционные годы снял около 100 фильмов — художественных, документальных, хроникальных и научно-популярных. Снимал хронику гражданской войны в 1918—1920 гг., ему принадлежат уникальные съемки В. И. Ленина. Участвовал в создании первых советских художественных фильмов — «Восстание» (1918), «Мать» (1920) и др. В годы Великой Отечественной войны работал на киностудии «Воентехфильм». С 1924 г. преподавал во ВГИКе.

ЛОЗОВСКИЙ А. (ДРИДЗО) СОЛОМОН АБРАМОВИЧ (1878—1952) — советский партийный, государственный деятель. Член партии с 1901 г. Участник революции 1905—1907 гг. в Казани. С 1909 по 1917 г. жил в эмиграции. В июне

1917 г. возвратился в Россию; на III Всероссийской конференции профсоюзов (июль 1917) был избран секретарем ВЦСПС. В декабре 1917 г. был исключен из рядов РСДРП(б). Позднее возглавлял группу социал-демократов интернационалистов, в составе которой в декабре 1919 г. был вновь принят в РКП(б). В 1920 г. — председатель Московского губернского Совета профессиональных союзов. С 1921 по 1937 г. — генеральный секретарь Профинтерна, затем директор Гослитиздата. В 1939—1946 гг. — заместитель наркома (затем министра) иностранных дел СССР. С XV съезда партии — кандидат в члены ЦК ВКП(б), на XVIII съезде избран членом ЦК ВКП(б). Необоснованно репрессирован; реабилитирован и восстановлен в партии.

ЛУНАЧАРСКИЙ АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1875—1933) — советский партийный, государственный деятель, академик АН СССР. Член партии с 1895 г. После II съезда РСДРП — большевик. Входил в состав редакций большевистских газет «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь». Участник революций 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917 г. В годы реакции отходил от марксизма, участвовал в группе «Вперед». Во время первой мировой войны стоял на позициях интернационализма. По возвращении в Россию в 1917 г. вступил в группу «межрайонцев», в составе которой на VI съезде РСДРП(б) был принят в большевистскую партию. После Октябрьской социалистической революции до 1929 г. — нарком просвещения, затем председатель Ученого комитета при ЦИК СССР. Член ВЦИК и ЦИК СССР. Делегат VIII и X съездов РКП(б). В 1933 г. — полномочный представитель СССР в Испании. Публицист, драматург, автор ряда работ по вопросам истории искусства и литературы.

ЛЮДВИНСКАЯ ТАТЬЯНА ФЕДОРОВНА (1887—1976) — член партии с 1903 г., бывшая работница — трикотажица. Активный участник трех революций в России. В 1905—1907 гг. — член Одесского комитета РСДРП, принимала участие в баррикадных боях в октябре 1905 г. Неоднократно подвергалась арестам, тюремному заключению и ссылке. В 1907—1910 гг. вела партийную и профсоюзную работу в Петербурге. В мае 1911 г. эмигрировала за границу, была членом комитета и секретарем парижской секции большевиков. После Февральской революции 1917 г. — на руководящей партийной работе в Богородске (ныне Ногинск) и Москве. В Октябрьские дни 1917 г. — член Военно-революционного комитета Сухевско-Марьинского района в Москве, один из организаторов Красной гвардии. После Октябрьской социалистической революции — член Московского комитета партии и Моссовета, в 1925—1926 гг. — секретарь Ярославского горкома, затем на другой партийной и советской работе. Делегат VIII, X и XIV съездов партии.

МЕЛЬНИКОВ-РАЗВЕДЕНКОВ Н. Ф. — профессор, ректор Кубанского медицинского института. Данная статья — отрывок из доклада 2 февраля 1924 г. на 100-м юбилейном заседании Кубанского физико-медицинского общества, посвященном памяти В. И. Ленина.

МЕТЕЛЕВ АЛЕКСАНДР ДЕНИСОВИЧ (1893—1937) — слесарь Русско-Балтийского вагоностроительного завода в Петербурге. Член партии с 1912 г. Во время первой мировой войны вел агитационную работу в армии. Участник штурма Зимнего дворца. С июня до начала августа 1918 г. — член Архангельского губисполкома и Архангельского горкома партии, затем политработник VI армии Северного фронта, член Пензенского губисполкома и губкома партии. В 1921 г. — управляющий зданиями Кремля и Домами Советов ВЦИК, позднее — заведующий административно-хозяйственным отделом ВЦИК. В 1933 г. — уполномоченный ЦИК СССР по Азово-Черноморскому краю. Необоснованно репрессирован; реабилитирован и восстановлен в партии.

МОРГУНОВ ГРИГОРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (р. 1899) — член партии с 1942 г. С 1915 г. в течение 46 лет работал на московском заводе «Динамо». Участник Октябрьской социалистической революции в Москве, в Симоновской слободе. Прошел большой трудовой путь — от конторского ученика до заместителя директора завода «Динамо». 7 ноября 1921 г. присутствовал на торжественном собрании на заводе «Динамо», где выступал В. И. Ленин. С 1959 г. — пенсионер.

НАРИМАНОВ НАРИМАН КЕРБАЛАЙ НАДЖАФ ОГЛЫ (1870—1925) — советский государственный деятель, член партии с 1905 г. В 1917 г. один из руководителей борьбы за Советскую власть в Азербайджане, член Бакинского комитета РСДРП(б), входил в состав Бакинского СНК. В 1919 г. — заведующий Ближневосточным отделом Наркоминдела, заместитель наркома по делам национальностей. В 1920 г. — председатель Азербайджанского ревкома, председатель СНК Азербайджана. С 1922 г. — председатель Союзного Совета ЗСФСР, затем один из председателей ЦИК СССР.

НЕЧКИНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА (р. 1892) — медицинская сестра бывшей Солдатенковской больницы (ныне имени С. П. Боткина).

ОЛЬДЕНБУРГ СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ (1863—1934) — ученый-востоковед, академик АН СССР. В 1917 г. — министр просвещения во Временном правительстве, член ЦК кадетской партии. С 1904 по 1929 г. — непреременный секретарь Академии наук. В 1930—1934 гг. — директор Института востоковедения АН СССР. Автор ряда трудов по фольклору, этнографии, искусству народов Китая, Индии, Индонезии и других стран.

ОСИПОВ В. П. (1871—1947) — врач-психиатр, участвовал в лечении В. И. Ленина.

ОЧКИН АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ (1886—1952) — профессор-хирург. С 1910 г. работал в Солдатенковской больнице; заведовал кафедрой хирургии Центрального института усовершенствования врачей, вел активную общественную работу.

ПЕТРАШЕВА МАРИЯ МАКАРОВНА — медицинская сестра, ухаживала за В. И. Лениным во время его болезни.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (1886—1937) — советский партийный, государственный деятель. В партию вступил в 1903 г. В 1917—1918 гг. работал в Уральском областном комитете партии, позднее — в газете «Правда», уполномоченным ВЦИК в Орловской губернии. В 1919 г. — в аппарате Сибирского бюро ЦК РКП(б). В 1920—1921 гг. — член и секретарь ЦК РКП(б). В 1921—1927 гг. — член коллегии Наркомфина, Наркомзема, председатель Главного управления профобразования Наркомпроса, член президиума Комкадемий. В 1927 г. исключен из партии; восстановлен в 1929 г. В 1933 г. вновь исключен, но вскоре восстановлен, в 1936 г. снова исключен. После 1929 г. работал членом коллегии Наркомлегпрома, в наркомате совхозов. Необоснованно репрессирован; реабилитирован посмертно.

ПРИОРОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (1885—1961) — советский ортопед-травматолог, академик АМН, заслуженный деятель наук РСФСР. Член партии с 1946 г. Заведующий Лечебно-протезным институтом, врач, консультировавший В. И. Ленина в 1922—1923 гг.

ПЯТНИЦКИЙ (ТАРШИС) ИОСИФ (ОСИП) АРОНОВИЧ (1882—1938) — деятель российского и международного революционного движения. Член партии с 1898 г. Агент «Искры». Участник первой российской революции. Вел работу в Одессе, Москве и других городах. Делегат VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП. За революционную деятельность подвергался неоднократным арестам, в 1914 г. сослан в Енисейскую губернию. Освобожден Февральской революцией. В Октябрьские дни 1917 г. — член Боевого партийного центра в Москве. В советское время — на партийной работе: секретарь МК РКП(б); с 1921 г. — в ИККИ; избирался кандидатом в члены ЦК на IX съезде, членом ЦКК на XIII—XIV съездах и членом ЦК на XV—XVII съездах партии. Необоснованно репрессирован; реабилитирован и восстановлен в партии.

РУКАВИШНИКОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ — фельдшер, принимавший участие в лечении В. И. Ленина в 1923—1924 гг.

РЫКОВ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ (1881—1938) — советский партийный и государственный деятель. Член партии с 1899 г. Участник революции 1905—1907 гг., Октябрьской социалистической революции. В первом Советском правительстве — нарком внутренних дел. С апреля 1918 г. по февраль 1921 г. — председатель Высшего совета народного хозяйства. С 1921 г. — заместитель Председателя СНК и СТО, в 1924 г. — председатель СНК СССР и председатель СНК РСФСР (был до 1929 г.), в 1926 г. — председатель СТО. В 1931—1936 гг. — нарком почт и телеграфов, нарком связи СССР. На III, IV, VI, IX—XV съездах партии избран в члены ЦК, на XVII — кандидатом в члены ЦК. В 1920—1924 гг. — член Оргбюро ЦК, в 1922—1930 гг. — член Политбюро ЦК партии. В конце 20-х гг. выступил против свертывания нэпа, резкого форсирования коллективизации и индустриализации, что было объявлено «правым уклоном в ВКП(б)». Необоснованно репрессирован; реабилитирован и восстановлен в партии.

СЕМАШКО НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1874—1949) — член партии с 1893 г., по профессии врач. В 1905 г. принимал участие в вооруженном восстании в Нижнем Новгороде. После девятимесячного тюремного заключения эмигрировал за границу. Работал в парижской секции РСДРП. Был секретарем и казначеем Заграничного бюро ЦК РСДРП. Делегат VI (Пражской) Всероссийской конференции. Вернулся в Россию в 1917 г. Принимал участие в подготовке Октябрьского вооруженного восстания. В 1918—1930 гг. — нарком здравоохранения РСФСР. В 1931 г. перешел на работу во ВЦИК; был членом Президиума ВЦИК. Действительный член Академии медицинских наук СССР, с 1945 г. — Академии педагогических наук РСФСР. В 1947—1949 гг. — директор Института организации здравоохранения и истории медицины Академии медицинских наук СССР. Автор многих трудов в области социальной гигиены и организации здравоохранения.

СЕРГЕЕВ А. Н. — рабочий завода «Красный путилевец». Выступал на траурном заседании II Всесоюзного съезда Советов, посвященном памяти Ленина.

СМИРНОВА ЕВДОКИЯ ИВАНОВНА (р. 1890) — работница фабрики Москвошвей, член партии с 1927 г.; с марта 1923 г. по 1927 г. жила в семье Ульяновых. Впоследствии персональная пенсионерка.

СМОРОДИН ПЕТР ИВАНОВИЧ (1897—1939) — член партии с 1917 г., один из организаторов революционного юношеского движения и организаторов комсомола, активный участник Октябрьской социалистической революции и борьбы с иностранными интервентами, секретарь Петроградского губкома РКСМ. В 1921—1924 гг. — первый секретарь ЦК РКСМ, затем на партийной работе в Ленинграде. В 1937 г. избран вторым секретарем Ленинградского обкома ВКП(б), потом первым секретарем Сталинградского обкома ВКП(б). На XVI и XVII съездах ВКП(б) избирался кандидатом в члены ЦК. Необоснованно репрессирован; реабилитирован и восстановлен в партии.

СОРИН ВЛАДИМИР ГОРДЕЕВИЧ (1893—1944) — член партии с 1917 г. В 1917 г. работал в органе Московского комитета большевиков — газете «Социал-демократ». В 1918 г. — секретарь Серпуховского губкома, примыкал к «левым коммунистам». Участник гражданской войны — работал в штабе войск Восточного фронта председателем Революционного военного трибунала фронта. В 1919—1920 гг. — член бюро Московского окружного комитета РКП(б) и член губревкома. С 1920 г. по 1925 г. — член МК и член бюро МК РКП(б). С 1924 г. работал в Институте В. И. Ленина, позже в Институте Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б). Принимал деятельное участие в подготовке и в издании Сочинений В. И. Ленина и Ленинских сборников. Необоснованно репрессирован; реабилитирован посмертно.

СОСНОВСКИЙ ЛЕВ СЕМЕНОВИЧ (1886—1937) — деятель революционного движения, публицист. Член партии с 1904 г. Участник трех революций. В 1917 г. — член Уральского обкома РСДРП(б). В 1918—1924 гг. (с перерывами) — редактор газеты «Беднота». В 1919—1920 гг. — председатель Харьковского губкома КП(б) Украины, затем на журналистской работе. Во время профсоюзной дискуссии под-

держивал платформу Троцкого. В 1927 г. исключен из партии, в 1935 г. был восстановлен, в 1936 г. вновь исключен. Необоснованно репрессирован; реабилитирован.

СТАЛИН (ДЖУГАШВИЛИ) ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ (1879—1953), советский партийный и государственный деятель, член партии с 1898 г. Участник революции 1905—1907 гг. в Закавказье. В 1912—1913 гг.— член Русского бюро ЦК. Сотрудник газет «Звезда», «Правда». Участник Октябрьской революции в Петрограде. В октябре 1917—1922 гг.— нарком по делам национальностей, одновременно в 1919—1922 гг.— нарком государственного контроля, РКИ. Член РВСР. С 1922 г.— Генеральный секретарь ЦК партии. С мая 1941 г.— Председатель СНК (СМ) СССР. В годы Великой Отечественной войны — председатель ГКО, нарком обороны, Верховный Главнокомандующий. Член ЦК партии с 1912 г., Политбюро ЦК в 1919—1952 гг. Член ИККИ в 1925—1943 гг. Член ВЦИК. Сталин допустил грубейшие политические ошибки, производ, имевшие последствия для советского народа. Он и его ближайшее окружение ответственны за массовые репрессии и беззакония. КПСС осудила культ личности Сталина, сложившуюся в тот период командно-административную систему, которые вызвали глубокие деформации в социалистическом обществе, задержали его развитие.

ТОМСКИЙ (ЕФРЕМОВ) МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ (1880—1936) — советский партийный, государственный и профсоюзный деятель. Член партии с 1904 г. В 1903—1906 гг. работал в Ревельской партийной организации. Участник революции 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го. В 1907 г.— член Петербургского комитета РСДРП. После Февральской революции 1917 г.— член Исполнительной комиссии Петербургского комитета РСДРП(б).

В 1918 г.— секретарь ВЦСПС, делегат VIII съезда партии, в дискуссии о профсоюзах поддерживал платформу Ленина. С сентября 1922 г. по 1929 г.— председатель ВЦСПС; в конце 20-х гг. выступил против свертывания нэпа, резкого форсирования коллективизации и индустриализации, что было объявлено «правым уклоном в ВКП(б)». В 1918—1934 гг.— член ЦК, с 1922 по 1930 г.— член Политбюро ЦК ВКП(б), с 1934 г.— кандидат в члены ЦК. В 1929—1930 гг.— заместитель председателя ВСНХ СССР. Заведующий ОГИЗа. В обстановке массовых репрессий в 1936 г. покончил жизнь самоубийством. Учитывая необоснованность обвинений против М. П. Томского, КПК при ЦК КПСС подтвердила его членство в партии с 1904 г.

ТРОЦКИЙ (БРОНШТЕЙН) ЛЕВ ДАВЫДОВИЧ (1879—1940) — политический и государственный деятель, участвовал в социал-демократическом движении с 1897 г. Член Коммунистической партии в 1917—1927 гг. На II съезде — искровец меньшинства. В революции 1905—1907 гг.— один из руководителей Петербургского Совета рабочих депутатов. В 1912 г.— организатор «августовской» конференции ликвидаторов. Участник международной социалистической конференции в Циммервальде. В 1917 г. на VI съезде РСДРП(б) в составе группы «межрайонцев» был принят в большевистскую партию. Один из участников подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. В 1917—1918 гг.— нарком иностранных дел, один из организаторов Красной Армии и обороны страны в годы гражданской войны. В 1918—1924 гг.— нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета Республики и нарком путей сообщения. Член ЦК и член Политбюро ЦК РКП(б). В 1926 г. был выведен из состава Политбюро ЦК, в 1927 г. исключен из состава ЦК и членов партии. В 1929 г. был выслан за пределы страны.

УГЛАНОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1886—1940) — советский партийный, государственный деятель. Член партии с 1907 г. Партийную работу вел в Петербурге. После Октябрьской социалистической революции — в Красной гвардии; в 1918 г.— председатель Центральной комиссии по организации вооруженных продотрядов. С мая 1919 г.— член коллегии петроградского Комиссариата продовольствия. В 1920—1921 гг.— член, затем секретарь Петроградского губкома РКП(б), секретарь Петроградского совета профсоюзов. В 1922—1924 гг.— секретарь губкома в Нижнем Новгороде, с сентября 1924 г.— секретарь Московского комитета РКП(б). В 1928—1930 гг.— нарком труда СССР. До 1930 г.— член ЦК партии. В 1926—1929 гг.— кандидат в члены Политбюро ЦК и секретарь ЦК партии. Необоснованно репрессирован; реабилитирован посмертно.

УЛЬЯНОВА МАРИЯ ИЛЬИНИЧНА (1878—1937) — младшая сестра В. И. Ленина, советский партийный и государственный деятель. Член партии с 1898 г. В революционном движении участвовала с семнадцати лет. Вела партийную работу в Петербурге, Москве, Саратове и других городах России, а также за границей. С 1900 г. активно участвовала в работе «Искры». С осени 1903 г. работала в секретариате ЦК партии. В 1904 г. — в Петербургской организации большевиков. Неоднократно подвергалась арестам и ссылкам.

С марта 1917 г. до весны 1929 г. — член редколлегии и ответственный секретарь газеты «Правда». По ее инициативе был создан и под ее руководством издавался журнал «Рабоче-крестьянский корреспондент», сыгравший большую роль в развитии рабселькоровского движения.

Перейдя на работу в Институт В. И. Ленина, собрала и подготовила к печати письма В. И. Ленина к родным, представляющие большую ценность для изучения биографии В. И. Ленина. Написала книгу о своем отце — Илье Николаевиче Ульянове и биографический очерк о матери — Марии Александровне Ульяновой.

На XIV, XV и XVI съездах партии избиралась членом ЦКК ВКП(б), была членом Президиума Центральной контрольной комиссии ВКП(б), членом коллегии Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции СССР.

С февраля 1932 г. заведовала объединенным бюро жалоб Наркомата РКИ СССР и Наркомата РКИ РСФСР. На XVII съезде партии избрана в Комиссию советского контроля при Совнаркоме СССР, возглавляла бюро жалоб. В 1935 г. была избрана членом ЦИК СССР.

ФАРОБИН В. — председатель Центральной штатной комиссии при Народном комиссариате труда, в задачи которой входило определение необходимого количества сотрудников управленческого аппарата различных ведомств и выработка предложений по сокращению численности госаппарата и улучшению его деятельности. Функции Центральной штатной комиссии позднее были переданы РКИ.

ФОТИЕВА ЛИДИЯ АЛЕКСАНДРОВНА (1881—1975) — член партии с 1904 г. С 1918 г. — секретарь Совнаркома и СТО и одновременно секретарь В. И. Ленина. В 1933—1935 гг. работала в системе Главэнерго Наркомтяжпрома. С 1936 по 1958 г. — научный сотрудник Центрального музея В. И. Ленина.

ХАБАРОВ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ (р. 1889) — член партии с 1917 г., работал слесарем-электриком станции Москва-1 Московско-Курской дороги. После Февральской революции 1917 г. — член Военно-революционного дорожного комитета, работал по заданиям НКПС на ряде железных дорог. В 1922—1925 гг. заведовал технической частью совхоза «Горки», затем на хозяйственной работе. С 1953 г. — персональный пенсионер.

ХОЛОДОВА ПЕЛАГЕЯ АНАНЬЕВНА (1880—1945) — член партии с 1917 г. Работница Богородско-Глуховской мануфактуры. В 1917 г. — член Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В 1921 г. заведовала детскими домами Богородского уезда. С 1922 г. — на профсоюзной и административной работе в Ногинском районе Московской области.

ЦЕТКИН КЛАРА (1857—1933) — деятель германского и международного рабочего и коммунистического движения, один из основателей КП Германии (КПГ). В 1881—1918 гг. — член Социал-демократической партии Германии (принадлежала к ее левому крылу), участница создания и деятель II Интернационала. Организатор женского международного движения, писательница, пламенный оратор и трибун. В годы мировой империалистической войны стояла на позициях революционного интернационализма, выступала против социал-шовинизма. В 1916 г. вошла в группу «Интернационал», вскоре переименованную в «Спартак», а затем — в «Союз Спартака». С 1919 г. — член Коммунистической партии Германии и ее ЦК. Участвовала в работе III и последующих конгрессов Коминтерна. С 1921 г. — член Исполкома Коминтерна и Президиума ИККИ, возглавляла его международный женский секретариат. С 1925 г. — бессменный председатель ЦК МОПР. С 1920 г. — депутат рейхстага.

ЧИЧЕРИН ГЕОРГИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1872—1936) — советский государственный, партийный деятель, дипломат. Участник революционного движения с 1904 г. Член РСДРП с 1905 г., меньшевик, член РКП(б) с 1918 г. С 1905 по 1917 г. был в эмиграции. С 1918 по 1930 г. — народный комиссар иностранных дел РСФСР, СССР. Подписал Брестский мир. Глава советских делегаций на международных конференциях в Генуе и Лозанне. В 1925—1930 гг. — член ЦК партии, член ВЦИК, ЦИК СССР.

ША-АБДУРАСУЛЕВ — выступал на траурном заседании II съезда Советов Союза ССР от народов Туркестана.

ШЛИХТЕР АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ (1868—1940) — советский государственный и партийный деятель, академик АН УССР, АН БССР. Член партии с 1891 г. Активный участник революции 1905—1907 гг. В Октябрьские дни 1917 г. — комиссар продовольствия Москвы и Московской губернии, член ВРК. В 1917—1918 гг. — нарком продовольствия РСФСР, чрезвычайный комиссар продовольствия в Сибири, в 1919 г. — нарком продовольствия Украины, в 1920 г. — председатель Тамбовского губисполкома, член коллегии Наркомвнешторга, в 1921—1922 гг. — полпред в Австрии, в 1923 г. — член коллегии Наркомата иностранных дел, в 1923—1927 гг. — уполномоченный НКВД на Украине, в 1927—1930 гг. — нарком земледелия УССР, в последующие годы — на научной и партийной работе. С 1923 г. — член ЦК и Оргбюро ЦК КП(б)У, в 1926—1937 гг. — кандидат в члены Политбюро ЦК КП(б)У. Избирался членом ВУЦИК и ЦИК СССР.

ЯКОВЛЕВ В. — кинооператор, неоднократно снимавший В. И. Ленина в период 1917—1921 гг.

ЯРОСЛАВСКИЙ (ГУБЕЛЬМАН М. И.) ЕМЕЛЬЯН МИХАЙЛОВИЧ (1878—1943) — советский партийный и государственный деятель, академик АН СССР. Член партии с 1898 г. Участник революции 1905—1907 гг., вел партийную работу среди рабочих Петербурга, Твери, Нижнего Новгорода, Киева, Ярославля, Одессы, Тулы, Москвы. Один из активных работников по созданию военно-боевой организации партии, руководитель московской военной организации, редактор газеты «Казарма». Участвовал в работе Таммерфорской конференции, а также IV и V съездов РСДРП. Подвергался преследованиям царского правительства. Был одним из руководителей вооруженного восстания 1917 г. и установления Советской власти в Москве. В 1921 г. — секретарь ЦК партии, в 1923—1934 гг. — член Президиума и секретарь ЦКК ВКП(б). С 1918 по 1943 г. — на ответственной партийной и советской работе; член ЦК партии в 1921—1922 гг., член КПК при ЦК ВКП(б) в 1934—1939 гг. Член редколлегии газеты «Правда», журнала «Большевик», член ЦИК СССР.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

А. Л.— 122
 Абрикосов А. И.— 306
 Аванесов В. А.— 167, 171, 174, 175, 178, 179, 202, 203, 204
 Авенариус (Avenarius) Рихард — 225, 227
 Авербах Л. Л.— 159, 160, 162, 163—164, 314
 Авербах М. И.— 287, 294
 Авилов Б. В.— 66
 Адамюк Э. В. (старший) — 273
 Адоратский В. В.— 10
 Аксельрод (Ортодокс) Л. И.— 215, 234, 360
 Аликин С. Н.— 132
 Аллилуева Н. С.— 171
 Альский А. О.— 215
 Альский М.— см. Альский А. О.
 Андреева (Юрковская) М. Ф.— 228
 Аникст А. М.— 42
 Антонов-Овсенко В. А.— 163
 Арманд В. А.— 101, 102
 Арманд И. А.— 105, 106, 107
 Арманд И. Ф. (Стеффен Е. Ф.) — 49, 99
 Артем — см. Сергеев Ф. А.
 Арцыбашев — 38

Б

Бауэр — 304, 305
 Бебель (Bebel) Август — 10, 226
 Бедный Демьян (Придворов Е. А.) — 358
 Беденький А. Я.— 70, 126, 131, 132, 261, 359
 Белякова Т. М.— 247, 250
 Бернштейн (Bernstein) Эдуард — 10
 Бехтерев В. М.— 245
 Бёрбанк Лутер — 38
 Бланки (Blanqui) Луи Огюст — 17
 Бобровская (Зеликсон) Д. С.— 112
 Богданов П. А.— 167, 169, 360
 Бонч-Бруевич В. Д.— 254, 307
 Бордига (Bordiga) Амадео — 138, 282
 Борисов Н. Е.— 43
 Бруно (Bruno) Джордано Филиппо — 270
 Брусова Вера — 133
 Бухарин Н. И.— 59, 70, 71, 92, 93, 121,

124, 125, 145, 146, 152, 158, 160, 173, 178, 179, 182, 188, 191, 223, 232, 237, 239, 240, 259, 261, 310, 311
 Быстров А.— 33, 34

В

Вайнштейн А. Л.— 49
 Варейкис И. М.— 222
 Вацетис И. И.— 163
 Вевер Э. Я.— 123
 Вежис А. Ф.— 45
 Вейсброд Б. С.— 125, 245, 281
 Вильгельм II (Гогенцоллерн) — 148
 Вильсон, Уилсон (Wilson) Томас Вудро — 148
 Вирхов (Virchow) Рудольф — 306
 Владимиров (Шейнфинкель) М. К.— 229, 231, 232
 Войтинский В. С.— 66
 Володарский В. (Гольдштейн М. М.)— 147
 Володичева М. А.— 162, 167—168, 187—188, 189, 190, 193, 200, 201, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 211, 241, 246, 247
 Воровский В. В.— 107, 128, 171, 253—254
 Ворошилов К. Е.— 84, 155
 Врангель П. Н.— 48

Г

Галлахер (Gallacher) Уильям — 90, 91
 Гарвуд А. (Harwood W. S.) — 38
 Гетье Ф. А.— 58, 130, 146, 218, 219, 228, 258
 Гибер Г. В.— 33, 34
 Гиль С. К.— 100, 313, 322
 Гинцбург И. Я.— 361
 Гляссер М. И.— 154, 155, 176—177, 187, 202, 205, 206
 Гогенцоллерн — см. Вильгельм II
 Голубкина — 361
 Гольденберг (Мешковский) И. П.— 66
 Гольцман А. З.— 168
 Горбунов Н. П.— 167, 169, 180, 182, 202, 218
 Герький Максим (Пешков А. М.) — 68, 228, 250

Грешнова К. М.— 57, 280
Григорьев — 82, 84
Гус (Hus) Ян — 270
Гусев С. И. (Драбкин Я. Д.) — 358

Д

Деникин А. И.— 47—48, 76, 335
Джапаридзе (жена) — 321
Дзержинский Ф. Э.— 126, 131, 154, 155,
156, 157, 158, 167, 172, 196, 197, 198,
202, 205, 211, 229, 234, 240, 307, 315
Дитман (Dittmann) Вильгельм — 88—89
Довгалецкий В. С.— 169
Древс (Drews) Артур — 209, 215, 234

Е

Елистратов П. И.— 245
Енукидзе А. С.— 61, 114, 364
Ерманский (Коган) О. А.— 202

Ж

Жиделев Н. А.— 104, 105
Жуков И. П.— 168

З

Залуцкий П. А.— 66—67, 73
Зиновьев (Радомысльский) Г. Е.— 70,
71, 93, 147, 150, 152, 155, 156, 158, 160,
161, 191, 231, 232, 236, 237, 238, 240,
241, 255, 256, 257, 307, 308, 310, 332
Зорин (Гомбарг) С. С.— 68
Зорька-Римша Казимир — 128, 285, 286

И

Иванов Г. П.— 129
Иодзевич Н. Н.— 84
Иоффе А. А.— 9

К

Кабахидзе — 210
Кавтарадзе С. И.— 196
Кадомцев — 357
Калинин М. И.— 35, 49, 60, 105, 131, 155,
307, 308, 310, 318
Каменев (Розенфельд) Л. Б.— 11, 73,
147, 150, 151, 152, 155, 156, 157, 158,
160, 161, 173, 177, 184, 188, 191, 203,
209, 230, 231, 232, 237, 240, 241, 257,
307, 308, 310, 311, 315

Канатчиков С. И.— 215
Каплан Ф. Е. (Ройтман Ф. Х.) — 57,
132, 359
Караев А. Г.— 64
Карпов Л. Я.— 225
Каутский (Kautsky) Карл — 18, 89, 149,
207
Керенский А. Ф.— 87, 225, 348
Керженцев (Лебедев) П. М.— 202
Керзон (Curzon) Джордж Натаниел —
128
Киселев А. С.— 358
Клаузевиц (Clausewitz) Карл — 121
Клемперер (Klemperer) Г.— 228, 258,
265
Книпович Н. М.— 167
Кожевников А. М.— 165, 180, 181, 182,
193, 200, 201, 205, 207, 210, 211, 228,
234, 245, 263, 266, 267
Колгаев А. Л.— 168
Коллонтай (Домонтович) А. М.— 66
Колчак А. В.— 47—48, 76, 335
Комаров Н. П.— 72, 73
Королев Г. И.— 47
Коростовешский — 316
Котов В. А.— 78
Крамер В. В.— 130, 182, 205, 228, 230,
234, 245, 258, 268
Красиков П. А.— 225
Красин Л. Б.— 101, 174, 222, 358
Краузе — 137
Кржижановский Г. М.— 36, 53, 101, 178,
179, 209
Криспин (Crispien) Артур — 88—89
Кромвель (Cromwell) Оливер — 332
Крупская Н. К.— 61, 79, 80, 99, 100, 101,
102, 104, 106, 107, 114, 119, 120, 122,
123, 128, 129, 131, 133, 134, 138, 142,
143, 153, 156, 157, 181, 182, 189—190,
192, 199, 200, 201, 205, 209, 210, 212,
216—217, 218, 224, 230—231, 232, 234,
237, 240, 241, 245, 246, 247, 248, 249,
250, 257, 260, 261, 262, 263, 264, 265,
267, 271, 281, 282, 283, 284, 286, 287,
291, 292, 297, 298, 309, 310, 334—335,
360, 361
Ксидиас — 361
Кузнецов В.— 33, 34
Кузнецов Д. В.— 213, 263
Куйбышев В. В.— 183
Кун (Kun) Беда — 256
Курлов П. Г.— 209, 215

Л

Лаврентьев П. Ф.— 168
Ларин Ю. (Лурье М. А.) — 41
Лазцари (Lazzari) Константино — 172
Лашевич М. М.— 68, 69, 70, 359
Леви (Levi) (Гартштейн) Пауль — 282,
283

Левин Л. Г.— 228, 245, 253
 Ленин В. И.* (Старик) — 66, 67, 124, 261, 355
 Лепешинская О. Б.— 228, 357
 Либкнехт (Liebknecht) Карл — 333
 Литвинов М. М.— 168
 Ллойд Джордж (Lloyd George) Дэвид — 148
 Лондон (London) Джек (Гриффит (Griffith) Джон) — 250, 360
 Луначарский А. В.— 104, 105, 169, 340
 Люксембург (Luxemburg) Роза (Junius) — 158, 333
 Ляпорт Морис — 91, 92

М

Максимов — 45
 Малютин — 361
 Мануильский Д. З.— 105
 Манучарьянц Ш. М.— 166, 206
 Маркс (Marx) Карл — 10, 11, 12, 15, 16, 20, 21, 49, 221, 305
 Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.) — 18, 107, 238
 Мах (Mach) Эрнст — 225, 227
 Махарадзе Ф. И.— 195, 196—197, 208, 211, 234
 Маяковский В. В.— 102, 103, 358
 Мдивани П. Г.— 155—156, 171, 185, 195, 196—197, 208, 211, 234
 Милютин В. П.— 221
 Минковский А.— 234
 Мирошников И. И.— 111
 Михайлов — 360
 Мичурин И. В.— 38, 169
 Модзалевский И. А.— 209, 215
 Молотов (Скрябин) В. М.— 149, 185, 223
 Монмуссо (Monmouseaux) Гастон — 95
 Мор (More) Томас — 226
 Морозов С. В.— 228
 Муравьев П. Н.— 220, 221, 224
 Мусабеков Газанфар Махмуд оглы — 62
 Мюнценберг (Münzenberg) Вильгельм — 167
 Мясников (Мясникян) А. Ф.— 185

Н

Наполеон I (Бонапарт) (Napoleon Bonaparte) — 332
 Нариманов Нариман Кербалай Наджаф оглы — 62, 65, 358
 Невский (Кривобоков Ф. И.) В. И.— 117
 Некрасов Н. А.— 103
 Нечкина Е. А.— 109
 Николаев А. М.— 80

* Здесь указаны страницы, где упоминается псевдоним В. И. Ленина. *Ред.*

О

Обух В. А.— 130, 218, 245
 Ольденбург С. Ф.— 349
 Ольминский (Александров) М. С.— 113
 Омелянский — 38
 Орджоникидзе Г. К. (Сепро) — 35, 73, 155, 156, 157, 158, 183, 184, 185, 194, 195, 196, 197, 210, 234, 240
 Осинский Н. (Оболенский В. В.) — 49
 Осипов В. П.— 245, 287—288
 Очкин А. Д.— 245, 280

П

Павлов И. П.— 21, 39
 Пакалн П. П.— 124, 129, 130, 131, 250, 286
 Панков А. Г.— 123
 Паннекук (Pannekoek) Антони — 9
 Петр I Великий (Романов П. А.) — 332
 Петрасов — 132
 Петровский Г. И.— 35, 80
 Пинес — 44, 45
 Плеханов Г. В.— 17, 18, 19
 Попов Н. С.— 285, 286
 Попов П. И.— 50, 169, 206
 Преображенская Н. А.— 112
 Преображенский А. А.— 120, 123, 124, 125, 127
 Преображенский Е. А.— 151, 162
 Проценко — 132
 Прянишников — 45
 Пуанкаре (Poincaré) Раймон — 148
 Пушкин А. С.— 103
 Пятаков Г. Л.— 73, 74, 152, 182, 191, 224, 232, 233, 261, 360

Р

Радек К. Б.— 92, 93, 144
 Радченко И. И.— 219, 314
 Раковский Х. Г.— 151
 Рейнбот — 101, 132
 Реске Н. А.— 203
 Рид (Reed) Джон — 306
 Роберт — 80
 Робеспьер (Robespierre) Огюстен Бон Жозеф — 332
 Родзянко М. В.— 88
 Рожицын В. С.— 209, 215
 Рожков Н. А.— 170, 173, 180
 Розанов В. Н.— 57, 58, 109, 130, 247, 248, 278, 280, 286
 Розовский С. З.— 219
 Рокитанский К.— 306
 Россолимо Г. И.— 258
 Рудзутак Я. Э.— 80
 Рукавишников М. Н.— 285

Рывкин О. Л.— 159, 160
 Рыков А. И.— 140, 150, 151, 173, 175, 176,
 177, 178, 210, 230
 Рябов — 285

С

Савельев А. И.— 33, 34
 Савельев М. А.— 224
 Савинков Б. В.— 73
 Салтыков-Щедрин М. Е.— 250
 Саммер И. А.— 59
 Сафронов — 315
 Свердлов Я. М.— 9, 117, 315
 Свицерский А. И.— 169, 177, 202, 203,
 204, 209, 222
 Седова Н. И.— 146
 Семашко Н. А.— 109, 130, 219, 245, 252,
 253, 260
 Семковский С. (Бронштейн С. Ю.) — 215
 Сергеев Ф. А. (Артем) — 78, 80
 Сerratи (Serrati) Джачинто Менотти —
 87
 Скворцов-Степанов И. И.— 80, 281, 282
 Скороспехов — 67
 Смирнов В. М.— 162
 Смирнов И. Н.— 151, 162
 Смирнова Т. П.— 248
 Смольянинов В. А.— 46
 Смушкова М. А.— 112
 Сокольников (Бриллиант) Г. Я.— 160,
 162, 173, 183, 184
 Сократ — 270
 Солец А. А.— 210
 Основский Л. С.— 151
 Софокл (Sophokles) — 261
 Сталин (Джугашвили) И. В.— 60, 72, 80,
 147, 149, 150, 152, 153, 154—155, 156—
 157, 158, 160—161, 169, 170, 174, 177,
 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185,
 186, 188, 190—191, 192, 196, 197, 198,
 199, 202, 203, 210, 211, 227, 229, 230,
 231, 232, 234, 235, 236, 237, 238, 239,
 240, 241, 242, 307, 308, 310, 311
 Старик — см. Ленин В. И.
 Стеклов Ю. М.— 222
 Стомоняков Б. С.— 172, 173, 175
 Струмилин (Струмилло-Петрашкевич)
 С. Г.— 168
 Суханов Н. (Гиммер Н. Н.) — 6, 188,
 192, 200, 211, 215
 Сухаревский — 316
 Сысоева Саня — 134

Т

Тимирязев К. А.— 21, 38
 Титлинов Б. В.— 199
 Толстой Л. Н.— 25

Томский (Ефремов) М. П.— 176
 Троцкий (Бронштейн) Л. Д.— 26, 59, 76,
 78, 80, 81, 83, 84, 89, 146, 152, 153—154,
 155, 160, 161, 162, 163—164, 176, 190,
 191, 223—224, 230, 232, 238, 240, 312
 Туган-Барановский М. И.— 226

У

Угланов Н. А.— 69, 70, 71, 72, 73
 Ульянов — 361
 Ульянов В. Д.— 133
 Ульянов Д. И.— 48, 49
 Ульянов И. Н.— 296, 303
 Ульянова М. А.— 296, 303
 Ульянова М. И.— 38, 61, 65, 68, 70, 100,
 118, 119, 120, 124, 128—129, 130, 131,
 133, 138, 142, 143, 144, 166, 180, 181,
 186, 187, 189, 190, 193, 200, 201, 209,
 210, 212, 213, 216, 228, 245, 247, 248,
 249, 250, 257, 259, 260, 261, 262, 263,
 264, 265, 266, 268, 271, 281, 283, 284,
 285, 286, 287, 291, 299, 310, 361
 Ульянова О. Д.— 266
 Ульянова-Елизарова А. И.— 133, 138,
 281, 361
 Ульяновы (семья) — 101, 134, 248
 Урицкий М. С.— 147
 Уркарт (Urguhart) Лесли — 166
 Уханов К. В.— 43, 45
 Ушаков — 322, 323

Ф

Фалькнер С. А.— 209, 215
 Федосеев Н. Е.— 169
 Ферстер (Förster) Отфрид Р.— 104, 106
 130, 166, 182, 186, 205, 209, 234, 245
 252, 258, 259, 261, 262, 265, 272, 287—
 288, 294
 Форд (Ford) Генри — 120
 Фотиева Л. А.— 52, 104, 105, 154, 155,
 216, 218, 229, 246
 Фофанова Г. В.— 256
 Фрумкин М. И. (Германов Л.) — 162,
 168, 171, 173, 174, 175, 178, 179, 180

Х

Хабаров И. Н.— 116
 Хинчук Л. М.— 52
 Хлопьянкин М. И.— 201
 Ходоров А. Е.— 215
 Ходоровский И. И.— 10, 167—168, 198
 Холодова П. А.— 213

Ц

Церетели И. Г.— 66
Цеткин (Zetkin) Клара — 147, 340
Цинцадзе К. М.—196
Цыперович Г. В.— 215
Цюрупа А. Д.— 118, 150, 151, 165, 169,
171, 173, 175, 176, 177, 180, 202, 203,
204, 205, 207, 209, 222

Ч

Чичерин Г. В.— 110, 145, 146, 171
Чубарь В. Я.— 71
Чхеидзе Н. С.— 66, 88

Ш

Швейцер В. Л.— 48
Шкирятов — 358
Шкловский Г. Л.— 80, 238—239
Шляпников А. Г.— 60, 71, 81
Шмидель — 121
Шмидт В. В.— 71
Шор — 361

Шоу (Shaw) Джордж Бернард — 148
Шохов Я.— 70
Штейнмец (Steinmetz) Чарлз Протеус —
170
Штрассер (Strasser) Иосиф — 9

Э

Эберлейн (Eberlein) Гуго — 107
Энгельс (Engels) Фридрих — 10, 12, 166

Ю

Юденич Н. Н.— 47, 76
Юон — 361

Я

Ягода Г. Г.— 219
Яковлева В. Н.— 78, 83, 84
Ярославский Е. М. (Губельман М. И.) —
149—150, 163, 175, 179, 180, 182

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
В. В. АДОРАТСКИЙ. За восемнадцать лет. (Встречи с Владимиром Ильичем)	9
А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ. Ленин как ученый и публицист	12
Г. В. ЧИЧЕРИН. Молодежь должна учиться у Ленина	28
Д. И. КУРСКИЙ. Как работал тов. Ленин (Наброски)	31
А. А. ЛЕВИЦКИЙ. На X съезде партии	33
Н. П. ГОРБУНОВ. Ленин и научно-техническая работа	36
В. ФАРОБИН. В. И. Ульянов-Ленин и улучшение госаппарата	40
Г. А. МОРГУНОВ. В. И. Ленин на заводе «Динамо»	43
А. Л. ВАЙНШТЕЙН. Две встречи с В. И. Лениным	47
Л. ВИЛЮМСОН. На важные вопросы Ленин реагировал немедленно	52
Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ. Встреча в совхозе «Ледово»	—
А. И. ЕМШАНОВ. Уральцы о Владимире Ильиче. Транспорт и Ленин	55
А. Д. ОЧКИН. Отечественная забота об интеллигенции	57
А. Г. ШЛИХТЕР. Готова ли смена?	58
С. А. АГАМАЛИ ОГЛЫ. У В. И. Ленина	60
Н. А. УГЛАНОВ. О Владимире Ильиче Ленине (в период 1917—1922 гг.)	65
Т. Ф. ЛЮДВИНСКАЯ. Из истории борьбы за единство партии в 1920—1921 гг. ...	74
А. ЛОЗОВСКИЙ. Из воспоминаний о В. И. Ленине	85
И. А. АРМАНД. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине	99
Е. А. НЕЧКИНА. Он был простой и скромный	108
А. Д. МЕТЕЛЕВ. Тов. Ленин в Кремле	110
И. Н. ХАБАРОВ. Самый человечный человек	116
В. Г. СОРИН. Большой дом	120
А. В. БЕЛЬМАС. Воспоминания о В. И. Ленине	126
С. Н. АЛИКИН. Вечно живой	132
А. Я. АРОСЕВ. Ну, что, как Ильич?	135
Е. И. СМЕРНОВА. У тов. Ленина во время болезни	141
В. ЯКОВЛЕВ. В. И. Ленин и киносьемки	143
Л. Д. ТРОЦКИЙ. Болезнь Ленина	145
Е. М. ЯРОСЛАВСКИЙ. Из личных записей о последней встрече с В. И. Лениным 24 и 27 декабря 1924 г.	159
Л. А. ФОТИЕВА. Из воспоминаний о В. И. Ленине (Декабрь 1922 г.— март 1923 г.)	164
М. И. ГЛЯССЕР. О последних днях работы Владимира Ильича	214
М. А. ВОЛОДИЧЕВА. Отрывки из воспоминаний	216
Ф. А. ГЕТЬЕ. Самый великий и самый скромный	217
Н. ВАЛЕНТИНОВ (ВОЛЬСКИЙ). Из книги «Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина»	220

М. И. УЛЬЯНОВА. В президиум Объединенного пленума ЦК и ЦКК. Об отношении В. И. Ленина к И. В. Сталину	235
Т. М. БЕЛЯКОВА. Память сердца	245
Б. С. ВЕЙСБРОД. Больной Ленин	251
Л. Г. ЛЕВИН. Из моих воспоминаний о В. И. Ленине	252
Е. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ. Из письма Е. А. Преображенского Н. И. Бухарину. 29 июля 1923 г.	261
П. А. ХОЛОДОВА. Ильич и глуховцы	262
М. М. ПЕТРАШЕВА. У постели больного Ильича	263
А. М. КОЖЕВНИКОВ. Ленин как пациент	268
М. И. АВЕРБАХ. Воспоминания о В. И. Ленине	269
Н. Н. ПРИОРОВ. Незабываемое	278
И. А. ПЯТНИЦКИЙ. У Ильича во время его болезни	281
В. А. РУКАВИШНИКОВ. Последний год Ильича. Из записок фельдшера	283
В. П. ОСИПОВ. Болезнь и смерть Владимира Ильича Ульянова-Ленина (По личным воспоминаниям)	288
Н. А. СЕМАШКО. Что дало вскрытие тела Владимира Ильича	300
Н. Ф. МЕЛЬНИКОВ-РАЗВЕДЕНКОВ. О механизме происхождения анатомических изменений мозга В. И. Ленина	302
В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ. Смерть и похороны Владимира Ильича (По личным воспоминаниям)	307
Траурное заседание II съезда Советов Союза ССР	
Речь тов. КАЛИНИНА	329
Речь тов. ЗИНОВЬЕВА	331
Речь тов. СТАЛИНА	335
Речь тов. БУХАРИНА	337
Речь тов. КЛАРЫ ЦЕТКИН	340
Речь тов. ТОМСКОГО	342
Речь тов. ША-АБДУРАСУЛЕВА (от народов Туркестана)	343
Речь тов. КРАЮШКИНА (от беспартийных крестьян)	344
Речь тов. СЕРГЕЕВА (от завода «Красный путиловец»)	345
Речь тов. НАРИМАНОВА (Председатель ЦИКа Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики и Председатель ЦИКа СССР)	346
Речь тов. ЗВЕРЕВОЙ (от Трехгорной мануфактуры)	347
Речь тов. Л. КАМЕНЕВА	—
Речь академика ОЛЬДЕНБУРГА (от имени Центрального совета секции научных работников)	349
Речь тов. ВОРОШИЛОВА (от Красной Армии и Красного Флота)	350
Речь тов. СМОРОДИНА (от Коммунистического Союза Молодежи)	351
Речь тов. РЫКОВА	352
А. А. ИОФФЕ. В венок Ленину	354
А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ. Из неизданных воспоминаний о В. И. Ленине	357
Л. С. СОСНОВСКИЙ. Ильич—Ленин	362
Краткие биографические сведения об авторах воспоминаний	366
Указатель имен	377

На 1-й стороне суперобложки:
«Двадцатый век. 1967»
С картины художника *М. Божий*

На 4-й стороне суперобложки:
«В минуту отдыха»
С картины художника *П. Белоусова*

На шмуцтитулах рисунки художника *Н. Жукова*

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ

В 10 томах

Т. 8

Заведующий редакцией *В. М. Подугольников*
Редактор *З. У. Устенова*
Младший редактор *Н. С. Коблякова*
Художник *А. Л. Чириков*
Художественный редактор *А. Я. Гладышев*
Технический редактор *Т. Н. Иванова*

ИБ № 8352

Сдано в набор 26.07.90. Подписано в печать 22.01.91. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,50. Уч.-изд. л. 27,63. Тираж 130 000 экз. Заказ № 3908. Цена 1 р. 50 к., в суперобложке 1 р. 70 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Издательство «Горьковская правда», Н. Новгород, ГСП-123, ул. Фигнер, 32.

Scan: Ershov V. G., 2007

